

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертации на соискание
ученой степени

2

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в рамках социологических подходов исследования	6
Смирнова И.А. Субъективное восприятие возраста как маркер социальных изменений	12
Туркова В.Н. Социально-философский дискурс коррупции в спорте	18
Хохлова О.М. Феномен протестной активности личности в условиях многополярного мира	23

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баев П.А. Образы патриотизма: проявления в молодёжной среде	29
Захарова А.В. Морально-психологический климат как детерминанта формирования мотивационной активности студентов к занятию физкультурой в вузе	36
Маслодудова Н.В. Жизненный успех в представлениях россиян	42
Медведев А.В., Шаруха А.В., Медведев Р.А. Непрерывное обучение как новая социальная норма: социологический анализ образовательных установок россиян	47

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Жуков А.О. Социальный капитал общеобразовательной школы как результат новых практик	53
Журавлева И.А. Реализация государственной политики в сфере общего образования на муниципальном уровне в современной России	60
Кокорева М.Е. Социализация волонтерского движения: путь к профессионализации и устойчивое развитие в социальной сфере	67
Кравченко А.И. Дорожные пробки	71
Пирвердиева Э.А. Социализация молодежи в условиях цифровой реальности	76

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Гильдингерш М.Г., Попозова О.А. Культурный код как фактор формирования лояльности к брендам у современной молодежи: социологический анализ на основе кейс-стади	82
Калмыков Н.Н. Социальные архитектуры как проектируемые многомерные среды: теоретическое ядро и управленческая операционализация	88
Поляков Д.А., Рябцев М.В., Ходаковский М.Д., Киселёва О.Н., Кантышева И.Г. Обучение нейромодели: оптимизация процессов ввода, подготовки и обработки данных для создания датасета ..	95
Кох И.А., Матросов А.А. Региональные стратегии цифровизации среднего профессионального образования	100
Манилова В.О. Факторы, влияющие на мотивацию в профессиональной деятельности преподавателя среднего профессионального образования	106

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредитель: Российская социологическая ассоциация

Издатель: ООО «Издательство «КНОРУС»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:

ПИ № 77-17521 от 24.02.2004.

Подписной индекс Роспечати: 46701

ISSN 1812-9226

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2, «Издательство «КноРус»

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Кравченко Альберт Иванович** (доктор социологических наук, профессор)
Барков Сергей Александрович (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); **Желтов Виктор Васильевич** (доктор философских наук, профессор, Сибирский институт социально-политических исследований); **Мамедов Агамали Кулам-Оглы** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова); **Сипласте Галина Георгиевна** (доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ); **Багдасарян Надежда Гегамовна** (доктор философских наук, профессор, МГТУ имени Н.Э. Баумана); **Рахманов Азат Борисович** (доктор философских наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); **Грабельных Татьяна Ивановна** (доктор социологических наук, профессор, Иркутский государственный университет); **Добрынькова Екатерина Владимировна** (доктор социологических наук, профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова); **Бурмыкина Ирина Викторовна** (доктор социологических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет); **Маршак Аркадий Львович** (доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН); **Осипов Александр Михайлович** (доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого); **Афонин Юрий Алексеевич** (доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет).

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсutowич (доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН, Казахстанское отделение международной научной школы устойчивого развития им. П.Г. Кузнецова) **Вукичевич Слободан** (профессор, факультет философии, Университет Черногории) **Кропп Фредрик** (декан факультета Монтеррейского университета (США)) **Митрович Любоша** (профессор, факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия)) **Титаренко Лариса Григорьевна** (доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь) **Фарро Антонио Луиджи** (профессор, доктор социологии, Римский университет Сapienza) **Чжан Шуухуа** (доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом») **Соколова Галина Николаевна** (доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск)).

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич (академик РАН, доктор философских наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова) **Скворцов Николай Генрихович** (доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ) **Осипова Надежда Геннадьевна** (доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) **Иванов Вилан Николаевич** (член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН) **Хунагов Рашид Думаличевич** (доктор социологических наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН) **Волков Юрий Григорьевич** (доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета) **Ивченко Сергей Григорьевич** (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тел.: +7(495) 741-46-28

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.03.2026 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Нагайник А.А. Концепции «общества потребления» в современной социальной теории	113
Пивоварова М.Б. Российские университеты как платформы управления научной деятельностью	119
Пономарева В.А. Симулякры здоровья в массовом сознании: социологический анализ рынка биологически активных добавок	126
Соколова А.Г., Германович Т.В., Конькова А.А. Применение качественного метода проблемно-ориентированного интервью в педагогических исследованиях	134
Харсеева А.В. Социальные технологии формирования протестной активности: анализ специфики реализации протестной активности в г. Москве (на основе метода глубинного интервью)	140

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Данилов В.Л. Социокультурные маркеры гражданской идентичности в современном российском обществе	145
Чэнь Сяосюй. Институционализация межкультурных взаимодействий в российско-китайском приграничье: анализ дискурсивных рамок и символических асимметрий	150

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Афанасенко Я.А., Чернова Т.Г. Смерть как экзистенциал в условиях современного капитализма	156
Бусов С.В. Смысл жизни и смысл мировой истории: социально-синергетический анализ	164
Коротков Н.А. Какая философия естествознания нам нужна?	170
Лукьяненко А.А. Проблемы и перспективы исчисления метафоры	177
Моисеев Д.В. Влияние постгуманистических тенденций на формы и развитие театрального искусства в России и за рубежом	182
Хмелевской Д.О. Единое как первопринцип: апофатика и онтология эманации у Плотина	187

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Ларионов И.Ю., Мусс А.И. Модель человека в когнитивной науке и ее философско-антропологические следствия	191
Лю Цуйюй. Сравнительный анализ практики дзэн и исихазма	198

Пискарев П.М. Нейроарт: онтология, эволюционная парадигма и современные формы институционализации	203
Слюнкин А.А. Богослужение в Русской Православной Церкви в середине XVII века: взгляд священнослужителя из Антиохии	211

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Абдулова Л.М., Беляева А.М. Здоровье как общественная ценность: социальные и этические философские аспекты	217
Быстрицкий Г.В. Взаимодействие социологии, политики и эстетики как одна из идейных основ эпического театра Б. Брета	223
Ершова Н.М. Философские исследования искусственного интеллекта в России: история, направления, проблематика	229
Елдин М.А., Шишов А.В., Изергина В.П., Шегулова М.А. Традиции имперскости российского социума и духовные вызовы современности: социально-философский аспект	235
Коготыжева А.К., Хубиев Б.Б. Миссии проектного мышления в формировании социальной активности региональной молодежи (социально-философский концепт)	243
Лозинский Н.Н. Евразийская интеграция в контексте социально-философской рефлексии	248
Сиушкин А.Е. Концепции власти и государства в политической философии XVI–XVII вв.	254
Суховская Д.Н. Постмодернистский город как открытая система смыслопроизводства	262

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Доржиева И.Ц., Бальжинимаева Е.П. Добровольческая деятельность как форма проявления гражданской активности населения (на материалах Республики Бурятия)	268
Ваккосов С.Г. Прозрачность, автономность и ответственность: вызовы доверия и надёжности в устойчивом ИИ	274
Дилбарян И.Р. Лидерами не рождаются, ими становятся: социологический анализ формирования лидерских качеств	281
Чеснокова Л.В. «Sharenting» – практики самопрезентации семьи в социальных сетях	285
Чжан Ли, Ли Ин. Механизм повышения эффективности высококачественных домашних заданий и пути его реализации	290

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Ardashev R.G., Adilov A.N.</i> Social security within the framework of sociological research approaches.....	6
<i>Smirnova I.A.</i> Subjective age perception as a marker of social change.....	12
<i>Turkova V.N.</i> Socio-philosophical discourse of corruption in sports.....	18
<i>Khokhlova O.M.</i> Multipolarity as a structural change in the modern world.....	23

EMPIRICAL STUDIES

<i>Baev P.A.</i> Images of patriotism: manifestations among youth.....	29
<i>Zakharova A.V.</i> The moral and psychological climate as a determinant of the formation of students' motivational activity for physical education at the university.....	36
<i>Maslodudova N.V.</i> Success in life as perceived by Russians.....	42
<i>Medvedev A.V., Sharukha A.V., Medvedev R.A.</i> Lifelong learning as a new social norm: a sociological analysis of educational attitudes of Russians.....	47

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

<i>Zhukov A.O.</i> Social capital of secondary schools as a result of new practices.....	53
<i>Zhuravleva I.A.</i> Implementation of state policy in general education at the municipal level in modern Russia ...	60
<i>Kokoreva M.E.</i> Socialization of the volunteer movement: the path to professionalization and sustainable development in the social sphere.....	67
<i>Kravchenko A.I.</i> Traffic jams.....	71
<i>Pirverdieva E.A.</i> Socialization of youth in the digital reality ...	76

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Marina G.G., Popazova O.A.</i> Cultural code as a factor in the formation of brand loyalty among today's youth: a sociological analysis based on case studies.....	82
<i>Kalmykov N.N.</i> Social architectures as designed multidimensional environments: theoretical core and managerial operationalization.....	88
<i>Poliakov D.A., Ryabtsev M.V., Khodakovskiy M.D., Kiseleva O.N., Kantysheva I.G.</i> Neural model training: optimizing data input, preparation, and processing workflows for dataset creation.....	95
<i>Koh I.A., Matrosov A.A.</i> Regional strategies for the digitalization of secondary vocational education.....	100
<i>Manilova V.O.</i> Factors influencing motivation in the professional activity of a teacher of secondary vocational education.....	106

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: Russian Sociological Association

Publisher: Knorus Publishing House LLC

The publication is registered by Roskomnadzor, registration number:

PI No. 7717521 dated February 24, 2004.

ISSN 18129226

Rospechat subscription index: 46701

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, Kedrova St., 14, Bldg. 2, KnoRus Publishing House

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-chief: **Albert Ivanovich Kravchenko** (Doctor of Sociological Sciences, Professor)

Barkov Sergei Aleksandrovich (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Zheltoy Viktor Vasilyevich** (Doctor of Philosophy, Professor, Siberian Institute of Socio-Political Research); **Mamedov Agamali Kulam-Ogly** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Sillaste Galina Georgievna** (Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation); **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna** (Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University); **Rakhmanov Azat Borisovich** (Doctor of Philosophy, Associate Professor, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Grabelnykh Tatyana Ivanovna** (Doctor of Sociology, Professor, Irkutsk State University); **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Burmykina Irina Viktorovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lipetsk State Pedagogical University); **Marshak Arkady Lvovich** (Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences); **Osipov Aleksandr Mikhailovich** (Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Fellow, Research Center, Yaroslavl the Wise Novgorod State University); **Afonin Yuri Alekseevich** (Doctor of Economics, Professor, Samara State University of Economics).

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhmutovich (Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Kazakhstan branch of the International Scientific School of Sustainable Development named after P.G. Kuznetsov); **Vukicevic Slobodan** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro); **Kropp Fredrik** (Dean of the Faculty of the University of Monterrey (USA)); **Mitrovic Ljubiša** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia)); **Titarenko Larisa Grigoryevna** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus); **Farro Antimo Luigi** (Professor, Doctor of Sociology, Sapienza University of Rome); **Zhang Shuhua** (Doctor of Political Science, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Social Sciences Abroad»); **Sokolova Galina Nikolaevna** (Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)).

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilyevich (Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University); **Osipova Nadezhda Gennadyevna** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Ivanov Vilen Nikolaevich** (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Socio-Political Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences); **Khunagov Rashid Dumalichevich** (Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences); **Volkov Yuri Grigorievich** (Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University); **Ivchenkov Sergey Grigorievich** (Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Youth Sociology Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky).

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house: Ruscience LLC, 117218, Moscow, st. Kedrova, 14, bldg. 2
Tel.: +7(495) 741-46-28

Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 03/15/2026 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

<i>Nagaynik A.A.</i> Concepts of «consumer society» in modern social theory	113
<i>Pivovarova M.B.</i> Russian universities as platforms for the governance of scientific research	119
<i>Ponomareva V.A.</i> Simulacra of health in the public consciousness: a sociological analysis of the dietary supplement market	126
<i>Sokolova A.G., Germanovich T.V., Konkova A.A.</i> Application of problem-centered interview as a qualitative research method in pedagogical studies.....	134
<i>Kharseeva A.V.</i> Social technologies of protest mobilization: an analysis of the specifics of protest activity in moscow (based on the in-depth interview method)	140

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Danilov V.L.</i> Sociocultural markers of civil identity in contemporary Russian society.....	145
<i>Chen Xiaoxu.</i> Institutionalization of intercultural interactions in the Russian-Chinese borderland: analysis of discursive frameworks and symbolic asymmetries	150

ONTOLOGY, THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Afanasenko Ya.A., Chernova T.G.</i> Death as existential in the conditions of modern capitalism.....	156
<i>Busov S.V.</i> Meaning of life and meaning of world history: social-synergistic analysis	164
<i>Korotkov N.A.</i> What philosophy of natural do we need?.....	170
<i>Lukyanenko A.A.</i> Problems and prospects of digitalization of metaphor	177
<i>Moiseev D.V.</i> The influence of posthumanist trends on the forms and development of theatrical arts in Russia and abroad	182
<i>Khmelevskoy D.O.</i> The one as the first principle: apophatics and ontology of emanation in Plotinus	187

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Larionov I.Yu., Muss A.I.</i> The model of human being in cognitive science and its philosophical and anthropological consequences	191
<i>Liu Cuiyu.</i> A comparative analysis of Zen practice and hesychasm.....	198

<i>Piskarev P.M.</i> Neuroart: ontology, evolutionary paradigm, and contemporary forms of institutionalization.....	203
<i>Slyunkin A.A.</i> Liturgy in the Russian Orthodox Church in the Mid-17th Century: the view of a clergyman from Antioch	211

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Abdulova L.M., Beliaeva A.M.</i> Health as a social value: social and ethical aspects	217
<i>Bystritsky G.V.</i> The interaction of sociology, politics, and aesthetics as one of the ideological foundations of Bertolt Brecht's epic theater.....	223
<i>Ershova N.M.</i> Philosophical research of artificial intelligence in Russia: history, directions, and problems.....	229
<i>Eldin M.A., Shirshov A.V., Izergina V.P., Shegulova M.A.</i> Traditions of imperality in Russian society and spiritual challenges of modernity: social and philosophical aspect	235
<i>Kogotyzheva A.K., Khubiev B.B.</i> Missions of project thinking in forming social activity of regional youth (social and philosophical concept)	243
<i>Lozinskiy N.N.</i> Eurasian integration in the context of socio-philosophical reflection	248
<i>Siushkin A.E.</i> Concepts of power and the state in political philosophy of the XVI–XVII centuries.....	254
<i>Sukhovskaya D.N.</i> The Postmodern city as an open system of semantic production.....	262

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Dorzhieva I.T., Balzhinimaeva E.P.</i> Volunteerism as a form of civic engagement (based on the materials of the Republic of Buryatia)	268
<i>Vakkosov S.G.</i> Transparency, Autonomy, and Responsibility: Challenges of Trust and Trustworthiness in Sustainable Artificial Intelligence	274
<i>Dilbaryan I.R.</i> Leaders are not born, they are made: a sociological analysis of the development of leadership qualities	281
<i>Chesnokova L.V.</i> «Sharenting» – practices of family self-presentation on social media	285
<i>Zhang Li, Li Ying.</i> Mechanism for Enhancing the Effectiveness of High-Quality Homework and Its Implementation Pathways.....	290

Социальная безопасность в рамках социологических подходов исследования

Ардашев Роман Георгиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Адилов Айбек Насырович,

доктор юридических наук, профессор, начальник отдела организации научной работы Академии МВД Кыргызской Республики им. Э.А. Алиева
E-mail: ibek2000@mail.ru

В статье рассматриваются особенности обеспечения социальной безопасности с позиции социологических подходов анализа социальных рисков и вопросов социальной безопасности. В ходе экспертного опроса методом полустандартизированного интервью экспертов в разных сферах по вопросам социальной безопасности ($n = 18$), мы смогли выделить три индикатора социальной безопасности (уровень тревожности, уровень личного опыта, уровень ответственности), и два уровня ответственности обеспечения социальной безопасности (ответственность органов власти и соответствующих служб, обеспечивающих безопасность граждан на территории страны и ответственность мировоззренчески-духовная (ответственность за морально-этическое развитие перед собой, предками и потомками). Экспертные оценки позволили обозначить современные практические особенности развития механизмов социальной безопасности с позиции социального знания.

Ключевые слова: социальная безопасность, социологический подход, классические теории, современные теории, индикаторы безопасности, условия безопасности.

Современные трансформации общественного уклада все чаще требуют внимания к проблеме социальной безопасности общества и безопасности человека в частности. На теоретическом и практическом уровне, ставятся вопросы о смещении фокуса внимания с проблем вообще на предотвращение угроз в повседневной жизни, обеспечением личной и социальной безопасности как условия дальнейшего развития общества.

Потребность в социальной безопасности – это базовое условие выживания людей, государство, своим существованием берет на себя обязанность обеспечения безопасности своих граждан. Если угроз больше, чем может обеспечить государство, то социальная структура рушится под влиянием революций или реформ.

Развитие гражданского общества стало толчком к более открытому обсуждению условий, механизмов и рисков обеспечения социальной безопасности общества. С развитием научно-технического прогресса, социальных угроз становится больше (от военных действий до техногенных и экологических катастроф; от социально-экономического давления до массовой культуры; от идеологического конструирования до морально-нравственного разложения и проч.).

Современное социально-гуманитарное знание изучает вопросы социальной безопасности под разными углами: социальная безопасность, философия безопасности, обеспечение национальной безопасности, военная безопасность, информационная безопасность, экономическая безопасность, безопасность образования, религиозная безопасность, духовная безопасность, психологическая безопасность, политическая безопасность, криминальная безопасность, экологическая безопасность, техногенная безопасность и т.д. В связи с этим рассматриваются риски безопасности, проблемы, профилактика, прогнозы безопасности, моделирование и прогнозирование безопасности и проч. На рисунке 1 представлено проблемное поле облака слов, связанных с социальной безопасностью в социально-гуманитарном дискурсе за последние 35 лет.

Социальная безопасность состоит из защищенности от внешних и внутренних угроз жизни, возможностей и интересов личности, общества и государства. Угрозами социальной безопасности могут служить политические силы и экономические кризисы, военные конфликты и техниче-

ские ограничения, эпидемиологические условия и экологические особенности, природные катастрофы и техногенные трансформации, правовые нормы или их отсутствие и многое другое.

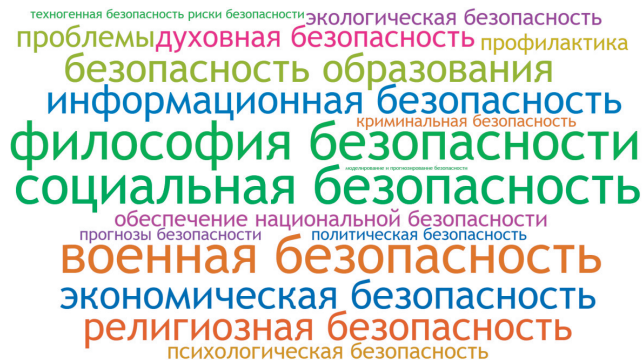

Рис. 1. Облако слов социальной безопасности в социально-гуманитарном знании

Социальная безопасность — это стабильность социальной системы. Также социальная безопасность опирается на социальные, моральные, правовые и иные устоявшиеся в обществе нормы, определяющие рамки приемлемого и допустимого.

Социальная безопасность определяется защищенностью:

- духовных ориентиров, моральных норм и ценностей;
- социальных устоев и преемственности поколений;
- возможностями развития человеческого капитала;
- социальной стабильности и нормативности развития социума, без революционных потрясений;
- условиями развития социальной инфраструктуры и комфорта жизни;
- безопасного нахождения на определенной территории, в разных сообществах, в разных статусах и проч.

Эти процессы касаются как личности, так и социальных институтов. Но в условиях социальных трансформаций, усиливаются социальные риски, которые приводят к утрате социальной безопасности. В рамках социологических подходов, анализируются два направления исследования общественного прогресса: социальный эволюционизм (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Р. Арон и проч.) и революционизм (К. Маркс, Ю. Хабермас, Э. Фромм, Г. Маркузе и т.д.).

Указанные авторы, выделяли разнообразные условия обеспечения социальной стабильности и безопасности в период социальных катаклизмов: интеграция и дифференциация (Г. Спенсер), солидарность (Э. Дюркгейм); новые условия экономического производства и изменения хозяйственной жизни (К. Маркс); социокультурные, экономические, политические и другие диффузии,

которые возникают в одной системе, но соприкасаясь с другой — начинают свое распространение (П. Сорокин, Т. Парсонс); социализация как инструмент адаптации к усложняющейся жизни (Р. Белла); естественная смена культурных кодов и социокультурных фармаций в целом (П. Сорокин, О. Шпенглер); условием развития общества выступает социальное равновесие, которые позволяет стабилизировать общественный прогресс и обеспечить ему безопасность (Т. Парсонс).

Общество никогда не бывает стабильно, всегда ведется борьба между стабильностью и развитием, выравниваем и стратификацией. Первые ориентированы на стабильность и постоянство работы, вторые — на импульсивные действия, стихийные решения, неожиданные повороты.

Отдельным направлением выделяются теории «общества риска» (У. Бек, Э. Гидденс, М. Дуглам, Н. Луман, Дж. Шорт, В.И. Зубок, В.Н. Кузнецов, А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова, О.Н. Яницкий и проч.).

В работах западных ученых доминируют идеи макросоциального конструирования социальных угроз и механизмов создания социальной безопасности. По мнению У. Бека, новые технологии — порождают новые риски, социокультурная среда как зеркало, отражает то, что происходит в остальных социальных институтах. В оценках Э. Гидденса, риск существенно вырос в условиях глобализации и модернизации социального развития. Это выражается в интенсивности негативных процессов в городских пространствах; увеличивается рост случайных событий, способных навсегда изменить жизнь миллионов людей. Н. Луман фиксирует существующие сегодня взаимозависимые естественные, социальные и технологические риски, которые обеспечивают угрозы и стабильность общественного развития.

Отечественные исследователи рассматривают более прикладные микросоциальные процессы формирования социальной безопасности. П.А. Бавев [10], О.А. Полюшкевич [11–15], В.А. Скуденков [16] указывают на необходимость фиксации, осмысления и защиты идеалов, ценностей и норм, определяющих особенности человека и той социальной среды, в которую он погружен. Основная задача государства — обеспечение стабильности данных норм. Р.Г. Ардашев, А.Н. Адилов, Н.В. Маслодудова [1–9] рассматривает потребность в защищенности от разных рисков и опасностей. Отсюда формирование условия обеспечения психологической безопасности общества в условиях социальных перемен. Т.В. Шипунова [17], О.Н. Яницкий [18], анализируют стабилизирующие общество факторы (общность языка и культуры, ментальных особенностей и т.д.), а также факторы, вносящие дестабилизацию (массовое общество и массовое потребление, разрушение ценностно-смысловых ориентиров, духовные трансформации и проч.).

В классических социологических теориях, социальная безопасность выступала обязанностью социальных институтов, а в более современных – это возможность и выбор всех участвующих акторов социального взаимодействия, которая начинается от условий и механизмов психологической безопасности и заканчивается социальными возможностями общественного мнения и функционирования отлаженных процессов социального взаимодействия.

Особенности исследования

Мы провели экспертный опрос (N = 18), в который вошли представители служб социальной безопасности органов власти, бизнеса, общественных организаций и СМИ в Сибирском федеральном и Дальневосточном федеральном округе, в возрасте от 30 до 65 лет, занимающиеся вопросами социальной безопасности от 5 до 30 лет, имеющие социальные подтверждения данной деятельности через публикации у себя на личных страницах в социальных сетях, а также на официальных сайтах и страницах в социальных сетях тех организаций или сообществ, к которым они принадлежат. В своей сфере они выступают авторитетами и экспертами самого широкого профиля.

Опрос проводился в виде нестандартизированного интервью, состоял из 12 открытых вопросов, посвященных социальной безопасности. Каждое интервью длилось 2–2,5 часа, записывалась на аудио-носители, потом транскрибировалось и кодировалось, после результаты обобщались.

Анализ результатов исследования

Безопасность личности не может рассматриваться отдельно от безопасности общества. Безопасность личности опирается на национальную безопасность и особенности социального развития. В оценках экспертов были указаны разные условия обеспечения социальной безопасности, которые пересекаются с существующими концепциями безопасности.

При этом, они смогли более точно выделить индикаторы социальной безопасности. Они говорили о таких индикаторах как:

- уровень тревожности (личной – за себя и близких; социальной – за общественное развитие, будущее в целом);
- уровень личного опыта (кто столкнулся с проблемами безопасности и тех, кто слышал о проблемах только со стороны или косвенно соприкоснулся (например, экономические санкции, специальная военная операция, пандемия COVID-19 и т.д.);
- уровень ответственности (на кого накладывается ответственность за обеспечение того или иного уровня безопасности: личная (я сам отве-

чаю за свою безопасность), чужая (кто-то должен прийти и заняться моей безопасностью).

Отдельно были выделены уровни ответственности: официальных органов и ментально-мировоззренческие ориентиры общественного развития:

- ответственность органов власти и соответствующих служб, обеспечивающих безопасность граждан на территории страны;
- ответственность мировоззренчески-духовная (ответственность за морально-этическое развитие перед собой, предками и потомками).

Уровень тревожности. Эксперты говорят о том, уровень личной тревожности растет в разы быстрее, чем уровень социальной тревожности. Причинами могут быть как усиливающийся индивидуализм, а порой и инфантилизм в оценках социального воспроизводства. Будущее все меньше оценивается как долгосрочная перспектива, все чаще люди мыслят категориями настоящего и в лучшем случае самого ближайшего будущего. Более чем на год-два в основной своей массе у населения нет планов. Тем более это нельзя сравнивать с планами пятилетки, десятилетий и веков, которые разрабатывались целыми институтами в советское время. Это позволяло моделировать новые векторы развития, опираясь на ожидания граждан. Сегодня – это, увы невозможно, так как люди мыслят более практичными и близкими по времени категориями.

Многие не знают, что будет дальше со страной, с обществом, как в таких условиях они могут планировать свое будущее. Скорее стоит продумывать – как выстроить систему адаптации к постоянно меняющимся условиям, а не план действий на десятилетия вперед. Это просто не осуществимо. (Т. А., руководитель отдела по безопасности в органах власти Иркутской области). *Беспокойство о будущем близких не позволяет видеть более глобальных проблем. Своя рубашка ближе к телу, но именно эта философия становится проблемой, когда граждане не хотят замечать более глобальные угрозы социальной безопасности, связанные с проблемами экологии, техногенного развития, террористического и экстремистского потенциала деструктивных радикальных организаций.* (С. В., советник по безопасности крупного промышленного предприятия Красноярского края).

Уровень личного опыта. Личная включенность в проблемные и рискованные ситуации, проблемные сферы социального взаимодействия не позволяет регулировать возможности личной и социальной ответственности рядовых граждан. Существующие в обществе установки, что БОЛЬШИЕ проблемы меня не касаются, так как я их не могу изменить – служат негативной основой для стратегий личной ответственности. Если за что-то отвечает кто-то другой, то и я снимаю с себя всю ответственность.

Многие ожидают помощи и решения любых вопросов от органов власти или их представителей на местах. Но мало кто задумается, что это тоже люди и им нужна поддержка в решении насущных вопросов. Социальный инфантилизм все более становится масштабным, и он снимает всю личную и социальную ответственность с жителей разных территорий и социальных групп. Это уничтожение самих себя, через неверие в собственные силы и возможности изменить ситуацию. (О. Г., эксперт по социальной безопасности при общественной палате Иркутской области). Если человек сам столкнулся с проблемой и смог ее преодолеть – он иначе смотрит на жизнь, иначе оценивает риски и возможности их минимизировать, а если его рассуждения только теоретические – то и многие нюансы оценок будут наполнены гипотетическим смыслом, социальными клише и общими категориями, которые соответствуют устоявшимся нормам поведения, но далеко не всегда смогут помочь решить проблему, изменить оценку общественного мнения и т.д. (Т. Ю., руководитель национально-культурного центра, Республика Бурятия).

Уровень личной ответственности. Это проявление воли и инициативы людей. Есть те, кто не ждут того, что кто-то будет решать их проблемы, а берут и делают. А есть и другие, кто ничего не делают, но требуют от других, чтобы они пришли и навели порядок, уменьшили риски, обеспечили безопасность. Первые сами создают правила и обеспечивают максимум возможностей для своей безопасности и безопасности тех, кто рядом. Вторые «ожидают чуда», действий со стороны других, они не хотят и не могут что-то менять в своей жизни.

Говоря о социальных перспективах и логике социального воспроизводства надо опираться на социальную ответственность, гражданскую осознанность и социальную инициативу граждан. Но этого достаточно часто не случается, так как люди уходят в детскую позицию – придите и наведите порядок, я сам не справлюсь. Это отсутствие воли и ответственности за свою жизнь и жизнь тех, кто находится рядом. (С. С., руководитель правозащитной некоммерческой организации в Хабаровском крае). Сложно работать с теми, кто не видит значимости и роли личной инициативы и ответственности за свою жизнь, кто ожидает от других решения и взятия ответственности за обеспечение безопасности, а сам не готов проявлять гражданскую ответственность и инициативу, осознанность и вовлеченность в публичную сферу того региона, где они живут. (Г. Д., руководитель экологической некоммерческой организации Красноярского края).

Ответственность органов власти и соответствующих служб, обеспечивающих безопасность граждан на территории страны – это то, что создает формальные условия безопасности, что прописаны в конституции любой страны.

Органы полиции, военные, МЧС-ники – это те, кто в силу своей профессии обеспечивают безопасность от внешних и внутренних угроз. Но далеко не всегда население уверено в эффективности их работы, так как криминальная хроника в СМИ и сети Интернет достаточно регулярно сообщает о преступлениях, совершаемых против личности, сообществ людей и общества в целом. И раз это не прекращается, то органы власти, отвечающие за это, не справляются. (Д. Ю., журналист независимого телевидения Сибири). В СМИ и сети Интернет часто поднимаются темы коррупции власти, профессиональной и морально-этической непригодности представителей правопорядка, это негативно сказывается на имидже органов власти в целом, что не снимает с них ответственности по обеспечению социальной безопасности общества, но не повышает уровень доверия среди населения. (Л. А., руководитель отдела по безопасности в органах власти Красноярского края).

Ответственность мировоззренчески-духовная (ответственность за морально-этическое развитие перед собой, предками и потомками). Это те ценности и нормы, что позволяют сохранить память о прошлом, строить планы на будущее и ценить настоящее в рамках духовного становления и сохранения национальных устоев.

Без веры в Бога, без веры в духовное возрождение наших сограждан – возродить духовность в стране будет сложно. Слишком велико тлетворное влияние западных норм, массовой культуры, оно переключает внимание молодежи с духовной целостности и чистоты, на ложные идеалы и идолы, обесценивание личности и социокультурного наследия общества. Без духовного возрождения общества – мы потеряем опору сакрального осмысления реальности. (О. О., руководитель религиозной организации в Новосибирске). Духовные ориентиры формируются не только в вере, но и в патриотизме граждан, готовности сохранить культурные корни и наследие, через служение. Для меня это военно-патриотическое служение; для кого-то другого экологическое, которое определяется в сохранении природы; для третьего социокультурное, которое строится в воспроизводстве национально-культурных основ общественного развития. И того вместе – мы можем сформировать новые возможности для сохранения, возрождения и развития мировоззренчески-духовных ориентиров развития. (С. Б., руководитель некоммерческой военно-патриотической казачьей организации Забайкальского края).

Таким образом, процессы социальной безопасности общества с позиции социологических теорий предоставляют модель фиксации ключевых аспектов, из которых состоит социальная безопасность личности или целого региона. На практике, индикаторы и условия минимизации социальных рисков и обеспечения социальной безопасности

строятся через социальное взаимодействие и готовность включаться в социальные процессы личной активности и инициативности и созданных социальных условий реализации безопасности. Нет четкого ответа – что только личность должна обеспечивать свою безопасность или только работа социальных институтов регулирует социальные риски и минимизирует угрозы безопасности. Это взаимодополняющий процесс, который наполняет новым содержанием и смыслом разнообразные социальные взаимодействия.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
2. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Роль правоохранительных органов в обеспечении социальной безопасности в контексте социокультурных факторов // I Восточно-Сибирский юридический форум. Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 341–345.
3. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в современном мире // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 21–27.
4. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
5. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
6. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
7. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность: возможности и угрозы адаптационной гибкости // Социология. 2026. № 1. С. 6–9.
8. Ардашев Р. Г., Маслодудова Н.В. Социокультурные основания обеспечения социальной безопасности правоохранительными органами Российской Федерации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 361–363.
9. Ардашев Р.Г. Идеология страха: анализ криминальных сообщений в СМИ и сети интернет за 2019–2022 гг. // Социология. 2023. № 6. С. 86–93.
10. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
11. Полюшкевич О.А. Патриотическое воспитание и социальная безопасность общества // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году защитника Отечества и 30-летию открытия специальности «Социальная работа» в Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2025. С. 259–262.
12. Полюшкевич О.А. Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 124–132. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132>
13. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.
14. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 159–163.
15. Полюшкевич О.А. Социальные риски мировоззренческой безопасности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 467–471.
16. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–84. <https://doi.org/10.20339/AM.2-18.082>
17. Шипунова Т.В. Социальная безопасность в человеческом измерении // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 2019. № 32(2), 73–80.
18. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. 12, № 1. С. 3–35.

SOCIAL SECURITY WITHIN THE FRAMEWORK OF SOCIOLOGICAL RESEARCH APPROACHES

Ardashev R.G., Adilov A.N.

Irkutsk State University, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after E.A. Aliyev

This article examines the specifics of ensuring social security from the perspective of sociological approaches to analyzing social risks and social security issues. Through an expert survey using a semi-standardized interview method with experts in various fields on social security issues (n = 18), we were able to identify three

indicators of social security (level of anxiety, level of personal experience, level of responsibility) and two levels of responsibility for ensuring social security (responsibility of government bodies and relevant services ensuring the safety of citizens within the country, and ideological and spiritual responsibility (responsibility for moral and ethical development to oneself, ancestors, and descendants). Expert assessments allowed us to identify contemporary practical features of the development of social security mechanisms from the perspective of social knowledge.

Keywords: social security, sociological approach, classical theories, modern theories, security indicators, security conditions.

References

1. Ardashev R.G. Social Security in the Minds of Siberians // *Sociology*. 2024. № 7. Pp. 59–64.
2. Ardashev R. G., Adilov A.N. The Role of Law Enforcement Agencies in Ensuring Social Security in the Context of Sociocultural Factors // *I East Siberian Legal Forum*. Collection of materials from the XXXX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 341–345.
3. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security in the Modern World // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects*. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. Pp. 21–27.
4. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social security in the context of nonlinear development // *Sociology*. 2025. № 8. Pp. 6–11.
5. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social security and social threats in the perceptions of young people // *Sociology*. 2025. № 1. Pp. 26–30.
6. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social security of public development // *Sociology*. 2025. № 7. Pp. 6–11.
7. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social security: opportunities and threats to adaptive flexibility // *Sociology*. 2026. № 1. Pp. 6–9.
8. Ardashev R. G., Maslodudova N.V. Sociocultural Foundations for Ensuring Social Security by Law Enforcement Agencies of the Russian Federation // *Activities of Law Enforcement Agencies in Modern Conditions*. Collection of Materials of the XXIX International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 361–363.
9. Ardashev R.G. Ideology of Fear: Analysis of Crime Reports in the Media and the Internet for 2019–2022 // *Sociology*. 2023. № 6. Pp. 86–93.
10. Baev P.A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // *Sociology*. 2024. № 11. Pp. 27–31.
11. Polyushkevich O.A. Patriotic education and social security of society // *Social security and social protection of the population in modern conditions*. Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the Year of Defender of the Fatherland and the 30th anniversary of the opening of the specialty «Social Work» in the Republic of Buryatia. Ulan-Ude, 2025. Pp. 259–262.
12. Polyushkevich O.A. Consequences of the pandemic: prosocial practices and community solidarity // *Humanitarian vector*. 2023. Vol. 18. № 2. Pp. 124–132. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132>
13. Polyushkevich O.A. Social security and social tension // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 28–31.
14. Polyushkevich, O.A. Social Security of Society in the Implementation of Prosocial Practices // *Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Editor-in-Chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 159–163.
15. Polyushkevich, O.A. Social Risks of Ideological Security // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects*. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 467–471.
16. Skudunkov, V.A. Economic Aspirations in the Structure of Patriotism of Student Youth // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2018. № 2. Pp. 82–84. <https://doi.org/10.20339/AM.2-18.082>
17. Shipunova T.V. Social Security in the Human Dimension // *Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, 2019. № 32(2), 73–80.
18. Yanitsky O.N. Sociology of Risk: Key Ideas // *Mir Rossii*. 2003. Vol. 12, № 1. Pp. 3–35.

Субъективное восприятие возраста как маркер социальных изменений

Смирнова Ирина Анатольевна,

старший преподаватель, Центр физической подготовки
и спорта Тюменского индустриального университета
E-mail: smirnovaia@tyuiu.ru

В статье изучается возможность использования субъективной оценки населением своего возраста как потенциального индикатора социальной усталости населения. В работе раскрываются характеристики и проявления социальной усталости как системного явления, затрагивающего различные сферы общественной жизни. Авторы предлагают гипотезу о том, что по аналогии с индивидуальной психологией, где самовосприятие возраста связано с уровнем усталости, в социуме этот показатель может выступать индикатором коллективного состояния. На основе анализа данных исследования ВЦИОМ демонстрируется значительная вариативность данных при анализе отдельных социальных групп, что затрудняет использование субъективного возраста как точного измерителя социальной усталости на мезоуровне. Однако при рассмотрении общей динамики по всей выборке выявляются устойчивые тенденции, свидетельствующие о системных изменениях в общественном самочувствии. Результаты исследования показывают, что хотя субъективный возраст не может служить надёжным индикатором усталости для характеристики отдельных социальных групп, он обладает значительным потенциалом для макроуровневого анализа социальных изменений.

Ключевые слова: субъективный возраст, хронологический возраст, социальная усталость, методология исследования, демографические группы, социальное самочувствие, коллективная идентичность, социальные изменения.

Актуальность

В современных социально-гуманитарных науках наблюдается нарастающая тенденция к исследованию феномена социальной усталости как комплексного явления, обуславливающего общественные изменения. Данный феномен приобретает характер системного кризиса, проникающего в разные сферы общественной жизни и модифицирующего устоявшиеся паттерны социального взаимодействия. Социальная усталость проявляется через ряд характерных индикаторов: снижение адаптационного потенциала, деформацию ценностных ориентиров, трансформацию поведенческих стратегий различных социальных групп.

Хроническая общественная усталость усиливает социальное неравенство, формируя две противоположные стратегии адаптации. Средний класс активно инвестирует в самооптимизацию: фитнес, коучинг и непрерывное саморазвитие. Для него это не просто практика, а стратегия поддержания продуктивности и продвижения к социальному статусу в «обществе достижений» (по Б.Ч. Хану) [9]. Такие инвестиции – в здоровье, навыки и ментальное благополучие – позволяют снижать риски выгорания и оставаться конкурентоспособным. Низший социальный слой, напротив, лишён ресурсов для активной самооптимизации. Его адаптация носит пассивный характер: выживание, социальная изоляция и минимизация усилий. Это ведёт к дальнейшей маргинализации и закреплению неравенства. Социально-экономические проблемы общества в виде инфляции, экономических кризисов, нестабильности рынка труда лишь усугубляют ситуацию. В итоге дифференциация социальных групп не только не сокращается, но и усиливается: привилегированные слои общества продолжают совершенствоваться, тогда как нижние слои всё более истощаются.

Социальная усталость выступает значимым деструктивным фактором для института семьи, системно подрывая его ключевые функции и трансформируя характер внутрисемейных отношений. На индивидуальном уровне хроническое утомление ведёт к эмоциональному выгоранию, проявляющемуся в апатии, раздражительности и нарушении качественной коммуникации. В супружеской паре это провоцирует психологические проблемы и снижает между супругами уровень доверия. В семьях с низкой адаптивностью к стрессовым нагрузкам эти процессы ускоряются, трансфор-

мируясь в устойчивые паттерны депрессивного реагирования и субъективного одиночества даже в присутствии партнёра. В результате блокируется генеративная функция семьи – способность к совместному планированию будущего. На системном уровне хроническая усталость ослабляет основные функции семьи: воспитательную, эмоциональную и экономическую. В макросоциальном измерении данные процессы способны усиливать рост разводимости и снижение рождаемости. Таким образом, социальная усталость действует как латентный дестабилизатор института семьи, постепенно разрушая его интегративные механизмы: доверие, интимность и способность к коллективной жизнеорганизации. В долгосрочной перспективе это ведёт к трансформации традиционных семейных отношений и переопределению самих оснований брачно-семейных связей в современном обществе.

Социальная усталость обладает значимым социально-политическим потенциалом, системно влияя на устойчивость общественных институтов и характер политического участия. На индивидуальном уровне она ведёт к редукции гражданской активности: дефицит психоэмоциональных ресурсов ограничивает вовлечённость в общественные практики – от местного самоуправления до протестных форм. Формируется установка бессилия («моё действие не изменит ситуацию»), подрывающая основы партисипаторной демократии [12]. На уровне социальных групп усталость провоцирует эрозию профессиональных солидарностей и локальных сетей взаимопомощи: люди концентрируются на индивидуальных проблемах, сокращая горизонтальные связи. В макросоциальном измерении это проявляется через ряд ключевых эффектов. Во-первых, снижается доверие к политическим институтам: уставшие граждане воспринимают власть как источник требований, а не поддержки, что усиливает абсентеизм и цинизм. Во-вторых, растёт запрос на модели управления, обещающие быструю стабилизацию без необходимости непосредственной вовлечённости людей в политические процессы. В-третьих, оппозиционные движения распадаются из-за нехватки потенциала для долгосрочной мобилизации. В долгосрочной перспективе эти процессы меняют политическую культуру в сторону пассивности и конформизма, снижая способность общества к самоорганизации и мобилизации.

Таким образом, социальная усталость – это многогранное явление, негативно влияющее на различные сферы общественной жизни и функционирование социальных институтов. Эффективное преодоление данного явления требует системного подхода, направленного на устранение непосредственных причин и структурных факторов, порождающих социальную усталость. Решающим здесь становится признание социальной усталости

сти не частным явлением, а масштабным общественным вызовом, требующим скоординированных действий всех социальных институтов. Только комплексный подход, объединяющий государственные стратегии, общественные инициативы и индивидуальные практики, способен минимизировать негативные последствия социальной усталости.

Для эффективного преодоления феномена социальной усталости первостепенное значение приобретает разработка надёжного способа её диагностики. Сегодня можно констатировать отсутствие универсального социологического инструмента для решения этой задачи. Одним из потенциальных направлений диагностической работы может стать исследование восприятия субъективного возраста респондентами. Существует доказанная взаимосвязь между ощущением возраста и уровнем психологического благополучия [5]. Полагаем, что такая корреляция может быть экстраполирована и на социальный уровень.

Методология и методы

С методологической точки зрения социальная усталость может рассматриваться с позиции концепции социального самочувствия. Само понятие «социальное самочувствие» вошло в отечественный социологический лексикон в 1980-х годах. Он не имеет единого автора основателя, однако его появление логично вписывается в традицию, заложенную Б.Д. Парыгиным: уже в 1966 году в монографии «Общественное настроение» учёный разработал концепцию «общественного настроения», где социальное самочувствие трактовалось как эмоционально оценочное отношение личности к окружающей реальности [2]. В последующие десятилетия понятие получило дальнейшее развитие. Особенно интенсивная проработка термина пришлась на 1980–1990-е годы. Заметный вклад в его осмысление внёс Ж.Т. Тощенко углубивший понимание эмоциональной составляющей. Учёный акцентировал внимание на том, как люди оценивают своё положение в обществе и воспринимают общественную ситуацию в целом [6].

В отечественной социологии накоплен значительный объём теоретических и эмпирических исследований, посвящённых анализу различных аспектов социального самочувствия [11]. Содержательная трактовка данного феномена при этом фокусируется на изучении жизненных стратегий индивидов и социальных групп, их адаптационного потенциала и протекающих адаптационных процессов. Также уделяется внимание уровню удовлетворённости разными сферами жизнедеятельности и эмоционально-оценочному отношению человека к значимым событиям [7].

Настоящее исследование базируется на методологии вторичного анализа данных, которая

предполагает работу с массивами информации, собранными различными исследовательскими организациями. Такой подход открывает широкие возможности для глубокого изучения социальных феноменов, поскольку позволяет использовать данные, собранные на обширных репрезентативных выборках [13]. Аналитический потенциал вторичных данных значительно превышает первоначальные исследовательские задачи. Многоаспектная обработка и интерпретация существующих данных с новых теоретических позиций открывает дополнительные возможности для социологического анализа.

В основу настоящего исследования положены результаты масштабного социологического мониторинга «Усталость и как с ней бороться», реализуемого Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Полевое исследование было проведено в октябре 2025 года в рамках общероссийского проекта «ВЦИОМ–Спутник». Методология сбора данных предусматривала проведение телефонных интервью с применением современной методики стратифицированной случайной выборки. Исследовательская выборка формировалась на базе полного реестра активных мобильных номеров, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Объём выборки составил 1600 респондентов старше 18 лет. Для обеспечения максимальной репрезентативности результатов исследования была проведена комплексная корректировка данных с учётом ключевых социально-демографических характеристик населения. Достоверность результатов подтверждается высоким качеством исследования: статистическая погрешность не превышает 2,5% при доверительном интервале 95%. Аналитическая работа проводилась на основе первичной базы данных и сопутствующего аналитического отчёта, размещённых на официальном портале ВЦИОМ [8].

Результаты

Самовосприятие населением своего возраста может выступать значимым индикатором социальной усталости, поскольку отражает субъективную оценку человеком собственных ресурсных возможностей в контексте социально-экономических и культурных условий жизни. Исследования показывают, что ощущение себя старше хронологического возраста коррелирует с повышенным уровнем стресса и тревожности, снижением самооценки и самоэффективности, а также меньшей удовлетворённостью жизнью [1]. Восприятие себя моложе реального возраста, напротив, зачастую связано с более высоким психологическим благополучием [5]. При этом ощущение преждевременного старения нередко становится следствием хронической перегрузки – как профессиональной, так и бытовой, – неопре-

делённости социально-экономического положения, дефицита ресурсов для восстановления (времени, финансов, доступа к услугам), а также размывания социальных ролей и смыслов [3].

На коллективном уровне массовое смещение субъективного возраста в сторону «старшего» диапазона указывает на накопление усталости в социальной группе, снижение адаптационного потенциала сообщества и утрату ощущения перспектив и возможностей для развития. Подобные искажения возрастного самовосприятия влекут за собой ряд функциональных последствий: сокращение горизонтальной мобильности (люди реже пробуют новое), снижение вовлечённости в социальные процессы, рост пассивных стратегий адаптации, таких как избегание или конформизм. Таким образом, динамика самовосприятия возраста представляет собой не просто психологический феномен, а социальный симптом, сигнализирующий о степени истощения коллективного ресурса; чем больше людей ощущают себя старше своего хронологического возраста, тем выше вероятность системного снижения жизненной активности общества, что делает показатель субъективного возраста ценным инструментом для диагностики социальной усталости на макроуровне.

В анализируемом нами исследовании самовосприятие россиянами возраста демонстрирует интересную возрастную динамику. В целом 29% населения относят себя к молодёжи, 43% считают себя людьми среднего возраста, 16% – старшего возраста, а 9% причисляют себя к пожилым людям. Принципиальным моментом здесь является динамика: по сравнению с 2012 годом произошло существенное увеличение доли россиян, относящих себя к старшим возрастным когортам (рис. 1).

Рис. 1. Динамика распределение населения по возрастному самовосприятию (%)

Гендерное распределение ответов на данный вопрос показывает, что мужчины значительно чаще причисляют себя к молодёжи (31%) чем женщины (27%). К людям среднего возраста, напротив, женщины относили себя чаще (М – 40%, Ж – 46%). Доля идентифицирующих себя с людьми старшего возраста в обеих гендерных подвыборках оказалась одинаковой (16%), а к пожилым мужчины относили себя лишь на 1% чаще чем женщины чаще (М – 10%, Ж – 9%).

Различия в восприятии возрастных изменений обусловлены взаимодействием ряда факторов: доминирующими социокультурными стереотипами, спецификой эго-идентичности, уровнем психологической устойчивости, общей удовлетворённостью жизнью и самооценкой внешности. Свою роль играют и ролевые аспекты и связанные с этим социальные ожидания. Женщины чаще сталкиваются с трудностями в формулировании жизненных целей и планов, а мужчины чаще переоценивают свои возможности в построении планов на будущее. Кроме того, мужчины чувствуют необходимость достигать финансового благополучия к определённому возрасту, а для женщин возраст становится критическим в контексте создания семьи и воспитания детей. Эти различия не универсальны и могут варьироваться в зависимости от культурных, социальных и индивидуальных особенностей [10].

Перед анализом сопряжённости субъективно воспринимаемого и реального возраста респондентов необходимо сделать методологическое уточнение. В вопросах ВЦИОМ, касающихся самооощущения возраста, используются категории «молодёжь», «люди среднего возраста», «люди старшего возраста» и «пожилые». При этом в открытых источниках отсутствуют прямые ссылки на методологические документы ВЦИОМ, где были бы официально закреплёны границы указанных возрастных групп. Однако на основании публикаций и исследований центра можно вывести соответствующие возрастные диапазоны: к категории «молодёжь» относятся лица в возрасте 18–34 лет, к «людям среднего возраста» – 35–49 лет, к «людям старшего возраста» – 50–64 лет, к «пожилым» – лица 65 лет и старше. Следует отметить, что данная периодизация в целом согласуется с другими признанными системами возрастной стратификации [4]. В частности, она соотносится с возрастными границами, используемыми Всемирной организацией здравоохранения, а также с периодизацией, разработанной Академией педагогических наук СССР в 1965 году. Несмотря на отсутствие публичного методологического документа ВЦИОМ, приведённые границы широко воспроизводятся в их исследованиях, что позволяет рассматривать их как операциональные для целей анализа.

В базе данных, которую мы использовали для анализа возраст был приведён в абсолютных значениях, поэтому мы осуществили процедуру категоризации с на основе упомянутых выше интервалов (табл. 1).

Распределение рассматриваемого вопроса по возрасту показывает, что среди тех, кто не достиг 34 лет, адекватное восприятие собственного возраста демонстрирует чуть менее двух третей респондентов. Это самое высокое значение реалистичного самовосприятия по сравнению с другими

когортами. В то же время здесь и самая высокая доля тех, кто «старит» себя. В группе респондентов 35–49 лет, доля тех, кто субъективно воспринимает себя представителем среднего возраста чуть более половины (54%). В другой половине большая часть отнесла себя к молодёжи. В группе тех, кто объективно принадлежит к людям старшего возраста, субъективно считающих таковыми оказалась лишь четверть (24%), а большинство (55%), как и в предыдущей группе, отнесли себя к людям среднего возраста. Представители самой старшей возрастной группы реже остальных живут в согласии со своим возрастом. Подавляющее их большинство отнесли себя к младшим возрастным когортам.

Таблица 1. Соотношение фактического и субъективного возраста в разных возрастных группах

	<= 34	35–49	50–64	65+	Всего
К молодёжи	63	34	13	5	27
К людям среднего возраста	27	54	55	37	46
К людям старшего возраста	5	8	24	34	17
К пожилым	5	4	8	25	9

Таким образом, в молодости большинство «живут в согласии» с возрастом, но именно здесь максимальна доля тех, кто «старит» себя, стремясь к взрослым ролям и статусу. В среднем и старшем возрасте возникает выраженное «омоложение» – люди всё реже относят себя к старшим группам и смещаются к «среднему возрасту», что можно трактовать как психологическую защиту и стратегию поддержания субъективного благополучия. В самой старшей группе наблюдается наибольший разрыв между хронологическим и субъективным возрастом: принятие старости оказывается психологически трудным, и идентичность смещается к более молодым когортам.

Сегментарный анализ данных с построением таблиц сопряжённости для мужской и женской выборок выявил значимые различия в том, как представители разных полов соотносят свой субъективный возраст с хронологическим. Женская группа демонстрирует ярко выраженную тенденцию к более молодой самоидентификации, особенно в старших возрастных категориях. После 35 лет наблюдается значительное увеличение доли женщин, определяющих себя как представительниц более молодых возрастных групп (+3–12% относительно молодых категорий).

Среди женщин старше 50 лет 42% считают себя людьми среднего возраста, тогда как среди мужчин этого же возраста таких только 30%. Вероятно, это связано с тем, что женщины часто пытаются противостоять общественным стереоти-

пам о возрасте. Мужчины в крайних возрастных группах более реалистично оценивают свой возраст. Например, среди молодых людей 28% мужчин склонны считать себя старше, чем они есть (среди женщин таких 26%). Возможно, это связано с желанием быстрее достичь определённых жизненных целей и статуса. В старшей возрастной группе картина меняется: мужчины чаще признают свой реальный возраст (29% против 21% у женщин). Однако в среднем возрасте и мужчины, и женщины склонны считать себя моложе, хотя у мужчин эта тенденция выражена слабее.

Выводы

Анализ полученных эмпирических данных показывает, что использование субъективного возраста в качестве индикатора социальной усталости сталкивается с серьезными методологическими ограничениями. Наблюдается значительная вариативность в ответах различных подгрупп населения, что существенно затрудняет интерпретацию результатов. Исследуемые показатели демонстрируют крайне неоднородную картину: даже внутри относительно однородных возрастных категорий выявляются существенные различия в самовосприятии. Например, в группе до 34 лет, где наблюдается наиболее адекватное восприятие возраста (63%), одновременно фиксируется максимальная доля тех, кто считает себя старше. В старших возрастных группы подобные отклонения проявляются ещё более отчётливо. Показательны и гендерные различия в самоидентификации. Женщины чаще проявляют самоидентификацию с более ранними периодами жизни. Наиболее чётко это проявляется в старших возрастных категориях. Такие различия сильно затрудняют выявление связи между субъективным возрастом и уровнем социальной усталости населения. Мы полагаем, что на результаты самовосприятия оказывают влияние множество факторов: социокультурные стереотипы, уровень психологической устойчивости, общая удовлетворенность жизнью, особенности эго-идентичности и другие индивидуальные характеристики.

Несмотря на первоначальные предположения о потенциальной корреляции между субъективным возрастом и уровнем социальной усталости, эмпирические данные свидетельствуют о необходимости поиска альтернативных показателей для диагностики данного социального феномена. Требуется разработка комплексного инструментария, учитывающего множество факторов социального самочувствия.

В то же время важно обратить внимание на то, что динамика самовосприятия возраста по выборке в целом демонстрирует явное повышение по сравнению с 2012 годом. Это укладывается в логику влияния социально-политических изменений (пандемия, внешнеполитическое давление)

в обществе на общий уровень усталости. Таким образом, общая тенденция к изменению самоидентификации может указывать на системные изменения в общественном самочувствии. Именно целостный подход к анализу данных может оказаться более продуктивным, чем изучение отдельных подгрупп. Возможно, что показатель субъективного возраста имеет потенциал стать индикатором социальной усталости именно на макроуровне, без излишней детализации по подгруппам. Это предположение требует дополнительной проверки, но уже сейчас можно говорить о том, что общая динамика самовосприятия заслуживает внимания как потенциальный маркер социальных изменений в обществе.

Литература

1. Мелёхин, А.И., Сергиенко, Е.А. Субъективный возраст как предиктор жизнедеятельности в поздних возрастах // Современная зарубежная психология. 2015. № 4(3). С. 6–14. DOI: /10.17759/jmfp.2015040301
2. Парыгин Б.Д. Общественное настроение / Б.Д. Парыгин. – М.: Мысль, 1966. – 328 с.
3. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений. Монография. Иркутск, ИГУ, 2014. 144 с.
4. Самусев Р.П. Возрастная морфология. Часть I: учеб. пособие / Р.П. Самусев. – Волгоград: Бибком, 2017. – Электрон. ресурс. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/rudolf-samusev/vozrastnaya-morfologiya-chast-i-16934572/>.
5. Сергиенко Е. А., Павлова Н.С. Субъективный возраст и психологическое благополучие [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 4. С. 29–40. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130403>
6. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение / Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко. – М.: Academia, 1996. – 196 с.
7. Усова Е.Н. Социальное самочувствие: теоретико-методологические подходы к исследованию (обзор). // Саратовский научно-медицинский журнал 2017; 13 (3): 554–559.
8. Усталость и как с ней бороться // Аналитический отчёт ВЦИОМ от 30 октября 2025. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ustalost-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 06.02.2026).
9. Хан, Бён-Чхоль Общество усталости: негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. Перевод с немецкого А.С. Салина. – Москва: АСТ, 2023. – 158 с.
10. Эйдельман А.Б. Субъективный возраст как фактор психологического благополучия: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Эйдельман Александра Борисовна; Моск. гос. психол.-социальный ун-т; Ин-т психологии РАН. – Москва, 2022. – 42 с.

11. Полюшкевич О.А. Социальное и личное время поколений // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 189–222.
12. Полюшкевич О.А. Жизненный сценарий поколений // Социология. 2020. № 3. С. 28–45.
13. Полюшкевич О.А. Социальное и личное пространство поколений // Социология. 2020. № 4. С. 132–148.

SUBJECTIVE AGE PERCEPTION AS A MARKER OF SOCIAL CHANGE

Smirnova I.A.

Tyumen Industrial University

This article examines the potential use of the population's subjective assessment of their age as a potential indicator of social fatigue. The paper explores the characteristics and manifestations of social fatigue as a systemic phenomenon affecting various areas of social life. The authors propose a hypothesis that, similar to individual psychology, where self-perception of age is associated with fatigue, in society this indicator may serve as an indicator of collective well-being. An analysis of VTsIOM data demonstrates significant variability across individual social groups, making it difficult to use subjective age as an accurate measure of social fatigue at the mezo level. However, when examining the overall dynamics across the entire sample, consistent trends emerge, indicating systemic changes in public well-being. The study's results demonstrate that although subjective age cannot serve as a reliable indicator of fatigue for characterizing individual social groups, it has significant potential for macro-level analysis of social change.

Keywords: subjective age, chronological age, social fatigue, research methodology, demographic groups, social well-being, collective identity, social change.

References

1. Melekhin, A.I., Sergienko, E.A. Subjective Age as a Predictor of Life Activity in Late Ages // *Modern Foreign Psychology*. 2015. № 4(3). pp. 6–14. DOI: /10.17759/jmfp.2015040301
2. Parygin, B.D. Public Mood / B.D. Parygin. Moscow: Mysl', 1966. 328 p.
3. Polyushkevich, O.A. Solidarity between Generations. Monograph. Irkutsk, Irkutsk State University, 2014. 144 p.
4. Samusev, R.P. Age Morphology. Part I: Textbook / R.P. Samusev. Volgograd: Bibkom, 2017. Electronic resource. – Access mode: <https://www.litres.ru/book/rudolf-samusev/voznrastnaya-morfologiya-chast-i-16934572/>.
5. Sergienko E. A., Pavlova N.S. Subjective age and psychological well-being [Electronic resource] // *Modern foreign psychology*. 2024. Vol. 13. № 4. pp. 29–40. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130403>
6. Toshchenko, Zh.T. Social mood / Zh.T. Toshchenko, S.V. Kharchenko. – Moscow: Academia, 1996. – 196 p.
7. Usova E.N. Social well-being: theoretical and methodological approaches to research (review). // *Saratov Scientific-Medical Journal* 2017; 13 (3): 554–559.
8. Fatigue and How to Fight It // VTsIOM Analytical Report of October 30, 2025. [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ustalost-i-kak-s-nei-borotsja> (accessed February 6, 2026).
9. Han, Byung-Chol Fatigue Society: Negative Experience in the Age of Excessive Positivity. Translated from German by A.S. Salina. – Moscow: AST, 2023. – 158 p.
10. Eidelman A.B. Subjective Age as a Factor in Psychological Well-Being: Abstract of a PhD Thesis. Sciences: 19.00.13 / Eidelman Alexandra Borisovna; Moscow State Psychological and Social University; Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2022. – 42 p.
11. Polyushkevich O.A. Social and Personal Time of Generations // In Search of Social Truth. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. General editors O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. 2020. Pp. 189–222.
12. Polyushkevich O.A. Life Scenario of Generations // *Sociology*. 2020. № 3. Pp. 28–45.
13. Polyushkevich O.A. Social and Personal Space of Generations // *Sociology*. 2020. № 4. Pp. 132–148.

Социально-философский дискурс коррупции в спорте

Туркова Валентина Николаевна,

старший преподаватель кафедры юриспруденции, Института экономики, управления и права, Иркутского национального исследовательского технического университета
E-mail: v_turkova87@mail.ru

В статье проводится анализ социально-философских смыслов коррупции в спорте. На основе экспертного интервью среди спортсменов, тренеров, чиновников и организаторов спортивных мероприятий выявляется дискурсивное поле коррупции в спорте, показаны четыре механизма (причины) формирования коррупции в спорте, проведена оценка мер, способных противостоять коррупции в спорте.

Ключевые слова: коррупция, спорт, дискурс коррупции, экспертные оценки, меры борьбы, репрессивные меры, профилактические меры.

Социальный дискурс строится через частоту использования того или иного понятия в публичном медийном пространстве, его смыслы, образы и сравнения. Количественный показатель рано или поздно переходит в качественный, и смыслы социального дискурса формируются под определенным углом или же меняются в рамках интересов тех или иных социальных процессов.

Коррупция в спорте – это результат разрушения существующего социального порядка. Это то, что меняет акценты социально-организационной сферы развития, меняет задачи и принципы управления, меняя социальное пространство взаимодействия. А вместе с тем, меняется и сама структура социального воспроизводства.

На коррупцию в спорта может влиять социокультурная среда (так принято в культуре как дань традициям); социально-политическая среда (как способ адаптации к сложным социальным и политическим процессам, негативно влияющим на спорт); социально-психологическая и международная среда (как личный выбор и стратегия реализации в конкретных условиях).

Проблемность данной темы фиксируется в социально-философском дискурсе так как позволяет понять какие смыслы руководят отдельными людьми, выбирающими коррупционное поведение и какие социальные условия должны сложиться, чтобы коррупционное мышление стало нормой и подталкивало к реализации коррупционных схем. Это особый показатель разрушения социальных принципов государства. Поэтому, без философского и социального осмысления данных процессов – невозможно сформировать полное понимание проблемы и соответственно, предложить рабочие механизмы борьбы с ним.

В литературе, посвященной коррупции в социальных институтах, указывается на существующие особые процессы, которые приводят к коррупции (Р.Г. Ардашев [1–5]), готовности нарушать закон как индивидуальной стратегии адаптации (О.А. Полюшкевич [8–10], В.А. Скуденков [11, 12]), как механизмы выбора моральных норм, как рычага социального и личного моделирования (П.А. Баев [6, 7]). В работах автора [13–20] приводятся разнообразные стратегии активации механизмов коррупции в спорте, особенности развития и механизмы профилактики.

Особенности исследования

Мы провели экспертный опрос, среди тех, кто занимается организацией спортивных соревнований

разного уровня, чиновников из министерства спорта Иркутской области, тренеров и самих спортсменов. Всего опрошено 20 человек (по пять из каждой категории). 12 человек – мужчины, 8 – женщин, в возрасте от 25 до 65 лет, имеют отношение к спорту от 10 до 35 лет.

Экспертный опрос проводился в виде нестандартизированного интервью, длительность каждого 1,5–2 часа. Результаты кодировались и анализировались в обобщенном виде.

Анализ результатов исследования

Для всех участников исследования, коррупция в спорте известное явление, которым сталкивался лично и много раз слышал каждый эксперт. Причины такого положения эксперты видели в общем философском понимании развития общества и дисфункциональных процессах социального развития, где коррупция в спорте является зримым доказательством социальных дисфункций.

И тот момент, что коррупция в спорте неискоренима на протяжении тысячелетий, фиксирует социальные стагнационные взаимодействия в разные социально-исторические периоды.

В результате анализа экспертных оценок, нами установлено, что коррупция в спорте рассматривается через следующие механизмы:

- 1) разрушение социальных институтов (организационно-социальный уровень);
- 2) неэффективность социально-управленческий стратегий развития спорта и спортивной деятельности;
- 3) обесценивание спорта и спортивных состязаний как личной стратегии развития (мотивационный контекст);
- 4) формирование негативных контекстов общественного мнения (социальные настроения) или контента.

В таблице 1 приведены примеры цитат экспертов, характеризующих проблемные поле коррупции в спорте как общественном явлении.

Таблица 1. Примеры цитат экспертов в отношении выявленных четырех проблемных сфер социальной жизни, являющихся механизмами (причинами) коррупции в спорте

Механизмы рассмотрения коррупции в спорте	Примеры
1. Разрушение социальных институтов (организационно-социальный уровень)	Нет государственного контроля, поэтому возникает соблазн в виде коррупционных схем (Е. Н., тренер, 52 года). Не отлажен механизм контроля и управления, поэтому возникает коррупция (В. В., руководитель отдела Министерства спорта Иркутской области, 44 года). Государство создает условия для того, чтобы закон работал, коррупция в спорте выступает примером разрушения эффективной системы управления (А. Н., ведущий специалист Министерства спорта Иркутской области, 32 года)
2. Неэффективность социально-управленческий стратегий развития спорта и спортивной деятельности	Нет четкого понимания, к каким смыслам и символам в спортивной деятельности надо стремиться, так как спорт как состязание уже утратил смысл, нужны новые смыслы, и например, спорт как бизнес, спорт как система управления и мотивации населения (часто использовался данный принцип в СССР), спорт как досуг и проч. (Д. А., ведущий специалист Министерства спорта Иркутской области, 27 лет). Существующие формы социально-управленческий развития спорта и спортивных соревнований действуют по старинке, опираясь на ориентиры прошлого века, а надо думать о будущем, формировать новые стратегии через цифровые стратегии спорта (Б. А., руководитель федерации спорта Иркутской области, 38 лет). Нет кадров, способных видеть, формировать и развивать новые стратегии спортивной-управленческий деятельности для того чтобы регулировать социальное направление развития спорта как системы социального управления общественным мнением (В. С., тренер, 45 лет)
3. Обесценивание спорта и спортивных состязаний как личной стратегии развития (мотивационный контекст)	Разрушен принцип состязательности – он обесценивает здоровое конкурировать сильнейших (Е.Н., руководитель клуба фанатов футбола в Иркутской области, 44 года). Видишь не честность борьбы, опускаются руки и идти и дальше профессионально заниматься спортом нет желания, только для себя (Е. Я., спортсмен, 25 лет). Говорить сегодня о том, что лучшие становятся победителями в спортивной жизни – нельзя. Победителями становятся те, кто должен стать, кто попадает в чьи-то интересы (Н. Н., спортсмен, 21 год)
4. Формирование негативных контекстов общественного мнения (социальные настроения), реального контента	Спорт – это политика, политика которая не гнушается разных инструментов для достижения своих интересов (Г. К., ведущий специалист Министерства спорта Иркутской области, 33 года). Политики отправили спорт, он не про соревнования, а про доказательство силы или сладости того или иного государства, федерации или другого органа, имеющего вес в спортивной сфере (А. А., тренер, 37 лет). Спортивные состязания – это игра, которая только на первом этапе отталкивается от спортивных показателей спортсменов и команд, дальше начинается работа различных социальных авторов, которые действуют в своих интересах, далеко не всегда совпадающих с интересами спортсменов и с результатами реальных спортивных соревнований (Т. Ю., спортсмен, 25 лет)

Причинами возникновения коррупции в спорте являются: неэффективность социальных институтов (70%), особенности личностей тех, кто вовлечен в спортивную индустрию и допускает использование не легитимных способов получения желаемого результата (30%). Иными словами, нарушениями в работе социальной инфраструктуры, дисбаланс работы контрольно-надзорных органов, социальные перекосы в управлении выступают первопричиной коррупционных процессов в обществе. Личностные стратегии активизации коррупции в спорте происходит на фоне уже сложившихся дисфункциональных явлений.

Борьба с коррупцией в спорте реализуется через две стратегии: просветительско-гуманистическую (40%) и репрессивную (60%). Первая предполагает систему информирования о наказании за коррупцию, освещение в СМИ крупных скандалов, т.е. максимальное публичное освещение. Например: многие считают не серьезным какие-то санкции против коррупционеров, потому что об этом просто не знают; у некоторых есть ожидание «авось», авось да проснется, но это происходит из-за того, что нет четкого осознания ограничений и трудностей, связанных с коррупцией в спорте.

Вторая предполагает не просто информирование, а реальные санкции против всех участников коррупционной схемы. Реальные дисквалификация, ограничения, штрафы, вплоть до исключения из системы спортивного взаимодействия. Например: ужесточение наказания за коррупцию – станет отличным механизмом для того, чтобы остановить многих; нельзя давать слабинку и «легкие» системы наказания за совершенные коррупционные преступления, необходимо максимально жестко наказывать – это означает, максимально эффективно бороться с коррупцией.

Противоположные точки зрения приводят к тому, что социальное развитие через коррупцию в спорте может регулироваться разными инструментами. Это то, что необходимо для активного вовлечение всех авторов в активное противостояние с коррупционными схемами и любыми махинациями связанными со спортивными сферами жизни.

Так же, эксперты указывают, что с коррупцией в спорте может и должно бороться государство (75%) или сами люди (25%), участники, организаторы или зрители спортивных соревнований, ставшие участниками или свидетелями коррупционных махинаций. То есть личная ответственность менее значима, чем работа социальных институтов и в целом государственной бюрократической машины.

Выводы

Коррупция в спорте – это показатель разбалансированного функционирования государства. Эксперты

высказывались за более жесткие методы борьбы с коррупцией, так как просветительские механизмы не могут стать ограничителем дисфункционального социального развития, только карательные меры могут изменить условия развития общества.

Перечисленные причины коррупции в спорте проявляются регулярно и неоднозначно. Необходимо полный регулярный контроль за всеми участниками спортивных соревнований.

На наш взгляд, без внутренней правовой культуры трудно представить эффективную карательную систему работы борьбы с коррупцией в спорте. Поэтому, популяризация «жизни без коррупции» через публичное пространство, медийное поле станет более эффективным рычагом конструирования дискурса.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Бессознательные образы антикоррупционной политики России // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, КНИТУ, 2021. С. 15–19.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональные представления молодежи об антикоррупционной культуре в России // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, СПбГУ, 2020. С. 44–49.
3. Ардашев Р.Г. Социальный фокус коррупции в спорте (рецензия на монографию В.Н. Турковой «Социологический анализ коррупции в спорте») // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). С. 597–598.
4. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Антикоррупционная культура среди спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2023. № 4. С. 102.
5. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Отношение спортсменов к нарушению моральных и правовых норм на спортивных соревнованиях в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2023. № 7. С. 65.
6. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 129–132.
7. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира.

- Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 512–515.
8. Полюшкевич О.А. Истина моделируется // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 7.
 9. Полюшкевич О.А. Межкультурные отличия в восприятии нарушения социальных норм // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 341–345.
 10. Полюшкевич О.А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 195–199.
 11. Скуденков В.А. Иллюзия правовой компетентности // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 147–150.
 12. Скуденков В.А. Угрозы трансформации социально-экономических притязаний // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 152–155.
 13. Туркова В.Н. Коррупция как угроза социальной стабильности // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 75–78.
 14. Туркова В.Н. Коррупция на спортивных соревнованиях: оценка общественного мнения // Социология. 2023. № 3. С. 67–73.
 15. Туркова В.Н. Механизмы конструирования общественного мнения о коррупции в спорте // Социология. 2023. № 6. С. 63–70.
 16. Туркова В.Н. Роль коррупции в деkonsolidации общества // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, Вол НЦ, 2023. С. 186–189.
 17. Туркова В.Н. Социальные условия коррупции: истина где-то рядом // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 76–79.
 18. Туркова В.Н. Спорт: антикоррупционные меры // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Все-

российской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 334–337.

19. Туркова В.Н. Экспертный анализ коррупции в спорте // Социология. 2023. № 4. С. 146–155.
20. Туркова В. Н., Архипова А.Н. Коррупция в спорте // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 57.

SOCIO-PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF CORRUPTION IN SPORTS

Turkova V.N.

Irkutsk National Research Technical University

This article analyzes the socio-philosophical meanings of corruption in sports. Based on expert interviews with athletes, coaches, officials, and sporting event organizers, the discursive field of corruption in sports is identified, four mechanisms (causes) of corruption in sports are identified, and measures to combat corruption in sports are assessed.

Keywords: corruption, sports, corruption discourse, expert assessments, combative measures, repressive measures, preventive measures.

References

1. Ardashev R.G. Unconscious Images of Russia's Anti-Corruption Policy /// Anti-Corruption Practice: Problems and Achievements. Proceedings of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Kazan, KNITU, 2021. Pp. 15–19.
2. Ardashev R.G. Irrational Perceptions of Young People about Anti-Corruption Culture in Russia // Anti-Corruption Culture and Young People in Russia and China: Modern State, Business, Society. A Collection of Articles. Edited by A.V. Petrov, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2020. Pp. 44–49.
3. Ardashev R.G. Social Focus of Corruption in Sports (review of V.N. Turkova's monograph «Sociological Analysis of Corruption in Sports») // Eurasian Law Journal. 2024. № 12 (199). P. 597–598.
4. Ardashev R. G., Turkova V.N. Anti-corruption culture among athletes // Theory and practice of physical education. 2023. № 4. P. 102.
5. Ardashev R. G., Turkova V.N. Athletes' attitudes toward violation of moral and legal norms at sports competitions in the context of sociological analysis // Theory and practice of physical education. 2023. № 7. P. 65.
6. Baev P.A. What Russian youth is proud of and what is it ashamed of // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. P. 129–132.
7. Baev P.A. Expert Analysis of Moral Authorities of Modern Youth // Expert Institutions in the 21st Century: Civilizational and Digital Concepts of a Changing World. Collection of Scientific Papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific Editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, ISU, 2023. Pp. 512–515.
8. Polyushkevich O.A. Truth is Modeled // In Search of Social Truth. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2022. Pp. 7.
9. Polyushkevich O.A. Intercultural Differences in Perception of Violation of Social Norms // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. Irkutsk, ISU, 2023. Pp. 341–345.
10. Polyushkevich O.A. Social Management through the Prism of Norms // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Confer-

- ence. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. Pp. 195–199.
11. Skudencov V.A. The Illusion of Legal Competence // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 147–150.
 12. Skudencov V.A. Threats of Transformation of Socioeconomic Claims // Methodology of Threat Prevention in the 21st Century. Collection of Scientific Papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. Pp. 152–155.
 13. Turkova V.N. Corruption as a Threat to Social Stability // Methodology for Preventing Threats in the 21st Century. Collection of Scientific Papers. Irkutsk, 2022. Pp. 75–78.
 14. Turkova V.N. Corruption at Sports Competitions: An Assessment of Public Opinion // Sociology. 2023. № 3. Pp. 67–73.
 15. Turkova V.N. Mechanisms for Constructing Public Opinion on Corruption in Sports // Sociology. 2023. № 6. Pp. 63–70.
 16. Turkova V.N. The Role of Corruption in the Deconsolidation of Society // Consolidation of Russian Society in New Geopolitical Realities. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Vologda, Vol NC, 2023. Pp. 186–189.
 17. Turkova V.N. Social Conditions of Corruption: The Truth Is Out There // In Search of Social Truth. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. Pp. 76–79.
 18. Turkova V.N. Sport: Anti-Corruption Measures // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 334–337.
 19. Turkova V.N. Expert Analysis of Corruption in Sports // Sociology. 2023. № 4. Pp. 146–155.
 20. Turkova V. N., Arkhipova A.N. Corruption in Sports // Theory and Practice of Physical Culture. 2024. № 7. P. 57.

Феномен протестной активности личности в условиях многополярного мира

Хохлова Ольга Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: olgamikhaylovnak@bk.ru

В работе рассмотрены структурные изменения, происходящие в мировом сообществе в настоящее время, меняющие его полярность, вызывающие протест и способные кардинально повлиять на международные события. Многополярность в современных условиях вносит происходящие во всем мировом сообществе структурные изменения, приводящие к протестной активности в разных формах ее проявления и представляет уникальный феномен. Автор считает, что, созрела необходимость применять единый подход к пониманию феномена протестной активности в условиях многополярности. Автором приводится оценка стабилизации процесса перехода однополярной системы к многополярной, проявляющейся ярко во всем мировом сообществе. Процесс многополярности способствует важным процессам существования отдельных государств в международном сообществе: сохранению их суверенитета, безопасности, целостности, государственной идентичности, при этом, сохраняя способность эффективно развиваться с учетом своих традиций, особенностей без вмешательства недружественных государств. В современных реалиях глобализации мироустройству требуется новая модель, выстроенная на принципах многополярности, обеспечивающая и гарантирующая свободное, безопасное и равноправное сотрудничество во всем мировом сообществе.

Ключевые слова: глобализация, протест, многополярность, многополярный мир, мировосприятие, недружественные государства, структурные изменения, глобальные проблемы современности, мировое сообщество.

Грандиозные преобразования и кардинальные перемены, стремительно происходящие в реалиях современного общества поменяли все происходящее вокруг: от пространства человеческого бытия до его сознания, мировосприятия, приоритетов, культуры и ценностей. Они обострили имеющиеся протестные настроения XXI века, кардинально поменяли отношение к самой личности, как субъекта бытия человека, сложившееся во всех исторических периодах, а это, еще более усилило всплески протестов, что не раз доказывала история. Расширение коммуникационных возможностей привело к активизации научно-технического прогресса, но, снизило факторы дегуманизации социальных связей между людьми, привело к их отчуждению друг от друга, стало способствовать усилению манипуляции сознанием людей, окончательно лишило ощущения безопасности личности [4, с. 83–84].

Исследуя понятие «протест», находим связь в отрицании имеющихся норм и правил, способов мышления и т.д. «Протест» от лат. *protestari* в словаре русского языка – «изъявлять, открыто заявлять», т.е. означает «решительно возражать против чего-нибудь» или кого-нибудь. Применительно к теме нашего исследования рассмотрим и определим сущность этой категории, связанной тесно с негативным или отрицанием (*negō* с лат. – отрицаю). Если соотнесем «протест» с такими фундаментальными категориями как личность, бытие, существование, самоопределение, видим, что, «протест» сродни противоречию, отрицанию, отказу каких-либо действий, взглядов, миропонимания и т.д.

Г. Гегель отмечал в своих трудах, что, каждая историческая эпоха несет свой смысл в феномене протеста, в связи с этим необходимо рассмотреть протест во всех исторических периодах и найти взаимосогласованные, взаимодополняющие проявления этого феномена. Мнение Г. Гегеля демонстрирует имманентность протестной активности человека, он говорит, что, рациональное всегда доминанта, оно определяет веру в силу и мощь индивида, проявляет всемогущество его разума, вносит необходимость проявления нравственности и воли человека. Г. Гегель утверждает, что разум должен быть свободным, способным развиваться, в то же время, нравственность поступков человека не должна проявляться в зависимости от внешних явлений и детерминант. По мнению Г. Гегеля свободный разум должен пройти период отрицания до ранее существующего своего положения.

В понимании В.С. Соловьева отрицание бытия возможно в том случае, когда процесс материальной жизни труден для сознания человека, либо его дух может противопоставить себя бытию человека.

Практикуемые ранее в мире технологии использования ресурсы этнической идентичности, индивидуальности, преимущества одних над другими периодически приводят к цветным революциям во всем мировом пространстве [13]. Глобализация мироустройства обнажила социальные противоречия, вскрыла несправедливость, которые во все исторические периоды приводили к активизации социального протеста, продемонстрировали обществу его деформацию. События, в настоящее время происходящие на Украине, обострили имеющиеся протестные взгляды и настроения против несправедливости, и привели к неуправляемым действиям части населения этой страны, создав беспорядки в разных ее частях. Таких примеров в истории достаточно, когда справедливый протест перерастает в кардинально противоположные деструктивные действия. Пример тому, французская революция, имевшая цель – установить полную свободу действий, возродить человека новой формации, которая завершилась массовыми казнями и кровавым террором. В результате лозунги о свободе, справедливости, равенстве, стремительно сменились на вооруженный призыв к протестным действиям.

К сожалению, разнообразие исторических примеров, продемонстрированных в истории на разных ее этапах, до сих пор не дали объяснений, а механизмы этого явления недостаточно изучены исследователями. Нет пока и объяснений добровольному вступлению в ряды запрещенных в России террористических организаций, например, в ИГИЛ, молодых людей – успешных студентов, получающих образование в престижных ВУЗах России, выросших в обеспеченных семьях, социально благополучных по всем применяемым критериям.

Реалии современности вызывают массу вопросов к новым видам протеста, такие как дауншифтинг, что значит философия жизни ради себя или «отказа от чужих целей» [1, с. 806]. Модель подобного феномена заключается в том, что, первостепенным является акцент к онтологии: поиск нового образа жизни в современном ее мироощущении.

Таким образом, в результате протестных настроений, взглядов и действий деформируется понятие «социализация», меняется его ресурс, объясняет этапы развития протеста, его специфику, последствия и способы преобразовывать систему приоритетов и ценностей, идеалов, норм морали и правил поведения личности [14].

Человек в процессе своего существования выбирает приемлемые для себя мировоззрение, мировосприятие, условия жизнедеятельности, при-

оритеты, отражающие всевозможные варианты своего самоопределения как личности.

Феномен протестной активности, особенно в современных условиях многополярности, тесно связан с проблемами современных реалий и повсеместно возникающими протестными настроениями и в социально-исторических процессах проявляется как динамично развивающийся феномен, требующий тщательного и всестороннего изучения и анализа. При этом, необходимо исследовать формы и закономерности протестной активности, включая психологическую сущность, структуру, компоненты, специфику проявления, а, здесь возникает необходимость комплексного анализа в предотвращении глобальной проблемы современного миропорядка – безопасности отдельной личности и общества в целом.

В научном измерении до сих пор понятие «протестная активность» не имеет единого и четкого определения, отсутствует также ее психологическая составляющая и механизмы реализации, структура протестной активности личности также нуждается в уточнении, отсутствует конструкция протеста, не приведены однообразие формы протестной активности, тем более, в эпоху многополярности все требует тщательных трактовок, описаний и уточнений. В настоящее время отсутствуют какие-либо рекомендации и инструменты изучения и анализа форм протеста в индивидуальном его проявлении.

Изучение протестной активности в индивидуальном ее проявлении (личности), в основном занимаются психологи, в этом научном направлении они накопили серьезный опыт. Философия в изучении этого феномена по ряду факторов значительно отстала. Развитие философского осмысления феномена протеста происходит лишь в начале XXI века. Значительный научный вклад о феномене протеста, протестной активности личности оказали работы психологов, изучающих протестные реакции, среди которых выделим: Л.С. Выготского [3, с. 690–691], Блонского П.П. [2, с. 689–691], Л.Ф. Обухову [7, с. 286–287, 304–305, 364] изучали влияние протестной активности на развитие личности.

Существующие в философском осмыслении инертные суждения и стереотипы теоретико-методологического обоснования изучаемого феномена протестной активности личности позволяют сделать выводы о том, что в процессе изучения упущены методологические механизмы явления протеста: его рассматривают лишь как абстрактное явление, либо как реакцию на определенную ситуацию, при этом абсолютно не учитывая социально-психологические факторы и сами условия, которые привели к протестной активности личности [15]. Не берутся во внимание возрастные и физиологические особенности личностей, склонных к протесту. Как правило, протестный потенци-

ал ярче выражается у подростков с девиантным поведением и молодежи, проявившей протестную активность, что, связано с их плохой адаптацией, такое поведение молодежи может проявляться в безвольном подражании человеку властному или способного оказать влияние на молодежь. Поэтому в условиях многополярности происходит активизация и поворот многих стран мирового сообщества к спорту, как, к эффективному профилактическому средству для деструктивных форм проявления протеста. Поворот к спорту способен устранить имеющиеся протестные настроения, развить физические способности личности, заменяющие несформированную личность с ее мировоззрением, приоритетами, ценностями и идеалами.

В ряде исследований протест, преследующий цель установить социальную справедливость принято считать рациональным, в таком случае, анализ преобладающих мирных протестов способен при наличии благоприятных условий деформироваться в деструктивные, результатом которых может стать насилие, разрушения и террор, что приходится сегодня наблюдать в ряде стран мирового сообщества [16].

Ученые и исследователи в большинстве своем фокусируют свое внимание, наблюдая за поведением протестно настроенных личностей, и проявлениях протеста, предполагая, что, их поведенческий настрой должен соответствовать нормам и показателям статистики, а также, адаптации личности в условиях протестной социальности.

Таким образом, ученые фокусируют свой взгляд на внешних наблюдениях реализации протеста и предполагают, что поведение каждого человека должно соответствовать стандартным нормам поведения. Рассматривая результаты и характеристики явления, исследователи могут упустить динамику, процесс и другие факторы, формирующие этот феномен.

Интерпретация протестной активности в ее статике не дает объяснений всем возникающим противоречиям личности, поскольку условия человеческого бытия постепенно усложняются, в связи с этим, возрастает активность индивида, соответственно личность ищет перспективные для себя конструктивные формы протеста. Реализация этих форм в действие неизбежно приведет к переменам в социуме. Какие это будут перемены: позитивные или негативные, зависит от того, в какой русле будет направлен протест [9, с. 152–153].

Вызывает определенную трудность объяснение акций протестной активности различных категорий граждан. Отдельные личности при их внешнем, казалось бы, благополучии, с хорошим уровнем интеллекта вдруг проявляют агрессию, протест, меняющий взгляды, намерения, приоритеты, убеждения, мировоззрение, ценности и политическую позицию. Описанные ситуации порой свой-

ственны обеспеченным, образованным людям, с достойной профессией и благополучной семьей. В этом случае инструментальный подход поможет найти абстрактные, инвариантные законы и зафиксировать количественные показатели протестной активности личности. Требуются новые модели, объясняющие интерпретацию протестной активности в условиях многополярного мира.

Необходимо многогранное рассмотрение феномена протеста, характеризующего позицию личности по отношению к бытию и мироощущению [17].

Феномен протеста требует концептуализации понятия и развернутого эмпирического анализа феномена в междисциплинарном его изучении с помощью философии, психологии, экономики и политологии.

Мазилов В.А. считал, что нельзя изучить уникальные и целостные процессы и явления с помощью конструктивного подхода, ориентированного на создание целого из отдельных частиц или элементов, это может привести к принудительному изменению сложного процесса или явления к простейшему. Ученый предлагал применять для этого алгоритм, в основе которого лежит целостность, типологизирующая феноменальное явление [5, с. 64–65].

Феномен протестной активности, его экстремистская направленность и терроризм, которые исходят от протеста, учеными только начинают исследоваться, эти феноменальные явления изучаются до сих пор раздробленно, несмотря на то, что, тесно взаимосвязаны и переплетены, и требуют комплексного изучения. Следует обратить внимание и на то, что при имеющемся многообразии остаются недостаточными знания исторической природы человека и его протестного потенциала в определенных условиях существования.

Модернизация психологии в современных условиях предлагает новый подход в изучении проблем протестной активности личности в его междисциплинарном поиске закономерностей развития в биогенезе, социогенезе и онтогенезе [8, с. 16–17].

Предметное поле личности и бытия обуславливается эвристичностью субъектно-бытийной методологии для решения социально-значимых задач, способной объединять в своем предметном поле противоположные подходы, теории, взгляды и, минуя эклектику, обеспечивать органичность интерпретации многомерных и многоуровневых феноменов, к которым относится феномен протестной активности личности, требующий тщательного анализа, изучения и рекомендаций на будущее.

Субъектно-бытийный подход отражает личность, являющуюся субъектом социальных, экономических, религиозных, морально-нравственных, культурных и политических отношений, т.е. взаимовыражением личности и ее бытия. При этом

личность – это субъект бытия, необходимый для поддержания субъектной активности, и здесь пространство бытия включено в структуру личности, которая становится фактором, способным объединить разные стороны бытия, оставляя целостными субъективные и объективные факторы [6, с. 220–221, 398–399]. В предложенной интерпретации личность, в ее понимании, сущности и предназначении, не способна быть изолированной, противопоставленной социуму, т.к. «личность как субъект является главной конституирующей частью человеческого мира» [6, с. 284–285]. Таким образом, субъектно-бытийный подход определяет отдельную личность, как структурное полисистемное образование, несущее в себе психические процессы, явления и объективные пространства человеческого бытия. При этом подходе качеством показателей личности служит человеческий организм, окружающая его среда, происходящие вокруг него события, и все виды жизнедеятельности человека.

В данной нами интерпретации смысл феномена протестной активности человека приобретает такое значение: он содержит в себе информацию о происходящих вокруг человека, окружающих его внешних событиях, а они в тоже время, становятся предметом отражающей человека реальной действительности бытия.

Личность – субъект, реализует в процессе жизнедеятельности такие потребности как: актуализация себя (своего Я), внутреннее согласие (согласие с самим собой), поиск своей значимости (значимости своей личности), при этом важна реализация возможностей личности во внешнюю сторону (реальность) мироздания.

Необходимо обозначить при этом, что человеком устремлен к преобразованию своего бытия, или даже к его переустройству, способен менять свои замыслы, образы, приоритеты и потребности, т.е., он всегда нацелен на преобразование реальности окружающего его мира. В этом случае он становится объективированием субъекта и продолжением самого себя. В случае, если человек как личность не способен самореализоваться в субъект, не может представить себя во внешний мир, он считается личностью с отсутствующей самобытностью, идентичностью и является субъективно неблагополучной личностью, способной реализовывать разные деструктивные явления.

Для темы нашего исследования понятно, что субъектно-бытийный подход способен к созданию другого масштаба для измерения многогранного, сложного и малоизученного феномена протестной активности личности в условиях многополярного мира.

Выделенный нами подход для изучения феномена протеста представляет практически методологическую основу, позволяющую интерпретиро-

вать его природу и сущность, основываясь на разнообразии типов, форм проявления в реальности.

Анализируя вышесказанное и подводя итоги, необходимо отметить, что, протестная активность личности способна при различных условиях жизнедеятельности человека и окружающей его среды проявляться по-разному, движущие силы протестной активности точно определить не представляется возможным, также как нельзя уверенно прогнозировать или ответить на вопрос, что заставляет человека выражать протест или участвовать в акциях протеста?

Современное общество сегодня как никогда ранее нуждается в сохранении баланса равновесия и спокойствия. Для этого состояния системы необходимо постоянно отслеживать, рассматривать наличие всех протестных сюжетов, акций и проявлений, наблюдать и подвергать анализу протестное поведение отдельных личностей. Анализировать также необходимо и теоретические знания определенных символов, знаков, образов, объясняющих суть исследуемого феномена протеста.

В имеющейся научной литературе и современных философских исследованиях феномен протестной активности определяется и как способ и стиль мышления человека, наделенной индивидуальной программой и логической цепочкой развития. Протестная активность личности сконцентрирована на цели социального действия, с обозначенной связью устранить, отменить, отрицать негативную волю. Из сказанного следует вывод, что, отрицая действительность и реальность бытия, человек может не только борясь за что-то, но и заслуживать признание в обществе. Все эти вопросы необходимо изучать, анализировать и подвергать сомнению, оспаривать в философских исследованиях, умело сочетая их с уже имеющимися социологическими и психологическими концепциями.

Изучая феномен протеста, стоит ориентироваться на междисциплинарный синтез, сочетающий в себе интеграцию социально-гуманитарных знаний, это значительно расширит границы его изучения и исследования, создав тем самым возможность осуществления многомерного анализа.

Проведенный анализ феномена протестной активности отчетливо демонстрирует, что в своем проявлении протест обусловлен той исторической эпохой, в которую он происходит, особенностями и спецификой исторического периода, уровнем развития индивидуального сознания и сознания, сложившегося в обществе.

Научные исследования философов отражают имманентность протеста и протестной активности человека, указывают на связь личности с конструктом несогласия, отрицания, недовольства, вызовов, угроз, выступающими условиями протестной активности во все исторические эпохи, обострившиеся в условиях однополярного мира

и сопровождающие его в условиях многополярности, что наблюдает ярко в последнее время в разных странах мирового сообщества.

Отрицание можно представить в качестве рефлексии, в то время как конкретное выражение протеста человека – это проявление качества и меры этой рефлексии.

Имеющиеся философские концепции в современной научной литературе феномен протеста неразрывно связывают с анализом онтологии бытия человека, осознанием выбора его способа существования. Протестная активность личности формирует разные вопросы экзистенциальной проблемы: свободы человека, его ответственности по отношению к самому себе и окружающим, определяет его личностный выбор, выбор его ценностей, приоритетов, идеалов, что и формирует само предназначение человека. Поэтому, именно в работах и исследованиях философов экзистенциального направления, феномен протеста и протестной активности личности выступает неотъемлемым компонентом бытия, в гармонии своей с феноменом экзистенциального самоопределения личности, способ поведения которого и характер на будущее определяет, каким образом и в каком направлении протестной активности – деструктивной или конструктивной личность будет формироваться и выражать свое мировоззрение и мировосприятие в современных условиях многополярности мира.

Литература

1. Александрова Е. В., Журавлева Г.П., Скрипникова М.И. Возникновение феномена «Дауншифтинг» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 5–5. – С. 804–807. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=9525> (дата обращения: 19.12.2025).
2. Блонский П.П. Избранные педагогические произведения / Редкол. Б.П. Есипов, Ф.Ф. Королев, С.А. Фрумов; сост. Н.И. Блонская, А.Д. Сергеева; Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т теории и истории педагогики. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР. – 1961. – 696 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика. – 1982. – Т. 4. – Детская психология. – 432 с.
4. Зубир Я., Дабаши Х., Гупта А., Махбубани К., Махарадж Р., Сян Л., Джаятиллека Д., Челлани Б., Санаи М., Кардим К.Э. Судьба человечества вновь тесно переплелась с судьбой России // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – № 6. – С. 82–96.
5. Мазилев В.А. Парадигмы в психологии: от истории к современности. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. – М.: Институт психологии РАН. – 2012. – С. 57–94.
6. Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии: материалы Международной научно-образовательной конференции / под ред. Э.А. Тайсиной. Казань: Казан. ун-т. – 2012. – 404 с.
7. Обухова Л.Ф. Детская (возрастная) психология. – М.: Российское педагогическое агентство. – 1996. – 374 с.
8. Харсеева А.В. Автореферат дис. канд. соц. наук. Протестная активность населения: социальные технологии формирования. – М. – 22 с.
9. Хохлова О.М. Общественное согласие в социально-политической сфере современного общества (монография). Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2016. – 176 с.
10. Хохлова О.М. Дихотомия «согласие-несогласие» в социальной сфере (философско-методологический анализ). Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11: защ. 06.12.2013, утв. 24.02.2014. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. – М. – 2013. – 175 с.
11. Хохлова О.М. Общественное согласие как условие развития современной России. – Социология. – 2024. – № 2. – С. 21–28.
12. Хохлова О.М. Гражданское общество в современной России. – Миссия Конфессий. Том 11. Часть 4. – 2022. – № 61. – С. 60–67.
13. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
14. Иванов Р.В. Патриотическое сознание современной молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 21–28.
15. Иванов Р.В. Политика патриотизма: особенности работы молодежных политических организаций (на примере Иркутской области) // Социология. 2024. № 6. С. 36–46.
16. Полюшкевич О.А. Социальное измерение счастья // Социология. 2022. № 2. С. 154–161.
17. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.

MULTIPOLARITY AS A STRUCTURAL CHANGE IN THE MODERN WORLD

Khokhlova O.M.

Irkutsk State University

This paper examines the structural changes currently occurring in the global community, altering its polarity, provoking protest, and potentially dramatically influencing international events. Multipolarity in modern conditions is introducing structural changes throughout the global community, leading to protest activity in various forms, and represents a unique phenomenon. The author believes that a unified approach to understanding protest activity in a multipolar world is urgently needed. The author assesses the stabilization of the transition from a unipolar to a multipolar system, which is clearly evident throughout the global community. The process of multipolarity facilitates important processes in the existence of individual states

within the international community: preserving their sovereignty, security, integrity, and national identity, while maintaining the ability to effectively develop, taking into account their traditions and characteristics, without the interference of unfriendly states. In the modern realities of globalization, the world order requires a new model built on the principles of multipolarity, ensuring and guaranteeing free, secure, and equal cooperation throughout the global community.

Keywords: globalization, protest, multipolarity, multipolar world, worldview, unfriendly states, structural changes, global problems of our time, world community.

References

1. Aleksandrova E. V., Zhuravleva G.P., Skripnikova M.I. The Emergence of the «Downshifting» Phenomenon // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. – 2016. – № 5–5. – P. 804–807. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=9525> (accessed: 19.12.2025).
2. Blonsky P.P. *Selected Pedagogical Works* / Ed. B.P. Esipov, F.F. Korolev, S.A. Frumov; compiled by N.I. Blonskaya, A.D. Sergeeva; Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. Institute of Theory and History of Pedagogics. – Moscow: Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. – 1961. – 696 p.
3. Vygotsky L.S. *Collected Works: in 6 volumes* / L.S. Vygotsky. – Moscow: Pedagogy. – 1982. – Vol. 4. – Child Psychology. – 432 p.
4. Zubir Ya., Dabashi H., Gupta A., Mahbubani K., Maharaj R., Xiang L., Jayatilaka D., Chellani B., Sanai M., Kardim K.E. The fate of humanity is once again closely intertwined with the fate of Russia // *Russia in global politics*. – 2022. – Vol. 20. – № 6. – P. 82–96.
5. Mazilov V.A. *Paradigms in psychology: from history to modernity*. A.L. Zhuravlev, T.V. Kornilova, A.V. Yurevich. *Paradigms in Psychology: A Science-Studies Analysis*. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. 2012, pp. 57–94.
6. *Multidimensionality and Integrity of Man in Philosophy, Science, and Religion: Proceedings of the International Scientific and Educational Conference* / edited by E.A. Taisina. Kazan: Kazan University. 2012, 404 p.
7. Obukhova L.F. *Child (Age) Psychology*. Moscow: Russian Pedagogical Agency. 1996, 374 p.
8. Kharseeva A.V. *Abstract of Cand. Sci. (Social Sciences) Dissertation. Protest Activity of the Population: Social Technologies of Formation*. Moscow. 22 p.
9. Khokhlova O.M. *Public Consent in the Socio-Political Sphere of Modern Society (monograph)*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 2016. – 176 p.
10. Khokhlova O.M. The Dichotomy of «Agreement-Disagreement» in the Social Sphere (Philosophical and Methodological Analysis). Diss. ... Cand. Philosophical Sciences: 09.00.11: defended. 06.12.2013, approved. 24.02.2014. Bauman Moscow State Technical University. – Moscow. – 2013. – 175 p.
11. Khokhlova O.M. *Public Consent as a Condition for the Development of Modern Russia*. – *Sociology*. – 2024. – № 2. – pp. 21–28.
12. Khokhlova O.M. *Civil Society in Contemporary Russia. – Mission of Confessions*. Vol. 11. Part 4. – 2022. – № 61. – Pp. 60–67.
13. Baev P.A. *Civic and National Identity of Russians* // *Sociology*. 2023. № 4. Pp. 69–76.
14. Ivanov R.V. *Patriotic Consciousness of Contemporary Youth* // *Sociology*. 2023. № 1. Pp. 21–28.
15. Ivanov R.V. *Patriotism Policy: Features of the Work of Youth Political Organizations (using the Irkutsk Region as an Example)* // *Sociology*. 2024. № 6. Pp. 36–46.
16. Polyushkevich O.A. *Social Dimension of Happiness* // *Sociology*. 2022. № 2. P. 154–161.
17. Polyushkevich O.A. *Trust in a Changing World* // *Sociology*. 2021. № 2. P. 87–92.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Образы патриотизма: проявления в молодёжной среде

Баев Павел Анатольевич,кандидат социологических наук, доцент, Байкальский
государственный университет
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования патриотизма в молодёжной среде. Показывается, что патриотизм выступает социальным индикатором общественного воспроизводства в условиях интеграции или дезинтеграции и разрушения социального уклада, если он недостаточно развит. Работа строится на теории структуризации Э. Гидденса о формировании множественной идентичности в условиях меняющегося мира, а также теориях Дж. Мид и А. Хохшильд о социальных ролях, которые мы выбираем для проявления патриотизма и гражданственности. Целью работы стало изучение механизмов раскрытия патриотизма в современном российском обществе. В эмпирической части работы приводятся результаты количественного исследования в виде опроса ($n = 1500$), в котором анализируются особенности проявления патриотизма среди молодёжи в возрасте от 18 до 35 лет и качественного исследования в виде фокус-группового интервью ($n = 15$), через которое прослеживаются ключевые смыслы патриотизма в молодёжной среде. Мы выявили смыслы понимания Родины и Малой Родины, определения их границ, мыслей, чувств, ассоциаций, связанных с Родиной, страной, народом. А также готовность действовать, чтобы патриотизм был не просто словом, а реальным инструментом изменения жизни и наполнения ее конкретным содержанием. Выделены разнообразные механизмы (социальные, психологические и культурные), которые через общие мировоззренческие и эмоциональные переживания, усиливают идеологическое и патриотическое развитие. Доказывается, что заставить быть патриотом невозможно, но можно воспитать патриотов, способных консолидировать общество. Перспективы развития данной темы в том, что патриотизм всегда зависит от внешних условий и внутренних стратегий адаптации под эти условия, поэтому он всегда меняется. Мониторинг данного процесса позволит проследить потенциал социальной солидарности и дезинтеграции общества, социальной активности направленной на интересы страны и личные мотивы служения обществу, а также основу формирования будущей идеологической составляющей общественного развития.

Ключевые слова: патриотизм, теория структуризации, молодёжь, социальная реальность, формы патриотизма, развитие общества

Вопросы патриотизма и гражданственности все чаще поднимаются в публичном пространстве и научной среде. Это вызвано самыми разнообразными социально-политическими трансформациями, которые приводят к тому, что все острее стоит вопрос о консолидации общества и конструирования идентичности [15; 16]. То, что объединяет людей и заставляет гордиться достижениями прошлого и настоящего лежит в основе патриотизма, который как состояние и как процесс отражает уровень социальной интеграции и дезинтеграции различных социальных групп и сообществ [17; 18]. Наиболее четко это видно в молодёжной среде, где наиболее чувствуется противоречивость или недоработанность принимаемых решений, которые становятся толчком к социальным протестам и формированию зоны неудовлетворенности.

Особенности новых условий солидарности и идентичности обозначены в теории структурами Э. Гидденса, где социальные институты, ограничивая волю индивида, формируют рамки проявления его идентичности и патриотических настроений. А также это становится основой проявления множественной идентичности, размывающей государственные и национальные рамки патриотизма, но усиливающей стратегии адаптации и принятия новых моделей поведения в меняющихся условиях мира. Также мы опирались на идеи Дж. Мид о конструировании новых условий и форм патриотизма на основе социального взаимодействия через новые социальные движения (добровольческие отряды поддержки пострадавших районов в результате СВО, пункты сбора помощи солдатам СВО). А также вопросы национальных решений в защиту нации, Родины, страны через призму эмоциональной политики в теории А. Хохшильд строятся через новые роли, которые принимает на себя один человек или целое сообщество.

Западные учёные рассматривают вопросы патриотизма в России достаточно активно, указывая в большей степени на этнические и националистические аспекты патриотизма в нашей стране [12; 13], вопросы социального устройства, интеграции и патриотизма [11; 14].

Отечественные учёные рассматриваются особенности развития патриотизма, ставят моменты этнитизации в один ряд с вопросами идеологии, социального благополучия, жизненных перспектив и прочих направления развития патриотической тематики, а также рассматривая вопросы государственной и гражданской идентичности [3; 4;

5]. Также это раскрывается через стратегии социальной реализации [6; 10] и консолидации, через символы гражданственности и патриотизма [7; 8]. Или же через иррациональные стратегии социального развития [1; 2; 9].

Таким образом, теоретическое осмысление новых условий и форм изменения патриотизма достаточно многогранно описано в имеющейся литературе. Но не позволяет выделить новые механизмы раскрытия патриотизма не только как идеологии, но как мировоззренческой необходимости для среднестатистического россиянина.

Методы исследования

Наше исследование состояло из двух этапов: первый – количественный, второй – качественный.

Массовый опрос молодежи позволил выявить особенности проявления патриотизма в современном российском обществе ($n = 1500$), опрошено 56% девушек и 44% юношей в возрасте от 18 до 35 лет, проживающих в разных регионах России. Опрос проводился в виде онлайн анкетирования. Квотами выборки были пол, возраст, региона проживания. Уровень образования: среднее – 10%, средне специальное – 33%, высшее – 57%. Социально-профессиональное положение: учиться – 27%, учиться и работает – 43%, работает – 30%.

Экспертное полуструктурированное фокус-групповое интервью позволило определить и раскрыть ключевые смыслы патриотизма в молодежной среде ($n = 15$). Экспертами выступили молодые люди, обладающие активной социальной позицией, участвующие в социально активной деятельности и фиксирующие свои достижения у себя на страницах в социальных сетях. Гайд вопросов позволил расширить полученные данные в массовом опросе.

Результаты исследования

Мы попытались выяснить смыслы патриотизма, понять какие значения вкладывают молодые люди в патриотизм, так как это не просто формальная категория, а социально обусловленный символ личного включения в социальное общественное воспроизводство, через нормы государственности и гражданской идентичности.

В анкете этот вопрос был открытым, в интервью также участники свободно формулировали смыслы и формы проявления патриотизма. Обобщая ответы, мы можем выделить несколько контекстов патриотизма.

Первый – когнитивный (37%), он опирается на понимание того, что тебя объединяет с кем-то (территория, народ, история), то этого уже достаточно, чтобы быть патриотом. *Я такой же, как те, кто живет со мной рядом, мы граждане одной*

страны, поэтому уже патриоты. (О.Д., радиофизик, 27 лет, Иркутск).

Второй – эмоционально-чувственный (45%), указывает на проявление ярких эмоций (чаще любви или ненависти в отношении Родины). *Быть патриотом – это любить Родину и поступать во благо Родины, воевать за Родину. Я люблю все то прошлое, что было в нашей стране, и стыжусь того, что есть сейчас.* (И.А., историк, 30 лет, Красноярск).

Третий – социально-ответственный (18%), отвечать за себя и свои поступки, за последствия принятых решений. Ответственность за людей, за культуру, за память, за экологию, за жизнь на конкретной территории, в конкретном месте и времени. *Если не ты, то никто – вот это и есть патриотизм.* (Г.В., биолог, 23 года, Красноярск).

Патриотизм для молодых людей выражается в разных моментах. Для одних он в выражении своих эмоций и чувств в отношении государства и его граждан (как позитивных, так и негативных), для других – в знании истории и культуры, для третьих в социальной ответственности в том, чем он постоянно занят, что составляет его повседневность – как проявляет себя на работе, в быту – во всем есть элементы любви к Родине.

Патриотизм и справедливость – это основа развития общественной солидарности и конструирования идентичности. О справедливости говорил каждый второй опрошенный. Если субъективно справедливого общества не будет, то и говорить о патриотизме нельзя, в несправедливом обществе не за кого бороться и нечего отстаивать. Это выбор быть в силе и правде, так как именно за правдой стоит справедливость.

Закон не является основой развития социального порядка. Он может работать или нет, но на качество жизни не влияет, а справедливость всегда находит тех, кто готов за неё бороться. *Справедливость – означает жить по совести, и любить Родину.* (Т.М., психолог, 26 лет, Екатеринбург). *Закон не дает чувства безопасности, а совесть определяет спокойствие и веру в свое завтра.* (И.И., математик, Хабаровск, 28 лет).

Патриотические переживания и волевые усилия в отношении того, что необходимо делать в отношении Родины становятся основой социального развития. Помогает формированию патриотизма эмоциональное проживание как положительных, так и отрицательных переживаний, которые подталкивают к реальным действиям (36%). *Любить Родину на словах всегда просто, а делами это подтвердить – может не каждый.* (О.Р., бухгалтер, 31 год, Иркутск). *Надо действовать через маленькие шаги на уроках истории и литературы в школе или политологии и социологии в вузе показывать, как становились патриотами, как не просто говорили о важности любви к Родине, но могли доказывать это делами, реализуя полученные на заня-*

тиях знания на практике. (С.М., философ, 33 года, Иркутск).

Быть предателем – это самое плохое, что может случиться с человеком. Быть предателем друзей, страны, Родины. Хаять то место, где ты родился и где родились твои предки – это преступление против своего рода. И никогда, это просто так, не закончится, за это будет наказание и ему и тем, кто ему помогает. (М.А., экономист, 34 года, Новосибирск).

Быть патриотом сегодня легко, потому что против России ополчился весь мир. И легко противостоять тем, кто нападает и негативно оценивает то место, где мы живем. (С.А., строитель, 30 лет, Кемерово).

Во время военной операции быть патриотом легко – проявляй свою волю и будь добровольцем, так же как и во время второй мировой войны – были добровольцы... Это меня роднит с моим дедом. Чувствую, что я такой же солдат своей Родины (Т.Ю., юрист, солдат СВО, демобилизован, 28 лет, Иркутск).

Мешать проявлению патриотических чувств также могут эмоции (25%). Например, ощущение не нужности себя как народа власти, невнимание к реальным проблемам населения со стороны власти, ощущение заброшенности и ненужности.

Далеко не везде есть школы и больницы. Не везде есть интернет. Это базовые условия для жизни в современном мире, но деньги власть распределяет на другие проекты, не те, которые закрывают базовые потребности народа, а те, что могут быть выгодны ей самой. (Г.А., инженер, 30 лет, Красноярск).

У нас все та же беда – дураки, да дороги. Есть деньги на многое, но никак не на то, что укрепляет и помогает простому населению жить. (И.О., бухгалтер, 33 года, Иркутск).

Чем реально живет народ – власть в Москве не знают. Доходы простых людей и тех, кто у власти отличаются не в 2–3 раза как в советское время, а в 100 раз, разве это правильно? Это плохо, потому что защищать тех, кто не думает ни о тебе, ни о твоей семье в голову не придет никому. (Н.Н., менеджер, 24 года, Красноярск).

Вопрос отсутствия социальной справедливости становится еще одним аргументом в пользу разрушения идей патриотизма и солидарности (22%).

Нет справедливого разделения денег в обществе. У нас одно запустение, в центре – хоромы роскошные строят. Так не должно быть и быть патриотом в этом ключе непонятно зачем – ведь нам лучше не сделают. (М.Т., экономист, 26 лет, Красноярск).

В более справедливом обществе, власть думает о народе, заботится об инфраструктуре, существует более справедливое распределение доходов. А в нашем обществе все наоборот, поэто-

му быть его патриотом проблемно. (А.В., дантист, 33 года, Новосибирск).

Отождествление себя с обществом или страной как форма идентичности становится ресурсом социального развития (18%). На патриотизм влияет отождествление себя с обществом, страной или с историей страны, с гражданами страны. Это то, что формирует категорию «своих».

Моя семья связана с историей нашей страны, прадед был революционером, дед дважды героем СССР на войне, отец – доктор наук, я следую традициям своей семьи – реализуюсь в сфере IT технологий, это то, что сейчас соответствует условиям жизни и современным перспективам дальнейшего развития общества (О.Н., руководитель IT компании, 34 года, Новосибирск).

Моя семья связана с историей России с 16 века, мои предки воевали за рубежи Российской империи и я продолжил их славное дело. Я – потому что так жили мои предки, и так хочу и буду жить я и мои дети и внуки – это и есть преемственность поколений, это и есть патриотизм, когда знаешь что защищаешь, за что и во имя чего и кого. Я готов защищать Россию во имя своих предков и своих потомков. (Д.А., военный, участник СВО, 34 года, Иркутск).

Людей консолидируют те группы и сообщества, в которые они входят и если это будут комсомольцы, пионеры или октябрята на современный манер, то и общество будет более консолидированным и целостным. И мы будем укреплять свою веру в целостность и единство общества. Если таких групп нет или мало, то и формирование патриотизма сомнительно. (И.М., социальный активист, 24 года, Красноярск).

Я патриот, потому что меня таким воспитали. Я такой не потому, что так надо, можно или важно, просто я иначе не умею. Не знаю, как не любить Родину, как не беречь честь, как не слышать душу и не верить сердцу. Быть патриотом только потому, что родился и вырос на этой земле – вот основа социального развития и личностного роста. (М.С., социальный активист, 28 лет, Новосибирск).

Патриотов становится меньше, потому что индивидуалистов все больше. Это утверждение в том или ином варианте поддерживал каждый третий опрошенный молодой человек. Эта тенденция в основе своей разрушает идеи коллективистского восприятия реальности, что мешает солидарности и патриотизму.

Невозможно быть патриотом и достигать своих личных целей, ты либо о себе думаешь, либо о стране. Усидеть на двух стульях нельзя. (Т.Т., историк, 34 года, Иркутск). *Если действия направлены на себя, свои цели, то они могут противоречить целям общества и формировать антипатриотические настрой.* (С.А., архитектор, 32 года, Барнаул).

В стране нет идеологии и для 22% молодых людей это причина отсутствия патриотизма у большей части населения. Не во что верить на уровне сплочения общества, поэтому разрушаются основы единства. *Нет веры в Бога, Царя и народ, так как нет идеологии. Надежда на духовную общность уходит в прошлое, а в настоящем остается пустота, которую не заполнить, пока нет патриотических установок и опоры на свою страну.* (О.Л., преподаватель, 30 лет, Иркутск). *Внешние условия нас во многом подталкивают быть сильными и едиными, но это внешняя грань консолидации, внутренние опоры разрушены, они не формируют новую реальность, они ее разрушают из-за отсутствия идеологии.* (М.М., композитор, 28 лет, Новосибирск).

Молодые люди основную ответственность за отсутствие идеологии возлагают на власть (82%), другие институты воспринимаются ими вторично (школа, вуз, семья, религия, армия и т.д.).

Идеология должна идти от власти, народ может придумать философию жизни, её объяснение, но не то, что будет консолидировать воедино всех. (А.А., историк, 24 года, Новосибирск).

Школа и армия, медицина и спорт получают задачи от власти – как и во имя чего мы что-то делаем, развиваемся. А если этого нет, нет идеологии, то мы теряем себя в повседневных заботах. И даже религия в наше время не поможет. Раньше она спасала, а сейчас нет. Но раньше и идеология имперская была, а российской так и не получилось сформировать. (О.П., политолог, 33 года, Улан-Удэ). *Патриотов воспитывают с самого детства, призвать быть патриотом невозможно. А у нас сегодня, в основном призывами и открещиваются.* (Г.Г., психолог, 29 лет, Красноярск).

Стоит отметить, патриотизм в контексте этничности не обнаружен ни в анкетах, ни в фокус-групповом исследовании. Это говорит о том, что от национально-этнических смыслов в современной России общество уходит к гражданско-государственным смыслам. Это показатель социальной толерантности и формирования поля объединения людей помимо нации и культуры. Хотя отличия межнациональные имеются, но они трактуются как инструмент регулирования своего положения для социальной солидарности.

В истории моего рода намешаны разные, корни, поэтому говорить о том, что я мордвин или татарин, тунгус или русский не могу, но все это мои предки, поэтому я россиянин. (С.Ю., историк, 30 лет, Улан-Удэ). *Сейчас национальные корни важны для отдельных семей, а для государства важно насколько хорошо ты знаешь его историю и можешь говорить на русском языке. Поэтому, я считаю себя, гражданином России, патриотом.* (В.А., психолог, 20 лет, Иркутск).

Полученные данные показывают разные состояния и оценки включенности в патриотическую ри-

торику современной молодежи. Она рождает разные лики патриотизма, которые формируют механизмы социальной адаптации к новым условиям жизни. Идеология и патриотизм тесно переплетаются в конструировании нового типа мышления нашего современника, который будет строить будущее. А насколько светлым оно будет – зависит от тех условий и форм, что мы создадим для молодых людей сегодня.

Обсуждение результатов исследования

Заставить полюбить Родину нельзя. Это можно только воспитать, через осознанное отношение к себе, к тем, кто рядом, к народу и стране. Это социальная ответственность за свое будущее и будущее страны, которая опирается не на индивидуалистические цели и ценности, а на идеи солидарности и общественного воспроизводства.

Нужны разнообразные механизмы, которые через общие мировоззренческие и эмоциональные переживания, смогут усилить условия идеологического и патриотического развития через социальные, психологические и культурные механизмы.

Социальные механизмы:

- семейная история, основанная не только на жизнеописании предков, но и их роли в освоении территории, развитии общества, проявления личных качеств и т.д.;
- семейная преемственность через развитие межпоколенных связей, социальные коммуникации родственников и личное взаимодействие;
- развитие гражданской и социальной ответственности, понимания своей роли в общественном развитии;
- просвещение молодых людей как через базовые уроки литературы, истории, географии, обществознания, так и более специализированные программы вузов и средне специальных учреждений в виде «основ российской государственности»;
- медийные образы государства, россиян, родины (в фильмах, сериалах, в новостях и т.д.) формируют понимание того, чем можно гордиться, о месте в мире (на основе прошлого и настоящего). это продукты культуры и искусства, журналистики и режиссуры, которые фиксируют внимание на определенных символах и формируют основные установки;
- образы героев прошлого и настоящего через армейскую символику, военные ритуалы, парады, присяги на верность и проч.;
- религиозная общность через ритуалы и праздники могут консолидировать общество и увеличить роль и значимость национальной культуры;
- формирование круга тех, с кем можно обсудить патриотические ценности, взгляды, образы

(транслируемые в СМИ и сети Интернет, а также в повседневной жизни). это поддержка группы, которая может усиливать те или иные позиции в отношении родины, государства, народа. Психологические механизмы:

- государственная и национальная идентификация (чувство общности со страной или народом, готовность разделять ценности и убеждения, интересы и взгляды);
- эмоциональные состояния, выраженные через чувство гордости и восхищения культурным наследием или людьми, сострадания к каким-либо группам, любви к природе и культуре – это основа эмоционально-интуитивной связи с родиной;
- когнитивные состояния, предполагают осознанное и осмысленное восприятие происходящих событий, которое позволяет формировать собственное поле убеждений и представлений о стране;
- мотивационные состояния, сформированные через желание и готовность служить обществу, внести вклад в развитие страны, защищать граждан и интересы страны, это все влияет на проявление патриотизма как реального действия;
- самооценка как форма патриотизма, то есть чувство принадлежности к успешной и уважаемой стране повышает уровень самооценки человека.

Культурные механизмы:

- символы государственности (герб, флаг, гимн) формируют патриотические чувства;
- национальные герои становятся прообразами для подражания и влияют на патриотические чувства;
- национальные традиции и обычаи усиливают чувство принадлежности к определенной общности;
- национальный язык как основа самосознания, приводит к уважению к своей стране и народу;
- уникальная культура народов России формирует межкультурную компетентность и приводит к многообразному развитию.

Полагаем, что формирование патриотизма требует участия всех институтов гражданского общества, которые строятся на межсекторном партнерстве и позволяют формировать толерантность и уважение к другим народам через многополярность развития нашего общества. Любовь к своей стране не возникает из неоткуда, она формируется, через уважение к истории и культуре, к менталитету и мировоззрению, готовности защищать интересы Родины во время мира и войны.

Представленные в исследовании данные показывают особенности взаимоотношений государства и общества. Патриотизм включен в повседневность. Задача его актуализировать и сделать заметной и значимой величиной для молодежи,

а не просто фактором фиксации внимания, как одним из многих явлений. Сегодня провисает формирование патриотизма «сверху» через идеологические установки, но легко находится реализация патриотизма «снизу» через конкретные дела и действия людей, во благо сообщества, определенной территории, региона, через их готовность проявлять эмпатию и сострадание и проявлять участие в отношении других.

Выводы

Наполнение символов патриотизма в современном обществе достаточно разнообразно. Его лики позволяют говорить о работе разных механизмов социального моделирования общественной идентичности и социального участия. Проведенное исследование позволило изучить понимание патриотизма молодыми людьми через когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции, фиксирующие социальные взаимодействия в условиях меняющегося мира.

Социальные и психологические механизмы развития патриотизма формируют определенный контекст социальной политики. А именно, отвечают на вопрос – какие задачи и инструменты должны закрывать конкретные мероприятия на местах, направленные на вовлечение населения в патриотические события в регионах, а также – какие стратегические задачи должны решать представители власти, формируя идеологическую повестку современности. Исследование показывает не только общую логику развития теоретической модели современного патриотизма, но практические фокусы внимания, направленные на максимальное включение общественности в патриотический дискурс.

Наше исследование зафиксировало актуализацию различных новых тенденций развития патриотизма:

- появление гражданско-государственных смыслов патриотизма и уход от явного этнически-культурного патриотизма;
- активизацию социальной ответственности молодых людей за себя и тех, кто окружает, территорию проживания и качество жизни, и фиксацию на индивидуалистических формах социального развития;
- механизмом социальной солидарности может выступать патриотизм как принцип повседневной жизни и социальная дезинтеграция как реакция на разрушение понимания основных представлений о возможном будущем человека и общества в целом.

Перспективами исследования выступают основные направления развития патриотических настроений через когнитивные аспекты (что будут знать граждане о Родине, долге, чести и проч.), аффективные переживания (что будут чувство-

вать в связи с победами и достижениями и проигрышами и провалами граждан страны) и что готовы будут сами делать на благо Отечества (поведенческий аспект). Это не статичные состояния, а постоянно меняющиеся, поэтому регулярный мониторинг позволит не только фиксировать состояние патриотизма в стране, но и видеть какие процессы его усиливают и ослабляют, что позволит регулировать государственную политику в сфере патриотизма и формировать в новых условиях идеологию или доктрину патриотизма современной России.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64. EDN: NYAUUM
2. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30. EDN: WGIIEH
3. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76. EDN: RAVVYG
4. Дробизева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261 EDN: HAAHUU
5. Журавлева И.А. «Разговоры о важном» как инструмент формирования патриотизма в образовательных учреждениях // Социология. 2024. № 3. С. 35–43. EDN: QBGUGR
6. Иванов Р.В. Основы и основания трансформации современного патриотизма // Социология. 2023. № 3. С. 17–27. EDN: FIRFMK
7. Иванов Р.В. Патриотическое сознание современной молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 21–28. EDN: NLFJJT
8. Иванов Р.В. Политика патриотизма: особенности работы молодежных политических организаций (на примере Иркутской области) // Социология. 2024. № 6. С. 36–46. EDN: MRBYIY
9. Иванов Р.В. Проблемы формирования экологического сознания как основы патриотизма на территории байкальского эко-региона // Социология. 2024. № 11. С. 40–44. EDN: WCSEER
10. Иванов Р.В. Реализация патриотического воспитания молодежи в современной России: региональный аспект. Монография. Иркутск, ИГУ, 2024. 96 с. DOI: 10.26516/978-5-9624-2235-0.2024.1-97 ISBN: 978-5-9624-2235-0 EDN: WKYXXG
11. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте // Вестник Института социологии. 2016. № 2 (17). С. 12–28. DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.394 EDN: WXB-JNH
12. Карнышев А.Д. Экономический патриотизм: государственные, этнорегиональные и личностные аспекты // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26, № 3. С. 509–517. DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(3).509-517 EDN: WAOPZX
13. Лимонцева Г.В. Взаимосвязь ценности патриотизма с личностными характеристиками студенческой молодежи // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(3).27 EDN: ZUQYFF
14. Метелева Е.Р. Формирование патриотизма как социальная технология: понятия, элементы, индикаторы. // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 3. С. 965–979. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).965-979 EDN: YLIMFC
15. Полюшкевич О.А. Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 124–132. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132 EDN: OJQKFU
16. Полюшкевич О.А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 192–202. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-192-202 EDN: MHIXAC
17. Полюшкевич О.А., Ким А.С. Социальная солидарность как социальный феномен: к разработке концептуальной схемы в рамках социологической науки // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. 19. № 2. С. 32–39. DOI: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-32-39 EDN: OAYAWU
18. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–84. DOI: 10.20339/AM.2-18.082 EDN: YQBBYW

IMAGES OF PATRIOTISM: MANIFESTATIONS AMONG YOUTH

Baev P.A.

Baikal State University

The article examines the features of the formation of patriotism among the youth. It is shown that patriotism acts as a social indicator of social reproduction and social reproduction in the context of integration or disintegration and destruction of the social order, if it is insufficiently developed. The work is based on the theory of structuration by E. Giddens on the formation of multiple identities in a changing world, as well as the theories of J. Mead and A. Hochschild on the social roles that we choose to manifest patriotism and citizenship. The aim of the work was to study the mechanisms of revealing patriotism in modern Russian society. The empirical part of the work presents the results of a quantitative study in the form of a survey (n = 1500), which analyzes the features of patriotism among young people aged 18 to 35 years and a qualitative study in the form of a focus group interview (n = 15), through which the key meanings of patriotism in the youth environment are traced. We identified the meanings of understanding the Motherland and Small Homeland, defining their boundaries, thoughts, feelings, associa-

tions related to the Motherland, country, people. As well as the contexts of readiness to start acting so that patriotism is not just a word, but a real tool for changing life and filling it with specific content. Various mechanisms (social, psychological and cultural) are identified that, through common ideological and emotional experiences, enhance ideological and patriotic development. It is proven that it is impossible to force one to be a patriot, but it is possible to educate patriots who are capable of consolidating society. The prospects for the development of this topic are that patriotism always depends on external conditions and internal strategies for adaptation to these conditions, so it is always changing. Monitoring this process will allow us to trace the potential of social solidarity and disintegration of society, social activity aimed at the interests of the country and personal motives for serving society, as well as the basis for the formation of the future ideological component of social development.

Keywords: patriotism, structuration theory, youth, social reality, forms of patriotism, development of society.

References

1. Ardashev R.G. Social Security in the Minds of Siberians // *Sociology*. 2024. № 7. pp. 59–64. EDN: NYAUUM
2. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social Security and Social Threats in the Perceptions of Young People // *Sociology*. 2025. № 1. pp. 26–30. EDN: WGIIEX
3. Baev P.A. Civic and National Identity of Russians // *Sociology*. 2023. № 4. pp. 69–76. EDN: RAVVYG
4. Drobizheva L.M. The Meanings of All-Russian Civic Identity in the Mass Consciousness of Russians // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020. № 4. pp. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261 EDN: HAAHUW
5. Zhuravleva I.A. «Conversations about the Important» as a Tool for Forming Patriotism in Educational Institutions // *Sociology*. 2024. № 3. pp. 35–43. EDN: QBGUGR
6. Ivanov R.V. Foundations and Bases for the Transformation of Modern Patriotism // *Sociology*. 2023. № 3. pp. 17–27. EDN: FIRFMK
7. Ivanov R.V. Patriotic Consciousness of Modern Youth // *Sociology*. 2023. № 1. pp. 21–28. EDN: NLFJJT
8. Ivanov R.V. Patriotism Policy: Features of the Work of Youth Political Organizations (using the Irkutsk Region as an Example) // *Sociology*. 2024. № 6. Pp. 36–46. EDN: MRBYIY
9. Ivanov R.V. Problems of Forming Environmental Consciousness as the Basis of Patriotism in the Territory of the Baikal Eco-Region // *Sociology*. 2024. № 11. Pp. 40–44. EDN: WCSEER
10. Ivanov R.V. Implementation of Patriotic Education of Youth in Modern Russia: Regional Aspect. Monograph. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. 96 p. DOI: 10.26516/978-5-9624-2235-0.2024.1-97 ISBN: 978–5–9624–2235–0 EDN: WKYXXG
11. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. Social conjunction in the resource aspect // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2016. № 2 (17). Pp. 12–28. DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.394 EDN: WXB-JHH
12. Karnyshev A.D. Economic patriotism: state, ethnoregional and personal aspects // *Bulletin of the Irkutsk State University of Economics*. 2016. Vol. 26, № 3. Pp. 509–517. DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(3).509-517 EDN: WAOPZX
13. Limontseva G.V. The relationship between the value of patriotism and personal characteristics of student youth // *Baikal Research Journal*. 2017. Vol. 8, № 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(3).27 EDN: ZUQYYF
14. Metelyova E.R. Formation of Patriotism as a Social Technology: Concepts, Elements, Indicators. // *Baikal Research Journal*. 2024. Vol. 15, № 3. Pp. 965–979. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).965-979 EDN: YLIMFC
15. Polyushkevich O.A. Consequences of the Pandemic: Prosocial Practices and Community Solidarity // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18. № 2. Pp. 124–132. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-124-132 EDN: OJQKFU
16. Polyushkevich O.A. New identity in modern patriotic cinema // *Humanitarian vector*. 2022. Vol. 17. № 2. pp. 192–202. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-192-202 EDN: MHIXAC
17. Polyushkevich O. A., Kim A.S. Social solidarity as a social phenomenon: towards the development of a conceptual scheme within the framework of sociological science // *Social and humanitarian sciences in the Far East*. 2022. Vol. 19. № 2. pp. 32–39. DOI: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-32-39 EDN: OAYAWU
18. Skudencov V.A. Economic Aspirations in the Structure of Patriotism of Student Youth // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2018. № 2. pp. 82–84. DOI: 10.20339/AM.2-18.082 EDN: YQB-BYW

Морально-психологический климат как детерминанта формирования мотивационной активности студентов к занятию физкультурой в вузе

Захарова Анастасия Васильевна,

старший преподаватель, Центр оздоровительной и адаптивной физической культуры Тюменского индустриального университета
E-mail: zaharovaav@tyuiu.ru

В статье представлено исследование процесса формирования мотивации у студентов высших учебных заведений к регулярному посещению академических занятий по физической культуре. Автором проанализированы ключевые детерминанты, оказывающие влияние на мотивационную сферу обучающихся, включая социально-психологические аспекты, уровень интереса к содержанию дисциплины, субъективное восприятие ее полезности для здоровья и профессионального будущего, а также организационно-педагогические условия. Особое внимание уделено анализу роли морально-психологического климата в учебных группах как критически важного, но часто игнорируемого фактора, опосредующего как учебную успеваемость, так и вовлеченность в спортивно-физкультурную деятельность. Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетирования студентов Тюменского индустриального университета и серии структурированных интервью преподавателей кафедры физической культуры и спорта. Выявлен и ранжирован комплекс сдерживающих факторов, главными из которых являются: низкий внутренний интерес и высокий уровень академического стресса. Теоретический анализ подкреплен мнениями ведущих ученых в области социальной психологии, педагогики и спорта. На основе интеграции данных анкетного опроса студентов, экспертных мнений преподавателей и теоретического обзора предложен системный подход к повышению мотивации, включающий целевое формирование благоприятного группового климата, модернизацию содержания занятий, совершенствование материально-технической базы и применение индивидуально-ориентированных педагогических технологий. Результаты исследования обладают практической значимостью для руководства кафедрами физического воспитания, администрации вузов при проектировании образовательных программ, учебных планов и внеучебных мероприятий, нацеленных на формирование устойчивой ценности физической активности и здорового образа жизни в студенческой среде.

Ключевые слова: физическая культура, студенты, мотивация, формирование мотивации, социально-психологический климат, учебная группа, здоровый образ жизни, образовательная среда.

Актуальность

Современное общество, характеризующееся возрастающими интеллектуальными нагрузками и цифровизацией всех сфер жизни, сталкивается с системным вызовом – критическим снижением уровня физической активности среди молодежи, особенно в студенческой когорте. Студенческий период, будучи важным этапом личностного и профессионального становления, часто сопровождается гиподинамией, обусловленной высокой учебной нагрузкой, малоподвижным образом жизни, доминированием экранного времени и распространением поведенческих рисков. Последствия недостаточной двигательной активности носят мультифакторный негативный характер: от роста рисков развития кардиометаболических заболеваний, ожирения и нарушений опорно-двигательного аппарата до повышения уровня тревожности, эмоционального выгорания и депрессивных состояний. В этом контексте дисциплина «Физическая культура» в вузе приобретает важное значение как единственная институционализированная форма обеспечения гарантированного объема двигательной активности. Однако, как свидетельствуют многочисленные исследования, ее потенциал реализуется не в полной мере ввиду низкой учебной мотивации значительной части студентов [1, 2]. Традиционные подходы к анализу данной проблемы часто ограничиваются рассмотрением организационных недостатков или содержания программ, упуская из виду мощный социально-психологический контекст, в котором эта деятельность происходит. Между тем, учебная группа по физической культуре представляет собой специфическую малую социальную группу, чья внутренняя атмосфера – морально-психологический климат – напрямую определяет эмоциональное самочувствие, ощущение безопасности и, как следствие, готовность студента к активному и регулярному участию. Таким образом, проблема целенаправленного формирования устойчивой положительной мотивации к посещению занятий по физической культуре должна рассматриваться комплексно, с обязательным учетом социально-психологического измерения, что и определяет практическую направленность данного исследования [18].

Обсуждение

Прежде чем анализировать влияние морально-психологического климата на мотивацию к физи-

ческой культуре, необходимо четко определить само понятие. В научной литературе используются близкие термины: «социально-психологический климат», «психологический климат», «морально-психологический климат». Несмотря на нюансы, они обозначают интегральную характеристику состояния малой группы, отражающую преобладающий психический настрой, систему отношений и удовлетворенность различными аспектами совместной деятельности.

Классическое определение Б.Д. Парыгина (1981 г.) описывает социально-психологический климат как «преобладающий и относительно устойчивый психологический настрой коллектива, который находит многообразные формы проявления во всей его жизнедеятельности» [3]. В.А. Пак акцентирует, что это «преобладающая и относительно устойчивая духовная атмосфера, отражающая отношения членов коллектива друг к другу и работе» [4]. Л.Г. Почебут, В.А. Чикер рассматривают его как «психологическое состояние коллектива, детерминированное спецификой межличностных отношений в группе, особенностями ее жизнедеятельности и выполняемых функций» [5].

В.М. Шепель предлагает рассматривать климат через три взаимосвязанные «зоны».

1. Социальный климат: осознанность общих целей, гарантированность прав.
2. Моральный климат: принятые в коллективе моральные ценности и нормы.
3. Психологический климат: эмоциональная окраска неофициальных, межличностных отношений [16, 17].

Применительно к спортивной или физкультурной группе исследователи выделяют ряд ключевых компонентов, формирующих климат:

- мотивационно-смысловой: принятие группой целей деятельности;
- когнитивный: наличие знаний о закономерностях развития группы;
- конструктивный: способность планировать и создавать ситуации, поддерживающие позитивную атмосферу;
- деятельностно-организационный: владение технологиями поддержания климата;
- рефлексивный: способность группы к самооценке и саморегуляции [6].

На морально-психологический климат влияет комплекс факторов. К субъективным относятся личностные особенности членов группы, их установки и ценности. К объективным – условия деятельности (оснащение залов, расписание) и организация учебного процесса. Ученые также выделяют основные факторы, специфичные для спортивных команд, полностью применимые и к вузовским группам: мотивация, сплоченность, совместимость, характер лидерства и уровень конфликтности [7].

Для оценки благополучия климата исследователи предлагают следующие критерии.

1. Удовлетворенность характером деятельности и взаимоотношениями в группе.
2. Сплоченность как степень притяжения членов группы друг к другу и к группе в целом.
3. Ценностно-мотивационное единство как разделение общих целей.
4. Характер коммуникаций (доброжелательность, поддержка) и уровень личной безопасности.
5. Коллективистская самоидентификация, когда члены группы относятся друг к другу с солидарностью и поддержкой.

Благоприятный климат не является самоцелью. Его значение раскрывается в мощном воздействии на эффективность групповой деятельности и развитие личности. В таком климате, как отмечается в исследованиях, формируются доброжелательность, защищенность, инициативность, креативность и повышенная работоспособность. Напротив, неблагоприятный климат порождает чувство незащищенности, агрессивность, пассивность и ведет к снижению результатов (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика благоприятного и неблагоприятного социально-психологического климата в студенческой среде

Критерий	Благоприятный климат	Неблагоприятный климат
Преобладающий эмоциональный тон	Бодрость, жизнерадостность, оптимизм	Напряженность, пессимизм, индифферентность
Характер взаимоотношений	Доброжелательность, сотрудничество, взаимопомощь, развивающая критика	Конфликтность, конкуренция, равнодушие, критика-осуждение
Отношение к совместной деятельности	Активность, инициатива, позитивный настрой	Пассивность, уклонение, формализм
Нормы и ценности	Уважение, справедливость, поддержка слабых и новичков, ценность ответственности и честности	Иерархичность, насмешки над отстающими, ценность формального результата
Восприятие успехов/неудач	Сопереживание, искренняя радость за успехи других, поддержка в неудачах	Зависть, злорадство, обвинение в неудачах
Чувство защищенности	Высокое: студент чувствует себя уверенно, свободно высказывает мнение	Низкое: страх насмешек, нежелание проявлять инициативу

Особенно важно положение М. Вебера и Ф. Тильмана о том, что одним из глубинных элементов сплочения группы выступает «защита от психологической тревоги» [8]. На занятиях фи-

зической культурой, где часто присутствует страх показаться неловким или неподготовленным, эта защитная функция благоприятного климата становится ключевой для вовлечения студентов.

Результаты исследования

Проведенное автором исследование в Тюменском индустриальном университете (2023–2024 гг.) выявило прямую связь между проблемами климата и низкой мотивацией студентов. Всего было опрошено 623 студента 1–3 курсов различных институтов ТИУ (стратифицированная случайная выборка, с сохранением пропорций по укрупнённым направлениям подготовки и полу). Респондентам предлагалось ранжировать по степени значимости список из 12 потенциальных сдерживающих факторов, составленный на основе анализа литературы и экспертных интервью с преподавателями. Кроме того, для понимания педагогического взгляда на проблему были проведены структурированные интервью с 12 преподавателями кафедры со стажем работы от 5 до 30 лет. Фокус вопросов сосредоточен на их оценке динамики мотивации студентов, восприятии атмосферы в учебных группах и типичных организационно-психологических проблемах в студенческих группах.

Хотя в прямой постановке вопроса о климате не звучало, многие выявленные барьеры являются его прямыми индикаторами.

1. Низкая сплоченность и групповое отчуждение. Фактор «отсутствие желания заниматься со студентами других групп» (13,6%) прямо указывает на проблемы групповой интеграции и низкий уровень сплоченности;
2. Конфликтность и дискомфорт в отношениях. 5,1% студентов указали на «плохие отношения с преподавателем или одноклассниками» как на препятствие.
3. Высокий стресс и эмоциональное выгорание. Лидирующие факторы «отсутствие желания/интереса» (19%) и «стресс от заданий на занятии» (разная нагрузка, например при выполнении силовых упражнений или упражнений на время) (18,8%) не существуют в вакууме. В группе с благоприятным климатом, где царит поддержка и взаимопомощь, учебный стресс может частично компенсироваться, а совместная двигательная деятельность восприниматься как ресурс для его снятия, а не как дополнительная нагрузка. Отсутствие такого буфера ведет к тотальному упадку мотивации.

Интервью с преподавателями кафедры физической культуры и спорта ТИУ подтвердили глубинную связь климата с мотивацией, указав на истоки проблемы:

- негативный исторический опыт («школьная травма»). Преподаватели отмечают, что у многих первокурсников сохраняется боязнь «пока-

зять себя», сформированная на школьных уроках, где царила атмосфера оценивания и сравнения, а не поддержки. Это классический пример долгосрочного влияния неблагоприятного психологического климата, который блокирует желание проявлять активность и во взрослом возрасте;

- роль личности педагога как «климатообразующего» фактора. Преподаватели подчеркивают, что «сам преподаватель должен выглядеть более спортивным, разбираться в предмете... Хорошо поставленная речь – все это должно поднимать мотивацию». Это полностью согласуется с научным взглядом на роль тренера или педагога как ключевой фигуры в формировании атмосферы в группе;
- недооценка важности климата в организации учебного процесса. Хотя преподаватели видят симптомы, системная работа по диагностике и оптимизации социально-психологического климата в учебных группах, как правило, не ведется. Акцент смещен на материально-техническую базу и формальное содержание программ, в то время как психологическая составляющая остается стихийной.

В контексте выявленных проблем и поиска путей их решения представляет значительный интерес опыт Тюменского индустриального университета, который с сентября 2025 г. реализует новую модель организации занятий по дисциплине «Физическая культура». В ее основу положен принцип свободы выбора: студенты самостоятельно определяют направление деятельности (волейбол, бассейн, силовой фитнес, фитнес-аэробика, настольный теннис, скандинавская ходьба, дартс, шахматы-шашки, баскетбол), которое они будут посещать в течение семестра. В результате формируются не традиционные академические группы, а условные «секционные» коллективы, объединенные общим интересом к конкретному виду физической активности. Дополнительным удобством является возможность выбрать территориально более близкий учебный корпус, так как занятия по разным направлениям проводятся на нескольких спортивных базах университета.

Данная практика, безусловно, создает определенные организационные сложности, прежде всего связанные с логистикой и необходимостью закладывать дополнительное время на перемещения между корпусами. Однако с точки зрения социально-психологических основ мотивации, этот эксперимент имеет высокий потенциал. Предполагается, что такая система способствует:

- формированию первоначальной сплоченности на основе общих интересов, что является более прочным фундаментом, чем случайное распределение по списку академической группы;
- снижению уровня тревожности и страха оценки, поскольку студент попадает в среду едино-

мышленников, где его выбор деятельности изначально свидетельствует о принятии и предрасположенности к данному виду активности;

- повышению внутренней мотивации и субъективной значимости занятий через механизм самостоятельного, а не навязанного, выбора, что усиливает личную ответственность и вовлеченность;
- созданию предпосылок для более благоприятного морально-психологического климата, где доброжелательность и поддержка естественнее возникают в коллективе, объединённом общей целью (овладение конкретной спортивной игрой, улучшение физической формы в выбранном направлении и т.д.).

Эффективность этой модели, ее влияние на динамику группового климата и конечную учебную мотивацию требуют отдельного изучения. Эти изменения найдут отражение в последующих авторских исследованиях, направленных на оценку долгосрочного эффекта от внедрения личностно-ориентированного выбора в рамках регламентированной физкультурно-спортивной деятельности.

Выводы

На основе теоретического анализа и эмпирических данных можно сформулировать конкретные рекомендации, направленные на управление климатом как инструментом повышения мотивации.

Необходимо внедрить регулярную (например, в начале и середине семестра) простую диагностику климата в учебных группах. Можно использовать адаптированные опросники (например, «Оценка психологического климата в коллективе» Л.Н. Лутошкина), фокус-группы или метод неоконченных предложений. Цель – выявить «болевые точки»: уровень сплоченности, наличие микрогрупп, характер конфликтов, ощущение безопасности.

Педагог должен осознанно брать на себя роль фасилитатора позитивного климата, отвечающего за:

- создание ситуаций успеха и поддержки: активно поощрять усилия, а не только результат; внедрять принцип «прогресс важнее перфекционизма»;
- формирование норм группового взаимодействия: явно проговаривать и демонстрировать ценности взаимопомощи, уважения, запрета на насмешки; внедрять систему «студентов-наставников» для новичков или менее подготовленных;
- использование технологий командообразования: включение в разминку или основную часть занятия коротких игровых упражнений и эстафет, требующих кооперации, а не конкуренции;

- демократизация общения: поощрение открытого диалога, учет мнений студентов при выборе элементов занятия.

Необходимы также организационно-методические изменения:

- внедрение коллективных и проектных форм работы: целесообразно практиковать задания, которые требуют от студентов объединения усилий, разделения обязанностей, что порождает взаимную ответственность. Например, подготовка и проведение силами группы разминки, разработка комплекса упражнений на определённую мышечную группу;
- дифференциация заданий с учетом групповой динамики: при формировании подгрупп для упражнений можно не только учитывать уровень физической подготовки, но и целенаправленно создавать микрогруппы из студентов, слабо связанных между собой, для усиления общегрупповой сплоченности;
- интеграция в образовательный процесс кураторов академических групп: налаживание взаимодействия между куратором учебного потока и преподавателем физкультуры для единой стратегии формирования климата, переноса позитивных моделей общения из спортивного зала в академическую среду и обратно.

Таким образом, мотивация студента к посещению занятий по физической культуре – это не просто сумма его личных интересов и установок. Она формируется и проявляется в конкретном социально-психологическом поле учебной группы [9, 10]. Морально-психологический климат, понимаемый как устойчивая атмосфера взаимоотношений, ценностей и эмоционального самочувствия выступает критически важным опосредующим звеном между организацией учебного процесса и внутренним миром студента. Неблагоприятный морально-психологический климат, характеризующийся разобщенностью, напряженностью и отсутствием безопасности, выступает мощным демотивирующим фактором, который сводит на нет даже хорошо спланированное содержание занятия [11–15].

Результаты исследования свидетельствуют, что проблемы климата (негативный прошлый опыт, низкая сплоченность, страх оценки) являются скрытыми, но фундаментальными причинами низкой посещаемости и формального отношения к дисциплине. Следовательно, стратегия повышения мотивации должна обязательно включать в себя системную работу по диагностике и целенаправленному формированию благоприятного морально-психологического климата в учебных группах. Это требует перехода от взгляда на преподавателя физической культуры лишь как на специалиста по двигательной активности к его восприятию как педагога-психолога, организатора группового взаимодействия и ключевого

«архитектора» образовательной среды, в которой ценятся поддержка, личный прогресс и коллективное достижение. Инвестиции в создание такой среды – это инвестиции не только в физическое, но и в психическое здоровье студенчества, в формирование у него навыков конструктивного общения и командной работы, востребованных в любой будущей профессии.

Литература

1. Смирнова И.А., Глухова А.Н. Физическое воспитание студенческой молодежи / В сб.: Межд. науч.-прак. конф. им. Д.И. Менделеева, посвященная 90-летию профессора Р.З. Магарила. Материалы конференции. Отв. ред. А.Н. Халин. Тюмень, 2022. С. 215–217.
2. Смирнова И.А. Здоровый образ жизни в представлениях современных студентов // Human Progress. 2024. Т. 10. № 9.
3. Морально-психологический климат как элемент организационной культуры высшего учебного заведения // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 21–28.
4. Пак В.А. Социально-психологический климат в малой спортивной группе как условие развития личности: дисс. ... канд. психол. Наук. М., 1999.
5. Почебут Л. Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология: учебное пособие. СПб.: Речь, 2000. 289 с.
6. Шепель В.М. Возрастные ценности философии как учения об универсальных правилах познания // Образовательные технологии. 2015. № 2. С. 17–26.
7. Шадрина Д. С., Смирнова И.А. Роль мотивации в построении спортивной карьеры / В сб.: Материалы межд. науч.-прак. конф. им. Д.И. Менделеева. / Отв. ред. А.Н. Халин. Тюмень, 2023. С. 506–508.
8. Пономарев Н.И., Рейзин В.М. О формировании потребности человека в физкультурно-спортивной деятельности (теоретический аспект) // Теория и практика физической культуры. 1988. № 10. С. 2–4.
9. Каменский Д. А., Гаджимурадова Г.З., Сергеева А.Г., Сердюковский В.В. Влияние физических упражнений на качество сна, успеваемость и социальную активность студента // Физическая культура и спорт в профессиональном образовании: Межвузовский сборник научно-методических работ / Под ред. Щеголева В.А. 2020. С. 80–82.
10. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: учеб. Пособие. М.: Академия, 2016. 272 с.
11. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Особенности бессознательных стратегий спортивных достиже-

ний студентов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 9. С. 38.

12. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Спортивные достижения студентов в структуре социального успеха // Теория и практика физической культуры. 2022. № 12. С. 90.
13. Ардашев Р.Г. Субъективные представления о значимости спортивных достижений молодежи среди групповых и индивидуальных видов спорта // Теория и практика физической культуры. 2021. № 11. С. 29.
14. Баев П.А. Спорт и патриотизм молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 2. С. 30.
15. Полюшкевич О.А. Патриотизм и спорт в просоциальной активности молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10.
16. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В. Просоциальная активность как социальный капитал волонтеров при спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 92.
17. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В. Просоциальные практики в спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 50.
18. Хохлова О. М., Катунцева А.В., Дмитриева Л.Ю. Здоровый образ жизни в многополярном мире как показатель национальной безопасности // Теория и практика физической культуры. 2025. № 8. С. 31.

THE MORAL AND PSYCHOLOGICAL CLIMATE AS A DETERMINANT OF THE FORMATION OF STUDENTS' MOTIVATIONAL ACTIVITY FOR PHYSICAL EDUCATION AT THE UNIVERSITY

Zakharova A.V.
Industrial University of Tyumen

The article presents a study of the process of motivation formation among students of higher educational institutions to regularly attend academic physical education classes. The author analyzes the key determinants that influence the motivational sphere of students, including socio-psychological aspects, the level of interest in the content of the discipline, the subjective perception of its usefulness for health and professional future, as well as organizational and pedagogical conditions. Special attention is paid to the analysis of the role of the moral and psychological climate in study groups as a critically important but often ignored factor mediating both academic performance and involvement in sports and physical education activities. The empirical basis of the study was the results of a survey of students of Tyumen Industrial University and a series of structured interviews with teachers of the Department of Physical Culture and Sports. A set of deterrent factors has been identified and ranked, the main of which are: low internal interest and a high level of academic stress. The theoretical analysis is supported by the opinions of leading scientists in the field of social psychology, pedagogy and sports. Based on the integration of student questionnaire data, expert opinions of teachers and a theoretical review, a systematic approach to increasing motivation is proposed, including the targeted formation of a favorable group climate, modernization of the content of classes, improvement of the material and technical base and the use of individually oriented pedagogical technologies. The results of the study are of practical importance for the management of physical education departments, university administrations in the

design of educational programs, curricula and extracurricular activities aimed at creating a sustainable value of physical activity and a healthy lifestyle among students.

Keywords: physical education, students, motivation, motivation formation, socio-psychological climate, study group, healthy lifestyle, educational environment.

References

1. Smirnova I.A., Glukhova A.N. Physical education of student youth / In: Int. scientific-practical. conf. named after D.I. Mendeleev, dedicated to the 90th anniversary of Professor R.Z. Magaril. Conference Proceedings. Ed. A.N. Khalin. Tyumen, 2022. Pp. 215–217.
2. Smirnova I.A. Healthy lifestyle in the views of modern students // Human Progress. 2024. Vol. 10. № 9.
3. Moral and psychological climate as an element of organizational culture of a higher educational institution // Modern problems of science and education. 2013. № 6. Pp. 21–28.
4. Pak V.A. Social and psychological climate in a small sports group as a condition for personality development: diss. ... Cand. Psychol. Sciences. Moscow, 1999.
5. Pochebut L. G., Chiker V.A. Organizational Social Psychology: A Study Guide. St. Petersburg: Rech, 2000. 289 p.
6. Shepel V.M. Age-Related Values of Philosophy as a Teaching on the Universal Rules of Cognition // Educational Technologies. 2015. № 2. Pp. 17–26.
7. Shadrina D. S., Smirnova I.A. The Role of Motivation in Building a Sports Career / In the collection: Proceedings of the International Scientific and Practical Conf. named after D.I. Mendeleev. / Ed. A.N. Khalin. Tyumen, 2023. Pp. 506–508.
8. Ponomarev N. I., Reizin V.M. On the Formation of Human Needs for Physical Culture and Sports Activities (Theoretical Aspect) // Theory and Practice of Physical Culture. 1988. № 10. pp. 2–4.
9. Kamensky D. A., Gadzhimuradova G.Z., Sergeeva A.G., Serdyukovsky V.V. The Impact of Physical Exercise on the Quality of Sleep, Academic Performance and Social Activity of Students // Physical Culture and Sports in Professional Education: Interuniversity Collection of Scientific and Methodological Works / Ed. by Shchegolev V.A. 2020. pp. 80–82.
10. Lubyshcheva L.I. Sociology of Physical Culture and Sports: Textbook. Manual. Moscow: Academy, 2016. 272 p.
11. Ardashev R. G., Turkova V.N. Features of Unconscious Strategies of Students' Sports Achievements // Theory and Practice of Physical Culture. 2022. № 9. P. 38.
12. Ardashev R. G., Turkova V.N. Students' Sports Achievements in the Structure of Social Success // Theory and Practice of Physical Education. 2022. № 12. P. 90.
13. Ardashev R.G. Subjective Perceptions of the Significance of Young People's Sports Achievements in Group and Individual Sports // Theory and Practice of Physical Education. 2021. № 11. P. 29.
14. Baev P.A. Sports and Patriotism of Young People // Theory and Practice of Physical Education. 2025. № 2. P. 30.
15. Polyushkevich O.A. Patriotism and Sports in the Prosocial Activity of Young People // Theory and Practice of Physical Education. 2025. № 10.
16. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V. Prosocial activity as social capital of volunteers during sports competitions // Theory and Practice of Physical Education. 2024. № 7. P. 92.
17. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V. Prosocial practices in sports activities // Theory and Practice of Physical Education. 2023. № 2. P. 50.
18. Khokhlova O. M., Katuntseva A.V., Dmitrieva L. Yu. Healthy lifestyle in a multipolar world as an indicator of national security // Theory and Practice of Physical Education. 2025. № 8. P. 31.

Жизненный успех в представлениях россиян

Маслодудова Наталья Владимировна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье проводится анализ социально-исторических и социокультурных условий формирования представлений о жизненном успехе. Рассматриваются особенности современной постоянно меняющейся ситуации в современном обществе. Приводятся результаты исследования представителей трех поколений в оценках жизненного успеха. Отличия трактовок жизненного успеха зависят от опыта социализации и способов адаптации к меняющемуся миру, а схожесть опирается на материальные блага, известность, физическое и психологическое здоровье, самореализация, творчество, креативность, польза для других.

Ключевые слова: жизненный успех, поколение, социальные представления, оценки, жизненные возможности, жизненные условия.

Жизненный успех – это сложное субъективное понятие, которое опирается на самореализацию личности и в то же время признание окружающими успехов человека, то есть это и внутренний ориентир и внешняя оценка одновременно. Внутренний критерий успеха опирается на способности и интересы, навыки и возможности человека, которые формируются при его первичной и вторичной социализации. Внешний критерий формируется из оценок ближайшего окружения и общества в целом.

Те, кому не интересно то, чем они занимаются во время работы или чему учатся во время учебы – не могут быть успешны и реализованы. Но в тоже время, их интересы могут раскрываться в других сферах, если они позволят отступить от канонов, предписанным окружением. Стоит уточнить, что таких значительно меньше, большая часть из них не имеет никаких ориентиров к успешности как явлению и процессу.

Те, кто ищет и реализует себя, опираясь на собственные интересы (выбирает обучение исходя из собственных предпочтений, а не социальных ожиданий, проявляет социальную активность и ответственность, лично вовлечен в проекты, которые реализует и проч.). Они получают признание вне зависимости от того, какую сферу жизнедеятельности ни выбрали (от науки до бизнеса, от власти до общественной деятельности).

Социальные ожидания и индивидуальный успех – формируют сложную многоуровневую систему взаимодействия [13].

Не признание обществом достижений человека – может влиять на его неудовлетворенность своими достижениями, разочарования в себе и в обществе, пессимистичных оценок своего будущего и общества в целом. Это может подтолкнуть человека отойти от того, что интересно, ради получения социального и материального признания. Особенно это стало очевидно в нашей стране, в период перестройки, когда высококвалифицированный труд перестал цениться и его оплата была не достаточной, чтобы прокормить семью, многие реализованные в профессиональном плане люди – уходили совершенно в другие сферы деятельности, где сам труд был не столь увлекательным, но оценивался на порядок выше. В результате общество потеряло целый слой профессионалов и как следствие – торможение научного и технического прогресса, а люди – внутренний ориентир развития.

Если же складывается обратная ситуация: общество признает успехи и достижения человека, а он – нет [24, 25]. Это говорит о том, что человек делает то, что от него формально требуют, но внутреннего интереса и удовлетворения своей деятельностью – нет. Например, при современных ориентирах важности массовой культуры (в виде материальных благ и услуг) ориентир на формализм и бюрократию становится показателем роли и значений той или иной деятельности для человека. К тому же, материальный достаток приносит удовлетворение – только первые месяцы стабильного дохода, после – чувство неудовлетворенности может расти, если не появляется интереса к своей работе или элементам служения (как некогда действовали меценаты).

Если и общество и сам человек признают успех, то это указывает на гармоничное развитие социальных условий и возможностей для человека. Они сами по себе становятся примерами для подражания. Так формируются кумиры (музыкальные, спортивные, танцевальные).

В современном мире, индивидуалистические ценности перевешивают ценности коллективистские, это приводит к тому, что личный успех более важен, нежели чем успех социальный. Например, социальная ответственность становится все более востребованной именно потому, что предполагает наличие ресурса, который можно направить на общее социальное благо, не концентрируя его на одном человеке или небольшой группе людей. Причем, социальная ответственность как ресурс для бизнеса – может выражаться в финансах, для некоммерческих организаций в социальных связях и инициативах, для СМИ в публичном освещении и максимальном охвате разных социальных групп и т.д. (О.С. Кокоткина [12], С.В. Мостиков и Л.В. Тарасова [14], Л.В. Рожкова и В.А. Гладилина [18]).

В разные социокультурные и исторические периоды успех может приобретать разные формы (Р.Г. Ардашев [1–4], Н.Н. Седова [19]). Сложившиеся нормы и традиции, правила и ритуалы закрепляют нормативные представления об успехе. Во времена перемен, когда рушится вся сфера традиционного уклада – меняются и нормы успеха. Ценностные ориентиры размываются. Возникают новые альтернативные стандарты поведения, новые ритуалы.

В этих условиях – одни готовы проявлять себя, порой активно-агрессивно, показывая радикальные проявления, близкие к экстремизму, максимально проявляя свою индивидуальность, а другие наоборот – закрываются, придерживаясь стратегий конформизма и пассивности, размывая и пряча свою уникальность и индивидуальность. Давление среды осуществляется и на тех и на других, но выбранные стратегии – приводят к разным результатам (П.В. Смирнова и О.В. Цаплина [23]).

Некоторые ученые говорят о том, что россиянам всегда была присуща такая черта как неуважение к порядку, праву, то, на чем строилась экстремистская идеология в целом и противостоящая им идеология конформистов, тех, кто хотел бы не проявляться и быть незаметным ни для властей, ни для других людей. Эти противоречивые тенденции иллюстрируют непростую ситуацию для выбора приемлемого поведения для себя самого в условиях неопределённости.

На сегодняшний день, максимально проявляются модели успеха через экономические притяжения (П.А. Баев [5–8], В.А. Скуденков [20–22]), которые выражаются в наличие брендовой одежды, дорогой квартиры и машины, возможностью регулярно отдыхать в модных и престижных местах и т.д. Это все внешние элементы, которые позволяют окружающим считать конкретного человека успешным. При этом, духовные ориентиры не воспринимаются как показатели успеха, скорее как личный выбор, который не обаятелен для всех (О.А. Полюшкевич [15–17]).

Скорее всего, резкий вектор в сферу материального вызван общим низким уровнем жизни, когда именно материальные блага становятся зримым доказательством изменения социального статуса человека и его семьи. Именно поэтому, проявляется показная демонстрация (как фиксация доказательства – изменения материального статуса человека или группы людей). Притяжение материальных благ для многих выступает прямым ориентиром, куда и к чему стоит стремиться. Но это, увы, не дает гарантий того, что человек после достижения желаемого станет счастливым (И.А. Журавлева, Р.В. Иванов, В.В. Тетерин [9–11]).

Полагаем, что настоящий успех возникает тогда, когда человеку, получается гармонизировать все стороны своей жизни и добиться в каждой значимых показателей (критериев успеха). При этом, уровень дохода, материального статуса и уровень удовлетворенности жизнью не имеют прямой зависимости.

Таким образом, личный успех может быть легальным и не легальным, но он базируется на таких личностных качествах человека как уверенность, оптимизм, активность, физическое здоровье, просоциальное поведение, креативность, устойчивость к стрессу и проч. любые способы достижения успеха могут привести к разрушению социальных связей, коррупции, так и обесцениванию личных взаимодействий формального и неформального характера.

Погоня за статусом может привести к отказу или утрате своих истинных желаний и потребностей. Результатом этого становится потеря индивидуальности, проявления которой так активно способствует идеология вестернизированного

мира. Иллюзия успеха может быть обусловлена стремлением к самоутверждению.

Особенности исследования

В исследовании приняли участие 1200 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин, имеющий среднее образование – 15%, средне-специальное – 35%, высшее – 55%, проживающих в разных регионах Российской Федерации.

Исследование проводилось путем онлайн опроса через платформу www.google.com. После согласия на участие в исследовании, респонденты высылались анкета из 46 вопросов, где мы попытались выявить критерии успеха для разных поколений и социальных групп.

Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

Жизненный успех для всех поколений завязан на материальные блага (старшее поколение (55 лет и старше) – 56%, среднее (35–54 года) – 58%, младшее (18–34 года) – 60%). Также для старшего поколения важно физическое здоровье (21%) и польза для других (33%). Для представителей среднего поколения – психологическое здоровье (17%), общественное признание (25%). Для младшего поколения – известность (22%), самореализация, творчество, креативность – 18%. Распределение ответов по возрастам позволяет увидеть смысловые и ценностные акценты разных поколений.

Жизненный успех – это цель, к которой приходишь к концу жизни (так полагают 66% старшего поколения и 35% среднего, 22% младшего поколения). Жизненный успех – это процесс, который проявляется на протяжении жизни в разных социальных условиях (так считают 34% старшего поколения, 65% среднего и 78% младшего). Иными словами, большая часть респондентов в процессе жизни оперирует разными критериями и категориями успеха, чем младше респонденты, тем больше вариантов и возможностей для жизненного успеха они видят для себя, соответственно, чем старше – тем меньше этих возможностей у опрошенных.

Жизненный успех фиксирует сам человек и может судить – достиг он чего-то в жизни и нет (так полагают 40% старшего поколения, 28% среднего и 24% младшего). Насколько жизненный успех значимы и является примером для других фиксирует окружение человека, позволяя оценить его достижения (таких взглядов придерживаются 60% старшего поколения, 72% среднего и 76% младшего). То есть, ориентир на внешние символы успеха (прежде всего материальные, так как их легче подсчитать), а также социальные (которые количественно измеримы (начиная от количества дипломов, наград, экспертных оценок и проч., за-

канчивая количеством знакомств и возможностей решить любой вопрос) определяет насколько успешен респондент.

Успех зависит от случая или удачи, которая спонтанно может появиться у человека (это видно в оценках 32% старшего поколения, 47% среднего и 68% младшего поколения). Жизненный успех зависит от труда и личных усилий человека – полагает 68% старшего поколения, 53% среднего и 32% младшего. Это говорит о том, что чем младше опрошенные, тем больше инфантильности и нежелания брать на себя ответственность за свою жизнь проявляют люди, чем старше, тем больше уверенности в том, что приложенные усилия и усердие – рано или поздно даст свой результат. Это характеристика времени – рассчитывать на себя (люди более старшего возраста) или на случайное стечение обстоятельств и личную звезду удачи (представители более младшего возраста).

Дополнительными факторами (условиями) жизненного успеха выступают разные качества. Для старшего поколения это: упорство (35%), трудолюбие (33%), готовность идти на жертвы (32%). Для представителей среднего поколения это: активность (40%), инициатива (35%), готовность рисковать (25%). Для представителей младшего поколения это: нестандартность (37%), креативность (33%), удачливость (30%). Более старшие поколения опираются на личные ориентиры, которые позволяют, соответствуя социальным ожиданиям, – получать желаемое, младшее поколение опирается не на социальные нормы, а на индивидуальные стратегии проявления и возможности противостояния существующим правилам.

Таким образом, жизненный успех для разных поколений формируется через разнообразный опыт социализации, преломляется через нормы вестернизированной культуры массового общества. Это приводит к все более тотальному ориентированию на индивидуализм и в меньшей степени коллективизм (в основном среди старшего поколения). Это фиксирует достаточно условие социальные ориентиры и возможности трансформации личных жизненных историй успеха.

Выводы

Критериями жизненного успеха выступают в современном меняющемся российском обществе:

- материальные блага;
- общественное признание и известность;
- здоровье (физическое и психологическое);
- самореализация, творчество, креативность (вне зависимости от сферы деятельности);
- польза для других (как пример или ориентир или как возможность измениться благодаря опыту человека).

Это то, что дает основу социальной компетентности и перспективам социального развития в конкретный момент времени, показывает ориентиры и возможности реализации для разных поколений россиян.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Новые жизненные миры россиян после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2021». Москва, 2021. С. 23–26.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.
4. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность: возможности и угрозы адаптационной гибкости // Социология. 2026. № 1. С. 6–9
5. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
6. Баев П.А. Молодёжные социальные активисты в медиасреде // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20. № 3. С. 21–30.
7. Баев П.А. Социальные последствия цифровизации труда // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25. № 4. С. 387–392.
8. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
9. Журавлева И.А. Образовательные траектории студенческой молодежи в структуре жизненного мира // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 371–374.
10. Журавлева И. А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
11. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
12. Кокоткина О.С. Формирование модели жизненного успеха личности: социально-философский аспект // Вестник Луганского государственного университета имени В. Даля. 2021. № 1 (43). С. 228–230.
13. Маслодудова Н.В. Успех в информационном обществе // Социология. 2026. № 1. С. 35–39
14. Мостиков С. В., Тарасова Л.В. Успех, профессионализм и счастье: анализ социальных представлений как элементов познания // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 9. С. 46–53. <https://doi.org/10.24158/spp.2025.9.5>.
15. Полюшкевич О.А. Идеи альтруизма и эгоизма через призму счастья // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, Вол НЦ РАН, 2020. С. 240–243.
16. Полюшкевич О.А. Социальная активность горожан (на примере Иркутска) // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 456–464.
17. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В., Борисова Ю.В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37–44.
18. Рожкова Л. В., Гладилина В.А. Социальный успех в моделях личного успеха современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 5–14. doi: 10.21685/20723016-2025-1-1
19. Седова Н.Н. Жизненный успех молодежи – от Москвы до самых до окраин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 505–529. doi: 10.14515/monitoring.2019.6.26
20. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 г.) // Социология. 2018. № 2. С. 118–122.
21. Скуденков В.А. Экономические и социальные притязания в условиях виртуализации образа жизни молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 168–173.
22. Скуденков В.А. Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 104–109.
23. Смирнова П. В., Цаплина О.В. Атрибуция успехов и неудач как ресурс проектирования

профессионально-личностного развития студентов // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 2. С. 55–62. – URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.6>

24. Полюшкевич О.А. Перекодировка фрейма «личность» в дискурсе отечественного социума (1984–2000 гг.) // Социологические исследования. 2011. № 5 (325). С. 104–110.
25. Полюшкевич О.А. Личностный потенциал человека и социокультурная солидарность общества // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2011. № 2. С. 3–10.

SUCCESS IN LIFE AS PERCEIVED BY RUSSIANS

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article analyzes the socio-historical and socio-cultural conditions for the formation of ideas about success in life. The article examines the characteristics of the constantly changing situation in modern society. The article presents the results of a study examining the assessments of success in life by representatives of three generations. Differences in interpretations of success in life depend on socialization experiences and methods of adaptation to a changing world, while similarities are based on material wealth, fame, physical and psychological health, self-realization, creativity, and service to others.

Keywords: success in life, generation, social perceptions, assessments, life opportunities, living conditions.

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in the New Life-Meaning Orientations of Russians // Global and Regional Impacts in the System of Modern Societies. Collection of Scientific Papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. pp. 130–134.
2. Ardashev R.G. New Lifeworlds of Russians after COVID-19 // Modern Society in the Context of Socioeconomic Uncertainty. XV International Scientific Conference «Sorokin Readings-2021». Moscow, 2021. pp. 23–26.
3. Ardashev R.G. New Meanings in the Consciousness of Young People: The Influence of Virtuality // In Search of Social Truth. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. pp. 152–156.
4. Ardashev R. G., Adilov A.N. Social Security: Opportunities and Threats to Adaptive Flexibility // Sociology. 2026. № 1. pp. 6–9.
5. Baev P.A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // Sociology. 2024. № 11. pp. 27–31.
6. Baev P.A. Youth Social Activists in the Media Environment // Humanitarian Vector. 2025. Vol. 20. № 3. pp. 21–30.
7. Baev P.A. Social Consequences of Labor Digitalization // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. 2025. Vol. 25. № 4. pp. 387–392.
8. Baev P. A. «Economic Well-Being of the Worldview Attitudes of Young People» // Sociology. 2024. № 2. pp. 57–64.
9. Zhuravleva I. A. «Educational Trajectories of Student Youth in the Structure of the Lifeworld» // Development of Expert Institutions in the 21st Century: Theory and Practice. Collection of Scientific Papers of the Third International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 371–374.
10. Zhuravleva I. A., Ivanov R.V., Teterin V.V. «Life Orientations and Strategies of Provincial Youth» // Sociology. 2020. № 2. pp. 117–127.
11. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Studying the Life Priorities of Regional Youth: A Qualitative Analysis // Alma Mater (Higher School Bulletin). 2020. № 4. pp. 52–59.
12. Kokotkina O.S. Formation of a Model of Personality's Life Success: A Social and Philosophical Aspect // Bulletin of V. Dahl Luhansk State University. 2021. № 1 (43). pp. 228–230.
13. Maslodudova N.V. Success in the Information Society // Sociology. 2026. № 1. pp. 35–39.
14. Mostikov S.V., Tarasova L.V. Success, Professionalism, and Happiness: Analysis of Social Representations as Elements of Cognition // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2025. № 9. Pp. 46–53. <https://doi.org/10.24158/spp.2025.9.5>.
15. Polyushkevich O.A. Ideas of Altruism and Egoism through the Prism of Happiness // Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Dimensions. Proceedings of the V International Scientific and Practical Internet Conference. In 2 parts. Vologda, Vol. NC RAS, 2020. Pp. 240–243.
16. Polyushkevich O.A. Social Activity of Citizens (using Irkutsk as an Example) // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 456–464.
17. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V., Borisova Yu.V. Notions of Social Success // Sociodynamics. 2016. № 10. pp. 37–44.
18. Rozhkova L. V., Gladilina V.A. Social Success in the Models of Personal Success of Modern Student Youth // News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences. 2025. № 1. pp. 5–14. doi: 10.21685/20723016-2025-1-1
19. Sedova N.N. Life Success of Young People – from Moscow to the Very Outskirts // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. № 6. pp. 505–529. doi: 10.14515/monitoring.2019.6.26
20. Skudunkov V.A. Changing Perceptions of Success and Well-Being in the Minds of Russians (from 2014 to 2017) // Sociology. 2018. № 2. pp. 118–122.
21. Skudunkov V.A. Economic and Social Aspirations in the Context of the Virtualization of the Youth Way of Life // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. pp. 168–173.
22. Skudunkov V.A. Economic Aspirations: Effects of Transformations in Modern Society // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022, pp. 104–109.
23. Smirnova P. V., Tsaplina O.V. Attribution of Successes and Failures as a Resource for Designing Students' Professional and Personal Development // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2024. № 2. pp. 55–62. – URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.6>
24. Polyushkevich O.A. Recoding the «Personality» Frame in the Discourse of Domestic Society (1984–2000) // Sociological Studies. 2011. № 5 (325). pp. 104–110.
25. Polyushkevich O.A. Human personal potential and socio-cultural solidarity of society // Scientific review: humanitarian research. 2011. № 2. pp. 3–10.

Непрерывное обучение как новая социальная норма: социологический анализ образовательных установок россиян

Медведев Андрей Витальевич,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры
«Транспортные и технологические системы» ФГБОУ ВО
«Тюменский индустриальный университет»
E-mail: medvedevav@tyuiu.ru

Шаруха Александр Викторович,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры
«Транспортные и технологические системы» ФГБОУ ВО
«Тюменский индустриальный университет»
E-mail: sharuhaav@tyuiu.ru

Медведев Роман Андреевич,

студент Национального исследовательского Томского
политехнического университета
E-mail: medvedeff.roman@yandex.ru

В статье анализируются современные установки россиян на непрерывное образование как ключевой фактор успешной карьеры в условиях быстро меняющегося мира. На основе данных общероссийского опроса ВЦИОМ и обзора актуальных социологических исследований демонстрируется влияние социально-демографических различий в образовательных практиках населения. Рассматриваются такие аспекты, как: установки на дополнительное образование; фактические практики получения дополнительного образования; мотивационные факторы и запрос на дальнейшее обучение, включая анализ неудовлетворенного спроса; механизмы финансирования дополнительного образования и распределение ответственности между работодателем, государством и самим обучающимся. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования государственной политики в сфере образования и развития механизмов поддержки непрерывного обучения.

Ключевые слова: непрерывное образование, lifelong learning, дополнительное образование, социальные установки, социология образования, карьерные траектории.

Введение

Концепция «образования через всю жизнь» (lifelong learning), предполагающая непрерывное приобретение и обновление знаний и навыков на протяжении всего жизненного пути человека, в последние годы всё более явно закрепляется в российском контексте как социальная норма и стратегический ориентир развития образования [12]. Это связано с ускоряющимися технологическими, экономическими и социокультурными изменениями, в условиях которых знания, полученные однократно в рамках базового образования, быстро теряют актуальность, а профессиональная мобильность и готовность к переобучению становятся ключевыми факторами конкурентоспособности на рынке труда [2]. Социологические исследования показывают рост доли россиян, рассматривающих высшее и дополнительное образование как необходимое условие поддержания и повышения квалификации, а также фиксируют расширение практик участия взрослых в различных формах обучения, включая краткосрочные курсы, программы повышения квалификации и корпоративное обучение [6].

Институционализация модели непрерывного образования проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях. Вопервых, расширяется инфраструктура и доступность образовательных ресурсов: активно развиваются онлайн-платформы, сетевые формы реализации программ, корпоративные системы переподготовки и государственные инициативы, ориентированные на поддержку обучения взрослых и развитие компетенций для цифровой экономики [3]. Вовторых, трансформируется представление о самом образовании: оно перестаёт восприниматься как разовый этап, ограниченный молодёжным возрастом, и рассматривается как непрерывный процесс, охватывающий все фазы жизненного цикла, что подчёркивается как в концептуальных работах, так и в эмпирических исследованиях участия взрослых в обучении [8]. Отдельные исследования отмечают, что наиболее активно в практиках дополнительного и неформального образования участвуют представители более молодых когорт, для которых включённость в постоянное обучение становится частью привычной карьерной траектории, хотя «установка на обучение в течение всей жизни» постепенно распространяется и среди старших групп, в том

числе научного и высококвалифицированного труда [10].

Закрепление идеи «образование через всю жизнь» как общественно признанной нормы имеет комплексные последствия для системы образования и рынка труда. С одной стороны, это стимулирует развитие гибких форматов (модульные программы, смешанное и онлайн-обучение, краткосрочные курсы) и персонализированных образовательных траекторий, ориентированных на сочетание формального, неформального и информального обучения в рамках единого образовательного пространства [1]. С другой стороны, встают вопросы обеспечения равного доступа к качественным образовательным ресурсам, преодоления социально-экономических и территориальных барьеров участия взрослых в обучении, а также формирования устойчивой мотивации к самообразованию и развития метакомпетенций, позволяющих человеку самостоятельно управлять своим образовательным маршрутом [7]. В перспективе это требует переосмысления ролей индивида, работодателя и государства в поддержке непрерывного образования: исследования подчеркивают необходимость координации образовательной, социальной и экономической политики, а также выстраивания партнёрств между университетами, бизнесом и профессиональными сообществами для создания целостной экосистемы обучения в течение всей жизни [4]. Таким образом, концепция «образования длиной в жизнь» в современной России постепенно переходит из уровня нормативной риторики и абстрактных деклараций в плоскость практических механизмов адаптации людей и институтов к вызовам XXI века, хотя её реализация попрежнему сопряжена с серьёзными структурными и социальными вызовами.

В этих условиях важно следить за изменениями в образовательных установках населения, напрямую влияющих на формирование человеческого капитала и конкурентоспособность на рынке труда. Особую значимость приобретает изучение динамики образовательных запросов различных социально-демографических групп, факторы доступности и барьеры, связанные с дополнительным образованием [13, 14]. Важно и мнение населения относительно механизмов финансирования образовательных программ в контексте распределения финансовой нагрузки между государством, работодателями и самими обучающимися [15].

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов для совершенствования системы дополнительного профессионального образования, разработки эффективных образовательных программ, создания механизмов поддержки непрерывного обучения, формирования стратегии развития образовательной инфраструктуры.

Методы

Эмпирическая часть работы базируется на результатах исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведённого в январе 2026 г. и опубликованного в соответствующем аналитическом обзоре [11]. Исследование реализовано методом всероссийского репрезентативного опроса взрослого населения (18+ лет) с применением стратифицированной случайной выборки телефонных номеров (включая мобильную связь), охватившего достаточный объём респондентов для обеспечения репрезентативности на федеральном уровне. Данные скорректированы по социально-демографическим характеристикам (пол, возраст, тип поселения и др.). Статистическая погрешность не превышает стандартных 2,5% при доверительном интервале 95%, что соответствует методологии ВЦИОМ для подобных мониторингов.

Анализ эмпирических данных осуществлялся с использованием базы данных, размещённой в открытом доступе на официальном веб-ресурсе ВЦИОМ. Был выполнен комплекс аналитических процедур, включающих построение частотных распределений ответов респондентов для оценки доминирующих тенденций в исследуемой совокупности, а также формирование таблиц сопряжённости по ключевым социально-демографическим параметрам. Для верификации гипотезы о наличии статистически значимых различий между выделенными группами респондентов применялся статистический критерий согласия χ^2 (хи-квадрат Пирсона).

Результаты и их обсуждение

Установки на дополнительное образование

Для выявления мнений относительно того, что необходимо для успешной карьеры, респондентам предлагалось закончить фразу «Для успешной карьеры...», выбрав один из нескольких вариантов ответа. В качестве вариантов предлагались утверждения, характеризующие мнение о том, какое и в каком объёме образование нужно человеку для успешной карьеры: достаточно ли базового высшего образования, требуется ли его дополнять регулярным обучением, можно ли обойтись только дополнительным образованием или вовсе без какого-либо образования.

Большинство участников опроса считают, что помимо диплома о высшем образовании необходимо периодически получать дополнительное образование: эту точку зрения разделяют около двух третей респондентов (68%). Пятая часть опрошенных (13%) полагает, что для карьеры достаточно одного диплома о высшем образовании. Остальные варианты ответов распределились практически поровну: 6% полагает, что необходимости в высшем образовании нет, достаточно дополни-

тельного образования; 7% не видит необходимости ни в высшем, ни в дополнительном образовании, а 6% затруднились с ответом.

Представленный результат отражает устойчивую установку на непрерывное обучение как необходимое условие карьерного успеха в условиях быстрых изменений на рынке труда. Доминирующая позиция модели «диплом + дообразование» свидетельствует о признании россиянами необходимости обновления навыков на протяжении жизни, в то время как низкая доля сторонников «одного диплома» подчёркивает понимание устаревания базовых знаний. Низкие значения альтернативных взглядов (6–7%) указывают на маргинальность позиций респондентов, придерживающиеся скептицизма по отношению образованию в целом.

Этот паттерн сопоставим с выводами других исследований: например, в обзоре ВЦИОМ 2024 г. аналогичная модель поддержки дообразования фиксируется на уровне 65–70% среди работающих россиян, с акцентом на карьерный рост [6]. Аналогичные результаты демонстрирует проект НАФИ [9] и ряд других исследований.

Распределение рассматриваемого вопроса по полу показывает статистически значимые различия ($\chi^2 \approx 29,3$; $df = 4$; $p < 0.01$). Женщины заметно чаще подчёркивают важность сочетания высшего и дополнительного образования (М – 61%, Ж – 73%). Мужчины, напротив, чаще отмечают достаточность одного диплома (М – 14%, Ж – 12%) или что образование вовсе не требуется (М – 9%, Ж – 5%). Также среди мужчин вдвое выше доля затруднившихся с ответом (М – 9%, Ж – 4%).

Гендерные различия в установках на образование подчёркивают дифференцированное восприятие карьеры: мужчины чаще поддерживают модель «одного диплома» или полного отказа от образования, что может отражать традиционную ориентацию на стабильность и накопленный опыт, тогда как женщины демонстрируют значительно более высокую приверженность концепции непрерывного обучения. Представляется что это различие можно интерпретировать как следствие гендерной сегрегации рынка труда. Женщины чаще работают в сферах с жёсткими требованиями к регулярному повышению квалификации (образование, медицина, бюджетный сектор), где постоянное обучение становится условием поддержания необходимого профессионального уровня.

Возрастные различия проявляются не столь отчётливо ($\chi^2 \approx 32,4$; $df = 20$; $p = 0.04$). Во всех возрастных группах доминирует мнение о том, что для успешной карьеры нужен диплом о высшем образовании в сочетании с регулярным дополнительным обучением, однако молодые люди 18–24 лет и респонденты 26–33 лет несколько чаще остальных высказывают убеждение, что не нужно ни высшее, ни дополнительное образование. В самой старшей возрастной группе, напротив, выше

доля тех, кто считает достаточным один диплом о высшем образовании.

Наблюдаемые возрастные различия можно интерпретировать как реакцию на переполненность рынка дипломированных специалистов и понимание ценности практических навыков в условиях цифровизации. Напротив, старшая группа демонстрирует ностальгию по модели «одного диплома», сформированной опытом стабильной советской либо ранней постсоветской карьеры с чёткими траекториями. Аналогичные когортные различия описаны в статье Н.А. Нартовой и А.М. Фатехова, где молодые поколения демонстрируют меньшую веру в высшее образование как универсальный лифт [5]. В целом же результаты опроса демонстрируют, что идея непрерывного образования воспринимается большинством как ключевое условие профессионального успеха.

Существующие практики

При анализе фактических практик получения дополнительного образования (в отличие от ранее рассмотренных установок) выявлено следующее распределение ответов на вопрос о прохождении за последние 2–3 года обучающих мероприятий, связанных с профессиональной деятельностью (курсы, мастер-классы, тренинги, семинары в онлайн-или офлайн-формате). По результатам опроса, 43% респондентов подтвердили, что получали дополнительное профессиональное образование за указанный период; 56% сообщили об отсутствии такого опыта, а 1% затруднились с ответом.

Анализ гендерных различий выявил статистически значимую связь между полом респондента и фактом получения дополнительного профессионального образования ($\chi^2 \approx 6,7$; $df = 1$; $p = 0.01$). В частности, мужчины чаще сообщали о прохождении таких программ (46%), чем женщины (41%). Данное расхождение может быть обусловлено спецификой профессиональной среды: мужчины в большей степени представлены в технически и коммерчески ориентированных секторах с высокой конкуренцией за квалификацию, где краткосрочные курсы и тренинги выступают важным инструментом карьерного продвижения.

При этом наблюдается выраженный диссонанс между установками и практиками. В предшествующем вопросе женщины демонстрировали более выраженную прообразовательную позицию. Подобный разрыв, вероятно, связан с барьерными факторами: на практике участие женщин ограничивается необходимостью совмещать профессиональную деятельность с семейными обязанностями, меньшей финансовой автономией, а также ограниченным доступом к корпоративным образовательным программам.

Возрастные различия также оказались статистически значимы ($\chi^2 \approx 232,1$; $df = 5$; $p < 0.001$), демонстрируя чёткий когортный градиент обра-

звательной активности. Пиковые значения участия в дополнительном образовании приходятся на миллениалов в «расцвете карьеры» (67% среди 26–33 лет, 61% среди 35–43 лет), что соответствует периоду максимальной конкуренции за вертикальную мобильность и накопления ключевых компетенций. Молодёжь 18–24 лет показывает умеренно высокий уровень (51%), вероятно, за счёт старта карьеры и доступности онлайн-курсов. Напротив, резкое снижение активности наблюдается среди старших возрастов (22% в 59–77 лет, 9% в 78+), что объясняется завершением карьерных амбиций, выходом на пенсию и снижением мотивации к новым навыкам.

Запрос на обучение

Переходя от фактического опыта получения дополнительного образования к запросу на него в будущем, рассмотрим ответы на вопрос: «Вы бы хотели или нет получить дополнительное образование: обучающие курсы, мастер-классы, тренинги, семинары (онлайн или оффлайн), связанные с Вашей профессиональной деятельностью?». Частотное распределение показывает, что 43% респондентов однозначно хотели бы получить дополнительное профессиональное образование, 12% уже проходят такое обучение сейчас, а 44% не выражают такого желания. Таким образом, более половины респондентов демонстрируют позитивный запрос на дообразование, что превышает долю тех, кто ранее уже фактически его получил (43%) и указывает на значительный неудовлетворённый спрос.

Анализ распределения по полу не выявил статистически значимых различий: мужчины и женщины демонстрируют сопоставимый уровень позитивного запроса на дополнительное образование. В то же время возрастная динамика полностью воспроизводит паттерн, зафиксированный при изучении фактического участия: максимальные показатели образовательной мотивации наблюдаются среди активных трудоспособных групп, тогда как у представителей старших возрастов фиксируется резкий спад. Данная закономерность подтверждает существование устойчивого когортного паттерна, в рамках которого интенсивность образовательной мотивации закономерно коррелирует с уровнем карьерных амбиций и этапом жизненного цикла респондента.

Анализ связи между предыдущим опытом получения дополнительного образования и текущей мотивацией к обучению показывает чёткую закономерность ($\chi^2 \approx 515,3$; $df = 2$; $p < 0,001$). Среди тех, кто уже получал дополнительное образование за последние 2–3 года (43% от всех респондентов), 83% проявляют мотивацию к дальнейшему обучению. Из них 56% хотят продолжить образование, а 27% уже обучаются. В группе тех, кто не имел такого опыта (56% от всех опрошенных), картина иная. Только 33% выражают желание пройти

обучение. Большинство – 64% – не испытывают к этому интереса. Полученные данные указывают на эффект самоподкрепления: успешный опыт обучения заметно усиливает желание продолжать образование.

Механизмы финансирования

В завершающем вопросе рассматриваемого блока исследования респондентам был предложен вопрос о том, кто должен нести основную финансовую нагрузку по оплате дополнительного профессионального образования. Согласно полученным данным, наиболее распространённым мнением стало возложение ответственности на работодателя – так считают 44% опрошенных. На втором месте государство (27%), третье место занимает самостоятельная оплата гражданином или его близкими (13%). По 6% приходится на образовательные центры, спонсируемые бизнесом, и вариант «Другое», 6% затруднились ответить.

Гендерные различия в предпочтениях по финансированию дополнительного образования оказались статистически значимы ($\chi^2 \approx 18,9$; $df = 5$; $p = 0,002$), демонстрируя различные модели социальной ответственности. Женщины чаще возлагают основную ответственность на работодателя (46% против 42% у мужчин) и образовательные центры, спонсируемые бизнесом (7% против 5%). Это соотносится с их доминированием в бюджетной сфере и секторах с формализованными требованиями к сертификации, где корпоративное обучение часто встроено в трудовые отношения как элемент соцпакета. Мужчины, напротив, значительно чаще настаивают на самофинансировании (16% против 11% у женщин), что может отражать их большую ориентацию на рыночные механизмы, финансовую автономию и участие в коммерческих сферах, где инвестиции в квалификацию воспринимаются как личный карьерный капитал. На фоне этого государство получает равную поддержку от обоих полов ($\approx 27\%$), что указывает на консенсус в ожидании системной институциональной поддержки, но с разными приоритетами по непосредственным агентам реализации.

Анализ возрастных различий в представлениях о финансировании дополнительного образования показал пограничную статистическую значимость ($\chi^2 \approx 37,1$; $df = 25$; $p = 0,06$). Молодёжь 18–24 лет демонстрирует особый подход: она чаще других готова к самофинансированию (20%) и меньше полагается на работодателя (34%), что связано с началом карьеры и ожиданиями корпоративных программ при трудоустройстве. В средних возрастных группах поддержка корпоративного финансирования достигает максимума (41–48%), поскольку в этот период работники наиболее заинтересованы в развитии квалификации, а работодатели – в удержании специалистов. В старших группах сохраняется высокий уро-

вень доверия к работодателю (49% в категории 59–77 лет), однако заметно возрастает роль государства (41% в группе 79+ лет против 32% за работодателя). Это объясняется опытом советской системы образования и растущими ожиданиями государственной поддержки на этапе завершения трудовой деятельности. Таким образом, возрастные группы формируют разные модели ожиданий от социальных институтов в вопросах оплаты дополнительного образования.

Заключение

Подводя итог отметим, что проведенное исследование образовательных установок россиян демонстрирует укоренение парадигмы непрерывного обучения, где модель «диплом плюс регулярное дополнительное образование» становится доминирующей. При этом выявлены явно выраженные половозрастные особенности в образовательных практиках населения. Женщины проявляют более высокую приверженность идее постоянного обучения, однако сталкиваются с большими барьерами при его реализации. Молодые специалисты активнее участвуют в дополнительном образовании, в то время как старшие поколения сохраняют приверженность традиционной модели однократного получения образования.

В свете представленной работы можно предложить направления действий государства в сфере непрерывного образования:

- разработку дифференцированных образовательных программ с учетом специфики каждой социальной группы;
- создание многоуровневой системы финансирования, объединяющей государственные субсидии, корпоративное обучение и личную инициативу;
- развитие инфраструктуры дополнительного образования с учетом региональных особенностей;
- формирование механизмов преодоления барьеров доступа к образовательным ресурсам.

Реализация комплексного подхода к развитию непрерывного образования создаст условия для полноценной имплементации концепции «образования через всю жизнь» в российском обществе. Это обеспечит укрепление конкурентоспособности национальной экономики на международном уровне, формирование устойчивого человеческого потенциала и адаптацию к вызовам цифровой эпохи. Согласованная политика государства, бизнеса и индивидуальных участников образовательного процесса станет фундаментом для построения общества непрерывного развития, где каждый гражданин будет иметь равные возможности для профессионального и личностного роста.

Литература

1. Алыкулиев Ф.Б. Системная трансформация высшего образования: новые направления и перспективы // Вестник науки. 2025. № 11 (92). С. 523–532.
2. Бессонова М.О. Исследовательские тренды в изучении проблем непрерывного образования (на примере журнала «Вопросы образования») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 2 (855). С. 75–82.
3. Келлер А. В., Коршунов И.А., Ширкова Н.Н., Суворов Г.Н., Сжённов Е.С., Шадрин С.С., Орехов А.А. Дополнительное профессиональное образование в университетах: состояние и стратегия интеграции с научными исследованиями // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 11. С. 9–36. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-11-9-36
4. Марон А. Е., Резинкина Л.В. Вызовы системы профессионального образования и их учёт в подготовке педагогов СПО: аналитический обзор. // Человек и образование. 2025. № 1 (82). С. 55–64. DOI: 10.54884/1815-7041-2025-82-1-55-64
5. Нартова Н. А., Фатехов А.М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 319–344. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1832
6. Обучение длиною в жизнь // Аналитический обзор ВЦИОМ от 29.07.2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1> (дата обращения: 23.01.2026).
7. Паникарова С. В., Ермакова И.И. Институциональные барьеры межпоколенческого социального неравенства и высшее образование: региональный контекст // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2025. № 3 (83). [Электронный ресурс]. – URL: <https://eee-region.ru/article/8311/> (дата обращения: 23.01.2026).
8. Попов Д. С., Шестакова Д.А. Высшее образование в зрелом возрасте в России: барьеры и модели // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 34–44. DOI: 10.31857/S013216250016092-4
9. Рост карьеры или смена сферы: как работающие россияне смотрят на получение дополнительного образования // Аналитический обзор НАФИ от 12 Декабря 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/rost-karery-ili-smena-sfery-kak-rabotayushchie-rossiyane-smotryat-na-poluchenie-dopolnitelnogo-obraz/>

10. Семенов М.Ю. Акулич М.М. Непрерывное образование в России: экспертная оценка участия взрослого населения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. № 1. С. 33–45. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45
11. Учиться, учиться и еще раз учиться! // Аналитический обзор ВЦИОМ от 22 января 2026. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitsja-uchitsja-i-eshche-raz-uchitsja> (дата обращения: 23.01.2026).
12. Dremina, M. A., Davydova, N. N., & Kopnov, V. A. (2016). Lifelong Learning in Russia: History, Concepts & Practices. // Multilingual Academic Journal of Education and Social Sciences. 2016. № 4(1). С. 25–45.
13. Журавлева И.А. Смыслы образовательной и профессиональной реализации молодежи в современных условиях // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира. Сборник научных трудов Четвертой международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 336–339.
14. Журавлева И.А. Самообразование молодежи в виртуальной среде // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 888–891.
15. Журавлева И.А. Образовательные траектории современной российской молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 286–290.

LIFELONG LEARNING AS A NEW SOCIAL NORM: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF EDUCATIONAL ATTITUDES OF RUSSIANS

Medvedev A.V., Sharukha A.V., Medvedev R.A.

Tyumen Industrial University, Tomsk Polytechnic University

The article analyzes contemporary Russian attitudes toward lifelong learning as a key factor for successful career advancement in a rapidly changing world. Based on data from a nationwide VCIOM survey and a review of current sociological research, it demonstrates the impact of socio-demographic differences on population educational practices. The following aspects are examined: attitudes toward additional education; actual practices of obtaining additional education; motivational factors and demand for further training, including an analysis of unmet demand; mechanisms for financing additional education and the distribution of responsibilities among employers, the state, and learners themselves. The practical significance of the study lies in the potential use of its findings to improve state education policy and develop mechanisms to support lifelong learning.

Keywords: lifelong learning, continuous education, additional education, social attitudes, sociology of education, career trajectories.

References

1. Alykuliev F.B. Systemic Transformation of Higher Education: New Directions and Prospects // Science Bulletin. 2025. № 11 (92). pp. 523–532.
2. Bessonova M.O. Research Trends in the Study of Continuous Education Issues (Based on the Journal «Problems of Education») // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2024. № 2 (855). pp. 75–82.
3. Keller A. V., Korshunov I.A., Shirikova N.N., Suvorov G.N., Szhe-nov E.S., Shadrin S.S., Orekhov A.A. Continuing Professional Education at Universities: Status and Strategy of Integration with Scientific Research // Higher Education in Russia. 2023. Vol. 32. № 11. Pp. 9–36. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-11-9-36
4. Maron A. E., Rezinkina L.V. Challenges to the Professional Education System and Their Consideration in the Training of Secondary Vocational Education Teachers: An Analytical Review. // Man and Education. 2025. № 1 (82) Pp. 55–64. DOI: 10.54884/1815-7041-2025-82-1-55-64
5. Nartova N. A., Fatekhov A.M. The Transition to Adulthood of Russian Millennials: On the Path from Receiving Education to Gaining Responsibility and Losing Optimism? // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. № 4. pp. 319–344. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1832
6. Lifelong Learning // Analytical Review of the All-Russian Public Opinion Research Center of July 29, 2024. [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizni-1> (accessed January 23, 2026).
7. Panikarova S. V., Ermakova I.I. Institutional Barriers to Inter-generational Social Inequality and Higher Education: Regional Context // Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal. 2025. № 3 (83). [Electronic resource]. – URL: <https://eee-region.ru/article/8311/> (accessed 23.01.2026).
8. Popov D.S., Shestakova D.A. Higher education in adulthood in Russia: barriers and models // Sociological research. 2022. № 2. pp. 34–44. DOI: 10.31857/S013216250016092-4
9. Career growth or a change of field: how working Russians view obtaining additional education // Analytical review of NAFI from 12 December 2024 [Electronic resource]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/rost-karery-ili-smena-sfery-kak-rabotayushchie-rossiyan-smotryat-na-poluchenie-dopolnitelnogo-obraz/>
10. Semenov M. Yu. Akulich M.M. Continuous education in Russia: expert assessment of adult population participation // RUDN University Bulletin. Series: Sociology. 2025. № 1. pp. 33–45. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45
11. Study, study and study again! // VTsIOM Analytical Review of January 22, 2026. [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitsja-uchitsja-i-eshche-raz-uchitsja> (accessed 23.01.2026).
12. Dremina, M. A., Davydova, N. N., & Kopnov, V. A. (2016). Lifelong Learning in Russia: History, Concepts & Practices. // Multilingual Academic Journal of Education and Social Sciences. 2016. № 4(1). pp. 25–45.
13. Zhuravleva, I. A. «The Meanings of Educational and Professional Development of Young People in Modern Conditions» // Expert Institutes in the Context of Building a Safe World. Collection of Scientific Papers of the Fourth International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. pp. 336–339.
14. Zhuravleva, I.A. Self-education of young people in a virtual environment // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. pp. 888–891.
15. Zhuravleva, I.A. Educational trajectories of modern Russian youth // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. pp. 286–290.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Социальный капитал общеобразовательной школы как результат новых практик

Жуков Андрей Олегович,
независимый исследователь
E-mail: azhukov-24-01@ranepa.ru

В статье представлены результаты исследования потенциала общеобразовательной школы как центра генерации объединяющего социального капитала локального сообщества, под которым понимаются социальные связи между разнородными группами, обеспечивающие доступ к новым ресурсам и укрепляющие общественную солидарность. Актуальность исследования обусловлена процессами социальной атомизации, разрывом межпоколенческих связей и дефицитом доверия в современных городских сообществах. Эмпирическую базу составил проект «Школа поколений», реализованный на базе общеобразовательной школы в Санкт-Петербурге (2024–2025 учебный год). На основе анализа практик межпоколенческого взаимодействия выявлены механизмы формирования новых социальных связей, роста доверия и укрепления норм взаимности. Особое внимание уделяется микро-динамике зарождения контакта – отказу от вертикальной роли, обмену ресурсами, возникновению «слабой связи» – на примере уникального полевого кейса («прыжок с перил»), зафиксированного методом включенного наблюдения. Показана роль советника директора по воспитанию как институционального фасилитатора этих процессов. Делается вывод о том, что системное создание ситуаций совместной деятельности превращает школу в институт, производящий ресурс солидарности, и формулируются практические рекомендации по тиражированию данной практики для образовательных учреждений и органов местного самоуправления.

Ключевые слова: социальный капитал; межпоколенческое взаимодействие; объединяющий капитал; школа; локальное сообщество; доверие.

Современное состояние локальных городских сообществ в России характеризуется нарастающими процессами социальной атомизации, которые наиболее остро проявляются в разрыве межпоколенческих связей. Ускорение ритма жизни, цифровизация повседневности и фрагментация общественного пространства приводят к тому, что опыт и знания старших поколений перестают быть востребованными, а молодежь лишается живых образцов социальной ответственности и исторической преемственности. Следствием этих процессов становится дефицит доверия между людьми, ослабление горизонтальных связей и снижение способности жителей к самоорганизации для решения общих проблем локального уровня.

В сложившихся условиях особого внимания заслуживает школа как социальный институт, обладающий значительными ресурсами для преодоления обозначенных тенденций. Располагая развитой инфраструктурой, квалифицированными кадрами и устойчивыми связями с семьями учащихся, школа потенциально способна выполнять функции, выходящие далеко за рамки образовательного процесса. Однако на практике большинство общеобразовательных учреждений остаются закрытыми для местного сообщества, используя свой потенциал лишь в рамках образовательного процесса и не становясь центрами общественной жизни локальных сообществ.

Мировые тенденции развития образования свидетельствуют о возрастающем внимании к расширению социальных функций школы. Концепция «Счастливые школы», выдвинутая ЮНЕСКО в 2024 году, прямо указывает на необходимость трансформации школьного пространства в социальный центр для взаимодействия с сообществом, где формируются отношения поддержки и сотрудничества. Одновременно с этим демографические изменения, связанные с увеличением продолжительности жизни, актуализируют развитие так называемой «серебряной экономики», ориентированной на вовлечение людей старшего возраста в активную социальную и культурную деятельность. В этих условиях школа способна выполнять функцию общественного пространства, где происходит реальное, а не опосредованное цифровыми устройствами взаимодействие между людьми разных возрастов, потребность в котором сегодня становится все более ощутимой.

Данная проблематика находится в русле приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» одной из ключевых национальных целей является «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности». В числе задач, направленных на достижение этой цели, – создание условий для воспитания на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, вовлечение молодежи в добровольческую и общественную деятельность, а также обеспечение эффективной системы выявления и поддержки талантов детей и молодежи. Реализуемые национальные проекты («Молодёжь и дети», «Семья», «Кадры») непосредственно ориентированы на решение этих задач, и проект «Школа поколений» выступает их конкретным воплощением на локальном уровне.

Реализация подобных проектов имеет прямое отношение к укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (милосердие, взаимопомощь, взаимоуважение). Практика безвозмездной передачи опыта от старших к младшим выступает механизмом воспроизводства этих ценностей в повседневной жизни, возвращая утраченные смыслы солидарности.

Всё сказанное определяет актуальность поиска конкретных инструментов и практик, способствующих генерации социального капитала на локальном уровне. Особый интерес представляет изучение механизмов формирования объединяющего (bridging) социального капитала, который создает мосты между различными возрастными и социальными группами, в отличие от связывающего (bonding) капитала, укрепляющего лишь внутреннее единство однородных сообществ.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на основе анализа практик межпоколенческого взаимодействия, реализованных в рамках конкретного школьного проекта, разработать научно обоснованные рекомендации, направленные на увеличение объединяющего социального капитала образовательного учреждения и его интеграцию в жизнь локального сообщества.

Эмпирическую базу исследования составил проект «Школа поколений», реализованный в течение 2024–2025 учебного года на базе ГБОУ школа № 507 Московского района Санкт-Петербурга. В работе использованы данные включенного наблюдения, анализа документов проекта, а также статистические материалы, отражающие количественные характеристики вовлеченности участников (общая численность, состав активного ядра, количество самоорганизовавшихся клубов) и ди-

намику развития проектных активностей (число проведенных мероприятий, регулярность встреч).

Методологическую стратегию работы составил качественный кейс-стади (case study), позволяющий глубоко и всесторонне изучить феномен генерации социального капитала в реальном контексте его функционирования. Эмпирические данные были получены с использованием следующих методов.

- Включенное наблюдение: автор на протяжении учебного года принимал непосредственное участие в мероприятиях проекта («Цифровые лаборатории», шахматная секция, выезды хореографического коллектива), что позволило фиксировать невербальные аспекты взаимодействия и спонтанные ситуации зарождения контакта.
- Анализ документов: изучены нормативные акты проекта, отчеты о мероприятиях, публикации в социальных сетях, что дало возможность реконструировать логику развития проекта и его количественные результаты.
- Микро-анализ конкретной ситуации (case-study of situation): для понимания глубинных механизмов зарождения доверия был применен метод «плотного описания» (thick description) единичного, но репрезентативного полевого кейса («прыжок с перил»), позволивший выявить символические и интерактивные аспекты взаимодействия.

Триангуляция данных, полученных из разных источников, обеспечила надежность и обоснованность выводов исследования.

На основе теоретического анализа и эмпирических данных, полученных в ходе включенного наблюдения, была сформулирована гипотеза исследования. Она заключается в предположении, что внедрение и системная реализация в общеобразовательной школе новых социальных практик, основанных на принципах межпоколенческого взаимодействия, равноправного участия и фасилитации, приводят к увеличению её объединяющего (bridging) социального капитала. Данный процесс выражается в расширении сетей доверия, укреплении норм взаимности и возникновении устойчивых горизонтальных связей между представителями разных возрастных групп локального сообщества, ранее остававшихся разобщенными.

Научная новизна работы определяется несколькими аспектами. Во-первых, в отличие от исследований, рассматривающих социальный капитал общеобразовательной школы как данность или следствие формальных образовательных процессов, в настоящей работе он впервые анализируется как целенаправленно конструируемый результат внедрения новых социальных практик межпоколенческого взаимодействия. Во-вторых, предложена и эмпирически апробирована операционализация понятия «объединяющий соци-

альный капитал школы» через три компонента – структурный, нормативно-ценностный и функциональный, что позволяет перейти от теоретических описаний к конкретным наблюдаемым индикаторам. В-третьих, в научный оборот введен и проанализирован уникальный полевой кейс («прыжок с перил»), демонстрирующий микро-динамику зарождения доверия и «слабой связи» в спонтанной ситуации, возникающей на грани нарушения формальных правил. В-четвертых, выявлена и обоснована роль советника директора по воспитанию как институциональной фигуры, способной выполнять функции фасилитатора и «социального архитектора» в процессе превращения школы в центр общественной жизни.

Далее перейдем к рассмотрению теоретико-методологических оснований, позволяющих проветрить выдвинутую гипотезу.

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составляет концепция социального капитала, получившая разработку в трудах зарубежных и отечественных социологов. Истоки современного понимания социального капитала связаны с работами П. Бурдьё, который определял его как совокупность ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания [2, с. 66]. В его интерпретации социальный капитал выступает ресурсом, принадлежащим индивиду или группе, инструментом достижения целей, активируемым через мобилизацию связей.

Д. Коулман сместил акцент с индивидуальной выгоды на общественное благо, определяя социальный капитал как ресурс семейных и общинных отношений, полезный для развития детей и возникающий как побочный продукт активности, направленной на другие цели [8, с. 122, 125].

Признанным теоретиком социального капитала является Р. Патнэм, который определил его как черты социальной организации – сети, нормы и доверие, – способствующие координации действий и сотрудничеству для взаимной выгоды [7, с. 87]. Патнэм ввел различие между связывающим (bonding) капиталом, укрепляющим внутригрупповую лояльность, и объединяющим (bridging) капиталом, создающим мосты между разными социальными группами и обеспечивающим доступ к новым ресурсам [7, с. 92]. Проект «Школа поколений» является генератором именно объединяющего капитала, создавая горизонтальные связи между возрастными группами.

Ф. Фукуяма сделал акцент на культурных основах социального капитала, утверждая, что способность к спонтанной социализации зависит от глубины этических норм, разделяемых в обществе [12, с. 45]. Отечественные исследователи, в частности П.Н. Шихирев, предложили социально-психологический подход, определяя социальный капитал как качество социальных связей и под-

черкивая значение морально-психологических качеств участников взаимодействия [13, с. 21, 24].

Особую ценность для понимания специфики межпоколенческих проектов представляет теория «силы слабых связей» М. Грановеттера, который показал, что именно слабые связи играют решающую роль в получении новой информации и возможностей, выступая мостами между разными социальными кластерами [3, с. 42]. Межпоколенческое взаимодействие создает именно такие слабые связи – между школьником и незнакомым ему ранее пенсионером, между подростком и родителем друга, – которые становятся эффективными каналами обмена уникальными ресурсами.

Значительный вклад в разработку инструментария измерения социального капитала внесла Т.А. Гужавина с коллегами, предложившими индикаторную модель и интегральный индекс социального капитала, включающий компоненты доверия, сетей, ценностей и установок [1, с. 112; 4, с. 257]. Исследования Гужавиной зафиксировали существенное падение уровня социального капитала в период пандемии и его последующее восстановление, причем в сельской местности быстрее, чем в городах, что доказывает значение непосредственных, живых контактов [4, с. 259, 262].

Теоретическое осмысление феномена межпоколенческого взаимодействия требует обращения к интегральной социологии П.А. Сорокина. Его концепция социокультурной динамики представляет исторический процесс как смену трех типов суперсистем: идеациональной, идеалистической и чувственной [9, с. 238]. Кризис чувственной культуры проявляется в атомизации общества и разрыве межпоколенческих связей [10, с. 156]. Выход из кризиса Сорокин связывал с практиками созидательного альтруизма – сознательного деятельного поведения, направленного на поддержание солидарности и кооперации [5, с. 131]. Современные исследователи подчеркивают, что в условиях деструктуризации особое значение приобретают локальные сетевые практики взаимопомощи [11, с. 462].

Проект «Школа поколений» представляет собой пример целенаправленного конструирования среды для межпоколенческого взаимодействия. Организационная модель проекта строилась на принципе максимального использования существующей школьной инфраструктуры во внеурочное время: учебные кабинеты, актовый и спортивный залы, библиотека были задействованы в вечерние часы и выходные дни. Это позволило превратить школу в открытый социально-культурный центр микрорайона, реализова концепцию «открытой школы» [6].

Ключевым элементом стала фигура координатора-фасилитатора, роль которого выполнял советник директора по воспитанию и взаимодействию с общественными объединениями.

Его функционал включал выстраивание диалога между группами участников, помощь в воплощении инициатив, выявление внутренних лидеров и «скрытых талантов» среди пенсионеров и подростков.

Содержательное наполнение проекта реализовывалось через систему взаимодополняющих форматов:

- цифровые лаборатории, где подростки выступали тьюторами для пожилых людей, обучая их компьютерной грамотности;
- творческие мастерские, где пожилые люди передавали молодежи ремесленные навыки;
- хореографическая студия, объединяющая детей разного возраста и вовлекающая родителей и пожилых родственников;
- интеллектуальные и спортивные клубы со смешанными возрастными командами;
- тематические гостиные и «Гость класса», направленные на передачу жизненного опыта.

Количественные результаты проекта свидетельствуют о его востребованности: более 400 участников при общей численности школы 1200 учеников, активное ядро около 70 человек, 4 самоуправляемых клуба (хореографическая студия, волейбольная секция, кружок рукоделия, проект по созданию устного архива истории района), более 50 мероприятий за год.

Систематическое наблюдение позволило зафиксировать устойчивые эффекты, соответствующие трем компонентам социального капитала.

Формирование новых социальных сетей. Возникли устойчивые горизонтальные связи между ранее незнакомыми людьми: подростками, родителями, пожилыми жителями микрорайона. Совместная подготовка мероприятий вела к обмену контактами, появлению новых знакомств. Эти связи экстраполировались на повседневные практики: участники стали здороваться при встрече, обмениваться новостями, приглашать друг друга на семейные события.

Рост доверия. Первоначальная настороженность между поколениями сменилась готовностью делегировать ответственность. Подростки получали доверие пожилых людей при освоении портала госуслуг, пожилые становились наставниками в мастерских. О росте доверия свидетельствовало и расширение практик неформального обращения за помощью: подростки начали советоваться с представителями старшего поколения по вопросам, не связанным напрямую с проектной деятельностью, а пожилые люди все чаще прибегали к помощи юных участников в решении технических вопросов в повседневной жизни.

Формирование норм взаимности. Регулярно фиксировались практики безвозмездной помощи: подростки помогали пожилым настроить телефон, найти информацию в интернете; пожилые люди делились навыками вязания, выпечки, знанием

истории района. Совместные чаепития стали пространством обмена историями, советами, эмоциональной поддержкой, формируя культуру взаимопомощи.

Ключевым механизмом, запускающим эти процессы, выступает институт наставничества. Важно, что в проекте он реализуется как двунаправленный: привычная модель «старший – младший» дополняется реверсивным наставничеством (reverse mentoring), где подростки выступают экспертами для пожилых в цифровой среде. Это не только формирует новые компетенции, но и перестраивает иерархические отношения, создавая фундамент для равноправного диалога.

Для понимания глубинных механизмов зарождения социального капитала обратимся к ситуации, зафиксированной в ходе включенного наблюдения. Особенность данного наблюдения заключалась в его соучастующем характере: автор не только фиксировал происходящее, но и, будучи включенным в жизнь хореографического коллектива (35 девочек 8–15 лет) на спортивных сборах в роли помощника тренера, своими действиями создавал условия для возникновения анализируемой ситуации. С одними детьми сложились доверительные отношения, с другими контакт отсутствовал.

Вечером в холле гостиницы одна из участниц, с которой ранее не было налаженного контакта, начала спонтанно прыгать с невысоких перил на пол. Перед автором возникла альтернатива: реализовать дисциплинарную реакцию (запретить) либо избрать иную стратегию. Реакция заключалась в отказе от вертикальной позиции в пользу роли фасилитатора безопасности и заинтересованного зрителя. Вместо запрета автор обеспечивал безопасность прыжков, страховал при приземлении, своим присутствием легитимировал происходящее.

Действие повторилось около тридцати раз. Каждый прыжок сопровождался установлением зрительного контакта, изменением невербальных паттернов – от настороженности к радостному возбуждению и взаимному узнаванию. По окончании автор зафиксировал возникновение контакта там, где его ранее не существовало: воспитанница стала подходить, инициировать общение, в ее поведении исчезла прежняя дистанция.

Теоретическая интерпретация кейса позволяет выявить ключевые механизмы генерации социального капитала на микроуровне. Отказ от вертикальной роли создал условие для горизонтального контакта. Произошел обмен ресурсами: участница получила признание и внимание («ситуационный пьедестал»), автор – возможность увидеть ее «настоящей», а не в формальной роли ученицы. С точки зрения теории Грановеттера, возникла «слабая связь» – канал коммуникации, основанный на совместно пережитом микро-событии. Три-

дцатикратное повторение превратило мгновенный контакт в устойчивую практику, создало петлю положительной обратной связи. С точки зрения наследия П. Сорокина, поведение автора может быть интерпретировано как реализация созидательного альтруизма – добровольной уступки статуса, направленной на благо другого.

Кейс демонстрирует тот факт, что ключевые механизмы генерации социального капитала могут разворачиваться в спонтанных ситуациях повседневности. Задача институциональной среды – создавать условия, в которых такие «микрорешения» становятся возможными и легитимными.

Наблюдаемые эффекты коррелируют с тремя компонентами социального капитала. Структурный компонент проявился в возникновении устойчивых горизонтальных связей между ранее разобщенными группами. Нормативно-ценностный – в формировании норм взаимности, воспроизводимых без участия координатора. Функциональный – в обмене знаниями, навыками и эмоциональной поддержкой по каналам слабых связей.

Полученные результаты подтверждают выводы Т.А. Гужавиной о значении офлайн-контактов для восстановления социальных связей после кризисов [4, с. 262]. Проект создает среду регулярных офлайн-встреч, совместных действий, компенсируя дефицит живого общения в условиях цифровизации.

Результаты подтверждают тезис В.А. Калининой о потенциале школы как центра местного сообщества, способного становиться пространством формирования социальных компетенций, площадкой для связи поколений [6]. Количественные показатели проекта – более 400 вовлеченных участников, устойчивое активное ядро, самоорганизующиеся клубы – служат индикаторами реализации этой модели.

Проведенное исследование, объединившее теоретический анализ концепции социального капитала и эмпирическое изучение практик межпоколенческого взаимодействия в рамках проекта «Школа поколений», позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как научное, так и практическое значение.

Анализ научной литературы подтвердил, что, несмотря на значительное число исследований социального капитала в целом, тема его генерации через целенаправленно организованное межпоколенческое взаимодействие в стенах школы остается недостаточно разработанной. Классические и современные работы создают мощную теоретическую базу, однако конкретные механизмы превращения школы в центр производства социального капитала нуждаются в дальнейшем эмпирическом изучении. Настоящее исследование представляет собой шаг в этом направлении, предлагая операционализацию ключевых понятий и их применение к анализу конкретной социаль-

ной практики. Социальный капитал был рассмотрен в единстве его структурного, нормативно-ценностного и функционального компонентов, что позволило выделить наблюдаемые индикаторы: формирование новых социальных сетей, рост доверия, укрепление норм взаимности.

Эмпирическое исследование подтвердило способность проекта «Школа поколений» генерировать объединяющий социальный капитал. Количественные данные свидетельствуют о масштабе вовлеченности: более 400 участников, устойчивое активное ядро из 70 человек, четыре самоуправляемых клуба, более 50 мероприятий за учебный год. Качественные изменения, зафиксированные в ходе наблюдения, включают возникновение устойчивых горизонтальных связей между ранее незнакомыми людьми, рост доверия, проявляющийся в готовности делегировать ответственность и обращаться за помощью, формирование норм взаимности, регулирующих поведение участников за пределами формальных проектных рамок.

Особую ценность для понимания микро-механизмов формирования социального капитала представил анализ полевого кейса «прыжок с перил». Эта ситуация спонтанного взаимодействия позволила увидеть, как в минимальном эпизоде повседневности разворачиваются ключевые процессы: отказ от вертикальной роли, обмен ресурсами, возникновение слабой связи, реализация альтруистического жеста. Кейс демонстрирует, что подлинные человеческие связи, составляющие основу социального капитала, часто зарождаются не в запланированных мероприятиях, а в спонтанных, эмоционально насыщенных ситуациях. Задача институциональной среды – не блокировать такие ситуации дисциплинарными запретами, а создавать условия для их возникновения и легитимации.

На основе проведенного анализа могут быть сформулированы практические рекомендации, адресованные различным субъектам, заинтересованным в развитии социального капитала локальных сообществ. Для образовательных учреждений первостепенное значение имеет переосмысление собственной инфраструктуры как ресурса развития сообщества. Модель «открытой школы» предполагает превращение учебных кабинетов, актовых и спортивных залов, библиотек в доступные площадки для социальных и культурных активностей во внеурочное время. Ключевое значение имеет фигура координатора-фасилитатора, роль которого заключается в создании условий для инициатив снизу, выявлении скрытых талантов, поддержке возникающих связей. Важно обеспечить разнообразие форматов, позволяющее участникам с разными интересами найти нишу для самореализации: цифровые лаборатории, творческие мастерские, клубы, тематические гостиные.

Проведенное исследование показывает, что в современной российской школе уже существует институциональная позиция, максимально приближенная к модели координатора-фасилитатора – должность советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями. Введение этой должности создало основу для деятельности, выходящей за рамки учебного процесса. Опыт проекта «Школа поколений» демонстрирует, что функционал советника может быть расширен в сторону фасилитации межпоколенческого взаимодействия, объединяя не только школьников и общественные организации, но и родителей, пожилых жителей микрорайона, местных специалистов. Речь идет не о введении новой должности, а о содержательном обогащении уже существующей, придании ей дополнительного измерения, связанного с генерацией социального капитала.

Запуск межпоколенческих форматов целесообразно начинать с пилотных проектов, ориентируясь на реальные потребности участников. Цифровые лаборатории, где подростки выступают тьюторами для пожилых, позволяют старшему поколению осваивать актуальные навыки, а молодежи – обретать опыт социально значимой деятельности. Творческие мастерские, где пожилые люди передают ремесленные навыки, дают им чувство востребованности, а детям – возможность приобщаться к традиционным ценностям. Спортивные и интеллектуальные клубы со смешанным возрастным составом создают нейтральное пространство для неформального общения.

Для органов местного самоуправления рекомендации носят институциональный характер. Целесообразно включение успешных практик межпоколенческого взаимодействия в муниципальные программы развития территорий, что обеспечит проектам стабильное финансирование и статус социально значимых инициатив. Важным направлением поддержки является создание условий для тиражирования успешных моделей: проведение семинаров, создание методических материалов, формирование банка практик, организация межшкольных сетей обмена опытом. Органы местного самоуправления могут также рассмотреть возможность включения представителей успешных низовых инициатив в общественные советы и кадровые резервы, поскольку в ходе проектов выявляются лидеры, обладающие доказанной способностью объединять людей и генерировать доверие.

Выдвинутая в начале исследования гипотеза нашла свое эмпирическое подтверждение. Полученные данные свидетельствуют, что новые практики межпоколенческого взаимодействия, реализованные в рамках проекта «Школа поколений», действительно приводят к росту объединяющего социального капитала общеобразовательной шко-

лы. Это фиксируется через расширение сетей доверия, укрепление норм взаимности и появление устойчивых горизонтальных связей между ранее разобщенными группами локального сообщества. Таким образом, системное создание условий для неформального, равноправного диалога поколений превращает школу в институт, производящий ресурс солидарности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с лонгитюдным наблюдением за участниками проекта для оценки устойчивости сформированных связей и их влияния на жизненные траектории. Необходимы сравнительные исследования различных моделей межпоколенческого взаимодействия в разных институциональных контекстах (школы, библиотеки, дома культуры), включая сравнение городских и сельских школ с учетом культурных и демографических факторов. Актуальной задачей остается разработка количественного инструментария для мониторинга социального капитала школ на основе методологии Т.А. Гужавиной, что позволит перейти от отдельных кейсов к системным замерам и обоснованному тиражированию успешных практик. Решение этих исследовательских задач требует междисциплинарного подхода, объединяющего усилия социологов, психологов и педагогов для понимания микро-динамики формирования ресурсов доверия и солидарности в локальных сообществах.

Литература

1. Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 110–125.
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
3. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
4. Гужавина Т.А. Социальный капитал российского региона: состояние и динамика // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 4. С. 254–265.
5. Долгов А.Ю. Генезис теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина: социально-исторический и методологический аспекты // Социологический ежегодник. 2013. С. 124–140.
6. Калинина В.А. Школы. Включить новую жизнь [Электронный ресурс] // Кто твой город: интернет-журнал. 2026. – URL: https://ktogorod.ru/kalina_kniga (дата обращения: 17.02.2026).
7. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.

8. Свенцкий А.Л., Почебут Л.Г., Килошенко М.И., Кузнецова И.В., Марарица Л.В., Казанцева Т.В. Социальный капитал и его формирование: социально-психологический подход // Психология XXI века: сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 120–138.
9. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
10. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
11. Сорокин П.С., Попова Т.А. Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуризации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 457–468.
12. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 730 с.
13. Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–31.

SOCIAL CAPITAL OF SECONDARY SCHOOLS AS A RESULT OF NEW PRACTICES

Zhukov A.O.

Independent Researcher

The article presents the results of a study examining the potential of secondary schools as centers for generating bridging social capital within local communities. Bridging social capital is understood as social ties between heterogeneous groups that provide access to new resources and strengthen public solidarity. The relevance of the research stems from the processes of social atomization, the breakdown of intergenerational ties, and the deficit of trust in contemporary urban communities. The empirical basis is the «School of Generations» project, implemented at a school in St. Petersburg (2024–2025 academic year). Based on the analysis of intergenerational interaction practices, the mechanisms of forming new social connections, increasing trust, and strengthening norms of reciprocity are identified. Special attention is paid to the micro-dynamics of contact emergence – rejection of the vertical role, resource exchange, and the emergence of a «weak tie» – using the example of

a unique field case («the railing jump») recorded through participant observation. The role of the school counselor for education as an institutional facilitator of these processes is revealed. It is concluded that the systematic creation of situations for joint activity transforms the school into an institution that produces a resource of solidarity, and practical recommendations for replicating this practice for educational institutions and local governments are formulated.

Keywords: social capital; intergenerational interaction; bridging capital; school; local community; trust.

References

1. Afanas'ev D.V., Guzhavina T.A., Mekhova A.A. Social capital in the region: on the issue of measurement and construction of an indicator model // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2016, № 6, pp. 110–125.
2. Bourdieu P. The forms of capital // Economic Sociology, 2002, vol. 3, № 5, pp. 60–74.
3. Granovetter M. The strength of weak ties // Economic Sociology, 2009, vol. 10, № 4, pp. 31–50.
4. Guzhavina T.A. Social capital of the Russian region: state and dynamics // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2023, vol. 16, № 4, pp. 254–265.
5. Dolgov A. Yu. The genesis of Pitirim Sorokin's theory of creative altruism: socio-historical and methodological aspects // Sociological Yearbook, 2013, pp. 124–140.
6. Kalinina V.A. Schools. Turn on a new life // Who's Your City: online magazine, 2026. Available at: https://ktogorod.ru/kalina_kniga (Accessed 17 February 2026).
7. Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Moscow: Ad Marginem, 1996. 287 p.
8. Svetsitsky A.L., Pochebut L.G., Kiloshenko M.I., Kuznetsova I.V., Mararitsa L.V., Kazantseva T.V. Social capital and its formation: socio-psychological approach // Psychology of the XXI Century: collection of articles. Saint Petersburg: SPbSU Publishing House, 2009, pp. 120–138.
9. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Moscow: Astrel, 2006. 1176 p.
10. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p.
11. Sorokin P.S., Popova T.A. Classical and modern approaches to the study of solidarity: problems and prospects in the context of destructuring // RUDN Journal of Sociology, 2021, vol. 21, № 3, pp. 457–468.
12. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST, 2004. 730 p.
13. Shikhirev P.N. The nature of social capital: socio-psychological approach // Social Sciences and Modernity, 2003, № 2, pp. 17–31.

Реализация государственной политики в сфере общего образования на муниципальном уровне в современной России

Журавлева Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, директор Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье проводится системный комплексный анализ реализации государственной политики в сфере общего образования на муниципальном уровне. Проводится анализ взаимодействия региональных и муниципальных органов власти в сфере общего образования. Рассматривается опыт субъектов Российской Федерации по развитию сферы общего образования на муниципальном уровне. Делается вывод о том, что успешные региональные практики опираются на интеграцию цифровых технологий, развитии кадрового потенциала и усилении механизмов межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: общее образование, государственная политика, муниципальный уровень, цифровизация, современная Россия.

Взаимодействие региональных и муниципальных органов власти в сфере общего образования

Образование – один из ключевых приоритетов государственной политики Российской Федерации, реализация которого требует слаженного взаимодействия различных уровней власти. В этом процессе важнейшую роль играют: органы государственной власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления (МСУ). Правовую основу их взаимодействия составляют: Конституция Российской Федерации; федеральные законы; региональные нормативные акты. Центральный законодательный акт в сфере образования – Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Он закрепляет базовые принципы и цели образовательной политики; определяет зоны ответственности субъектов РФ и органов МСУ в реализации образовательных программ; устанавливает общие рамки взаимодействия между уровнями власти.

Образовательная политика может иметь как уникальные территориальные особенности, так и формироваться под влиянием международного опыта [1]. Занимаясь вопросами трансформации образования, формировались различные государственные стратегии и механизмы реализации образовательного потенциала страны [2–4], также как и различные аспекты социального образования [5, 6].

На региональном уровне субъекты РФ принимают собственные законы и подзаконные акты, которые: конкретизируют и дополняют федеральные нормы с учётом местных особенностей; регламентируют порядок взаимодействия между органами государственной власти и МСУ; определяют механизмы реализации образовательных инициатив на местах.

В качестве примера можно привести региональные программы модернизации образовательной инфраструктуры. Они разрабатываются с учётом: специфики территориального развития; демографических особенностей; социальноэкономических потребностей конкретного субъекта РФ.

Органы управления образованием в государственных образованиях России отличаются большим разнообразием и могут значительно различаться по своему статусу и организационной структуре. В качестве таких органов выступают Министерства образования республик или областей, Департаменты образования, главные управ-

ления образованием, а также управления образования при администрациях регионов и подобные учреждения. Руководители этих структур, будь то министр, начальник управления или департамента, назначаются и освобождаются от должности главой соответствующего субъекта РФ. Статус данных органов обычно регулируется законами об образовании, принятыми на уровне конкретного субъекта Российской Федерации.

Правовую основу деятельности органов местного самоуправления составляют не только Закон № 273–ФЗ, но и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Это связано с тем, что полномочия исполнительных органов местного самоуправления в сфере образования основаны как на их собственных полномочиях, реализуемых по вопросам управления муниципальными образованиями, так и на части полномочий, передаваемых им для выполнения задач органов исполнительной власти на уровне государства. Муниципальный уровень предназначен для детализации методов, подходов и механизмов реализации целей, установленных в рамках федеральной и региональной социальной политики, с учетом особенностей конкретных территорий.

На основе региональных нормативов и правил органы местного самоуправления имеют право разрабатывать местные социальные нормы и стандарты, учитывающие специфику каждого муниципального образования. В муниципальных районах и городских округах управление сферой образования осуществляется соответствующими органами местного самоуправления. В структуре местных администраций могут создаваться органы управления образованием, такие как управления, департаменты или отделы образования. Эти органы отвечают за управление муниципальными образовательными учреждениями, формирование различных экспертных и аттестационных комиссий, организацию дополнительных образовательных программ для детей и так далее. Основные полномочия органов местного самоуправления в сфере образования касаются организационных вопросов и не затрагивают содержательную сторону образовательного процесса.

Ключевые полномочия муниципальных органов управления образованием, установленными федеральным законодательством, включают следующее: предоставление бесплатного образования в соответствии с государственными стандартами; реализацию программ дополнительного образования за счет средств федерального бюджета; обеспечение содержания и ухода за детьми в образовательных учреждениях; контроль за созданием и ликвидацией образовательных учреждений; содержание зданий и сооружений муниципальных образовательных организаций, а также обустройство прилегающих территорий; ведение

учета детей, подлежащих обучению по программам дошкольного, начального, основного и среднего общего образования, а также закрепление муниципальных образовательных учреждений за определенными территориями муниципальных образований; выполнение иных полномочий, установленных федеральным законодательством в области образования. Основная цель управления образованием – реализация на территории муниципального образования политики, направленной на обеспечение граждан конституционным правом на доступное и качественное образование, а также на обеспечение эффективной работы и развития муниципальной системы образования.

Анализируя систему органов управления образованием в России, важно отметить концепцию государственно-общественного управления образованием (ГОО), которая представляет собой особый формат взаимодействия между государством и обществом. Такой подход предполагает постоянное и ответственное участие субъектов, представляющих интересы государства в сфере образования, и субъектов, отражающих интересы населения, бизнеса, родителей и самих учащихся. Сущность ГОО в современном образовании заключается в согласованном взаимодействии государства и общества по решению различных задач, в том числе – в возможности ответственно влиять на формирование образовательной политики, участвовать в принятии управленческих решений, выполнять функции по обеспечению ресурсами и создавать благоприятную социальную среду для обучающихся.

В целом, проведенный анализ показал, что эффективная реализация государственной политики в сфере общего образования возможна при системной взаимосвязи и взаимодействии всех участников процесса. Это создает предпосылки для устойчивого развития системы образования, повышения её качества и обеспечения равных возможностей для всех обучающихся.

Опыт субъектов Российской Федерации по развитию сферы общего образования на муниципальном уровне

Муниципальная система образования – неотъемлемый элемент единого образовательного пространства Российской Федерации. Она представляет собой упорядоченную совокупность взаимосвязанных управленческих процессов, реализуемых на территории конкретного муниципального образования. Согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Муниципальная система образования функционирует в рамках единой государственной политики в сфере образования, обеспечивая: доступность образовательных услуг для всех категорий

населения; реализацию государственных образовательных стандартов; выполнение муниципальных обязательств по организации учебного процесса.

В рамках реализации национального проекта «Образование» (2019–2024 гг.) существенно возросла значимость субъектов РФ в управлении качеством общего образования. Как отмечается в источнике, именно эффективность координации на региональном уровне определяет масштабы и глубину проводимых преобразований. Современные регионы выполняют двойственную функцию: с одной стороны, обеспечивают трансляцию федеральной образовательной повестки; с другой – выступают инициаторами инновационных управленческих решений. К числу таких инициатив относятся: развитие сетевого взаимодействия между образовательными организациями; внедрение цифровых инструментов для анализа и мониторинга качества образования; расширение механизмов гражданского участия в оценке и совершенствовании образовательного процесса. Таким образом, субъекты РФ трансформировались из пассивных исполнителей в активных соучастников формирования современной образовательной среды, способных влиять на её содержание и траекторию развития.

В условиях дифференциации социальноэкономического и культурнообразовательного ландшафта российских регионов особую научную и практическую актуальность приобретает комплексное исследование опыта субъектов РФ, продемонстрировавших устойчивые позитивные сдвиги в сфере общего образования. Необходимость такого анализа обусловлена рядом факторов: разнообразие стартовых условий (демография, инфраструктура, кадровый потенциал); вариативность управленческих решений, применяемых в разных субъектах РФ.

Систематический анализ управленческих решений, успешно реализованных в других регионах, позволяет достичь нескольких взаимосвязанных целей: выявление устойчивых закономерностей; определение универсальных механизмов, обеспечивающих позитивные изменения; выделение ключевых факторов успеха (организационных, кадровых, финансовых); установление причинноследственных связей между управленческими действиями и образовательными результатами. Отбор и адаптация эффективных инструментов. Анализ лучших практик в сфере: управления образовательной инфраструктурой; повышения квалификации педагогических кадров; внедрения цифровых технологий; взаимодействия с родительским сообществом и работодателями; корректировка этих инструментов с учётом специфики Иркутской области (географические особенности, экономическая структура, этнический состав населения). Формирование базы для принятия обоснованных решений: создание каталога прове-

ренных управленческих решений; разработка сценариев внедрения с оценкой рисков и ресурсных потребностей; прогнозирование возможных эффектов от масштабирования успешных практик. Интеграция передового опыта в управленческую практику Иркутской области способствует: повышению эффективности региональной образовательной политики за счёт: оптимизации распределения ресурсов; сокращения времени на поиск рабочих решений; снижения вероятности ошибочных управленческих решений; укреплению долгосрочной устойчивости системы образования через: формирование адаптивных управленческих механизмов; развитие культуры непрерывного совершенствования; создание условий для системной модернизации без потери качества.

Таким образом, изучение и критическое осмысление регионального опыта становится стратегически значимым инструментом развития образования в Иркутской области. Оно позволяет избежать дублирования ошибок других субъектов РФ; использовать проверенные решения как основу для инноваций; обеспечить сбалансированное сочетание федеральных требований и локальной специфики; создать устойчивую образовательную экосистему, способную отвечать на вызовы современности.

Нами были проанализированы следующие наиболее значимые и эффективные региональные проекты в сфере общего образования, реализуемые на муниципальном уровне.

1. Проект «Сетевой учитель» (г. Канск).
2. «Повышение качества образования в Дальневосточном федеральном округе» – г. Чита, г. Краснокаменск (Забайкальский край), г. Благовещенск, г. Белогорск (Амурская область).
3. Система наставничества для молодых педагогов (г. Хабаровск).
4. Центр «Альтаир» для одарённых детей (г. Новосибирск, г. Бердск).
5. «Цифровая образовательная среда» (г. Братск, г. Ангарск, г. Шелехов).
6. Проект «Школа – центр социума» (г. Бийск Алтайского края).

Выбор данных проектов продиктован их способностью реализовывать комплексный подход к улучшению качества образования. Они охватывают три ключевых направления: цифровизацию образовательных процессов; развитие профессионального потенциала педагогов; совершенствование систем внутришкольного мониторинга. Для Иркутской области такие инициативы имеют особую значимость ввиду двух ключевых особенностей региона: значительной территориальной протяжённости; неоднородности существующей образовательной инфраструктуры. В этих условиях приоритетное значение приобретают решения, которые: обеспечивают гибкость управленческой

модели; позволяют оперативно собирать и анализировать данные; способствуют выстраиванию индивидуальных образовательных маршрутов для учащихся. Особая ценность проектов заключается в том, что они: системно организуют образовательную среду; рационально задействуют цифровые ресурсы; выстраивают продуктивно взаимодействие между школами, органами власти и местными сообществами. Таким образом, реализуемые инициативы полностью отвечают актуальным запросам Иркутской области по формированию устойчивой модели управления качеством образования.

Проект «Сетевой учитель» в Канске направлен на повышение качества образования через использование дистанционных технологий и сетевого взаимодействия в условиях кадрового дефицита. Проект позволяет компенсировать нехватку квалифицированных педагогов по предметам математика и физика. Сетевой учитель проводит уроки онлайн для нескольких классов одновременно, а в классах с учениками работает тьютор, который помогает организовать учебный процесс на месте. Это особенно актуально для небольших населённых пунктов и школ, где сложно привлечь специалистов по определённым дисциплинам. Это обеспечивает равный доступ к качественным знаниям независимо от места обучения. Использование современных платформ (например, «Сферум») и технологий видеоконференцсвязи позволяет ученикам и педагогам осваивать цифровые инструменты. Это формирует цифровую грамотность, которая востребована в современном обществе. Педагоги учатся работать в онлайн-среде, а ученики приобретают навыки дистанционного обучения и взаимодействия в цифровых пространствах. Обмен опытом между педагогами, совместные разработки уроков и методическая поддержка способствуют профессиональному росту. Сетевые уроки могут включать элементы исследовательской и проектной деятельности, что стимулирует интерес учащихся к предметам и развивает их аналитические навыки. Проект предусматривает разработку нормативно-правовой базы на муниципальном и региональном уровнях, что обеспечивает его устойчивое развитие. Также создаются учебно-методические материалы и минимальные требования к технической инфраструктуре, что способствует стандартизации и масштабированию практики. В рамках проекта реализуется система мониторинга, оценки и обратной связи, что позволяет отслеживать эффективность обучения и своевременно корректировать методики и подходы. Таким образом, проект «Сетевой учитель» в Канске способствует повышению качества образования за счёт технологического обновления учебного процесса, решения кадровых проблем, развития профессионального потенциала педаго-

гов и расширения образовательных возможностей для учащихся.

Повышение качества образования в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), а именно в Забайкальском крае, Амурской области, реализуется через комплекс мер, направленных на улучшение подготовки учащихся, развитие инфраструктуры, укрепление кадрового потенциала и интеграцию образования с потребностями экономики региона.

Эффективность этих усилий проявляется в нескольких ключевых аспектах. Проекты по повышению качества образования привели к заметному росту показателей государственной итоговой аттестации. Ключевой составляющей проектов стала системная работа с учителями. Например, в рамках сотрудничества группы компаний «Просвещение», Минпросвещения России, ФИПИ и правительств субъектов ДФО еженедельно проводились методические онлайн-встречи федеральных экспертов, региональных методистов и учителей. Был создан общий чат для обратной связи и дополнительных консультаций. Также реализуется проект «Наука в регионы» совместно с Фондом развития Физтех-школ. Он включает курсы повышения квалификации для педагогов, создание новых образовательных программ, подготовку учебных и методических публикаций. Одна из целей проектов – удержать квалифицированные кадры в регионе. Для этого уделяется внимание профориентационной работе, сотрудничеству университетов с бизнесом, созданию условий для трудоустройства выпускников на предприятиях ДФО. Например, программа «Циолковский 2030» направлена на то, чтобы помочь школам, колледжам и образовательным центрам увидеть своё место в системе развития региона. Участники программы разрабатывают программы развития школ с учётом потребностей регионов, что должно способствовать остановке оттока молодёжи и повышению качества образования. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ), Институт содержания и методов обучения и Академия «Просвещение» в рамках соглашения 2025 года нацелены на повышение квалификации учителей математики, физики, химии, биологии – дисциплин, критически важных для развития экономики региона. Стратегические сессии, семинары и другие форматы взаимодействия позволяют согласовывать действия Минпросвещения, Минвостокразвития, региональных властей и образовательных учреждений. Это способствует более эффективному планированию и реализации проектов. Таким образом, эффективность мер по повышению качества образования в ДФО проявляется в конкретных количественных показателях (рост баллов ЕГЭ, снижение числа неуспевающих), укреплении кадрового потенциала, адаптации образования

к потребностям региона и созданию условий для долгосрочного развития человеческого капитала.

Система наставничества молодых педагогов, действующая в Хабаровске, является действенным инструментом управления качеством образования, основанный на поддержке и сопровождении профессионального становления учителей в первые годы их педагогической деятельности [73]. Практика направлена на решение проблемы ранней текучести кадров, которая напрямую влияет на стабильность учебного процесса и достижение планируемых образовательных результатов. Ключевым элементом модели является гибкая, поэтапная структура, позволяющая школам адаптировать программы наставничества под индивидуальные затруднения молодого педагога.

Эффективная реализация наставничества требует не только административной готовности, но и активного участия педагогического коллектива, готового к передаче опыта, поддержке и совместному развитию. Разработка нормативной базы, четкое распределение ролей и разнообразие форм сопровождения способствуют превращению наставничества в устойчивый управленческий механизм. Особую ценность представляет разработанный методические материалы, позволяющие отслеживать и оценивать эффективность взаимодействия между наставниками и молодыми педагогами. Наличие формализованных отчетов, анкетирования и процедур обратной связи помогает своевременно выявлять сложности, корректировать индивидуальные маршруты и поддерживать успешные практики.

Данная практика демонстрирует тесную координацию между региональным и муниципальным уровнями управления: институт развития образования, руководители школ, органы местного самоуправления действуют как скоординированные субъекты, создающие общее пространство профессионального роста. Особое внимание уделяется конкурсному движению, публикациям, кейсам и информационным платформам, тем самым повышая престиж педагогической профессии и укрепляя ценность наставничества как основы профессиональной культуры. Ассоциация молодых педагогов как социальный партнер системы образования расширяет влияние данной практики, формируя устойчивую среду профессионального общения. Высокий уровень удержания молодых специалистов в профессии подтверждает устойчивость модели и ее значимость как управленческого ресурса повышения качества образования.

Эффективность регионального центра «Альтаир» (город Новосибирск, город Бердск) в повышении качества образования проявляется через ряд ключевых направлений деятельности, которые способствуют развитию талантов, углубленному обучению и интеграции образования с потребно-

стями региона. Миссия центра – поиск одарённых и целеустремлённых детей, их поддержка и сопровождение. Для этого разработаны специальные критерии отбора, включающие оценку базовых навыков и умений. Дети могут попасть в «Альтаир» через дистанционные курсы, по итогам которых отбираются участники профильных программ. «Альтаир» действует на двух распределённых площадках:

- парк науки и технологий в академгородке – лаборатории с высокотехнологичным оборудованием, соответствующим современным направлениям фундаментальной науки;
- образовательный парк им.о. кошевого в Бердске – база для длительных образовательных программ с проживанием.

В рамках национального проекта «Образование» для научных лабораторий центра было закуплено высокотехнологичное оборудование на сумму 337 млн рублей. Это позволяет учащимся работать на современном уровне и проводить исследования высокого качества.

Центр реализует профильные интенсивные программы, онлайн-курсы, дистанционные программы, олимпиады, конкурсы и конференции. Так же, одна из важнейших задач центра – постсопровождение учащихся. Выпускники «Альтаира» продолжают профессиональный путь в той области, в которой они успели проявить себя при работе с региональными экспертами. Это способствует формированию квалифицированных специалистов для региона. Центр сотрудничает с Новосибирским государственным университетом, научными институтами, высокотехнологичными компаниями и спортивными организациями. Таким образом, эффективность «Альтаира» проявляется в комплексном подходе к развитию одарённости, модернизации образовательной инфраструктуры, повышению квалификации педагогов, интеграции образования и практики, а также в долгосрочной поддержке талантливых детей.

Эффективность проекта «Цифровая образовательная среда» в городах Иркутской области (Братск, Ангарск, Шелехов) проявляется через ряд ключевых направлений, которые способствуют повышению качества образования, расширению доступа к образовательным ресурсам и подготовке конкурентоспособных специалистов.

В регионе были открыты центры цифрового образования «IT-куб» на базе профессиональных образовательных учреждений (например, в Братске, Иркутске, Ангарске). В этих центрах школьники изучают программирование, робототехнику, веб-дизайн, 3D-моделирование и другие IT-направления. По данным на 2024 год, более тысячи школьников прошли обучение в таких центрах, а общее число участников мероприятий (включая педагогов) превысило пять тысяч. Это способствует развитию компетенций в сфере цифровизации, ранней про-

форирования и подготовке кадров для IT-сферы. Для не менее чем 90% обучающихся по программам общего, дополнительного и профессионального образования планировалось сформировать цифровой образовательный профиль и индивидуальный план обучения с использованием федеральной информационно-сервисной платформы. Это позволяет персонализировать образовательный процесс, отслеживать прогресс и адаптировать программы под потребности учащихся.

В образовательных организациях внедряются технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR), цифровых двойников и другие современные методы обучения. Цифровые технологии особенно важны для детей и молодёжи из отдалённых или малонаселённых районов Иркутской области, где ранее доступ к современным образовательным ресурсам мог быть ограничен. Дистанционное обучение и онлайн-ресурсы делают образование более доступным. Использование цифровых технологий способствует развитию креативности, повышению мотивации учеников и их интереса к учёбе. Интерактивные форматы обучения и работа с современными инструментами делают образовательный процесс более увлекательным. Таким образом, проект «Цифровая образовательная среда» в Иркутской области направлен на системное улучшение качества образования через технологическое обновление, развитие инфраструктуры, повышение квалификации педагогов и расширение возможностей для персонализированного обучения.

Проект «Школа – центр социума», реализуемый в Алтайском крае (город Бийск) при поддержке Рыбаков Фонда, представляет собой системную модель интеграции образовательного учреждения в локальное сообщество. Его методологическая основа – парадигма «открытой школы», предполагающая трансформацию учебного заведения из автономного института в ключевой элемент социальнообразовательного пространства территории. Эффективность проекта обеспечивается через следующие взаимосвязанные механизмы: Формирование сети социальных партнёрств – школа выступает координатором взаимодействия между субъектами местного бизнеса (профориентационные программы, стажировки); органами муниципальной власти (совместное планирование развития территории); выпускниками (наставничество, грантовая поддержка); некоммерческими организациями (социальные проекты); учреждениями культуры и спорта (дополнительное образование). В образовательный процесс внедряются: проектные технологии с реальными кейсами от локальных стейкхолдеров; практики социального предпринимательства; волонтёрские инициативы, ориентированные на решение местных проблем. За счёт партнёрских ресурсов осуществляется: оснащение лабораторий и творческих

пространств; благоустройство пришкольных территорий; создание многофункциональных зон (медиацентры, коворкинги). Проект превращает школу из изолированного учреждения в живой центр развития территории, где образование становится инструментом позитивных изменений для всех жителей. Это создаёт долгосрочный эффект: повышается качество обучения, укрепляется местное сообщество, а учащиеся получают навыки и мотивацию для самореализации в своём регионе.

Проведённый анализ действующих региональных практик в сфере управления качеством образования позволяет выделить ряд принципиальных закономерностей и обосновать факторы их результативности. Успешность региональных инициатив детерминирована согласованностью трёх ключевых компонентов: управленческих механизмов (стратегическое планирование, распределение полномочий, мониторинг); организационных решений (реструктуризация процессов, формирование сетевых взаимодействий); цифровых инструментов (внедрение платформ, автоматизация отчётности, аналитика данных). Такой триединый подход обеспечивает синергетический эффект, минимизируя фрагментарность воздействий и повышая предсказуемость результатов. Современные модели управления образованием демонстрируют эволюцию от административной рутины к проектированию образовательной системы как гибкой, адаптивной структуры. Это выражается в смещении акцента с контроля исполнения на прогнозирование и целеполагание; внедрении проектного подхода к разработке образовательных программ; формировании механизмов обратной связи с участниками процесса (учащиеся, педагоги, родители, работодатели).

Ключевым механизмом повышения качества становится оптимизация взаимодействий между структурными элементами образовательной системы.

Как отмечается в исследованиях, процессный подход: «уделяет особое внимание взаимодействию структурных элементов образовательной организации, обеспечивая целостность управления на стыках деятельности подразделений и должностных лиц». Эффективные региональные проекты реализуют стратегию проактивного формирования образовательной среды, а не реактивного реагирования на вызовы. Это проявляется в разработке сценариев развития с учётом демографических, экономических и технологических трендов; создании «полигонов инноваций» (экспериментальных площадок для тестирования новых методик); интеграции прогнозирования в систему планирования (например, моделирование кадровых потребностей региона на 5–10 лет вперёд). Повышение качества образования достигается через формирование коалиций заинтересованных сторон: педагогические сообщества (обмен луч-

шими практиками, горизонтальное наставничество); родительские ассоциации (участие в оценке программ, волонтерство); бизнес-партнёры (стажировки, гранты, разработка прикладных модулей); муниципальные власти (координация инфраструктурных проектов).

Литература

1. Ардашев Р.Г., Шеков А.А., Лузько Д.Н. Об обмене практическим опытом между образовательными организациями Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (29). С. 90–97.
2. Журавлева И.А. Государственная политика в сфере управления качеством образования (на примере Иркутской области) // Социология. 2025. № 7. С. 84–92.
3. Журавлева И.А. Системный анализ государственной политики в сфере дошкольного и общего образования // Социология. 2022. № 3. С. 61–74.
4. Журавлева И.А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74.
5. Полюшкевич О.А. Социальное образование как технология социальных лифтов // Социальное образование в современной России: смена парадигм и поиск новых решений. Научно-методические материалы: К 25-летию социологического образования в России. Иркутск, 2014. С. 96–99.
6. Решетников В.А., Полюшкевич О.А., Федчин В.С. Основные направления социально-

го образования // Социодинамика. 2016. № 4. С. 52–58.

IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN GENERAL EDUCATION AT THE MUNICIPAL LEVEL IN MODERN RUSSIA

Zhuravleva I.A.

Irkutsk State University

This article provides a systemic, comprehensive analysis of the implementation of state policy in general education at the municipal level. It analyzes the interactions between regional and municipal authorities in general education. The experience of constituent entities of the Russian Federation in developing general education at the municipal level is examined. It concludes that successful regional practices rely on the integration of digital technologies, the development of human resources, and the strengthening of interdepartmental cooperation mechanisms.

Keywords: general education, public policy, municipal level, digitalization, modern Russia.

References

1. Ardashev R.G., Shekov A.A., Luzko D.N. On the Exchange of Practical Experience between Educational Organizations of the Russian Federation and the People's Republic of China // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (29). Pp. 90–97.
2. Zhuravleva I.A. State Policy in the Sphere of Education Quality Management (on the Example of the Irkutsk Region) // Sociology. 2025. № 7. Pp. 84–92.
3. Zhuravleva I.A. Systems Analysis of State Policy in the Sphere of Preschool and General Education // Sociology. 2022. № 3. Pp. 61–74.
4. Zhuravleva I.A. Assessment of the Development of State Educational Policy (Expert Analysis) // Sociology. 2021. № 4. Pp. 63–74.
5. Polyushkevich O.A. Social education as a technology of social elevators // Social education in modern Russia: paradigm shift and search for new solutions. Scientific and methodological materials: For the 25th anniversary of sociological education in Russia. Irkutsk, 2014. Pp. 96–99.
6. Reshetnikov V. A., Polyushkevich O.A., Fedchin V.S. Main directions of social education // Sociodynamics. 2016. № 4. Pp. 52–58.

Социализация волонтерского движения: путь к профессионализации и устойчивое развитие в социальной сфере

Кокорева Марина Евгеньевна,

к.соц.н., доцент, доцент кафедры социальной работы ИКПСР
ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский
медицинский университет им. Н.И. Пирогова»
E-mail: malinka7171@mail.ru

В статье рассматривается тенденция социализации волонтерского движения как фактор, способствующий профессионализации волонтерских организаций, а также содействующий стабильности систем социальной сферы, решения проблем конкретных групп населения. В статье подчеркивается роль волонтерского движения на современном этапе как движения, дельность которого направлена на повышение эффективности реагирования на различные социальные проблемы, на осуществление помощи людям в трудных жизненных ситуациях. В исследовании раскрываются особенности профессионализации в рамках увеличения количеств различного рода организаций, профессиональных навыков помощи, координирования деятельности волонтерских организаций. Кроме этого, указывается на функционирование ключевых субъектов волонтерского движения.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерское движение, волонтерская работа, социальная сфера, социализация, устойчивое развитие.

Введение

Волонтерство как социальное явление современного периода времени указывает на вовлеченность общества в решение социальных проблем, на формирование специальных организаций, которые безвозмездно осуществляют помощь на основе принципа добровольности. Статистика за последние пять лет в период с 2020 по 2025 г. и по состоянию на начало 2026 г. показывает, что динамика количества волонтеров постоянно растет. Так, если в 2020 г. насчитывалось 911 302 волонтера, то в 2025 г. в России было 1 633 911 волонтеров, а в 2026 г. с начала года волонтерами стали еще 153 511 человек [2]. За период с 2020 по 2025 г. количество волонтеров увеличилось на 722 609 человек.

Увеличение количества членов волонтерского движения в России указывает также на расширение деятельности, осуществляемой волонтерами. Если в 2020 г. волонтерами проведено 45 985 мероприятий, то в 2025 г. 374 930 мероприятий [2]. В последние годы волонтерское движение интенсивно развивается в России в целом и в различных субъектах в частности. Таким образом, статистика свидетельствует о возрастающей роли волонтерства.

Результаты и обсуждение

Прежде чем рассмотреть сущность социализации волонтерского движения как путь к его профессионализации, стоит определить понятие и сущность волонтерского движения. На сегодняшний день понятие волонтерства, волонтерского движения имеет несколько подходов. Как в науке, так и на уровне нормативно-правового регулирования используется не только понятие волонтерства, но и тождественное ему «добровольчество».

В широком смысле, «добровольчество сегодня – это и способ самореализации, и канал получения новых знаний и опыта, и социальный лифт» [8, с. 16]. В узком понимании, добровольчество означает «добровольность участия. Это означает, что волонтеры работают без оплаты и свободно выбирают, сколько времени и усилий они могут вкладывать в свою работу [4, с. 30].

Наиболее отдаленная причина поведения, направленного на оказание помощи, рассматривает возможность того, что люди эволюционировали таким образом, что стали оказывать помощь. Во-

лонтерство в альтруистических терминах рассматривается как добровольная деятельность, мотивированная общественными интересами, как любое безвозмездное, преднамеренное действие, будь то спонтанное или организованное.

В рамках ценностного подхода И.А. Семенов указывает на волонтерство «способ непосредственного сохранения и укрепления таких общечеловеческих ценностей как доброта, безвозмездная помощь любому человеку независимо от его положения в обществе, культурных и этнических особенностей» [10, с. 136].

Применяя ценностный подход А.А. Малькевич, считает, что «волонтерство – это один из методов закрепления и поддержания ценностных ориентаций из категории «общечеловеческие», практического осуществления гражданских обязательств и гражданских прав, развития личности посредством осознания собственных возможностей творческого характера» [7, с. 180].

В философском понимании волонтерское движение представляет собой «философию общего дела: жить не только для себя и не только для других, а со всеми и для всех» [12, с. 54].

Деятельностный подход основан на том, что волонтерство это конкретный вид деятельности, которая не является обязательной (нет договорных, или иных обязательств между помогающим и помогаемым, а также принуждения); осуществляется на благо других, общества в целом или конкретной организации.

На нормативно-правовом уровне в Федеральном законе от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», установлено, что «под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях, указанных в п. 1 статьи 2 Федерального закона» (ст. 1) [1].

Волонтерство указывает на вовлеченность общества и отражает так называемое просоциальное поведение. «Просоциальное поведение – действия с намерением помочь другим, не рассчитывая на вознаграждение; поведение, обладающее позитивными социальными последствиями и приносящее вклад в физическое и психологическое благополучие других людей» [11, с. 63]. Волонтерство таким образом выступает как обдуманное и целенаправленное поведение, требующее активного поиска возможностей для действий, которые часто застают людей в ситуациях, когда требуется немедленная помощь.

Волонтерское движение тесно связано с концепцией благотворительности, идеей добровольного пожертвования своего времени на помощь другим. Волонтерство может принимать множество форм. Ежегодно миллионы людей по всему миру оказывают добровольную помощь отдель-

ным лицам, группам и организациям, участвуя в таких видах деятельности, как обучение молодежи, общение и помощь одиноким людям, поиск пропавших людей, сбор средств на и др.

Как бы ни были разнообразны эти виды деятельности, все они могут быть классифицированы как примеры волонтерства – добровольной деятельности, направленной на предоставление услуг для удовлетворения потребностей отдельных лиц, организаций и сообществ.

Волонтерское движение на сегодняшний день институционализировано, оно выступает как социальный институт. Одним из трендов волонтерства является с одной стороны динамика роста и как следствие возможность осуществления помощи конкретным людям. А другим трендом волонтерского движения является, как отмечают ученые и практики его «профессионализация, структуризация, появление инфраструктурных организаций» [9, с. 4].

Путь к профессионализации волонтерской деятельности лежит через несколько аспектов развития волонтерства. Социализация как процесс представляет возможность раскрытия определенных качеств, прививание их посредством, как непосредственной работы, так и в рамках образования.

Способы, которыми люди формируют планы добровольной деятельности, могут быть разными. В последние годы, волонтерское движение не просто оформилось в конкретные виды организаций, но и стало выстраивать партнерство с социальными службами по развитию и предоставлению помощи и услуг.

В 2018 г. такое взаимодействие было регламентировано в Постановлении Правительства РФ от 28.11.2018 № 1425 «Об утверждении общих требований к порядку взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями». Данный документ установил требования к взаимодействию, определенный порядок сотрудничества волонтеров с социальными службами, а также перечень различных видов деятельности, в рамках которой осуществляется данное взаимодействие.

«Социальные работники должны воспринимать добровольцев как партнеров, которые стремятся внести социальные изменения» [14, с. 133]. Кроме этого, профессионализация волонтерского движения опирается на объединение различных организаций под эгидой ассоциации. В настоящее время в России существует Ассоциация волонтерских центров.

«Ассоциация волонтерских центров – крупнейшая волонтерская организация в России. Ассо-

циация волонтерских центров проводит конкурс волонтерских инициатив, проект «Добро. Университет», программы развития международного сотрудничества по поддержке добровольческих инициатив и волонтерства среди граждан старшего возраста» [3].

Волонтерство как социальный институт определяется как целенаправленно выбранная и спланированная долгосрочная деятельность, осуществляемая через организации. В этой связи в рамках профессионализации значение имеет обучение в ДоброУниверситете. ДоброУниверситет на первоначальном этапе был проектом Ассоциация волонтерских центров. В настоящее время это целый комплекс различных образовательных услуг, которые предоставляет ДоброУниверситет.

ДоброУниверситет целенаправленно обучает разных субъектов моральным и социальным правилам и принципам, а также нормам поведения, определенным навыкам и умениям, которые необходимы в том или ином виде волонтерской деятельности. Социальное обучение показывает, что формируется не только просоциальное поведение, но и «накопление знаний и передача опыта в сфере добровольчества, формирование профессионального сообщества» [6].

ДоброУниверситет на сегодняшний день в рамках образовательных услуг предоставляет:

- Вебинары;
- Лучшие практики (обмен опытом разных волонтерских организаций);
- Онлайн-курсы;
- Добрино.

Добрино – «это первый и единственный в стране круглогодичный молодежный образовательный центр, который занимается развитием общественных инициатив, добровольчества и гражданского сектора» [5]. В Добрино в настоящее время реализуется несколько программ: «Горизонты устойчивости», «Обучение служением», «Тимлиды молодежных событий».

Программа «Горизонты устойчивости» предполагает «обучение, позволяющее с другого ракурса взглянуть на стратегию развития и деятельность некоммерческих организаций» [5]. «Обучение служением» представляет собой программу «раскрывающую особенности партнерского взаимодействия образовательных организаций и соцпартнеров» [5].

«Тимлиды молодежных событий» – «программа обучения тимлидов разных направлений волонтерского корпуса молодежных событий и форумов» [5].

В последние годы, значение приобретает новое направление в волонтерском движении – цифровое волонтерство. Повышенная доступность сложных, но простых информационных и коммуникационных технологий позволила гражданам по-новому участвовать в социальной помощи. В частности, широкое использование социальных сетей по-

зволило гражданам свободно создавать и распространять собственную информацию, связанную с теми или иными трудными жизненными ситуациями. Примеры варьируются от простого использования таких сайтов, для обмена информацией до более сложных применений, включающих анализ данных и картирование кризисных ситуаций.

Цифровое волонтерство является перспективным направлением в рамках дальнейших процессов цифровизации и внедрения цифровых технологий. Данный вид волонтерства уже внедрен в практику и стремительно развивается. Одной из актуальных проблем является дальнейшее совершенствование данного вида волонтерства в рамках этики взаимодействия в сети, быстроты реагирования и иных умений и навыков в рамках цифрового волонтерства.

Институционализация волонтерской деятельности ставит необходимость решения существующих проблем и дальнейших перспектив профессионализации деятельности. В первую очередь это касается более интенсивного взаимодействия представителей волонтерских организаций с социальными службами, расширения возможностей ДоброУниверситета в рамках устойчивого развития в социальной сфере.

На сегодняшний день, социальная сфера «подвергается воздействию разнородных случайных факторов, что ведет к риску равновесного, устойчивого состояния» [13, с. 14].

Целью социальной устойчивости является обеспечение социально-культурных и духовных потребностей людей на справедливой основе. У каждого человека разные потребности, и эти потребности зависят от текущего состояния общества. Можно сказать, что социальная устойчивость является одним из важнейших аспектов устойчивого развития, поскольку в целом цель устойчивого развития состоит в том, чтобы сделать окружающую среду, как социальную, так и природную, лучшим местом для людей.

Заключение

Социальная устойчивость определяется как мера благополучия человека. Социальная устойчивость – это не забота о простом существовании, а стремление к процветанию и наилучшему образу жизни, о котором можно только мечтать. Ключевой задачей является повышение уровня жизни людей, решения социальных проблем.

Для этого, в рамках волонтерства необходимо: поощрять участие разных субъектов в волонтерском движении; уделять особое внимание результатам не только волонтерской деятельности, но и приобретенным знаниям, умениям и навыкам; содействовать улучшению систем социальной организации волонтерского движения, образования волонтерству. Идея социальной устойчивости может быть реализована при наличии возможностей

для расширения участия общественности в проектах волонтерского движения.

Литература

1. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Собрание законодательства РФ 1995. № 33. ст. 3340.
2. Аналитика волонтерства // [Электронный ресурс]: <https://dobro.ru/analytics>
3. Ассоциация волонтерских центров // [Электронный ресурс]: <https://asi.org.ru/ngoprofile/assocziaczia-volonterskih-czentrov/>
4. Василенко Н.В. Гражданская наука: институциональные основы и тенденции развития в России: монография / Н.В. Василенко, К.А. Кузьмина, В.А. Федотова. – Санкт-Петербург: СПбУТЭ, 2023. – 227 с.
5. Добрин // [Электронный ресурс]: <https://dobrinodobro.ru/#about>
6. ДоброУниверситет // [Электронный ресурс]: <https://dobro.ru/project/10018917>
7. Малкевич А.А. Новые медиа в политическом процессе России: монография. – Пятигорск; Ставрополь: РИА-КМВ, 2023. – 367 с.
8. Организация добровольческой (волонтерской деятельности) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО / Под ред. К.Ю. Королева, О.В. Ковальчук, И.Г. Волошина, Т.В. Никулина. – Белгород: Издательский дом БелГУ, 2023. – 135 с.
9. Региональный парламентаризм: настоящее и будущее: материалы III краевой межвузовской научно-практической конференции, Краснодар, 18 апреля 2022 г. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет; редакционная коллегия: А.В. Егупов (ответственный редактор) [и др.]. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. – 136 с.
10. Семенов И.А. Каритативная деятельность как способ проявления религиозной трансценденции: диссертация ... кандидата философских наук. – Владимир, 2025. – 204 с.
11. Социальная психология спорта / П.А. Кисляков, М.С. Белов, О.А. Силаева, Д.В. Савченко. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2024. – 180 с.
12. Тарабан О.В. Деятельность некоммерческих организаций в системе социальной работы. – Иркутск: Издательский дом БГУ, 2023. – 116 с.
13. Устойчивое развитие региона в условиях рискогенности внешней среды: монография / Ю.К. Баранова, С.В. Бизин, А.Е. Кисова [и др.]. – Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2023. – 210 с.

14. Шильцова Ю.В. Волонтерство в контексте социальной работы – историческая связь и перспективы // Актуальные научные исследования в современном мире 2020. № 5–5 (61). С. 130–135.

SOCIALIZATION OF THE VOLUNTEER MOVEMENT: THE PATH TO PROFESSIONALIZATION AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE SOCIAL SPHERE

Kokoreva M.E.

Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov

This article examines the trend toward socialization of the volunteer movement as a factor contributing to the professionalization of volunteer organizations, as well as to the stability of social systems and solutions for specific population groups. The article emphasizes the role of the volunteer movement today as a movement aimed at increasing the effectiveness of responses to various social problems and providing assistance to people in difficult life situations. The study explores the specifics of professionalization through the increasing number of various organizations, professional assistance skills, and coordination of volunteer organizations. Furthermore, the functioning of key actors within the volunteer movement is highlighted.

Keywords: volunteerism, volunteer movement, volunteer work, social sphere, socialization, sustainable development.

References

1. Federal Law of August 11, 1995 № 135-FZ (as amended on December 28, 2025) «On Charitable Activities and Volunteering» // Collected Legislation of the Russian Federation 1995. № 33. Article 3340.
2. Analytics of Volunteering // [Electronic resource]: <https://dobro.ru/analytics>
3. Association of Volunteer Centers // [Electronic resource]: <https://asi.org.ru/ngoprofile/assocziaczia-volonterskih-czentrov/>
4. Vasilenko N.V. Civic Science: Institutional Foundations and Development Trends in Russia: Monograph / N.V. Vasilenko, K.A. Kuzmina, V.A. Fedotova. – Saint Petersburg: SPbUTUE, 2023. – 227 p.
5. Dobrin // [Electronic resource]: <https://dobrinodobro.ru/#about>
6. DobroUniversity // [Electronic resource]: <https://dobro.ru/project/10018917>
7. Malkevich A.A. New media in the political process of Russia: monograph. – Pyatigorsk; Stavropol: RIA-KMV, 2023. – 367 p.
8. Organization of volunteer (volunteer activity) activities and interaction with socially oriented NGOs / Ed. by K. Yu. Korolev, O.V. Kovalchuk, I.G. Voloshin, T.V. Nikulin. – Belgorod: BelSU Publishing House, 2023. – 135 p.
9. Regional Parliamentarism: Present and Future: Proceedings of the III Regional Interuniversity Scientific and Practical Conference, Krasnodar, April 18, 2022 / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Kuban State University; Editorial Board: A.V. Egupov (editor-in-chief) [et al.]. – Krasnodar: Kuban State University, 2024. – 136 p.
10. Semenov I.A. Caritative Activity as a Way of Manifesting Religious Transcendence: Dissertation ... Candidate of Philosophical Sciences. – Vladimir, 2025. – 204 p.
11. Social Psychology of Sport / P.A. Kislyakov, M.S. Belov, O.A. Silaeva, D.V. Savchenko. – Krasnoyarsk: Research and Innovation Center, 2024. – 180 p.
12. Taraban, O.V. Activities of Non-Commercial Organizations in the Social Work System. – Irkutsk: BSU Publishing House, 2023. – 116 p.
13. Sustainable Development of a Region in the Context of a Risky External Environment: Monograph / Yu.K. Baranova, S.V. Bizin, A.E. Kisova [et al.]. – Lipetsk: Lipetsk State Technical University, 2023. – 210 p.
14. Shiltsova, Yu.V. Volunteering in the Context of Social Work: Historical Connections and Prospects // Current Scientific Research in the Modern World 2020. № 5–5 (61). pp. 130–135.

Дорожные пробки

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

В социологии мобильности дорожные пробки изучаются реже, чем сами дороги – проводники текучей современности (З. Бауман). Пробка – пример человеческого взаимодействия, зашедшего в тупик, другие примеры тупика взаимодействия – конфликт, война, застой, кризис. Из машин состоят дорожные пробки. Пробка – это головная боль, повышение артериального давления, путь к инфаркту. Пробки – это смерть для экологии и ухудшение условий проживания в городе. Пробки – это загазованность, испорченные моторы и психика. Увеличение длительности и количества поездок на работу способствует росту заторов на дорогах, вынуждая горожан часами ничего не делать, снижая их социальную активность. Неправильные архитектурные решения городских планировщиков оборачивались огромным экономическим ущербом, кратно возрастающим с ростом размеров города.

Ключевые слова: дорожные пробки, улицы, город, загруженность.

Средневековые европейские города напоминали сгорбленную старуху. У неё все было кривое и костлявое. На распрямление плеч городских улиц, превращение центральных дорог в широкие магистрали повлияло, наращивание мускулов у городского организма особенно сильно повлияло развитие транспорта. Транспортная сеть – улицы, реки, каналы, шоссе, метро, – выполняют функцию кровеносной системы (вены и артерии), снабжающей город живительными продуктами. А трамваи, троллейбусы, вагоны, такси, автобусы, грузовики и самолёты – это красные кровяные тельца, которым отведена роль транспортировки кислорода по организму.

Эволюция видов транспорта от пеших и конных до механизированных способствовала колоссальной территориальной экспансии городов. Рабочие и служащие могли теперь жить вдали от своей работы, а товары – быстро перемещаться с места производства к месту продажи. Однако автомобили и автобусы быстро заполнили кривые и узкие улочки в старых частях городов. В результате пробки, выхлопные газы, ДТП, снижение скорости. Власти пошли на упорядочение системы кровеносной циркуляции. Транспортные сети стали базой городской планировки. Ведущую роль сыграло строительство метро, станции которого привязывались к самым людным местам и улицам.

В XX и XXI веках стало очевидным, что городские улицы отданы скорее машинам, а не людям. Город строился как место жительства людей, а превратился в огромную парковку машин. Автомобилизация заслонила собой и отодвинула на второй план урбанизацию. Толпа людей на тротуарах и поток машин на проезжей части городских улиц – конкурирующие формы социального взаимодействия. Одни не дают житья другим. Улицы превращаются в поле битвы.

Пробки на дорогах крупных городов – это потеря для бизнеса и стресс для людей. Стресс за рулём – одна из главных причин допускаемых водителями ошибок, которые приводят к нарушениям правил дорожного движения и ДТП, т.е. гибель и травматизм для людей. Пробки подобны тромбам в кровеносных сосудах организма. Эмболия сосудов – означает закупорку кровеносных сосудов пробками, занесёнными в них током крови. Тромб затрудняет нормальную циркуляцию крови.

В результате часть кровеносных сосудов оказываются переполненными кровью, а часть, напротив, страдает от её недостатка. Если тромб крупный, то он становится препятствием для дви-

жения крови – нарушается ее приток по артериям или отток по венозной системе: грузовики приезжают к клиентам и уезжают, пассажиров привозят и увозят, работники приезжают в Москву из пригородов утром и уезжают после обеда. В одно время перегружены вены, в другое – артерии. Возникновение пробок в городе заканчивается дорожным коллапсом, а в образование тромбов в сосудах организма нередко заканчивается летальным исходом.

Исследования учёных подтверждают, что пробки, аварии, ремонт дорог, большие расстояния – все эти факторы повышают общий уровень стресса водителей и, как следствие, влияют на здоровье. Так, эксперимент Массачусетского технологического института показал, что ситуация, когда водителя резко подрезает другая машина, сопоставима по уровню стресса с прыжком с парашютом (рис. 1) [1].

Рис. 1. Дорожная пробка – это вам не пробка из бутылки шампанского

В разных городах мира прослеживаются многокилометровые дорожные пробки, которые стали повседневной проблемой водителей. Главными причинами пробок являются рост автопарка и устаревшая дорожная инфраструктура, поведение людей за рулём, ДТП, ремонтные работы, отсутствие парковочных стоянок, несовершенство дорожных развязок, которые приводят к столкновению транспортных средств, растущее количество автомобилей, праздничные дни (загруженность дорог увеличивается), плохая погода.

Только в Азиатском регионе количество автомобилей на тысячу человек за последние 30 лет выросло более чем втрое. Лидеры рейтинга пробок – индийский город Бенгалуру и столица Филиппин Манила. В пробках средний водитель теряет ежегодно в Бангалуре 243 часа, в Маниле – 257. Москва по-прежнему остаётся самым загруженным городом России. Из-за часа пик водители за 2019 г. провели в пробках около 225 часов.

В Китае в 2010 г. возникла пробка, которая длилась 11 дней.

Москва каждый вечер уверенно показывает загрузку дорог 8–9 баллов. Пробки здесь чаще по вечерам и в часы пик, когда люди едут с работы, в Нижнем Новгороде в часы пик загружены мосты через реки. Серьёзные пробки стали появляться почти во всех крупных городах России. Это превращает водителей в неврастеников. Пробки, как дорожное явление, характерны для всех густонаселённых городов мира. Однако Москва, располагающая почти 20 тыс. умных парковочных мест, на сегодняшний день является крупнейшим в мире развёртыванием умных парковок для умных городов [2].

Для изучения дорожных пробок в Москве сегодня используется статистика на Яндекс. Пробки. Московские автомобилисты – классические фрирайдеры, т.е. халявщики: ездят как хотят, подрезая друг друга, бросают машины где хотят и когда хотят, то и дело нарушают правило и не всегда платят штраф. «Но водителей быстро приучили соблюдать правила платной парковки с помощью неусыпного контроля. Как только народ стал получать квитанции за брошенные где попало машины и вызволять их со штрафстоянок, обочины волшебным образом освободились от стихийных парковок в два ряда. Трафик улучшился, плюс стало реально найти место, куда приткнуть свою машину на несколько часов» [3]. Постепенное улучшение ситуации на московских дорогах – это не теория официальных документов, а реальность, подтверждённая исследованиями.

Исследование *Urban Mobility Study 2019* содержит данные по 494 городским районам США [4]. Выявлены тренды дорожных перемещений за период с 1982 по 2017 г. Они показывают, что перегрузка людей на дорогах является не только постоянной, но и растущей проблемой. Перегрузкой более крупной, чем когда-либо. В 2017 г. пробки заставили американцев путешествовать дополнительно 8,8 миллиарда часов и покупать дополнительные 3,3 млрд галлонов топлива за 179 миллиардов долларов. Из-за пробок среднестатистический автопутешественник тратит 54 часа в пробках и 21 галлон топлива, что обходится в 1080 долларов впустую потраченного времени и топлива.

Чтобы прибыть вовремя, горожанин тратит 34 минуты вместо 20 минут без пробок. В США за период с 2016 по 2017 г. все города испытывали негативное влияние заторов. В 2017 г. средний пригородный пассажир тратил почти 7 полных рабочих дней на пробки и терял более 1000 долл. в год. За последние 10 лет общая стоимость пробок на дорогах в крупнейших городах страны выросла почти на 48%. Ценность инвестиций в транспортную инфраструктуру страны на то, чтобы «расширить» их, вообще не поддаётся оценке. Но расходы окупаются ростом экономической эффективности

ности, глобальной конкурентоспособности и качеством жизни людей.

Ныне в структуре городской мобильности Парижа 60% занимают поездки на общественном транспорте, 20% – на машине, 15% – пешие прогулки и только 5% приходится на велосипеды. В Берлине все показатели (кроме поездок на велосипеде) распределены практически равномерно – это 27–31%. По данным исследователей из Гарвардского центра анализа рисков, заторы в 83 крупнейших городских районах США вызвали более 2200 преждевременных смертей в 2010 г. и добавили 18 миллиардов долларов к расходам на здравоохранение. Кроме того, существует экономическая стоимость потерянных часов (как работы, так и отдыха) и задержки доставки товаров. Водители 10 самых густонаселённых городов США сидят в пробках около 42 часов в год, тратя при этом более 121 млрд долл. на время и топливо [5].

Исследованиями С.А. Тархова установлено, что транспортные сети развиваются по своим, внутренне им присущим законам, а отнюдь не в соответствии с народнохозяйственными потребностями, которые они призваны удовлетворять. Удивительно, но эти законы одинаковы для транспортных сетей любого масштаба (страна, регион, город) и разных типов (высоковольтные линии, железные дороги, трамвай, автобус, метро). Г.А. Гольц установил на обширнейшем эмпирическом материале инвариант пространственной самоорганизации городов, природа которого в суточном цикле. Чем короче рабочий день, тем больше времени может быть потрачено на поездки к месту работы и тем более избирательны горожане к местам приложения труда. Зная продолжительность рабочего дня и установленную Гольцем константу, можно вычислить среднее время трудовой поездки, а зная среднюю скорость городского пассажирского транспорта, – и максимально возможные размеры города (рис. 2) [6].

Рис. 2. Крупные города, такие как Москва, пытаются найти способы справиться с тем фактом, что почти треть трафика, застрявшего в пробках, пытается найти место для парковки

Конечно, это не новая проблема. Во время автомобильного бума 1960-х годов у градостроите-

лей было одно, казалось бы, очевидное решение: строить больше и более широких дорог. Но это не сработало. Чем больше построено дорог, тем больше машин они привлекают. В Калифорнии, например, исследование 1997 г. показало, что новый дополнительный транспортный поток заполнит до 90% любого увеличения пропускной способности шоссе всего за пять лет.

Кроме того, некоторые пробки возникают спонтанно, возможно, из-за «эффекта бабочки», когда один водитель внезапно переключает полосу движения, что приводит к резкому торможению идущих за ним автомобилей с быстрым рывком по шоссе. Исследование, проведённое Технологическим институтом Джорджии в Атланте, обвинило агрессивных водителей – слишком быстрых и слишком близко к впереди идущей машине – и робких водителей, которые оставляют большие пробелы в движении; оба типа заставляют других водителей тормозить, в результате чего возникает ещё большая рябь, останавливающая движение [7].

Поскольку человеческий фактор – главная причина городских пробок, в качестве решения предлагается автоматизация процесса вождения – беспилотные автомобили. В дополнение к ним архитекторы предлагают альтернативные способы передвижения – пешие прогулки, поездки на велосипеде и качественный общественный транспорт. Сингапур, Лондон и Стокгольм успешно используют дифференцированное дорожное ценообразование, чтобы сократить объем трафика. Некоторые города прибегают к финансовым штрафам, взимая с водителей плату за въезд в центральные зоны.

Парадокс заключается в следующем: чем больше городские власти строят новых дорог, тем больше появляется новых автомобилей. Экономическая теория индуцированного спроса утверждает, что увеличение предложения чего-либо (например, дорог) заставляет людей хотеть этого ещё больше. Фундаментальный закон дорожных заторов Жюль Дюрантона и Мэтью А. Тернера, обнаруженный в ходе эмпирического исследования, гласит: новые дороги порождают новых водителей, в результате чего интенсивность движения остаётся прежней [8].

Поскольку люди любят путешествовать и передвигаться не пешком, а на машинах, то чем у большего их числа они появятся, тем большее количество автомобилей появится на дорогах. То есть если вы расширите возможности людей путешествовать, они будут делать это ещё больше, перебираясь подальше от места работы, и, следовательно, будут вынуждены ездить в город все чаще.

Техническое упрощение вождения, например, через внедрение полной или частичной автоматизации управления машиной, расширит в городах ряды водителей, а не пешеходов. Когда вождение по до-

рогам становится лёгким и дешёвым, у людей появляется практически неограниченное желание ими пользоваться. Таким образом, расширение автомобильной сети в городе ведёт к расширению и росту транспортных потребностей – как в качестве, так и в количестве услуг (рис. 3).

Рис. 3. Когда в доме нет балкона, его с лихвой заменит улица.

Добавьте новую линию метро, и некоторые водители пересядут на общественный транспорт. Но их заменят новые водители. Тот же эффект даст добавление новой полосы к шоссе: заторы остаются постоянными. Это не означает, что общественный транспорт не приносит пользы. Нагрузки на него будут расти. Но за счёт кого – мигрантов, туристов, бывших водителей? Объем трафика на дороге просто корректируется, а общая загруженность практически не сокращается.

В недалёком будущем городские дороги могут стать таким же дефицитным ресурсом как вода и воздух. За них начнется нешуточное сражение высокообразованных и высокоурбанизированных граждан. Как тогда планировать и распределять дефицит? Оставить его общедоступным или взвинтить цены за пользование дорогами так, что все пересядут на автобусы, метро и велосипеды? В Нью-Йорке в и Сан-Франциско 2008 г. попробовали поиграть с ценами. Что получили? Проблему с избирателями. Никто не захотел платить за то, что раньше было бесплатным.

Может быть выход в парковках? Повышение стоимости парковочного места при высоком спросе побудит людей уезжать раньше, позволяя большому количеству водителей занимать одно и то же место в течение дня. В Сан-Франциско поступили именно так в 2011 г. Когда здесь провели перепись парковок, то обнаружил, что в городе более 440 тыс. общественных парковочных мест, которые, если разместить их в ряд, протянутся по всей длине береговой линии Калифорнии [9]. Какую цену приходится заплатить за парковку в Москве, зависит от района – чем ближе к центру, тем дороже. За неуплату водителей штрафуют. На окраинах

города, у МКАДа, действуют перехватывающие парковки для жителей отдалённых районов и соседних городов.

Литература

1. <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/dvizenie-bez-probok-kak-umnyj-gorod-pomozet-voditelam-pobedit-stress>
2. Moskvitch K. Congested roads are a headache for many modern cities, but what are the solutions? And can a city ever banish them completely? 11th June 2014. – URL: <https://www.bbc.com/future/article/>
3. Аргументы и Факты. 17/01/2018
4. 2019 Urban Mobility Report. – URL: <https://mobility.tamu.edu/umr/>
5. Moskvitch K. Congested roads are a headache for many modern cities, but what are the solutions? And can a city ever banish them completely? 11th June 2014. – URL: <https://www.bbc.com/future/article/>
6. Шупер В. Пружина территориального развития // Знание-сила. – URL: http://www.znanie-sila.ru/online/issue_761.html
7. Moskvitch K. Congested roads are a headache for many modern cities, but what are the solutions? And can a city ever banish them completely? 11th June 2014. – URL: <https://www.bbc.com/future/article/>
8. Duranton G., Turner Matthew A. The Fundamental Law of Road Congestion: Evidence from US cities. – URL: <https://www.nber.org/papers/w15376>
9. What's Up With That: Building Bigger Roads Actually Makes Traffic Worse. – URL: <https://www.wired.com/2014/06/wuwt-traffic-induced-demand/>

TRAFFIC JAMS

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

In the sociology of mobility, traffic jams are studied less frequently than the roads themselves – the vehicles of fluid modernity (Z. Bauman). A traffic jam is an example of human interaction at a standstill; other examples of interactional deadlocks include conflict, war, stagnation, and crisis. Traffic jams are made up of cars. A traffic jam is a headache, a rise in blood pressure, and a path to a heart attack. Traffic jams are deadly for the environment and a deterioration in urban living conditions. Traffic jams are associated with air pollution, damaged engines, and a weakened psyche. Increasing commute times and the number of trips to work contribute to increased congestion, forcing city dwellers to spend hours doing nothing and reducing their social activity. Incorrect architectural decisions by urban planners have resulted in enormous economic damage, which has increased exponentially as the city has grown.

Keywords: traffic jams, streets, city, congestion.

References

1. <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/dvizenie-bez-probok-kak-umnyj-gorod-pomozet-voditelam-pobedit-stress>
2. Moskvitch K. Congested roads are a headache for many modern cities, but what are the solutions? And can a city ever ban-

- ish them completely? 11th June 2014. – URL: <https://www.bbc.com/future/article/>
3. Arguments and Facts. 01/17/2018
 4. 2019 Urban Mobility Report. – URL: <https://mobility.tamu.edu/umr/>
 5. Moskvitch K. Congested roads are a headache for many modern cities, but what are the solutions? And can a city ever banish them completely? 11th June 2014. – URL: <https://www.bbc.com/future/article/>
 6. Shuper V. Spring of territorial development // Knowledge is power. – URL: http://www.znanie-sila.ru/online/issue_761.html
 7. Moskvitch K. Congested roads are a headache for many modern cities, but what are the solutions? And can a city ever banish them completely? 11th June 2014. – URL: <https://www.bbc.com/future/article/>
 8. Duranton G., Turner Matthew A. The Fundamental Law of Road Congestion: Evidence from US cities. – URL: <https://www.nber.org/papers/w15376>
 9. What's Up With That: Building Bigger Roads Actually Makes Traffic Worse. – URL: <https://www.wired.com/2014/06/wuw-traffic-induced-demand/>

Социализация молодежи в условиях цифровой реальности

Пирвердиева Эльвира Али-кызы,

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Тюменского индустриального университета

Исследование посвящено анализу трансформации механизмов социализации студенческой молодежи в условиях доминирования цифровых коммуникационных сред. Его эмпирической основой послужили результаты авторского анкетного опроса студентов 1–5 курсов вуза, нацеленного на выявление поведенческих паттернов, субъективных оценок и рефлексивных установок в отношении использования социальных сетей. Установлено, что социальные сети прочно интегрированы в повседневность и выполняют преимущественно рекреационную и коммуникативную функции. При этом выявлен дефицит критической рефлексии относительно их влияния на самооценку и коммуникативные компетенции, а также недостаточная осведомленность в области кибербезопасности. Несмотря на высокую поведенческую вовлеченность, в сознании молодежи доминирует установка на необходимость умеренной саморегуляции в потреблении цифрового контента. Результаты указывают на амбивалентную природу влияния социальных сетей, выступающих одновременно как необходимое пространство современной социализации и источник рисков, связанных с пассивной произвольностью потребления и недостаточной цифровой грамотностью. Делается вывод о необходимости разработки комплексных программ, направленных на развитие у молодежи критического мышления, навыков самоконтроля и безопасного поведения в онлайн-среде.

Ключевые слова: социализация молодежи, социальные сети, цифровая среда, медиапотребление, коммуникативные навыки, цифровая грамотность, студенчество.

Актуальность

В контексте глобальной цифровизации социальные сети эволюционировали в сложный социокультурный феномен, выполняющий функции коммуникационной платформы, информационного поля и пространства для конструирования идентичности. Их глубокая инкорпорация в повседневные практики молодого поколения обуславливает трансформацию классических институтов и механизмов социализации. Исследование данного влияния носит междисциплинарный характер и находится на стыке социологии и психологии. Актуальность научного поиска определяется необходимостью выявить и проанализировать диалектику позитивных и деструктивных эффектов, оказываемых цифровыми средами на формирование социальных компетенций, ценностных ориентаций и поведенческих стратегий молодежи. Понимание этой амбивалентности является теоретической основой для разработки педагогических и социально-политических мер, направленных на гармонизацию онлайн- и офлайн-социализации.

Актуальность исследования обуславливается следующими ключевыми положениями.

Во-первых, на нормативно-политическом уровне сформулирован запрос на баланс между цифровым и реальным взаимодействием. Как отмечается в публичных высказываниях первых лиц государства, социальные сети призваны дополнять, а не поменять реальную жизнь, что акцентирует важность сохранения первичности традиционных социальных институтов [1].

Во-вторых, статистические данные фиксируют тотальную вовлеченность молодых когорт в цифровую среду. Согласно исследованиям, представители поколения Z (зумеры) и младшие миллениалы демонстрируют наиболее интенсивные практики использования социальных сетей (53 и 41% соответственно), что свидетельствует о формировании устойчивого медийного ограничения, структурирующего повседневность [2]. Онлайн-общение для молодежи стало преобладающим форматом: 61% молодых людей в возрасте 18–24 лет этот показатель достигает 69% [3].

В-третьих, академическое сообщество констатирует укорененность социальных сетей в жизненный ритм современной российской молодежи, определяя их как неотъемлемый элемент социальной инфраструктуры.

Наконец, в экспертной дискуссии подчеркивается необходимость целенаправленного фор-

мирования безопасной и развивающей онлайн-среды параллельно с культивацией альтернативных, в том числе традиционных, форм социализации [4, 5]. Совокупность этих факторов определяет высокую теоретическую и практическую значимость настоящего исследования.

Обсуждение

Глобальная цифровизация привела к формированию нового, сложного социокультурного феномена – цифровой реальности. Под этим понятием подразумевается совокупность иммерсивных, интерактивных сред и платформ, созданных с помощью цифровых технологий, которые существуют параллельно с физическим миром и активно в него интегрируются. Цифровая реальность не ограничивается лишь социальными сетями, а включает в себя спектр онлайн-взаимодействий: от мессенджеров и блогов до виртуальной реальности и метавселенных, где стираются границы между физическим и цифровым существованием [6].

Для современной молодежи, особенно представителей Z и младших миллениалов, цифровая реальность перестала быть просто инструментом познания и превратилась в естественную среду обитания, структурирующую повседневность, коммуникацию и процесс самоидентификации. Согласно данным, подростки в возрасте 11–15 лет демонстрируют стремительный рост вовлеченности: 36% постоянно поддерживают онлайн-контакты с друзьями, а среди 15-летних девушек этот показатель достигает 44% [7]. Практически повсеместное использование социальных сетей (9 из 10 подростков делают это ежедневно) и их проникновение даже в более младшие возрастные группы (почти 40% детей 8–12 лет) подтверждает тезис о тотальной цифровой интеграции [3].

Такая глубокая инкорпорация цифровых сред в жизненный ритм молодежи кардинально трансформирует классические институты социализации – семью, школу, группы сверстников. Если традиционный процесс социализации предполагал постепенное вхождение в общество через непосредственный личный опыт и прямое общение, то сегодня он все чаще опосредован интернет-платформами, алгоритмами и онлайн-персонами. Это порождает принципиально новый контекст для формирования социальных компетенций, ценностных ориентаций и поведенческих стратегий, где онлайн- и офлайн-практики переплетаются, а порой и вступают в конфликт.

К зонам риска (деструктивным эффектам) ученые относят факторы, ставящие под угрозу психическое здоровье и социальное благополучие молодежи. К ним относят:

- социальное сравнение и нарушение собственного восприятия своего образа: постоянное столкновение с «идеальным» контентом, транс-

лирующим нереалистичные стандарты красоты и успеха, ведет к хроническому сравнению себя с другими и, как результат, неудовлетворенности собственным телом, тревожности, депрессии, расстройству пищевого поведения и т.д.;

- кибербуллинг и онлайн-виктимизация: анонимность и физическая дистанция цифрового пространства снижают социальные запреты, способствуя агрессивному поведению. Оскорбления и травля стали распространенным явлением. В иммерсивных средах, таких как метавселенные, риски усиливаются: более 44% молодых пользователей VR сталкивались с высказываниями с ненавистью, 37,6% – с буллингом, а почти 19% – с сексуальными домогательствами [4];

- пассивное потребление и фрагментация внимания: доминирование развлекательного «затягивающего» контента способствует пассивному скроллингу в ущерб активной, целенаправленной деятельности по наращиванию знаний или социального капитала. Это ведет к дефициту критической рефлексии, когда молодежь не задумывается о влиянии социальных сетей на свою самооценку и коммуникативные навыки;

- структурные угрозы: алгоритмы платформ могут непреднамеренно усиливать сегрегацию и распространять расистский или дискриминационный контент, подвергая молодых пользователей воздействию агрессии в цифровом пространстве, что увеличивает риск депрессии и тревоги. Кроме того, существует риск нормализации опасного поведения (например, связанного с употреблением психоактивных веществ или самоповреждением) через его регулярное отображение в лентах [4].

Несмотря на риски, ученые также выделяют ряд позитивных функций цифровизации в процессе социализации молодежи. Это, прежде всего, пространство для самовыражения и поиска идентичности, особенно важное для подростков, проходящих этап активного самопознания [8–13]. Платформы предоставляют возможность экспериментировать с различными социальными ролями, безопасно выражать свои интересы и взгляды. Более того, для молодежи с социальной тревожностью онлайн-общение может служить «тренажером» для развития коммуникативных навыков и постепенного перехода к взаимодействию лицом к лицу. Многие подростки осознают эти преимущества: почти половина тех, кто оценивает влияние социальных сетей на себя как позитивное, ссылаются именно на возможность поддерживать связи с друзьями и находить новых единомышленников.

Столь глубокая инкорпорация цифровых сред в жизнедеятельность современной молодежи не просто изменяет структуру социализации,

но и порождает острую общественную и академическую дискуссию о ее последствиях.

Методология исследования

Объектом исследования выступает студенческая молодежь 1–5 курсов высших учебных заведений, представляющая одну из наиболее активных и рефлексивных групп цифровых пользователей (356 респондентов). Предметом является влияние социальных сетей на процесс формирования социальных навыков, коммуникативных паттернов и личностных установок в ходе социализации.

Цель исследования заключалась в выявлении и оценке характера влияния социальных сетей на ключевые аспекты социализации студенческой молодежи. Для ее достижения были поставлены следующие задачи.

1. Определить доминирующие мотивы, цели и временные паттерны использования социальных сетей студенческой молодежью.

2. Проанализировать субъективное восприятие студенческой молодежью влияния социальных сетей на развитие их коммуникативных компетенций и построение социальных связей.

3. Оценить степень поведенческой и психологической вовлеченности в цифровую среду через призму готовности к добровольному временному отказу от социальных сетей.

4. Изучить уровень рефлексивности и сформированности установок на саморегуляцию в отношении использования социальных платформ.

Для исследования был применен количественный метод сбора данных в форме онлайн-анкетирования. Выборка была сформирована целенаправленно из студентов 1–5 курсов различных направлений подготовки вузов. Инструментарий включал блоки вопросов, направленные на фиксацию поведенческих практик, субъективных оценок и рефлексивных установок респондентов. Полученные данные подверглись статистической обработке с использованием методов описательной статистики и корреляционного анализа.

Результаты исследования

Анализ эмпирических данных позволил выявить ряд значимых закономерностей, характеризующих особенности социализации молодежи в цифровой среде. Результаты представлены в ключевых диаграммах, составленных по результатам ответов.

1. Временная вовлеченность и предпочтения онлайн-платформ. Констатируется высокая степень вовлеченности: большая часть респондентов (58%) проводит в социальных сетях более 6 часов ежедневно (рис. 1), что подтверждает тезис об их центральном месте в структуре повседневности и коррелирует с данными общероссийских опросов, где среднее время оценивается

в 9 часов в сутки. При этом доминирующей мотивацией использования является досуг (60%), что свидетельствует о преобладании пассивно-развлекательного потребления контента над целенаправленной деятельностью по наращиванию социального или культурного капитала. Наиболее популярной платформой среди опрошенных стал Telegram (68%), что подтверждает общероссийский тренд его доминирования как универсальной платформы для коммуникации и потребления контента.

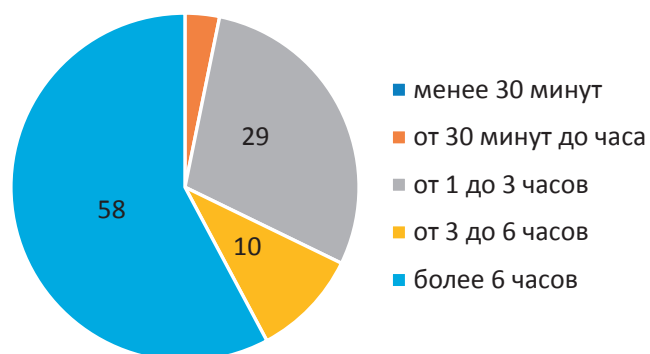

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Сколько времени Вы проводите в среднем в течение дня в социальных сетях?», %

2. Рефлексивность и оценка влияния. Важным аспектом исследования стало изучение субъективной оценки влияния цифровых практик на личность. Так, 44% респондентов никогда не задумывались о влиянии социальных сетей на свою самооценку, что указывает на недостаточный уровень рефлексивности и потенциальную уязвимость перед манипулятивными техниками, связанными с культивацией социальных сравнений. Вопрос о развитии коммуникативных навыков также выявил тенденцию к нейтральной или нерефлексируемой оценке: 40% опрошенных не заметили какого-либо влияния, а 24% уверенно констатировали его отсутствие (рис. 2). Лишь 12% респондентов признали позитивное влияние. Эти данные показывают, что для значительной части молодежи социальные сети не воспринимаются как сознательно используемый тренажер для развития навыков реального общения.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Помогают ли социальные сети в развитии Ваших коммуникативных навыков?», %

3. Установки на саморегуляцию и поведенческая зависимость. Парадоксальные результаты были получены при анализе установок на саморегуляцию и зависимость. С одной стороны, абсолютное большинство (80%) согласилось с необходимостью умеренного, ограниченного использования социальных сетей, что отражает распространенность дискурса о цифровом балансе. С другой стороны, проверка поведенческой готовности к отказу показала сложную картину. Половина респондентов (50%) сочли отказ за значительное материальное вознаграждение возможным, но затруднительным, что свидетельствует о сильной укорененности привычки (рис. 3). При этом 24% оценили отказ как простую задачу, а 16% – как чрезвычайно трудную или невозможную. Данный раскол демонстрирует высокую индивидуализацию степени цифровой зависимости и инструментального восприятия социальных сетей.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы отказаться от использования социальных сетей за вознаграждение в 1 млн \$», %

4. Проблема цифровой безопасности. Отдельного внимания заслуживает проблема цифровой безопасности. Около 28% опрошенных сталкивались с кражей аккаунтов, что указывает на недостаточную осведомленность или небрежность в соблюдении базовых правил кибербезопасности, являющейся важным компонентом социализации в цифровом обществе.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, характеризующих специфику социализации студенческой молодежи под влиянием цифровизации.

1. Социальные сети прочно интегрированы в повседневные практики студентов, выполняя, в первую очередь, рекреационную или коммуникативную функции, а не функции активного социального или профессионального конструирования.

2. Наблюдается дефицит критической рефлексии относительно влияния цифровых сред на психологические аспекты личности, такие как самооценка и коммуникативная компетентность. Молодежь демонстрирует низкую осознанность опо-

средованного воздействия онлайн-пространства на формирование Я-концепции.

3. Несмотря на высокую поведенческую вовлеченность, в молодежной среде доминирует рациональная установка на необходимость самоограничения в использовании социальных сетей. Однако эта установка далеко не всегда транслируется в устойчивые практики саморегуляции, что указывает на разрыв между когнитивным осознанием рисков и поведенческими паттернами.

4. Существует значительная вариативность в степени психологической привязанности к социальным сетям, от инструментального восприятия до сильной поведенческой зависимости. Незначительная группа представителей молодежи сохраняет полный контроль над своим цифровым потреблением и воспринимает платформы сугубо как удобный сервис. Другая группа – существенно преобладающая по численности – это пользователи, у которых взаимодействие с цифровой средой приобретает компульсивный характер и выполняет функции эмоциональной регуляции, компенсации офлайн-дефицитов или формирования основного источника идентичности. Помимо этих групп можно обозначить еще одну – с высокой степенью привычной интеграции, для которой цифровые практики стали неотъемлемой, почти рефлексивной частью повседневного ритма, что создает потенциал для смещения в сторону более проблемных форм использования цифровых платформ, в том числе социальных сетей, под воздействием внешних стрессоров.

5. Выявленный недостаток знаний в области кибербезопасности представляет собой серьезный дефицит в процессе цифровой социализации. Недостаточная осведомленность в вопросах защиты персональных данных, критической оценки информации и этики онлайн-взаимодействия указывает на серьезный пробел в цифровой культуре молодежи. Фактически, молодые люди осваивают цифровое пространство методом «проб и ошибок», часто без надежной поддержки со стороны традиционных институтов социализации.

Полученные результаты указывают на амбивалентную природу влияния цифровизации: являясь необходимым элементом современной социализации, она одновременно формирует зоны риска, связанные с пассивностью потребления, недостаточной рефлексией и киберугрозами. В этой связи представляется необходимым развитие комплексных программ, направленных на повышение цифровой и медиаграмотности молодежи, с акцентом на воспитание критического мышления, навыков самоконтроля и безопасного поведения в онлайн-среде. Дальнейшие исследования целесообразно сфокусировать на качественных методах изучения конкретных механизмов конструирования идентичности и социальных связей в разных типах цифровых платформ.

Литература

1. Телеканал Краснодар. Владимир Путин: молодежь не должна «болеть» интернетом и подменять им реальную жизнь. 2021. – URL: <https://tvkrasnodar.ru/obshchestvo/2021/12/23/vladimir-putin-molodezh-ne-dolzha-bolet-internetom-i-podmenyat-im-realnyu-zhizn-/> (дата обращения: 19.05.2025).
2. ВЦИОМ. Есть ли жизнь без смартфона? 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-zhizn-bez-smartfona> (дата обращения: 19.05.2025).
3. ФОМ. Онлайн-общение и социальные сети. 2024. – URL: <https://fom.ru/TSifrovoe-obshchestvo/15140> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Исследование цифровых аудиторий России. 2024. – URL: <https://mediascope.net/services/media-audience/internet/> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Brand Analytics. Отчет по социальным сетям в России. IV квартал 2024. – URL: <https://brandanalytics.ru> (дата обращения: 25.05.2025).
6. Сперанская Н.И. Использование интернет-ресурсов при обучении иностранному языку как один из способов влияния на ценностные ориентации студентов / В сборнике: Проблемы инженерного и социально-экономического образования в техническом вузе в условиях модернизации высшего образования. Материалы XXII Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Отв. редактор С.Д. Погорелова. Тюмень, 2023. С. 194–198.
7. Юдина Е.Н., Алексеенко И.В. Молодежь в пространстве социальных сетей Интернета: итоги социологического опроса. 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-v-prostranstve-sotsialnyh-setey-interneta-itogi-sotsiologicheskogo-oprosa> (дата обращения: 19.05.2025).
8. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
9. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
10. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
11. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
12. Полюшкевич О.А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после нее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 303–307.
13. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 10–25.

SOCIALIZATION OF YOUTH IN THE DIGITAL REALITY

Pirverdieva E.A.

Industrial University of Tyumen

The study is devoted to the analysis of the transformation of the mechanisms of socialization of student youth in the conditions of the dominance of digital communication environments. The empirical basis of the work was the results of the author's questionnaire survey of university students 1–5 years old, aimed at identifying behavioral patterns, subjective assessments and reflexive attitudes towards the use of social networks. It has been established that social networks are firmly integrated into everyday life and perform mainly recreational and communicative functions. At the same time, there is a lack of critical reflection on their impact on self-esteem and communication competencies, as well as insufficient awareness in the field of cybersecurity. Despite the high behavioral involvement, the attitude towards the need for moderate self-regulation in the consumption of digital content dominates in the minds of young people. The results indicate the ambivalent nature of the influence of social networks, acting simultaneously as a necessary space for modern socialization and a source of risks associated with passive arbitrariness of consumption and insufficient digital literacy. It is concluded that it is necessary to develop comprehensive programs aimed at developing critical thinking, self-control skills and safe behavior in an online environment among young people.

Keywords: socialization of youth, social networks, digital environment, media consumption, communication skills, digital literacy, students.

References

1. Krasnodar TV Channel. Vladimir Putin: Young People Shouldn't Be Obsessed with the Internet and Use It as a Replacement for Real Life. 2021. – URL: <https://tvkrasnodar.ru/obshchestvo/2021/12/23/vladimir-putin-molodezh-ne-dolzha-bolet-internetom-i-podmenyat-im-realnyu-zhizn-/> (Accessed: 19 May 2025).
2. VTsIOM. Is There Life Without a Smartphone? 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-zhizn-bez-smartfona> (Accessed: 19 May 2025).
3. FOM. Online Communication and Social Networks. 2024. – URL: <https://fom.ru/TSifrovoe-obshchestvo/15140> (date of access: 25.05.2025).
4. Study of digital audiences of Russia. 2024. – URL: <https://mediascope.net/services/media-audience/internet/> (date of access: 25.05.2025).
5. Brand Analytics. Report on social networks in Russia. Q4 2024. – URL: <https://brandanalytics.ru> (date of access: 25.05.2025).
6. Speranskaya N.I. Use of internet resources in teaching a foreign language as one of the ways to influence students' value orientations / In the collection: Problems of engineering and socio-economic education in a technical university in the context of higher education modernization. Proceedings of the XXII Inter-

- national scientific and practical conference. In 2 volumes. Editor-in-chief S.D. Pogorelova. Tyumen, 2023. pp. 194–198.
7. Yudina E.N., Alekseenko I.V. Young People in the Internet Social Networking Space: Results of a Sociological Survey. 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-v-prostranstve-sotsialnyh-setey-interneta-itogi-sotsiologicheskogo-oprosa> (accessed: 19.05.2025).
 8. Ardashev R.G. Personal Security in a Virtual World: The Irrationality of Public Consciousness // Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Editor-in-Chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. pp. 8–11.
 9. Ardashev R.G. Virtualization in the New Meaningful Life Orientations of Russians // Global and Regional Impacts in the System of Modern Societies. Collection of Scientific Papers. Irkutsk, 2021. Pp. 130–134.
 10. Ardashev R.G. New Meanings in the Consciousness of Young People: The Influence of Virtuality // In Search of Social Truth. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. Pp. 152–156.
 11. Polyushkevich O.A. Irrational Foundations of Social Identity Formation under the Influence of Virtuality // Sociology. 2020. № 5. Pp. 163–176.
 12. Polyushkevich O.A. Virtual Self-Presentation During the COVID-19 Pandemic and After It // Humanitarian Knowledge and Spiritual Security. Collection of Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020. Pp. 303–307.
 13. Polyushkevich O.A. The Virtual Component of Social Identity // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2020. Pp. 10–25.

Культурный код как фактор формирования лояльности к брендам у современной молодежи: социологический анализ на основе кейс-стади

Гильдингерш Марина Григорьевна,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: mgild@mail.ru

Попазова Ольга Анатольевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: ol-po@inbox.ru

В статье исследуется роль культурного кода как ключевого социологического фактора формирования лояльности к брендам у представителей поколений Z и Y (миллениалов). В условиях цифровизации, фрагментации идентичности и роста запроса на аутентичность, традиционные маркетинговые модели управления лояльностью утрачивают эффективность. Целью работы является выявление механизмов инкорпорации культурных кодов в стратегии брендов для конструирования устойчивой потребительской лояльности. Методологической основой выступает качественный кейс-стади, дополненный тематическим анализом дискурсов. На основе анализа классических и современных исследований (П. Бурдьё, Д. Холт, Г. Маккракен, Е. Омельченко, китайские исследования феномена «Guochao») автор выделяет три ключевых вектора: бренд как проводник ценностей, как платформа для соучастия и как рефлексия коллективной идентичности. Эмпирическая часть посвящена сравнительному анализу успешных и неудачных российских кейсов, демонстрирующему, что эффективная работа с культурным кодом требует его глубокой деконструкции, адаптации к локальному контексту и открытости к со-творчеству с аудиторией. Делается вывод о том, что в современной России лояльность молодежи формируется на пересечении глобальных трендов (экологичность, инклюзивность, патриотизм, национальная идентичность) и переосмысленных локальных нарративов («новая искренность», «умная адаптация»), а бренд, претендующий на статус «культурной иконы», должен выступать медиатором между традицией и актуальными идеологическими запросами молодежи.

Ключевые слова: культурный код, лояльность к бренду, социология потребления, молодежь, идентичность, кейс-стади, культурный брендинг, российские бренды, поколение Z.

Введение

Актуальность исследования обусловлена глубокими трансформациями потребительского поведения российской молодежи на фоне геополитических изменений, цифровой социализации и кризиса глобализационных моделей потребления. Для российских брендов, столкнувшихся с уходом международных игроков и необходимостью замещения импорта, задача формирования устойчивой лояльности у ключевой демографической группы – молодежи – перешла из разряда конкурентных преимуществ в вопрос стратегического выживания. Однако прямолинейная апелляция к патриотизму или ностальгии часто приводит к обратному эффекту – отторжению со стороны скептически настроенного и медиаграмотного молодого поколения.

Социальная проблема заключается в том, что в условиях ценностной неопределенности и информационной перегрузки молодежь испытывает трудности с конструированием устойчивой идентичности, что делает ее уязвимой для манипулятивных маркетинговых стратегий, но одновременно и повышает запрос на смыслы и подлинность в потреблении. Социологическая проблема исследования состоит в недостаточной изученности конкретных механизмов, посредством которых абстрактные культурные коды транслируются, присваиваются и реинтерпретируются в практике взаимодействия между российскими брендами и молодежной аудиторией в текущем историко-культурном контексте.

Цель статьи – выявить и проанализировать, посредством каких социологических механизмов культурный код опосредует формирование лояльности к брендам у современной российской молодежи.

Задачи

1. Проанализировать теоретические подходы к изучению культурного кода и лояльности в классической и современной социологии.
2. Рассмотреть успешные и неудачные глобальные и локальные кейсы интеграции культурного кода в бренд-стратегии.
3. На основе сравнительного анализа российских кейсов определить условия успешной и неуспешной работы с культурным кодом.
4. Сформулировать теоретическую модель, объясняющую формирование лояльности через призму концепции культурного кода.

Объект исследования: практики формирования лояльности к брендам у современной российской молодежи (поколения Y и Z).

Предмет исследования: социологические механизмы интеграции культурного кода в стратегии брендов как фактора формирования лояльности.

Гипотеза: Лояльность российской молодежи к бренду формируется не через прямую трансляцию готовых идеологических или ностальгических кодов, а через их деконструкцию, диалогическую адаптацию и предоставление аудитории возможности соучастия в создании смыслов бренда, что превращает потребление в акт культурной самоидентификации.

Методика

Для проверки гипотезы и решения поставленных задач избран метод углубленного кейс-стади (R.K. Yin). Данный метод оптимален, так как позволяет исследовать сложный социальный феномен в его реальном контексте, где границы между культурным кодом (контекст) и брендом (феномен) размыты [13]. Кейс-стади обеспечивает триангуляцию данных (анализ документов, визуальной коммуникации, публичного дискурса в соцсетях) и направлен на генерацию теоретически насыщенных объяснений, а не на статистическую проверку.

Анализ литературы выявляет эволюцию подходов к пониманию связи культуры и потребления (табл. 1).

- Классический структуралистский подход (П. Бурдьё) рассматривал вкус и предпочтения в брендах как проявление габитуса и инструмент социального различения. Бренд выступает источником символического капитала [7].
- Семиотический и постмодернистский подход (Ж. Бодрийяр, Г. Маккракен) сместил акцент на знаковую природу потребления. Маккракен показал модель «движения культурных значений» из мира культуры в товары, а через них – в жизнь потребителя [11].
- Современная парадигма «культурного брендинга» (Д. Холт) утверждает, что бренды-иконы разрешают актуальные идеологические противоречия общества, создавая мощные культурные мифы [8].
- Парадигма соучастия (Г. Дженкинс) в цифровую эпоху подчеркивает, что аудитория активно присваивает и ремикширует коды брендов, формируя культуру соучастия (participatory culture) [9].

В российской социологии (В. Ильин, Е. Омельченко) подчеркивается компенсаторный и транзитивный характер потребления брендов в 1990–2000-е гг. и современный запрос молодежи на аутентичность и ценностное соответствие [2, 3, 4]. Китайские исследования феномена «Guochao» (J.Y. Ma) демонстрируют успешную модель, где

лояльность строится на гордости за переосмысленную в современном ключе локальную культуру [10].

Таблица 1. Эволюция социологических подходов к культурному коду бренда

Парадигма	Ключевой теоретик	Понимание культурного кода бренда	Механизм формирования лояльности
Структуралистская	П. Бурдьё	Инструмент классового различения, часть габитуса	Приобретение символического капитала, социальное позиционирование
Семиотическая	Г. Маккракен	Система значений, «перетекающих» на товар	Идентификация с перенесенными на товар культурными значениями
Мифологическая	Д. Холт	Ядро культурного мифа, разрешающего противоречия	Идолопоклонство, разделение коллективного мифа
Соучастующая	Г. Дженкинс	Материал для ремикса и со-творчества аудитории	Лояльность как членство в сообществе соавторов

Результаты

Для анализа отобраны кейсы, репрезентирующие разные стратегии работы с культурным кодом в России (табл. 2).

Кейс 1: «ВкусВилл» – код «ответственной близости». Успех бренда строится не на пафосе, а на кодексе «честного продукта», прозрачности (история происхождения товаров) и заботы о локальном сообществе. Культурный код здесь – это «новая искренность» и прагматичное доверие. Бренд избегает большой идеологии, фокусируясь на микропрактиках заботы о клиенте, что резонирует с запросом молодежи на осознанное потребление [5].

Кейс 2: «Г.А.З» (Горьковский автомобильный завод) – ностальгический код как тупик. Попытка возрождения легендарного советского бренда с апелляцией к ностальгии провалилась среди молодежи. Код «советского качества» и патриотизма был воспринят как неаутентичный и консервативный, не подкрепленный ни реальным технологическим инновациями, ни современным дизайном, ни вовлечением аудитории в диалог. Это пример прямолинейной и нефункциональной эксплуатации кода.

Кейс 3: Система «Честный ЗНАК» – код государственной заботы против кода недоверия. Внедрение системы маркировки представлялось как код «государственной прозрачности и забо-

ты» о потребителе. Однако в молодежной среде, особенно в сегментах, критически настроенных к государственному контролю, этот код был переинтерпретирован как код «тотального слежения»

и «избыточной регуляции». Лояльность к самому инструменту не сформировалась, хотя его использование стало обязательным.

Таблица 2. Сравнительный анализ российских кейсов работы с культурным кодом

Кейс / Критерий	Используемый культурный код	Стратегия инкорпорации	Реакция молодежи / Результат	Причина успеха/провала
«ВкусВилл»	«Ответственная близость», «прагматичное доверие», «новая искренность».	Диалогическая, через микро-нарративы о продукте, прозрачность, экопрактики.	Принятие. Формирование лояльности на основе разделяемых ценностей и практической пользы.	Глубина и аутентичность. Код встроен в ДНК бренда и подтверждается практикой.
«Г.А.З»	Ностальгический, «советское наследие», «патриотизм».	Прямолинейная, монологическая, ретро-дизайн без современной переработки.	Отторжение. Восприятие как анахронизма, отсутствие резонанса.	Нефункциональность и отсутствие диалога. Код не адаптирован к современным запросам.
«Честный ЗНАК»	«Государственная работа», «прозрачность», «безопасность».	Директивная, сверху вниз, в рамках госполитики.	Амбивалентность/сопротивление. Вынужденное использование без формирования лояльности, перекодирование в негативный смысл.	Отсутствие соучастия. Код навязан, аудитория исключена из процесса создания смысла.

Успешные бренды не просто используют «русскость» как ярлык, а ведут сложную работу по деконструкции, пересборке и диалогу с культурными кодами, создавая новые смыслы, актуальные для современной молодежи. Представим детально анализ кейсов успешных брендов.

Кейс 4: O'STIN: Код «демократичной глобальности» и «комфортной идентичности» [12]

Суть кода: O'STIN работает с более глубоким кодом «комфортной, доступной, уверенной глобальности». Бренд позиционирует себя не как «наш ответ Zara», а как полноправный участник мирового fashion-дискурса, предлагающий универсальный, качественный базовый гардероб. Его код – это «качество без переплаты за логотип», «стиль как уверенность, а не как вызов».

Механизмы работы с молодежью следующие.

- Отказ от гиперлокальности. Бренд не эксплуатирует народные мотивы, что делает его нейтральной и безопасной платформой для молодежи, которая хочет выглядеть современно, но при этом не вступая в идеологические дискуссии.
- Фокус на ценность. Бренд резонирует с прагматизмом поколения Z, для которого разумная цена за хорошее качество – важная ценность.
- Инклюзивность в коммуникации. В рекламных кампаниях представлено разнообразное модельное сообщество (разные типы, этничности в рамках российской реальности), что соответствует глобальному тренду на инклюзивность, важному для прогрессивной части молодежи.

Социологическая интерпретация (по Бурдьё и Маккракену): O'STIN предлагает символический капитал «причастности к миру» без необходимости миграции или сверхзатрат. Он легитимизирует вкус среднего класса, предоставляя легитимные, «безопасные» культурные коды для социального позиционирования в повседневной жизни.

Кейс 5: «Простоквашино»: Код «умной ностальгии» и «антропоморфной доброты» [6]

Суть кода: Это один из самых блестящих примеров реанимации и перезагрузки советского наследия. Бренд взял узнаваемый визуальный код (упаковка, шрифты) и ностальгические эмоции, но наполнил их абсолютно современным содержанием.

Деконструкция: Кот Матроскин, почтальон Печкин и дядя Фёдор из патриархальных деревенских героев превратились в цифровых персонажей с харизмой инфлюенсеров. Они ведут соцсети, шутят на современном сленге, обыгрывают актуальные мемы.

Пересборка: Ностальгический код «доброты советского мультфильма» пересобран в код «доброты, ироничной, «цифровой-родной» вселенной». Это создает мощный эффект «теплой цифровизации».

Механизмы формирования лояльности следующие.

- Со-творчество: Аудитория активно вовлечена в игру: комментирует посты персонажей, создает мемы, участвует в челленджах. Лояльность – это лояльность к сообществу вокруг этой вселенной.

- Трансмедийное сторителлинг: История бренда живёт не только на упаковке, но и в социальных сетях, в рекламных роликах, создавая целостный мир.
- Эмоциональный резонанс: Код «детской беззаботности» и «доброты» работает как психологическая компенсация в тревожную эпоху.

Социологическая интерпретация: «Простоквашино» доказало, что лояльность можно строить на эмоциональной связи, опосредованной digital-культурой. Бренд стал не производителем молока, а производителем позитивного контента и эмоций, где молоко – лишь материальный носитель этого опыта.

Кейс 7: Часовой завод «Ракета»: Код «живого наследия» и «инженерного романтизма» [1]

Суть кода: В отличие от «Г.А.З», «Ракета» работает с советским наследием не на уровне ностальгии, а на уровне мифологемы о «величии инженерной мысли» и «handmade-производстве». Код здесь – «аутентичность через сложность», «механика в мире цифры», «возрождение легенды руками современных мастеров».

Механизмы формирования лояльности следующие.

- Акцент на процесс, а не результат: коммуникация строится вокруг истории завода, процесса ручной сборки, уникальных механизмов (например, 24-часовой циферблат). Это создает нарратив исключительности и подлинности.

- Соединение с мировой культурой: бренд создаёт коллаборации с мировыми дизайнерами или посвящает модели полярным экспедициям, космосу, что встраивает его в глобальный контекст «высокого часового искусства», а не в узкий националистический.

- Формирование комьюнити знатоков: лояльность формируется в нишевых сообществах ценителей механики, истории, дизайна. Это лояльность-как-членство в клубе избранных.

Социологическая интерпретация (по Холту): «Ракета» строит свой культурный миф как «последний оплот настоящего производства в эпоху потребления». Она разрешает противоречие между массовостью и уникальностью, предлагая продукт с историей и душой. Это апеллирует к запросу молодежи на осмысленное потребление и тактильный опыт в цифровую эпоху.

Можно привести и другие успешные кейсы. «СберМаркет» / «Самокат»: Код «гиперудобства и цифровой заботы». Их успех строится на встраивании в повседневные практики молодежи, создавая код «умного помощника», который экономит самый ценный ресурс – время. Лояльность здесь прагматична и основана на «бесшовном» UX. **Бренды уличной одежды (например, «Volchok»):** Работают с кодом «постсоветской эстетики» и «урбанистического исследования». Они перерабатывают визуальные коды 90-х, архитектурного брутализма, советского спортивного инвентаря в современную уличную одежду («streetwear»). Это код «интеллектуальной локальности» для узкой, но влияющей на тренды аудитории (табл. 3).

Таблица 3. Сводная сравнительная таблица успешных российских кейсов

Бренд	Ядро культурного кода	Стратегия работы с кодом	Целевая аудитория молодежи	Тип формируемой лояльности
O'STIN	Демократичная глобальность, качественный базис, уверенность	Универсализация. Предложение нейтральных, глобально легитимных кодов стиля	Широкая масса, ценящая качество, стиль и разумный прагматизм	Прагматично-идентификационная «Этот бренд делает мою жизнь проще и стильнее»
«Простоквашино»	«Умная ностальгия», цифровая доброта, антропоморфный юмор	Реанимация и диджитализация. Деконструкция советского наследия через digital-сторителлинг и соучастие	Цифровое поколение, ценящее эмоциональный контент, иронию и «теплый» опыт работы с брендом»	Эмоционально-коммьюнальная: Лояльность к вселенной и её персонажам, чувство принадлежности к «стае»
«Ракета»	Живое инженерное наследие, аутентичность, ручная работа	Углубление и нишификация. Акцент на процесс, историю, исключительность. Связь с глобальными трендами (жить-не-торопясь «slow life», крафт «craft»)	Нишевая аудитория: ценители истории, дизайна, механики, искатели аутентичных продуктов со смыслом	Элитарно-идентификационная: Лояльность как членство в клубе знатоков, разделение мифа о возрождении
«СберМаркет»	Гиперудобство, цифровая забота, эффективность	Интеграция в повседневность. Становятся незаменимой инфраструктурной практикой	Прагматичная урбанистическая молодежь, для которой время – главная валюта	Прагматично-зависимая: Лояльность как привычка, основанная на высочайшем уровне полезности

Авторы статьи делают следующие выводы из анализа представленных позитивных кейсов.

1. Отказ от прямолинейности: ни один успешный бренд не говорит: «Покупай нас, потому что мы русские». Они предлагают ценность, в которую «русскость» или «советскость» вплетена как сложный, часто переработанный компонент (ностальгия + цифровизация у «Простоквашино», инженерный миф у «Ракеты»).
2. Диалог и соучастие – ключ к лояльности: самые сильные кейсы («Простоквашино», бренды уличной одежды) превращают аудиторию из потребителей в соавторов смыслов. Это напрямую соотносится с теорией Генри Дженкинса.
3. Аутентичность через подтверждение практикой: код должен подтверждаться на всех уровнях: «Ракета» – реальным производством, O'STIN – стабильным качеством, «Простоквашино» – постоянным вовлекающим контентом.
4. Сегментация аудитории и кодов: нет единого «кода для молодежи». Есть код прагматичной глобальности (O'STIN), код цифровой эмоциональности («Простоквашино»), код нишевой аутентичности («Ракета»). Успешный бренд точно выбирает свой сегмент и работает с его специфическим культурным запросом.

Таким образом, позитивный опыт российских брендов свидетельствует: будущее лояльности лежит не в монологичной пропаганде «своих» кодов, а в искусном культурном посредничестве – умении переводить глобальные тренды и локальное наследие на язык актуальных ценностей и практик современной молодежи, предоставляя ей пространство для самореализации и со-творчества.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Культурный код является не поверхностным маркетинговым инструментом, а глубинным социологическим механизмом, опосредующим связь между коллективной идентичностью, социальными практиками и потребительским выбором.
2. Для современной российской молодежи эффективными являются не жесткие идеологические или ностальгические коды, а «мягкие» коды аутентичности, диалога, прозрачности и осознанности, подтверждаемые реальными практиками бренда.
3. Ключевым условием успешной интеграции культурного кода является переход от его монологической трансляции к диалогическому со-творчеству с аудиторией, что соответствует парадигме культуры участия (Дженкинс).

4. Российские бренды, претендующие на лояльность молодежи, должны выступать не как проповедники готовых истин, а как медиаторы и платформы, помогающие аудитории конструировать собственную идентичность через адаптированные локальные смыслы и ценности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении сравнительных кросскультурных исследований (например, по линии «Россия – Китай») для выявления специфики работы с культурным кодом в обществах «догоняющей модернизации», а также в применении цифровых этнографических методов для изучения того, как культурные коды брендов рождаются и циркулируют в конкретных онлайн-сообществах (Telegram-чаты, паблики VK и др.).

Литература

1. Иванов, К.А. Возрождение «Ракеты»: как советские часы становятся предметом роскоши // Forbes.ru. 2020. 12 марта. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/393987-vozhrozhdenie-rakety-kak-sovetskie-chasy-stanovyatsya-predmetom-roskoshi> (дата обращения: 29.01.2026).
2. Ильин, В.И. Поведение потребителей. – СПб.: Питер, 2000. – 224 с.
3. Ильин, В.И. Потребление как дискурс. – СПб.: Интерсоцис, 2008. – 446 с.
4. Омельченко, Е.Л., Андреева, Ю.В., Лукьянова, Е.Л., Сабирова, Г.А., Хохрина, З.Б. Цифровая молодежь России: компетенции и безопасность. – СПб.: НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), 2020. – 212 с.
5. Отчёт о развитии корпоративного волонтерства и социальных инвестиций «ВкусВилл» [Электронный ресурс]. 2022. – URL: https://vk-usvill.ru/upload/iblock/.../Otchet_VkusVill_2022.pdf (дата обращения: 29.01.2026).
6. Попова, А.С. «Простоквашино»: как бренд-долгожитель стал digital-лидером // Sostav.ru. 2021. 15 ноября. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/prostokvashino-kak-brend-dolgozhitel-stal-digital-liderom-45686.html> (дата обращения: 29.01.2026).
7. Bourdieu, P. La Distinction: Critique sociale du jugement. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979. – 670 p.
8. Holt, D.B. How Brands Become Icons: The Principles of Cultural Branding. Boston: Harvard Business School Press, 2004. – 262 p.
9. Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: NYU Press, 2006. – 308 p.
10. Ma, J.Y., Song, W. Guochao phenomenon and the reconfiguration of Chinese young consumers' national identity // Journal of Consumer Culture. 2021. Vol. 0(0). Pp. 1–21.

11. McCracken, G. *Culture and Consumption: New Approaches to the Symbolic Character of Consumer Goods and Activities*. Bloomington: Indiana University Press, 1988. – 173 p.
12. O'STIN: Официальный сайт. Разделы «О бренде», «Коллекции» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ostin.com> (дата обращения: 29.01.2026).
13. Yin, R.K. *Case Study Research and Applications: Design and Methods*. 6th ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2017. – 352 p.

CULTURAL CODE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF BRAND LOYALTY AMONG TODAY'S YOUTH: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS BASED ON CASE STUDIES

Marina G.G., Popazova O.A.

St. Petersburg State University of Economics

The article explores the role of cultural code as a key sociological factor in shaping brand loyalty among members of generations Z and Y (Millennials). In the context of digitalization, fragmentation of identity, and increasing demand for authenticity, traditional marketing models for managing loyalty are losing their effectiveness. The aim of this study is to identify the mechanisms for incorporating cultural codes into brand strategies to create sustainable consumer loyalty. The methodology involves a qualitative case study, complemented by a thematic analysis of discourses. Based on the analysis of classical and modern studies (by P. Bourdieu, D. Holt, G. McCracken, E. Omelchenko, and Chinese studies of the Guochao phenomenon), the author identifies three key vectors: the brand as a conduit of values, as a platform for participation, and as a reflection of collective identity. The empirical part is devoted to a comparative analysis of successful and unsuccessful Russian cases, demonstrating that effective work with a cultural code requires its deep deconstruction, adaptation to the local context, and openness to co-creation with the audience. The article concludes that in modern Russia, youth loyalty is formed at the intersection of global trends (environmentalism, inclusivity, patriotism, and national identity) and reinterpreted local narratives (new sincerity, smart adaptation), and a brand aspiring to the status of a «cultural icon» should act as a mediator between tradition and the current ideological demands of young people.

Keywords: cultural code, brand loyalty, consumer sociology, youth, identity, case study, cultural branding, Russian brands, generation Z.

References

1. Ivanov, K.A. «The Rocket's» Renaissance: How Soviet Watches Became a Luxury Item // *Forbes.ru*. 2020. March, 12. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/393987-vozhrozhdenie-rakety-kak-sovetskie-chasy-stanovyatsya-predmetom-rozkoshi> (Accessed: 29.01.2026).
2. Ilyin, V.I. *Consumer Behavior*. – SPb.: Piter, 2000. – 224 c.
3. Ilyin, V.I. *Consumption as a Discourse*. – SPb.: Intersoci, 2008. – 446 c.
4. Omelchenko, E.L., Andreeva, Yu.V., Lukyanova, E.L., Sabirova, G.A., Khokhrina, Z.B. *Digital Youth of Russia: Competencies and Security*. – SPb.: HSE University (Saint Petersburg), 2020. – 212 c.
5. Report on the development of corporate volunteering and social investments at VkusVill. // 2022. – URL: https://vkusvill.ru/upload/iblock/.../Otchet_VkusVill_2022.pdf (Accessed: 29.01.2026).
6. Popova, A.S. «Prostokvashino»: How a Long-Lived Brand Became a Digital Leader // *Sostav.ru*. 2021. November, 15. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/prostokvashino-kak-brend-dolgozhitel-stal-digital-liderom-45686.html> (Accessed: 29.01.2026).
7. Bourdieu, P. *La Distinction: Critique sociale du jugement*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979. – 670 p.
8. Holt, D.B. *How Brands Become Icons: The Principles of Cultural Branding*. Boston: Harvard Business School Press, 2004. – 262 p.
9. Jenkins, H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: NYU Press, 2006. – 308 p.
10. Ma, J.Y., Song, W. Guochao phenomenon and the reconfiguration of Chinese young consumers' national identity // *Journal of Consumer Culture*. 2021. Vol. 0(0). Pp. 1–21.
11. McCracken, G. *Culture and Consumption: New Approaches to the Symbolic Character of Consumer Goods and Activities*. Bloomington: Indiana University Press, 1988. – 173 p.
12. O'STIN: Official website. Sections «About the Brand», «Collections». – URL: <https://ostin.com> (Accessed: 29.01.2026).
13. Yin, R.K. *Case Study Research and Applications: Design and Methods*. 6th ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2017. – 352 p.

Социальные архитектуры как проектируемые многомерные среды: теоретическое ядро и управленческая операционализация

Калмыков Николай Николаевич,

кандидат социологических наук, независимый исследователь

E-mail: kalmukov@kalmukovnn.ru

Статья предлагает социально-архитектурный подход как воспроизводимую теоретико-методологическую рамку для социологии управления. Показано, что социальные архитектуры следует рассматривать как проектируемые многомерные среды, включающие институциональный, пространственный, нормативно-семиотический и цифровой слои. Обоснована причинная модель «среда → социальные паттерны → социальные траектории», фиксирующая средовую причинность и временную ось формирования устойчивых эффектов. Разработаны принципы операционализации и диагностики, позволяющие выявлять межслойные дисбалансы и переводить их в управленческие решения. Сделан вывод о трактовке управления как редизайна распределения возможностей и ограничений через протоколируемые архитектурные вмешательства.

Ключевые слова: социальные архитектуры; социология управления; многомерная среда; слои среды; уровни анализа; социальные паттерны; социальные траектории; операционализация; диагностика; управленческий редизайн.

Введение

Современная социология управления сталкивается с нарастающим разрывом между усложнением социальных систем и используемыми аналитическими и управленческими рамками. В большинстве теоретических и прикладных исследований управление по-прежнему интерпретируется как совокупность воздействий на отдельные институты, нормы, организационные структуры или поведенческие установки акторов. При таком подходе социальная среда, в которой разворачиваются управленческие процессы, рассматривается преимущественно как фон, контекст или внешнее условие, но не как самостоятельный объект анализа и целенаправленного преобразования.

В условиях многомерности современных обществ, усиления пространственной и цифровой дифференциации, а также роста роли символических и нормативных механизмов подобная редукция существенно ограничивает объяснительный потенциал социологии управления. Управленческие решения, ориентированные на изолированное изменение правил, процедур или стимулов, часто приводят к воспроизводству устойчивых социальных паттернов, не соответствующих декларируемым целям, либо к возникновению побочных эффектов, не учитываемых в исходных моделях управления.

Настоящая статья исходит из предположения, что преодоление указанных ограничений возможно при переходе к анализу социальных архитектур как проектируемых многомерных социальных сред. В рамках данного подхода среда понимается не как пассивный контекст, а как структурированная конфигурация институциональных, пространственных, нормативно-семиотических и цифровых слоев, задающих распределение возможностей и ограничений для социальных акторов. Именно эта конфигурация определяет формирование устойчивых социальных паттернов и, в долгосрочной перспективе, индивидуальных и коллективных траекторий.

Цель статьи состоит в развертывании теоретического ядра социально-архитектурного подхода и его представлении в виде воспроизводимой теоретико-методологической рамки, применимой в социологии управления. Для достижения данной цели в статье решаются следующие задачи: во-первых, уточняется онтологический ста-

тус социальных архитектур как объекта анализа и управления; во-вторых, обосновывается многомерная структура социальной среды и выделяются ключевые слои, формирующие ее конфигурацию; в-третьих, предлагается многоуровневая схема анализа социальных архитектур; в-четвертых, формализуется причинная модель, связывающая характеристики среды с социальными паттернами и траекториями; в-пятых, разрабатываются принципы операционализации и диагностики, обеспечивающие воспроизводимость анализа; в-шестых, управление интерпретируется как процесс управленческого редизайна социальных архитектур.

Научная новизна статьи заключается в системном представлении социальной среды как операционализируемого объекта управления, а также в интеграции теоретического моделирования с диагностической логикой. В отличие от структуралистских, институционалистских и governance-ориентированных подходов, социально-архитектурная перспектива ориентирована не на описание устойчивых структур или режимов координации, а на анализ конфигураций среды, поддающихся целенаправленному преобразованию. Тем самым управление трактуется не как прямое регулирование поведения, а как редизайн распределения возможностей и ограничений, встроенных в многомерную социальную среду.

Материалы и методы исследования

Методологическая позиция статьи основана на представлении социальных архитектур как специфического объекта социологического анализа, обладающего собственной онтологией и требующего особых аналитических процедур. В рамках социально-архитектурного подхода социальная архитектура понимается как проектируемая конфигурация социальной среды, включающая совокупность взаимосвязанных слоев, которые формируют устойчивые режимы действия, восприятия и координации социальных акторов. Тем самым объект исследования фиксируется не на уровне отдельных институтов, норм или практик, а на уровне целостной средовой конфигурации, задающей распределение возможностей и ограничений.

Методологическая рамка социально-архитектурного анализа включает три взаимосвязанных компонента: во-первых, описание многомерной структуры социальной среды; во-вторых, задание уровней анализа, обеспечивающих сопоставимость наблюдений; в-третьих, формализацию причинных связей между конфигурацией среды, социальными паттернами и траекториями. Многомерность среды операционализируется через выделение институционального, пространственного, нормативно-семиотического и цифрового слоев, каждый из которых обладает собственными ме-

ханизмами воздействия и формами воспроизводства, но при этом функционирует во взаимной обусловленности с другими слоями.

Для анализа социальных архитектур используется многоуровневая схема, включающая микро-, мезо- и макроуровни. На микроуровне исследуются локальные режимы возможностей и ограничений, в которых действуют индивиды и малые группы; на мезоуровне – архитектуры организаций, сообществ и территориальных образований; на макроуровне – институциональные и цифровые ландшафты, формирующие рамки общественного воспроизводства. Принципиальным методологическим требованием является сопоставимость аналитических категорий и индикаторов между уровнями при признании неизбежных потерь информации в процессе агрегации данных.

Ключевым элементом методологии выступает причинная модель, связывающая характеристики социальной среды с формированием устойчивых социальных паттернов и последующих траекторий. В рамках данной модели среда рассматривается как первичный уровень причинности, задающий диапазон допустимых действий, форм координации и интерпретации происходящего. Социальные паттерны интерпретируются как повторяемые формы поведения и взаимодействия, стабилизируемые конфигурацией среды, тогда как социальные траектории отражают кумулятивный эффект длительного воспроизводства данных паттернов во времени.

Операционализация социально-архитектурного подхода строится на принципе диагностируемости. Для каждого слоя социальной среды выделяются индикаторы, позволяющие фиксировать степень структурированности, согласованности и дисбаланса средовых параметров. При этом методологически значимым является сочетание объективных характеристик среды (правила, пространственные решения, цифровые интерфейсы) и субъективных оценок акторов, отражающих воспринимаемое распределение возможностей и ограничений. Такая двойная оптика позволяет избежать как редукции анализа к формальным показателям, так и чрезмерной субъективизации результатов.

Результаты и обсуждение

Теоретическое ядро социально-архитектурного подхода

Теоретическое ядро социально-архитектурного подхода формируется вокруг переопределения объекта социологии управления и уточнения причинной логики управляемых социальных процессов. В отличие от подходов, рассматривающих управление как воздействие на поведение акторов или на отдельные институты, социально-архитектурная перспектива фиксирует в качестве первичного объекта анализа конфигурацию социальной среды, в рамках которой

формируются, стабилизируются и воспроизводятся социальные практики [1–3].

В данной работе предлагается рассматривать социальные архитектуры как аналитическую рамку, применимую прежде всего к тем социальным системам, в которых управленческое воздействие осуществляется через настройку условий и режимов взаимодействия, а не посредством прямого нормативного контроля. Такое разведение средовой конфигурации и непосредственных практик согласуется с реляционными интуициями современной теории действия, но отличается акцентом на проектируемости и диагностируемости среды как объекта управления [4]. При этом следует учитывать, что в конкретных эмпирических конфигурациях степень проектируемости среды и прозрачности ее механизмов может существенно варьировать.

В рамках данного подхода социальная архитектура определяется как проектируемая и диагностируемая система многомерной социальной среды, включающая взаимосвязанные институциональные, пространственные, нормативно-семиотические и цифровые компоненты. Тем самым социальная архитектура выступает не метафорой описания социальных процессов, а операционализируемым объектом анализа и управления, причем операционализация (индикаторы, процедуры сопоставления и протоколы диагностики) рассматривается как часть определения объекта.

Теоретическое ядро подхода может быть представлено в виде набора базовых постулатов, обеспечивающих его внутреннюю согласованность и воспроизводимость. Во-первых, социальные архитектуры обладают средовым характером и не сводимы ни к институциональным структурам, ни к совокупности индивидуальных практик. Во-вторых, они имеют проектируемую природу, что означает возможность целенаправленного изменения их конфигурации в управленческих целях. В-третьих, социальные архитектуры характеризуются эмерджентными свойствами, проявляющимися в устойчивых социальных паттернах, не выводимых напрямую из свойств отдельных элементов среды.

В-четвертых, причинная логика социально-архитектурного анализа строится от среды к действию, а не наоборот: именно средовые конфигурации, как правило, предшествуют формированию паттернов поведения и задают вероятностное распределение траекторий индивидуального и коллективного развития. В-пятых, управление в рамках данного подхода интерпретируется как редизайн распределения возможностей и ограничений, встроенных в среду, а не как прямое нормативное или административное воздействие на акторов. В-шестых, социально-архитектурный анализ предполагает многоуровневость и сопостави-

мость результатов при сохранении контекстной чувствительности.

Отграничение социально-архитектурного подхода от смежных теоретических традиций имеет принципиальное значение для фиксации его научной новизны. В отличие от структурализма, ориентированного на выявление устойчивых структур воспроизводства, социально-архитектурный подход акцентирует внимание на динамике и проектируемости среды как условия изменения социальных паттернов. В отличие от институционализма, в рамках которого институты выступают центральным аналитическим объектом, здесь институты рассматриваются как один из слоев среды, функционирующий во взаимодействии с пространственными, семиотическими и цифровыми компонентами. В отличие от *governance studies*, фокусирующихся на режимах координации и взаимодействии акторов, социально-архитектурный анализ смещает внимание на средовые условия, в которых данные режимы становятся возможными и воспроизводимыми.

Многомерность социальной среды

Одним из ключевых положений социально-архитектурного подхода является утверждение о многомерном характере социальной среды. В отличие от редукционистских моделей, трактующих среду преимущественно как институциональный контекст или совокупность нормативных регуляторов, в рамках данного подхода среда рассматривается как комплексная конфигурация взаимосвязанных слоев, каждый из которых обладает собственной логикой функционирования и механизмами воздействия, но при этом включен в общую архитектурную целостность. Данная взаимная обусловленность фиксирует эмерджентный характер социальной архитектуры и задает требование диагностики межслоевых дисбалансов как ключевого источника управленческих эффектов и побочных последствий.

В аналитических целях в структуре социальной среды выделяются четыре базовых слоя [5–8]: институциональный, пространственный, нормативно-семиотический и цифровой. Выделение данных слоев носит операциональный характер и направлено не на исчерпывающее описание всех аспектов социальной реальности, а на фиксацию тех измерений среды, которые обладают наибольшей управленческой значимостью и поддаются диагностике и проектированию.

Институциональный слой включает формальные и неформальные правила, регламенты, процедуры, санкции и механизмы поощрения, определяющие допустимые формы действия и взаимодействия в социальной системе. Он задает рамки доступа к ресурсам, распределение статусов и ролей, а также условия участия акторов в коллективных процессах. В социально-архитектурной

перспективе институциональный слой рассматривается не как самодостаточный регулятор, а как элемент более широкой средовой конфигурации, эффективность которого зависит от согласованности с другими слоями.

Пространственный слой охватывает физическую и территориальную организацию социальной среды [5], включая планировку, зонирование, инфраструктуру и материальные барьеры или каналы взаимодействия. Пространственные решения формируют не только возможности перемещения и кооперации, но и устойчивые паттерны коммуникации, сегрегации и включенности. В социально-архитектурном анализе пространство трактуется как активный компонент среды, способный усиливать или, напротив, нейтрализовать действие институциональных и нормативных механизмов.

Нормативно-семиотический слой включает ценности, символы, нарративы, ритуалы и дискурсивные конструкции, посредством которых легитимируются социальные порядки и управленческие решения; в составе данного слоя фиксируются историко-культурные паттерны, задающие инерцию интерпретаций и устойчивость легитимационных режимов во времени. Данный слой обеспечивает символическое закрепление архитектуры среды, формируя представления о допустимом, желательном и значимом. Важным аналитическим моментом является различие между декларируемыми нормами и реально воспроизводимыми семиотическими паттернами, поскольку их рассогласование часто выступает источником средовых дисбалансов.

Цифровой слой представлен платформами, алгоритмами, интерфейсами и системами метрик, опосредующими социальное взаимодействие и управленческие процессы [7, 8, 16]. В условиях цифровизации данный слой приобретает автономную структурирующую функцию, формируя режимы видимости, ранжирования и обратной связи, которые непосредственно влияют на поведение акторов и воспроизводство социальных паттернов. В социально-архитектурном подходе цифровой слой рассматривается как самостоятельное измерение среды, а не как технический канал реализации институциональных решений.

Принципиальное значение имеет не столько наличие каждого из перечисленных слоев, сколько характер их взаимной согласованности. Когерентная социальная архитектура предполагает согласование институциональных правил, пространственных решений, семиотических рамок и цифровых механизмов. Напротив, дисбалансы между слоями – например, формальная институциональная регламентация при противоречащих ей семиотических нарративах или цифровых метриках – приводят к искажению управленческих эффектов и воспроизводству нежелательных социальных паттернов.

Уровни анализа социальных архитектур

Многомерность социальной среды предполагает необходимость многоуровневого анализа социальных архитектур. В рамках социально-архитектурного подхода уровни анализа рассматриваются не как альтернативные исследовательские перспективы, а как взаимодополняющие масштабы описания одной и той же средовой конфигурации. Это позволяет избежать как микро-редукции социальных процессов к индивидуальным действиям, так и макро-абсолютизации институциональных структур.

В аналитических целях выделяются три базовых уровня [17–19]: микро-, мезо- и макроуровень. На микроуровне социальная архитектура проявляется в виде локальных режимов возможностей и ограничений, в рамках которых действуют индивиды и малые группы. К таким режимам относятся доступ к ресурсам, правила участия, пространственные конфигурации повседневной деятельности, а также цифровые интерфейсы и алгоритмы, определяющие видимость и оценку действий акторов.

Мезоуровень охватывает архитектуры организаций, сообществ, сетей и территориальных образований. На данном уровне формируются устойчивые режимы координации, распределения ролей и воспроизводства практик, которые не сводимы к сумме индивидуальных действий, но при этом оказывают непосредственное влияние на микроуровневые процессы. Социально-архитектурный анализ мезоуровня позволяет выявлять конфигурации среды, обеспечивающие либо, напротив, блокирующие согласованность институциональных, пространственных, семиотических и цифровых компонентов.

Макроуровень анализа связан с исследованием институциональных и цифровых ландшафтов, определяющих рамки функционирования социальных архитектур в масштабах регионов, государств или наднациональных образований. На данном уровне анализируются режимы регулирования, инфраструктурные решения, доминирующие нормативно-семиотические конструкции и платформенные экосистемы, формирующие долгосрочные условия воспроизводства социальных паттернов и траекторий.

Принципиальным методологическим требованием социально-архитектурного подхода является сопоставимость уровней анализа. Это означает, что ключевые аналитические категории и индикаторы должны быть концептуально соотнесены между микро-, мезо- и макроуровнями, несмотря на различия в масштабах и доступности данных. Так, пространственный слой на микроуровне может фиксироваться через организацию рабочего или учебного пространства, тогда как на макроуровне – через инфраструктурные и территориальные решения; цифровой слой на микроуровне про-

является в интерфейсах и алгоритмах пользовательского доступа, а на макроуровне – в архитектуре платформ и регуляторных режимах.

Причинная модель: среда → паттерны → траектории

Центральным результатом социально-архитектурного подхода является формализация причинной модели, связывающей конфигурацию социальной среды с воспроизводимыми формами социального действия и их долгосрочными последствиями [9, 10]. В отличие от моделей, ориентированных преимущественно на корреляционные зависимости между отдельными переменными, данная модель исходит из средовой причинности, в рамках которой архитектура среды задает диапазон возможных действий и механизмов координации.

Под социальной средой в данной причинной модели понимается совокупная конфигурация институционального, пространственного, нормативно-семиотического и цифрового слоев, находящихся в состоянии относительной устойчивости. Эта конфигурация формирует структурированное поле возможностей и ограничений, в котором социальные акторы осуществляют выбор стратегий и форм поведения. При этом следует учитывать, что среда не детерминирует поведение напрямую, а систематически смещает вероятности воспроизводства одних паттернов действий и маргинализации других.

Социальные паттерны интерпретируются как повторяемые и устойчивые формы поведения, взаимодействия и координации, которые закрепляются в результате длительного функционирования определенной средовой конфигурации. Они выступают промежуточным звеном причинной цепочки, переводя структурные свойства среды в наблюдаемые формы социального действия. В конкретных эмпирических условиях устойчивость паттернов может быть неоднородной и зависеть от степени согласованности средовых механизмов.

Социальные траектории отражают кумулятивный эффект воспроизводства паттернов во времени. Тем самым временная ось рассматривается как обязательное измерение социально-архитектурного анализа, позволяющее фиксировать инерцию, точки перелома и эффекты последовательных редизайнов среды. Однако интенсивность и направленность траекторий в ряде случаев могут модифицироваться под влиянием внешних шоков или институциональных разрывов.

Для объяснения перехода от среды к паттернам и далее к траекториям в рамках социально-архитектурного подхода выделяется ряд ключевых механизмов. К ним относятся регулятивные, селективные, мотивационные, пространственно-организующие, алгоритмические и семиотические механизмы. Данные механизмы не действуют изо-

лированно и могут по-разному комбинироваться в различных социальных архитектурах.

Принципиальной особенностью причинной модели является наличие контуров обратной связи, посредством которых воспроизводимые паттерны и траектории могут, в свою очередь, трансформировать архитектуру среды. Вместе с тем изменение среды через такие контуры, как правило, требует целенаправленных управленческих усилий и редко происходит автоматически.

Операционализация и диагностика социальных архитектур

Операционализация социально-архитектурного подхода направлена на обеспечение воспроизводимости теоретических положений и возможности их применения в аналитических и управленческих контекстах [11, 12, 20]. В рамках данного подхода диагностика рассматривается не как вспомогательная процедура, а как неотъемлемый элемент теории, позволяющий связать абстрактные характеристики среды с наблюдаемыми и измеряемыми параметрами. Тем самым операционализация выступает условием научной состоятельности социально-архитектурной рамки.

Базовым принципом диагностики является слоистость анализа. Каждый слой социальной среды – институциональный, пространственный, нормативно-семиотический и цифровой – подлежит самостоятельному описанию и оценке, при этом особое внимание уделяется выявлению их согласованности или рассогласованности. Диагностика не сводится к фиксации отдельных показателей, а ориентирована на выявление конфигураций и взаимосвязей между слоями, определяющих устойчивость или нестабильность социальной архитектуры.

Вторым ключевым принципом выступает двойная оптика анализа, предполагающая сочетание объективных характеристик среды и субъективных оценок социальных акторов. К объективным параметрам относятся формальные правила и процедуры, пространственные решения, цифровые интерфейсы и алгоритмы, тогда как субъективные оценки отражают воспринимаемое распределение возможностей и ограничений, степень легитимности норм и доверие к управленческим механизмам. Совмещение данных измерений позволяет выявлять латентные дисбалансы, неочевидные при использовании исключительно формализованных показателей.

Для институционального слоя в качестве диагностических индикаторов могут использоваться степень прозрачности правил, предсказуемость санкций и поощрений, доступность процедур участия и механизмов обратной связи. Пространственный слой диагностируется через анализ организации физического и территориального пространства, наличия или отсутствия барьеров взаимодействия, а также гибкости пространственных реше-

ний. Нормативно-семиотический слой оценивается посредством анализа доминирующих нарративов, символических маркеров и ритуалов, обеспечивающих легитимацию архитектуры среды. Цифровой слой диагностируется через параметры платформенной архитектуры, алгоритмического ранжирования, метрик оценки и режимов видимости.

Важным элементом диагностики является использование пороговых значений и триггеров, позволяющих выявлять критические состояния социальной архитектуры. Такие пороги не носят универсального характера и определяются контекстуально, однако их фиксация необходима для перехода от описательного анализа к управленческим решениям. Превышение пороговых значений по отдельным индикаторам или их сочетаниям свидетельствует о наличии средовых дисбалансов, требующих целенаправленного редизайна.

Управленческий редизайн социальных архитектур

В социально-архитектурном подходе управление интерпретируется как целенаправленный редизайн конфигурации социальной среды, а не как прямое регулирование поведения отдельных акторов [13–16]. Данное понимание управления исходит из предпосылки, согласно которой устойчивые социальные паттерны воспроизводятся прежде всего за счет средовых условий, тогда как попытки точечного воздействия на действия и мотивации акторов без изменения архитектуры среды имеют ограниченный и краткосрочный эффект.

Единицей управленческого вмешательства в рамках социально-архитектурного подхода выступает архитектурный модуль, представляющий собой связку изменений в нескольких слоях среды. Такой модуль может включать институциональные корректировки (изменение правил, процедур, режимов доступа), пространственные решения (реорганизация физического или территориального пространства), нормативно-семиотические элементы (переформатирование нарративов, символических маркеров, ритуалов) и цифровые инструменты (настройка платформ, алгоритмов, метрик и интерфейсов). Принципиально важным является то, что эффективность вмешательства определяется не отдельными элементами модуля, а их согласованностью.

Существенным отличием социально-архитектурного редизайна от традиционных управленческих практик является акцент на непрямые механизмы воздействия. Вместо жесткого нормативного контроля или стимулирования индивидуального поведения управление реализуется через изменение структурных условий выбора, координации и интерпретации действий. Такой подход позволяет снижать издержки принуждения и повышать устойчивость управленческих эффектов за счет встраивания целевых паттернов в саму архитектуру среды.

Одновременно социально-архитектурный редизайн сопряжен с рядом рисков и ограничений [8, 12, 16]. К ним относятся возможность непреднамеренных эффектов вследствие рассогласования слоев среды, сопротивление акторов, обусловленное утратой привычных режимов действия, а также нормативные и этические ограничения, особенно актуальные для цифрового слоя, связанного с алгоритмическим управлением, прозрачностью и справедливостью. Учет данных рисков требует включения в управленческий протокол механизмов мониторинга, обратной связи и корректировки проектных решений.

Выводы

В статье представлен социально-архитектурный подход как самостоятельная теоретико-методологическая рамка в социологии управления, ориентированная на анализ и преобразование социальной среды как операционализируемого объекта управления. В отличие от подходов, фокусирующихся на институтах, нормах или индивидуальном поведении, данная рамка позволяет рассматривать управление через призму конфигураций среды, формирующих распределение возможностей и ограничений [1–3, 13–16].

Сформулировано теоретическое ядро подхода, обосновывающее многомерный характер социальной среды и ее структурирование через институциональный, пространственный, нормативно-семиотический и цифровой слои. Предложена причинная модель «среда → паттерны → траектории», раскрывающая механизм воспроизводства социальных процессов и позволяющая объяснять устойчивость управленческих эффектов без редукции к индивидуальным действиям акторов.

Разработаны принципы операционализации и диагностики социальных архитектур, обеспечивающие воспроизводимость анализа и создающие основу для сопоставления различных архитектур по их структуре и управленческому потенциалу. Управление интерпретировано как процесс целенаправленного редизайна социальной среды, реализуемый через архитектурные модули и воспроизводимые протоколы вмешательства.

В совокупности полученные результаты расширяют аналитические возможности социологии управления и задают перспективное направление дальнейших исследований, ориентированных на интеграцию теоретического моделирования, диагностики и управленческого проектирования в условиях усложнения и цифровой трансформации социальных систем.

Литература

1. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.

2. Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990.
3. Abbott A. Time Matters: On Theory and Method. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
4. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // American Journal of Sociology. 1997. Vol. 103, № 2. P. 281–317. DOI: 10.1086/231209.
5. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.
6. Alexander J.C. The Civil Sphere. Oxford: Oxford University Press, 2006.
7. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity, 2017.
8. Beer D. The Social Power of Algorithms // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, № 1. P. 1–13. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147.
9. Hedström P., Swedberg R. (eds.) Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
10. Elder G.H. The Life Course as Developmental Theory // Child Development. 1998. Vol. 69, № 1. P. 1–12.
11. Lazarsfeld P.F. Evidence and Inference in Social Research // Daedalus. 1958. Vol. 87, № 4. P. 99–130.
12. Porter T.M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995.
13. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York: Free Press, 1989.
14. Ostrom E. Understanding Institutional Diversity. Princeton: Princeton University Press, 2005.
15. Scott W.R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities. Thousand Oaks: Sage, 2014.
16. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.
17. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
18. Hedström P. Dissecting the Social: On the Principles of Analytical Sociology. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
19. Sawyer R.K. Social Emergence: Societies as Complex Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
20. Babbie E. The Practice of Social Research. Boston: Cengage, 2016.

SOCIAL ARCHITECTURES AS DESIGNED MULTIDIMENSIONAL ENVIRONMENTS: THEORETICAL CORE AND MANAGERIAL OPERATIONALIZATION

Kalmykov N.N.

Independent researcher

This article presents the social-architectural approach as a reproducible theoretical and methodological framework for the sociology of management. Social architectures are conceptualized as designed multidimensional environments composed of institutional, spatial, normative–semiotic, and digital layers. The paper substantiates the causal model «environment social patterns social trajectories» that captures environmental causality and the temporal dynamics of stable outcomes. It develops principles of operationalization and diagnostic analysis aimed at identifying inter-layer imbalances and translating them into managerial decisions. Management is interpreted as a redesign of the distribution of opportunities and constraints through protocol-based architectural interventions.

Keywords: social architectures; sociology of management; multidimensional environment; environmental layers; levels of analysis; social patterns; social trajectories; operationalization; diagnostics; managerial redesign.

References

1. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
2. Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990.
3. Abbott A. Time Matters: On Theory and Method. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
4. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology. American Journal of Sociology. 1997. Vol. 103, № 2. P. 281–317. DOI: 10.1086/231209.
5. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.
6. Alexander J.C. The Civil Sphere. Oxford: Oxford University Press, 2006.
7. Couldry N. and Hepp, A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity, 2017.
8. Beer D. The Social Power of Algorithms. Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, № 1. P. 1–13. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147.
9. Hedström P. and Swedberg R. (eds.) Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
10. Elder G.H. The Life Course as Developmental Theory. Child Development. 1998. Vol. 69, № 1. P. 1–12.
11. Lazarsfeld P.F. Evidence and Inference in Social Research. Daedalus. 1958. Vol. 87, № 4. P. 99–130.
12. Porter T.M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995.
13. March J. G. and Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York: Free Press, 1989.
14. Ostrom E. Understanding Institutional Diversity. Princeton: Princeton University Press, 2005.
15. Scott W.R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities. Thousand Oaks: Sage, 2014.
16. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.
17. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
18. Hedström P. Dissecting the Social: On the Principles of Analytical Sociology. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
19. Sawyer R.K. Social Emergence: Societies as Complex Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
20. Babbie E. The Practice of Social Research. Boston: Cengage, 2016.

Обучение нейромодели: оптимизация процессов ввода, подготовки и обработки данных для создания датасета

Поляков Дмитрий Александрович,

кандидат медицинских наук, руководитель отдела медико-социальной экспертизы и медицинской реабилитации Института реабилитации и абилитации инвалидов Федерального научно-образовательного центра медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А. Альбрехта Минтруда России
E-mail: poliakov_dm@mail.ru

Рябцев Михаил Викторович,

заместитель директора Института реабилитации и абилитации инвалидов Федерального научно-образовательного центра медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А. Альбрехта Минтруда России
E-mail: ryabtcevmv@ya.ru

Ходаковский Матвей Дмитриевич,

младший научный сотрудник отдела медико-социальной экспертизы и медицинской реабилитации инвалидов Института реабилитации и абилитации инвалидов Федерального научно-образовательного центра медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А. Альбрехта Минтруда России
E-mail: hodak200@yandex.ru

Киселёва Ольга Николаевна,

научный сотрудник отдела медико-социальной экспертизы и медицинской реабилитации инвалидов Института реабилитации и абилитации инвалидов Федерального научно-образовательного центра медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А. Альбрехта Минтруда России
E-mail: olka82@list.ru

Кантышева Ирина Георгиевна,

главный специалист Федерального методологического и методического центра развития сопровождаемого проживания инвалидов, Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации имени Г.А. Альбрехта Минтруда России
E-mail: iren.kante@mail.ru

В статье представлено исследование, направленное на оценку эффективности работы сотрудников при подготовке данных для обучения нейромоделей. Авторы анализируют процесс ввода и очистки данных, выполненный врачами и научными сотрудниками отдела медико-социальной экспертизы Института реабилитации и абилитации инвалидов Федерального научно-образовательного центра медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А. Альбрехта Минтруда России за 10 рабочих дней (16–30 апреля 2025 г.), в ходе которого обработано 3130 записей с 44 предикторами на случай. Целью исследования являлось выявление закономерностей в работе сотрудников, определение факторов, влияющих на производительность, и предложение мер для повышения эффективности.

Ключевые слова: ввод данных, очистка данных, нейромодели, производительность, оптимизация процессов, кадровые вопросы.

Введение

Актуальность. В последнее время отмечается активное применение технологий искусственного интеллекта в медицине, в том числе для реабилитации инвалидов. Анализ зарубежных и отечественных исследований за последние 5 лет показал, что наиболее востребованы машинное обучение, глубокое обучение, а также метод нейронных сетей. На их основе разрабатываются модели систем поддержки принятия экспертных решений при проведении медико-социальной экспертизы (например, у пациентов с раком молочной железы) [1,2]. В условиях роста требований к объёмам данных для обучения нейромоделей актуальной задачей становится оптимизация процессов их обработки.

Исследование эффективности работы сотрудников на этапе ввода и очистки данных особенно важно для нейромоделирования, так как качество входных данных напрямую влияет на точность и надёжность создаваемых моделей. Современные подходы к анализу исполнительской дисциплины в системах электронного документооборота (СЭД) показывают, что задержки и ошибки сотрудников могут сигнализировать о снижении вовлечённости или несоответствии методик работы требованиям проекта [3].

Внедрение методов машинного обучения для оценки трудовой эффективности позволяет автоматизировать мониторинг и выявлять слабые места в процессах, что критично для масштабных нейроисследований [4].

Особую значимость приобретает интеграция технологий искусственного интеллекта (ИИ) в управление персоналом. Например, анализ данных о вводе и очистке информации может помочь предсказывать качество подготовленных наборов данных, что, в свою очередь, влияет на результаты обучения нейронных сетей. При этом важно учитывать этические и правовые аспекты автоматизации оценки труда, чтобы избежать дискриминации или завышенных требований к сотрудникам [5].

Научная новизна. Работы, напрямую связывающие эффективность ручной обработки данных с качеством нейромоделирования, в литературных источниках представлены недостаточно. Большинство исследований фокусируются либо на оптимизации алгоритмов ИИ [6, 7], либо на общих методах анализа трудовой активности [4]¹.

¹ См. также: Анализ эффективности работы сотрудников в СЭД. Данные, инструменты, визуализация. Режим доступа:

В данном исследовании предлагается методологический синтез: комбинация классической ручной очистки данных одновременно разными сотрудниками с параллельной автоматической оценкой скорости и качества их работы для оценки эффективности и принятия управленческих решений.

Таким образом, статья заполняет пробел между теорией нейромоделирования и практикой управления человеческими ресурсами, предлагая инновационные подходы к обеспечению качества данных в условиях реальной работы коллектива научных сотрудников над прототипом ИИ.

В рамках проекта по обучению нейросетей критически важен качественный ввод и очистка данных. Данное исследование анализирует производительность четырех сотрудников по очистке данных, освидетельствованных в бюро медико-социальной экспертизы граждан с последствиями острого нарушения мозгового кровообращения (ОНМК).

Цель работы – выявить закономерности при работе сотрудников по вводу и очистке первичных данных, определить факторы, влияющие на эффективность, и предложить меры для ее повышения.

Указанное исследование проведено в комплексе научных разработок по государственному заданию на тему «Научное обоснование и разработка системы поддержки принятия решений для оптимизации клинко-экспертных технологий»

Проведена оценка производительности сотрудников, ответственных за ввод и очистку данных, с акцентом на внедрение инновационных методов управления: синхронизированный доступ к единой базе данных, разработка интуитивных интерфейсов для минимизации временных затрат. За 10 рабочих дней (16.04.25–30.04.25) обработано 3130 случаев, что эквивалентно 137720 предикторам (44 на случай). (Здесь и далее под «предикторами» понимаются входные признаки для алгоритма машинного обучения, на основе которых модель учится находить закономерности или делать предсказания). Для крупномасштабных проектов машинного обучения такой объем данных является недостаточным, однако для локальных сервисов это допустимо.

Методология

Данные собраны в период с 16.04.25 по 30.04.25. Анализируются ежедневные показатели четырех сотрудников, отражающие количество обработанных и введенных записей. Используются методы сравнительного анализа суммарных значений и временной динамики. Технически работа проведена

https://www.directum.ru/blog-post/analiz_ehffektivnosti_raboty_sotrudnikov_v_sehd_dannye_instrumenty_vizualizacija (дата обращения 26.05.2025).

следующим образом: изначальные исходные не-обработанные данные помещены в базу, созданную в среде MS Access (СУБД MS SQL Server). База разделена на 4 фрагмента для каждого сотрудника. Организован одновременный внутрисетевой доступ. Добавлен раздел в базу с пустыми полями, в которые вносились очищенные и подготовленные для дальнейшего обучения нейромодели данные. Создана форма для ввода данных (для удобства работы пользователей). После начала работы и появления новых (очищенных) данных в базе – проводился подсчет числа введенных записей по каждому сотруднику за первую половину дня (до обеда) и за вторую – данная работа проводилась ежедневно до окончания очистки всей базы (на что потребовалось суммарно 10 рабочих дней).

Результаты

Суммарно общая исходная база содержала 3130 записей. Это все завершённые случаи медико-социальной экспертизы лиц с последствиями острого нарушения мозгового кровообращения (ОНМК).

Статистическое распределение по выборке следующее (табл. 1).

Таблица 1. Распределение по полу, группе инвалидности и возрасту в исходной выборке

Пол	Группа инвалидности	Средний возраст (лет)	Число случаев
МУЖ	Инвалидность не установлена	52.4 ± 9.4	49
ЖЕН	Инвалидность не установлена	53.9 ± 11.1	56
МУЖ	Третья группа	59.7 ± 8.1	971
ЖЕН	Третья группа	60.7 ± 9.4	477
МУЖ	Вторая группа	60.7 ± 8.8	603
ЖЕН	Вторая группа	64.0 ± 12.3	322
МУЖ	Первая группа	65.1 ± 10.2	315
ЖЕН	Первая группа	69.5 ± 12.1	337

Средний возраст освидетельствованных – 63.7 ± 11.9 года среди женщин и 60.7 ± 9.0 лет среди мужчин. Наибольшую долю составили мужчины, признанные инвалидами третьей и второй групп, – 1574 случая суммарно (50.29%). Наименьшую долю, 105 случаев (3.35%), – не признанные инвалидами.

При анализе распределения по полу выявлено, что среди инвалидов третьей группы с последствиями ОНМК преобладают мужчины: 971 случай против 477 женщин – перевес более чем в 2 раза (2.04). Аналогично среди граждан, признанных ин-

валидами второй группы, – 603 мужчины против 322 женщин (перевес также почти в 2 раза (1.87)). Однако с усилением тяжести патологии и экспертным решением о первой группе инвалидности данная тенденция меняется – практически равное распределение по полу: 315 и 337 мужчин и женщин соответственно.

Выявлена тенденция «утяжеления» инвалидности с возрастом: 53.2 ± 10.3 года – не признанные инвалидами, 60.0 ± 8.5 года – инвалиды третьей группы, 61.9 ± 10.3 – второй и 67.4 ± 11.4 – первой. Однако, учитывая значения среднего стандартного отклонения данные различия статистически недостоверны.

Предоставленные первичные данные содержали достаточную информацию для вынесения экспертного решения врачом по МСЭ, однако для обучения нейромодели в представленном виде не подходили.

Для обучения нейромодели, которая в дальнейшем использована в системе поддержки принятия решений для оптимизации клинико-экспертных технологий, необходимо провести очистку и подготовку первичных данных. Выделены предикторы по каждому случаю: пол, возраст, группа инвалидности, степень парезов/параличей, наличие и степень атактического синдрома, нарушение функции тазовых органов, ограничения жизнедеятельности, наличие спастики и контрактур в суставах, снижение памяти/внимания, эмоционально-волевые расстройства, наличие и степень снижения зрительных/слуховых/психических функций, степень нарушения передвижения и ряд других (всего 44 предиктора).

В среде MS Access (СУБД MS SQL Server) подготовлена база данных, которая содержала исходные неочищенные данные, полученные из Главного бюро медико-социальной экспертизы по Ленинградской области. Кроме исходных данных база содержала подготовленные пустые поля для предикторов и форму для ввода данных при очистке. Организован одновременный сетевой (ethernet) доступ к базе сотрудникам, ответственным за ввод и очистку данных с возможностью редактирования. Данной работой занимались 4 человека – база разделена на 4 фрагмента (по 25% на каждого сотрудника).

Для соблюдения этических норм, а также защиты персональных данных в рамках данной статьи реальные имена сотрудников заменены на порядковые номера.

Суммарно за 10 рабочих дней этой командой была проведена полная очистка и ввод данных по всем 3130 записям. Подсчитывалось ежедневное число очищенных записей, введенных каждым сотрудником, – два раза в день: за первую половину дня (до обеденного перерыва) и вторую соответственно (табл. 2).

Таблица 2. Суммарное число обработанных записей сотрудниками за весь период

сотрудник	обработано записей
№ 1	1013
№ 2	566
№ 3	750
№ 4	801

Далее на рисунках 1–4 представлена производительность сотрудников с аппроксимирующими кривыми.

Рис. 1. Производительность сотрудника № 1

Рис. 2. Производительность сотрудника № 2

Рис. 3. Производительность сотрудника № 3

Рис. 4. Производительность сотрудника № 4

Оценка сравнительной производительности:

Сотрудник № 1 обработал 1013 записей (44572 предиктора). Наибольшая результативность (пик – 100 записей (4400 предикторов) 16.04.25 во второй половине дня (вечером), но резкий спад к концу периода (0 записей 29.04.25 в первой половине дня). (связано с окончанием обработки своего фрагмента базы, рост 29.04.25 вечером – была переведена на работу над фрагментом другого сотрудника).

Сотрудник № 2 обработал 801 запись (35244 предиктора). Стабильная работа с пиком в 91 запись 18.04.25 в первой половине дня, но снижение активности с 28.04.25 (связано с окончанием работы над своим фрагментом). Рост 30.04.25 обусловлен переводом на обработку фрагмента другого сотрудника. Также выявлены колебания производительности в начале периода – проводилось обучение по работе с базой и формой для ввода. Данные колебания в первые дни работы были выявлены у всех сотрудников, но у сотрудника № 2 – это явление наиболее ярко выражено, что особенно выделяется на фоне его стабильной работы в дальнейшем. Стабильность работы данного сотрудника подтверждается и кривой аппроксимации с достаточно высоким коэффициентом ($R^2 = 0,5529$).

Сотрудник № 3 обработал 750 записей (33000 предикторов). Высокие показатели в начале периода (89 записей 18.04.25 во второй половине дня), но нулевая активность в период 21–22.04.25 и в конце (28–30.04.25). Также у данного сотрудника выявлены значительные колебания производительности в течение дня от около нулевых в первой половине дня, до пиков 70–85 записей во второй, что подтверждается низким значением коэффициента аппроксимации ($R^2 = 0,158$).

Сотрудник № 4: 566 записей (24904 предиктора). Низкая продуктивность, максимальный результат был 69 обработанных записей 24.04.25 в первой половине дня. Важно отметить, что в обязанности данного сотрудника входила не только очистка и ввод данных, но и техническая помощь другим участникам работы, особенно обучение в первые дни работы с формой для ввода, а также сбор данных по причинам колебаний производительности других сотрудников.

Выявленные ключевые проблемы.

1. Неравномерное распределение нагрузки: сотрудники со стабильными высокими показателями выполняют большую часть работы, а также доделывают работу «отстающих». На коротком периоде (10 рабочих дней) данное явление не вносит существенного влияния, однако, если подобная тенденция сохраняется в длительной перспективе – это может привести к переутомлению и «выгоранию» высокопроизводительных сотрудников.
2. Простои: периодически ряд сотрудников «простаивает» без объективных причин, что может быть связано как с организационными сбоями (недостаточный контроль со стороны руководителя), так и личными мотивами (низкий уровень вовлеченности и заинтересованности в проводимой общей работе).
3. Низкая эффективность сотрудников в ряде случаев обусловлена параллельными сопутствующими обязанностями (выполнение не прямых функций, а дополнительных – ко-

ординация работы, решение технических проблем).

Возможные варианты решения выявленных проблем.

1. Технологическая оптимизация:

- внедрение облачной платформы с одновременным доступом для исключения дублирования данных;
- автоматизация рутинных операций (шаблоны с автозаполнением, валидация данных в реальном времени).

2. Кадровые меры:

- тренинги для сотрудников по работе с новыми инструментами;
- введение «геймификации» (рейтинги, бонусы за стабильность).

3. Мониторинг и планирование:

- использование дашбордов для отслеживания нагрузки и предотвращения переутомления;
- гибкое распределение задач с учётом индивидуальной продуктивности.

Заключение

Повышение эффективности ввода данных напрямую влияет на качество обучения нейромоделей. Реализация предложенных мер позволит сократить ошибки, равномерно распределить нагрузку и увеличить общую производительность команды на 25–30%. Дальнейшие исследования возможно сосредоточить на анализе когнитивной нагрузки и внедрении AI-инструментов для автоматизации рутинных задач.

Обработка 3130 случаев за 10 рабочих дней демонстрирует потенциал для роста. Для достижения целевых показателей необходимо комбинировать технологические инновации (единая база, автоматизация) и кадровую поддержку (обучение, мотивация). Повышение производительности при вводе и очистке исходной генеральной совокупности критически важно для обучения нейромоделей в условиях растущих требований к данным.

Литература

1. Программа для модуля системы поддержки принятия экспертных решений при проведении медико-социальной экспертизы у пациентов с раком молочной железы старше 18 лет. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № RU 2024688167: заявл. 26.11.2024; опублик. 26.11.2024 / Михайлишин В.В., Головина Ю.А., Пономаренко Г.Н., Щербина К.К., Суфэльфа А.Р., Черникова М.В.
2. Суфэльфа А.Р., Петрищева К.Н., Щербина К.К., Пономаренко Г.Н. Технологии искусственного интеллекта в реабилитации инвалидов: Анализ публикационного потока / Моделирование, оптимизация и информационные тех-

- нологии, 2024. Т. 12 № 3 (46), Порядковый номер 5. DOI: 10.26102/2310-6018/2024.46.3.026
3. Анализ эффективности работы сотрудников в СЭД. Данные, инструменты, визуализация. Сайт «Поступи онлайн». Режим доступа: https://www.directum.ru/blog-post/analiz_ehffektivnosti_raboty_sotrudnikov_v_sehd_dannye_instrumenty_vizualizacija (дата обращения: 26.02.2026).
 4. Кричевский М.Л., Дмитриева С.В. Оценка эффективности труда методами машинного обучения. Экономика труда. 2021. Т. 8. № 9. С. 945–960.
 5. Оценка эффективности персонала с использованием искусственного интеллекта. Сайт «Главбух». Режим доступа: <https://www.glavbuh.ru/art/390824-otsenka-effektivnosti-personala-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 26.02.2026).
 6. Алексеев А.Ю., Аристов В.В., Гарбук С.В. и др. Кинетико-статистическое нейромоделирование и проблемы доверия к системам искусственного интеллекта. Проблемы машиностроения и автоматизации. 2023 № 1 С. 88–100. DOI: 10.52261/02346206_2023_1_88.
 7. Кутелия А.К. Генетические алгоритмы как основа нейромоделирования // Материалы XXVI-II Международной конференции по мягким вычислениям и измерениям. СПб., 2025. С. 426–429.

NEURAL MODEL TRAINING: OPTIMIZING DATA INPUT, PREPARATION, AND PROCESSING WORKFLOWS FOR DATASET CREATION

Poliakov D.A., Ryabtcev M.V., Khodakovskiy M.D., Kiseleva O.N., Kantysheva I.G.
Albrecht Federal Scientific and Scientific and Educational Center of Medical and Social Expertise and Rehabilitation

The article presents a study aimed at neural model training: optimizing data input, preparation, and processing workflows for dataset creation. The authors analyze the process of data entry and cleaning conducted by physicians and research staff of the Department

of Medical and Social Expertise at the Institute for Rehabilitation and Abilitation of Disabled Persons of the Albrecht Federal Scientific and Educational Center of Medical and Social Expertise and Rehabilitation under the Russian Ministry of Labor over 10 working days (April 16–30, 2025). During this period, 3130 records were processed, with 44 predictors per case. The study's objective was to identify patterns in employee performance, determine factors influencing productivity, and propose measures to enhance efficiency.

Keywords: Data entry, data cleaning, neural models, productivity, process optimization, personnel management.

References

1. Program for the Expert Decision Support System Module for Medical and Social Expertise of Patients with Breast Cancer Over the Age of 18. Certificate of State Registration of the Computer Program № RU 2024688167: applied for on November 26, 2024; published on November 26, 2024 / Mikhailishin V.V., Golovina Yu.A., Ponomarenko G.N., Shcherbina K.K., Sufel'fa A.R., Chernikova M.V.4 (in Russian).
2. Sufel'fa A.R., Petrishcheva K.N., Shcherbina K.K., Ponomarenko G.N. Artificial Intelligence Technologies in Rehabilitation of Persons with Disabilities: Analysis of the Publication Flow / Modeling, Optimization and Information Technologies, 2024. Vol. 12 № 3 (46), Issue 5. DOI: 10.26102/2310-6018/2024.46.3.026 (in Russian).
3. Analysis of employee performance in the EDS. Data, tools, and visualization. The website «Apply Online». – URL: https://www.directum.ru/blog-post/analiz_ehffektivnosti_raboty_sotrudnikov_v_sehd_dannye_instrumenty_vizualizacija (Accessed 26.02.2026) (in Russian).
4. Krichevsky M.L., Dmitrieva S.V. Assessment of Labor Efficiency Using Machine Learning Methods. Labor Economics. 2021. Vol. 8. № 9. Pp. 945–960. (in Russian).
5. Assessment of personnel efficiency using artificial intelligence. Glavbuh website. Access mode: <https://www.glavbuh.ru/art/390824-otsenka-effektivnosti-personala-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta> (Accessed on 26.02.2026). (in Russian).
6. Alekseev A.Yu., Aristov V.V., Garbuk S.V., et al. Kinetic-Statistical Neuro-Modeling and the Problems of Trust in Artificial Intelligence Systems. Problems of Mechanical Engineering and Automation. 2023 № 1, pp. 88–100. DOI: 10.52261/02346206_2023_1_88 (in Russian).
7. Kutelia A.K. Genetic Algorithms as the Basis of Neurosimulation // Proceedings of the XXVIII International Conference on Soft Computing and Measurements. St. Petersburg, 2025. Pp. 426–429 (in Russian).

Региональные стратегии цифровизации среднего профессионального образования

Кох Иван Адамович,

д.с.н., профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы – Уральский институт управления
E-mail: kia4@mail.ru

Матросов Антон Алексеевич,

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы – Уральский институт управления
E-mail: 922223118@list.ru

Цифровая трансформация среднего профессионального образования (СПО) в последние годы приобрела устойчивый характер и постепенно становится не локальной инициативой отдельных колледжей, а повседневной заботой региональных органов власти. В статье рассматриваются региональные механизмы управления цифровой трансформацией СПО как система согласованных решений, обеспечивающих переход от точечных внедрений цифровых инструментов к устойчивым изменениям образовательных процессов, управления данными и взаимодействия с работодателями. Показано, что ключевым условием эффективности выступает связь стратегического целеполагания, проектного управления и развития кадровой готовности педагогов и управленческих команд. Обосновано, что регион является интегратором цифровых изменений, поскольку именно на уровне субъекта РФ возможно выравнивание инфраструктурных условий, создание единой архитектуры цифровых сервисов, установление правил работы с данными и организация масштабирования успешных практик. В статье предложено рассматривать цифровую трансформацию СПО через призму управленческих эффектов: повышение качества подготовки, гибкость образовательных программ, доступность обучения, снижение административной нагрузки и усиление практико-ориентированности. Отдельное внимание уделяется мониторингу цифровой зрелости организаций СПО и управлению рисками цифровых изменений. Сделан вывод о том, что региональные механизмы управления позволяют обеспечить устойчивость трансформации и повысить конкурентоспособность территории за счет развития человеческого капитала [1, 3].

Ключевые слова: цифровая трансформация, региональное управление, среднее профессиональное образование, проектное управление, цифровая зрелость, цифровые сервисы, партнерство с работодателями.

Введение

Цифровая трансформация среднего профессионального образования (СПО) в современном российском контексте перестает быть вопросом оснащения учебных кабинетов техникой или внедрения отдельных электронных сервисов. Она становится комплексной управленческой задачей, связанной с изменением образовательных процессов, организационной культуры колледжей, способов взаимодействия с работодателями и подходов к принятию решений в управлении региональной системой подготовки кадров. Для региона, где СПО выполняет функцию опоры кадрового обеспечения экономики, цифровая трансформация означает не «дополнение» существующей модели образования, а постепенную перестройку механизмов его функционирования [14].

Актуальность этой темы усиливается несколькими взаимосвязанными тенденциями. Во-первых, цифровые изменения охватывают большинство отраслей экономики, что приводит к изменению требований к выпускникам колледжей: даже в традиционных профессиях увеличивается доля задач, связанных с цифровыми системами учета, контроля качества, автоматизированными линиями и программируемым оборудованием. Во-вторых, сами образовательные организации сталкиваются с необходимостью гибко обновлять содержание программ, развивать смешанные форматы обучения, усиливать практико-ориентированность и учитывать индивидуальные траектории студентов. В-третьих, цифровая трансформация регионов России развивается неравномерно – различия проявляются в инфраструктуре, кадровом потенциале и способности управлять проектами изменений, что усиливает риск образовательного неравенства между территориями.

Особенность СПО состоит в том, что оно «работает на границе» двух сфер – образования и реальной экономики региона. Поэтому цифровая трансформация СПО должна учитывать требования рынка труда и технологические изменения на предприятиях. В условиях региона цифровые изменения становятся особенно чувствительными: сеть организаций СПО включает учреждения разного профиля и уровня ресурсного обеспечения, а управленческие решения должны одновременно обеспечивать качество подготовки и устойчивость функционирования всей системы.

В научной и управленческой практике важно различать цифровизацию и цифровую трансформацию. Под цифровизацией обычно понимают перевод отдельных процессов в электронную форму: электронный документооборот, онлайн-журналы, дистанционную коммуникацию, использование цифровых образовательных ресурсов. Цифровая трансформация – понятие более широкое: оно предполагает переосмысление процессов вокруг данных и потребностей пользователей (студента, преподавателя, работодателя), внедрение сервисной модели и изменение управленческих подходов. В этом смысле «цифра» становится инструментом обновления всей логики функционирования колледжа и региональной сети СПО [9, 13].

Ключевая роль в этих преобразованиях принадлежит региону. Именно субъект РФ определяет кадровые приоритеты, управляет сетью колледжей, обеспечивает инфраструктурные программы, организует повышение квалификации, формирует принципы мониторинга и поддержки организаций СПО. Если цифровая трансформация разворачивается исключительно на уровне отдельных колледжей, возникают типичные проблемы: разрозненность решений, несовместимость цифровых платформ, дублирование бумажных и электронных процессов, зависимость результатов от отдельных «точек энтузиазма». Региональные механизмы управления позволяют перевести цифровые изменения в более устойчивый формат: от «локальных внедрений» к системной модели развития [7, 8, 14].

Задача статьи – раскрыть региональные механизмы управления цифровой трансформацией СПО и показать, как они обеспечивают согласование стратегических целей, проектной реализации и кадровой готовности, формируя устойчивый результат на уровне региональной сети организаций СПО.

Региональные механизмы управления цифровой трансформацией СПО следует рассматривать через ожидаемые эффекты, а не через перечень технологий. Технологии не являются целью сами по себе: они приобретают значение только тогда, когда позволяют улучшить качество подготовки, повысить гибкость программ и обеспечить устойчивое взаимодействие с работодателями. Для этого региональная система управления должна отвечать на несколько практических вопросов: какие образовательные результаты требуется улучшить, как цифровые инструменты поддержат эти результаты, кто отвечает за внедрение и как будет измеряться эффект [7, 13, 15].

В исследованиях цифровой трансформации регионов подчеркивается, что различия между субъектами РФ проявляются как в уровне цифрового развития, так и в управленческих возможностях и ресурсах реализации проектов. Это означает, что региональная модель цифровой трансфор-

мации СПО не может быть «универсальной»: она должна учитывать отраслевой профиль региона, структуру рынка труда, транспортную доступность территорий и готовность образовательной сети [1, 3].

Для управляемости трансформации СПО важно фиксировать эффекты по нескольким направлениям.

- **Качество подготовки и результаты обучения.** Цифровые решения должны повышать освоение профессиональных компетенций, снижать учебные потери и поддерживать практико-ориентированность обучения, а не заменять практику формальными электронными активностями.
- **Гибкость образовательных программ.** Региону важно ускорить обновление программ под запросы предприятий, развивать модульность и обеспечивать возможность индивидуальных траекторий.
- **Доступность и равенство возможностей.** Цифровая среда должна уменьшать барьеры для студентов из удаленных территорий, сохраняя качество практической подготовки.
- **Эффективность управления сетью СПО.** Трансформация должна снижать административные издержки, сокращать дублирование отчетности и повышать прозрачность процессов.
- **Партнерство с работодателями.** Цифровые инструменты должны расширять участие предприятий в практической подготовке, наставничестве и оценке компетенций.

Вместе с тем региональные системы СПО сталкиваются с ограничениями, которые требуют именно управленческих решений. На практике наиболее распространены инфраструктурные ограничения, дефицит кадров цифрового профиля, высокая нагрузка на педагогов и управленцев, методический разрыв между «наличием платформ» и реальными изменениями обучения. В такой ситуации региону важно удерживать баланс: цифровые решения должны снижать рутинную нагрузку и усиливать качество, а не становиться источником дополнительной бюрократии [8, 14].

Следовательно, региональная управленческая логика цифровой трансформации СПО строится вокруг принципов: ориентации на результаты и сервисы, проектной управляемости, единства требований к данным и обязательного развития кадровой готовности [2, 4].

Цифровая трансформация на уровне региона требует нового подхода: не отдельных внедрений, а выстроенной системы управления, в которой стратегические цели связаны с проектным портфелем и механизмами реализации. В научных работах по региональным стратегиям цифровой трансформации подчеркивается необходимость регулярной актуализации целей и проектов, ранжирования инициатив и оценки их вклада в стра-

тегические результаты субъекта РФ. Для СПО это особенно важно: образование должно реагировать на изменения рынка труда и технологий быстрее, чем это происходит при «разовых модернизациях» и несогласованных закупках [2, 1, 3].

Региональная новизна управления цифровой трансформацией СПО может быть описана как сочетание трех взаимосвязанных компонентов.

Первый компонент – **стратегическое целеполагание**. Оно предполагает формирование ясного цифрового видения СПО в регионе: какие сервисы и процессы должны измениться, какие показатели станут ключевыми, как цифровая среда поддержит качество подготовки и развитие практики. При этом стратегия должна быть связана с социально-экономическими целями региона и кадровыми приоритетами отраслей, поскольку СПО является частью регионального развития, а не автономной системой [7, 14].

Второй компонент – **проектное управление**. Цифровая трансформация реализуется через портфель проектов: инфраструктура, цифровые сервисы, системы данных и аналитики, развитие педагогических компетенций, цифровое взаимодействие с работодателями. Чтобы проекты не оставались «внедрением ради внедрения», региону необходимы четкие критерии успеха: не количество установленных решений, а степень использования сервисов, устойчивость поддержки и достижение измеримых эффектов. Методически важно выстраивать жизненный цикл цифровых решений: анализ потребности, пилот, масштабирование, сопровождение и оценка результата [2, 10].

Третий компонент – **координация и распределение ролей**. Цифровая трансформация СПО не может быть реализована только силами образовательного ведомства: она требует согласования с региональными структурами цифрового развития, финансовыми органами, центрами занятости, работодателями и методическими организациями. В контексте государственного управления цифровые платформы меняют характер управленческих задач и усиливают потребность в межведомственном взаимодействии и стандартизации процессов. Применительно к СПО это означает необходимость единых правил работы с данными, совместимости сервисов и понятных регламентов ответственности за сопровождение решений [4].

Таким образом, архитектура регионального управления обеспечивает управляемость цифровой трансформации: позволяет избежать фрагментации, поддерживает слабые организации, масштабирует сильные практики и связывает цифровые инициативы с реальными результатами подготовки кадров.

Региональные механизмы управления цифровой трансформацией СПО становятся эффективными, когда развиваются одновременно по не-

скольким направлениям. На практике наиболее результативной оказывается модель, в которой цифровые изменения охватывают сервисы и инфраструктуру, контур данных и аналитики, кадровую готовность и партнерство с работодателями. Эти направления взаимосвязаны: без кадровой готовности сервисы не используются, без данных невозможно управление по результатам, без партнерства с предприятиями снижается практическая ценность подготовки.

Инфраструктура и сервисы должны развиваться не как единичные закупки, а как сервисная модель управления. Для колледжа важно не просто получить оборудование, а иметь доступ к стабильной цифровой среде: поддерживаемым платформам, техподдержке, понятным правилам обновления. Регион может выстраивать единый «каталог сервисов» для сети СПО, определять минимальные стандарты оснащения и создавать систему сопровождения пользователей. Это снижает риски несовместимости решений и повышает устойчивость цифровых изменений [2, 14].

Данные и аналитика формируют основу управленческих решений. Цифровая среда порождает большой объем управленческих и образовательных данных: контингент, посещаемость, результаты обучения, траектории студентов, показатели практики, кадровые ресурсы, взаимодействие с работодателями. Однако ценность возникает только тогда, когда данные становятся инструментом управления: помогают выявлять риски отсева, прогнозировать потребности в кадрах, оценивать эффективность программ и качество практической подготовки. Региональные механизмы в этом блоке включают единые требования к качеству данных, регламенты ответственности и использование аналитических панелей для руководителей [10, 14].

Кадровое развитие является ключевым условием успешной трансформации. Цифровая трансформация повышает требования к компетенциям педагогов и управленцев: требуется не только владение инструментами, но и понимание цифровой дидактики – то есть способов обучения в цифровой среде без потери практико-ориентированности. В исследованиях, посвященных подготовке научно-педагогических кадров, подчеркивается значимость кадровых приоритетов и поддержки профессионального развития педагогических работников в условиях технологических изменений. На уровне региона это может быть реализовано через программы повышения квалификации, школы управленческих команд, сетевые сообщества, наставничество и поддержку лучших практик [5, 11, 12].

Партнерство с работодателями в условиях цифровой экономики требует новых форм взаимодействия. Предприятия становятся источником актуальных кейсов и технологий, а цифровые инстру-

менты позволяют расширять участие работодателей в подготовке: дистанционное наставничество, совместные проектные задания, цифровое сопровождение практики, участие в оценке компетенций. Практические региональные примеры показывают, что цифровизация СПО усиливает эффект тогда, когда она встроена в реальные образовательные процессы и связана с промышленными партнерами, а также поддерживается разнообразными форматами онлайн-обучения и тренажерных решений [6, 14].

Отдельного внимания требует управленческий баланс между цифровыми технологиями и сохранением практической природы СПО. Цифровые тренажеры и симуляторы полезны, но не могут полностью заменить работу на реальном оборудовании. Поэтому задача региона – обеспечить такой формат цифровых изменений, при котором технологии усиливают практику, помогают готовить студентов к современным рабочим местам и расширяют возможности взаимодействия с предприятиями.

Даже при наличии стратегии, ресурсов и проектного портфеля цифровая трансформация может не привести к устойчивому результату, если регион не оценивает цифровую зрелость организаций СПО и не управляет рисками внедрения. Неравномерность цифрового развития регионов и различия в готовности управлять цифровыми проектами увеличивают вероятность того, что часть колледжей станет «лидерами», а часть – останется в зоне отставания [1, 3].

Для снижения этих рисков региону необходима модель мониторинга цифровой зрелости колледжей. Она может включать несколько параметров: состояние инфраструктуры, степень использования цифровых сервисов, качество цифровых образовательных материалов, зрелость работы с данными, готовность кадров и уровень партнерства с работодателями. Такая диагностика позволяет перейти от «универсальной политики» к адресной поддержке: лидеры получают возможности для тиражирования практик, устойчивые организации – сопровождение масштабирования, а организации зоны риска – инфраструктурную и кадровую поддержку [1, 10, 14].

Управление рисками цифровой трансформации должно учитывать типовые угрозы:

- инфраструктурные сбои и недостаток техподдержки;
- перегрузка педагогов и управленцев из-за параллельного ведения бумажных и электронных процессов;
- снижение качества подготовки при формальном переносе обучения в онлайн без методической перестройки;
- риски информационной безопасности и защиты персональных данных;
- фрагментация цифровых решений и отсутствие единых стандартов [11, 12, 13].

Практически важным становится правило: цифровой проект считается завершенным не в момент внедрения, а в момент устойчивого использования, наличия сопровождения и подтвержденного эффекта. Регион может закреплять это через требования к пилотированию, оценке результатов и только затем – масштабированию решений [2].

В управленческом плане особую роль играет информационная безопасность и «цифровая гигиена» пользователей. Для системы СПО это означает не только техническую защиту, но и подготовку педагогов и студентов к ответственному использованию сервисов, корректной работе с данными и соблюдению регламентов доступа [13, 11].

Таким образом, мониторинг цифровой зрелости и риск-ориентированное управление обеспечивают устойчивость цифровой трансформации СПО и позволяют региону удерживать качество подготовки и равенство возможностей в образовательной сети [1, 10, 14].

Заключение

Региональные механизмы управления цифровой трансформацией СПО представляют собой целостную систему управленческих решений, в которой технологии выступают инструментом, а главным результатом становится улучшение качества и устойчивости профессионального образования. Регион способен обеспечить согласование стратегии и проектной реализации, выравнивание инфраструктурных условий, формирование единой архитектуры цифровых сервисов и установление правил работы с данными [7, 2, 4, 14].

Результативность цифровой трансформации СПО повышается при соблюдении трех условий. Во-первых, цифровые инициативы должны быть связаны с измеримыми образовательными эффектами, а не только с фактом внедрения сервисов. Во-вторых, требуется системное развитие кадровой готовности педагогов и руководителей, включая методику цифрового обучения и управление изменениями. В-третьих, цифровые решения должны усиливать практико-ориентированность и партнерство с работодателями, обеспечивая выпускникам готовность к современным технологиям на рабочем месте [11, 5, 6].

В перспективе эффективное управление цифровой трансформацией СПО в регионе становится фактором конкурентоспособности территории, поскольку напрямую влияет на качество человеческого капитала, скорость адаптации системы подготовки кадров и доступность профессионального образования [8, 14].

Литература

1. Гусева Т.А. Цифровая трансформация в регионах России: актуальные тенденции, разли-

- чия и вызовы // Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес». 2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-v-regionah-rossii-aktualnyetendentsii-razlichia-i-vyzovy>.
2. Лобкова Е.В. Региональные стратегии цифровой трансформации: алгоритм актуализации проектов и целей // Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес». 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-strategii-tsifrovoy-transformatsii-algoritm-aktualizatsii-proektov-i-tseley>.
 3. Мовлаев А.А. Цифровая трансформация российских регионов: предпосылки и направления проведения // Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес». 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-rossiyskih-regionov-predposylki-i-napravleniya-provedeniya>.
 4. Писарева О.М. Влияние формирования цифровой платформы в системе государственного управления на характер управленческих задач стратегического управления // Модернизация. 2019. – URL: <https://www.mir-nayka.com/jour/article/viewFile/925/856>.
 5. Михальченкова Н.А. Направления и приоритеты подготовки научно-педагогических кадров в системе отраслевых политик России // Текст научной статьи. 2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-i-prioritety-podgotovki-nauchno-pedagogicheskikh-kadrov-v-sisteme-otraslevykh-politik-rossii>.
 6. Петрова С.Д. Цифровизация среднего профессионального образования в рамках проекта «Профессионалитет» // Уральский вестник образования. 2023. (Электронный ресурс). – URL: https://www.irro.ru/upload/pdf/urvo/uvvo_2307-pet.pdf.
 7. Ключевые аспекты развития среднего профессионального образования: монография / В.И. Блинов, Е.Ю. Есенина, И.С. Сергеев [и др.]. – Москва: Издательство «Дело» РАНХиГС, 2023. – 342 с. – ISBN 978-5-85006-476-1.
 8. Молодые профессионалы для новой экономики: среднее профессиональное образование в России / Ф.Ф. Дудырев, О.А. Романова, А.И. Шабалин, И.В. Абанкина; под ред. Ф.Ф. Дудырева, И.Д. Фрумина. – Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. – ISBN 978-5-7598-1937-0.
 9. Педагогическая концепция цифрового профессионального образования и обучения: монография / В.И. Блинов, И.С. Сергеев, Е.Ю. Есенина [и др.]; под науч. ред. В.И. Блинова. – Москва: Дело (РАНХиГС), 2020. – 112 с. – ISBN 978-5-85006-240-8.
 10. Аналитика данных в образовании для педагогических и управленческих задач развития человека и образования: коллективная монография / О. Фиофанова, Б. Илюхин, Г. Савиных, А. Попов. – Москва: Аргумент, 2022. – 325 с.
 11. Современная «цифровая» дидактика / коллектив авторов; под ред. Б.Б. Ярмахова. – Москва: ООО «Грин Принт», 2022. – 136 с. – ISBN 978-5-907286-97-9.
 12. Избранные вопросы цифровой трансформации образования: Том 2: монография / под ред. Ю.В. Вайнштейн, В.В. Гриншукуна, М.В. Носкова. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 242 с.
 13. Цифровые технологии в образовании. Тенденции, проблемы, перспективы: монография / под общ. ред. научного совета ГНИИ «Нацразвитие». – Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2023. – 80 с.
 14. Дудырев Ф. Ф., Анисимова К.В., Артемьев И.А. и др. Среднее профессиональное образование в России: ресурс для развития экономики и формирования человеческого капитала: аналит. доклад / Ф.Ф. Дудырев [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 92 с. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/09/01/1696958156/SPO_2022.pdf
 15. Зинич А.В. Цифровая трансформация образовательных сред: региональный аспект // Экономика высокотехнологичных производств. – 2023. – Т. 4. – № 2. – С. 111–120. – URL: <https://1economic.ru/lib/119498>.

REGIONAL STRATEGIES FOR THE DIGITALIZATION OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Koh I.A., Matrosov A.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration – Ural Institute of Management

The digital transformation of secondary vocational education (SPE) has become stable in recent years and is gradually becoming not a local initiative of individual colleges, but a daily concern of regional authorities. The article examines regional mechanisms for managing the digital transformation of vocational education and training as a system of coordinated solutions that ensure the transition from point-to-point implementations of digital tools to sustainable changes in educational processes, data management and interaction with employers. It is shown that the key condition for effectiveness is a combination of strategic goal setting, project management and the development of staff readiness of teachers and management teams. It is proved that the region is an integrator of digital change, since it is at the level of a constituent entity of the Russian Federation that it is possible to align infrastructure conditions, create a unified architecture for digital services, establish rules for working with data, and scale successful practices. The article proposes to consider the digital transformation of vocational education through the prism of managerial effects: improving the quality of training, flexibility of educational programs, accessibility of training, reducing administrative burden and strengthening practice orientation. Special attention is paid to monitoring the digital maturity of open-source organizations and managing the risks of digital change. It is concluded that regional management mechanisms make it possible to ensure the sustainability of transformation and increase the competitiveness of the territory through the development of human capital [1, 3].

Keywords: digital transformation, regional management, secondary vocational education, project management, digital maturity, digital services, partnership with employers.

References

1. Guseva T.A. Digital transformation in the regions of Russia: current trends, differences and challenges // Text of a scientific article on the specialty «Economics and Business». 2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-v-regionah-rossii-aktualnye-tendentsii-razlichiya-i-vyzovy>.
2. Lobkova E.V. Regional digital transformation strategies: an algorithm for updating projects and goals // The text of the scientific article on the specialty «Economics and Business». 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-strategii-tsifrovoy-transformatsii-algoritm-aktualizatsii-proektov-i-tseley>.
3. Movlaev A.A. Digital transformation of Russian regions: prerequisites and directions of implementation // The text of the scientific article on the specialty «Economics and Business». 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-rossiyskih-regionov-predposylki-i-napravleniya-provedeniya>.
4. Pisareva O.M. The influence of the formation of a digital platform in the public administration system on the nature of the management tasks of strategic management. // Modernization. 2019. – URL: <https://www.mir-nayka.com/jour/article/view-File/925/856>
5. Mikhalechukova N.A. Directions and priorities of training scientific and pedagogical personnel in the system of sectoral policies of Russia // Text of the scientific article. 2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-i-prioritety-podgotovki-nauchno-pedagogicheskikh-kadrov-v-sisteme-otraslevykh-politik-rossii>.
6. Petrova S.D. Digitalization of secondary vocational education within the framework of the project «Professionalism» // Ural Bulletin of Education. 2023. (Electronic resource). – URL: https://www.irro.ru/upload/pdf/urvo/uvo_2307-pet.pdf.
7. Key aspects of the development of secondary vocational education: a monograph / V.I. Blinov, E.Y. Yesenina, I.S. Sergeev [et al.]. – Moscow: Publishing House «Delo» RANHiGS, 2023. – 342 p. – ISBN 978-5-85006-476-1.
8. Young professionals for the new economy: secondary vocational education in Russia / F.F. Dudyrev, O.A. Romanova, A.I. Shabalin, I.V. Abankina; edited by F.F. Dudyrev, I.D. Frumin. Moscow: HSE Publishing House, 2019. – ISBN 978-5-7598-1937-0.
9. Pedagogical concept of digital vocational education and training: a monograph / V.I. Blinov, I.S. Sergeev, E.Y. Yesenina [et al.]; under the scientific editorship of V.I. Blinov. Moscow: Delo (RANEPa), 2020. 112 p. ISBN 978-5-85006-240-8.
10. Data analytics in education for pedagogical and managerial tasks of human development and education: a collective monograph / O. Fiofanova, B. Ilyukhin, G. Savinykh, A. Popov. Moscow: Argumentum Publ., 2022. 325 p.
11. Modern «digital» didactics / collective of authors; edited by B.B. Yarmakhov. Moscow: Green Print LLC, 2022. 136 p. ISBN 978-5-907286-97-9.
12. Selected issues of digital transformation of education: Volume 2: monograph / edited by Yu.V. Weinstein, V.V. Grinshkun, M.V. Noskov. Moscow: INFRA-M, 2025. 242 p.
13. Digital technologies in education. Trends, problems, prospects: a monograph / under the general editorship of the Scientific Council of the State Research Institute «National Development». – Saint Petersburg: GNII «National Development», 2023. – 80 p.
14. Dudyrev F. F., Anisimova K.V., Artemyev I.A. and others. Secondary vocational education in Russia: a resource for economic development and human capital formation: analyte. report / F.F. Dudyrev [et al.]; National research. University of Higher School of Economics. Moscow: HSE, 2022. 92 p. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/09/01/1696958156/SPO_2022.pdf
15. Zinich A.V. Digital transformation of educational environments: a regional aspect // Economics of high-tech industries. – 2023. – Vol. 4. – № 2. – Pp. 111–120. – URL: <https://1economic.ru/lib/119498>

Факторы, влияющие на мотивацию в профессиональной деятельности преподавателя среднего профессионального образования

Манилова Виктория Олеговна,

аспирант, соискатель, преподаватель, кафедра социологии и рекламных коммуникаций, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»
E-mail: manilova.victoriya@yandex.ru

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что, сегодня перед системой среднего профессионального образования стоит максимально серьезная и важная задача – обеспечить технологическое лидерство нашей страны. Кадры системы профессионального образования играют центральную роль развития экономики государства. Но для получения квалифицированных работников, способных решать современные задачи и адаптироваться к быстро меняющимся условиям рынка труда, требуются, в первую очередь компетентные и мотивированные преподаватели. Статья посвящена исследованию факторов, оказывающих влияние на уровень мотивации преподавателей учреждений СПО. Рассматриваются ключевые аспекты профессиональной деятельности педагога. Анализируются психологические и социальные факторы, способствующие повышению уровня удовлетворенности работой и эффективности педагогического процесса. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного среди педагогов различных регионов России, выявляющие наиболее значимые стимулы и барьеры, определяющие мотивацию преподавательского состава. Статья также предлагает рекомендации по оптимизации условий труда и созданию благоприятной среды для повышения качества образовательного процесса в учреждениях СПО. Полученные результаты исследования могут быть использованы образовательными организациями в рамках создания комфортной рабочей среды и улучшению условий труда и мотивации.

Ключевые слова: мотивация, среднее профессиональное образование, преподаватель, факторы мотивации, образование, студенты.

В контексте существующего образования в Российской Федерации, среднее профессиональное образование (далее – СПО) является уровнем профессионального образования, который предназначен для подготовки кадров среднего звена, специалистов-практиков, для работы в различных отраслях экономики. Реализуют данное образование на территории нашей страны такие учреждения как колледжи, техникумы, училища, а также образовательные организации высшего образования.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что, находясь под постоянным санкционным давлением, государство стало уделять огромное внимание реальному сектору экономики, поддерживая действующие производства и стимулируя их, а также создавая новые предприятия с целью импортозамещения и создания собственных конкурентоспособных товаров и услуг.

В виду этого всего и возникает повышенный интерес государства к системе подготовки уровня СПО, так как в кратчайшие сроки необходимы высококвалифицированные специалисты, способные оперативно включиться в производственную деятельность своего региона. Председатель Правительства России М.В. Мишустин на стратегической сессии в июле 2024 года заявил: «Прежде всего надо сформировать гибкую, а главное, эффективную систему подготовки специалистов, ориентированную на запросы экономики». Кроме того, государство заинтересованно и в том, чтобы возникало молодежное предпринимательство, с возможностью потенциального роста в более крупные организационно-правовые формы. Поэтому современная система обучения СПО включает в себя практики бизнес-планирования, проектирования, правовые знания и информацию по созданию новых малых форм предпринимательства на локальных уровнях для поддержания и оживления региональной экономики [9].

В результате этого, с целью повышения востребованности и престижа, в 2022 годы началась перезагрузка системы СПО – стартовал федеральный проект «Профессионалитет», направленный на развитие СПО, а также учрежден День среднего профессионального образования (2 октября).

Одна из задач проекта – подготовка соответствующего кадрового состава: педагогов, воспитателей, мастеров производственного обучения, администраторов. Все они должны обладать педа-

гогическими, производственными, управленческими навыками, навыками конструирования образовательных программ под запросы работодателей и экономики [7]. Успешное развитие СПО в современных условиях для обеспечения стабильного роста экономики возможно при наличии обладающего перечисленными компетенциями персонала.

В последние годы наблюдается существенный рост интереса к среднему профессиональному образованию (СПО). Так, количество заявлений на поступление в образовательные учреждения СПО увеличилось на 900 тысяч и составило в текущем учебном году 3,5 миллиона.

Данный тренд обусловлен рядом факторов: повышение привлекательности образовательных программ, характеризующихся использованием современных учебных баз и направленность подготовки непосредственно на нужды реального сектора экономики; соответствие содержания образования перспективам развития рынка труда, что обеспечивает выпускникам высокую вероятность последующего трудоустройства по полученной специальности; возможность заблаговременного выбора профессиональной траектории благодаря внедрению эффективной системы профориентационной работы, реализуемой еще в рамках школьного образования; активизация движения профессиональных конкурсов и чемпионатов, которое способствует развитию компетенций студентов и повышению престижа профессий технического профиля среди молодежи. Только в течение 2025 года участниками мероприятий стали около 1 миллиона молодых людей.

О престижности среднего профессионального образования говорят и результаты приема за последние пять лет, которые представлены в таблице 1 [5].

Таблица 1. Результаты приема в СПО за период с 2021 по 2025 год, млн чел.

Год приема	2021, млн чел.	2022, млн чел.	2023, млн чел.	2024, млн чел.	2025, млн чел.	Темп приро- ста, %
Количество зачислен- ных	1,0	1,1	1,2	1,26	1,3	5,3

Источник: составлено по: аналитические данные ФГБОУ ДПО «Институт развития профессионального образования».

Все вышеизложенное обосновывает необходимость в высококвалифицированных и профессиональных работников образования, способных обучить студента, дать ему полный комплекс знаний, умений и навыков для его дальнейшего профессионального роста и трудоустройства с пользой для экономики. Поэтому возникает все больше и больше требований к преподавателю СПО, а также увеличение профессиональных обязанностей и ответственности.

В последнее время образовательные организации все чаще сталкиваются с вопросами, касающимися компетентных кадров, а именно преподавателей, способных вывести образовательный процесс на должный уровень, соответствующий запросам современной экономики. Несомненно, что особенно важную роль здесь будет играть непосредственно мотивация педагогических кадров.

Одним из основных принципов управления человеческими ресурсами является признание их «решающим фактором эффективности и конкурентоспособности организации, ключевым ее ресурсом, экономически полезным и социально ценным» [2]. Благодаря чему, результативное использование человеческих ресурсов недостижимо без проработанной системы мотивации труда, которая определяет стимулы и мотивы персонала, повышающие его работоспособность. В соответствии с двухфакторной теорией мотивации Ф. Герцберга эффективность труда подразделяется на гигиенические факторы и факторы мотивации. Первые факторы включают в себя условия труда, политику компании, стиль руководства, межличностные отношения с руководителями, коллегами, а также безопасность. Цель их использования заключается в создании благоустроенной атмосферы внутри коллектива. Помимо прочего, «суть гигиены заключается в устранении потенциальных опасностей для здоровья работника из окружающей его среды. Она не включает в себя лечебные функции, а скорее представляет собой профилактику» [3].

Согласно теории Ф. Герцберга, гигиенические факторы представляют собой базовые потребности работников, удовлетворение которых создает комфортную рабочую обстановку, но сами по себе недостаточны для повышения эффективности труда. Для достижения максимальной производительности важно также учитывать мотивирующие факторы, такие как возможности карьерного роста, признание достижений и успехов, ощущение значимости должности и чувства ответственности. Именно эти элементы раскрывают содержание самой работы, и их позитивное влияние способствует повышению уровня удовлетворенности трудом. Таким образом, взгляды Герцберга на трудовую деятельность основаны именно на тех факторах, которые способствуют росту удовлетворенности сотрудников своей работой.

Повышенные требования к преподавателю СПО, ответственность и расширение должностных обязанностей приводит к деформации профессиональных качеств работников образования и разбалансировке в кадровой численности работников в системе СПО (рис. 1).

Из рисунка 1 видно, что происходит прирост численности преподавателей на 7,2% за 6 лет и снижение педагогов-практиков на 26,9% за 6 лет.

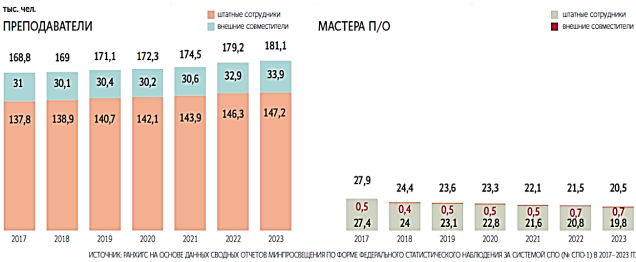

Рис. 1. Количество преподавателей и мастеров в колледжах и техникумах России в 2017–2023 гг.

Источник: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/09/17/1062573-chislo-pedagogov-praktikov-v-rossiiskih-kolledzhah-sokratilos>

Стоит рассмотреть численность основного персонала учреждений СПО по основным субъектам РФ (табл. 2, 3, 4).

Таблица 2. Распределение численности педагогических работников, по субъектам Российской Федерации в 2023–2024 году, чел.

Субъект РФ	2022 г., чел.	2023 г., чел.	2024 г., чел.	Темп прироста, %
Центральный федеральный округ	48557	47928	46834	–1,2
Северо-Западный федеральный округ	18949	19175	19150	0,4
Южный федеральный округ	22607	22464	22474	–0,2
Северо-Кавказский федеральный округ	12795	13243	13262	1,2
Приволжский федеральный округ	40426	40508	39969	–0,4
Уральский федеральный округ	17460	17502	17439	0,0
Сибирский федеральный округ	27061	27032	27210	0,2
Дальневосточный федеральный округ	12799	12868	13136	0,9

Источник: составлено по: Министерство просвещения Российской Федерации. Статистика. Среднее профессиональное образование за 2022–2024 гг.

Таблица 3. Распределение численности педагогов, по субъектам Российской Федерации в 2023–2024 году, чел.

Субъект РФ	2022 г., чел.	2023 г., чел.	2024 г., чел.	Темп прироста, %
Центральный федеральный округ	34974	35198	34978	0,0

Окончание

Субъект РФ	2022 г., чел.	2023 г., чел.	2024 г., чел.	Темп прироста, %
Северо-Западный федеральный округ	13851	14051	13999	0,4
Южный федеральный округ	16990	16940	17010	0,0
Северо-Кавказский федеральный округ	9624	10075	10228	2,1
Приволжский федеральный округ	30635	30585	30385	–0,3
Уральский федеральный округ	12685	12743	12827	0,4
Сибирский федеральный округ	18859	18877	18981	0,2
Дальневосточный федеральный округ	8688	8743	8895	0,8

Источник: составлено по: Министерство просвещения Российской Федерации. Статистика. Среднее профессиональное образование за 2022–2024 гг.

Таблица 4. Распределение численности мастеров профессионального обучения, по субъектам Российской Федерации в 2023–2024 году, чел.

Субъект РФ	2022 г., чел.	2023 г., чел.	2024 г., чел.	Темп прироста, %
Центральный федеральный округ	4356	4144	3952	–3,2
Северо-Западный федеральный округ	2159	2072	2010	–2,3
Южный федеральный округ	2156	1981	1846	–5,0
Северо-Кавказский федеральный округ	1258	1230	1154	–2,8
Приволжский федеральный округ	3956	3750	3505	–3,9
Уральский федеральный округ	1922	1809	1696	–4,0
Сибирский федеральный округ	3501	3374	3230	–2,6
Дальневосточный федеральный округ	1473	1420	1386	–2,0

Источник: составлено по: Министерство просвещения Российской Федерации. Статистика. Среднее профессиональное образование за 2022–2024 гг.

Анализ данной статистики показал, что количество педагогических работников, преподавателей и мастеров производственного обучения, реализующих программы СПО в различных субъектах РФ имеет общий тренд, то есть более стабильной является численность педагогов, имея незначительное отклонение и более негативная ситуация у мастеров профессионального обучения. Среднегодовой темп прироста по всем субъектам имеет отрицательное значение. Уральский федеральный округ, Приволжский федеральный округ и Южный федеральный округ имеют наибольшее отрицательное значение, это связано с тем, что в данных субъектах и на данный момент времени идет развитие и наращивание промышленного и оборонного производства, добыча и переработка нефтегазовой продукции, а также активнее развивается сельскохозяйственное производство, переработка сельскохозяйственной продукции в рамках заявленной государственной политики в области экономической и продовольственной безопасности. Все это происходит на фоне общего дефицита кадров, в связи с увеличением потребности Министерства обороны в заключении контрактов для СВО.

Помимо этого, на данный момент времени основной причиной пониженного интереса высококвалифицированных специалистов идти работать в систему СПО является низкая заработная плата. Эта же причина и является основной в оттоке мастеров производственной практики (педагогов-практиков) из СПО. Они уходят на производство, где средний уровень заработной платы составляет 70 000–140 000 руб. в месяц (в зависимости от региона). А в сегменте СПО по данным Росстата, в 2023 г. среднемесячная зарплата преподавателей и мастеров составляла 54 927 руб., а в первом полугодии 2024 г. она увеличилась на 30,5% до 71 658 руб. [1]. Еще одной причиной снижения численности является и большой средний возраст работников, «многие уходят на пенсию или умирают» – комментирует ситуацию заместитель директора Центра развития навыков и профессионального образования НИУ ВШЭ Ольга Романова. Тем не менее в 60 регионах страны за шесть лет произошел приток и молодых специалистов. Например, число преподавателей до 30 лет в России за это время выросло на 15,4%, а возрастной группы 40–50 лет – на 19,9%. «Омолождение» преподавателей Романова связывает с тем, что в учреждениях СПО им в отличие от работы в школе не надо готовить студентов к ЕГЭ. При этом приток молодых специалистов не перекрывает кадровые потребности колледжей и техникумов, отмечается в исследовании [1].

Учреждения СПО, чтобы компенсировать и закрыть потребность в кадрах, стараются привлекать по совместительству специалистов из других сфер и отраслей, где у них основная работа.

Но, в последствии, при плотном совмещении, отсутствие времени и сил, а также высокая нагрузка, сказываются на качестве работы, что приводит к снижению и качества обучения студентов. Также мало где качественно работает система адаптации педагогов-совместителей, но решить этот вопрос можно только через разработку и внедрение соответствующего стандарта, на что требуется время. Все это усугубляется и тем, что и педагогические вузы делая упор на теоретические знания, которые тоже не всегда применимы к реальным условиям, уделяют меньше времени практическим навыкам, необходимым для работы в колледже, и, как следствие, выпускники не готовы сразу идти и проводить практические занятия. То есть происходит несоответствие образования запросам рынка труда.

Для корректировки данного дисбаланса и применяется федеральный проект «Профессионалитет», основной целью которого является стимулирование практико-ориентированного обучения, с максимальным соответствием образовательных программ, реализуемых в том числе на уровне СПО, требованиям производства и изменениям в отрасли. Создавая образовательно-производственные кластеры, будут решаться кадровые проблемы предприятий, будут стимулироваться инвестиции в образование, как от государства, так и от бизнеса.

Для решения проблемы с нехваткой кадров необходим комплекс мер, поэтому государство предлагает реализовать ряд мер для привлечения и удержания квалифицированных специалистов в СПО, в том числе и в сельской местности, где статистика имеет еще более негативный вид, через гранты для лучших педагогов и мастеров производственного обучения, льготные условия для переезда и работы педагогов в сельской местности, а также льготную ипотеку, дополнительные меры поддержки по повышению квалификации молодых специалистов.

У работников образовательных организаций из числа преподавателей практически отсутствует возможность для вертикального роста по карьерной лестнице. Как правило, здесь преобладает горизонтальная карьера в рамках профессионального развития на одной должности. Таким образом, перед образовательной организацией стоит задача создания мотивационной системы в целях того, чтобы педагогические работники становились высококвалифицированными специалистами и получали профессиональную удовлетворенность, на занимая руководящих должностей.

То есть возвращаясь к истокам проблемы – кадровый дефицит в колледжах можно восполнить с помощью повышения зарплат.

Все вышеизложенное касается больше экономической составляющей или материальной мотивации преподавателя СПО. Перейдем к другим

аспектам этой деятельности. Стоит вспомнить о том, что педагогика является древнейшей профессией в мире, которая в рамках определенного исторического периода своего существования и под воздействием социально-экономических условий претерпевала объективные изменения [4]. В любом случае, неизменным оставалось только то, что педагог, учитель, преподаватель был призван передавать не только знания, но и культурные ценности, наследие, опыт и нормы поведения своей, особенной исторической эпохи; помогал не только стать специалистом, но и приспособиться к реальным условиям для труда и жизни в обществе [8]. Все это делает эту профессию важной не только по полученной профессиональной ква-

лификации, подтвержденной дипломом, но и призванием для самого преподавателя. Поэтому данная профессия плотно сопряжена не только с научной, но и с творческой составляющей, потому что даже при имеющихся современных технологиях и внедряемых инновациях, ничто не способно заменить общение преподаватель-студент, позволяющее передавать не только ценные знания, но и умения, и навыки [6].

Нужно отметить, что статусные характеристики преподавателей существенно изменились за последние годы, например, если сравнивать с советским периодом, произошли изменения в содержании и отношении к преподавательской деятельности (табл. 5).

Таблица 5. Базовые сравнительные характеристики деятельности преподавателя

Советский период	Новая Россия
Изменения в характере занятости	
Пожизненный найм (стабильная работа до выхода на пенсию). Низкая текучесть кадров (мотивация в виде социальных гарантий и благоприятные условия для научной деятельности). Минимальная зависимость от внешних источников финансирования (финансирование государством, а значит наличие финансовой независимости и стабильности)	Контрактная система (наличие большого количества краткосрочных контрактов, провоцирующих неопределённость и нестабильность). Высокая текучесть кадров (преподаватели ищут возможность совмещения в других вузах или сферах, с целью компенсировать уровень заработной платы или найти выгодные условия), как следствие – рост числа преподавателей-совместителей. Зависимость от грантов и дополнительных источников финансирования (необходимость поиска и привлечения финансирования из различных источников как самим вузом, так и преподавателями)
Изменения в статусных характеристиках	
Высокий социальный статус (уважение и авторитет в обществе у преподавателей). Привилегии и льготы (бесплатные жилье, путевки в санатории, детские сады и пр.). Возможности для карьерного роста (свободное продвижение по карьерной лестнице)	Снижение социального статуса (низкие заработные платы, негативные изменения в условиях труда). Полное или частичное отсутствие социальных гарантий, доступных ранее, в советском периоде). Ограничения для карьерного роста (высокий уровень конкуренции за руководящие должности)

Но, в последние годы, как уже описывалось ранее, в силу не только исторического периода развития, но и непреодолимых обстоятельств, связанных с геополитикой, меняются и принципы управления образованием. Например, в основу деятельности высших и средних профессиональных учреждений сейчас вкладывается клиентоориентированность, призванная, с одной стороны, уверенно конкурировать за студентов с другими учреждениями, предлагая более привлекательные условия обучения и востребованные специальности, а также повышать качество образовательных услуг, через создание комфортной образовательной среды и ориентации на многогранные потребности студентов, и, с другой стороны, превращение преподавателей в наемных работников, исполнителей образовательных услуг, с увеличением бюрократической нагрузки в виде отчетности, административных задач, оформления документов, проведения и участия в смежных мероприятиях за счет отвлечения от научной и педагогической деятельности. По данным социологических исследований респонденты учреждений СПО от-

мечают, что количество работы с бумагами, отчетностями суммарно увеличилось более, чем на 50%, а появлением формальных обязанностей, занимающими до 2-х часов в день недовольны более чем 30% респондентов. Все это усугубляется внедрением и постоянным обновлением системы оценки эффективности работы преподавателя, зачастую основанной на достижении формальных, но обязательных показателей, что тоже приводит к снижению качества преподавания, научной работы, отсутствию времени на индивидуальную работу со студентами. При этом, ранее мы описывали проблему оттока преподавателей и мастеров производственного обучения, то есть, в данном контексте увеличивается доля преподавателей, работающих по совместительству или краткосрочным контрактам, что создает атмосферу неопределенности, снижает интерес к развитию образовательных программ и инициативность самих преподавателей.

Все это снижает мотивацию преподавателей СПО и будущих потенциальных преподавателей-выпускников педагогических вузов. Происходит

профессиональное «выгорание», несбалансированная нагрузка, ее интенсификация и системное увеличение, постоянный стресс, напряженность труда, преобразование взаимоотношений со студентами в потребительские, приводят к снижению заинтересованности в качественном преподавании, то есть к ухудшению качества работы, а самое важное – к падению имиджевых показателей, престижности и значимости профессии на рынке труда.

Для того, чтобы подытожить основные направления мотивации современных преподавателей учреждений СПО стоит обратиться к исследованиям и статистике. Системно проводимые исследования по значимости трудовых мотивов у преподавателей СПО показывают, что на все-таки, первом месте находится заработная плата и ее достойный уровень; на второе место по приоритетности выходит востребованность в виде уважения, доверия, престижности и пр.; на третье место респонденты выносят признание со стороны окружения (коллеги, студенты) или общества, своих заслуг, достижение и успехов. Далее уже идут – разнообразие, достижения, творчество и самосовершенствование.

Государство старается анализировать последствия изменений, происходящих в образовании, в том числе инициированных изменением законодательства или внедряемыми программами, с целью найти баланс между клиентоориентированностью, управленческой эффективностью, коммерциализацией образования и академическими ценностями, автономией преподавателей, социальной ответственностью образования, то есть снизить их эффект и сохранить качество образования, академическую свободу и роль преподавателя как специалиста, ученого и наставника.

В данный момент времени СПО играет огромную роль в развитии экономики страны, являясь инструментом подготовки рабочих профессий с целью обеспечения технологического лидерства государства. И проблему нехватки квалифицированных преподавателей необходимо решать оперативно. То есть мотивировать преподавателей СПО возможно только повысив привлекательность профессии, в том числе за счет повышения заработной платы (минимум до средневзвешенного уровня в регионе) и социального статуса. Повышать уровень базового образования будущих выпускников педагогических вузов. Помимо этого, и параллельно с этим, необходимо развивать систему профессиональной подготовки и повышения квалификации преподавателей, чтобы они могли преподавать, используя инновационный инструментарий и технологии, давать самые актуальные знания и навыки своим студентам.

Литература

1. Ведомости. Число педагогов-практиков в колледжах сократилось на четверть за шесть

лет. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/09/17/1062573-chislo-pedagogov-praktikov-v-rossiiskih-kolledzhah-sokratilos> (дата обращения: 05.06.2025).

2. Веснин В.Р. (2019). Управление человеческими ресурсами: учеб. – 2-е изд. М.: Проспект. 704 с.
3. Герцберг Ф. (2007). Мотивация к работе. М.: Вершина. 240 с.
4. Кандыбович С.Л. (2019). Трудовая мотивация преподавателей вузов и учреждений СПО в условиях менеджерализма образовательной системы // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов, г. Рязань, 05 апреля 2019 г. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. – С. 798–808.
5. Министерство просвещения Российской Федерации. Статистика. Среднее профессиональное образование за 2022–2024 гг. – URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/secondary_prof_edu (дата обращения: 02.06.2025).
6. Романова О.А. (2023). Ценностно-смысловые ориентации преподавателей гуманитарных дисциплин в организациях СПО // Отечественная и зарубежная педагогика. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-smyslovye-orientatsii-prepodavateley-gumanitarnykh-distiplin-v-organizatsiyah-spo> (дата обращения: 06.06.2025).
7. Федеральный проект «Профессионалитет». – URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education/ (дата обращения: 19.12.2025).
8. Хромовских А.В. (2024). Профессиональная ответственность преподавателя СПО // Вестник науки. № 9 (78). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-otvetstvennost-prepodavatelya-spo> (дата обращения: 06.06.2025).
9. Швецова Н.К., Швецов А.В. (2022). Система СПО как элемент регионального экономического развития // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки». № 2 (30). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-spo-kak-element-regionalnogo-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 06.06.2025).

FACTORS INFLUENCING MOTIVATION IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A TEACHER OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Manilova V.O.

A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)

The relevance of the research topic is due to the fact that today the secondary vocational education system faces the most serious and important task – to ensure the technological leadership of our coun-

try. The personnel of the vocational education system play a central role in the development of the state's economy. But in order to obtain qualified employees who are able to solve modern problems and adapt to rapidly changing labor market conditions, competent and motivated teachers are required first of all. The article is devoted to the study of factors influencing the motivation level of teachers of vocational education institutions. The key aspects of a teacher's professional activity are considered. The psychological and social factors contributing to an increase in job satisfaction and the effectiveness of the pedagogical process are analyzed. The results of an empirical study conducted among teachers from various regions of Russia are presented, revealing the most significant incentives and barriers that determine the motivation of teaching staff. The article also offers recommendations on optimizing working conditions and creating a favorable environment for improving the quality of the educational process in vocational education institutions. The obtained research results can be used by educational organizations in the framework of creating a comfortable working environment and improving working conditions and motivation.

Keywords: motivation, secondary vocational education, teacher, motivation factors, education, students.

References

1. Vedomosti. The number of practical teachers in colleges has decreased by a quarter in six years. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/09/17/1062573-chislo-pedagogov-praktikov-v-rossiiskih-kolledzhah-sokratilos> (accessed 06/05/2025).
2. Vesnin V.R. (2019). Human resource management: textbook, 2nd ed. Moscow: Prospekt, 704 p.
3. Herzberg F. (2007). Motivation to work. Moscow: Vershina. 240 pages.
4. Kandybovich S.L. (2019). Labor motivation of university teachers and vocational education institutions in the context of the managerialism of the educational system // Psychology of the XXI century: challenges, searches, development vectors: Collection of materials of the All-Russian Symposium of Psychologists, Ryazan, April 05, 2019. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Pp. 798–808.
5. Ministry of Education of the Russian Federation. Statistics. Secondary vocational education for 2022–2024. – URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/secondary_prof_edu (accessed 06/02/2025).
6. Romanova O.A. (2023). Value-semantic orientations of teachers of humanities disciplines in vocational education organizations // Domestic and foreign pedagogy. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-smyslovye-orientatsii-prepodavateley-gumanitarnykh-disttsiplin-v-organizatsiyah-spo> (date of application: 06.06.2025).
7. Federal project «Professionalism». – URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education/ (accessed on 12/19/2025).
8. Khromovskikh A.V. (2024). Professional responsibility of a vocational education teacher // Bulletin of Science, № 9 (78). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-otvetstvennost-prepodavatelya-spo> (date of reference: 06.06.2025).
9. Shvetsova N.K., Shvetsov A.V. (2022). The SPO system as an element of regional economic development // Bulletin of the Mari State University. The series «Agricultural sciences. Economic Sciences». № 2 (30). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-spo-kak-element-regionalnogo-ekonomicheskogo-razvitiya> (date of request: 06.06.2025).

Концепции «общества потребления» в современной социальной теории

Нагайник Андрей Александрович,

аспирант, специалист Центра социологических исследований, Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: Andrewnagaynik99@yandex.ru

В статье анализируется эволюция теоретических подходов к концептуализации общества потребления в социологии и смежных дисциплинах. Автор рассматривает генезис концепции в критической теории середины XX века, ее развитие в работах Ж. Бодрийяра и З. Баумана, а также современные трансформации теоретического дискурса. Особое внимание уделяется критическому анализу ограничений макросоциологических моделей общества потребления: тенденции к тотализации, игнорированию культурного и исторического разнообразия, недооценке агентности потребителей. Показано, что поворот к теории практик в социальных науках открывает новые возможности для анализа потребления, позволяя преодолеть дуализмы структуры и действия, производства и потребления. Обосновывается необходимость интеграции макро- и микросоциологических перспектив для адекватного понимания современных форм потребления.

Ключевые слова: общество потребления, потребительские практики, социология потребления, теория практик, консьюмеризм, материальная культура.

Потребление как объект социологического анализа прошло длительный путь концептуализации – от маргинальной темы, рассматриваемой преимущественно в экономической перспективе, до центрального элемента понимания современных обществ. Во второй половине XX века оформилась влиятельная теоретическая конструкция – концепция «общества потребления», претендующая на описание качественно нового типа социальной организации, где потребление становится доминирующей формой социальной активности и источником идентичности.

Однако к началу XXI века накопились серьезные сомнения в эвристической ценности этой концепции. Критики указывают на ее чрезмерную обобщенность, нормативную нагруженность, недостаточное внимание к разнообразию практик и контекстов потребления. Одновременно в социальных науках произошел «поворот к практикам», предложивший альтернативную оптику анализа: вместо макросоциологических моделей «общества» – фокус на конкретных, укорененных в материальности и компетенциях практиках.

Цель статьи – критически проанализировать эволюцию концепций общества потребления, эксплицировать их методологические ограничения и обозначить перспективы теоретического развития социологии потребления в контексте современных дискуссий.

Концептуализация общества потребления как особого типа социальной организации началась в 1950–1960-е годы на фоне послевоенного экономического роста в западных странах. Ранние формулировки связаны с критической теорией и левой интеллектуальной традицией, рассматривавшей массовое потребление как механизм социального контроля и идеологической интеграции.

Дж. Гэлбрейт в работе «Общество изобилия» (1958) одним из первых зафиксировал качественный сдвиг: в развитых капиталистических обществах производство перестало определяться естественными потребностями и начало само создавать спрос через рекламу и маркетинг [1, с. 45–52]. Эффект зависимости описывает ситуацию, когда желания потребителей не предшествуют производству, а формируются им. Это ставит под вопрос классическую экономическую модель суверенного потребителя, рационально максимизирующего полезность.

Г. Маркузе в «Одномерном человеке» (1964) радикализировал эту критику, представив потребительское общество как тоталитарную систему, про-

изводящую «ложные потребности» и интегрирующую потенциальную оппозицию через механизмы «репрессивной десублимации» [2, с. 4–12]. По Маркузе, массовое потребление создает одномерное сознание, неспособное к критической рефлексии и трансцендированию существующего порядка. Индивид идентифицирует себя с вещами, которые потребляет, и утрачивает способность к автономии.

Эти ранние концептуализации задали критический тон дискурса об обществе потребления: потребление рассматривается не как нейтральная сфера удовлетворения потребностей, а как механизм господства, манипуляции и отчуждения. Однако аналитический инструментарий оставался относительно простым – прямая критика капитализма через призму марксистской традиции, с акцентом на идеологические механизмы воспроизводства системы.

Качественный скачок в теоретизации общества потребления связан с работами французского социолога Ж. Бодрийяра. В «Системе вещей» (1968) и особенно в «Обществе потребления» (1970) Бодрийяр предложил радикально иную интерпретацию, опирающуюся на структуралистскую семиологию [3, с. 163–168]. Центральный тезис: в современном обществе потребляются не столько вещи в их материальности и функциональности, сколько знаки. Вещи образуют систему значений, код, через который индивиды коммуницируют и конструируют идентичности.

Потребление, по Бодрийяру, – это прежде всего потребление различий [3, с. 60–64]. Люди потребляют не объекты сами по себе, а их знаковую стоимость, их способность дифференцировать потребителя от других. Мерседес потребляется не как средство передвижения, а как знак статуса, престижа, принадлежности к определенной социальной группе. Вся система потребления становится языком, кодом социальной коммуникации.

Более того, Бодрийяр утверждает, что в обществе потребления реальность замещается симулякрами – копиями без оригинала. Потребление образов, медийных конструктов, брендированных жизненных стилей создает гиперреальность, где различие между реальным и воображаемым стирается [4, с. 145–154]. Это радикально постмодернистская позиция, фиксирующая утрату референта, растворение материальности в знаковости.

Если Бодрийяр анализировал общество потребления в структуралистской парадигме, акцентируя системность и код, то Зигмунт Бауман разрабатывал концепцию в рамках своей теории текущей современности. В работе «Потребляя жизнь» (2007) Бауман предложил интерпретацию потребительского общества через призму трансформации модерна от «твердого» к «текущему» состоянию [5, с. 1–15].

В текущем обществе потребления индивиды становятся одновременно потребителями и това-

рами на рынке. Они вынуждены постоянно работать над собственной «рыночной стоимостью», конструируя себя как желанный продукт для других [5, с. 55–58]. Идентичность утрачивает стабильность и превращается в проект, требующий непрерывного обновления через потребление. Покупка новых товаров, освоение новых практик, смена имиджей – все это механизмы поддержания конкурентоспособности на рынке идентичностей.

Бауман подчеркивает временную логику потребительского общества: важно не столько обладание, сколько сам акт потребления, дающий мимолетное удовлетворение [5, с. 31–34]. Товары устаревают не функционально, а символически – они перестают быть модными, актуальными, релевантными. Это создает синдром нетерпения и культуру одноразовости, распространяющуюся не только на вещи, но и на отношения, карьеры, привязанности.

Критический пафос Баумана направлен против прекаризации существования в потребительском обществе. Индивиды испытывают постоянную тревогу «отстать», оказаться исключенными, не соответствовать стандартам успешности [5, с. 96–103]. Социальная солидарность разрушается, поскольку каждый конкурирует с каждым на рынке символических товаров. Консьюмеризм становится идеологией, колонизирующей все сферы жизни.

При всей влиятельности концепций Бодрийяра, Баумана и других теоретиков общества потребления, к началу XXI века накопилась серьезная критика их теоретических оснований и эвристических ограничений.

Первая группа критических замечаний касается тенденции к тотализации. Концепция общества потребления представляет потребление как всеобъемлющую логику, определяющую все аспекты социальной жизни. Д. Слэйтер отмечает, что такой подход игнорирует многообразие практик, контекстов и смыслов потребления [6, с. 24–27]. Потребление редуцируется к одной функции – символической коммуникации и конструированию идентичности через знаки, тогда как эмпирические исследования демонстрируют множественность мотиваций, от утилитарных до гедонистических, от этических до практических.

Более того, концепция общества потребления часто постулирует гомогенность потребительского опыта, распространяя западную, преимущественно американскую модель на все общества [7, с. 231–235]. Это проявление теоретического империализма, игнорирующего культурные, исторические и институциональные различия. То, что описывается как универсальная логика консьюмеризма, на деле оказывается специфическим феноменом определенных обществ в определенный период.

Вторая линия критики фокусируется на игнорировании агентности потребителей. Теории Бо-

Бодрийяра и Баумана представляют индивидов как пассивных реципиентов манипуляций, марионеток символических систем и рыночных императивов. Д. Миллер в работе «Теория шопинга» (1998) показывает, что даже рутинные практики покупок наполнены смыслами заботы, любви, социальных обязательств [8, с. 18–22]. Потребители не просто дешифруют знаки, навязанные рекламой, но активно присваивают товары, встраивают их в контексты повседневной жизни, наделяют собственными значениями.

Этнографические исследования потребления демонстрируют креативность, тактичность и сопротивление потребителей. М. Серто в «Изобретении повседневности» вводит различие между стратегиями (действиями власти) и тактиками (действиями подчиненных), показывая, что потребители не просто воспроизводят навязанные практики, но изобретательно их используют, извращают, переозначивают [9, с. 29–39]. Концепция общества потребления, с ее акцентом на тотальном господстве кода, не видит этого пространства агентности.

Третья критическая линия касается нормативной нагруженности концепта. Общество потребления описывается через модальности утраты, деградации, отчуждения – всегда в сравнении с неким подразумеваемым «подлинным» состоянием [6, с. 32–35]. Это воспроизводит романтическую оппозицию аутентичности и искусственности, часто окрашенную элитистским пренебрежением к массовой культуре. Алан Уорд отмечает, что такая критическая позиция мешает увидеть обыденность (*ordinariness*) потребления, его рутинизированность, встроенность в практики заботы о себе и других [10, с. 301–306].

Наконец, важная проблема – эмпирическая неподтверждаемость многих ключевых тезисов. Утверждение о господстве симулякров, о тотальной манипуляции, о растворении идентичности в потребительских знаках – все это скорее философские обобщения, нежели эмпирически верифицируемые гипотезы [11, с. 102–108]. Попытки операционализировать концепцию общества потребления для эмпирических исследований сталкиваются с ее расплывчатостью и метафоричностью.

На фоне критики макросоциологических теорий общества потребления в социальных науках произошел «поворот к практикам», предложивший радикально иную аналитическую перспективу. Теория практик, развивавшаяся в работах П. Бурдьё, Э. Гидденса, Т. Шацкого, переносит фокус с абстрактных структур и систем на конкретные, материально укорененные, рутинизированные формы социального действия [12, с. 243–263].

Практика определяется как «рутинизированный тип поведения, состоящий из нескольких взаимосвязанных элементов: телесных и ментальных

активностей, вещей и их использования, фонового знания в форме понимания, ноу-хау, состояний эмоций и мотивационного знания» [13, с. 249]. Применительно к потреблению это означает, что вместо анализа «общества потребления» как целого, исследователи фокусируются на конкретных практиках – приготовления пищи, стирки, мобильности, досуга – и анализируют, как эти практики организованы, воспроизводятся и трансформируются.

Элизабет Шоув, Мика Пантцар и Мэтт Уотсон в работе «Динамика социальных практик» (2012) предлагают трехкомпонентную модель практики: материалы, компетенции и значения [14, с. 14–23]. Практика существует как связь этих элементов. Например, практика кофепития включает материалы (кофемашина, зерна, чашки), компетенции (умение готовить эспрессо, различать сорта) и значения (кофе как ритуал пробуждения, социальности, удовольствия). Изменение любого элемента влияет на практику в целом.

Этот подход радикально смещает перспективу анализа потребления. Вместо вопроса «что означает потребление товара X?» задается вопрос «частью каких практик является товар X?» [15, с. 132–137]. Автомобиль анализируется не как символ статуса (хотя это не отрицается), а как элемент практик мобильности, включающих инфраструктуру, навыки вождения, нормы использования пространства, темпоральные режимы. Смартфон – не просто знак современности, но узел пересечения множества практик коммуникации, информационного поиска, развлечения, самопрезентации.

Теория практик преодолевает несколько дуализмов, проблематичных для классических теорий потребления. Во-первых, дуализм структуры и агентности: практики одновременно структурированы (существуют до индивида, задают нормы) и структурирующи (воспроизводятся через действия агентов и могут трансформироваться) [16, с. 25–27]. Индивид не автономный выборщик, а носитель практик.

Во-вторых, преодолевается дуализм производства и потребления. Практики потребления одновременно являются практиками производства – смыслов, идентичностей, социальных отношений [14, с. 56–61]. Готовка дома – это не просто потребление продуктов, но производство еды, семейных ритуалов, компетенций. Граница между производителем и потребителем размывается.

В-третьих, теория практик восстанавливает материальность потребления, игнорировавшуюся в семиотических подходах Бодрийяра. Вещи – не просто носители знаков, но активные элементы практик, обладающие материальными свойствами, аффордансами, сопротивлением [17, с. 10–15]. Тяжесть сумок влияет на практику шопинга, планировка кухни – на практику готовки,

интерфейс приложения – на практику заказа еды. Материальность имеет значение.

Поворот к практикам имеет существенные методологические импликации для эмпирических исследований потребления. Если концепция общества потребления предполагает макросоциологический анализ, часто спекулятивный и философский, то теория практик требует детального эмпирического изучения конкретных практик в их повседневной реализации.

Методологически это означает приоритет качественных методов: этнографии, включенного наблюдения, глубинных интервью, видеофиксации [18, с. 45–51]. Исследователь должен реконструировать, как практика осуществляется: какие материалы используются, какие навыки требуются, какие значения с ней связаны, как она встроена в последовательность других практик. Алан Уорд в исследовании практик питания показывает, что понимание того, что и как едят люди, требует анализа множества факторов – от организации кухонного пространства до темпоральных режимов работы и семейной жизни [19, с. 138–145].

Важно, что теория практик не предполагает нормативного осуждения потребления. Если общество потребления описывается как деградация, отчуждение, манипуляция, то анализ практик нейтрален: он исследует, как практики организованы, почему они устойчивы, как изменяются [14, с. 24–28]. Это не означает отказа от критики, но критика становится имманентной – через выявление экологических последствий практик, неравенства в доступе к ресурсам, механизмов исключения.

Теория практик также открывает новые возможности для анализа социальных изменений. Вместо вопроса о трансформации «общества потребления» ставится вопрос о динамике конкретных практик: как они рекрутируют новых носителей, как конкурируют за время и ресурсы индивидов, как элементы практик (материалы, компетенции, значения) распространяются и трансформируются [14, с. 88–96]. Это позволяет анализировать, например, почему одни экологические инновации приживаются, а другие нет – через призму их встраивания в существующие практики или создания новых.

Было бы упрощением представлять теорию практик и концепцию общества потребления как несовместимые парадигмы, между которыми необходимо выбирать. Более продуктивна интеграция различных уровней анализа: макросоциологического (институты, дискурсы, идеологии) и микросоциологического (практики, взаимодействия, материальности).

Концепция общества потребления фиксирует важные макропроцессы: коммодификацию все большего числа сфер жизни, рост значимости потребления для конструирования идентичностей, развитие инфраструктур и институтов, ориентиру-

ванных на стимулирование потребления [20, с. 72–78]. Эти процессы создают контекст, в котором разворачиваются конкретные практики. Игнорировать макроуровень означало бы утратить видение системных тенденций, властных отношений, идеологических механизмов.

Однако макроанализ должен дополняться микроанализом практик, показывающим, как абстрактные тенденции реализуются (или не реализуются) в конкретных действиях, как индивиды и группы адаптируют, сопротивляются, изобретают альтернативы [21, с. 234–241]. Простое утверждение о господстве консьюмеризма ничего не говорит о том, как конкретные люди в конкретных обстоятельствах организуют свое потребление, какие практики они выбирают, от каких отказываются, как договариваются о нормах.

Перспективным представляется подход, интегрирующий анализ институтов, дискурсов и практик. Институты создают возможности и ограничения для практик. Дискурсы легитимируют одни практики и делегитимируют другие. Практики, в свою очередь, могут воспроизводить институты и дискурсы, но также подрывать их, создавая пространство для инноваций и сопротивления [22, с. 156–163].

Особенно актуальна интеграция различных подходов в контексте современных вызовов – экологического кризиса, цифровизации, растущего неравенства. Переход к устойчивому потреблению требует понимания и макропроцессов (политика, регулирование, инфраструктуры), и микропрактик (как люди реально потребляют, какие барьеры для изменений существуют). Цифровизация трансформирует и институциональный ландшафт потребления (платформы, алгоритмы), и конкретные практики (онлайн-шопинг, стриминг, социальные сети как пространство потребления) [23, с. 88–95]. Неравенство проявляется и в дифференциации доступа к ресурсам, и в различии практик между социальными группами.

Анализ эволюции концепций общества потребления демонстрирует траекторию от критических макросоциологических теорий середины XX века к более нюансированным, эмпирически фундированным подходам начала XXI века. Классические теории Бодрийяра и Баумана зафиксировали важные трансформации: символизацию потребления, его роль в конструировании идентичностей, развитие консьюмеризма как идеологии. Однако их теоретические ограничения – тенденция к тотализации, игнорирование культурного разнообразия и агентности, нормативная нагруженность – ограничивают их эвристический потенциал.

Поворот к теории практик открыл альтернативную исследовательскую перспективу, смещающую фокус с абстрактных систем на конкретные, материально укорененные практики. Этот подход преодолевает дуализмы структуры и агентности,

производства и потребления, возвращает внимание к материальности и телесности, требует детального эмпирического анализа. Теория практик не отменяет критический потенциал социологии потребления, но делает критику имманентной и эмпирически обоснованной.

Перспективным представляется не противопоставление, а интеграция различных уровней анализа. Макросоциологический анализ институтов, дискурсов и идеологий потребления должен дополняться микросоциологическим изучением практик, показывающим, как общие тенденции реализуются в конкретных контекстах, как агенты адаптируются, сопротивляются, изобретают альтернативы. Такая многоуровневая оптика необходима для понимания современного потребления во всей его сложности и противоречивости, для выработки теоретически обоснованных и практически эффективных ответов на вызовы устойчивости, неравенства и социальной справедливости.

Литература

1. Гэлбрейт, Дж.К. Общество изобилия / Дж.К. Гэлбрейт; пер. с англ. под общ. ред. Н.Н. Иноземцева, А.Г. Милейковского. – М.: Олимп-Бизнес, 2018. – 404 с.
2. Marcuse, H. *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society* / H. Marcuse. – Boston: Beacon Press, 1964. – 260 p.
3. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
4. Baudrillard, J. *Simulacra and Simulation* / J. Baudrillard; transl. by S.F. Glaser. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. – 164 p.
5. Bauman, Z. *Consuming Life* / Z. Bauman. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 160 p.
6. Slater, D. *Consumer Culture and Modernity* / D. Slater. – Cambridge: Polity Press, 1997. – 230 p.
7. Miller, D. *Consumption and its Consequences* / D. Miller // *Consumption and its Consequences* / ed. by H. Mackay. – Cambridge: Polity Press, 1997. – P. 13–50.
8. Miller, D. *A Theory of Shopping* / D. Miller. – Cambridge: Polity Press, 1998. – 185 p.
9. Certeau, M. de. *The Practice of Everyday Life* / M. de Certeau; transl. by S. Rendall. – Berkeley: University of California Press, 1984. – 229 p.
10. Warde, A. *Consumption and Theories of Practice* / A. Warde // *Journal of Consumer Culture*. – 2005. – Vol. 5, № 2. – P. 131–153.
11. Arnould, E.J. *Consumer Culture Theory (CCT): Twenty Years of Research* / E.J. Arnould, C.J. Thompson // *Journal of Consumer Research*. – 2005. – Vol. 31, № 4. – P. 868–882.
12. Schatzki, T.R. *The Site of the Social: A Philosophical Account of the Constitution of Social Life and Change* / T.R. Schatzki. – University Park: Pennsylvania State University Press, 2002. – 289 p.
13. Reckwitz, A. *Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing* / A. Reckwitz // *European Journal of Social Theory*. – 2002. – Vol. 5, № 2. – P. 243–263.
14. Shove, E. *The Dynamics of Social Practice: Everyday Life and How it Changes* / E. Shove, M. Pantzar, M. Watson. – London: SAGE Publications, 2012. – 175 p.
15. Warde, A. *Theories of Practice as an Approach to Consumption* / A. Warde // *Analogien. Straßburg. Juni*. – 2013. – P. 1–14.
16. Giddens, A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration* / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 1984. – 402 p.
17. Latour, B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory* / B. Latour. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 301 p.
18. Pink, S. *Doing Sensory Ethnography* / S. Pink. – London: SAGE Publications, 2009. – 195 p.
19. Warde, A. *Consumption, Food and Taste: Culinary Antinomies and Commodity Culture* / A. Warde. – London: SAGE Publications, 1997. – 230 p.
20. Sassatelli, R. *Consumer Culture: History, Theory and Politics* / R. Sassatelli. – London: SAGE Publications, 2007. – 224 p.
21. Hand, M. *Practices, Social Theories and Sustainable Consumption* / M. Hand, E. Shove // *Local Environment*. – 2007. – Vol. 12, № 3. – P. 211–223.
22. Spaargaren, G. *Lifestyle, Consumption and the Environment: The Ecological Modernization of Domestic Consumption* / G. Spaargaren // *Environmental Politics*. – 2003. – Vol. 12, № 1. – P. 50–76.
23. Lupton, D. *Digital Sociology* / D. Lupton. – London: Routledge, 2015. – 208 p.

CONCEPTS OF «CONSUMER SOCIETY» IN MODERN SOCIAL THEORY

Nagaynik A.A.

Donetsk Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the evolution of theoretical approaches to the conceptualization of consumer society in sociology and related disciplines. The author examines the genesis of the concept in the critical theory of the mid-20th century, its development in the works of Jean Baudrillard and Zygmunt Bauman, and the current transformations of theoretical discourse. Special attention is paid to the critical analysis of the limitations of macro-sociological models of consumer society, such as the tendency towards totalization, the disregard of cultural and historical diversity, and the underestimation of consumer agency. It is shown that the turn to the theory of practices in the social sciences opens up new possibilities for the analysis of consumption, allowing to overcome the dualisms of structure and action, production and consumption. The necessity of integrating macro- and micro-sociological perspectives for an adequate understanding of contemporary forms of consumption is substantiated.

Keywords: consumer society, consumer practices, consumer sociology, theory of practices, consumerism, and material culture.

References

- Galbraith, J.K. *The Affluent Society* / J.K. Galbraith; translated from English under the general editorship of N.N. Inozemtsev, A.G. Mileikovsky. – Moscow: Olimp-Business, 2018. – 404 p.
- Marcuse, H. *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society* / H. Marcuse. – Boston: Beacon Press, 1964. – 260 p.
- Baudrillard, J. *Consumer Society. Its Myths and Structures* / J. Baudrillard; translated from French by E.A. Samarskaya. – Moscow: Respublika; Cultural Revolution, 2006. – 269 p.
- Baudrillard, J. *Simulacra and Simulation* / J. Baudrillard; transl. by S.F. Glaser. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. – 164 p.
- Bauman, Z. *Consuming Life* / Z. Bauman. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 160 p.
- Slater, D. *Consumer Culture and Modernity* / D. Slater. – Cambridge: Polity Press, 1997. – 230 p.
- Miller, D. *Consumption and its Consequences* / D. Miller // *Consumption and its Consequences* / ed. by H. Mackay. – Cambridge: Polity Press, 1997. – P. 13–50.
- Miller, D. *A Theory of Shopping* / D. Miller. – Cambridge: Polity Press, 1998. – 185 p.
- Certeau, M. de. *The Practice of Everyday Life* / M. de Certeau; transl. by S. Rendall. – Berkeley: University of California Press, 1984. – 229 p.
- Warde, A. *Consumption and Theories of Practice* / A. Warde // *Journal of Consumer Culture*. – 2005. – Vol. 5, № 2. – P. 131–153.
- Arnould, E.J. *Consumer Culture Theory (CCT): Twenty Years of Research* / E.J. Arnould, C.J. Thompson // *Journal of Consumer Research*. – 2005. – Vol. 31, № 4. – P. 868–882.
- Schatzki, T.R. *The Site of the Social: A Philosophical Account of the Constitution of Social Life and Change* / T.R. Schatzki. – University Park: Pennsylvania State University Press, 2002. – 289 p.
- Reckwitz, A. *Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing* / A. Reckwitz // *European Journal of Social Theory*. – 2002. – Vol. 5, № 2. – P. 243–263.
- Shove, E. *The Dynamics of Social Practice: Everyday Life and How it Changes* / E. Shove, M. Pantzar, M. Watson. – London: SAGE Publications, 2012. – 175 p.
- Warde, A. *Theories of Practice as an Approach to Consumption* / A. Warde // *Analogien. Straßburg. Juni*. – 2013. – P. 1–14.
- Giddens, A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structure* / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 1984. – 402 p.
- Latour, B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory* / B. Latour. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 301 p.
- Pink, S. *Doing Sensory Ethnography* / S. Pink. – London: SAGE Publications, 2009. – 195 p.
- Warde, A. *Consumption, Food and Taste: Culinary Antinomies and Commodity Culture* / A. Warde. – London: SAGE Publications, 1997. – 230 p.
- Sassatelli, R. *Consumer Culture: History, Theory and Politics* / R. Sassatelli. – London: SAGE Publications, 2007. – 224 p.
- Hand, M. *Practices, Social Theories and Sustainable Consumption* / M. Hand, E. Shove // *Local Environment*. – 2007. – Vol. 12, № 3. – P. 211–223.
- Spaargaren, G. *Lifestyle, Consumption and the Environment: The Ecological Modernization of Domestic Consumption* / G. Spaargaren // *Environmental Politics*. – 2003. – Vol. 12, № 1. – P. 50–76.
- Lupton, D. *Digital Sociology* / D. Lupton. – London: Routledge, 2015. – 208 p.

Российские университеты как платформы управления научной деятельностью

Пивоварова Марина Борисовна,

аспирант кафедры социологии управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: mp1995@mail.ru

В статье рассматриваются российские университеты как платформы управления научной деятельностью в условиях трансформации национальной научно-образовательной системы. Целью статьи является анализ российских университетов как платформ управления научной деятельностью и предложение концептуальной модели платформенного управления, учитывающего как нормативно-правовые рамки, так и организационные практики и социологические особенности академического поля. Контент-анализ стратегических документов, в частности анализ федерального закона № 127-ФЗ, национальных проектов и программ развития университетов позволил выявить нормативные рамки предлагаемой платформенной модели. С помощью теоретического синтеза таких подходов, как платформенный, социологический и неоинституциональный, университет трактуется как ключевая организация, объединяющая научные коллективы, инфраструктуру, цифровые сервисы, государственные и корпоративные вызовы. Используя метод концептуального моделирования, предложена модель университета-платформы, для управления научной деятельностью, которая включает подуровни и контуры взаимодействия с исследователями и внешними стейкхолдерами. Успешное функционирование такой модели требует балансировки между устоявшимися бюрократическими нормами и сетевым типами управления, развития цифровых инструментов и механизмов обратной связи с научным сообществом.

Ключевые слова: российские университеты, научная деятельность, платформенный подход, управление наукой, университет как платформа.

Введение

За последние десятилетия в российской науке произошло немало важных институциональных изменений, связанных с реализацией традиционных познавательной, культурно-мировоззренческой, производственной и социальной функций. После распада СССР научная деятельность оказалась уничтоженной. Принятый после возрождения науки в конце XX века Федеральный закон № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [1] закрепил особую роль организаций высшего образования:

- статус образовательных организаций высшего образования как субъектов научной деятельности;
- полномочия органов государственной власти в области научной политики;
- механизмы поддержки научных организаций и исследовательских коллективов.

Отвечая на вызовы современности, государственные программы и национальные проекты нового поколения закрепляют модель университета «как платформы науки и образования» [2], подчеркивая возрастающую роль университетов в формировании научных и образовательных повесток федерального и регионального уровня, а также ориентацию на решение крупных задач, в том числе возрождение научных школ и формирование новых исследовательских экосистем в соответствии с исследовательским интересом и потребностями общества. В связи с чем университет перестает быть местом только по производству и трансляции знаний, он превращается в платформу по генерации ответов на «большие вызовы» современности и цифровой экономики. Также в стратегических документах развития университетов вводится конструкция «университет как платформа науки и образования».

Вместе с этим практика управления университетской научной деятельностью сохраняет высокую степень неоднородности и институциональную инерцию, что проявляется в сохранении элементов классической бюрократии с пережитками административной модели управления, высокой фрагментированностью научных структур, усложнением показателей KPI.

Специфика модели управления научной деятельностью в российских университетах-платформах

Согласно социологическому подходу, университет может быть описан как социальный институт, основанный на формализованных правилах, иерархии и рационально-легальном типе господства. С точки зрения теории рациональной бюрократии М. Вебера [3], управление университетом основывается на жесткой регламентации научной деятельности через локальные нормативные акты, стандартизированные процедуры планирования и отчетности. П. Бурдьё предлагал рассматривать научное пространство как поле, в котором определенные акторы [4], к числу которых относятся исследователи, кафедры, факультеты, борются за различные виды капитала – научный, символический, институциональный. Следуя логике автора, университетская администрация выступает одновременно арбитром и участником этой борьбы, с одной стороны, задавая правила игры, с другой – распределяя ресурсы – гранты, преподавательские и исследовательские ставки, лаборатории, оборудование и т.д.

В настоящее время, с точки зрения неоинституционального подхода (авторов П. ДиМаджио, В. Пауэлл и др. [5]), становится возможным трактовать схожесть управленческих практик в университетах через процессы институциональной изоморфии:

- нормативной – давление профессиональных сообществ,
- подражательной – заимствование «успешных» моделей,
- принудительной – требования государства, бизнеса и регуляторов.

Введение рейтингов, единых показателей эффективности и участие вузов в программных конкурсах и грантах усиливают эти процессы и, таким образом, формируют общенациональную конфигурацию управления наукой.

Таким образом, теория М. Вебера в настоящее время находит свое отражение в локальных нормативных актах и должностных инструкциях как инструментов «рациональной бюрократии», регулирующих научную деятельность. Теория П. Бурдьё проявляется в изучении механизмов распределения символического и институционального, культурного и социального капитала, таких как грантов, должностей, доступа к оборудованию, взаимодействия и взаимного обогащения между участниками академического поля. Неоинституционализм операционализируется через выявление признаков институциональной изоморфии – того, как вузы копируют управленческие структуры друг друга под давлением государственных рейтингов и KPI.

Вместе с этим, платформенный подход, сформировавшийся в исследованиях цифровой эконо-

мики и бизнес-экосистем, позволяет рассматривать платформы как инфраструктуры, помогающие обеспечить социальное взаимодействие множества участников, с обменом опытом, ресурсами и информацией. Университет в логике платформенного подхода рассматривается как:

- институциональная платформа, с совокупностью правил, норм и организационных структур;
- инфраструктурная платформа, с комплексом лабораторий, научных центров, цифровых сервисов, библиотек, и многого другого;
- коммуникационная платформа, с каналами взаимодействия науки, образования, бизнеса, государства и общества.

В научном дискурсе выделяются две основные конфигурации университета как платформы:

- классическая модель (иерархо-кафедральная), в которой кафедра рассматривается как основная единица планирования и учета научной работы, факультет (институт) – координирующий и распределительный уровень, центральное управление научной деятельностью на уровне университета – уровень стратегического и административного контроля;
- проектно-платформенная модель, в которой происходит укрупнение научных единиц в научно-образовательные центры, развиваются платформенные структуры для внешних партнеров, используются цифровые платформы для планирования, мониторинга и оценки результатов исследований [6].

Переход от классической модели к платформенной происходит постепенно, без резких трансформаций, путем создания таких смешанных организационных форм, как например, лаборатории и семинары при кафедрах, университетские консорциумы, сетевые проекты. В настоящее время ряд российских университетов в своих программных документах уже формулируют модель развития как «университет – платформа», которая будет ориентирована на системное взаимодействие с государством, бизнес-экосистемами и обществом [7]. В рамках реализации федерального проекта «Новые возможности для каждого» интересным примером была трактовка системы дополнительного профессионального образования (ДПО) как специальной платформы, где университет выступает инфраструктурным и институциональным ядром развития человеческого капитала [8].

В отличие от линейных моделей, рассматриваемая модель платформенного университета предполагает наличие нескольких ключевых характеристик и контуров. В **цифровой контур** включена совокупность информационных систем и сервисов, которые обеспечивают: учет публикаций, проектов, патентов; мониторинг показателей научной деятельности; электронный документооборот и взаимодействие между участниками иссле-

довательских проектов. **Инфраструктурный контур** включает сеть лабораторий, инжиниринговых и технологических центров, доступных для внутреннего и внешнего пользования на основе определенных правил. **Кадровый контур** определяет системы развития, оценки и контроля научных кадров, поддержка и наставничество аспирантов и молодых исследователей, программы академической мобильности. **Партнерский контур** определяет механизмы взаимодействия с партнерами, научными организациями, органами власти и гражданским обществом, к числу которых относятся консорциумы, сетевые проекты, договорные исследования. Предложенные контуры находятся в постоянном взаимодействии и в некоторой степени зависимы друг от друга.

Функционирование университета-платформы определяется комбинацией различных управленческих механизмов, таких как: нормативно-регламентирующие (локальные акты, регламенты, положения о научной деятельности и структурных подразделениях); экономические (внутренние грантовые конкурсы, стимулирующие выплаты, распределение базового финансирования с учетом результатов); сетевые и коммуникационные (стратегические сессии, научные советы, открытые конкурсы идей, механизмы обратной связи с научным сообществом); цифровые (дешборды, рейтинги, аналитика данных о научной деятельности) [9]. Ключевой задачей использования данных управленческих механизмов становится не только повышение количественных показателей, таких как публикации, цитируемость, объем грантов и т.д., но в первую очередь поддержка долгосрочного развития научных школ, сохранение академической свободы и стимулирование междисциплинарных исследований.

На основе ключевых контуров и управленческих механизмов можно выделить концептуальную модель управления научной деятельностью в «университете-платформе», включающую несколько уровней. На стратегическом уровне происходит формирование научной политики университета и приоритетных направлений исследований; согласованность научной деятельности с программами развития университета и региональными стратегиями; институционализация научных школ и исследовательских центров. На тактическом (программно-проектном) уровне осуществляется управление портфелем научных проектов и программ; координация деятельности лабораторий, центров коллективного пользования, междисциплинарных команд исследователей; развитие платформенных сервисов, в числе которых грантовая поддержка, консалтинг и проектный офис. На операционном уровне обеспечивается планирование и учет научной работы на уровне кафедр и научных коллективов; сопровождение и документооборот исследовательских проектов-

договоры, закупки, отчетность; поддержка исследователей путем навигации по грантовым конкурсам, оформления заявок, работа с РИД и т.д.

Одним из самых важных уровней можно считать операционный уровень, так как именно на нем происходит восполнение научных кадров и работа с молодежью. Модель университет-платформа включает также и механизмы преодоления разрыва между интересом молодежи к науке и реальными карьерными траекториями, что является необходимым условием для преодоления существующих противоречий.

Платформенная модель университета как концептуального центра управления научной деятельностью разворачивается в определенном контексте общественных ожиданий. Для выявления подобных общественных ожиданий и карьерных стратегий молодежи был использован анализ вторичных эмпирических данных, таких как социологических опросов ВЦИОМ, НИУ ВШЭ и ФОМ за период 2018–2025 гг.

По данным общероссийских опросов за последние годы фиксируется высокий общественный интерес к науке, но также и одновременно противоречивые установки молодежи в отношении научной карьеры. По данным ВЦИОМ [10], за последние годы в российском обществе устойчиво растёт интерес к науке и технологиям. Около 80% респондентов отметили, что хотя бы изредка или время от времени смотрят материалы о научных открытиях и развитии научной мысли. Вместе с этим, около 86% опрошенных согласны с тем, что наука является важнейшим условием для процветания страны: «развитая, современная наука – залог благополучия и процветания страны в современном мире» [11].

Отдельные исследования ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты» [12] зафиксировали высокий уровень доверия к учёным и, в целом, позитивный образ научной профессии в российской общественной среде. В 2025 г. доля россиян, доверяющих мнению современных российских учёных, составила 77%, при этом около 78% респондентов отметили особое чувство гордости за отечественных учёных и их открытия. Более половины респондентов отметили рост престижности и значимости статуса ученого в обществе.

Особое значение имеют исследования о молодежи и студенчестве. На IV Конгрессе молодых учёных в 2024 году [13] около 82% респондентов, в число которых вошли школьники, студенты и молодые учёные, проявляют любознательность и активный интерес к новостям из мира науки. Этот показатель увеличивается с каждым годом. Уровень доверия к российским учёным среди студенческой молодёжи достаточно высок, что отметили 86% респондентов из числа молодежи. Вместе с этим, со стороны родителей также растёт заинтересованность в научном трудоустройстве своих

детей – около двух третей респондентов отметили такое желание. Ожидания родителей можно считать оправданными – около 36% опрошенных молодых людей связывают свои профессиональные ожидания с научной карьерой, из них 92% опрошенных студентов, планируют реализовывать её в России, исключая научную миграцию.

В исследованиях [14] конца 2010-х годов, посвященных исследованию инновационного поведения населения, отмечалось, что 58% студентов очной формы обучения нацелены на работу в коммерческом секторе, и только 10% респондентов назвали научную карьеру перспективной и интересной для себя. В более поздних исследованиях [15] 2020–2021-х годов возрос уровень доверия к университетам – около 53% респондентов отметили высокий уровень доверия.

Исследования Фонда «Общественное мнение» позволяют дополнить картину, коррелируя оценки науки и высшего образования в общественном сознании. В исследовании «Наука и учёные» 2023 года [16] около половины опрошенных оценивало уровень развития современной российской науки как средний, около трети – как достаточно высокий, и лишь только десятая часть респондентов – как низкий. При этом, порядка 47% опрошенных полагает, что государство достаточно вкладывает ресурсов в развитие отечественной науки, а в качестве приоритетных направлений финансирования 61% респондентов выделяют медицину, 44% респондентов – военные технологии и 30% респондентов точные науки. В другом исследовании ФОМ 2025 года [17] 47% опрошенных полагает, что молодые люди получают высшее образование ради хорошей работы и карьерных перспектив, тогда как ориентация «ради знаний» встречается только у 11% респондентов. 34% респондентов объясняют получение высшего образования «по инерции», как социально ожидаемая норма.

Данные исследований, с одной стороны, демонстрируют высокий интерес к науке в общественной среде, значительный уровень доверия к университетам и статусу научного сотрудника, а также прогрессивный рост привлекательности научной карьеры в студенческой среде. С другой стороны, стоит отметить сохранение инструментального восприятия высшего образования только как ресурса для успешного трудоустройства. Для университетов как платформ управления научной деятельностью возникает необходимость не только в развитии внутренней инфраструктуры и цифровых сервисов, но и в выстраивании долгосрочных программ по популяризации науки в обществе, ранней вовлечённости молодежи в реальные исследования и повышения престижности и статусности научной карьеры внутри университетской экосистемы.

Практики внедрения платформенной модели управления в российских университетах

Проведенный анализ высокорейтинговых российских университетов, активно внедряющих или фактически реализующих платформенную модель управления, демонстрирует, что данная модель не может быть унифицированной. Напротив, в реалиях российской университетской системы формируются несколько типов платформизации, различающихся и по институциональной логике, и по управленческим механизмам и источникам трансформации.

Программно-платформенная модель, в рамках которой университет выступает интегратором экосистем, развивается в рамках государственных программ развития и конкурсных механизмов, для которых характерны явная стратегическая артикуляция модели «университет как платформа», проектный тип управления и ориентация на интеграцию науки, образования и регионального развития в единую инфраструктуру.

К данной группе можно отнести: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Уральский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Дальневосточный федеральный университет, а также ряд других университетов – основных участников государственной программы «Приоритет-2030».

Общими чертами программно-платформенной модели являются:

- переход от кафедрально-иерархической структуры к системе научно-образовательных центров, создание проектных офисов;
- развитие открытой научной инфраструктуры, доступной внешним партнёрам;
- активное внедрение цифровых платформ управления научной деятельностью;
- институционализация партнёрских каналов взаимодействия с бизнесом, регионами и научными организациями.

Эволюционно-платформенная модель характерна для Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и представляет собой принципиально иной тип реализации платформенной логики управления. В отличие от программно-платформенных университетов, МГУ не декларирует модель «университет как платформа» в качестве своей целевой управленческой конструкции и не встроен в конкурсную логику программного развития университетов.

Платформенные функции МГУ формируются эволюционно и опираются на исторически сложившуюся институциональную особую архитектуру университета. Управление научной деятельностью осуществляется преимущественно через систему факультетов, научно-исследовательских институ-

тов и крупных научных подразделений, обладающих высокой степенью автономии и устойчивыми научными школами.

При этом МГУ объективно выполняет ряд ключевых платформенных функций:

- концентрирует уникальные научные установки и исследовательскую инфраструктуру федерального и международного значения;
- выступает узловым центром для междисциплинарных и межорганизационных научных проектов, включая взаимодействие с институтами РАН и государственными научными центрами;
- обеспечивает воспроизводство научных кадров высшей квалификации и формирование академических стандартов для всей университетской системы.

Таким образом, МГУ может быть охарактеризован как платформа-узел, аккумулирующий в себе ресурсы, научный капитал и символическое признание, но сохраняющий преимущественно классическую факультетско-институтскую модель управления.

Сравнение программно-платформенной и эволюционно-платформенной моделей позволяет выявить существующие различия в логике управления научной деятельностью в рамках одного подхода – в первом случае платформа является результатом целенаправленной управленческой трансформации, во втором – следствием исторически накопленного научного и институционального капитала. Проиллюстрированные кейсы позволяют избежать приведение платформенного подхода к единому управленческому шаблону и подчёркивают, что платформизация университетов в России носит многовекторный и дифференцированный характер.

Ограничения и вызовы развития университетов-платформ

Несмотря на преимущества платформенного подхода и успешного внедрения отдельных элементов платформенного управления в организации высшего образования, развитие российских университетов как платформ управления научной деятельностью сталкивается с рядом ограничений. В цифровом контуре платформенной модели существующие жесткие регуляторные требования и ориентация на KPI (индексы цитируемости, публикации в определенных журналах, преподавательская деятельность) приводят к росту административной нагрузки на исследователей, научные кадры и управленческие подразделения, что приводит к росту бюрократизации и перегрузке отчетностью, снижая пространство для содержательной научной работы. Вместе с этим, концентрация на количественных индикаторах может деформировать в целом научную повестку. Вытесняя долгосрочные фундаментальные и социально значимые исследования

на менее «публикуемые», но не менее важные темы, появляются шаблонные краткосрочные исследования, а «модные» темы.

Инфраструктурный контур платформенного подхода можно охарактеризовать фрагментарностью – научное оборудование и лаборатории слабо интегрированы в единую систему управления, что снижает эффективность использования ресурсов. Вместе с этим, остается проблемой неравного доступа финансирования ведущих университетов, имеющих доступ к большим и лучшим ресурсам, в то время как региональные вузы оказываются ограничены в ресурсах и вынуждены концентрироваться не на развитии, а на поддержании своих базовых функций.

Существующие ограничения возможно преодолеть, используя следующие управленческие механизмы, такие как: пересмотр системы KPI от количественных индикаторов (публикационная активность) к долгосрочной поддержке научных школ и междисциплинарных проектов с целью снижение бюрократической нагрузки; цифровизация управления с внедрением аналитических дашбордов для прозрачного мониторинга научной деятельности на всех уровнях управления в реальном времени; совершенствование механизмов обратной связи с созданием сетевых структур, таких как научных советов, открытых конкурсов идей, для обеспечения определенного уровня автономии научного сообщества и участия исследователей в самостоятельном принятии решений; функционирование единых центров коллективного пользования (в рамках инфраструктурного контура) для преодоления фрагментарности доступа к ресурсам.

Предложенная модель управления будет способствовать трансформации университетов из «**закрытых архивов**», с принципами классической бюрократии, где доступ к знаниям и ресурсам ограничен иерархией, в «**интеллектуальную платформу**», в рамках которой, университет не просто хранит накопленные знания и ресурсы, а создает удобные и гибкие сервисы («контуры») для того, чтобы ученые, бизнес и государство могли в короткое время находить необходимые ресурсы и источники и обмениваться актуальным «капиталом» для решения локальных задач и глобальных вызовов.

Заключение

Рассматривая российские университеты как платформы управления научной деятельностью, можно отметить, что нормативно-правовая и стратегическая рамка (к числу которых относится федеральный закон № 127, нацпроекты, программы развития университетов и т.д.) создает определенные условия для перехода к платформенной модели, в которой университеты будут выступать институ-

циональными и инфраструктурными ядрами научно-образовательных экосистем.

Вместе с этим, реальная практика управления научной деятельностью до сих пор демонстрирует сосуществование классической бюрократической и формирующейся проектно-платформенной моделей. Ведущие университеты активнее внедряют платформенные решения в силу наличия более обширных ресурсов, тогда как часть вузов остается в логике фрагментарного управления. Концептуальная модель университета-платформы управления научной деятельностью предполагает многослойное управление по уровням и развитие определенных ключевых контуров. Реализация подобной модели требует балансировки между требованиями государственной научной политики, интересами университетской администрации и автономией научного сообщества.

Наконец, переход к университету-платформе не может быть сведен к внедрению только отдельных инструментов (цифровых систем, внутренних грантов и т.п.). Предполагается более глубокая институциональная трансформация, включающая пересборку научной политики, изменение практик распределения ресурсов и признания, развитие механизмов участия исследователей в выработке управленческих решений.

Эмпирические данные ВЦИОМ, НИУ ВШЭ и ФОМ, рассмотренные выше, демонстрируют, что развитие университетов как платформ управления научной деятельностью опирается на сильный репутационный капитал российской науки и устойчивый интерес общества к научным знаниям.

Вместе с тем разрыв между высокими декларативными установками и реальными карьерными стратегиям студентов требует от университетов более активной работы по формированию «карьерного контура» платформы: прозрачных траекторий научной карьеры, связи исследовательской деятельности с социальными лифтами и включения студентов в исследовательские проекты на ранних этапах обучения.

Литература

1. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О науке и государственной научно-технической политике». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 02.02.2026).
2. Программа «Приоритет 2030». – URL: <https://priority2030.ru/> (дата обращения: 02.02.2026).
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.
4. Бурдые П. Наука о науке и рефлексивность // Чикаго, Университет Чикаго, 2004. – 168 с.
5. Потемкин А.И., Задорожная И.В. Роль теории институционального изоморфизма в модернизации российской экономики // Сервис в России и за рубежом, № 3, 2012. – С. 79–91.
6. Мундриевская Ю.О. Стратегическое управление научно-исследовательской деятельностью в научных лабораториях при университете (на примере национального исследовательского томского государственного университета) // Социология науки и технологий, № 4, 2018. – С. 80–97.
7. КамГУ им. Витуса Беринга: решаем задачи региона вместе. – URL: <https://sociocenter.info/press/news/571> (дата обращения: 02.02.2026).
8. Галиханов М.Ф., Кондратьев В.В., Елизаров Д.В. и др. Система ДПО университета как платформа для реализации федерального проекта «Новые возможности для каждого» // Высшее образование в России, т. 29, № 12, 2020. – С. 119–133.
9. Москалева О.В., Акоев М.А. Современные ресурсы для принятия стратегических и оперативных решений в научной сфере // Научно-техническая информация, сер. 1, № 7, 2016.
10. Общественный интерес к науке и технологиям. Пресс-выпуск ВЦИОМ, 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennyi-interes-k-nauke-i-tekhnologijam> (дата обращения: 02.02.2026).
11. Наука и общество: мониторинг. Пресс-выпуск ВЦИОМ, 2025. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-obshchestvo-monitoring-review> (дата обращения: 02.02.2026).
12. Исследования восприятия науки в России представили ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты». – URL: <https://xn-80aa3ak5a.xn--p1ai/news/issledovaniya-vospriyatiya-nauki-v-rossii-predstavili-vtsiom-i-ano-natsionalnye-prioritety> (дата обращения: 02.02.2026).
13. За последний год вырос интерес россиян к науке. Национальные проекты РФ. – URL: <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/za-posledniy-god-vyros-interes-rossiyan-k-nauke/> (дата обращения: 02.02.2026).
14. Привлекательность научной карьеры в России / Аналитический доклад НИУ ВШЭ в рамках Мониторинга инновационного поведения населения. М.: НИУ ВШЭ, 2018. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/225103302> (дата обращения: 02.02.2026).
15. Ученые ВШЭ выяснили, почему люди доверяют науке // Официальный сайт НИУ ВШЭ. 2025. – URL: <https://www.hse.ru/news/development/1079285222.html> (дата обращения: 02.02.2026).
16. Наука и ученые. ФОМ, 2023. (Раздел «Наука и образование» на сайте ФОМ). – URL: <https://>

fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14943 (дата обращения: 02.02.2026).

17. Высшее образование. ФОМ, 2025. (Социологический опрос ФОМ). – URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/15187> (дата обращения: 02.02.2026).

RUSSIAN UNIVERSITIES AS PLATFORMS FOR THE GOVERNANCE OF SCIENTIFIC RESEARCH

Pivovarova M.B.

Lomonosov Moscow State University

The article examines Russian universities as platforms for the governance of scientific research in the context of the transformation of the national research and higher education system. The aim of the study is to analyze Russian universities as platforms for research governance and to propose a conceptual model of platform-based governance that takes into account regulatory and legal frameworks, organizational practices, and sociological characteristics of the academic field. A content analysis of strategic and regulatory documents, including Federal Law № 127-FZ, national projects, and university development programs, was conducted to identify the normative foundations of the proposed platform-based model. Through a theoretical synthesis of the platform approach, sociological perspectives, and neo-institutional theory, the university is conceptualized as a key organization integrating research teams, infrastructure, digital services, and state and corporate agendas. Using the method of conceptual modeling, the study proposes a university-as-a-platform model for the governance of scientific research, incorporating multiple sub-levels and interaction contours with researchers and external stakeholders. The effective functioning of such a model requires balancing established bureaucratic norms with network-based modes of governance, as well as the development of digital tools and feedback mechanisms with the academic community.

Keywords: Russian universities; scientific research; platform approach; research governance; university as a platform.

References

1. Federal Law of the Russian Federation № 127-FZ of August 23, 1996 (as amended on July 2, 2021) On Science and State Science and Technology Policy. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)
2. Priority 2030 Program. Available at: <https://priority2030.ru/> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)
3. Weber, M. (2016). Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. In 4 vols. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 445 p.
4. Bourdieu, P. (2004). Science of Science and Reflexivity. Chicago: University of Chicago Press. 168 p.
5. Potemkin, A.I., Zadorozhnaya, I.V. (2012). The role of institutional isomorphism theory in the modernization of the Russian economy. Service in Russia and Abroad, № 3, pp. 79–91. (In Russ.)
6. Mundrievskaya, Yu.O. (2018). Strategic management of research activities in university-based research laboratories (case of National Research Tomsk State University). Sociology of Science and Technology, № 4, pp. 80–97. (In Russ.)
7. Vitus Bering Kamchatka State University: Solving regional challenges together. Available at: <https://sociocenter.info/press/news/571> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)
8. Galikhanov, M.F., Kondratyev, V.V., Elizarov, D.V., et al. (2020). The university continuing education system as a platform for implementing the federal project «New Opportunities for Everyone». Higher Education in Russia, vol. 29, № 12, pp. 119–133. (In Russ.)
9. Moskaleva, O.V., Akoev, M.A. (2016). Modern resources for strategic and operational decision-making in the scientific sphere. Scientific and Technical Information, Series 1, № 7. (In Russ.)
10. Public Interest in Science and Technology. VCIOM Press Release (2023). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennyi-interes-k-nauke-i-tehnologijam> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)
11. Science and Society: Monitoring Study. VCIOM Press Release (2025). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-obshchestvo-monitoring-review> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)
12. Studies on Public Perception of Science in Russia Presented by VCIOM and the National Priorities ANO. Available at: <https://xn-80aa3ak5a.xn--p1ai/news/issledovaniya-vospriyatiya-nauki-v-rossii-predstavili-vtsiom-i-ano-natsionalnye-prioritety> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)
13. Public Interest in Science Has Increased Over the Past Year. National Projects of the Russian Federation. Available at: <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/za-posledniy-god-vyros-interes-rossiyan-k-nauke/> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)
14. Attractiveness of a Scientific Career in Russia. Analytical Report of the HSE University within the Monitoring of Innovative Behavior of the Population. Moscow: HSE University, 2018. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/225103302> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)
15. HSE Researchers Explain Why People Trust Science. Official website of HSE University (2025). Available at: <https://www.hse.ru/news/development/1079285222.html> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)
16. Science and Scientists. Public Opinion Foundation (FOM), 2023. Section «Science and Education». Available at: <https://fom.ru/Nauka-i-Obrazovanie/14943> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)
17. Higher Education. Public Opinion Foundation (FOM), 2025. Sociological survey. Available at: <https://fom.ru/Nauka-i-Obrazovanie/15187> (accessed: 02.02.2026). (In Russ.)

Симулякры здоровья в массовом сознании: социологический анализ рынка биологически активных добавок

Пономарева Вера Алексеевна,

аспирант кафедры социологии и управления персоналом
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета

E-mail: veraponomareva96@gmail.com

В статье рассматриваются этапы трансформации практик здорового образа жизни из телесной практики в социальный симулякр, а также определяется роль государства в институциональном закреплении данной системы. Теоретическую основу составляет концепция социального конструирования реальности, дополненная положениями теории симуляции, что позволяет проследить превращение повседневных смыслов в автономные знаковые системы. Эмпирическую базу составили данные социологических опросов, статистические показатели развития рынка БАД и анализ нормативно-правовых актов Российской Федерации, регулирующих оборот и рекламу биологически активных добавок.

В статье последовательно анализируются три этапа: формирование дискурса «осознанного здоровья» в повседневных практиках и медиа; массовизация соответствующих рынков с последующим ростом экономических показателей; институциональное закрепление сложившейся семиотической системы через государственное регулирование. Выявлено, что регуляторные меры не упраздняют, а легитимируют сложившиеся символические конструкции, встраивая их в правовое поле, а потребление биологически активных добавок выступает не столько способом поддержания физического благополучия, сколько средством демонстрации культурной компетентности и маркером групповой принадлежности.

Ключевые слова: массовое сознание, симулякр, велнес, биологически активные добавки (БАД), социальное конструирование реальности, государственное регулирование, социальная стратификация.

Интерес к исследованию и определению явления массового сознания отражается во множестве гуманитарных наук, в философских концепциях, исторических трудах, искусстве, массовое сознание является предметом исследований экономистов и нейро-экономистов. В социологических исследованиях массовое сознание зачастую рассматривается в контексте общественного мнения, описывается авторами через похожие или идентичные концепции коллективного сознания, общественного сознания.

Так, Ю.В. Синчук и В.Ф. Соловьев характеризуют массовое сознание через упомянутое общественное мнение, которое отражает состояние массового сознания «как индикатор настроений, интересов и ценностей» [1]. Массовое сознание как «самодовлеющую сферу идеалов и императивов, сферу ответов на те жизненно значимые, общие вопросы, которые возникают в каждый данный момент» [2] определяет Свобода Н.Ф.

Цитируя исследования Э. Дюркгейма о коллективном бессознательном, Н.А. Поливаева в своей работе о массовом сознании определяет коллективное сознание как «вещественные, пространственные связи и отношения в жизнедеятельности людей» [3], где «известное число состояний является общим для всех членов одного и того же общества» [3]. Анализируя работу Грушина Н.А. Поливаева определяет характеристики массового сознания через то, что оно «проявляется и функционирует как на уровне личности, так и на уровне массовых общностей, отражая их потребности, интересы, ценности и цели» [3]. В конечном счете, по мнению Н.А. Поливаевой массовое сознание представляет собой весьма неоднородное образование, что, тем не менее, не отменяет наличия у него общей черты: оно «фиксирует прежде всего эмоционально-чувственную (оценочную), психологическую сферу социума, ценностные ориентации» [3].

Массовое сознание, таким образом, рассматривается в исследованиях именно через призму представлений, интересов и ценностей, являющихся общими (разделяемыми) для конкретного социума.

Вопросы генезиса, структуры и динамики массового сознания находят свое отражение и в феноменологической социологии (социологии знания), в теории которой наиболее приближенным к массовому сознанию феноменом является «ре-

альность повседневной жизни». Основоположники направления (Альфред Шюц, Питер Бергер, Томас Лукман) исследовали процесс конструирования такой реальности (смыслов, правил, идей) в повседневных практиках взаимодействия людей. Социальная реальность с точки зрения теории предстает как непрерывно создаваемая, поддерживаемая и, в то же время модифицируемая в актах коммуникации и совместной деятельности.

Ключевым тезисом феноменологической социологии является утверждение о том, что мир повседневной жизни (*Lebenswelt*) воспринимается его участниками как самоочевидный, однако такая самоочевидность есть не исходная данность, а результат сложной работы по типизации. Столкнувшись с бесконечным многообразием уникальных явлений, индивид не в состоянии каждый раз воспринимать их заново. Вместо этого он использует выработанные в социуме типизации – устойчивые (в определенных культурных границах) схемы интерпретации объектов, ситуаций и действий. Люди видят не уникального человека, а «почтальона», «врача», «начальника»; действуют не в уникальной ситуации, а в типичной «очереди», «совещании», «празднике». Эти типизации, или «рецепты» действия, выступают основными элементами социального порядка, позволяя координировать поведение и обеспечивать взаимопонимание.

Процесс социального конструирования реальности, детально описанный Бергером и Лукманом в их классическом труде «Социальное конструирование реальности» [8], представляет собой последовательное прохождение этапов по переходу от индивидуальных (субъективных) смыслов к смыслам общественным. Вынесение «вовне» субъективных смыслов, идей и отношений индивидов в ходе их деятельности происходит в процессе экстернализации. Люди в совместной жизни создают язык, правила, институты, артефакты – типизации, которыми члены общества будут пользоваться, поддерживать и модифицировать. Объективация – момент, когда продукты экстернализации (правила, институты, нормы) начинают восприниматься как объективная реальность, обладающая собственной логикой и принудительной силой. Усвоение индивидом этих объективированных структур в ходе социализации происходит в процессе интернализации: через образование, общение, участие в практиках человек делает внешние социальные нормы частью своего мировоззрения и поведения, идентичности и мотивации. Он начинает воспринимать их как естественные и правильные. Закрепление и социальный контроль поведения индивидов находит отражение в процессе легитимации: «институциональному миру требуется легитимация, то есть способы его «объяснения» и оправдания» [8].

В этих процессах ключевыми средствами научения служат символы (от языковых знаков и ло-

готипов до ритуальных действий и визуальных образов).

Рассматривая вопрос формирования общественного мнения С.И. Коренюшкина объясняет влияние использования символов и искусства в обеспечении единого идеологического пространства на примере известных исторических событий – заполнения «политического и духовного вакуума на огромных территориях Римской империи» [6] через устройство характерной архитектуры, сооружений, массовых праздников и игр. В своей работе автор, цитируя Э. Аронсона и Э.Р. Пратканиса, отмечает основной принцип конструирования общественного мнения через «искусное использование образов, лозунгов и символов, играющих на наших предрассудках и эмоциях» [6].

По мнению С.В. Герасимова, символы также являются «элементами социальной дрессировки» [7], а «символическая политика» служит для выстраивания в сознании членов общества определенной картины мира, мотивации и сценариев поведения. Объясняя роль символов в социализации как индивида в частности, так и коллектива в целом, С.В. Герасимов утверждает, что социализация происходит через передачу индивиду знаний, умений и навыков для выработки «рефлекторной» реакции на события и предметы. Процесс такой социализации включает различные практики. По А. Эткинду, работы которого рассматривает автор, формы презентации могут быть разделены на «жесткие» (монументы, музеи, архитектура), демонстрирующие «ориентиры в масштабах страны, регионов и поселений, – маркеры привязки презентаций и нарративов к «реальному чувственному опыту» [7] – и «мягкие» (образование, литература, изобразительные искусства), обеспечивающие осмысление и трактовку символов [7]. В качестве отдельной формы презентации символов, обеспечивающей своеобразное научение через эмоциональный отклик, С.В. Герасимов выделяет хронотоп: события, «происходящие в специальное время в специальных местах и обеспечивающие возможность практической сопричастности вплоть до интерактивных телесных практик» [7] – игры, ритуалы, празднования и пр. Такая коммуникация представляется одной из наиболее эффективных с точки зрения «научения» и социализации, поскольку обеспечивает через закрепление в каждом способе восприятия информации (слух, зрение, обоняние и пр.) подтверждение личного опыта в сочетании с опытом общественным. Рассматривая работы Ю.Хабермаса, автор подчеркивает: «эффективная коммуникация происходит при балансе рационального постижения «истины» и коллективного опыта «нравственной правоты» [7].

В теории феноменологической социологии крайней, наиболее отчуждающей формой объ-

ективации выступает реификация (овеществление). В ходе реификации продукты человеческой деятельности (абстрактные понятия, социальные отношения, институты) начинают восприниматься не как исторически сложившиеся и изменяемые конструкции, а как незыблемые, подобные законам природы, сущности. Реифицированные концепты («Рынок требует», «История не прощает», «Национальный характер») обретают онтологический статус, скрывая свою человеческую, творческую природу. Они перестают быть понятиями как инструменты или соглашения и начинают диктовать поведение как слепые силы. Символы на данном этапе служат ключевыми средствами объективации и последующей реификации. Они «схватывают» сложные, многослойные типизации и социальные конструкты, придавая им компактную, чувственно воспринимаемую форму. Символ становится материальным носителем разделяемого смысла, посредством которого абстрактные ценности («свобода», «родина», «успех») и социальные отношения («власть», «престиж», «принадлежность») обретают свою видимую, осязаемую реальность в повседневном мире.

Логическое развитие идей об отчуждении смысла, заложенных в концепции реификации, обнаруживается в радикальной теории постмодерна Жана Бодрийяра, в частности, в его учении о симулякрах. Если реификация в феноменологической социологии описывает процесс, в ходе которого социальный конструкт «забывает» о своем человеческом происхождении и начинает восприниматься как вещь, то Бодрийяр делает следующий шаг, показывая, как символ может окончательно порвать не только со своими творцами, но и с любой референтной реальностью.

Бодрийяр выделяет последовательные фазы развития образа:

- «он отражает фундаментальную реальность» [9];
- «он маскирует и искажает фундаментальную реальность» [9];
- «он маскирует отсутствие фундаментальной реальности» [9];
- «он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде» [9].

«Реифицированный» в терминах феноменологической социологии концепт становится симулякром тогда, когда он утрачивает даже память о своей первоначальной, конструируемой природе и начинает существовать как самодостаточная, самовоспроизводящаяся реальность. На практике это означает, что такие социально сконструированные и реифицированные понятия, как, например, «здоровый образ жизни» или «общественное мнение», проходя полный цикл объективации, переходят в стадию симулякра. «Здоровый образ жизни» эволюционирует из набора медицинских

рекомендаций в перформативную эстетику «правильного» потребления (суперфудов, детокс-программ), где видимость заботы о здоровье подменяет собой реальные практики и иногда даже вступает с ними в противоречие. «Общественное мнение», измеряемое через медийные опросы и тренды в социальных сетях, превращается в симулякр, который не отражает сложный спектр позиций, а сам конструирует и навязывает «правильную» точку зрения, отсылая к другим медийным сигналам.

Таким образом, бодрийяровский симулякр можно рассматривать как кульминацию и предельное выражение процесса реификации. Если реификация овеществляет социальный конструкт, то симулякр доводит это овеществление до логического конца, уничтожая саму связь с конструируемой реальностью. Символ, изначально служивший инструментом объективации разделяемых смыслов, становится автономным агентом, производящим гиперреальность, в которой он сам и является единственно значимой реальностью. Эмоциональный отклик в массовом сознании в этих условиях все чаще формируется не в отношении «подлинных» событий или ценностей, а в отношении этих симулятивных моделей, которые, будучи более яркими, последовательными и управляемыми, вытесняют из сознания референтный мир.

Синтез феноменологического подхода и теории симуляции позволяет выстроить целостную модель роли символических образов в формировании коллективных эмоций. Феноменологическая социология раскрывает генезис символа как инструмента конструирования и объективации социальной реальности через процессы типизации, экстернализации, объективации и интернализации. Концепция реификации показывает механизм его отчуждения и превращения в воспринимаемую как объективную силу. Теория Бодрийяра описывает кульминационную фазу этого отчуждения – рождение симулякра, символа, живущего в гиперреальности собственных отражений и становящегося первичным источником социальных смыслов и, как следствие, коллективных эмоциональных реакций. Это создает принципиально новое символическое поле, в котором формируется современное массовое сознание.

Описанная теоретическая рамка позволяет перейти к рассмотрению конкретного эмпирического материала. Проследим, как механизмы типизации, объективации и симуляции реализуются в практике велнес-потребления и на примере рынка биологически активных добавок.

Велнес (от англ. wellness) в данной статье понимается как комплексная концепция благополучия, восходящая к работе Хальберта Данна (1959) и объединяющая физическое, ментальное и социальное здоровье [17]. Сформировавшись в медицинском дискурсе как нормативный идеал, велнес

перешёл в пространство массовой культуры, где его ключевой функцией становится символическая демонстрация «одобряемого» образа жизни через реифицированные образы «ответственного потребителя».

Социальный контекст

Согласно исследованию Meticulous Research среднегодовой темп роста рынка органических продуктов питания составит 10,1% в период с 2025 по 2032 год [11], при этом в двузначном темпе роста уже учтена более высокая цена на такие продукты, сдерживающая потенциал рынка. Еще одно исследование, проведенное Data Bridge Market Research в апреле 2025 года, дает более скромную оценку потенциала рынка здорового питания (рост до 9,5% в год) [12], однако даже такие значения превышают прогнозы роста объема валового внутреннего продукта.

В России рождение тренда на «ЗОЖ» и сопутствующие ему продукты аналитики «РБК Исследование рынков» связывают с 2003 годом и характерным ростом доходов населения, началом активного развития фитнес-индустрии [10]. По данным исследования агентства ORO «Food 360», проведенного в марте 2025 года, 81% покупателей при принятии решения о покупке обращают внимание на пометку «без антибиотиков», 77% – на отсутствие консервантов, а 76% – на отсутствие красителей в описании состава продукта. Более того, 41% россиян готовы платить больше за полезные продукты питания [16].

Вместе с тем согласно актуальным результатам всероссийского интернет-опроса всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опубликованным в феврале 2026 года, динамика потребительских предпочтений демонстрирует значительную трансформацию. Если в текущий момент готовность приобретать экологичную продукцию по повышенной цене отмечают порядка 40% респондентов, то согласно данным пятилетней давности эта доля составляла 64% [13]. Такое снижение на 24 п.п. коррелирует с изменением макроэкономических условий внутри страны, в связи с чем приоритет в структуре потребительского выбора смещается в пользу более доступных по цене товаров в ущерб их экологическим характеристикам. Данный вывод подтверждается увеличением на 15 п.п. доли россиян, сознательно выбирающих менее экологичные, но более доступные по цене альтернативы (с 25 до 40% за тот же временной интервал) [13].

При этом опрошенные отмечают, что в настоящее время параметры цены и экологичности приобрели для них сопоставимую значимость. Такая динамика позволяет предполагать, что при стабилизации экономической ситуации и улучшении материального благосостояния отдельных домохозяйств, ценовой фактор может утратить свою

доминирующую роль. При таком сценарии существует высокая вероятность возвращения доли сознательных потребителей, ориентированных на экологичность, к прежним значениям с потенциалом роста.

Отдельно стоит рассмотреть динамику рынка биологически активных добавок (далее – БАД). За пять лет рынок Российской Федерации вырос в 2,5 раза, и только за 2024 год было реализовано около полумиллиарда упаковок на сумму 164 млрд рублей [15]. В рамках ежемесячного мониторинга фармацевтического рынка, проведенного компанией DSM Group по итогам декабря 2025 года, выявлен рост рынка БАД еще на 23,4% относительно показателей 2024 года [14].

Согласно данным опроса медицинской компании «Инвитро», проведенного в марте 2025 года, 89% респондентов употребляют биологически активные добавки. Из них 49% принимают БАДы на постоянной основе, 39,5% делают это периодически курсами. При этом лишь 33% потребителей предварительно проходят лабораторную диагностику для подтверждения дефицита тех или иных веществ, тогда как 67% начинают прием добавок без соответствующих анализов.

Существенным представляется и источник информации, которым руководствуются потребители при выборе БАД. Наибольшая доля опрошенных, а именно 43%, формируют свое решение на основании сведений из социальных сетей, тематических форумов и популярных статей, не содержащих отсылок к научным данным. На рекомендации врачей ориентируются 32% респондентов. Десятая часть опрошенных приобретает добавки по совету знакомых и лишь 0,8% признают влияние рекламы на свой потребительский выбор [18]. Расширение ассортимента, активное продвижение через цифровые каналы и социальные сети, включение в рекомендательные системы крупных онлайн-платформ делают знаки здоровья доступными и привычными элементами повседневного потребления.

Среди мотивов, побуждающих к приему биологически активных добавок, наиболее часто респонденты указывают стремление «улучшить общее самочувствие» (25%). 19% опрошенных рассматривают БАДы как средство терапии или профилактики заболеваний, а 17% связывают их прием с повышением уровня энергии и работоспособности. Улучшение состояния кожи, волос и ногтей выступает значимым фактором для 14% потребителей. При этом лишь 14% респондентов называют главным основанием для начала приема рекомендацию врача или профильного специалиста [18].

Представленные данные позволяют зафиксировать, что массовое потребление биологически активных добавок функционирует в логике, существенно отличающейся от классической модели

терапевтического или профилактического вмешательства. Отсутствие лабораторного подтверждения дефицитов у двух третей потребителей, преобладание неспецифических запросов, таких как «энергия» или «улучшение самочувствия», а также ключевая роль социальных медиа в качестве источника информации формируют устойчивую структуру, где объективно измеряемый эффект замещается субъективно переживаемым ощущением «правильности» образа жизни.

Данный факт обладает выраженным социологическим содержанием. Ответы респондентов подтверждают гипотезу о том, что значительную долю взрывного роста рынка БАД обеспечивает успешно выстроенная семиотическая стратегия. Поскольку критерии эффективности не формализованы и не подлежат независимой верификации, то можно предполагать, что наиболее значимым основанием для воспроизводства практики становится сам факт ее социального одобрения. Потребитель оказывается включен в коммуникативную среду, в которой ценность БАД конституируется не клиническими данными, а коллективным подтверждением значимости акта потребления. Рекомендации лидеров мнений, обсуждения на цифровых площадках и визуальная эстетика «осознанного» выбора часто замещают отсутствующую доказательную базу, формируя гиперреальность, где симулякр здоровья функционирует как самодостаточный социальный факт. В этом контексте БАДы могут быть рассмотрены как симулякры в бодрийяровском смысле: их потребление отсылает не столько к конкретному физиологическому эффекту, сколько к ценностно нагруженному образу «заботы о себе», осознанности и превентивному отношению к здоровью. Их рыночная ценность конструируется преимущественно маркетинговыми нарративами и визуальными кодами, например, минималистичной эстетикой упаковки, отсылками к природному происхождению, имитацией «научности», представленной в инфографике. При этом вопрос о наличии доказательной базы конкретного продукта не является определяющим для его коммерческого успеха на массовом рынке, что говорит о том, что символическая функция БАД устойчиво доминирует над утилитарной. Стоит отметить, что данный анализ не является критикой рынка БАД поскольку в данном сегменте присутствуют производители, которые на добровольной основе формируют доказательную базу для подтверждения свойств своей продукции. Однако подобные практики остаются факкультативными. Согласно ТР ТС 021/2011, БАД отнесены к пищевой продукции, поэтому для выхода на рынок достаточно государственной регистрации и соблюдения санитарных норм. Подтверждение заявленных на упаковке свойств не требуется. Более низкий порог требований создает нишу, где коммерческий успех определяется не доказанной

эффективностью, а встраиванием продукта в дискурс здорового образа жизни [19].

Представленный анализ данных демонстрирует, как символическая ценность велнеса трансформируется в экономическую, обеспечивая рост и массовый характер соответствующих рынков. Речь идет не просто об увеличении продаж, но о процессе превращения знаков здоровья в значимый и формализованный сектор экономики.

С социологической точки зрения ключевым становится не биохимический состав, а социальная функция этих знаков. Потребление определенных БАД выступает маркером принадлежности к группе «осознанных» людей, следящих за трендами и инвестирующих в заботу о себе. Оно служит инструментом символического различения и способом конструирования идентичности «ответственного субъекта». Цифровая среда выступает основным транслятором и усилителем этой семиотической системы, делая знаки здоровья привычными элементами потребительского набора современного человека.

В соответствии с логикой Ж. Бодрийяра, данная знаковая система выходит за пределы простого социального позиционирования. Она формирует гиперреальность благополучия, в которой акцент смещается с пользы конкретной практики на ее медийное представление и соответствие визуальному образу «здорового» существования. Велнес превращается в новый язык социальной коммуникации, где обладание и демонстрация правильных знаков (например, БАД премиального сегмента, экомаркировка продуктов или устройства для отслеживания активности) становятся важнее их реального эффекта. Эта сфера действует по принципу симулякра: ценность практик определяется не их отношением к объективному состоянию здоровья, а их местом в системе образов и значений, конструирующих социальный статус в глазах значимых других.

Изложенная логика функционирования велнес-потребления создает устойчивые предпосылки для формирования социальной стратификации, базирующейся не на экономических или профессиональных различиях в их классическом понимании, а на дифференцированном доступе к символическому капиталу «осознанности». Поскольку демонстрация приверженности здоровому образу жизни осуществляется через потребление определенных знаков, эти знаки начинают выполнять функцию маркеров, отделяющих тех, кто владеет культурным кодом велнеса от тех, кто не включен в данную семиотическую систему.

Ключевая особенность складывающейся стратификации заключается в том, что критерием дифференциации выступает не столько реальная забота о физическом состоянии, сколько способность продемонстрировать лояльность дискурсу «осознанности» через соответствующие потре-

бительские практики. Цифровая среда, выступая основным пространством циркуляции данных знаков, одновременно служит площадкой для их публичной демонстрации и механизмом воспроизводства символических границ между группами. Велнес-индустрия формирует стратификационную систему, в которой социальное неравенство конструируется вокруг неравного доступа к символическому капиталу «заботы о себе», а само здоровье выступает не столько физиологической реальностью, сколько инструментом социального позиционирования.

Именно беспрецедентная массовость и вовлеченность этого символического поля в рыночные отношения закономерно порождает системные риски. Когда практика из узкой или специализированной превращается в широко распространенную, она автоматически попадает в фокус общества как значимый социальный факт. Возникает запрос на безопасность, доказательность, защиту от спекуляций. Агрессивная знаковая система, оторванная от реального содержания, сама создает условия для утраты доверия через потенциальный обман, неэффективность или вред. Таким образом, рынок, функционирующий в логике симуляции, своей успешностью провоцирует необходимость внешнего контроля. Его значимость (164 млрд рублей) делает его объектом интереса не только для участников рынка, но и для государства как регулятора, призванного минимизировать социальные издержки от бесконтрольного обращения симулятивных товаров. Это формирует объективную предпосылку для усиления регулирования, институциональные аспекты которого будут проанализированы далее.

Массовизация велнес-потребления и его уверенное закрепление в экономической сфере закономерно привлекает внимание ключевого социального института – государства. Его реакция на этот феномен, однако, не приводит к деконструкции сложившейся знаковой системы. Напротив, на примере регулирования рынка БАДов и введения систем прослеживаемости («Честный знак»), мы наблюдаем процесс институциональной легитимации симулякра биологически активных добавок. Государственное вмешательство выполняет функцию «символического очищения»: оно отсекает социально опасные практики, которые имеют прямое влияние на здоровье граждан, но при этом полностью сохраняет и даже укрепляет базовую семиотическую структуру дискурса о «здоровом образе жизни».

Этот процесс можно рассматривать как высшую стадию объективации социальных конструктов. Стихийно сложившиеся в повседневности и рыночной риторике типизации получают формальные определения в законах, регламентах и классификаторах. Тем самым они приобретают статус официально признанной социальной

реальности. Важно отметить, что государство не оспаривает символическую ценность маркировки органической продукции или БАД как знаков «осознанности», оно лишь устанавливает правила их производства и оборота и переводит их из сферы стихийно сложившихся потребительских представлений в область легального и регулируемого потребления.

С 1 сентября 2025 года вступили в силу изменения в Федеральный закон № 29-ФЗ, ужесточающие требования к обороту БАД: введен запрет на использование опасных веществ при производстве БАД, введена обязательная маркировка, а медицинские работники получили право назначать БАД, включенные в специальный перечень, при наличии подтвержденных показаний и в соответствии с утвержденными схемами применения [20]. Одновременно с 1 января 2026 года на врачей распространены антикоррупционные ограничения по ст. 74 Федерального закона № 323-ФЗ [23], а именно: запрет на получение вознаграждений от производителей БАД и заключение соглашений о назначении конкретных добавок. Реклама БАД в соответствии со ст. 25 Закона «О рекламе» [21] запрещает создавать впечатление о лекарственных свойствах и требует обязательного предупреждения «не является лекарственным средством» с установленными параметрами.

Представленный анализ позволяет утверждать, что нормативное регулирование закрепляет за БАД статус объекта, требующего врачебного участия, однако практическая реализация этого статуса все еще остается на стадии административной доработки. Регуляторное вмешательство в данном случае не отменяет сложившуюся символическую систему велнеса, а скорее очищает ее от наиболее опасных проявлений, одновременно легитимируя базовые понятия «заботы о себе» как основу массовой коммуникации. Государство, реагируя на экономическую значимость феномена, тем самым завершает цикл его институционализации. Проведенное исследование позволило реконструировать процесс трансформации здоровья в социальный симулякр. Через механизмы типизации формируется нормативный идеал велнеса, который в условиях общества потребления подвергается отчуждению. Конкретные практики утрачивают непосредственную связь с телесным опытом и превращаются в автономные знаки, а их ценность определяется не реальным физиологическим эффектом, а местом в семиотической системе, где они начинают выполнять функцию маркеров культурной компетентности и инструментов социальной стратификации.

Массовый характер потребления БАД, ориентация потребителей на социальные медиа как на основной источник информации, отсутствие лабораторного подтверждения дефицитов у большинства свидетельствуют о доминировании сим-

волической функции над утилитарной. Мотивация потребителей, формулируемая в категориях «энергии» и «улучшения самочувствия», носит предельно широкий и неспецифический характер, что указывает на доминирование использования знака «заботы о себе» над верифицируемым физиологическим эффектом.

Массовое распространение практик, основанных на симулякрах, закономерно порождает системные риски, которые становятся объектом пристального внимания со стороны государства. Регуляторное вмешательство выполняет функцию фильтрации и отсекает наиболее опасные проявления, придавая симулякру официальный статус. Тем самым круг замыкается: смыслы, рождённые в повседневности, пройдя этап коммерциализации, закрепляются государством как официальные ориентиры. В этом качестве они начинают выполнять функцию маркеров, определяющих положение человека в социальной иерархии.

Современные практики здоровья радикально изменили свою социальную природу. Бег, йога, потребление органической продукции или БАД сохраняются как материальные действия, однако их социокультурный смысл определяется теперь не только личным телесным опытом или медицинской целесообразностью, но и логикой символического обмена и статусной дифференциации. Здоровье перестает быть исключительно состоянием тела и превращается в сложный знак, циркулирующий в медиасреде, экономике и правовом поле, становясь неотъемлемым элементом социального структурирования и конструирования идентичности.

Литература

1. Синчук Ю.В., Соловьев В.Ф., Власов Б.Е. Общественное мнение как институт гражданского общества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 3.
2. Свобода Н.Ф., Доронина О.А., Ионова И.В. Массовое сознание: проблема самодостаточности // СИСП. 2020. № 2.
3. Поливаева Н.Ю. Теоретические размышления о массовом сознании: можно ли найти сущность? // Власть. 2020. № 2.
4. Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 4.
5. Липатов С.А. Проблемы концептуализации социальных эмоций и коллективных переживаний в современной социальной психологии: к 70-летию юбилею Т.Г. Стефаненко // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 1.
6. Коренюшкина С.И. Пропаганда: трансформация мобилизационного потенциала // Общественная психология. 2019. № 1.
7. Герасимов С.В. Инструменты формирования символической политики // Социально-политические науки. 2016. № 2.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. Москва: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
10. Шипачева Д. Как идея правильного питания поменяла нашу реальность и что нас ждет дальше // РБК Исследования: [сайт]. – URL: <https://style.rbc.ru/life/6501b8359a7947ff9347d4f7> (дата обращения: 13.02.2026).
11. Lawande S., Bombe P. Organic Food Market Size, Share, Forecast, & Trends Analysis by Type (Fruits, Vegetable, Grains, Beverage, Bakery), Distribution Channel (Supermarket, E-commerce), Process (Un-processed, processed), Packaging Type (Fresh, Frozen) – Global Forecast to 2032. 2025. 200 p.
12. Gusain P. Global Health and Wellness Food Market Size, Share, and Trends Analysis Report – Industry Overview and Forecast to 2032. 2025. 300 p.
13. Леконцев И. «Экологическая» надбавка к цене: за и против // ВЦИОМ. Новости: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-nadbavka-k-cene-za-i-protiv> (дата обращения: 13.02.2026).
14. Исследование «Фармацевтический рынок России ИТОГИ 2025». DSM Group, 2026. 49 с.
15. Рынок БАДов в России за пять лет вырос в 2,5 раза // Интерфакс: [сайт]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/1028025> (дата обращения: 13.02.2026).
16. ОРО. Исследование «Как изменятся потребительские предпочтения к 2025 году» // FOOD 360: – URL: <https://www.sostav.ru/publication/71-rossiyan-izmenili-potrebitelskie-privychki-73728.html> (дата обращения: 13.02.2026).
17. Dunn H.L. High-Level Wellness for Man and Society // American Journal of Public Health and the Nations Health. New York: American Public Health Association, 1959. P. 786–792.
18. Исследование ИНВИТРО: 9 из 10 опрошенных принимают БАДы // ИНВИТРО: – URL: <https://www.invitro.ru/moscow/about/press-releases/issledovanie-invito-9-iz-10-oproshennykh-prinimayut-bady-i-tolko-kazhdyy-tretiy-porekomendatsii-vr/> (дата обращения: 02.02.2026).
19. Решение Комиссии Таможенного союза «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (вместе с «ТР ТС 021/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безо-

пасности пищевой продукции» от 09.12.2011 № 880 (ред. от 22.04.2024).

20. Федеральный закон Российской Федерации «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 07.06.2025).
21. Закон Российской Федерации «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ
22. Приказ Минздрава России «Об утверждении порядка назначения медицинскими работниками биологически активных добавок к пище при оказании гражданам медицинской помощи» от 17.11.2025 № 669н.
23. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025).

SIMULACRA OF HEALTH IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE DIETARY SUPPLEMENT MARKET

Ponomareva V.A.

St. Petersburg State University of Economics

The article examines the stages of transformation of healthy life-style practices from bodily experience into a social simulacrum, and identifies the role of the state in the institutional consolidation of this system. The theoretical framework is based on the concept of social construction of reality, supplemented by the theory of simulation, which allows tracing the transformation of everyday meanings into autonomous sign systems. The empirical basis includes data from sociological surveys, statistical indicators of the dietary supplements market development, and analysis of Russian Federation regulatory acts governing the circulation and advertising of dietary supplements.

The article consistently analyzes three stages: the formation of the «conscious health» discourse in everyday practices and media; the massification of relevant markets followed by growth in economic indicators; and the institutional consolidation of the established semiotic system through state regulation. It is revealed that regulatory measures do not abolish but rather legitimize the established symbolic constructs, incorporating them into the legal framework. Furthermore, the consumption of dietary supplements serves not so much as a means of maintaining physical well-being, but as a way of demonstrating cultural competence and a marker of group belonging.

Keywords: mass consciousness, simulacrum, wellness, dietary supplements, social construction of reality, state regulation, social stratification.

References

1. Sinchuk, Y., Solovyov, V., & Vlasov B. (2020). Public Opinion as an Institution of Civil Society. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, (3).
2. Svoboda, N., Doronina, O., & Ionova, I. (2020). Mass Consciousness: The Problem of Self-Sufficiency. *SISP*, (2).
3. Polivaeva, N. (2020). Theoretical Reflections on Mass Consciousness: Can the Essence Be Found? *Vlast' (Power)*, (2).
4. Simonova, O. (2016). Basic Principles of the Sociology of Emotions. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, (4).
5. Lipatov, S. (2020). Problems of Conceptualizing Social Emotions and Collective Experiences in Modern Social Psychology: To the 70th Anniversary of T.G. Stefanenko. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, (1).
6. Korenyushkina, S. (2015). Propaganda: Transformation of Mobilization Potential. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, (1).
7. Gerasimov, S. (2016). Tools for Shaping Symbolic Politics. *Socio-Political Sciences*, (2).
8. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (Original work published 1966).
9. Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and Simulation* (A. Kachalov, Trans.). Moscow: POSTUM. (Original work published 1981).
10. Shipacheva, D. (n.d.). How the Idea of Proper Nutrition Changed Our Reality and What Awaits Us Next. *RBC Research*. Retrieved February 13, 2026, from <https://style.rbc.ru/life/6501b8359a7947ff9347d4f7>
11. Lawande, S., & Bombe, P. (2025). *Organic Food Market Size, Share, Forecast, & Trends Analysis by Type (Fruits, Vegetable, Grains, Beverage, Bakery), Distribution Channel (Supermarket, E-commerce), Process (Un-processed, processed), Packaging Type (Fresh, Frozen) – Global Forecast to 2032*.
12. Gusain, P. (2025). *Global Health and Wellness Food Market Size, Share, and Trends Analysis Report – Industry Overview and Forecast to 2032*.
13. Lekontsev, I. (n.d.). The «Eco» Premium to the Price: Pros and Cons. *VTsIOM (Russian Public Opinion Research Center). News*. Retrieved February 13, 2026, from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-nadbavka-k-cene-za-i-protiv>
14. DSM Group. (2026). Study «Pharmaceutical Market of Russia: 2025 RESULTS».
15. Interfax. (n.d.). The Dietary Supplements Market in Russia Has Grown 2.5 Times in Five Years. *Interfax*. Retrieved February 13, 2026, from <https://www.interfax.ru/russia/1028025>
16. ORO. (n.d.). Study «How Consumer Preferences Will Change by 2025». *FOOD 360*. Retrieved February 13, 2026, from <https://www.sostav.ru/publication/71-rossiyan-izmenili-potrebitelskie-privychki-73728.html>
17. Dunn, H. (1959). High-Level Wellness for Man and Society. *American Journal of Public Health and the Nations Health*, 786–792.
18. INVITRO. (n.d.). INVITRO Study: 9 out of 10 Respondents Take Dietary Supplements. *INVITRO*. Retrieved February 2, 2026, from https://www.invitro.ru/moscow/about/press_relizes/issledovanie-inviro-9-iz-10-oproshennykh-prinimayut-bady-i-tolko-kazhdy-trety-po-rekomendatsii-vr/
19. Decision of the Customs Union Commission « Adoption of the Technical Regulation of the Customs Union 'On Food Safety'» (together with «TR CU 021/2011. Technical Regulation of the Customs Union. On Food Safety») dated 09.12.2011 № . 880 (as amended on 22.04.2024).
20. Federal Law of the Russian Federation «Quality and Safety of Food Products» dated 02.01.2000 № 29-FZ (as amended on 07.06.2025).
21. Law of the Russian Federation «On Advertising» dated 13.03.2006 № 38-FZ.
22. Order of the Ministry of Health of Russia «On Approval of the Procedure for the Prescription of Dietary Supplements by Medical Professionals in the Provision of Medical Care to Citizens» dated 17.11.2025 № 669н.
23. Federal Law «On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» dated 21.11.2011 № 323-FZ (as amended on 23.07.2025).

Применение качественного метода проблемно-ориентированного интервью в педагогических исследованиях

Соколова Алла Германовна,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Германович Татьяна Вадимовна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: tangerm068@rambler.ru

Конькова Анастасия Александровна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: nastyako13@mail.ru

В статье авторами рассматривается качественный метод проблемно-ориентированного интервью на примере педагогического исследования по развитию устной коммуникативной компетенции на занятиях английского языка у студентов архитектурной специальности. Предложенная методика дополняет количественные методы оценивания устной иноязычной коммуникативной компетенции и позволяет подтвердить достоверность полученных экспериментальных данных.

Ключевые слова: проблемно-ориентированное интервью, английский для специальных целей, педагогические исследования, качественный метод, коммуникативные навыки.

Introduction

Theoretical framework of PCI method

Problem-Centered Interviewing (PCI), a very popular qualitative research method in social studies including pedagogy, dwells upon the objectivist Grounded Theory (or Grounded Theory Method GTM) by B.G. Glasse and the constructivist version of this theory developed by K. Charmaz [1]. Instead of applying the conventional research process usually commencing with the formation of theoretical scaffolding for analysis and assessment of collected data, the PCI method first systematically collects and analyzes data, and then a theoretical framework is built up on them by the researcher. Thus, the PCI method perfectly complements conventional quantitative methods used in pedagogical research [2, 3].

The PCI method applies dialogical consolidation of pre-interpretation as a meaning-making process of the interviewer-respondent conversation interactions during the interview. The method allows the researcher to carry out the interactive meaning analysis and to revise pre-interpretations during the process of continuous verification of concepts.

In the process of conducting the series of interviews, the researcher, in close cooperation with the respondent, attempts to arrive at the meanings attributed to behavioral patterns demonstrated in social life. The researcher investigates how these meanings are generated and in what way they overlap with ambiguity of this life.

The aim of the PCI method is to study the interviewee's responses, actions and experiences, which are followed by their appraisal, justification and personal opinions. The meaning-making process of the PCI shares some common features with an active interview since many questions also begin with *how?* and *what?* However, the PCI emphasized the reasons and the motives for the prevalence of particular meanings, actions, and opinions of the respondents, i.e. *why?* questions. Also, the PCI is quite close to the open-ended in-depth interview, thanks to the subjective analysis of the given responses, the possible revision of interpretations and the flexibility of the interview guide. What distinguishes the PCI from other interview types is the explication of prior knowledge accumulated by the researcher when creating the Sensitizing Framework of the research [4].

Having completed the intervention period of 16 weeks and analyzed the results of final diagnostics by the statistical methods, the researchers have conduct-

ed the series of Problem-Centered interviews in experimental and control groups, to provide an additional support to the experimental data received by the quantitative methods.

The topic of the conducted research interview is to evaluate the impact of gamification on the development of communicative competence in students of non-linguistic universities in ESP language classes assessed as the result of the intervention period of 16 weeks prior the interview.

The purpose of the interview is to hear students' views and opinions about the new teaching method involving gamification for teaching ESP, to identify the advantages and disadvantages of this method from the students' position, to get their feedback and recommendations (if any) for further development of the method.

Methodology of the research

In the work of S. Kvale, the research interview is regarded as a qualitative method that identifies three contexts for understanding conversation [5]. Firstly, Kvale describes the research interview as a specific professional conversational technique enabling the researcher to build up knowledge by immediate interviewer-interviewee interaction. Secondly, according to Kvale, conversation is regarded as the primary form of cognition, and finally, the surrounding human reality is identified with the interlocutors engaging in dialogue with each other.

Key principles of the method of Problem-Centered Interviewing

The qualitative method of PCI interview is based on three key principles.

1. *Problem centering* means that the interview structure is built to reveal the interviewees' current perspectives in a structured and systematic way. However, the interviewer has unavoidable influence on the respondents throughout all stages of the PCI process. Studying the approbation of a new educational methodology, such as the application of gamification for teaching FL and developing communicative competence in students of non-linguistic universities, the existing background of previously acquired views, values, experience and knowledge of the researcher cannot be ignored or disregarded. Having based his/her judgments on professional experience and expertise, the researcher experiences difficulties to maintain neutrality and objectivity. H. Blumer has proposed to use Sensitizing Framework, a flexible and open to revision tool in social research [6] that facilitates the selection of an appropriate interview strategy.

2. *Process orientation*. This principle is applied to successive collection of data, its further analysis and interpretation by the researcher, whereas his/her prior knowledge and expertise cannot be completely neglected. To overcome the probable biases, deductive methods should be blended into the investigation process, i.e. the researcher should use pre-interpretations

reflecting the subjective level of comprehension. In the process of interviewing, the researcher's knowledge is evolving and developing whereas the collected data in the form of recorded responses are being continuously verified and systematized for further assessment and analysis. Moreover, the researcher may come to re-think previous conclusions or arrive at the revisions of previous statements, alternative interpretations of the same issue, and even at redundancy and contradictions. Contradictions can be further clarified during the interviews by means of special strategies that include follow-up questions, probes, confrontations, etc.

3. The third principle of PCI is *object orientation* that moves away from the methods examining social phenomena without explaining respondents' perception of them. This principle does not apply automatically the popular methods without considering the legitimacy of their selection. The researcher should choose techniques facilitating the best possible access to the respondent's reflections and behavior, for example, prioritizing narrative elements or more dialogical way of interviewing. These communicating strategies are discussed further in this section.

Stages of the method of Problem-Centered Interviewing

In all the cases, the PCI process needs to be relevant to the research objective and research problem. The qualitative research method of PCI can be subdivided into three key stages (fig. 1).

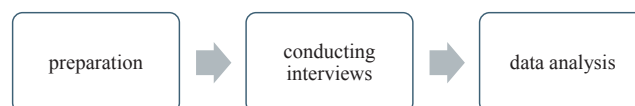

Fig. 1. Stage of the PCI research method

Stage 1. Preparation of the Sensitization Framework and the Interview Guidelines.

The researcher has chosen PCI as an appropriate method for the project and the research problem and proceeded to creation of a Sensitizing Framework that consists of the researcher's prior knowledge and professional experience on the studied object, i.e. the use of gamification for FL teaching in non-linguistic universities.

Here, three main elements of the framework can be identified, such as everyday knowledge, contextual knowledge, and sensitizing knowledge.

The preliminary exploration of the facts and their determinates by the researcher enables to predict and understand the statements of the interviewees, to distinguish contradictory or superficial opinions of the respondents that gives the interviewer a chance to be perceived as an unbiased and competent researcher by the respondents. If the researcher is fully aware of the context, he/she is able to connect statements given by the interviewees with the relevant information emerging in the course of the conducted interview. The researcher should consider family background of the interviewees, basis of upbringing, ethnic group affilia-

tion, mixed heritage, living conditions. However, this requires prolonged contact with respondents and complete trust on their part, which is built up over 16 weeks of studying-learning process during the intervention period. Rules of participation in the study are surely worth investigating prior conducting the interview.

Once the researcher has chosen the direction of the interview and set the research question, the interview guidelines establishing a thematic guide for the researcher should be designed. The guidelines' main function is to ensure that the research problem focus is maintained, therefore individual interviews of the respondents can be further compared to each other and analyzed. Nevertheless, the guidelines should be flexible enough to allow the respondent to drive the conversation and to give the researcher the opportunity to revise continuously the concepts as the result of the abductive insight. It is usually recommended to arrange the interview guidelines in the form of single thematic boxes.

Stage 2. Conducting Interviews.

The actual part of the interview commences with the Opening Question that breaks the standardized question-answer structure and establishes a narrative conversational style deprived of any cliché. This question can be non-directive and general in order to leave the respondent/interviewee a space to fill in with the narrative. In the current research, the Opening Question might sound like this: «As I mentioned earlier, I would like to talk about our English lessons of the previous semester and the gamification technique we have applied. Please go back in your mind and tell me about your experience in studying English using *Memrise.com* application. There

are № right or wrong answers, and anything I hear today will be invaluable to me».

This Opening Question addresses the main topic of the study in a clear and concise manner, and, at the same time, it gives the interviewee a certain freedom in choosing their answer. It emphasizes the significance of the interviewee's subjective meanings and experiences in his/her expert knowledge. The broader Opening Question enables the interviewer to create the reference points, which can be referred to later in the course of the interview, e.g.: «If you remember, at the beginning of our conversation I mentioned ... Could we please talk about it?» A longer Opening Question allows the interviewee to provide detailed responses and to review his/her statement.

Opening Question is then followed by the Opening Account (narrative) of the interviewee that reveals his/her initial view of the problem, creates a base of topics for exploration and «anchors» the follow-up questions that may arise. The next stage of the interview is an interactive and dialogical process carried out by means of two communication strategies, such as generating narrative and specifying its comprehension (tables 1 and 2). Depending on the interviewee's response, the researcher/interviewer makes a choice whether to ask a question generating a narrative or an interview. Nevertheless, in the course of the prepared structured interview, the researcher might make things up on the fly and use improvisation as that structured interviews might remove a sense of agency from interviewers.

Relating to the research problem, two communicative strategies were proposed by the researchers for conducting PCI (tables 1 and 2). The tables also provided the sample questions related to the research problem.

Table 1. Communicating strategies generating narrative

General exploration	Generating material	Examples of questions
The narrative-generating opening question (OQ)	An open invitation to address the research problem and to explain the respondent's general views on it	«I would like to talk about our English lessons of the previous semester and the gamification technique we have applied. Please go back in your mind and tell me about your experience in studying English using <i>Memrise</i> application». «How did your last semester go in English lessons? Tell me about this»
Detailing questions	Developing questions related to problems, topics, context, stimulation of memories	«Will you tell me in detail about your study?» «Do you find it useful and interesting to do homework on <i>Memrise</i> ?» «What score did you achieve on the scoring board?» «Have you used gamification for preparing your oral report?» «Are you satisfied with the achieved results?» «How did the competitive element affect you?»
Examples based on the own experience of the respondent	Reconstructing the respondent's memories and context, establishing a link to the structural environment	«Could you give me an example of a communicative situation involving foreign students». «Can you tell me about the funniest character in <i>Memrise</i> ». «Could you recall any situation during the last semester when you struggled to speak in English». «Tell me about your experience in participating in English-speaking club»
Ad-hoc questions	Collecting information from the respondent's narrative, comparing and analyzing	«Have you ever used gamification techniques for studying other disciplines?» «Were gamification elements used in the school foreign language curriculum?» «In your opinion, is an element of competition necessary in mastering the FL discipline?» «Did you keep track of your position on the scoring board?» «Do you consider yourself an expert in using <i>Memrise</i> now?»

General exploration	Generating material	Examples of questions
Repeated thematic comparison	Clarification of views, diversification of topics	«If you remember, at the beginning of our talk I mentioned the use of scoring board. Could we please talk about it?»

Table 2. Communication strategies generating comprehension.

Detailed exploration	Generating understanding	Examples
Mirroring	Communicative validation of the respondent's answers	Summing up, rephrasing, asking for respondent's comment, provoking denials – «If I understood correctly...», «If I got you right...», «So far I have understood that...»
Comprehension questions	Clarification of unclear or omitted facts and expressions	Generating ideas on the base of the interview – «You mentioned that... I didn't quite catch you...» «You were talking about... Could please clarify...»
Confrontations	Requesting clarification of contradictory statements	Summing up contradictory statements, tactful request for clarification – «Earlier in the interview you mentioned that ... but now you said that... Could you please clarify your position»

Having based the strategy of conducting the interview on the respondent's answers, the researchers selected questions generative narrative or those generating comprehension. Once the questions start repeating themselves and the interview topics have been exhausted, the researchers moved on to the final stage of PCI. It is necessary to give the interviewee the opportunity to express their opinion about the interview and ask follow-up questions, if any, in order to release emotions.

Stage 3. Analysis of the interviews.

The main stages of PCI analysis comprise transcription of the interviews, revision of the pre-interpretations from the script, and preparing the postscript note. In the course of analysis implementation, the original hypotheses of the researcher are supposed to be confirmed, substantiated and empirically grounded. Having based the analysis on the principles of the Constructivist Grounded Theory introduced by Barney G. Glaser and Anselm L. Strauss in 1967 [7], the researcher has identified three steps that include coding and indexing, vertical analysis and selective horizontal analysis.

The first step of analysis is coding, i.e. the process of analyzing the obtained data by labeling phenomena in the transcript, identifying patterns. The data are examined, compared, conceptualized and classified into the categories. It may occur that analyzing respondent's answers enables to identify problems that are not apparent when collecting information by other methods.

Next in line is axial or vertical analysis, where the researcher attempts to make connections between various categories, establish relationships between in-

terviewees' responses and actions. Interview results are compared with the results of the quantitative methods and observation of the researcher that helps to refine the conclusions obtained by means of PCI.

The third step is horizontal or selective analysis, where interpretations and stated relationships are deepened according to the core categories. It is quitter useful to outline the main categories from the interview guidelines on the side of the transcript and preliminary interpretations on the other side. This stage also includes the analysis of indirect indicators. Questions are formulated in such a way that the desired characteristics can be judged not only by the respondent's direct statements, but also by indirect indicators (use of examples and details, comments, facial expressions, emotional reactions).

The Interview Settings

The researchers have chosen the university classroom environment for conducting interviews as the most familiar and comfortable for students/respondents. The first week of spring semester (09.02.2026–13.02.2026) was dedicated to interviewing process as the students have just returned from winter break, some of them have travelled abroad or participated in international winter schools and, therefore, have put their communication skills to good use. The natural surroundings of the classroom are considered the most suitable for a productive and effective exchange of opinions with the interviewer. The questions and answers were formulated in English.

Four students of the experimental group and, respectively, four students from the control group have been chosen as the respondents, whereas participation in the research interview was fully at the student's discretion. Participants' similarities (age, background, level of education, belonging to the same study group, ethnic origin) were sufficient to confidently declare saturation, i.e. the point at which the researcher stops finding new insights, by the eighth interview.

The protocol of the interview

When compiling the bank of questions for the interview, the following basic requirements have to be considered:

- the PCI should be structured and systematic. The interview must commence with the questions that are easy for comprehension, with more difficult ones asked later in the course of the interview;
- the asked questions should be specific, concise, logical and understandable to the interviewees, with № further clarification or explanation needed;
- the question bank should be compiled in such a way that the questions do not contradict pedagogical tact and professional ethics.

The rules for conducting PCI can be formulated as follows:

- throughout the interview, the researcher should interact directly with the respondent, with № mediators or facilitators involved;
- the sequence of prepared questions should be strictly adhered to;
- each question of the interview should be read verbatim by the researcher from the questions bank without changing its form;
- the interviewee is not supposed to see the questions bank and anticipate the following questions;
- the duration of the interview should not exceed 20–25 minutes to avoid tiring the respondent and losing his/her interest in the process;
- the researcher should not influence the respondent in any way, by nodding, prompting, asking leading questions, or shaking head in disapproval to his/her answer;
- if the researcher does not understand the answer, only additional neutral questions can be asked (e.g., «What did you mean by that? Please explain in more detail...»);
- if the respondent does not understand the question, it should be read again slowly by the researcher, without providing any explanations. If the question remains unclear after being read again, mark it as «Question not understood»;
- answers are recorded strictly during the response. It is also wise to have a notebook to write down aspects of the interview that are not captured by the voice recorder (e.g. tone of voice during the interview, a participant's facial expression).

Questions banks

The question bank consisted of 20 items for participants in the control and experimental groups so as not to exceed the estimated time for the interview according to the protocol. The participants were familiarized with the interview protocol, informed about its purpose and estimated duration. The list of interview questions is provided in the table 3.

Table 3. Questions bank

1.	Good afternoon, as you know you participated in the pedagogical experiment during the autumn 2025 semester for 16 academic weeks in the discipline «English language for Specific Purposes». Tell us about your experience and the achieved results
2.	Do you consider ESP discipline necessary for the profession of architect? Do you think the program for mastering it is overloaded with assignments?
3.	Are you satisfied with the learning outcomes achieved during the intervention period? In your opinion, have you improved your communication skills?
4.	Do you have any previous experience giving oral presentations on professional topics in English?

5.	In what language did the teacher communicate during the lessons? For example, when explaining grammar topics
6.	Did you have the opportunity to practice actual speaking in English classes?
7.	In your opinion, have you enriched your vocabulary in the sphere of architecture?
8.	Your communication skills were assessed in the form of an oral presentation, at the beginning and at the end of the semester. Do you generally enjoy giving oral presentations in front of an audience? What aspects of oral report do you find difficult and uncomfortable?
9.	How did you feel about the competitive element throughout the teaching experiment? Did it motivate you or instead put additional pressure on you?
10.	In your opinion, would English language classes benefit from gamification elements?
11.	The pedagogical experiment coincided with the introduction of a point-based rating system for assessing student knowledge at the university this February (February 2026). Do you think that the rating system introduced at the English lessons made it easier for you to adapt?
12.	A typical English lesson lasts 1 hour and 20 minutes. Do you find the ESP lesson monotonous and boring?
13.	How long did it take on average to complete the homework for each lesson?
14.	Outside of the educational environment, have you been able to apply the English communication skills you have acquired?
15.	Several annual academic student conferences are planned for the spring semester 2026. Do you feel confident to participate and give an oral report in English?
16.	Would you like to continue learning a Foreign Language this spring semester using traditional methods, or are you willing to participate in experimental methods?
17.	Was there a language barrier issue for you at the beginning of the autumn semester, and how would you assess the current situation?
18.	How do you plan to maintain the English communication skills you have acquired in the future?
19.	Tell us about the most interesting or the most memorable communication situation during an English class
20.	If you had the opportunity to meet famous architects of today, who would you choose and what questions would you ask them?

Conclusions

The proposed qualitative method of Problem-Centered Interview can be regarded as the complementary methodology for quantitative methods in pedagogical research. The authors carried out the pedagogical research on developing communicative competence in Foreign Language in students majoring in Architecture throughout the intervention period of 16 weeks and conducted the series of Problem-Centered interviews in experimental and control groups, to provide an addi-

tional support to the experimental data received by the quantitative methods. The proposed methodology can be applied to complement the assessment of students' educational outcome in FL proficiency.

Литература

1. Брайант, А. (2003). Конструктивистский ответ Глейзеру. К вопросу о Барни Дж. Глейзере: конструктивистская обоснованная теория? // Форум: Качественные методы в социальных исследованиях. Том 4. Выпуск 1. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-4.1.757>
2. Соколова, А.Г., Германович, Т.В. (2025). Система оценивания иноязычных коммуникативных навыков у студентов нелингвистических вузов // Социология. № 6. Сс. 225–230. EDN: JPBQWN
3. Метелькова, Л.А., Салихова, О.К., Зайцева, Е.Л. (2025). Стилистический подход к определению оценки // Социально-гуманитарные знания. № 1. С. 97–100. EDN: JSRIPF
4. Матковский, С. (2021). Применение метода проблемно-ориентированного интервью как метода педагогического исследования // Обзор педагогических исследований. Выпуск 35(2). С. 291–308.
5. Квале, С. (1996). Интервью: введение в качественные методы интервьюирования. Лондон: Сейдж Публикейшн, 326 с.
6. Уитцел, А.Х., Рейтер, Х. (2012). Проблемно-ориентированное интервью: принципы и практика. Лондон: Сейдж Публикейшн.
7. Глейзер, Б.Дж., Штраус, А.К. (1967). Открытие обоснованной теории. Стратегии качествен-

ных исследований. Чикаго: Эдлинг Пабблишинг Компани. 60 с.

APPLICATION OF PROBLEM-CENTERED INTERVIEW AS A QUALITATIVE RESEARCH METHOD IN PEDAGOGICAL STUDIES

Sokolova A.G., Germanovich T.V., Konkova A.A.

National Research Moscow State University of Civil Engineering, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In this article, the authors examine a qualitative method of Problem-Centered Interviewing using the example of a pedagogical study on the development of oral communicative competence in English classes for architecture students. The proposed methodology complements quantitative methods for assessing oral foreign language communicative competence and allows for the validation of the experimental data obtained.

Keywords: Problem-Centered Interview, English for Specific Purposes, pedagogical research, qualitative method, communication skills.

References

1. Bryant, A. (2003). A Constructive/ist Response to Glaser. About Barney G. Glaser: Constructivist Grounded Theory? // Forum: Qualitative Social Research. Vol. 4. Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-4.1.757>
2. Sokolova, A.G., Germanovich, T.V. (2025). System for assessing foreign language communicative skills of students of non-linguistic universities // Sociology. Issue 6. Pp. 225–230. EDN: JPBQWN
3. Metelkova, L.A., Salikhova, O.K., Zaytseva, E.L. (2025). Stylistic approach to defining evaluation // Social and Humanitarian Knowledge. Issue 1. Pp. 97–100. EDN: JSRIPF
4. Matkowski, S. (2021). The Application of Problem-Centered Interview as a Method of Pedagogical Research // Educational Studies Review. Issue 35(2). Pp. 291–308.
5. Kvale, S. (1996). Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing. London: Sage Publications, 326 p.
6. Witzel, A.H., Reiter, H. (2012). The Problem-Centered Interview Principles and Practice. London: Sage Publications.
7. Glaser, B.G., Strauss, A.K. (1967). The Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research. Chicago: Adling Publishing Company. 60 p.

Социальные технологии формирования протестной активности: анализ специфики реализации протестной активности в г. Москве (на основе метода глубинного интервью)

Харсеева Алла Викторовна,

соискатель ученой степени, старший преподаватель, кафедра социологии управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 9057787888@mail.com

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление специфики воздействия социальных технологий формирования протестной активности через призму восприятия непосредственных участников. На основе анализа 25 глубинных интервью с жителями г. Москвы, участвовавшими в протестных акциях в период с 2010 г. по 2020 г., выделены четыре типа участников: последовательный, предметный, ситуативный и карнавальный. Установлено, что ключевым триггером вовлечения в протест выступает ощущаемая относительная депривация, подкрепляемая чувством несправедливости, что подтверждает положения теории У. Рансимена и Т. Гарра. Одновременно выявлено, что активизация протестного поведения обеспечивается через целенаправленное применение социальных технологий: формирование проблемной повестки, создание символических ориентиров («белая лента», «желтая уточка», мемы), построение информационно-коммуникативных сетей в социальных медиа, юридическая и организационная поддержка. Особое внимание уделено трансформации протеста под влиянием законодательных ограничений – от уличных акций к виртуальным формам. Показано, что социальные технологии функционируют как инструмент не только мобилизации, но и конструирования коллективной идентичности и эмоциональной солидарности. Результаты подтверждают, что протестная активность в г. Москве рассматриваемого периода не была стихийной, а являлась продуктом осознанного применения технологий, соответствующих схемам, описанным в теориях цветных революций. Исследование вносит вклад в понимание механизма «внутреннего» восприятия социальных технологий и их роли в управлении коллективным поведением.

Ключевые слова: протестная активность, социальные технологии, относительная депривация, социальная встроенность, виртуальный протест, символическая атрибутика, глубинное интервью, цветные революции.

Введение

Современные социальные движения в России, и в частности в столице, представляют собой сложный феномен, находящийся на пересечении политических, правовых, культурных и технологических трансформаций. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных протестной активности в Российской Федерации, остаются недостаточно изученными субъективные механизмы вовлечения граждан в протестные акции, а также влияние институциональных ограничений на формы и содержание протеста. Особенно актуальным становится анализ этих процессов в условиях ужесточения законодательства, цифровизации общественной жизни и трансформации публичной сферы.

Целью настоящей статьи является выявление специфики реализации протестной активности в г. Москве на основе данных, полученных в ходе проведения глубинных интервью с участниками протестных акций, проходивших в период с 2011 по 2022 г. В отличие от предшествующих исследований, ориентированных преимущественно на внешний анализ событий, данная работа фокусируется на внутренней перспективе участников, что позволяет реконструировать мотивационные, когнитивные и эмоциональные аспекты их вовлечения, а также оценить эффективность используемых социальных технологий.

Методологической основой исследования выступает качественный подход, в рамках которого был проведен анализ 25 полуструктурированных глубинных интервью. Выборка была сформирована по принципу целенаправленного отбора: все респонденты имели опыт участия хотя бы в одной протестной акции в г. Москве. Период проведения интервью – май–август 2023 г. Соблюдение анонимности и конфиденциальности было обеспечено в полном объеме, что позволило преодолеть высокий уровень недоверия со стороны потенциальных участников.

Теоретически исследование опирается на концепции относительной депривации [4], социального капитала [5] и социальных технологий как совокупности инструментов целенаправленного воздействия на социальные процессы [9, 6]. Особое внимание уделяется анализу того, как эти технологии адаптируются к условиям среды, где традиционные формы гражданской активности при-

меняются в контексте существующий социально-правовых условий. Дополнительно используются концепции публичной сферы [2], эмоциональной политики [3] и сетевой мобилизации [8], что позволяет рассматривать протест как многоуровневый процесс, включающий как структурные, так и агентурные компоненты.

Методология и выборка: особенности сбора данных в условиях репрессивного контекста

Проведение качественного исследования в сфере протестной активности в современной России сопряжено с рядом методологических вызовов. Ключевым из них является высокий уровень недоверия респондентов к сохранению анонимности источников информации и отсутствию социальных последствий для них. В ходе подготовки к исследованию было зафиксировано отказное поведение у 40% потенциальных участников, которые, несмотря на заверения в анонимности, опасались зафиксированного признания факта своего участия в протестах. Это само по себе является важным социальным индикатором: оно свидетельствует о том, что в общественном сознании укоренилось представление о протесте как о деянии, несущем значительные риски, включая административную и уголовную ответственность.

Для преодоления этого барьера был применен двухэтапный подход: на первом этапе – установление доверительного контакта через нейтральные вопросы о социальной жизни, профессиональной деятельности, медиапотреблении; на втором – постепенный переход к теме протестной активности, с акцентом на ее восприятие, а не на факт участия.

Интервью проводились в очном и онлайн-форматах с использованием видеокommunikационных платформ. Продолжительность каждого интервью не превышала двух часов, что соответствует рекомендациям по предотвращению когнитивной и эмоциональной усталости респондентов. Гайд интервью включал два смысловых блока: реконструкция конкретного опыта участия в протестной акции (причины, информационные источники, поведение, восприятие) и рефлексивная оценка текущего состояния протестной культуры и личной готовности к участию в будущих акциях.

Выборка составила 25 человек в возрасте от 21 до 57 лет (соотношение мужчин и женщин – 3:2). Большинство респондентов (23 из 25) имеют высшее образование. 19 человек проживают в г. Москве, из них 8 переехали в столицу из других регионов. 16 респондентов состоят в браке. Анализ возраста на момент участия в протестах подтверждает тенденцию к «омоложению» протестной активности: лишь 6 респондентов участвовали в акциях после 35 лет, причем пятеро из них – исключительно в связи с пенсионной реформой 2018 г. Наибо-

лее массовым событием, объединившим респондентов, стали акции 2011–2012 гг. (10 человек) и митинг 27 марта 2017 г. (6 человек).

Типология участников протестной активности: идеальные типы и их динамика

На основе анализа нарративов респондентов была выделена четырехкомпонентная типология участников протестной активности, которая позволяет систематизировать разнообразие мотиваций и форм вовлечения.

Последовательный тип. Характеризуется устойчивой вовлеченностью в протестные движения, высокой политической грамотностью, осознанной идеологической позицией и постоянным участием в информационно-коммуникативных сетях. Таких респондентов – трое. Их биографии демонстрируют раннюю социализацию в среде активистов, влияние семьи или профессиональной среды (журналистика, право, политология). Например, один из респондентов начал изучать нормативно-правовые акты еще в юношеском возрасте, что позже определило его выбор профессии и гражданской позиции. Для данного типа характерна рефлексивная дистанция по отношению к эмоциональным аспектам протеста: участие воспринимается как долг, а не как способ самовыражения. Эти участники часто выполняют функции информаторов и «наставников» для менее опытных протестующих, распространяя знания о правовых аспектах и тактиках поведения.

Предметный тип. Участие обусловлено личной или близкой проблемой (экология, жилищные права, профессиональная угроза). Активность носит ситуативный, но целенаправленный характер. Респонденты данного типа (8 человек) не идентифицируют себя с оппозиционным движением в целом, но видят в протесте инструмент решения конкретной проблемы. Например, один из респондентов принял участие в митинге после того, как местные власти разрешили вырубку леса под застройку на участке, приобретенном им для строительства дома. Другой – в связи с задержанием журналиста И. Голунова, что было воспринято как угроза профессиональной свободе. Для данного типа характерна инструментальная рациональность: протест – это средство, а не цель. После достижения цели (или признания невозможности ее достижения) активность прекращается.

Ситуативный тип. Вовлечение происходит под влиянием медиа-кампаний, публичных расследований (например, фильм «Он вам не Димон» (2017 г.)) или призывов лидеров общественного мнения. Участие мотивировано чувством несправедливости, но не связано с личным опытом ущемления. Таких респондентов – 7. Их отличает

высокая восприимчивость к символическим кодам и готовность к кратковременной мобилизации. Однако после завершения акции они, как правило, возвращаются к аполитичному образу жизни. Примечательно, что данный тип наиболее подвержен влиянию эмоциональной риторики, особенно когда она связана с моральными категориями (честность, коррупция, свобода).

Карнавальный тип. Участие воспринимается как форма досуга, социального взаимодействия или «интересного события». Отсутствует политическая мотивация; ключевым фактором выступает приглашение друзей или привлекательность формата (музыка, символика, атмосфера). Данный тип наиболее ярко проявился среди участников акции 27 марта 2017 г., включая несовершеннолетних. Один из респондентов прямо заявил: «Меня позвали друзья... пока не стали задерживать, было довольно весело». Для данного типа характерна низкая степень рефлексии: протест воспринимается как развлечение, а не как политическое действие.

Важно отметить, что выделенные типы носят идеально-типический характер и могут сочетаться в одном субъекте в зависимости от контекста. Однако в указанных интервью прослеживается тенденция к восходящей траектории: от карнавального к последовательному типу по мере роста информированности и вовлеченности. Эта динамика указывает на то, что протестная активность может выступать как механизм политической социализации, особенно для молодежи.

Мотивационные и ценностные основания протеста: роль справедливости и депривации

Центральным мотивом участия в протестной активности, за исключением карнавального типа, выступает ощущаемая несправедливость, что согласуется с данными социологических исследований (Институт социологии РАН, 2020), где справедливость занимает первое место в иерархии ценностей россиян. Особенно ярко это проявилось в реакции на выборы 2012 г. («меня оскорбило», «чувствовал обман»); пенсионную реформу 2018 г. («это первый шаг к лишению прав будущих поколений»); задержание И. Голунова в 2019 г. («это мог быть я»).

Таким образом, подтверждается гипотеза о роли относительной депривации как ключевого триггера протестной мобилизации. При этом важно, что депривация носит не столько материальный, сколько морально-этический характер: речь идет не о лишении ресурсов, а о нарушении ожиданий в отношении честности, прозрачности и предсказуемости государственной политики. Это указывает на то, что в российском обществе сохраняется высокий запрос на моральную легитимность власти.

Коммуникационные каналы и социальные технологии: от информирования к снижению барьеров

Все респонденты указали на доминирующую роль сети «Интернет» и социальных сетей в информировании о протестных акциях. Однако режим получения информации различался: предметные и последовательные участники самостоятельно искали информацию через официальные группы, социальные сети и видеохостинги; ситуативные и карнавальные узнавали о событиях через рекомендательные алгоритмы, посты знаменитостей или приглашения друзей.

Отмечается широкое использование технологий снижения барьеров участия: рассылки с инструкциями по поведению, рекомендации по экипировке (документы, пауэрбанки, удобная обувь), юридическая поддержка. Это свидетельствует о применении специализированных социальных технологий, направленных на формирование социального капитала и снижение рисков. Например, один из респондентов сообщил, что получил через Telegram-канал подробную инструкцию, включавшую не только маршруты, но и советы по питанию и связи. Такие практики демонстрируют высокий уровень организационной зрелости протестных движений, которые функционируют как сетевые структуры с элементами саморегуляции.

Кроме того, наблюдается использование технологий создания коллективной идентичности: единая символика, лозунги, мемы. Это позволяет формировать чувство принадлежности к сообществу даже у тех, кто ранее не участвовал в протестах. Таким образом, социальные технологии здесь выполняют не только информационную, но и интегративную функцию.

Символика, эмоциональный контекст и изменение формата протеста

Эволюция символики протеста отражает трансформацию его содержания:

2011–2013 гг.: белые ленты, шары, Болотная площадь;

2017–2019 гг.: «желтая уточка», «крссовки Д. Медведева», мемы;

2019–2022 гг.: символ «Я/Мы».

Эмоционально протест воспринимается как пространство единения и легитимного самовыражения: «я среди нормальных людей», «я могу повлиять». Однако наблюдается тенденция к виртуализации: участники все чаще предпочитают кратковременное присутствие с последующим наблюдением через онлайн-трансляции, особенно в случае несанкционированных акций. Эта практика позволяет сохранить ощущение участия, минимизируя риски. Один из респондентов отметил:

«Я на митинге провел максимум два часа, а потом смотрел все дома».

Важно, что эмоциональный компонент играет ключевую роль в формировании лояльности к движению. Чувства единения, солидарности, надежды – все это создает положительный опыт, который может стать основой для будущей мобилизации. Однако в условиях репрессий эти эмоции все чаще смешиваются со страхом, что снижает готовность к повторному участию.

Влияние законодательства и институциональных барьеров: от демобилизации к виртуализации

Анализ показывает, что последовательная модернизация законодательства (2012–2020 гг.) стало ключевым фактором снижения уличной активности. Хронология изменений свидетельствует о системной стратегии: 2012 г.: введение «гайд-парков», увеличение штрафов; 2014 г.: уголовная ответственность за повторные нарушения; 2017 г.: ограничения в связи с Чемпионатом мира по футболу; 2020 г.: контроль над финансированием и особые условия в связи с эпидемиологической обстановкой.

Респонденты прямо указывают на страх перед задержаниями и насилием как на причину отказа от участия: «госполитика сработала». Одновременно растет интерес к виртуальным формам протеста (онлайн-петиции, акции в Яндекс.Картах, хештеги), которые воспринимаются как безопасная альтернатива. Однако часть респондентов (особенно старшего поколения) считает такие формы неэффективными: «Виртуальный протест можно игнорировать».

Это указывает на раскол в восприятии эффективности протеста: молодежь склонна к цифровым формам, тогда как более зрелые участники ценят физическое присутствие как форму давления.

Оценка эффективности и перспективы протестной активности

Респонденты, участвовавшие в акциях 2011–2012 гг., отмечают реальные политические последствия (отмена законопроектов, усиление наблюдения на выборах). В последующие годы подобных результатов не зафиксировано, что ведет к разочарованию и демобилизации.

Интересно, что участники единичных акций чаще выражают поддержку общему курсу страны, критикуя лишь отдельные решения. Это указывает на фрагментацию протестного поля: протест против конкретной меры не всегда означает системную оппозицию. Один из респондентов прямо заявил: «Я мог бы участвовать и в других митингах, но личность Навального вызывает отторжение». Это подтверждает гипотезу о том, что на момент начала 2020-х в России протестная актив-

ность стала деидеологизирована: она направлена не против системы в целом, а против конкретных решений, воспринимаемых как несправедливые.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд теоретически и практически значимых выводов.

Во-первых, протестная активность в г. Москве носит преимущественно ситуативный и проблемно-ориентированный характер, мотивируемый чувством несправедливости, а не идеологической оппозицией. Это указывает на то, что гражданское общество в России остается фрагментированным, а протест – реактивным, а не проактивным.

Во-вторых, социальные сети и цифровые технологии играют двойную роль: они одновременно снижают порог вовлечения и способствуют виртуализации протеста, что снижает его политическую эффективность. Цифровизация создает иллюзию массовости, но не заменяет реального давления на власть.

В-третьих, институциональные барьеры (законодательные, в первую очередь) оказывают значительное демобилизующее воздействие, особенно на категории, не имеющие устойчивой активистской идентичности.

В-четвертых, социальные технологии, используемые в тот период организаторами протестов, демонстрируют высокий уровень профессионализма: от создания символических кодов до юридического сопровождения.

Таким образом, протестная активность в г. Москве в 2010–2010 гг. представляла собой гибридную форму гражданского участия, сочетающую элементы классического уличного протеста, цифрового активизма и ситуативной гражданской инициативы.

Литература

1. Гавра Д. П., Быкова Е. В. Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 2. С. 3–24.
2. Зайцев А.В. Трансформация концепции публичной сферы Ю. Хабермаса в инфокоммуникативной и цифровой реальности конца XX – начала XXI вв. (теоретико-методологический аспект) // Философская мысль. 2023. № 10. С. 51–62.
3. Каляева Е.Н. Эмоции и социальные протесты: значение изучения эмоций для понимания коллективного поведения в современном обществе // Журнал исследования социальной политики. 2020. № 1. С. 162–168.

4. Лапина Н.Ю. Люди не прекращают бунтовать: акторы, стратегии, политические уроки социальных протестов в современной Франции // Власть и элиты. 2023. № 2. С. 183–210.
5. Люблинский В.В. Социальный капитал и политические отношения в контексте развития сетевого общества // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 5. С. 107–119.
6. Осипов Г. В., Карпова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Информационное воздействие на сознание современного социума: технологии и противодействия // Устойчивость российского государства и общества в условиях укрепления традиционных ценностей и становления многополярного мира. Социальная и социально-политическая ситуация: [монография] / Т.В. Барановская, В.А. Безвербный, Н.В. Березина [и др.]; под ред. В.К. Левашова; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2025. С. 248–274.
7. Петрова К.С. Феномен «цветных революций» на примере Гонконга // Россия в глобальном мире. 2022. № 23. С. 11–23.
8. Соколов А. В., Палагичева А.В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // Политическая наука. 2020. № 3. С. 266–297.
9. Шульц Э.Э. Протест в России 2017–2021: технологии и закономерности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. № 3. С. 312–328.

SOCIAL TECHNOLOGIES OF PROTEST MOBILIZATION: AN ANALYSIS OF THE SPECIFICS OF PROTEST ACTIVITY IN MOSCOW (BASED ON THE IN-DEPTH INTERVIEW METHOD)

Kharseeva A.V.

Lomonosov Moscow State University

This article presents the findings of an empirical study aimed at understanding how social technologies of protest mobilization operate from the perspective of participants themselves. Based on 25 in-depth interviews with Moscow residents who took part in protest actions between 2010 and 2020, four participant types were identified: consistent, issue-based, situational, and carnivalesque. The analysis reveals that perceived relative deprivation – rooted in a strong sense of injustice – serves as the primary trigger for participation, thereby confirming theoretical propositions by W. Runciman

and T. Gurr. At the same time, protest mobilization is shown to be enabled by deliberate use of social technologies: agenda-setting, symbolic framing («white ribbons», «yellow rubber ducks», internet memes), construction of digital communication networks, and provision of legal and logistical support. The study also documents the shift from street protests to virtual forms under the pressure of tightening legislation. It is argued that social technologies not only facilitate mobilization but also actively construct collective identity and emotional solidarity. The findings confirm that protest activity in Moscow during the 2010s was not spontaneous but rather the outcome of intentional application of techniques aligned with theories of color revolutions. This research contributes to the sociology of protest by elucidating how social technologies are perceived and internalized by participants and how they function as instruments of collective behavior management.

Keywords: protest activity, social technologies, relative deprivation, social embeddedness, virtual protest, symbolic attributes, in-depth interviews, color revolutions.

References

1. Gavra D. P., Bykova E.V. Mediatized Mobilization of Protest in Social Networks: Algorithms for Constructing Speech Strategies // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2021. № 2. pp. 3–24.
2. Zaitsev A.V. Transformation of J. Habermas's Concept of the Public Sphere in the Infocommunicative and Digital Reality of the Late 20th – Early 21st Centuries (Theoretical and Methodological Aspect) // Philosophical Thought. 2023. № 10. pp. 51–62.
3. Kalyaeva E.N. Emotions and Social Protests: The Importance of Studying Emotions for Understanding Collective Behavior in Modern Society // Journal of Social Policy Research. 2020. № 1. pp. 162–168.
4. Lapina N. Yu. People Do Not Stop Rebelling: Actors, Strategies, and Political Lessons of Social Protests in Modern France // Power and Elites. 2023. № 2. pp. 183–210.
5. Lyublinksky V.V. Social Capital and Political Relations in the Context of the Development of a Network Society // Social and Humanitarian Knowledge. 2021. № 5. pp. 107–119.
6. Osipov G. V., Karepova S.G., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N. Information Impact on the Consciousness of Modern Society: Technologies and Countermeasures // Stability of the Russian State and Society in the Context of Strengthening Traditional Values and the Emergence of a Multipolar World. Social and Socio-Political Situation: [monograph] / T.V. Baranovskaya, V.A. Bezverbny, N.V. Berezina [et al.]; ed. V.K. Levashova; FNIS RAS. – Moscow: FNIS RAS, 2025. Pp. 248–274.
7. Petrova K.S. The Phenomenon of «Color Revolutions» on the Example of Hong Kong // Russia in the Global World. 2022. № 23. Pp. 11–23.
8. Sokolov A.V., Palagicheva A.V. Mobilization and Demobilization in Online Political Protest // Political Science. 2020. № 3. Pp. 266–297.
9. Shults E.E. Protest in Russia 2017–2021: Technologies and Patterns // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Public and Municipal Administration. 2021. № 3. Pp. 312–328.

Социокультурные маркеры гражданской идентичности в современном российском обществе

Данилов Вячеслав Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Статья посвящена выявлению социокультурных маркеров гражданской идентичности в современном российском обществе на материале научной литературы 2021–2025 гг. Актуальность определяется ростом неоднородности идентификационных практик при одновременном расширении цифровых форм участия, что требует уточнения набора признаков, по которым фиксируется гражданская самоидентификация в исследовательских процедурах. Новизна связана с систематизацией маркеров в единой аналитической рамке, где сопрягаются ценностные ориентации, доверие к институтам, региональная специфика, молодежные практики онлайн-участия и образовательные механизмы социализации. В рамках работы описаны подходы к определению гражданской идентичности и ее структурным компонентам, изучены эмпирические результаты о связи идентификации со страной с ценностями и институциональным доверием, рассмотрены региональные различия и методики измерения. Особое внимание уделено цифровым моделям участия молодежи и технологическим форматам формирования государственно-гражданской идентичности. Работа ставит цель: выделить и обосновать систему социокультурных маркеров гражданской идентичности. Для решения применены анализ и сопоставление источников, тематическая группировка результатов, интерпретация выводов. В заключении предложена типология маркеров и направления применения в исследованиях и практике. Статья полезна социологам, политологам, исследователям молодежи и специалистам гуманитарной политики.

Ключевые слова: гражданская идентичность, социокультурные маркеры, ценности, институциональное доверие, региональная идентичность, молодежь, цифровое участие, патриотизм, измерение идентичности, российское общество.

Введение

Актуальность исследования связана с изменением механизмов гражданской самоидентификации в российском обществе: повседневные практики принадлежности к стране все чаще выражаются через сочетание ценностных ориентаций, отношения к институтам, норм гражданского поведения, региональных символических репертуаров и цифровых форм публичной вовлеченности. На уровне научного описания данная динамика усиливает запрос на операционализацию признаков гражданской идентичности, пригодных для сопоставления поколений, регионов и социальных групп, без опоры на единичный показатель.

Цель исследования: выделить и описать систему социокультурных маркеров гражданской идентичности, релевантную современному российскому обществу, опираясь на результаты русскоязычных исследований последних лет. Задачи:

- 1) систематизировать трактовки гражданской идентичности и модели ее структуры, применяемые в отечественных работах;
- 2) выделить группы маркеров гражданской идентичности (ценностно-нормативные, институционально-доверительные, практико-поведенческие, регионально-символические, образовательные и цифровые) и описать их проявления;
- 3) обосновать способы фиксации маркеров в аналитических процедурах (логика измерения, индикаторы, ограничения интерпретации).

Новизна исследования связана с объединением разнородных исследовательских результатов в единую систему маркеров, где цифровые практики участия, региональная специфика, ценностные предикторы и доверие к институтам рассматриваются как взаимосвязанные линии описания гражданской идентификации, пригодные для дальнейшей операционализации в прикладных исследованиях.

Материалы и методы

Эмпирико-теоретическая база статьи сформирована на материале современных русскоязычных работ, фиксирующих измерения гражданской идентичности через цифровые практики, региональную специфику, ценностные ориентации, доверие к институтам и методики оценивания. С.Б. Абрамова, Н.Л. Ан-

тонова [1] описали связь гражданской идентичности молодежи с цифровым участием и «моделью наблюдателя» в онлайн-вовлеченности; Е.М. Арутюнова [2] представила региональный кейс Республики Саха (Якутия), раскрывающий содержание и уровень российской гражданской идентичности в массовых опросах и качественных процедурах; Т.В. Бугайчук, О.А. Коряковцева [3] предложили интегративную модель гражданской идентичности с выделением когнитивного, ценностно-мотивационного и деятельностного компонентов; М.А. Гагарина, Е.Н. Викентьева, А.С. Горшкова [4] исследовали сопряженность идентификации со страной, институционального доверия и установок экономического менталитета; И.А. Горьковая, А.В. Микляева, О.М. Самойлов [5] показали вклад ценностных ориентаций в выраженность гражданской идентичности подростков; Н.В. Проказина, Н.Н. Хатнюк [6] обосновали социально-технологический подход к формированию государственно-гражданской идентичности молодежи; О.В. Попова [7] систематизировала инструментарий оценивания гражданской идентичности российской молодежи на основе экспертного обсуждения; В.А. Федотова [8] раскрыла связи гражданской и этнической идентичности с ценностями в выборочных исследованиях; В.А. Федотова [9] в монографии представила многопараметрическое рассмотрение социокультурных детерминант идентичности с учетом межпоколенных, гендерных и региональных различий; Е.А. Токарева, А.А. Казенина, А.Ж. Хасянов [10] проанализировали взаимосвязь гражданской и культурной общероссийской идентичности, акцентируя патриотизм и образовательные механизмы социализации.

Методы: применены анализ и сопоставление научных публикаций, тематическая классификация результатов, логико-понятийное моделирование системы маркеров, интерпретация выводов с учетом различий дизайна исследований (опросные, экспертные, качественные процедуры).

Результаты

Современная исследовательская литература описывает гражданскую идентичность через совокупность когнитивных представлений о принадлежности к политическому сообществу, ценностно-нормативных ориентаций и практик участия. Интегративная модель, предложенная в политологической рамке, закрепляет три компонента: когнитивный, ценностно-мотивационный, деятельностный; подобная триада задает удобную схему для выделения маркеров, поскольку переводит «принадлежность» в наблюдаемые индикаторы знания, оценивания и действия [3].

1. Ценностно-нормативные маркеры. Эмпирические исследования связывают выраженность гражданской идентичности с конфигурациями ценностей, задающими предпочтительные нормы поведения и ожидания от социального поряд-

ка. В выборочных данных по россиянам показана связь гражданской идентификации со страной с ценностями социальной направленности; отмечены эффекты ценностей безопасности, благожелательности, универсализма и традиции при сопоставлении гражданской и этнической самоидентификации [8]. Монографическое рассмотрение расширяет поле маркеров: ценности, экономическое благополучие, политические установки и воспринимаемая дискриминация описаны как параметры, через которые прослеживаются различия идентификационных профилей по возрасту, полу, занятости и региону проживания [9]. В подростковой группе выявлены ценностные предикторы гражданской идентичности, что усиливает аргумент о значимости ценностно-нормативной линии как отдельного блока маркеров, чувствительного к социальным условиям и особенностям поведения [5].

2. Институционально-доверительные маркеры. Психологическая линия исследований фиксирует сопряженность идентификации со страной с институциональным доверием. В работах по экономическому менталитету показана связь уровня идентификации со страной с параметрами доверия к институтам и их опосредующей функцией в отношениях между идентификацией и индексами экономического менталитета [4]. Указанный результат позволяет трактовать доверие как маркер, отражающий не только отношение к государству и правилам, но и устойчивость когнитивных ожиданий относительно справедливости процедур и предсказуемости институтов в повседневном опыте [4].

3. Практико-поведенческие маркеры участия, включая цифровую среду. В исследованиях молодежи гражданская идентичность связывается с режимами гражданского участия, где цифровые действия занимают отдельное место. На материале региональной молодежи показано, что цифровое участие и «наблюдательская модель» вовлеченности рассматриваются как индикаторы, через которые проявляется гражданская идентификация, при этом сама логика участия смещается от прямых коллективных действий к мониторингу, репостам, подпискам и другим формам присутствия в публичном поле [1]. Аналитическое значение данного результата связано с расширением набора маркеров: вместо фиксации «участия/неучастия» вводится градация форм присутствия в общественной коммуникации, где наблюдение и оценивание политико-социальных событий структурирует самоощущение гражданской принадлежности [1]. Параллельно социально-технологический подход к формированию государственно-гражданской идентичности описывает механизм институционального воздействия через интеграцию образования, медиасреды и общественной активности, подчер-

кивая двунаправленный характер формирования идентичности: институциональное регулирование сочетается с саморегуляционными практиками молодежи [6]. Сопоставление последних задает практический вывод для системы маркеров: поведенческие признаки гражданской идентификации корректнее фиксировать не только через декларации лояльности, но через типы вовлеченности (офлайн/онлайн; активное действие/наблюдение; институциональные форматы/самоорганизация), поскольку разные режимы вовлеченности опираются на разные мотивационные структуры и разные каналы социализации [1; 6].

4. Регионально-символические маркеры и различия содержания идентификации. Региональная перспектива показывает, что маркеры гражданской идентичности приобретают содержательную специфику при переходе от общероссийского уровня к локальным рамкам. В кейсе Республики Саха (Якутия) анализируется уровень российской идентичности по рекомендованной методике и раскрывается ее содержание в демографических, социальных и этнических подвыборках, опираясь на массовый опрос, экспертные интервью и фокус-группы [2]. Для системы маркеров данный материал дает два результата: во-первых, «уровень» идентичности требует дополнения «содержательным профилем» (какие именно смыслы и основания принадлежности доминируют); во-вторых, региональная оптика повышает чувствительность к символическим репертуарам, локальным историческим нарративам и структуре межэтнических отношений, что делает набор маркеров вариативным при сравнении территорий [2]. Монография, ориентированная на межпоколенные, гендерные и региональные различия, поддерживает данный вывод, поскольку показывает необходимость разведения факторов по группам и учета многомерных детерминант при интерпретации идентификационных профилей [9].

5. Образовательные маркеры гражданской социализации и культурно-идентификационная линия. В философско-педагогической традиции гражданская идентичность рассматривается в связке с культурной общероссийской идентичностью, а патриотизм описывается как один из индикаторов гражданского самосознания и как продукт образовательных воздействий [10]. Для системы маркеров данный блок дает операциональные ориентиры: индикаторами выступают представления о ценностях и традициях страны, готовность соотносить личные планы с судьбой страны, принятие норм гражданского поведения, ориентация на участие в общественно значимых практиках через образовательные траектории [10].

6. Маркеры измерения и методическая проверка индикаторов. При аналитическом подходе, без собственного эмпирического массива, существенное место занимает сопоставление процедур из-

мерения. Экспертное обсуждение методик оценивания гражданской идентичности российской молодежи фиксирует проблемные зоны операционализации: разнородность шкал, смешение ценностных, поведенческих и когнитивных индикаторов, зависимость результата от формулировок и исследовательских рамок [7]. В увязке с работами, где применяются массовые опросы, интервью и фокус-группы, данный вывод задает критерий качества маркеров: один индикатор не обеспечивает полноценного описания; надежное описание требует набора взаимодополняющих показателей, где смысловые основания принадлежности, доверие к институтам, ценности и практики участия фиксируются разными процедурами и затем согласуются на уровне интерпретации [2; 7].

На основании синтеза источников формируется группировка социокультурных маркеров гражданской идентичности для современного российского общества:

- и ценностно-нормативные (ценности сохранения/самопревосхождения, традиция, безопасность, благожелательность; нормативные ожидания и оценка допустимого поведения) [5; 8; 9];
- институционально-доверительные (уровень доверия к институтам, восприятие справедливости и предсказуемости общественных правил) [4];
- практико-поведенческие (формы гражданского участия, включая наблюдение и цифровые практики присутствия, а также участие в программах и проектах) [1; 6];
- регионально-символические (локальные нарративы, региональная специфика содержания идентификации, межэтническая структура повседневности) [2; 9];
- образовательные и культурно-идентификационные (патриотические ориентации, культурные ценности, образовательные траектории гражданской социализации) [10];
- методические (валидность индикаторов, согласование шкал и процедур при межгрупповом сравнении) [7].

Обсуждение

Сопоставление современных исследований позволяет рассматривать гражданскую идентичность как многомерную конструкцию, где социальная принадлежность выражается через несколько разнотипных признаков: ценностные ориентации задают нормативный горизонт, доверие к институтам отражает приемлемость общественного порядка, практики участия показывают степень включенности в общественную жизнь, региональная специфика раскрывает различия символических оснований принадлежности, а образовательные механизмы фиксируют каналы воспроизводства гражданских норм и культурных смыслов.

При переходе к социокультурным маркерам центральной проблемой выступает выбор единицы наблюдения. Декларативные ответы в опросах фиксируют самоописания, но не равны устойчивым практикам. Наблюдаемые формы участия дают более «поведенческий» материал, но требуют разведения активного действия, символического присутствия и информационного мониторинга. В условиях доминирования цифровых коммуникаций границы участия смещаются: наблюдение, репертуар реакций, подписки и распространение информации конструируют гражданскую включенность даже без офлайн-действия. Данный сдвиг делает маркеры гражданской идентичности более зависимыми от медиапотребления и от архитектуры цифровых платформ, что усиливает значение методической калибровки индикаторов.

Региональная перспектива расширяет трактовку маркеров: при одинаковом уровне заявленной «русской идентичности» содержание принадлежности различается по смысловым основаниям, опыту межгрупповых отношений, набору локальных символов и по тому, какие практики воспринимались как граждански значимые. Поэтому универсальный перечень маркеров требует гибкой настройки: базовые группы показателей сохраняются, а содержательные индикаторы внутри групп подбираются с учетом социальной структуры территории и доминирующих идентификационных нарративов.

Ценностная линия маркеров показывает высокую чувствительность к возрасту и поведенческим профилям. Для подростков значимость отдельных ценностей способна менять выраженность гражданской идентичности, что указывает на потребность возрастной нормировки шкал и на учет социализационных условий. Для взрослого населения ценности связываются с гражданской и этнической идентичностью через ориентации на сохранение, социальную направленность и традицию, формируя нормативный «каркас» принадлежности к стране.

Связь идентификации со страной с институциональным доверием задает содержательный критерий различения «формальной» и «переживаемой» принадлежности. При высоком доверии идентификация опирается на ожидание справедливых правил и признание легитимности институтов; при снижении доверия сохраняется номинальная принадлежность, но усиливаются противоречия между гражданскими декларациями и практиками дистанцирования от общественных процедур. Данный разрыв особенно заметен при анализе молодежных практик, где участие нередко принимает наблюдательные формы.

Методическая проблема в исследованиях гражданской идентичности концентрируется вокруг смешения компонентов в одном индексе. При агрегации когнитивных, ценностных и поведенче-

ских индикаторов в единую шкалу теряется возможность различить разные «профили» гражданской идентичности: например, высокий уровень ценностной приверженности при низкой вовлеченности; либо высокая цифровая включенность при слабой нормативной базе. Для корректной интерпретации предпочтительнее модульный подход: отдельные блоки маркеров оцениваются отдельно, затем сопоставляются на уровне типологизации.

Заключение

1. На материале современных работ выделена система социокультурных маркеров гражданской идентичности, объединяющая ценностно-нормативные ориентации, институциональное доверие, практики участия (включая цифровые форматы), регионально-символические основания принадлежности, образовательные механизмы гражданской социализации и методические критерии качества измерения.

2. Систематизация результатов показала необходимость разведения «уровня» гражданской идентичности и «содержательного профиля» принадлежности к стране. Для сравнения групп и территорий требуется фиксация не только степени самоидентификации, но и доминирующих оснований принадлежности: ценностных, доверительных, культурных, практических.

3. Для аналитических исследований без собственного эмпирического массива наиболее продуктивна модульная операционализация: отдельные блоки маркеров оцениваются отдельно (ценности, доверие, участие, региональные нарративы, образовательные каналы), затем конструируется типология гражданской идентичности по сочетаниям маркеров, что снижает риск методического смешения разнородных индикаторов.

Литература

1. Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 393–410. DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410.
2. Арутюнова Е.М. Российская гражданская идентичность в региональном контексте: кейс Республики Саха (Якутия) // Respublica Literaria. 2023. Т. 4. № 4. С. 114–125. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.114-125.
3. Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Концепт гражданской идентичности в современных социально-политических реалиях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 170–177. DOI: 10.54398/1818510X_2023_3_170.

4. Гагарина М.А., Викентьева Е.Н., Горшкова А.С. Гражданская идентичность и институциональное доверие как факторы экономического менталитета // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16, № 3. С. 45–62. DOI: 10.17759/sps.2025160303.
5. Горьковая И.А., Микляева А.В., Самойлов О.М. Ценностные предикторы гражданской идентичности у подростков с девиантным поведением // Психология и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 69–83. DOI: 10.17759/psylaw.2024140306.
6. Проказина Н.В., Хатнюк Н.Н. Социально-технологический подход к формированию государственно-гражданской идентичности российской молодежи в современных условиях // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 42–57. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-3.
7. Попова О.В. Методики оценки гражданской идентичности российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27, № 2. С. 362–377. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-362-377.
8. Федотова В.А. Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. Т. 47, № 1. С. 131–149. DOI: 10.11621/LPJ-24-06.
9. Федотова В.А. Социокультурные факторы гражданской и этнической идентичности россиян: межпоколенные, гендерные и региональные различия: монография. Новосибирск: Изд. ООО «СибАК», 2024. 118 с. ISBN 978-5-6053042-4-1.
10. Токарева Е.А., Казенина А.А., Хасянов А.Ж. Гражданская и культурная общероссийская идентичность в современной России // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 2 (38). С. 10–16. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.38.2.01.

SOCIOCULTURAL MARKERS OF CIVIL IDENTITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Danilov V.L.

Dostoevsky Omsk State University

This article examines sociocultural markers of civic identity in contemporary Russian society, drawing on scientific literature from 2021 to 2025. The relevance of this study lies in the growing heterogeneity of identification practices, coupled with the expansion of digital forms of participation. This requires a more precise set of indicators used to capture civic self-identification in research proce-

dures. The novelty of this article lies in the systematization of these markers within a unified analytical framework that integrates value orientations, trust in institutions, regional specifics, youth practices of online participation, and educational mechanisms of socialization. This article describes approaches to defining civic identity and its structural components, examines empirical results on the relationship between identification with a country, values, and institutional trust, and considers regional differences and measurement methods. Particular attention is paid to digital models of youth participation and technological formats for shaping state-civic identity. The paper aims to identify and substantiate a system of sociocultural markers of civic identity. This approach involves analyzing and comparing sources, grouping results by theme, and interpreting the findings. The conclusion proposes a typology of markers and areas for their application in research and practice. This article is handy for sociologists, political scientists, youth researchers, and specialists in humanitarian policy.

Keywords: civic identity, sociocultural markers, values, institutional trust, regional identity, youth, digital participation, patriotism, identity measurement, Russian society.

References

1. Abramova S.B., Antonova N.L. Regional Youth in Search of Civic Identity: Digital Participation and the Observer Model // Regionalology. 2023. Vol. 31, № 2. Pp. 393–410. DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410.
2. Arutyunova E.M. Russian Civic Identity in the Regional Context: The Case of the Sakha Republic (Yakutia) // Respublica Literaria. 2023. Vol. 4, № 4. Pp. 114–125. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.114-125.
3. Bugaychuk T.V., Koryakovtseva O.A. The Concept of Civic Identity in Modern Socio-Political Realities // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2023. № 3 (76). Pp. 170–177. DOI: 10.54398/1818510X_2023_3_170.
4. Gagarina M.A., Vikentyeva E.N., Gorshkova A.S. Civic Identity and Institutional Trust as Factors of Economic Mentality // Social Psychology and Society. 2025. Vol. 16, № 3. Pp. 45–62. DOI: 10.17759/sps.2025160303.
5. Gorkova I.A., Miklyaeva A.V., Samoilov O.M. Value Predictors of Civic Identity in Adolescents with Deviant Behavior // Psychology and Law. 2024. Vol. 14, № 3, Pp. 69–83. DOI: 10.17759/psylaw.2024140306.
6. Prokazina N.V., Khatnyuk N.N. Socio-technological approach to the formation of state-civic identity of Russian youth in modern conditions // Research Result. Sociology and Management. 2025. Vol. 11, № 1, Pp. 42–57. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-3.
7. Popova O.V. Methods for assessing the civic identity of Russian youth // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2025. Vol. 27, № 2, Pp. 362–377. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-362-377.
8. Fedotova, V.A. Civic and Ethnic Identity of Russians: The Role of Values in Their Formation // Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology. 2024. Vol. 47, № 1. Pp. 131–149. DOI: 10.11621/LPJ-24-06.
9. Fedotova, V.A. Sociocultural Factors of Civic and Ethnic Identity of Russians: Intergenerational, Gender, and Regional Differences: Monograph. Novosibirsk: Publishing House of OOO SibAK, 2024. 118 p. ISBN 978-5-6053042-4-1.
10. Tokareva E.A., Kazenina A.A., Khasyanov A. Zh. Civic and Cultural All-Russian Identity in Modern Russia // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series «Philosophical Sciences». 2021. № 2 (38). P. 10–16. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.38.2.01.

Институционализация межкультурных взаимодействий в российско-китайском приграничье: анализ дискурсивных рамок и символических асимметрий

Чэнь Сяосюй,

аспирант, кафедра социологии культуры и коммуникации,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: cxx1012@yandex.ru

Статья посвящена институционализации межкультурных взаимодействий в российско-китайском приграничье через сопоставление дискурсивных рамок и неравенства символических ресурсов. Актуальность определяется уплотнением трансграничных контактов при усилении внешнеполитического давления, что повышает значимость нормативных режимов, программных форматов и публичных нарративов, регулирующих обмена людей, идей и культурных практик. Новизна связана с объединением институционального анализа гуманитарной и экономической кооперации с дискурсивным прочтением медийных и дипломатических текстов, где закрепляются ожидания взаимности и допустимые сценарии сотрудничества. Работа ставит целью выявить, как формальные механизмы (комиссии, доклады, программы, инфраструктурные проекты) сопрягаются с языковыми схемами описания партнерства и с асимметрией экономического и символического капитала сторон. Для достижения цели применены сравнительный анализ источников, интерпретация дискурсивных фреймов, элементы контент-анализа и аналитическая синтезация с опорой на публикации последних лет. В ходе исследования систематизированы практики институционализации на межгосударственном и региональном уровнях, выделены устойчивые фреймы репрезентации сотрудничества, описаны механизмы воспроизводства асимметрии в пограничных коммуникациях. Статья полезна исследователям межкультурной коммуникации, регионалистики, международных отношений и управленцам приграничных проектов.

Ключевые слова: российско-китайское приграничье, межкультурные взаимодействия, институционализация, дискурс, фреймы, символический капитал, асимметрия, гуманитарное сотрудничество, трансграничные практики, медийная репрезентация.

Введение

Институционализация межкультурных взаимодействий в российско-китайском приграничье проявляется через переход от ситуативных контактов к устойчивым правилам обмена, закрепленным в межправительственных механизмах, региональных программах, инфраструктурных решениях и в регулярной публичной коммуникации. Приграничье формирует плотную «контактную» среду: повседневные перемещения, образование, туризм, торговля, локальные совместные мероприятия и медиопосредничество складываются в режим воспроизводимых практик, где смысловые ожидания и управленческие регламенты взаимно усиливают друг друга. На этом поле возникают дискурсивные рамки – устойчивые схемы описания партнерства, границы допустимого и желательного, форматы символической легитимации совместных проектов. Одновременно приграничные коммуникации несут неравномерное распределение символических ресурсов: различия статуса, экономического веса, нарративной «инициативы» и инфраструктурной мощности фиксируются в речи институтов и в медиарепрезентациях.

Цель исследования – раскрыть механизмы институционализации межкультурных взаимодействий в российско-китайском приграничье через анализ дискурсивных рамок и символических асимметрий.

Задачи исследования:

- 1) систематизировать институциональные форматы, через которые закрепляются межкультурные контакты в приграничье;
- 2) выявить доминирующие дискурсивные рамки, поддерживающие легитимацию сотрудничества в публичных текстах;
- 3) описать каналы воспроизводства символических асимметрий и их влияние на устойчивость трансграничных практик.

Научная новизна связана с совместным рассмотрением институциональной «архитектуры» (комиссии, программы, доклады, инфраструктурные решения) и дискурсивных механизмов (фреймы, метафорика, тематические кластеры), через которые регулируется ожидание взаимности и распределяются символические ресурсы партнерства.

Материалы и методы

Материальную базу составили русскоязычные научные публикации 2021–2025 гг., отобранные по релевантности приграничной кооперации и дискурсивной репрезентации российско-китайских взаимодействий: Ван Фа [1] описал институциональные траектории гуманитарного сотрудничества за 2013–2020 гг.; Вардомский Л.Б. [2] представил параметры экономической асимметрии и динамику российско-китайских связей при росте международной напряженности; Вэй Ю., Мельник Г.С. [3] реконструировали медийные схемы конструирования национального имиджа Китая в российских информационных агентствах; Кашин В.Б., Янькова А.Д. [4] выделили глубинные препятствия приграничного сотрудничества и дисбаланс между программной активностью и практической реализацией; Колосов В.А. [5] предложил теоретическую рамку исследований границ, сопрягающую функциональное и когнитивно-символическое прочтение приграничных процессов; Кучинская Т.Н. [6] раскрыла содержание китайского приграничного регионализма и его управленческо-нормативные практики, значимые для соседних территорий; Моу Моин [7] зафиксировал трансформацию приграничного экономического взаимодействия в новых условиях и ограничения углубления кооперации на региональном уровне; Попова Е.В., Устюжанцева О.В., Гао Х. [8] сопоставили дискурсы цифрового суверенитета в медиа России и Китая на базе анализа больших данных; коллективный доклад «Российско-китайский диалог: модель 2024» [9] представил мониторинг двустороннего сотрудничества и набор регулярных практик межгосударственного взаимодействия; Чэнь Сюцин [10] описал метафорические фреймы в политическом медиадискурсе о сотрудничестве России и Китая по материалам Посольства КНР в РФ.

Методический инструментарий: сравнительный анализ научных и докладных текстов; дискурсивно-фреймовый анализ (выделение устойчивых схем интерпретации сотрудничества); элементы контент-анализа (фиксация тематических доминант и метафорических моделей); аналитическая синтезация результатов для реконструкции механизмов институционализации и каналов символической асимметрии.

Результаты

Институционализация межкультурных взаимодействий в российско-китайском приграничье формируется как двухконтурная конструкция. Первый контур задает формальные регуляторы: межправительственные комиссии, программные документы, правовые режимы и инфраструктурные решения, поддерживающие регулярность контактов. Второй контур закрепляет смысловую предсказуемость взаимодействий: публичные нарративы, диплома-

тическая риторика, медиарепрезентации, символические форматы дружбы и партнерства. На уровне приграничья оба контура сцепляются в повторяемых сценариях – официальные программы создают рамки для обменов, а дискурсивные схемы легитимируют и «нормализуют» конкретные практики (совместные мероприятия, образовательные траектории, туризм, культурные проекты), снижая транзакционные издержки доверия и интерпретации. Теоретическое обоснование такого соединения дает логика пограничных исследований, в которой функциональные режимы границы дополняются когнитивно-символическим измерением (репрезентации, нарративы, знаковые системы).

В гуманитарной сфере институционализация выражается в закреплении регулярных форматов координации и тематических циклов. В анализе гуманитарных отношений за 2013–2020 гг. показан переход к систематическим механизмам взаимодействия через межправительственную комиссию по гуманитарному сотрудничеству, созданную в 2007 г., и через профильные подкомиссии (образование, культура, туризм, здравоохранение). На этом основании гуманитарные контакты приобретают плановую структуру и регулярную отчетность, что создает устойчивое поле межкультурных обменов при различии национальных приоритетов [1].

Докладный формат «Российско-китайский диалог: модель 2024» фиксирует практику ежегодного мониторинга двусторонней кооперации и выделяет культурно-гуманитарную линию как самостоятельный массив наблюдения наряду с торгово-экономическими, финансовыми и транспортно-логистическими направлениями [9]. Внутри такой структуры гуманитарные инициативы получают «институциональное обслуживание»: регулярная фиксация состояния сотрудничества, постановка приоритетов, рекомендационная часть для ведомств. За счет этого гуманитарные взаимодействия перестают зависеть от единичных событий и переходят к режиму воспроизводимых проектов.

Сопоставление исследований приграничной кооперации показывает устойчивый дисбаланс: рост числа программных инициатив и рамочных соглашений сопровождается медленной реализацией и снижением локальной заинтересованности. В работе о приграничном сотрудничестве России и Китая как «глубинном» препятствии развития выявлены причины такого разрыва: несоответствие проектов местной специфике, влияние локальных групп интересов, административные ограничения на местах, различия в ожиданиях сторон по транзитным выгодам и производственной кооперации. Для приграничья это означает институционализацию «на бумаге» при неполной институционализации «в действиях»: регламенты существуют, но не конвертируются в плотную сеть совместных практик [4].

Параллельно в исследовании приграничного экономического сотрудничества в новых условиях зафиксирован рост масштабов взаимодействия на уровне грузопотоков и инфраструктурного строительства, при сохранении традиционного товарного профиля и ограниченной технологической глубины кооперации [7]. Описаны ускорение модернизации пунктов пропуска и результаты по трансграничной инфраструктуре, включая запуск автомобильного моста Благовещенск-Хэйхэ (завершение в июне 2022 г.) и ввод железнодорожного моста Тунцзян-Нижнеленинское (открытие в ноябре 2022 г.), а также планы по канатной дороге между Благовещенском и Хэйхэ с тестовым режимом не ранее июля 2025 г. [7]. Данные факты позволяют трактовать институционализацию как преимущественно инфраструктурно-административный процесс, где межкультурный компонент получает поддержку опосредованно – через рост мобильности и контактности территорий, а не через специализированные культурные институты.

Асимметрия институциональных возможностей проявляется в различии управленческих моделей приграничного развития. В исследовании китайского приграничного регионализма описана новая модель безопасности и развития приграничных районов КНР, опирающаяся на нормативно-правовую базу, этапность политики открытости, факторный и уровневый анализ, а также на практики, ориентированные на пространственное развитие и управление безопасностью границ [6]. Для российско-китайского приграничья данный массив указывает на «экспорт» управленческих схем и на структурное неравенство в скорости нормативного обновления, плотности инструментария и степени программной детализации. В межкультурной плоскости подобная разница проявляется в том, что культурные обмены и образовательные траектории опираются на неодинаковые административные режимы и на различающиеся представления о допустимых формах приграничной открытости [6].

Дискурсивная институционализация фиксирует «правила понимания» сотрудничества – то, как партнерство описывается, какие смысловые акценты получают приоритет, какие символические ресурсы признаются легитимными. Контент-анализ российских информационных агентств в исследовании конструирования национального имиджа Китая показывает устойчивые тематические доминанты и направление тональности: акцент на стратегическом сотрудничестве и политическом доверии, на участии Китая в глобальном управлении и многосторонних форматах, на достижениях экономической трансформации и технологических инноваций; при изменении международной ситуации тональность смещается к сюжетам безопасности [3]. Эти рамки поддерживают

репрезентацию сотрудничества как долгосрочного, взаимовыгодного и предсказуемого, формируя символический фонд доверия, необходимый для устойчивости межкультурных контактов в приграничье.

Дипломатический медиадискурс, связанный с материалами Посольства КНР в РФ за 2019–2024 гг., раскрывает иную «технику» легитимации – через метафорические фреймы. В работе о гидронимных метафорах выделены четыре фрейма: «водные объекты», «состояние воды», «качество воды», «сила воды», позволяющие концептуализировать сотрудничество как процесс с динамикой, устойчивостью, испытаниями и взаимной поддержкой [10]. Подобные метафорические модели работают как символический регулятор: они предлагают аудитории заранее заданный способ интерпретации событий, снижая неопределенность и поддерживая идею «естественного» течения партнерства.

Символические асимметрии в приграничных взаимодействиях опираются на материальные различия и переводят их в различие статусов и ожиданий. Экономическая составляющая дает наиболее наблюдаемую основу: в публикации о российско-китайских экономических связях приведены данные об увеличении доли стран Азии во внешнеторговом обороте России (с 27,6 до 39,3% за 2008–2021 гг. по расчетам автора на основе статистики ФТС РФ), а также показатели роста доли КНР в мировом ВВП по ППС до 18,6% в 2021 г. при существенно меньшей доле РФ (3–3,5% в указанные годы). На уровне символической политики такие различия трансформируются в ожидание «большого вклада» со стороны экономически более мощного партнера и в повышенную чувствительность к вопросам статуса, признания и «равноправия» в публичных формулировках [2].

Асимметрия усиливается через различие тематических приоритетов в медийных дискурсах. В анализе цифрового суверенитета на базе более 2800 материалов СМИ (2011–2021 гг.) показано расхождение доминирующих нарративов: в российском медиаполе превалируют сюжеты национальной безопасности, контроля и протекционизма, в китайском – технологическое развитие, экономическое лидерство и глобальная конкурентоспособность [8]. При переносе подобного расхождения в приграничную плоскость возникает «двойная рамка» интерпретации совместных инициатив: одинаковые проекты получают разные символические смыслы и разные критерии успеха, что влияет на устойчивость межкультурных обменов – от образовательных программ до совместной цифровой инфраструктуры [8].

Синтез источников позволяет описать механизм институционализации приграничных меж-

культурных контактов как последовательность взаимосвязанных шагов:

1) формирование межгосударственных и ведомственных механизмов координации гуманитарных и экономических направлений [1; 9];

2) насыщение приграничья инфраструктурой перемещения и контроля, что расширяет контактность территорий и поддерживает обмены людей [7; 4];

3) закрепление публичных нарративов партнерства в медиасфере и дипломатической коммуникации, создающих символическое основание доверия и ожидаемой взаимности [3; 10];

4) воспроизводство асимметрий через экономические различия и через неодинаковые тематические доминанты дискурса, влияющие на интерпретацию результатов сотрудничества [2; 8];

5) переопределение приграничного регионализма через управленческие модели и нормативные практики, задающие неравномерную «институциональную скорость» по обе стороны границы [6].

Теоретическое сопряжение функционального и когнитивно-символического понимания границы позволяет трактовать приграничье не как линию разделения, а как систему практик, политик и репрезентаций, задающих устойчивые режимы межкультурной коммуникации.

Обсуждение

Полученные результаты задают аналитическую оптику, в которой приграничье выступает зоной не только обменов, но и постоянной «настройки» интерпретаций. Институционализация межкультурных взаимодействий в российско-китайском приграничье зависит от синхронизации двух порядков: административно-инфраструктурного и смыслового. Первый порядок производит каналы и правила (пункты пропуска, транспортные коридоры, режимы контроля, планирование проектов, ведомственные форматы). Второй порядок производит ожидания и символическую совместимость (каким видят партнерство, на каких основаниях признают равноправие, какие признаки успеха считают убедительными).

Материалы по приграничной экономике показывают, что рост масштабов взаимодействия не гарантирует перехода к более сложным формам кооперации. При сохранении товарно-сырьевого профиля торговли инфраструктурные прорывы легко превращаются в статистику транзита, не затрагивая глубинные пласты межкультурного обмена. В такой ситуации межкультурные форматы начинают зависеть от вторичных эффектов: увеличения мобильности, расширения присутствия соседней культуры в сервисной среде, повышения частоты межличностных контактов. Подобная «побочная институционализация» производит устой-

чивость в повседневности, но плохо защищена от административных колебаний и от изменения политической повестки.

Суждения о глубинных препятствиях приграничного сотрудничества подводят к проблеме управленческого несоответствия: проектная логика федерального уровня сталкивается с локальными интересами, дефицитом компетенций и с различием стимулов региональных групп влияния. В межкультурной сфере данная проблема получает специфическую форму: культурные обмены охотно декларируются, но их практическая реализация требует «мелкой» инфраструктуры доверия – партнерских сетей учреждений, прозрачных правил участия, согласованных календарей, устойчивых бюджетов, кадровой стабильности. При дефиците этих элементов институционализация приобретает вид «периодических всплесков» – событийных пиков без длинного хвоста практик.

Дискурсивный слой, напротив, обеспечивает долгую память сотрудничества. Медийные схемы описания Китая и дипломатические метафорические модели формируют привычные траектории интерпретации: аудитория заранее получает словарь для объяснения совместных решений, успехов и конфликтных эпизодов. Здесь же воспроизводится символическое неравенство. Экономическая мощь и технологическая повестка одной стороны способны задавать темп и горизонты ожиданий; другая сторона, ориентированная на безопасность и контроль, формирует иной тип легитимации и иной набор «правильных» аргументов. В приграничье расхождение проявляется тонко: в выборе тем для совместных мероприятий, в языках публичной коммуникации, в правилах представления партнеров, в том, какие сюжеты попадают в местные новости и какие исчезают.

Особый интерес представляет перенос дискурсивных различий из общенационального медиаполя в приграничную повседневность. Там, где цифровая повестка описывается через безопасность и протекционизм, трансграничные цифровые сервисы воспринимаются как зона контроля и риска. Там, где доминирует нарратив технологического развития и конкурентоспособности, тот же самый сервис воспринимается как механизм роста и рационализации. Для межкультурного взаимодействия различие интерпретаций означает различие «социальной цены» контакта: одинаковый шаг (совместная платформа, совместный образовательный модуль, совместная медиапродукция) оценивается через разные критерии допустимости и эффективности.

На уровне символических асимметрий экономические различия преобразуются в статусные ожидания, а статусные ожидания – в чувствительность к формулировкам. Приграничные проекты в такой логике оказываются площадками символического торга: признание равноправия выра-

жается через порядок протокольных ролей, через распределение «права голоса» в медиатексте, через право задавать метафору и «основной сюжет» сотрудничества. Для управленческой практики приграничья ценен вывод о том, что институциональная устойчивость зависит не только от ресурсов и регламентов, но и от стабильности символических процедур признания: без них растет вероятность недоверия, скрытых конфликтов интерпретации и разрыва контактных сетей.

Заключение

1. Институционализация межкультурных взаимодействий в российско-китайском приграничье складывается из связи межправительственных механизмов координации, программного планирования и инфраструктурной поддержки мобильности, что переводит контакты из событийного режима в режим регулярных практик.

2. Дискурсивные рамки партнерства формируются в медийных и дипломатических текстах через тематические доминанты (стратегическое партнерство, глобальное управление, модернизационные достижения) и через метафорические фреймы, задающие аудитории устойчивые схемы интерпретации сотрудничества.

3. Символические асимметрии воспроизводятся через экономический вес, различие управленческих моделей приграничного развития и расхождение тематических приоритетов дискурса (безопасность и контроль в одном случае, технологическое развитие и конкурентоспособность в другом), что влияет на критерии успеха совместных проектов и на устойчивость межкультурных обменов.

Литература

1. Ван Фа. Китайско-российские гуманитарные отношения в 2013–2020 гг. // Вестн БДПУ. Серия 2. 2021. № 2. С. 83–88.
2. Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142.
3. Вэй Ю., Мельник Г.С. Конструирование национального имиджа Китая в российских СМИ // Коммуникология. 2025. Т. 13. № 1. С. 55–68. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-1-55-68.
4. Кашин В. Б., Янькова А.Д. Приграничное сотрудничество между Россией и Китаем: глубинные препятствия развития // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 41–55. DOI: 10.31857/S013128120021444-9.
5. Колосов В.А. Исследования границ в современном мире: прогресс теории и основные направления // Региональные исследования.

2022. № 3 (77). С. 23–36. DOI: 10.5922/1994-5280-2022-3-2.

6. Кучинская Т.Н. Китайский приграничный регионализм: новая модель безопасности и развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31. № 4. С. 74–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-4-74-83.
7. Моу Моин. Переосмысляя развитие приграничного экономического сотрудничества между Китаем и Россией в современных условиях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 38–50. DOI: 10.29039/1998-6785/2024-4/38-50.
8. Попова Е. В., Устюжанцева О.В., Гао Х. Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 2. С. 251–266. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-251-266.
9. Российско-китайский диалог: модель 2024: доклад № 94 / 2024 / К.В. Бабаев, Ли Цзяньминь, Ю.Ю. Мельникова и др.; под ред. С.М. Гавриловой и др. М.: НП РСМД, 2024. 98 с. ISBN 978-5-6051642-2-7. (Электронный ресурс) (дата обращения: 27.01.2026).
10. Чэнь Сюцин. Актуализация гидронимных концептуальных метафор в политическом медиадискурсе о сотрудничестве России и Китая (по материалам Посольства КНР в РФ за 2019–2024 годы) // Политическая лингвистика. 2025. № 4 (112). С. 187–196.

INSTITUTIONALIZATION OF INTERCULTURAL INTERACTIONS IN THE RUSSIAN-CHINESE BORDERLAND: ANALYSIS OF DISCURSIVE FRAMEWORKS AND SYMBOLIC ASYMMETRIES

Chen Xiaoxu

Saint Petersburg State University

This article examines the institutionalization of intercultural interactions in the Russian-Chinese borderland by comparing discursive frameworks and the distribution of symbolic resources. Its relevance stems from the intensification of cross-border contacts amid increasing foreign policy pressure, which increases the importance of normative regimes, programmatic formats, and public narratives governing the exchange of people, ideas, and cultural practices. Its novelty lies in the combination of an institutional analysis of humanitarian and economic cooperation with a discursive reading of media and diplomatic texts, which reinforce expectations of reciprocity and acceptable scenarios for cooperation. This study aims to identify how formal mechanisms (commissions, reports, programs, and infrastructure projects) are linked to linguistic patterns used to describe partnerships and to the asymmetry of economic and symbolic capital between the parties. To achieve this goal, we utilized a comparative analysis of sources, interpretation of discursive frames, elements of content analysis, and analytical synthesis, drawing on recent publications. The study systematizes institutionalization practices at the interstate and regional levels, identifies stable frames for representing cooperation, and describes the mechanisms for reproducing asymmetry in border communications. This article is helpful for researchers in intercultural communication, regional studies, and international relations, as well as for managers of cross-border projects.

Keywords: Russian-Chinese borderland, intercultural interactions, institutionalization, discourse, frames, symbolic capital, asymmetry, humanitarian cooperation, cross-border practices, media representation.

References

1. Wang Fa. Chinese-Russian Humanitarian Relations in 2013–2020 // *Bulletin of the Belarusian State Political University. Seriya 2*. 2021. № 2. pp. 83–88.
2. Vardomsky L.B. Russian-Chinese Economic Ties in the Context of Growing International Tensions // *Journal of the New Economic Association*. 2023. № 1 (58). pp. 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142.
3. Wei Yu., Melnik G.S. Construction of China's National Image in Russian Media // *Communicology*. 2025. Vol. 13. № 1. pp. 55–68. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-1-55-68.
4. Kashin V. B., Yankova A.D. Cross-border cooperation between Russia and China: underlying obstacles to development // *Problemy Dalnego Vostoka*. 2022. № 4. pp. 41–55. DOI: 10.31857/S013128120021444-9.
5. Kolosov V.A. Border studies in the modern world: theoretical progress and primary directions // *Regional studies*. 2022. № 3 (77). pp. 23–36. DOI: 10.5922/1994-5280-2022-3-2.
6. Kuchinskaya T.N. Chinese border regionalism: a new model of security and development // *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2025. Vol. 31. № 4. Pp. 74–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-4-74-83.
7. Mou Moin. Rethinking the Development of Cross-Border Economic Cooperation between China and Russia in Modern Conditions // *Oecumena. Regional Studies*. 2024. № 4. Pp. 38–50. DOI: 10.29039/1998-6785/2024-4/38-50.
8. Popova E. V., Ustyuzhantseva O.V., Gao H. Construction of Digital Sovereignty in the Media of Russia and China: Big Data Analysis // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2025. Vol. 25. № 2. Pp. 251–266. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-251-266.
9. Russian-Chinese Dialogue: Model 2024: Report № 94/2024 / K.V. Babayev, Li Jianmin, Yu.Yu. Melnikova et al.; edited by S.M. Gavrilova et al. Moscow: NP RSMD, 2024. 98 p. ISBN 978-5-6051642-2-7. (Electronic resource). Accessed: 27.01.2026.
10. Chen Xiuqing. Updating hydronymic conceptual metaphors in political media discourse on cooperation between Russia and China (based on materials from the Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation for 2019–2024) // *Political Linguistics*. 2025. № 4 (112). Pp. 187–196.

Смерть как экзистенциал в условиях современного капитализма

Афанасенко Яна Александровна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: iana8875@bk.ru

Чернова Татьяна Геннадьевна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: chernovatg@yandex.ru,

В статье поставлена проблема: чем становится смерть в условиях современного капитализма, ориентированного на некрофилию? В своих суждениях мы опираемся на диалектико-материалистический подход к обществу и экзистенциальную интерпретацию бытия в нем, обращаемся к трудам К. Маркса, Э. Фромма, Э. Кассирера, М. Хайдеггера и В. Франкла. В статье раскрывается понятие экзистенциала (М. Хайдеггер), смерть определяется как экзистенциал, возвращающий человеку подлинное бытие, способность быть. Дается характеристика современного капитализма и его проявлений, имеющих отношение к смерти. Делается вывод о том, что в условиях современного капитализма смерть как экзистенциал означает вызов, ответом на который может стать утверждение жизни и ее ценности.

Ключевые слова: символ, смерть, экзистенциал, капитализм, некрофилия, биофилия, жизнь, ценности.

Введение

Проблема смерти относится к числу фундаментальных, затрагивает предельные основы бытия человека, связанные с вопросом смысла жизни и смерти, процессом самопознания. Ее осмысление в контексте существующих картин мира можно свести к мифологической интерпретации, религиозной, философской и научной. Внутри каждой традиции прослеживается обусловленное культурой многообразие подходов в понимании данного феномена. Однако несмотря на культурное многообразие интерпретаций смерти есть общий смысловой фон в решении данной проблемы, характерный не для физического (биологического, природного), а для символического универсума, мира значений, к которому относится человек как *animal symbolicum*.

Во-первых, это символическая победа жизни над смертью, связанная с идеей посмертного существования души в мифе, религии и идеалистической философии, где смерть является переходом из одной жизни в другую. Например, у Платона в диалоге «Федон» Сократ размышляет о том, что истинные философы стремятся к смерти, что смерть для них представляет собой нечто, связанное с освобождением и отделением души от тела, что она желанна, если человек подготовился к ней, очистил свою душу: «Истина заключается, в сущности, в очищении себя от всего подобного, и здравомыслие, и справедливость, и мужество, и сама рассудительность суть средство очищения. И, по-видимому, люди, установившие для нас таинства, были не плохими: они на самом деле давно уже неясными намеками указывали на то, что явившийся в Преисподнюю непосвященным в мистерии и непричастным к таинствам, будет лежать там в грязи, принявший же очищение и посвященный в таинства будет обитать вместе с богами» [1, с. 139–140].

Во-вторых, это идея посюстороннего существования ушедшего из жизни человека в форме творческого, интеллектуального и материального наследия, сохранившегося в коллективной памяти (культурно-исторический аспект) и общественном бытии (социально-исторический аспект), а также в воспоминаниях о нем родных и близких, что характерно для материалистической философии и науки (гуманитарной, в первую очередь), акцентирующих внимание на конечности индивидуальной жизни и символическом продолжении ее в родовой. В марксистской традиции, опирающейся на естественно-научное представление о смерти,

смертен отдельный человек, но не человеческий род. Биологическая смерть индивида понимается здесь позитивно, как то, что связано с обновлением жизни, ее развитием. История поэтому «есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [2, с. 44–45].

Мы разделяем положение Э. Кассирера о том, что «Принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью... позволяет войти в специфически человеческий мир, мир человеческой культуры» [3, с. 481]. И полагаем, что символизм присущ всем четырем версиям интерпретации реальности независимо от того, опирается та или иная версия на язык понятий, как, например, гуманитарные науки, или на язык образов. Следовательно, все интерпретации, касающиеся смерти, ее смысла, соотносительности с жизнью, свойственные разным формам культуры, историческим типам мировоззрения символичны, то есть включают аналогию как конструирующий символическое значение принцип, многозначность как выражение многоплановости символа, охват им всех уровней реальности, динамичность и незавершенность смысла, более «важное» и «высокое» содержание, чем в знаке, связанное с абстрактным мышлением (идеи и понятия), универсальными принципами и закономерностями, ценностями: «Символ – средство сделать какие-то неизвестные вещи приемлемыми для нашего сознания. Новое, неизвестное постигается через известное (так происходит в архаическом символизме), невидимое постигается через видимое (так происходит в средневековом и любом религиозном символизме). Единственным способом «схватить», уловить это неизвестное, оказывается его закрепление в виде вещного субстрата – символа» [4]. Символ, таким образом, позволяет постичь смерть в процессе теоретической и рефлексивной деятельности, дает «доступ к «идеальному миру», который открывается с разных сторон религией, искусством, философией, наукой» [3, с. 487].

В XX веке вопрос о смерти становится центральным философским вопросом, что на цивилизационном уровне обусловлено кризисом человеческого самопознания, человеческой идентичности, а значит и кризисом доступа к символической реальности в целом. Это означает ограниченность доступа современного человека к «идеальному» миру через замыкание его на повседневной реальности и гиперреальности знака, уводящего от ре-

альности в область ее имитации и, следовательно, от понимания символического смысла смерти. Символическое сознание вытесняется сознанием знаковым, ориентированным или на вещи, которые оно манифестирует как существующие, или, как в случае с гиперреальностью знака, к симулякрам, за которыми реальности нет. Применительно к пониманию смысла смерти это означает отсылку к биологическому ее значению или к тому, что к смерти не имеет никакого отношения.

Мы предполагаем, что подобное, имитирующее понимание смысла смерти, явление, как и понимание смерти исключительно как биологического феномена является отражением системного кризиса современного капитализма. О «терминальной» его фазе и опасениях, связанных с дерационализацией и тотальной деградацией человека и общества, пишет, например, М.Л. Альпидовская в предисловии к книге «Цифровой постимпериализм: время определяемого будущего»: «Капитализм, находящийся в своей терминальной стадии, обанкротившийся и исчерпавший все свои ресурсы, задушенный метастазами «финансовой чумы» XX–XXI веков, закономерно приблизился к своему логическому концу... По существу, наступил «постисторический» (по-фукуямовски) период с его концом общества, человечества, самого человека, всей его философии, идеологии и мировоззрения. Реализация данных угроз влечет за собой лавинообразные тектонические мультипликативно развивающиеся в процессы «оцифровки» и трансгуманизации, проявляющиеся в принуждении к стигматизации, сегрегации, сепарации и болезненному необратимому распаду некогда единого и неделимого социоисторического организма» [5, с. 5].

Современный капитализм вытесняет человека как главную производительную силу из материального и духовного производства технологиями им созданными (информационными, в частности), противопоставляя их человеку: «20 января 2026 года Юваль Ной Харари выступил на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Он заявил, что первым кризисом станет кризис идентичности. Люди привыкли оценивать свою ценность через способность мыслить и принимать решения. По его словам, ИИ может превзойти человека в этих задачах, из-за чего привычное представление о роли человека окажется под угрозой». [6] Лишаясь того, что укореняет человека в его социальности, возможности реализации существенных сил, труда, мышления и общения, человек, отчуждается от самого себя, от наполненного символическим содержанием индивидуально-го понимания смысла жизни и смерти и начинает воспроизводить чуждые, не отвечающие ни социальной, ни индивидуальной реальности значения. Тем интереснее в данном контексте становится философия, которая в качестве альтернативы пытается вернуть человека к самому себе, развер-

нута к подлинным смыслам и вывести на символический уровень осмысления собственного бытия. Обратимся к идеям М. Хайдеггера, В. Франкла и Э. Фромма.

Основная часть

В работе «Время и бытие». М. Хайдеггер ставит вопрос о бытии и его смысле: «Вопрос о смысле бытия универсальнейший и пустейший; но в нем заложена вместе и возможность своей ему строжайшей индивидуации до конкретного присутствия» [7, с. 27]. Помещая человека в бытие, которое «всегда мое», в экзистенцию как присутствие в том или ином способе быть, а не противопоставляя бытие человеку, что было характерно для классической философской традиции, М. Хайдеггер рассматривает бытие как возможность, в том числе выбрать себя: «И поскольку присутствие есть по сути всегда своя возможность, это сущее может в своем бытии «выбрать» само себя, найти, может потерять себя, соотв. никогда и лишь «мнимо» найти. Потерять себя и пока еще не найти себя оно может лишь поскольку по своей сути оно в возможности собственное, т.е. само свое. Два бытийных модуса собственности и несобственности – эти выражения избраны терминами в строгом смысле слова – коренятся в том, что присутствие вообще определяется через всегда-мое [7, с. 28–29]. Эта возможность выбрать себя в всегда-моем бытии, усредненной обыденности, означает быть человеком, то есть быть понимающим, исходящим из приоритета ««*existentia*» перед *essentia*», связанного в перспективе с философским анализом вопроса «что такое человек». Проявленность себя в бытийном модусе собственности связана с поиском себя, обнаружением собственного присутствия, указанием на содержание которого является экзистенциал.

Экзистенциал в понимании М. Хайдеггера – «бытийные черты присутствия», когда присутствовать означает быть [7, с. 29]. Это структура, конституирующая бытие, собственное существование человека (*Dasein*). Здесь сущее – сам человек, и анализ бытия этого сущего является задачей, в процессе решения которой человек может выйти к подлинному смыслу своей жизни. Среди экзистенциалов, выделяемых М. Хайдеггером, бытие – в – мире, забота как бытие присутствия, особое место занимает бытие к смерти как «бытие к концу из основоустройства присутствия» [7, с. 127].

Что такое смерть как экзистенциал? Смерть как экзистенциал – это возможность, встроенная в действительное бытие, связанная с пониманием собственной неизбежной и внезапной конечности, временности, и являющаяся условием для понимания индивидуального смысла жизни. Она оказывается отличительным предстоянием по способу вперед-себя (модус заботы). Бытие к смерти

не находится по ту сторону жизни, оно принадлежит присутствию, которое фактически умирает, пока экзистирует. Это «возможность самой невозможности присутствия», его разомкнутости, сопровождающаяся ужасом [7, с. 127]. Однако не всякий человек может выдержать собственную экзистенцию, бытие к смерти. Отсюда бегство-от-не по себе, от «наиболее своего бытия к смерти», являющегося выражением модуса падения, уклонения от смерти. Вместе с тем человек имеет экзистентную возможность по-разному держаться в этом бытии к смерти.

Если речь идет о повседневном среднем бытии к смерти, в публичном толковании человек прячет от себя свое бытие к смерти, уклоняется от нее, пытается укорениться в присутствии, успокоиться. Вместо осознания собственной смертности он, наблюдая смерть других, получает утешительно подтверждение того, что жив, хотя, понимает, что, в принципе, человек смертен. Подобное поведение господствует в повседневности. Смерть сводится к публичному случаю, задевающему, нетактично сминающему гладкую ткань повседневности, но ни к кому не относящемуся, поэтому не угрожающему: ««Смерть» встречает как знакомое внутримирно случающееся событие. Как такое она остается в характерной для повседневности встречного незаметности» [7, с. 128]. В данном случае выработанный обществом способ отношения к смерти, ограниченный рамками того, как пристойно себя вести, встречаясь с ней (равнодушное спокойствие как цель или страх как нечто нежелательное), отчуждает человека от его способности присутствовать в собственном бытии к смерти, в его фактичности, конечности, проживая ужас предстояния перед ней.

Любопытно, что, по М. Хайдеггеру, подобное бестревожно равнодушное отношение к смерти является одним из модусов бытия к смерти (несобственное бытие к смерти), как и крайняя возможность его экзистенции, связанная с пониманием и принятием собственной смерти, движением от эмпирической достоверности смерти к уверенности в ее возможности в каждом мгновении индивидуального бытия. Каково же истинное, экзистенциально-онтологическое, возвращающее к себе понимание смерти? М. Хайдеггер пишет: «... смерть как конец присутствия есть наиболее своя, безотносительная, достоверная и в качестве таковой неопределенная, не-обходимая возможность присутствия. Как конец присутствия смерть есть в бытии этого сущего к своему концу» [7, с. 131].

Что означает собственное бытие к смерти как экзистентная возможность присутствия? Оно означает не убегать и не прятаться от возможности собственной смерти как истины о том, что она всегда своя, а позволить себе ей быть, разомкнуться в сторону присутствия, достроиться до це-

лого. Бытие к смерти как бытие к возможности связано с заступанием в эту возможность, которое «делает возможной эту возможность и как такую ее высвобождает... Заступание оказывается возможностью понимания наиболее своей крайней способности быть, т.е. возможностью собственной экзистенции» [7, с. 133]. Осознание, что без возможности смерти присутствие невозможно, что эта возможность достоверна и именно благодаря ей присутствие бытийствует, экзистирует, размыкает возможности собственного понимания и ухода от лжетолкований других, осознание, что присутствие уединяется в себе самом, освобождает себя для смерти, превращает присутствие в событие, связанное со способностью быть целым, реализует способность «быть самим собой, но собой в страстной, отрешившейся от иллюзий людей, фактической, в себе самой уверенной и ужасающей свободой к смерти» [7, с. 134].

Когда человек позволяет себе заступить в смерть, принимает и выдерживает ее возможность, неизбежность в своей жизни, у него появляется смысл смерти, связанный с переживанием собственной временности, конечности. Смерть из Ничто превращается в предстояние, на границе Ничто и Нечто. Это переживание разворачивает его к настоящему моменту, в котором он может обрести личный, подлинный для него, смысл жизни.

Это также движение к собственным ценностям, конфигурация которых может варьироваться, как в рамках предложенных В. Франклом (труд (творчество), любовь, отношение к страданию), так и выходить за ее пределы. Осознание своего существования, начинающееся с понимания того, что меня может не быть, по В. Франклу, может иметь созидательный смысл: «...я убежден в том, что страдание, вина и смерть – названные мною «трагическим триединством человеческого существования» – ни в коей мере не умаляют смысла жизни, но, наоборот, в принципе всегда могут трансформироваться во что-то положительное» [8, с. 11–12]. Экзистенциальная потребность в смысле жизни возникает именно тогда, «когда человеку живется хуже некуда», касается ли это умирающих, уцелевших узников концлагерей, лагерей для военнопленных или современного человека, живущего до недавнего времени в «обществе изобилия» и попавшего в ситуацию удовлетворения всех базовых потребностей.

Вопрос в том, как возможна эта трансформация? Как человек выходит к собственному смыслу жизни. Эта трансформация возможна, если подойти к феномену личной смерти, например, с правильной позиции и с адекватной установкой. Одной из таких установок в логотерапии является удержания в фокусе внимания главной цели человеческого существования – стремление к смыслу – и желания эту цель осуществить. Только

в этом случае возможны счастье, успех, наслаждение, самоактуализация и прочие производные от этого стремления. Сами по себе в качестве целей они несостоятельны, и фокусирование на них внимания делает их недостижимыми: «В действительности человеком движет не наслаждение и счастье как таковые, а скорее то, что порождает их, будьто осуществление личного смысла или общение с другим человеком. Это относится также и к общению с богом» [8, с. 28].

Стремление к смыслу, по В. Франклу, является генеральным мотивом человеческого существования, не сводимого к любым другим потребностям. Оно изначально заложено в природе человека. В. Франкл называет это самотрансценденцией: «За этим понятием стоит тот факт, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдает себя делу, чем больше он отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания» [8, с. 14].

Самотрансценденция – это также дверь к смыслам и ценностям, идеалам. Утверждая, что жизнь всегда имеет смысл, что смысл сохраняется в любых условиях и обстоятельствах, и даже в страдании открывается человеку, философия В. Франкла ориентирует человека на правильную установку в том числе в бытии к смерти. Чтобы выйти к смыслу бытия к смерти, по М. Хайдеггеру, достаточно осознать собственную конечность. Именно это осознание придаст жизни смысл. Но не является ли осознание своей смертности результатом стремления к осознанному личному, подлинному смыслу (причина, основа), результатом трансценденции, к которой человек выходит преодолевая противоречивость и проблематичность своего существования? Если это так, то, как нам кажется, только в этом случае возможна реализация конкретных, ситуативно обусловленных индивидуальных смыслов в том, что М. Хайдеггер называет присутствием. Иначе говоря, мы полагаем, что уже в самом бытии к смерти заложено стремление к смыслу, который открывается человеку как символический, требующий интерпретации, если он принимает решение быть открытым, то есть разрешает в себе проявиться возможности смерти как неизбежной и неопределенной, могущей случиться в любой момент. Поэтому сосредоточенность на настоящем в деятельной открытости подлинному смыслу является частью экзистенции, но этим не ограничивается.

Человек является не только символическим существом, но и историческим, причастным к определенному историческому нарративу, в связи с чем «действительность человеческой жизни (то, что он называет становящейся действительностью) невозможно понять в отрыве от исторического временного контекста» [8, с. 78]. Важность настоящего момента, если речь идет о подлинном бытии, не исключает ни опоры в прошлом, ни устремленности в будущее, то есть настоящее не является внеисторичным, искажающим действительность, что характерно для «существования текущего момента» как бегства от «от исходной формы человеческого бытия»: «Так, многие невротические больные говорят, что они предпочли бы жить «вдали от борьбы за существование», где-нибудь на уединенном солнечном острове, в праздности и бездельи. Такое может подойти лишь животным, но никак не человеку... «Нормальный» человек (и в смысле «средний», и в смысле «соответствующий этическим нормам») только иногда может позволить себе отключиться от всего, кроме переживаемого момента, и то лишь до некоторой степени» [8, с. 78]. Однако современность ориентирует человека на внеисторическое существование, погруженность в настоящее через развлечения и удовольствие, на избегание всего, что субъективно определяется как негатив, это относится и к смерти, и что неминуемо в перспективе влечет утрату личного смысла.

Исторический контекст, который влияет на выбор, принятие решений современного человека, – это контекст, побуждающий к тому, чтобы человек перестал определять себя сам, согласился быть объектом: «Вчерашний нигилизм провозглашал «ничто». Нынешний редукционизм проповедует «не что иное, как». Человек – не что иное, как компьютер или «голая обезьяна» [8, с. 38]. Подобная редукционистская позиция в понимании человека возможна именно тогда, когда создаются условия для разрушения исторической памяти и отсечения человека от будущего, что и происходит в условиях современного капитализма.

Что такое современный капитализм? В недавнем прошлом – это «сложная социальная система, которая обеспечивает постоянное накопление капитала (развитие во времени) и его экспансию, позволяющую поддерживать и увеличивать норму прибыли (пространственная характеристика), и которая в то же время ограничивает капитал в его целостных и долгосрочных интересах» [9]. В настоящем – это система, уничтожающая себя, ограничитель экспансии капитала, ориентирующаяся на нематериальные, невещественные средства производства (информация, социальное поведение) и разрабатывающая средства контроля над ними (NBIC-технологии).

Современный капитализм, осуществляющий демонтаж, разрушение всех институтов, создан-

ных в эпоху промышленного капитализма, национального государства, демократии, массового образования, нации, среднего класса, культивирует посредством неолиберальной идеологии, массмедиа влечение к смерти и бегство от нее, создает ситуацию удерживания человека от заступления в смерть, делает невозможной эту экзистенциальную возможность, которая может вывести его к возможности быть собой, подлинной свободой: «Но собственно человеческим оно становится лишь тогда и постольку, когда и поскольку оно поднимается над своей собственной обусловленностью, преодолевая ее, «трансцендируя» ее. Тем самым человек вообще является человеком тогда и постольку, когда и поскольку он как духовное существо выходит за пределы своего телесного и душевного бытия... И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем. Духовное, по определению, и есть свободное в человеке. Духовная личность – это то в человеке, что всегда может возразить!» [8, с. 51]. Вряд ли это будет ужасающая свобода к смерти, как полагает М. Хайдеггер. Свобода – это всегда наличие выбора, выбора мужественно принять смерть и понять ее смысл или отказаться от него, когда в стремлении к смыслу мужества и терпения не хватает: «...попытайтесь быть терпеливым и мужественным: терпеливым в том, чтобы оставить проблемы не решенными на некоторое время, мужественным – в том, чтобы не оставить борьбу за их разрешение, в конце концов» [8, с. 157]. В переживание причастности к смерти, которая открывает Бытие, Dasein как целое, конституирует его, человек может понять свой личный смысл смерти, который состоит в осознании неизбежного и достоверного прекращения своего действительного бытия и того, что неизвестно, когда это может случиться. Не обязательно этот смысл будет окрашен ужасом. С появлением смысла страх, ужас перед смертью могут уйти.

Осознание конечности собственной жизни, встроенности в нее смерти как экзистенциальной возможности, может сделать жизнь осмысленной и содержательной. Отвечая на вопрос «зачем мне дана эта временность, что я могу сделать в этой конечности здесь и сейчас», человек начинает спешить жить. Он разворачивается к настоящему, в которое уже встроена смерть как возможность внезапного прекращения жизни, открывает для себя индивидуальный смысл жизни, обживает настоящий момент, исходя из значимых для себя ценностей. Это позволяет оторваться от заполнивших информационное пространство апокалиптических смыслов, которыми наполнено будущее, и от имитации смыслов (знаки как одномерные значения), которыми наполнено настоящее.

Что такое обыденное бытие к смерти (М. Хайдеггер) в условиях современного капитализма? Это

влечение к смерти и бегство от смерти, одинаково деструктивны для личности. Влечение к смерти и бегство от смерти связано с удержанием фокуса внимания в горизонте повседневности, в том самом невротически переживаемом существовании настоящего момента (В. Франкл). Демонтаж существующей социальной системы разворачивает человека к повседневным смыслам, связанным с выживанием. Современный капитализм относится к смерти как к товару, трансформируя ее в социально одобряемое, привлекательное, желаемое действие, с одной стороны (война или, например, эвтаназия в Канаде для бедных и инвалидов, психически больных) [10]. С другой, превращает ее в социальное пугало и предлагает соответствующие практики избегания (мединдустрия, фарминдустрия, индустрия красоты и здоровья, киноиндустрия). В обоих случаях человек оказывается отчужденным от возможности понять уникальный смысл смерти, и следовательно, не менее уникальный смысл жизни.

Влечение к смерти и бегство от смерти, связанные с обыденным бытием-к-смерти, усиливаются в современном капитализме не случайно. Они являются выражением некрофильской тенденции (Э. Фромм): ««некрофилию в характерологическом смысле можно определить как страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилому, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому – это страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей» (курсив мой. – Э. Ф.)» [11, с. 286]. К числу некрофилов Э. Фромм относит человеконенавистников, расистов, поджигателей войны, убийц, потрошителей, будущих диктаторов. Всех их объединяет насилие как путь разрешения проблем и конфликтов.

Некрофильская ориентация характера стимулируется не только психологическими, но и соответствующими социальными обстоятельствами. Важнейшим таким обстоятельством является то, что современный капитализм уничтожает социальные ограничители (правовые и моральные), сдерживающие его экспансию, поэтому его проявления в разных сферах социальной жизни становятся криминальными, начинают восприниматься как норма. В частности, А.И. Фурсов обращает внимание на криминальный характер глобальной экономики, усиление репрессивной мощи истаивающего как политического института государства, на формирующуюся идеологию биоэкотехнофашизма, где фашизм – метафора.

Предложенный А.И. Фурсовым образ, отражающий некрофильский характер терминальной стадии современного капитализма, является, на наш взгляд, самым ярким и символическим. Это образ

самки богомола, отрывающей ему голову во время коитуса, а затем пожирающей его тело: ей и потомству нужен белок [12]. Этот образ дополняют другие: тёплый труп самца в виде малого и среднего бизнеса, «социальный белок», люди – «живая нефть», пиршество гиен на трупе СССР, главная часть «пира стервятников» подходит к концу, и начинаются «танцы с драконами», «расплясались, разгулялись бесы», финансиализм – это взбесившийся пёс или, если угодно, совокупность взбесившихся раковых клеток и т.д.

Стоящие за этими образами экономические и политические процессы находят отражение в трансгуманистическом проекте, обнаруживающем, по Э. Фромму, «страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения», в эстетике безобразного, демонстрирующей «страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилому, разлагающемуся», в технократическом характере самого общества, отличающемся исключительным интересом «ко всему чисто механическому (небиологическому)», в т.н. гендерной повестке, включающей «страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей».

Существует ли альтернатива сложившейся ситуации, располагающей, с одной стороны, к культивированию некрофильских черт социального характера, с другой, к избеганию стремления к смыслу, бытия-к-смерти? Чем является смерть как экзистенциал в условиях современного капитализма? Альтернатива существует, и это – биофилия: «Биофилия – это страстная любовь к жизни и ко всему живому; это желание способствовать развитию, росту и расцвету любых форм жизни, будь то растение, животное или идея, социальная группа или отдельный человек. Человек с установкой на биофилию лучше сделает что-то новое, чем будет поддерживать или реставрировать старое. Он больше ориентирован на бытие, чем на обладание» [11, с. 316]. Биофильская ориентация социального характера означает ценностное и творческое отношение к жизни, способствующее ее развитию и расцвету, целостному, а не фрагментарному восприятию реальности.

В данном контексте бытие к смерти в качестве экзистенциала означает, на наш взгляд, осознанное, связанное с выбором, стремление к подлинному смыслу, являющееся основанием для осознания собственной смерти как возможности, интегрированной в жизнь, где смерть как возможность и жизнь как движение, развитие в этой возможности обретают ценностное, символическое измерение. Смерть как возможность раскрывает понимание своей жизни как неизбежно и внезапно заканчивающейся, что обязывает человека к определенной символической интерпретации данного факта: окончательно ли его жизнь заканчивает-

ся по эту сторону реальности или продолжается по другую сторону после.

Ответ на этот вопрос позволяет погрузиться в настоящий момент, в конкретные ситуации, каждая из которых истолковывается уже в свете открывшегося смысла личной смерти, обязательно содержит смысл, имеющий отношение к определенным проявлениям жизни, встроена в экзистенцию, влечет к собственным ценностям и идеалам. Открывшийся для человека личный смысл смерти, состоящий в осознании своей неизбежной и внезапной смертности, открывает собственный смысл жизни, охватывающий все бытие и отдельные его проявления. В результате человек сталкивается с тотальностью открывшемуся ему собственного смысла жизни, движется в нем, утверждая все, что служит жизни, творчество ли это, свобода, любовь или умение «пробудить кого-либо к жизни».

Также необходимо учитывать историчность индивидуального бытия, особенность связи с внешней реальностью, понимание которых позволяет избежать искажений в отражении действительности, реализовать экзистенцию в условиях усиления тенденций, расчеловечивающих человека, опираясь на свою духовность, на то, что, по В. Франклу, может возразить.

Заключение

Самая главная потребность человека – экзистенциальная, потребность в смысле, в том, чтобы открыть личный, подлинный смысл своей жизни (В. Франкл). Она важнее низших, базовых, и высших потребностей, по А. Маслоу. В. Франкл называет эту потребность стремлением к смыслу, самотрансценденцией, тем, что размыкает внутреннюю и внешнюю обусловленность человека и дает возможность растождествиться с тем, чем человек не является, уйти от неподлинного бытия. Без этой, питающей все остальные смыслы, основы – потребности в личном смысле жизни и его реализации – все остальное, связанное с любыми целями и их достижением (карьера, счастье, богатство и т.д.), не имеет значения, бессмысленно.

Стремление к личному смыслу жизни является определяющим в отношении к любому смыслу. Это означает, что он может высвечивать в любом решении, поступке человека, достижении определенной цели. Мы полагаем, что стремление к смыслу является конституирующим, организующим началом, основой для открытия смысла смерти, потому что смерть в качестве возможности (М. Хайдеггер) интегрирована в жизнь, присутствие. Следовательно, движение к ней, в ней, бытие-к смерти также может определяться потребностью в личном смысле.

Подлинный смысл смерти означает, что она личностна, т.е. всегда моя, что «я смертен». Осоз-

нание собственной смертности, конечности, временности связано с осознанием смерти как возможности, но неизбежной и неопределенной, т.е. могущей осуществиться в любой момент, в любой настоящий момент. Это означает, что, когда переживание временности собственного существования охватывает настоящее, по-иному выстраиваются приоритеты. Значимым становится то, что, по В. Франклу связано с альтруизмом, творчеством, любовью, правильным отношением к страданию.

Современное общество, по М. Хайдеггеру, предпочитает молчать о личном смысле смерти как о чем-то неприличном, допуская лишь абстрактные рассуждения о ней («человек вообще смертен»). Чужая смерть в этом случае воспринимается как знакомое обыденное событие, не имеющее к конкретному человеку никакого отношения. Экзистенциальный ужас перед смертью, имеющий символическое измерение (символическое преодоление смерти), подменяется страхом перед физической смертью, который также в силу своей нежелательности в идеале должен трансформироваться в равнодушное спокойствие. Отсюда бегство от смерти в форме различных социальных практик, ориентированных на продление жизни и молодости, культ здорового тела. Как это не парадоксально, но подобное отношение к смерти уводит человека не только от подлинного бытия, но и усиливает некрофильские тенденции в обществе, которые являются радикальным выражением неподлинного существования большинства людей.

В условиях современного, находящегося в системном кризисе, капитализма (А. Фурсов) существенной альтернативой усиливающимся некрофильским чертам социального характера (Э. Фромм), обесценивание и уничтожение жизни, насилие и жестокость, редукционизм, может стать переживание смерти как экзистенциала, смерти как возможности и символической ее интерпретации. Смерть как экзистенциал, или бытие к смерти (М. Хайдеггер), означает экзистенциальную возможность принять и понять временность и внезапную конечность своего действительного бытия в контексте фундаментального стремления к смыслу как самотрансценденции (В. Франкл), перестать погружаться в «апокалиптическое» будущее, наполненное ужасом и страхом перед Ничто, перестать фиксироваться на нем в ущерб настоящему, перестать ориентироваться на Ничто с уменьшением вероятности увидеть в смерти Нечто, то есть смысл, утверждающий ценность жизни.

Также смерть как экзистенциал помогает открыть собственный, подлинный смысл жизни в настоящем моменте, сохраняя его историчность, связь с исторической памятью, и усилить биофильскую ориентацию характера как личный выбор вопреки деструктивным социальным процес-

сам, связанным со смертью капитализма в его современной фазе и вызревании новой посткапиталистической реальности, расчеловечивающей человека и отчуждающей его в том числе от смысла собственной смерти.

Литература

1. Федон [Электронный ресурс] <https://plato.today/TEXTS/PLATO/Academia/001-05.pdf?ysclid=ml6pqwznao493557294> (дата обращения: 15.02.2026).
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения в 50 тт. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
3. Кассирер Э. Избранное. Опыты о человеке. – М.: Гардарики, 1998.
4. Кулагина Н.В. Символ и символическое сознание дверями [Электронный ресурс] https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2006_n1/Kulagina?ysclid=ml53d61rzo321061177 (дата обращения: 15.02.2026).
5. Цифровой империализм: время определяемого будущего: Коллективная монография. – М.: Прометей, 2022.
6. Юваль Ной Харари предупредил о двух кризисах из-за развития ИИ [Электронный ресурс] <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/697221159a79474dd6157781?ysclid=mldfbh20vh304306214> (дата обращения: 15.02.2026).
7. Хайдеггер М. Время и бытие [Электронный ресурс] <https://clck.ru/3RgSoi> (дата обращения: 15.02.2026).
8. Франкл Ф. Человек в поисках смысла [Электронный ресурс] <https://clck.ru/3Rq3uu> (дата обращения: 15.02.2026).
9. Фурсов А. Жизнь и смерть капитализма. Ч. I [Электронный ресурс] <https://izborsk-club.ru/21333?ysclid=mlp5ozthbm539454467> (дата обращения: 15.02.2026).
10. «Можем помочь вам только уйти из жизни»: эвтаназию вместо поддержки бедным и больным предлагают в Канаде [Электронный ресурс] <https://www.kp.ru/daily/27486/4695873/?ysclid=mlp6ajm2am196424196> (дата обращения: 15.02.2026).
11. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности [Электронный ресурс] <https://clck.ru/3RqcJ3> (дата обращения: 15.02.2026).
12. Фурсов А. Жизнь и смерть капитализма. Ч. IV [Электронный ресурс] <https://izborsk-club.ru/21432> (дата обращения: 15.02.2026).

DEATH AS EXISTENTIAL IN THE CONDITIONS OF MODERN CAPITALISM

Afanasenko Ya.A., Chernova T.G.

Perm State National Research University

This article addresses the question of what death becomes in the context of contemporary capitalism, which is oriented toward necrophilia. Our analysis draws on a dialectical-materialist approach to society and an existential interpretation of existence within it, drawing on the works of Karl Marx, Erich Fromm, Ernst Cassirer, Max Heidegger, and Wilhelm Frankl. The article explores Heidegger's concept of existentialism, defining death as an existential force that restores authentic being to humanity, the capacity to exist. It also explores contemporary capitalism and its manifestations related to death. It concludes that, under contemporary capitalism, death as an existential force represents a challenge, the answer to which can be the affirmation of life and its value.

Keywords: symbol, death, existential, capitalism, necrophilia, biophilia, life, values.

References

1. Phaedo [Electronic resource] <https://plato.today/TEXTS/PLATO/Academia/001-05.pdf?ysclid=ml6pqwznao493557294> (access date: 02/15/2026).
2. Marx K. and Engels F. Works in 50 volumes. Vol. 3. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1955.
3. Cassirer E. Favorites. Experiments about man. – M.: Gardarika, 1998.
4. Kulagina N.V. Symbol and symbolic consciousness as doors [Electronic resource] https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2006_n1/Kulagina?ysclid=ml53d61rzo321061177 (accessed: 02/15/2026).
5. Digital imperialism: the time of a determined future: Collective monograph. – M.: Prometheus, 2022.
6. Yuval Noah Harari warned of two crises due to the development of AI [Electronic resource] <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/697221159a79474dd6157781?ysclid=mldfbh20vh304306214> (accessed: 02/15/2026).
7. Heidegger M. Time and Being [Electronic resource] <https://clck.ru/3RgSoi> (accessed: 02/15/2026).
8. Frankl F. Man's Search for Meaning [Electronic resource] <https://clck.ru/3Rq3uu> (accessed: 02/15/2026).
9. Fursov A. The Life and Death of Capitalism. Part I [Electronic resource] <https://izborsk-club.ru/21333?ysclid=mlp5ozthbm539454467> (date of access: 15.02.2026).
10. «We can only help you die»: euthanasia instead of support for the poor and sick is offered in Canada [Electronic resource] <https://www.kp.ru/daily/27486/4695873/?ysclid=mlp6ajm2am196424196> (date of access: 15.02.2026).
11. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness [Electronic resource] <https://clck.ru/3RqcJ3> (date of access: 15.02.2026).
12. Fursov A. The Life and Death of Capitalism. Part IV [Electronic resource] <https://izborsk-club.ru/21432> (date of access: 02/15/2026).

Смысл жизни и смысл мировой истории: социально-синергетический анализ

Бусов Сергей Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
E-mail: swbusoff@mail.ru

С позиций синергетической философии истории принцип роста степени синтеза социального порядка и хаоса позволяет отследить тенденцию перехода от простого отбора ценностных ориентиров к их суперотбору, что способствует накоплению ценностного содержания интерсубъективных идеалов, закреплению в них всё более глубоких смыслов, связанных с историей человечества и с его перспективами в будущем. Чтобы выразить смысл жизни человека и общества как в его субъективном, так и в его объективном значениях, необходимо погрузиться в сущность воспроизводства социальной жизни. Люди, как субъекты производства, являются, с одной стороны, предпосылками, а с другой – результатами процесса воспроизводства общества, в чем, собственно, находят объективный смысл своего существования, определяя свое место в истории и постигая смысл самой истории. Смысл мировой истории, реализующийся обществом в направлении к суператтрактору, неразрывно связанный с механизмами социального отбора и суперотбора, оказывается высшим из всех возможных смыслов существования человека.

Ключевые слова: смысл жизни, смысл истории, синергетическая философия истории, сферный способ производства, суперотбор, суператтрактор.

Восхождение к общим смыслам человечества невозможно без достижения хотя бы для большинства людей общих значений известных нам понятий – это уже широко практикуется в онлайн-переводчике и википедии. Однако различие понятий «значение» и «смысл» в том, что бывают ложные и истинные значения, тогда как не бывает, да и не должно быть, ложных или истинных смыслов. Равным образом нет ложных или истинных идеалов, ведь главное в идеалах – нести смыслы (что, правда, не всегда удастся в полной мере). Множество оттенков термина «смысл» имеют определенную направленность, их «сгущение» может сводиться к понятию сущностного содержания предмета. Причем, у одних и тех же предметов значения и смыслы могут быть разными. Так, значение «дома» – «чтобы в нем жить» или нечто другое, а вот смысл «дома» – только ли в расширении области значения? Для двух маленьких братьев вопрос: «какой твой дом?» по значению может совпадать, но по смыслу будет разным, ведь у каждого из них «свой дом», «своя судьба в этом доме». «Смысл» может быть даже не вербализирован, не высказан, а эмоционально пережит субъектом и обнаружен лишь в процессе деятельности человека и общества – путем проявления сущностного содержания жизни. Значений предмета может быть множество – мимолетных, к месту или не к месту, а смысл один и он неотъемлем, потому он не может быть ложным, ибо смысл предмета всегда аутентичен, в отличие от значения предмета и, более того, смыслы умирают вместе с их предметами и их носителями-субъектами, поскольку привязаны к уникальности связи субъекта и объекта. Вырисовывается существенное различие понятий «субъективный смысл» и «объективный смысл». И тот, и другой обращены к общему предмету – к существованию человека и общества в контексте истории, причем, субъективный смысл, как правило связан с самосознанием субъекта, высшим проявлением которого являются истина и идеал, а объективный смысл – с сущностным содержанием жизнедеятельности субъекта, обусловленный целеполаганием и свободой выбора. Если субъективный смысл всегда включает в себя также и объективный смысл, то последний может не быть выражением осмысленности существования, поскольку человек может и не осмыслить свое существование в контексте вопросов «зачем» и «почему», что вовсе не значит, будто его существование бессмысленно. Развитие общества необходимо предполагает усложнение смыслов посредством

свободы выбора в рамках процесса дифференциации и интеграции идеалов и ценностей. С позиций синергетической философии истории (СФИ), разрабатываемой в рамках Санкт-Петербургской научной школы социальной синергетики, принцип роста степени синтеза социального порядка и хаоса позволяет отследить тенденцию перехода от простого отбора ценностных ориентиров к их *суперотбору* – отбору самих факторов отбора, способствующему накоплению общечеловеческого содержания intersubъективных идеалов, укреплению человечества во все более высоких целях и глубоких смыслах, формированию все более достойных ответов на вызовы времени, поскольку история ставит и будет ставить все более трудные задачи. В этом процессе, посредством выше названной тенденции синтеза порядка и хаоса происходит и разрастание смыслов – жизни, смерти, истории людей во Вселенной.

С точки зрения СФИ смысл мировой истории раскрывается в понятии «движение к суператтрактору» [3, с. 59]. В первом приближении суператтрактор можно интерпретировать как глобальный вектор исторического развития. Этот процесс определяется посредством единства социальной самоорганизации и организации (управления), поскольку речь идет о взаимодействии множества субъектов, подверженных идеологическому влиянию. В результате самоорганизации социальных идеалов в мировой истории возникает «глобальная гуманистическая тенденция, – пишет В.П. Бранский, – которая становится прочной основой так называемого драматического оптимизма» [2, с. 11], противостоящего как алармизму и пессимизму, выраженных, например, в антиутопии Дж. Оруэлла «1984», так и салонно-розовому оптимизму «бытовой повседневности», как, например, в романе-утопии О. Хаксли «О дивный новый мир». Формирование драматического оптимизма связано с процессом идеологической борьбы и духовной работы многих поколений, в результате которой понятия смысла жизни, смысла смерти, бессмертия и счастья приобретают категориальный уровень и формируют инвариантное содержательное ядро, лишённое двусмысленности. Но главное то, что в этих категориях определяется вектор социального развития, хода истории, который является выражением взаимодействия глобального intersubъективного идеала (глобальной идеологии) и тезауруса (набора) уникальных эволюционных возможностей социальной системы. История показывает, что направить вектор ее развития можно как в сторону «темного» будущего, катастрофы, так и в сторону «светлого» будущего. Тривиальность такого вывода очевидна, однако, оригинален и продуктивен тезис об объективном существовании суператтрактора, идея которого, включенная в глобальную идеологию, делает ее «золотой ветвью» мировой культуры.

Проблема смысла будет исследоваться посредством анализа структуры СФИ, ее феноменологии, эссенциологии и эсхатологии, поскольку сущностное содержание смысла жизни, а также смысла истории невозможно уяснить без понимания причин и движущих сил эволюции общества. Вопросы «зачем» и «почему» неуклонно сближаются, как сближаются понятия «идеала» и «истины». Но прежде чем пытаться ответить на вопрос «почему», следует уяснить вопрос: как совершается процесс социальной эволюции? Предположительный ответ: путем образования и последующего распада целостных систем. Более пристальный взгляд на феноменологию социальной самоорганизации обнаруживает, что эволюция выступает как чередование двух процессов – *иерархизации* и *деиерархизации* диссипативных структур [1, с. 21]. Иерархизация означает многократное усложнение структуры, поскольку диссипативные структуры одного уровня встраиваются в диссипативные структуры другого уровня. Деиерархизация означает прямо противоположный процесс – упрощение, размежевание, отсеивание, элиминацию. «Структуры самоорганизации сложных систем – это не жесткие блоки, из которых строится наблюдаемая упорядоченность универсума, а метастабильно устойчивые локализованные процессы в открытых и нелинейных средах, способные постоянно перестраиваться, вступать в кооперативное взаимодействие с другими процессами и образовывать тем самым более крупные целостности или же, напротив, распадаться на более мелкие структуры-процессы, а порой и исчезать во всеобщей хаотической основе универсума» [5, с. 39]. Внешне одна тенденция ограничивается действием другой, а внутри они определяются воздействием структуры, которую принято называть *аттрактором* – устойчивым квазиконечным стоянием системы, которое как бы «притягивает» или, лучше сказать, «подчиняет» себе множество других «траекторий» системы, определяемых различными начальными условиями, которые подвержены изменениям на микроуровне. Если система попадает в сферу действия аттрактора, то ее эволюция будет подчиняться условиям или параметрам, определяющим воспроизводство данного аттрактора. «Выход на аттрактор» означает воспроизводство этой структуры. Свойства *простого* аттрактора служат своеобразной матрицей, определяющей содержание нового направления эволюции путем воспроизводства себе-подобных структур (путем фрактализации). Деиерархизация, напротив, предстает как дефрактализация; происходит частичная потеря памяти о былой сложности (*странный* аттрактор). Выход на простой или странный аттрактор, определяется *бифуркацией*, зоной максимальной неустойчивости системы, из которой система способна выйти, лишь «выбрав» одно из конечного числа возможных направлений. «Балансирование» между ло-

кальными (простыми и странными) аттракторами имеет направленность к некой глобальной структуре, которую СФИ определяет как суператтрактор. Однако с уровня феноменологии невозможно ответить на вопрос «почему», поскольку сущность этого процесса не просматривается, а потому необходим эссенциальный уровень исследования. Приведем простой пример. Если бы наука изобрела универсальный эликсир здоровья, то под задачу его воспроизводства реорганизовалась и сосредоточилась бы вся социальная структура, как она не один раз сосредоточивалась в свое время под задачу «спасения души», образовав институты религиозной храмовой деятельности. Но наука пока неспособна создать такое чудо-лекарство. Важно, как ранее говорилось, чтобы вопрос «зачем» объединился с вопросом «почему», а идеал объединился с истиной. Встает самый важный вопрос в истории человечества, а именно, возможно ли такое «светлое будущее», при котором «всем будет хорошо» или столь желаемое состояние социальной системы недостижимо?

Центральное положение в синергетической эссенциологии занимает понятие отбора (механизма сборки). Социальный отбор – внутренний механизм, сущность самоорганизации социума. Подобно тому, как в дарвинизме существуют факторы изменчивости, наследственности и элиминации (отбора), так и социальный отбор действует через систему факторов: тезаурус, детектор и селектор [9, с. 18]. *Тезаурус* – результат не одной, а целого «каскада» бифуркаций – ветвлений возможных путей эволюции общества, «идущих» из микроуровня, из зоны флуктуаций. Именно *возможные* мутации через бифуркацию генерализируют одну из этих мутаций, делают ее действительной, и это изменение (фазовый переход, качественный скачок, сальтация) ведет систему через горнило адаптации, проверки на устойчивость. Но до этого на разных уровнях системы, находящейся в *неустойчивом* состоянии, возникают разные возможности, варианты дальнейшего пути. Они-то и составляют тезаурус отбора, который ограничен, иначе отбор был бы бесконечным. *Детектор* – фактор, представляющий собой некое внутреннее взаимодействие элементов системы, на основании которого из тезауруса отбирается определенная бифуркационная структура, превращающая одну из множества возможностей в действительность. Иными словами, на определенной стадии тезаурус «превращается» в детектор, чтобы реализовать свой потенциал. В тезаурусе и в детекторе одни и те же «герои», однако, функции у них разные: «герои тезауруса» лишь предоставляют возможности, а «герои детектора» их реализуют. Детектор многофункционален, представлен процессами разных уровней, как конкурирующих, так и кооперирующихся, это фактор когерентности, установления связи между структурами, согласо-

вания структур, развивающихся в разном темпе, в единое целое. Если перевести речь в плоскость эволюции общественного производства, то социальный отбор осуществляется на материале изменений в *способах* производства разных сфер жизни. Следовательно, тезаурус формируется из возможностей изменения данных способов производства, а детектор будет представлять собой конкуренцию и кооперацию разных способов производства. *Селектор* – это фактор, направляющий действие детектора; он проявляется в виде работы нелинейных обратных связей в системе, причем, эти связи являются более информационными, чем энергетическими, если иметь в виду живую природу и социум: резонансное воздействие на систему, организованное через обратную связь (система-среда), приводит к значительному изменению процессов в системе, приводящих к ее неравновесности и фазовому переходу. Функцию селектора может играть сигнал, который запускает механизм резонансного разворачивания адапционных процессов, т.е. механизм детектора. Селективность, по словам Г. Саймона, есть способность к отбору. «...Мы обнаруживаем, что во всех случаях селективность удается приравнять к некоторой обратной связи, приносящей информацию о внешней среде. <...> Именно информация об устойчивости тех или иных конфигураций <...> направляет процесс эволюции и делает возможным отбор, которым и объясняется скорость эволюции» [7, с. 117].

Чтобы выразить смысл жизни человека и общества более полно, необходимо погрузиться в сущность их жизнедеятельности, в сущность воспроизводства социальной жизни. Человек – часть общества, его деятельность – часть общественного производства. В виду этого жизнедеятельность человека можно рассматривать в качестве фрактального объекта: общество представлено сферами производства и человек – аналогичными сферами деятельности. Как всеобщие функции общественного производства, сферы предполагают некоторую количественно-качественную определенность в направлении деятельности людей, стремящихся к удовлетворению своих потребностей посредством реализации способностей. Существуют материальные потребности, организационные, информационные и гуманитарные, но также существуют и способности к материальному труду, к организационному, духовному или труду гуманитарному в социосфере. Из этого следует предположение об их соответствии тому, где, в какой сфере, заняты люди. Они заняты воспроизводством социума и воспроизводством самих себя. Понятие «воспроизводственной занятости людей» [8, с. 18] диктует конкретное представление о сферах, а именно, занятость может быть привязана к конкретным отраслям, предприятиям, группам, кооперациям, индивидуальной деятельности. Так, материальная сфера (или техносфера) объединяет в себе отрасли, предприятия, выпуска-

ющие материальные продукты, производящие материальные ценности, услуги, товары, в общем виде – *вещи*; организационная сфера (оргсфера) объединяет в себе отрасли, предприятия, выпускающие организации и организационные ценности, услуги в виде социальных отношений, норм, правил, финансовых, юридических, политических и других услуг, в общем виде – *организации*; информационная сфера (инфосфера) объединяет в себе отрасли, предприятия, выпускающие духовные продукты, социальную информацию в виде ценностей, идей, социальной информации; наконец, социальная сфера (социосфера или сфера человека) объединяет в себе отрасли, предприятия, выпускающие кадры, трудовые ресурсы, т.е. людей, наделенных потребностями и способностями, соответствующими в той или иной мере потребностям общества; в общем виде продуктом социальной сферы являются высшие ценности общества – *люди*. Анализируя структуру общественного производства можно отыскать ответ не только на вопрос «как», но и на вопрос «почему». Но прежде следует узнать, что собой представляет «сферный способ общественного производства». В общем виде он представляет собой соединение сферных предпосылок для производства сферного результата. Имеют место, следовательно, атрибутивные, неотъемлемые, сущностные характеристики жизнедеятельности людей, иначе говоря, объективные основания для осмысленного существования человека. Люди, как субъекты производства, активно в нем участвующие, являются, с одной стороны, сферными предпосылками, «соединяясь» в определенном пространственно-временном локусе с другими предпосылками (вещи, организации, технологии), а, с другой стороны, они становятся результатами процесса производства – и затем вновь превращаются в предпосылки нового витка воспроизводственного цикла, что непосредственно вписывается в смену поколений. Если этот кругооборот прекращается, то теряется объективный смысл существования человека в общественном производстве: он теряется с потерей трудоспособности и тем более с завершением жизни индивида. Но возможно ли вынести этот смысл за границы бренности существования человека? Да, возможно и условием для этого является «след в истории», оставляемый человеком. Этот вывод кажется тривиальным и само собой разумеющимся, но лишь на первый взгляд. Дело не столько в «следе», сколько в механизме социального отбора и особенно в механизме суперотбора.

Излишне анализировать здесь вопрос, почему дольше всего народы помнят своих поэтов, пророков и героев-освободителей, хотя это интересно и важно. В аспекте предварительной иллюстрации кратко опишем проблему «следа в истории», оперируя лишь так называемыми культурными универсалиями – понятиями ценности и идеала (где их носители – герои), а также понятиями анти-цен-

ности и анти-идеала (где их носители – антигерои). Можно сказать, что герои свою деятельность связывают с духовными ценностями, руководствуясь высокими идеалами, тогда как антигерои, напротив, ориентированы на утилитарные ценности и используют высокие ценности лишь в качестве средств для реализации своих целей. Обобщенные классы утилитарных ценностей сводятся к богатству, власти и славе, потому олицетворением порочных стремлений к такого рода анти-идеалам стали определенные исторические (или, скорее, мифологические) персонажи: Герострат стремился к славе, потому анти-ценностью становится «геростратова слава»; власть тирана – политическая анти-ценность; богатство «скупого рыцаря» – также анти-ценность. Проблема в том, что люди, подобные названным персонажам, все же оставляют свой след в истории. Но значит ли это, что они обрели смысл своей жизни и что их жизнь была в высоком смысле оправданной? Вряд ли. Доказательством от противного служит подлинная осмысленность жизни героев.

Как уже упоминалось ранее, смысл мировой истории раскрывается в «движении к суператтрактору», также мы определились с понятием социального отбора, осталось определиться с понятием суперотбора. Общество – производственная система, где и хаос, и порядок возникают спонтанно, т.е. путем самоорганизации, и лишь в малой степени путем сознательного управления, которое включается в процесс социальной самоорганизации как случайный фактор. Действительно, попытки жесткого управления экономикой (в виде госрегулирования и т.п.) часто приводят ее к еще большей хаотизации. В аспекте функционирования все четыре сферы производства взаимосвязаны в определенной последовательности опосредствования, что создает основание для развития общества. Примем во внимание терминологию Г. Хакена и соотнесем понятие сферного способа производства с понятием «параметр порядка» [10, с. 115]. В этом случае сферная последовательность опосредствования в контексте общественного производства выстроится в логике «принципа подчинения» [10, с. 117], а именно – в логике «ресурсного подчинения» сфер: техноресурс – социоресурс – инфоресурс – оргресурс – техноресурс – социоресурс и т.д. Речь идет о *приоритетном* ресурсе для производства *нового* продукта, будь то люди, вещи, идеи или организации. Бесспорно, высшим приоритетом обладают люди – это, как выразился Л.М. Семашко, «субстанциальный приоритет», поскольку люди производят все ресурсы, включая себя, но существуют также «функциональные приоритеты, временные» [8, с. 16]. Так, для производства людей, а именно, «новых» людей, готовых покорять новые горизонты, функционально-приоритетными будут являться вещи (техноресурс), соответственно, для производства «новых» идей – человек, для про-

изводства «новых» организаций – идеи, для производства «новых» вещей – организации и далее цикл повторяется. Сферы производства выстраиваются в такой последовательности: социосфера – инфосфера – оргсфера – техносфера – социосфера – и далее цикл повторяется. Развитие общества предстает как переход от старого продукта к новому, будь то люди, вещи и т.д. Зададимся вопросом: кто или что диктует приоритеты? Очевидно, история и социальный отбор/суперотбор, а именно, что чаще всего случается, то и становится приоритетом: для человека, населения в целом, важнейшей была и остается экономика (материальные блага, техносфера). Для производства идей важнейший ресурс – всегда человек, с этим спорить не приходится. Идеи – важнейший ресурс для организации. С этим иногда спорят, но история упрямая вещь: без общей идеи людей не объединить. Организации – важнейший ресурс для производства вещей, преобразования природы. С этим также не поспоришь. Таким образом, соединение сферных предпосылок совершается не в форме линейной суперпозиции, а в последовательности подчинения: человеческий ресурс чаще всего подчиняется материальному, в частности, техническому, ресурсу, потому наполнение социальной сущности homo sapiens происходило и происходит в направлении от естественного к искусственному, от биологического к техническому. Новый человек может появиться лишь в условиях достижений в техносфере. Напрашивается вывод: техника все больше и больше определяет сущность человека, его возможности. Сменяются ли сферно-функциональные приоритеты в будущем? – вполне возможно, хотя особых предпосылок к этому мы не видим. Если смысл существования человека выражается в объективном сущностном содержании его деятельности в обществе, то выше проведенный анализ общественно-го производства позволяет соотнести объективный смысл жизни отдельного человека с общей тенденцией развития общества в лице всего человечества. Частотность и повторяемость в отборе сферных приоритетов позволяет сформировать общее устойчивое направление, а это и есть суперотбор: социосфера никак не вырвется из подчинения техносфере, техносфера остается в подчинении оргсферы, оргсфера – в подчинении инфосферы, а инфосфера – в подчинении социосферы или сферы человека. Глобальная направленность развития общества соответствует основному социологическому закону об определяющей роли материального производства. Роль суперотбора в движении к суператтрактору для СФИ – одна из ключевых проблем и главное обоснование его существования как некоего глобального предела совершенства, некоей асимптотической точки логарифмической спирали развития человечества. «Чтобы приблизиться к этому пределу, надо преодолевать возникающие социальные противоре-

чия. И хотя преодоление одних противоречий порождает новые, суперотбор (извлечение уроков из преодоления прежних противоречий) порождает тенденцию к минимизации вновь возникающих противоречий» [9, с. 25–26]. Проще говоря, феноменологически это выражается в появлении таких продуктов общественного производства, как «супервещь», «суперорганизация», «суперидея», наконец, «сверхчеловек».

Но в этой связи появляется еще одна неясность: как осознанно двигаться к суператтрактору? На все человечество (или даже на отдельный этнос) проблемно возлагать ответственность за движение к суператтрактору, поскольку в нашем бессознательном человеческий род бессмертен, поэтому человечество в лице этносов не задумывается о роковых последствиях своих исторических ошибок; тогда как индивиды задумываются об этом, ибо смертны. Потому так важны лидеры, пассионарии, но обязательно «продвинутые» технически, теоретически и идеологически «подкованные». А это уже задача ученых, идеологов и философов. Проблему смысла жизни в интерпретации СФИ можно выразить в пяти теоретически возможных сценариях развития человечества, отталкиваясь от сюжетных метафор самых известных мифов:

- 1) путь застоя (бездонная бочка Данаид);
- 2) путь абсурда (Сизифов труд);
- 3) путь катастрофы (миф об Икаре и отце его Дедале);
- 4) путь прорыва и триумфа – через осмысленное принесение героем себя в жертву ради счастья всего человечества, ради идеи прогресса, бессмертия рода человеческого и т.п. (миф о Прометее);
- 5) авторы монографии «Проблема “смысла жизни”» полагают, что наиболее адекватной метафорой концепции «смысла жизни» и идеи суператтрактора является миф о Гильгамеше, где его поискам Цветка бессмертия сопутствуют пробы и ошибки, приобретения и потери. Герой возвращается с «пустыми руками». «Но это не значит, что его путешествие закончилось провалом. Совсем наоборот, ибо оно помогло вывести “тайну сверхчеловека”...» [4, с. 25]. На путях к суператтрактору общество меняется, где человек становится сверхчеловеком, а общество – сверхобществом.

Академик Н.Н. Моисеев считает важным возникновение такой идеологии, которая «цементирует общество, делает эффективным его коллективные усилия», и что «должна быть выработана некоторая общепланетарная идеология», которая «не должна носить тоталитарный характер», а «должна чем-то напоминать религию, которую полторы сотни лет тому назад провозгласил Бахаулла» [6, с. 98]. Очевидно, что религиозный аспект такой идеологии не может быть основным, а ее прообразом может служить «идеология ноосферы, но в смыс-

ле не Тейяр де Шардена, а Вернадского» [6, с. 98]. Однако, думается, что только та идеология будет иметь успех, если соединит в себе смысл жизни человека (и смысл его смерти) со смыслом мировой истории. «Введенное в концепцию синергетического историзма понятие движения к суператтрактору позволяет обосновать подлинный смысл социальной истории и развития мировой культуры, с одной стороны, и индивидуального существования, и индивидуальной смерти каждого члена сообщества, с другой» [3, с. 58]. Все сценарии развития человечества связаны с проблемой осмысленности или бессмысленности жертв, приносимых людьми ради идеалов или, наоборот, в условиях идейной пустоты. Третий и более всего четвертый сценарии, рассмотренные выше, содержат в себе путь оптимизации жертвы, исключая варианты чрезмерных жертв и нежелания жертвовать ничем; они предполагают аттрактор прорыва, которого нет в первых двух вариантах, который может таить в себе, как триумф, так и катастрофу. В пятом же сценарии о Гильгамеше присутствует «сквозной» глобальный вектор эволюции человечества – движение к суператтрактору, но это возможно лишь при условии кардинального изменения самого человека.

Литература

1. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. Синергетическая теория глобализации. СПб.: Политехника, 2004. 400 с.
2. Бранский В.П. Синергетика и космология. Часть 2. Проблема происхождения жизни и психики (от генетического кода к идеологическому коду) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Вып. 4. Декабрь 2015. С. 10–20.
3. Бранский В.П., Пожарский С.Д., Михайлова И.Г., Бусов С.В., Зобова М.Р. Глобальное развитие человечества с позиций синергетической философии истории // Вопросы философии. № 5. 2017. С. 55–65.
4. Бранский В.П., Михайлова И.Г., Зобова М.Р. Проблема «смысла жизни»: общеполитическое и общенаучное значение. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 83 с.
5. Князева Е.Н. Методы нелинейной динамики в когнитивной науке / Синергетика и психология: Тексты. Вып.3: Когнитивные процессы. М.: Когито-Центр, 2004. 412 с.
6. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
7. Саймон Г. Науки об искусственном. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
8. Семашко Л.М. Тетрасоциология: От социологического воображения через диалог к универсальным ценностям и гармонии. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. 391 с.
9. Синергетическая философия истории (коллективная монография под редакцией В.П. Бранского и С.Д. Пожарского). Рязань: «Копи-Принт», 2009. 314 с.
10. Хакен Г. Синергетика как мост между естественными и социальными науками / Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 584 с.

MEANING OF LIFE AND MEANING OF WORLD HISTORY: SOCIAL-SYNERGETIC ANALYSIS

Busov S.V.

St. Petersburg State University of Telecommunications after prof. M.A. Bonch – Bruyevich

From the standpoint of the synergistic philosophy of history, the principle of increasing the degree of synthesis of social order and chaos allows us to track the tendency of the transition from a simple selection of value guidelines to their super selection, which contributes to the accumulation of the value content of intersubjective ideals, consolidating in them ever deeper meanings associated with the history of mankind and with its prospects in the future. To express the meaning of the life of a person and society both in its subjective and in its objective meanings, it is necessary to immerse yourself in the essence of the reproduction of social life. People, as subjects of production, are, on the one hand, prerequisites, and on the other, the results of the process of reproduction of society, in which, in fact, they find an objective meaning of their existence, determining their place in history and comprehending the meaning of history itself. The meaning of world history, realized by society in the direction of the superattractor, inextricably linked with the mechanisms of social selection and super selection, turns out to be the highest of all possible meanings of human existence.

Keywords: value of life, meaning of history, synergetic philosophy of history, sphere production method, super-selection, super-attractor.

References

1. Bransky V.P., Pozharsky S.D. Globalization and Synergetic Historicism. Synergetic Theory of Globalization. St. Petersburg: Politekhnik, 2004. 400 p.
2. Bransky V.P. Synergetics and Cosmology. Part 2. The Problem of the Origin of Life and Psyche (From the Genetic Code to the Ideological Code) // Bulletin of St. Petersburg University. Series 17. Issue 4. December 2015. pp. 10–20.
3. Bransky V.P., Pozharsky S.D., Mikailova I.G., Busov S.V., Zobova M.R. Global Development of Humanity from the Standpoint of Synergetic Philosophy of History // Voprosy Filosofii, № 5, 2017. pp. 55–65.
4. Bransky V.P., Mikailova I.G., Zobova M.R. The Problem of the "Meaning of Life": General Philosophical and General Scientific Significance. St. Petersburg: SPbGEU Publishing House, 2017. 83 p.
5. Knyazeva E.N. Methods of Nonlinear Dynamics in Cognitive Science / Synergetics and Psychology: Texts: Issue 3: Cognitive Processes. Moscow: Cogito-Center, 2004. 412 p.
6. Moiseev N.N. The Fate of Civilization. The Path of Reason. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 224 p.
7. Simon G. Artificial Sciences. Moscow: Editorial URSS, 2004. 144 p.
8. Semashko, L.M. Tetrasociology: From Sociological Imagination through Dialogue to Universal Values and Harmony. St. Petersburg: SPbGPU Publishing House, 2003. 391 p.
9. Synergetic Philosophy of History (collective monograph edited by V.P. Bransky and S.D. Pozharsky). Ryazan: Kopy-Print, 2009. 314 p.
10. Haken, G. Synergetics as a Bridge between the Natural and Social Sciences / Synergetic Paradigm. Man and Society in Conditions of Instability. Moscow: Progress-Tradition, 2003. 584 p.

Какая философия естествознания нам нужна?

Коротков Николай Александрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры «Высшая математика», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: korotkovna.spb@yandex.ru

Введение. Предложена новая философия естествознания, в основу которой положен принцип: материальному противопоставляется информационное (в новой его интерпретации), а не идеальное. Понятие информации интерпретируется, согласно известному изречению Н. Винера, как компонента реальности, не являющаяся ни материей, ни энергией. Новую философскую систему естествознания предложено именовать диалектическим дуализмом. В этой системе справедлив основной закон диалектики – закон единства, взаимного проникновения и дополнения противоположностей.

Содержание. В работе кратко изложена история развития проблемы информации и ее измерения и ее современное состояние. В настоящее время признаны две концепции информации: 1) функциональная и 2) атрибутивная. Но ни одна из них не дает однозначного ответа на вопрос о наличии или отсутствии информации в природе. В 1948 г. Н. Винер в «Кибернетике» дал определение информации через отрицание: «Информация есть информация, а не материя и не энергия». Этот подход также не признается, т.к. в логике считается недопустимым определять новое понятие при помощи операции отрицания – при этом катастрофически возрастает смысловая неопределенность. Автором предложен новый подход к доказательству теорем (и не только в математике) – на базе теории множеств. В этом случае возможно определять новые понятия с помощью отрицания (в случае определения универсума): отрицание множества – это его дополнение до универсума.

На примере физического тела доказана теорема о неполноте определения объекта физической науки: физическая реальность обладает множеством свойств, которые принципиально не могут быть отражены в современной физической науке. Множество этих свойств тела предложено именовать информацией. Доказательство теоремы впервые проведено на основе теории множеств. Отметим, что сами множества и их элементы не обязательно должны иметь математическую природу. Теорема о неполноте определения физического объекта применима и к объектам другой физической природы – физическим полям, физическим процессам и пр. Так как физическая реальность «пронизывает» всю природу, то теорема о неполноте справедлива и для естествознания в целом: в материалистическом естествознании принципиально отсутствует часть природы, не являющаяся материей и/или энергией. В основе новой философии естествознания лежит триада: материя-энергия-информация. Эту систему предложено именовать диалектическим дуализмом. В ней справедлив основной закон диалектики – закон единства, взаимного проникновения и дополнения противоположностей.

Выводы. Основные противоречия общепризнанных современных подходов к интерпретации понятия информации следующие: 1) функционального: не ясно, куда исчезает и откуда возникает информация при окончании функционирования (возобновлении работы) кибернетической системы; 2) атрибутивного: информация как атрибут материи, как и сама материя, – это понятия философии (и физической науки). Обе интерпретации понятия информации не позволяют однозначно ответить на вопрос о наличии или отсутствии информации в природе.

Доказана теорема о неполноте определения объекта физической науки. Из этого следует, что в природе присутствует

компонента, принципиально не отражаемая в современном естествознании. Эту компоненту, согласно Н. Винеру, целесообразно обозначить термином «информация», при этом дается однозначный ответ на вопрос о наличии информации в природе. Причиной неприятия современной наукой винеровского подхода является запрет на определение нового понятия при помощи операции отрицания, что правомерно, если дискурс проводится на базе логики. Автор проводит дискурс на основе теории множеств, при этом допустимо вводить новые понятия с помощью отрицания.

Философскую систему, в которой категории «материя» противопоставляется категория «информация» (в ее новой интерпретации), а не категория «идеальное», предложено именовать диалектическим дуализмом. В новой системе справедлив основной закон диалектики – закон единства, взаимного проникновения и дополнения противоположностей. Основой этой системы служит триада «материя-движение-информация».

Ответ на вопрос, поставленный в заголовке статьи: философией естествознания является философия диалектического дуализма.

Ключевые слова: материя, информация, движение, энергия, природа, естествознание, доказательство теорем, Н. Винер, теория множеств, отрицание, универсум.

Введение

В 2007 г. на факультете философии и политологии СПбГУ (секция «Философские проблемы естествознания») состоялась научная конференция по теме «Какая философия науки нам нужна?». Название этой конференции свидетельствует о том, что философия науки как таковая на сегодняшний день отсутствует. Присутствуют лишь ее отдельные фрагменты и ярко выраженная тенденция к созданию философской системы, из которой как частные случаи следуют все ее фрагменты.

В частности, на сегодняшний день отсутствует как таковая и философия естествознания. Необходимо развивать (выводить на новый уровень обобщения) раздел современной философии, именуемый «Философские проблемы современного естествознания».

В настоящей работе сделана попытка создания основ новой философии современного естествознания, в основу которой положен новый принцип, согласно которому материальному противопоставляется не идеальное в его различных формах, а информационное (в его новой интерпретации). Для этого доказана теорема о неполноте определения объекта физической науки: в физической реальности существует компонента, принципиально не отражаемая в материалистической модели мира. Эту компоненту, согласно Н. Винеру, предложено называть информацией и, соответственно, новую философскую систему именовать философией диалектического дуализма.

Краткая история развития проблемы информации

В советское время научной философией естествознания считалась философия диалектического материализма, в которой объективная реальность отождествлялась с движущейся материей (материей, обладающей энергией). В этой философии на понятийном уровне категории материи противопоставлялась категория идеального. При этом четко разделялись объективная и субъективная реальности. Однако в этой философской системе не нашлось места для информации: она не вписывалась ни в материалистические системы, ни в идеалистические.

До сих пор проблема информации остается неразрешенной. Об этом, например, писали в 1976 году Е.С. Геллер и А.Д. Урсул: «Можно быть уверенным в том, что дальнейшее развитие приведет к возникновению новых концепций информации» [16, с. 194] или В.В. Налимов в 1979 году: «Мы не умеем определить, что есть информация?» [12, с. 40]. Нет определенности и в логическом статусе понятия информации: в 1968 году А.Д. Урсул отмечал, что «понятие информации еще не стало, а лишь становится философской категорией» [17, с. 285].

О неразрешенности проблемы информации свидетельствует и основоположник философского направления «Философия информации», британский философ итальянского происхождения Лучано Флориди, который в 2004 году в статье «Открытые проблемы философии информации» [21] под первым номером обозначил проблему «Что такое информация?», а под шестым номером – проблему связи информации с истиной. Автором этой статьи предложены решения этих двух проблем [4; 5; 7; 8].

Современное состояние проблемы информации подытожено в дискуссии «Информационный подход в междисциплинарной перспективе», организованной в 2010 году журналом «Вопросы философии» [2, с. 84–112]. К настоящему времени утвердились два подхода к интерпретации понятия информации – функциональный и атрибутивный.

Согласно первому из них, информация содержится в функционирующих кибернетических системах. Основное противоречие этой концепции состоит в том, что при окончании функционирования кибернетической системы информация исчезает. Но, как известно, *ex nihilo nihil* – из ничего ничто не возникает. Так от куда же берется информация при возобновлении работы этой системы?

Согласно второму подходу, информация является атрибутом (неотъемлемым свойством) материи. Но философские и физические понятия материи и атрибута – это части философии есте-

ствознания и физической науки соответственно, а не части природы и физической реальности.

Поэтому ни первая, ни вторая интерпретации информации не позволяют однозначно ответить на вопрос о наличии или отсутствии информации в природе.

Первую попытку научно интерпретировать понятие «количество информации» (но не само понятие информации!) предпринял в 1921 году британский биолог и статистик Рональд Фишер. В статье «О вероятности ошибки в определении коэффициента корреляции в малых выборках» [20] он предложил считать количеством информации, получаемым при статистической обработке результатов эксперимента, величину, обратно пропорциональную дисперсии (разбросу) результатов в различных сериях однотипных опытов. Однако его подход не получил признания научного сообщества.

Современная общепризнанная концепция количества информации, получившая впоследствии название негэнтропийной, своими корнями уходит в первую половину XX века. Эта концепция была разработана в лаборатории им. А. Белла (США) применительно к передаче (приему) сообщений по телеграфному каналу связи.

Первоначально негэнтропийная концепция количества информации (не имевшая тогда такого названия) была предложена в 1924 году Гарри Найквистом. Количеством информации, получаемым (передаваемым) одним символом (буквой) алфавита, он предложил считать количество букв в алфавите. Вскоре выяснилась ее неэффективность. В 1928 году Ральф Хартли усовершенствовал ее, предложив логарифмическую меру для измерения количества информации. Окончательно она оформилась в 1948 году в работе Клода Эдвуда Шеннона «Теория передачи информации» [19, с. 243–332], в которой он учел неравномерность распределения встречающихся букв алфавита в тексте сообщения. Следует отметить, что первоначальная эйфория по случаю «закрытия» проблемы информации вскоре сменилась разочарованием, т.к. возникли новые проблемы, связанные с проблемой информации.

Подход Шеннона именуется вероятностно-статистическим, а сама концепция получила название негэнтропийной вследствие того, что формула Шеннона с точностью до знака совпадает с формулой Людвиг Больцмана для вычисления энтропии (меры неопределенности, хаоса) идеального газа. Приращение информации в результате получения и расшифровки сообщения уменьшает на такую же величину энтропию, поэтому информация интерпретируется как степень снятия неопределенности.

В 1948 году Норберт Винер в своей «Кибернетике» дал гениальное, по нашему мнению, определение информации: «Информация есть информация, а не материя и не энергия» [1, с. 201]. Однако

далее он противоречит самому себе: «Тот материализм, который не признает этого, не может быть жизнеспособным в настоящее время» [Там же].

Противоречия, по нашему мнению, в этих двух высказываниях Н. Винера следующие. Противопоставляя информацию материи и/или энергии, он неявно подразумевает, что понятие информации имеет такой же логический статус, как и понятия материи и энергии, которые являются категориями философии (и физики!). Однако в материалистических философских системах объективная реальность отождествляется с движущейся материей, что зафиксировано, например, В.И. Лениным: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи» [11, с. 181].

Другим противоречием является запрет на определение нового понятия при помощи операции отрицания – и это правомерно, поскольку при ведении нового понятия с помощью отрицания многократно возрастает смысловая неопределенность введенного таким образом нового понятия.

Применительно к определению информации по Н. Винеру (с помощью отрицания) приведем высказывания двух отечественных ученых – Д.С. Чернавского и А.В. Соколова. Вот что писал Д.С. Чернавский: «В последнее время стало ясно, что информация играет в науке фундаментальную роль. Возникла потребность понять, что же это такое? Попытки связать информацию с привычными понятиями «материя» или «энергия» успехом не увенчались. Стало ясно, что «информация есть информация, а не материя и не энергия» (Н. Винер). Отрицание не может претендовать на роль определения, вместе с тем в данном случае оно существенно, ибо указывает на *отсутствие* вещественного (и/или полевого) происхождения информации. Попытки связать информацию с энтропией также оказались безуспешными, хотя они продолжают до сих пор» [18, с. 6].

А вот цитата из работы А.В. Соколова: «С позиций формальной логики, высказывание Н. Винера есть отрицательное определение, которое не считается правильным, потому что называет признаки, не принадлежащие данному понятию и не указывает принадлежащие ему признаки. На самом деле, отрицая материальность информации, определение Винера утверждает ее идеальность, ибо третьего не дано. С философской точки зрения предложенное Винером понимание информации означает отрицание принципа материалистического монизма, принятого в марксистской философии. Ведь в материально едином мире, помимо движущейся материи, обнаруживается феномен информации, который нематериален, то есть идеален» [15, с. 12–13].

И тот и другой ученые, бесспорно, правы, если только дискурс строить на базе логики. Но!.. Но если рассуждать не с позиций *логики*, а с позиций *теории множеств*, то в ней – при определении

т.н. «универсума» – допустимо вводить новые понятия при помощи отрицания.

Следует также отметить, что теория множеств носит не только математический, но также и всеобщий характер: по своей природе сами множества и их элементы могут быть не только математическими объектами, но и иметь любую природу.

Ниже автором этой статьи показана правомерность винеровской интерпретации информации с использованием теории множеств.

Теорема о заведомой неполноте современной материалистической картины мира

В картине мира можно выделить три уровня реальности: 1) мегамир – это космический уровень реальности; 2) макромир – «земной» уровень, обычный мир вещей и 3) микромир – не воспринимаемый человеком при помощи традиционных пяти органов чувств (молекулярный уровень, атомарный уровень, уровень элементарных частиц и более глубокие уровни).

Приведем определение информации, взятое из «Физической энциклопедии»: «Информация (от лат. information – разъяснение, осведомление) – любые сведения и данные, отражающие свойства объектов в природных (биологических, физических и др.), социальных и технических системах и передаваемых звуковым, графическим (в т.ч. письменным) или иным способом без применения или с применением технических средств» [2, с. 176]. Согласно этому определению, информация содержится лишь в описаниях природных (в т.ч. физических), социальных и технических объектов, но никак не в них самих.

Поскольку физическая реальность «пронизывает» всю природу, то отсутствие какой-либо компоненты в физической науке означает ее отсутствие в естествознании в целом.

Физическая реальность описывается физической наукой. Вот современное определение физической науки, данное акад. АН СССР и РАН, лауреатом Нобелевской премии по физике А.М. Прохоровым: «Физика – наука, изучающая простейшие и вместе с тем наиболее общие свойства и законы движения окружающих нас объектов материального мира» [14, с. 310]. Иными словами, любой физический объект обладает *исключительно* материальными и/или энергетическими свойствами (поскольку движение неразрывно связано с энергией). Докажем, что это неверно: *любому объекту физической реальности присущи свойства, не являющиеся материальными и/или энергетическими*.

Теорему докажем для абстрактного физического объекта, являющегося физическим телом. Для наглядности в качестве примера возьмем конкретное физическое тело, например, кирпич.

По определению физического объекта (в частности, физического тела), все его свойства являются объединением материальных и/или энергетических свойств. В свою очередь, материальные свойства подразделяются на вещественные и полевые. Энергетические свойства можно классифицировать по видам энергии: тепловая, механическая, электромагнитная, атомная (энергия слабых и сильных взаимодействий). Иными свойствами, по определению, физическое тело не обладает. Покажем, что в действительности это не так.

Несомненно, конкретный кирпич обладает вещественными свойствами: он состоит из молекул, в нем есть атомы, а также элементарные частицы (электроны, протоны, нейтроны и т.д.). Он обладает также и полевыми свойствами, в нем присутствуют гравитационное и электромагнитное поля, а также поля ядерных сил. В совокупности это *материальные* свойства тела.

Кроме того, кирпич обладает также и энергетическими свойствами. Его молекулы совершают колебательные движения, т.е. обладают кинетической энергией, элементарные частицы находятся в постоянном движении, ядра атомов обладают атомной энергией и т.д.

По определению физического объекта, иных свойств у кирпича нет. Покажем, что это не так.

В качестве универсума возьмем все имманентные свойства физического тела (кирпича). Покажем, что если из универсума исключить материальные и энергетические свойства, то он окажется не пустым.

Действительно, физическое тело обладает определенным количеством частиц определенного уровня иерархии: молекул, атомов, элементарных частиц. Но количество частиц – это не сами частицы, это не материальное свойство (и конечно, не энергетическое). Далее – расстояния между частицами; это тоже не материя и, конечно, не энергия. Отметим, что указанные свойства можно охарактеризовать одним числом. Кроме того, существуют нематериальные и неэнергетические свойства физического тела, которые невозможно охарактеризовать одним числом, например, геометрическая форма его поверхности. Для ее однозначной характеристики недостаточно одного числа – площади поверхности, требуется еще знание кривизны поверхности в каждой ее точке.

Таким образом, множество нематериальных и неэнергетических свойств физического тела не пусто. Нематериальные и неэнергетические свойства физического тела разбиваются на два подкласса: 1) которые можно описать одним числом и 2) которые невозможно описать одним числом.

Следуя Н. Винеру, нематериальные и неэнергетические свойства физического тела разумно именовать *информацией, содержащейся в физическом теле*. При этом информация подразделяет-

ся на *количественную* (которую можно охарактеризовать одним числом) и *качественную* (которую нельзя охарактеризовать одним числом).

Теорема доказана.

Дискурс был проведен для физического тела. Можно показать, что и для других физических объектов (физических полей, процессов и пр.) также справедлива теорема: эти объекты, кроме материальных и энергетических свойств, также содержат неучтенные свойства. Например, в физическом поле *количественная информация* – относительная напряженность поля в каждой его точке, а *качественная информация* – тип поля (гравитационное, электромагнитное и др.).

Поскольку физическая реальность, описываемая физической наукой, является составной частью природы, а в физической науке, как показано, принципиально отсутствует нематериальная и неэнергетическая часть физической реальности, то можно утверждать, то можно утверждать, что в **природе присутствует компонента, не отраженная в современном материалистическом естествознании. Эту компоненту разумно именовать информацией, содержащейся в природе.**

Какая философия естествознания нам нужна?

Теперь попытаемся ответить на вопрос, поставленный в заголовке статьи.

В современном естествознании его философией является философия диалектического материализма, согласно которой, в мире нет ничего, кроме движущейся материи. Но в такой философской системе нет места для информации (в новой ее интерпретации). Следовательно, естествознание нуждается в новой философской системе, учитывающей наличие не (материальной и/или энергетической) компоненты в природе. В основу этой философии предлагается положить триаду: материя-энергия-информация. При таком подходе вместо противопоставления материальному идеальному предлагается материальному противопоставлять информационное (в новой интерпретации).

В сознании другого человека, являющемся идеальной компонентой объективной реальности по отношению к сознанию конкретного данного человека, также присутствует информация (в ее новой интерпретации) – например, часть геометрической формы рассматриваемого предмета, а также энергия (признано, что у человека присутствует т.н. психическая энергия). Наличие материального носителя информации в сознании человека пока что признается на гипотетическом уровне – в виде пока еще не открытых полей в физической реальности.

Попытки предложить новые философские системы взамен классических – материализма и идеализма – предпринимались и предпринима-

ются в настоящее время. Например, В.Л. Обухов разработал новую философскую систему, названную им *реалистической философией*, в которой он объединил материю и дух, материальное и идеальное [13]. Но, по нашему мнению, эта система носит эклектический характер, в ней невозможно разрешать какие-либо философские противоречия, свойственные классическим системам, например, найти место для информации в системе философских категорий.

Как же именовать новую систему?

Автор статьи предлагает именовать новую философскую систему, в которой материальному противопоставляется не идеальное, а информационное, *диалектическим дуализмом*. Новая философская система позволяет объединить противоположные классические системы – материализм и идеализм. При этом в новой системе справедлив основной закон диалектики – единства, взаимного проникновения и дополнения противоположностей – материи и информации.

Выводы

1. К началу XXI века оформились две основные концепции информации – функциональная и атрибутивная. Согласно первой из них, информация содержится в функционирующих кибернетических системах. Основное противоречие этой концепции – при окончании функционирования системы информация исчезает. Но тогда откуда она возникает при возобновлении ее работы? Ведь, как известно, *ex nihilo nihil* – из ничего ничто не возникает.

Согласно второй концепции, информация – это атрибут (неотъемлемое свойство) материи. Но философские и физические понятия материи и атрибута – это части естествознания и физической науки соответственно, а не части природы и физической реальности.

Поэтому ни первая, ни вторая интерпретации информации не позволяют однозначно ответить на вопрос о наличии или отсутствии информации в природе.

2. На примере физического тела автором доказана теорема о неполноте определения объекта физической науки: в физической реальности присутствует компонента, не отраженная в современной физической науке. Поскольку физическая реальность есть часть природы и, соответственно, физическая наука есть часть естествознания, следовательно, в природе присутствует компонента, принципиально не отражаемая в современном естествознании. Эту компоненту, согласно Н. Винеру, автор обозначает термином «информация», при этом дается однозначный ответ на вопрос о наличии информации в природе.

3. Причиной неприятия современной наукой винеровской концепции информации является запрет на определение нового понятия посредством

операции отрицания. Этот запрет справедлив при дискурсах, основанных на логике. Доказательство теоремы о неполноте определения объекта физической науки проведено автором статьи не с помощью логики, а при помощи теории множеств. При таком подходе – в случае введения универсума – появляется возможность определять новые понятия посредством отрицания; в этом случае отрицание множества отождествляется с его дополнением до универсума.

4. Философскую систему, в которой категории «материя» противопоставляется категория «информация» (в новой интерпретации) предложено именовать диалектическим дуализмом. В этой системе справедлив основной закон диалектики – закон единства, взаимного дополнения и проникновения противоположностей. Основой этой системы служит триада «материя-движение-информация».

Ответ на вопрос, поставленный в заголовке этой статьи, следующий: философией естествознания является философия диалектического дуализма.

Литература

1. Винер Н. Кибернетика. М., Советское радио, 1968. – 328 с.
2. Информационный подход в междисциплинарной перспективе // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 84–112. EDN: LRFDSZ
3. Информация // Физическая энциклопедия. Т. 2. М., Советская энциклопедия, 1990. – С. 176.
4. Коротков Н.А. Новое понимание природы информации // Проблемы машиноведения и машиностроения. Межвуз. сб. – Вып. 33. – СЗ-ГЗТУ. – СПб. – 2004. – С. 15–30.
5. Коротков Н.А. Что есть информация? // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Научный журнал. – № 3. – Том 2. – Философия. – СПб. – 2012. – С. 60–69. EDN: PJCJGX
6. Коротков Н.А. Доказательство неполноты определения объекта науки в физике на лекциях по теории множеств // Математика в ВУЗ'е и в школе: тр. XXV Междунар. науч.-метод. конф. (Великий Новгород, 25–29 сент. 2013 г.) – СПб. – ПГУПС – 2013. – С. 34–36. EDN: WXCQTR
7. Коротков Н.А. Информационная концепция истины // Информация и Космос. – 2015. – № 4. – СПб. – С. 152–154. EDN: VJFNGP
8. Коротков Н.А. Решение двух проблем философии информации Лучано Флориди // Россия в глобальном мире. Альманах. – № 7 (30). – СПб., Изд-во Политехн. ун-та. – 2016 – С. 393–394. EDN: VTLKWW
9. Коротков Н.А. Сущность процесса индивидуального познания в естествознании // Гносеологические проблемы научно-технического

- творчества. Матер. Всеросс. науч. конф. СПб., 15–16 мая 2020 г. – СПб., БГТУ им. Д.Ф. Устинова. – 2020. – С. 71–75. EDN: FIWBAR
10. Коротков Н.А. Проблема информации и новая философская система // Вторые Мозеловские чтения «Наука и философия на современном этапе развития общества». Матер. Всеросс. науч. конф. с междунар. участием. СПб. 24 мая 2024 г. – СПб. – БГТУ им. Д.Ф. Устинова. – 2024. – С. 114–122. EDN: AJONVY
 11. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // ПСС. – Т. 18. – М., Политиздат, 1973. – 526 с.
 12. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., Наука, 1979. – 304 с.
 13. Обухов, В.Л. Избранное. СПб. – Пушкин, 2013. – 300 с.
 14. Прохоров А.М. Физика // Физическая энциклопедия. – Т. 5. – М., Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 310–321.
 15. Соколов А.В. Философия информации. – СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. – 368 с. EDN: QOMCIR
 16. Управление, информация, интеллект. М., Мысль, 1976. – 384 с.
 17. Урсул А.Д. Природа информации. – М.: Политиздат, 1968. – 288 с.
 18. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. – М.: Наука, 2001. – 248 с. EDN: HTVNEB
 19. Шеннон К.-Э. Теория передачи информации // Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Иностранная литература, 1963. – С. 243–332.
 20. Fisher R.A. On the «Probable Error» of a Coefficient of Correlation deduced from a Small Sample // *Metron*, Vol. I, № 4 (1921). – P. 3–32.
 21. Floridi L. Open problems in the philosophy of information // *Metaphilosophy* / ed. by A.T. Marsoobian. – Oxford, UK. – Vol. 35. – № 4. July 2004. – P. 554–582. EDN: FPHOAN

WHAT PHILOSOPHY OF NATURAL DO WE NEED?

Korotkov N.A.

Baltic State Technical University «VOENMEH» named after D.F. Ustinov

Introduction. A new philosophy of natural science is proposed, which is based on the principle that the material is opposed to the informational (according to its new interpretation), rather than the ideal. According to the famous saying of N. Wiener, the new concept of information interprets as a component of reality that is neither matter nor energy. Author calls this philosophical system as dialectical dualism. In this system, the basic law of dialectics is valid – the law of unity, mutual penetration and complementarity of opposites.

Content. The paper briefly describes the history of the development of the problem of information and its measurement and its current state. Currently, two concepts of information got recognition: 1) functional and 2) attributive. None of them gives an unambiguous answer to the questions of the present or absent of information in nature. In 1948, N. Wiener defined information through negation in Cybernetics: «Information is information, not matter or energy». This approach also not got recognition, because it considers unacceptable to define a new concept using the negative operation in logic –

at the same time, semantic uncertainty increases catastrophically. The author suggest a new approach to proving theorems (and not only in mathematics) based on set theory. In this case, it is possible to define new concepts using negation (in this case of the definition of the universe): the negation of a set is its complement to the universe.

Using the example of a physical body, the theorem on the incompleteness of defining an object of physical science is proved: physical reality has many properties that cannot be reflected in modern physical science in principle. The totality of these body properties is proposed to call information. The proof of the theorem carried on the set theory. Note that the sets themselves and their elements do not necessary have to be mathematical in nature. The incompleteness theorem for defining a physical object is also applicable to objects of other physical nature, such as physical fields, physical processes, etc. Since physical reality «permeates» all of nature, the incompleteness theorem holds true for natural science, there is fundamentally № part is not matter add/or energy. The new philosophy of nature history is based on the triad: matter-motion-information. It is proposed to call this system dialectical dualism. The basic law of dialectics is valid in it – the law of unity, mutual penetration and complementarity of opposites.

Conclusions. The main contradictions of generally accepted modern approaches to the interpretation of the concept of information are the next: 1) functional: it is not clear where the information disappears and where it comes at the end of the functioning (resumption of work) of the cybernetic system; 2) attributive: information as an attribute of matter, just like matter itself. – these are the concepts of philosophy (and physical science). Both interpretations of the concept of information do not allow us to unambiguously answer the question of the presence or absence of information in nature.

Using the example of a physical body, the theorem on the incompleteness of the definition of an object of physical science is proved. It follows from this that there is a component in nature that is not fundamentally reflected in modern natural history. According to N. Wiener, the author designates this component by the term «information», while answering the question about the availability of information in nature.

The reason for modern science's rejection of the Wiener approach is the prohibition on defining a new concept by negation, which is legitimate if the discourse carries out on the logic basis. The author carries out discourse on the set theory basis, while it is permissible to introduce new concepts using negation.

It is proposed to call the philosophical system in which the category of «matter» is opposed to the category of «information» (in its new interpretation), rather than the category of «ideal», dialectical dualism. In the new system, the basic law of dialectics is valid – the law of unity, mutual penetration and complementarity of opposites.

The answer to the question posed in the title of the article is: the philosophy of natural history is the philosophy of dialectical dualism.

Keywords: matter, information, movement, energy, nature, natural history, theorem proof, N. Wiener, set theory, negation, universe.

References

1. Wiener N. Cybernetics. Moscow, Sovetskoye Radio, 1968. – 328 p.
2. The Information Approach in an Interdisciplinary Perspective // *Voprosy Filosofii*. – 2010. – № 2. – Pp. 84–112. EDN: LRFDSZ
3. Information // *Physical Encyclopedia*. Vol. 2. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1990. – Pp. 176.
4. Korotkov N.A. A New Understanding of the Nature of Information // *Problems of Mechanical Engineering and Mechanical Engineering*. Interuniversity Collection – Issue 33. – SZGZTU. – St. Petersburg. – 2004. – Pp. 15–30.
5. Korotkov N.A. What is Information? // *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Scientific journal*. – № 3. – Volume 2. – Philosophy. – SPb. – 2012. – Pp. 60–69. EDN: PJCJGX
6. Korotkov N.A. Proof of the incompleteness of the definition of the object of science in physics in lectures on set theory // *Mathematics in Higher Education and Schools: proc. XXV Int.*

- scientific-method. conf. (Veliky Novgorod, September 25–29, 2013) – SPb. – PGUPS – 2013. – Pp. 34–36. EDN: WXCQTR
7. Korotkov N.A. The Information Concept of Truth // Information and Space. – 2015. – № 4. – SPb. – P. 152–154. EDN: VJFNGP
8. Korotkov N.A. Solution of Two Problems of Luciano Floridi's Philosophy of Information // Russia in the Global World. Almanac. – № 7 (30). – SPb., Publishing House of the Polytechnic University. – 2016 – P. 393–394. EDN: VTLKWV
9. Korotkov N.A. The Essence of the Process of Individual Cognition in Natural Science // Epistemological Problems of Scientific and Technical Creativity. Proc. All-Russian Scientific Conf. St. Petersburg, May 15–16, 2020 – St. Petersburg, D.F. Ustinov BSTU. – 2020. – Pp. 71–75. EDN: FIWBAR
10. Korotkov N.A. The Problem of Information and the New Philosophical System // The Second Mosel Readings «Science and Philosophy at the Current Stage of Social Development». Proc. All-Russian Scientific Conf. with International Participation. St. Petersburg, May 24, 2024 – St. Petersburg – D.F. Ustinov BSTU. – 2024. – Pp. 114–122. EDN: AJOHVY
11. Lenin V.I. Materialism and Empiriocriticism // Collected Works. – T. 18. – M., Politizdat, 1973. – 526 s.
12. Nalimov V.V. Probabilistic model of language. On the relationship between natural and artificial languages. M., Nauka, 1979. – 304 p.
13. Obukhov, V.L. Favorites. St. Petersburg – Pushkin, 2013. – 300 p.
14. Prokhorov A.M. Physics // Physical encyclopedia. – T. 5. – M., Great Russian Encyclopedia, 1998. – P. 310–321.
15. Sokolov A.V. Philosophy of information. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Culture and Culture, 2010. – 368 p. EDN: QOMCIR
16. Management, Information, Intelligence. Moscow, Mysl', 1976. – 384 p.
17. Ursul A.D. The Nature of Information. Moscow: Politizdat, 1968. – 288 p.
18. Chernavskii D.S. Synergetics and Information. Dynamic Theory of Information. Moscow: Nauka, 2001. – 248 p. EDN: HTVHEB
19. Shannon K.-E. Information Transmission Theory // Works on Information Theory and Cybernetics. Moscow: Inostrannaya Literatura, 1963. – Pp. 243–332.
20. Fisher R.A. On the «Probable Error» of a Coefficient of Correlation Deducted from a Small Sample // Metron, Vol. I, № 4 (1921). – P. 3–32.
21. Floridi L. Open problems in the philosophy of information // Metaphilosophy / ed. by A.T. Marsoobian. – Oxford, UK. – Vol. 35. – № 4. July 2004. – P. 554–582. EDN: FPHOAN

Проблемы и перспективы исчисления метафоры

Лукьяненко Антон Александрович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет

E-mail: anton_lukyanenko@bk.ru

Статья посвящена рассмотрению проблематики цифровизации такого тропологического приема, как метафора. Для полноценной цифровизации метафоры, в первую очередь, необходимо ее строгое логическое описание на языке бинарных логических моделей. Автор отмечает, что подавляющее большинство исследователей пытавшихся разработать логику метафоры столкнулись с двумя базовыми проблемами. Первая проблема заключается в том, что семантика метафоры противоречива, а вторая, в том, что смысловая специфика метафоры на практике определяется с помощью статистических данных, культурного контекста и интуиции. Автор предлагает решить эти проблемы путем учета эмоциональной функции метафоры в процессе вычисления. Таким образом, первая проблема решается при помощи логики предикат третьего порядка, а вторая решается применением семантического дифференциала и «контекста потребности».

Ключевые слова: интеллект, логика, лингвистика, метафора, тропология, эмоция.

Введение

Процессы глобализации предъявляют новые более жесткие требования к пониманию влияния лингвистических приемов на мышление человека и разработку точных алгоритмов оценки этого влияния. Актуальность формализации тропологии заключается в решении фундаментальных задач на стыке логики, лингвистики и когнитивных наук [5]. С одной стороны это позволяет прояснить работу мышления в области абстрагирования и переноса значений, а с другой, предложить ясные алгоритмы автоматизации текстового анализа, вместо, например, так называемых «черных ящиков» и статистических данных, используемых в нейросетях.

Цель данной статьи заключается в разработке возможных способов логической и лингвистической формализации метафоры в рамках бинарных цифровых моделей.

Базовые проблемы логической формализации метафоры

Наиболее подходящими для формализации метафоры могут показаться нечеткие логики Я. Лукасевича, К. Геделя или вероятностная логика в стиле Л. Заде. Не смотря, на это, большинство российских и зарубежных исследователей пытающихся формализовать тропологические приемы осуществляют попытки разработать собственные системные и логические приемы, рассматривая логику как вспомогательный инструмент.

М. Блэк рассматривал в своих работах метафору, как систему из других знаков, где вторичный знак позволяет выделять отдельные признаки главного знака и отсекал другие [8]. Хотя нельзя не согласиться с результатами исследования М. Блэка, ряд проблем ему не удалось устранить. Нет точных критериев, объясняющих причины успеха одних метафорических отношений и бессмысленности других. Также неустранимой осталась связь метафоры с культурным контекстом, в свою очередь культурный контекст становится серьезным фактором неопределенности. При этом, нельзя не учитывать гипотезу лингвистической относительности Б. Уорфа, применив которую при рассмотрении метафор, можно заключить, что не только культурный контекст определяет успех данного приема, но и от успеха данного приема зависит культурный контекст. То есть метафора также может создавать новые культурные

контексты. Эти факты вносят значительную долю неопределённости в теорию М. Блэка и ограничивают перспективы точной формализации метафоры.

Значительный вклад в концептуализацию метафор внес Дж. Лакофф. Особое значение, на наш взгляд, имеет его теория телесного ума, с помощью которой он продемонстрировал связь мышления и биологических особенностей организации человеческого тела и органов чувств, а также прямую связь когнитивных категорий с базовыми эмоциональными структурами [2, 3]. Его теория, без сомнения, отражает наиболее полно связь тропологических приемов и концептуального мышления, но в силу этой полноты она оказывается крайне сложной и тяжело поддающейся формализации. Его метод по-прежнему в значительной степени базируется на интуитивных откровениях и языковых играх.

Эрик Стейнхарт в 2001 году предложил логику метафоры интегрирующую формальную семантику и теорию возможных миров. Так, метафора согласно этой логике, обладает конкретным и переносным значением. Конкретное значение метафоры ложно, а переносное истинно, в том мире, где это сочетание употребляется именно как метафора. С другой стороны, переносное значение истинно в первом мире, потому что допускается альтернативный мир, где это переносное значение будет истинно в качестве не переносного, а конкретного [11].

Исследования последних десятилетий внесли существенный вклад в изучения тропологии, но по-прежнему далеки от строгой формальной теории тропологических операций, которая была бы достаточно строгой в логическом смысле. В связи с этим, многие исследователи солидарны с выводами профессора С.С. Гусева, о том, что, с одной стороны очевидна прямая связь метафоры и логического мышления, с другой, буквальное применение тропологических приемов вызывает логические противоречия. Основной проблемой полноценной цифровизации метафоры является ее противоречивость в рамках бинарных логик, а не четкие логики не отвечают требованиям строгости.

Несмотря на это некоторые авторы отмечают перспективы концептуализации и формализации тропологии в целом и, в частности, метафор. Так, К.В. Райхерт констатирует, что «...в результате операции концептуализации можно получить концептуальные метафоры, метонимии, иронии, антиэмфазы (символы, метафтонимии, концепты) в зависимости от того, с какой целью осуществляется концептуализация.» [6, с. 43]. С.С. Неретина в своей работе «Тропы и концепты» рассматривает тропы как непосредственные инструменты концептуализации логических операций. [4, с. 72]. В своем исследовании Л. Лиарде, проведенном в 2016 го-

ду, ясно указывает на прямую зависимость эффективности логического мышления и использования различных тропов. Так, наиболее успешные академические эссе, в рамках данного исследования, содержали на 30–40% больше грамматических метафор [9].

Таким образом, хотя метафоры и другие тропы очевидно являются операторами логического мышления, в настоящее время их удастся интегрировать в процесс вычисления только с помощью «Черных ящиков» и статистических моделей больших массивов текстов. Обобщая основные исследования по данному вопросу, можно выявить две основные проблемы. Во-первых, семантика метафоры зависит от обширного культурного контекста. Во-вторых, метафора выглядит принципиально логически противоречивым приемом. Но на наш взгляд первую проблему можно значительно упростить, а вторую решить полностью, даже в рамках бинарных классических систем.

Перспективы исчисления метафор с помощью бинарных логик

В целом не составляет большого труда выразить, например метафору «хирург-мясник», в общих чертах, с помощью логики предикат первого порядка: $[\forall y (M(y) \rightarrow R(y))] \wedge [\exists x (H(x) \wedge R(x))] \wedge [\exists z (H(z) \wedge R(z))]$. Где «М» – предикат «быть мясником», «Н» – предикат быть хирургом; «R» – тот, кто небрежно обращается с плотью. В данной формуле можно достаточно полно выразить семантику данной конкретной метафоры и, даже при условии наличия внутреннего противоречия, оставить ее выполнимой. В этой формуле учитывается даже возможный культурный контекст восприятия мясника и его отношения к мясу. Импликация не предполагает прямой причинной связи между тем что человек является мясником и его небрежное отношения к мясу, данное условие считается достаточным, это хорошо видно при преобразовании данной формулы в нормальную дизъюнктивную форму. Также указывается, что существуют хирурги схожие с мясниками в этом аспекте и не схожие.

Однако первой, при применении логики предикат первого порядка, наиболее очевидной проблемой, является то, что в тексте как правило предикат схожести или различия скрыт и его приходится обнаруживать, снова с помощью статистических моделей или простой интуиции из контекста. Вторая проблема заключается в том, что в рамках данной логической семантики исчезает специфика метафоры, формула отражает только значение метафоры, но не смысл ее употребления. Эта формула показывает прямое объяснение, а не то почему употребляется именно метафора.

Обе проблемы, на наш взгляд, взаимозависимы. Чаще всего исследователи метафор рассма-

тривают исключительно когнитивную их функцию в тексте. Так, например, Неретина и ряд других авторов отмечают, что основной задачей метафоры является передача образной информации. В работах Лакоффа специфика метафоры сводится к определению телесных координат реальности, а Рейхарт рассматривает метафору как отсылку к образу иной реальности. Всякий раз, когда интерпретация семантики метафоры опирается на образную информацию, она предстает как вспомогательный элемент концептуального мышления. В рамках такого подхода метафора представляется как промежуточный этап концептуализации до-логического мышления. С одной стороны, интерпретация семантики метафоры через образ делает ее более понятной для концептуального мышления и семантически с ним сближает, с другой, в этом сближении видны серьезные ограничения, поскольку смысл применения метафоры не ограничивается функцией передачи образа. Если говорить только о функции передачи образа, то метафора выглядит как избыточный элемент логического мышления, только как фактор концептуализации и пояснение. Однако по мимо функции по передаче образной информации метафора выполняет и ряд других, среди которых, огромное значение имеет эмоциональная функция. То есть семантика метафоры сводится не только в передаче образа, но и к передаче эмоций, точнее к попытке вызвать правильную эмоцию конкретной метафорой.

Исследований, посвященных рассмотрению взаимосвязи эмоций и мышления, с позиций различных научных дисциплин, существует огромное количество. Среди современных исследований широко обсуждается теория Соловья-Майера описывающая прямую взаимосвязь когнитивной и эмоциональной функции мозга. Важное значение имеют исследования нейробиологических основ эмоционального интеллекта К.В. Петридиса, попытавшегося показать взаимосвязь эмоционального интеллекта и способов принятия решения [10]. Характер исследовательского движения в последние годы приобрели теории Рубенштейна и Леонтьева отражающие взаимосвязь деятельности, эмоций и мышления [1]. Список можно продолжать достаточно долго. Но также не мало и критических ограничений в вопросах исследования взаимосвязей эмоций и мышления. Ряд аспектов эмоционального интеллекта в различных теориях подбираются достаточно произвольно, они могут отражать различные аспекты социальной и интеллектуальной деятельности, не на прямую связанные с эмоциями. Из общего обзора основных теорий эмоционального интеллекта можно сделать два важных вывода. Во-первых, все они требуют междисциплинарного подхода. Во-вторых, любые исследования подобного плана должны быть серьезно редуцированы в предметной

области. В данной вопросе излишнее упрощение имеет больше преимуществ, чем всесторонний охват. Исследование эмоциональной функции метафоры в тексте с применением методов математической логики, формальной лингвистики и нейропсихологии может быть в достаточной степени перспективным, но эти теории должны быть максимально формализованы.

Одним из первых и немногих исследователи взаимосвязи эмоций и интеллекта в области нейробиологии, предложивших упрощенную формулу эмоциональной деятельности мозга был П.В. Симонов. Базисом теории П.В. Симонова стала так называемая формула эмоций. Сам П.В. Симанов описывает ее так: « $\mathcal{E} = f[\Pi(\text{Ин-Ис}), \dots]$, где $\mathcal{E}$ – эмоция, ее степень, качество и знак; Π – сила и качество актуальной потребности; (Ин-Ис) – оценка вероятности (возможности) удовлетворения потребности на основе врожденного и онтогенетического опыта; Ин – информация о средствах, прогностически необходимых для удовлетворения потребности; Ис – информация о средствах, которыми располагает субъект в данный момент.» [7, с. 27–28]. При этом П.В. Симанов указывает на то, что его формула не учитывает индивидуальные психологические особенности субъекта, фактор времени, качественные и особенности потребности. Однако, по его мнению, «...подобные им факторы обуславливают лишь вариации бесконечного многообразия эмоций, в то время как необходимыми и достаточными являются два, только два, всегда и только два фактора: потребность и вероятность (возможность) ее удовлетворения» [7, с. 28]. Данный подход, хотя и имеет серьезные ограничения, но благодаря наличию двух базовых факторов может быть описан с позиций бинарной логики, для которой не имеет значения качественные или степенные показатели. Важно так же подчеркнуть, что в данном подходе имеет значение не факт возможности удовлетворения потребности, а информация о такой возможности, которая так же может содержаться в конкретном знаке. П.В. Симонов отмечает, что «термин «информация» мы используем, имея в виду ее прагматическое значение, то есть изменения вероятности достижения цели (удовлетворения потребности) благодаря получению данного сообщения» [7, с. 23]. Таким образом, подобный подход позволяет рассмотреть любой знак в аспекте соотношения между содержащейся в нем информации о некоторой потребности и возможности ее удовлетворения. Особенно интересно что он выделяет две главные функции знаковой информации по отношению к эмоциям, такие как переключение и подкрепление, что особенно подходит для формализации в рамках бинарных систем. Опираясь на теорию Симонова можно предположить, что семантика метафоры заключается не в указании на ложность или истинность отношения предикат, а на подкрепление

или переключение конкретной эмоции. Так, например, метафора хирург-мясник направлена на переключение положительной эмоции, относящейся ко всем хирургам, на отрицательную эмоцию, путем сопоставления его с мясником. То есть в рамках такого подхода многие метафоры становятся возможным представить как бинарные функции и попытаться описать используя язык классических бинарных логик.

Основной проблемой при применении теории Симонова является точная идентификация положительной или отрицательной эмоции в семантике конкретного знака. Но эта проблема достаточно успешно на сегодняшний день решается разными исследователями. Например, профессор П. Додс, для оценки эмоционального значения слов, активно применяет метод прямого психометрического опроса, постороженного по принципу семантического дифференциала [12]. Эти методы достаточно эффективны как для определения эмоциональной валентности знака, так и для потребности функции, в рамках конкретного культурно-лингвистического контекста.

Однако, наиболее просто и очевидно отразить эмоциональную функцию в рамках бинарных логик, можно с помощью только логики предикатов третьего порядка. Рассмотрим на примере метафоры «хирург-мясник». Можно указать, что профессия хирурга находится как свойство некоторой эмоциональной переменной, в качестве профессии вызывающей некоторую эмоцию ($R(P, x)$). То есть связать профессию с эмоциональным универсумом через свойство профессии вызывать эмоцию. При этом, если классифицировать эти предикаты в соответствии с теорией эмоций Симонова, то операции на их основе могут иметь бинарную форму подкрепления и переключения. То есть, свойством свойства быть мясником, может быть отрицательная эмоция. В целом формула может быть приблизительно такой: $y (M(y) \ R(y)) [x (H(x) \ R(x))] [z (H(z) \ R(z))] P(H, R) N(H, R)$. Добавления предикатов третьего порядка в виде P (позитивная эмоция) и N (негативная эмоция), уже более точно отражают специфическую семантику рассматриваемой метафоры. Это проявляет себя в том, что если $P(M, R)$ ложно, то формула невыполнима. То есть, если в какой-то интерпретации (реальности), небрежная работа мясника с мясом является не нормой и не вызывает в целом позитивной оценки, то метафора теряет свой смысл. В данном конкретном примере очевидно, что глубокая логическая противоречивость метафоры, на которую ссылается, например, С.С. Гусев обобщая многие исследования, является не логической, а эмоциональной противоречивостью. В рассматриваемом примере противоречие понятий заключается не в вопросе истинности или ложности их функций, а в противоречии эмоциональной оценки. В этом случае на логическом уровне про-

тиворечия в эмоциональной оценке разрешимы путем применения языка логики третьего порядка.

Однако по-прежнему остается проблема определения предиката « R ». В используемом примере предикат « R » был найден статистически-интуитивно, путем сопоставления базовых когнитивных фреймов, то есть сопоставления целей, ценностей, способов действия, раскрывающих исходные понятия.

Но если предикат второго порядка « R » – это информация о средствах, прогностически необходимых для удовлетворения потребности, а предикаты первого порядка, например, « M » и « N » – информация о средствах, которыми располагает субъект в данный момент (« R » это, упрощенно, потребность о которой идет речь в тексте, а « M » и « N » это информация о возможности ее удовлетворения), тогда предикаты третьего порядка, отражающие позитивную или негативную оценку « P » « N », могут быть определены по формуле Симонова. Иными словами, предикаты первого порядка даны в самой метафоре, предикат третьего порядка эмоциональной оценки, определяется по формуле Симонова из соотношения предикатов второго и первого порядка. При этом конкретные потребности оценки и их культурный, а также ситуативный контекст могут быть достаточно точно определены по принципу семантического дифференциала. Оценка с помощью семантического дифференциала может быть подкреплена и контекстуальным определимым «контекстом потребности». Например, если предикат « R » отражает информацию о потребности, то его можно получить не статистически через анализ культурного контекста или массива данных, а исходя из текста, в котором употреблена метафора. Так, например, если хирург придет домой и будет готовить ужин с мясом, и его сравнят с мясником, даже если по признаку небрежного отношения к мясу, то это не будет носить характер метафоры в аспекте ее эмоциональной функции. Иными словами, метафора хирург-мясник несет эмоциональную функцию и имеет смысл только в отношении конкретной потребности, такой как лечение.

Заключение

Таким образом, логический анализ эмоциональной функции метафоры с позиций бинарных логик показал, во-первых то, что метафора не является логически противоречивой формой и как минимум некоторые метафоры могут быть формально описаны без противоречий или применения нечетких логик. Во-вторых, у метафоры существует бинарная эмоциональная функция подкрепления или переключения эмоции, которую можно достаточно точно идентифицировать с помощью формулы Симонова и, при необходимости, конкретизировать на основе метода семантического дифференциала.

Но главным образом, проведенный логический разбор призван показать возможности непротиворечивой логической формализации метафоры с учетом ее эмоциональной функции, а также возможности формализации метафоры в рамках бинарных логик, что открывает путь для последующей полноценной цифровизации тропологии.

Литература

1. Васильева О.Н. Понятие «эмоциональный интеллект» в отечественной психологии // XIX International correspondence scientific specialized conference «International scientific review of the problems of philosophy, psychology and pedagogy». Boston: Издательство: Problems of Science. 2020. С. 111–115.
2. Камалова О.Н. Исследование эмоций и интуиции в современной философии и науке / Гуманитарные и социально-экономические науки. Издательство: Южный федеральный университет. № 6 (37). 2007. С. 70–74.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
4. Неретина С.С. Тропы и концепты. ИФРАН, 1999. 277 с.
5. Потамская В.П. Риторика и тропология в философии Х. Уайта / Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 219–226.
6. Рейхерт К.В. Концептуализация и тропология / Перший Незалежний Науковий Вісник. 2015. № 1–2. С. 40–43.
7. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 216 с.
8. Black M. Models and metaphors: Studies in language and philosophy. Ithaca: Cornell University Press. 1962. p. 267.
9. Liardét C.L. Grammatical Metaphor: Distinguishing Success / Applicable Linguistics and Social Semiotics, Bloomsbury Academic. 2016. pp. 89–93.
10. Petrides K. V., Furnham, A. Trait Emotional Intelligence: Psychometric Investigation with Reference to Established Trait Taxonomies // European Journal of Personality. 2001. № 15. pp. 425–448.
11. Steinhart E. The Logic of Metaphor / Springer Science & Business Media. 2001. p. 254.
12. Reagan A. J., Tivnan, B. F., Williams, J. R., Danforth, C. M., & Dodds, P.S. Sentiment analysis

methods for understanding large-scale texts: A case for using continuum-scored words and word shift graphs // EPJ Data Science. 2017. № 28. pp. 79–88.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DIGITALIZATION OF METAPHOR

Lukyanenko A.A.

Tyumen Industrial University

The article discusses the challenges of digitizing a trope such as metaphor. To fully digitize a metaphor, it is essential to provide a rigorous logical description in the language of binary logical models. The author notes that most researchers who have attempted to develop a logic for metaphor have faced two main challenges. The first challenge is that the semantics of metaphor are contradictory, and the second challenge is that the semantic specificity of metaphor is influenced by statistical data, cultural context, and intuition. The author proposes to solve these problems by taking into account the emotional function of metaphor in the calculation process. Thus, the first problem is solved using third-order predicate logic, and the second problem is solved using semantic differential and «necessary context».

Keywords: intelligence, logic, linguistics, metaphor, tropology, emotion.

References

1. Vasilyeva O.N. The Concept of «Emotional Intelligence» in Russian Psychology. XIX International Correspondence Scientific Specialized Conference «International Scientific Review of the Problems of Philosophy, Psychology, and Pedagogy.» Boston: Problems of Science Publisher. 2020. pp. 111–115.
2. Kamalova O. N. A Study of Emotions and Intuition in Modern Philosophy and Science. Humanitarian and Socio-Economic Sciences. Southern Federal University Publisher. № 6 (37). 2007. pp. 70–74.
3. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By. Translated from English. Edited and with a Preface by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.
4. Neretina S.S. Tropes and Concepts. IFRAS, 1999. 277 p.
5. Potamskaya V.P. Rhetoric and Tropology in the Philosophy of H. White / Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. 2018. № 1. pp. 219–226.
6. Reichert K.V. Conceptualization and Tropology / First Independent Scientific Herald. 2015. Nos. 1–2. pp. 40–43.
7. Simonov P.V. The Emotional Brain. Moscow: Nauka, 1981. 216 p.
8. Black M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. Ithaca: Cornell University Press. 1962. p. 267.
9. Liardét C.L. Grammatical Metaphor: Distinguishing Success / Applicable Linguistics and Social Semiotics, Bloomsbury Academic. 2016. pp. 89–93.
10. Petrides K. V., Furnham, A. Trait Emotional Intelligence: Psychometric Investigation with Reference to Established Trait Taxonomies // European Journal of Personality. 2001. № 15. pp. 425–448.
11. Steinhart E. The Logic of Metaphor / Springer Science & Business Media. 2001. p. 254.
12. Reagan A. J., Tivnan B.F., Williams J.R., Danforth C.M., & Dodds P.S. Sentiment analysis methods for understanding large-scale texts: A case for using continuum-scored words and word shift graphs // EPJ Data Science. 2017. № 28. pp. 79–88.

Влияние постгуманистических тенденций на формы и развитие театрального искусства в России и за рубежом

Моисеев Денис Валерьевич,

аспирант, кафедра «Искусство и дизайн», Университет «Синергия»

Статья посвящена влиянию постгуманистических тенденций на трансформации форм театрального искусства в России и зарубежных практиках. Актуальность определяется ускоренным внедрением цифровых медиумов, алгоритмических инструментов, робототехнических устройств и иммерсивных сред в постановочный процесс, что меняет границы сценического события, телесное присутствие, режимы зрительского участия. Научная новизна связана с сопоставлением трёх линий изменений: перераспределение агентности между человеком и нечеловеческими участниками сценического действия; медиация театральности через экранные форматы и сетевые платформы; формирование гибридных режимов телесности в VR- и интерактивных сценариях. В рамках работы описаны постгуманистические модели сценографии и медиаформатов, изучены типологии цифрового театра, рассмотрены иммерсивные и VR-практики, проанализированы примеры роботизации сценического пространства. Особое внимание уделено тому, как технологические посредники перестраивают драматургию восприятия и коммуникацию «сцена – зритель». Цель работы – выявить направления изменений театра под влиянием постгуманистической оптики. Для решения применяются сравнительный анализ, источниковедческий разбор, типологизация и интерпретация кейсов. Материал статьи опирается на современные русскоязычные исследования. Статья адресована театроведам, культурологам, исследователям медиаискусства, практикам режиссуры и сценографии.

Ключевые слова: постгуманизм, цифровой театр, сценография, иммерсивный театр, VR-спектакль, медиатизация, нечеловеческая агентность, робототехника в театре, телесность зрителя, алгоритмическое творчество.

Введение

Актуальность темы задаётся изменением архитектуры театрального события под влиянием цифровых интерфейсов, сетевых каналов дистрибуции, интерактивных сред и устройств, способных действовать на сцене не как пассивные инструменты, а как организаторы внимания, ритма и режима присутствия. Постгуманистическая оптика переводит анализ театра от антропоцентричной модели к рассмотрению смешанных ансамблей, где действие создаётся совместно телами актёров, материальными объектами, алгоритмами, медиаэкранами, роботизированными механизмами и цифровыми аватарами. На этой почве усиливается потребность в театроведческом описании механизмов, через которые технологические посредники меняют композицию спектакля, коммуникацию со зрителем и способы фиксации сценического опыта.

Цель исследования – раскрыть, каким образом постгуманистические тенденции перестраивают формы театрального искусства в России и в зарубежной практике.

Задачи исследования:

- 1) выделить постгуманистические линии трансформации сценографии и постановочной структуры через включение нечеловеческих участников и медиатехнических сред;
- 2) систематизировать изменения форм цифрового и иммерсивного театра, включая VR-практики, с акцентом на модификацию зрительского участия;
- 3) описать эстетические и институциональные последствия роботизации и алгоритмизации художественного производства для современного театра.

Новизна исследования связана с объединением в единой аналитической схеме трёх уровней изменений – сценографического, медийно-коммуникационного и телесно-перцептивного – на материале новейших русскоязычных исследований, фиксирующих опыт России и сопоставимые зарубежные примеры.

Материалы и методы

Материальную базу исследования составили работы, отражающие разные сегменты влияния постгуманистической оптики на театр: Т.В. Болдырева [1] описала трансформацию театральности в условиях

медиатизации через интерактивность, перформативность и иммерсивность; А.А. Деникин, А.О. Говязин [2] проанализировали постгуманистическую сценографию и нечеловеческую агентность на пересечении театра и новых медиа; М.К. Найдено, В.В. Шуринова, Д.С. Грабельных [3] рассмотрели постдраматический театр как методологическую рамку для описания обновлённых театральных форм; А.А. Никифорова, Н.И. Воронова [4] исследовали иммерсивные практики и их функционирование в отечественных и зарубежных проектах; Е.Н. Парфенова [5] предложила типологизацию цифрового театра и рассмотрела его эволюцию в России и за рубежом; Н.Н. Пименова, А.В. Кистова [6] описали применение робототехники в театре кукол и культурные эффекты «оживления пространства»; В.В. Сердечная [7] проанализировала цифровой театр пандемийного периода на примере фестивального формата; О.И. Уймина [8] представила обсуждение художественного производства в сопоставлении с компьютерными алгоритмами, полезное для описания алгоритмизации творчества в сценических искусствах; А.А. Ушкарёв [9] выполнил обзор феномена цифровизации театра и его интерпретаций; А.Э. Шклярская [10] исследовала VR-практики в театре и их влияние на телесность актёра и зрителя.

В методическом плане использованы анализ научных источников, сравнительный метод (сопоставление российских и зарубежных практик по описанным в литературе кейсам), типологизация форм цифрового и иммерсивного театра, интерпретация театральных примеров как культурных кейсов, элементы дискурсивного анализа (описание смены понятий о присутствии, телесности, сценическом действии).

Результаты

Постгуманистическая рамка в театроведении фиксирует смещение от модели, где человек задаёт единственный центр сценического действия, к модели распределённой агентности: сценическое событие конструируется совместно телами, объектами, устройствами и цифровыми средами. В исследованиях постгуманистической сценографии подчёркивается, что материальные и технические элементы перестают работать как «оформление» и начинают организовывать драматургию внимания: экран, датчик, интерфейс, механический объект задают темп, траекторию взгляда, структуру взаимодействий на сцене и вне сцены. На этом основании постгуманистическая тенденция в театре описывается через практики, где «нечеловеческое» получает собственную действенность: не только сопровождает актёра, но формирует сценическую логику, создаёт точки напряжения и разрывает привычную иерархию средств выражения [2].

Связанный с указанным сдвигом пласт изменений проявляется в медийной перестройке театральности. В анализе медиатизации постдраматических форм подчёркивается переход театральности от публичной практики к персонализированным режимам участия, где интерактивность и иммерсивность выступают механизмами перенастройки отношений между сценическим действием и индивидуальным переживанием зрителя [1]. Данная логика ведёт к пересборке спектакля как медиаформата: событие разворачивается не только «в зале», но в гибридной системе экранных представлений, сетевых интерфейсов и пространственных маршрутов. Для описания такого перехода продуктивна связка «медиаформаты – иммерсивность – перформативность», через которую исследование выводит театральность в область управляемых коммуникационных сценариев.

Цифровой театр в русскоязычной литературе представлен не как единая форма, а как спектр практик, объединённых зависимостью от цифровых платформ и технологий. В типологизации цифрового театра показано, что к формам относятся проекты на платформах видеосвязи, постановки, основанные на VR/AR-решениях, интерактивные онлайн-шоу и форматы, переносящие часть действия в социальные сети; в качестве аргумента приводятся как отечественные примеры, так и зарубежные проекты (в частности, практики Rimini Protokoll), где городская среда и цифровые устройства включаются в структуру спектакля [5]. В этой же линии подчёркнуты эффекты «надгеографичности» и расширения аудитории, при которых дистрибуция становится частью художественного решения, а не внешней инфраструктурой.

Материалы о пандемийных формах цифрового театра уточняют, что институциональные механизмы фестивалей и кураторских программ ускорили закрепление сетевых форм как самостоятельной эстетики, а не временной замены сценического показа. Разбор фестиваля «Точка доступа – 2020» описывает «цифровой театр» как поле конкурирующих определений, где различаются онлайн-трансляции репертуарных спектаклей и действия, сконструированные из цифровых инструментов и платформ как из первичного материала [7]. Такой подход переводит внимание от «переноса спектакля в сеть» к проектированию события под свойства цифровой среды: дискретность канала, интерфейсность коммуникации, разделённость участников, новые режимы внимания и присутствия.

Постдраматический театр в исследовательской перспективе выступает языком описания тех преобразований, где сюжетно-персонажная организация уступает место композициям из действий, медийных фрагментов, телесных режимов и пространственных сборок. В методологическом об-

суждении постдраматического театра выделены признаки, позволяющие анализировать новые театральные формы без привязки к классическим драматургическим схемам: усиление визуально-пространственной организации, процессуальность, размывание границы между художественным действием и событием коммуникации [3]. В результате постдраматическая рамка поддерживает интерпретацию постгуманистических практик как таких форм, где «человеческое» и «техническое» образуют единый ансамбль выразительных средств, а сцена функционирует как среда сборки гетерогенных элементов.

Иммерсивные практики описаны как среды, создающие управляемое сенсорно-эмоциональное воздействие и вовлекающие зрителя в развертывание художественного «поля». В исследовании мирового и отечественного опыта иммерсивности предложен аналитический разбор признаков иммерсивного искусства и проведено сопоставление зарубежных и российских проектов; отдельно обозначены риски гиперстимуляции и смещения художественного результата в сторону медиакоммуникации. Для темы постгуманистических тенденций данное наблюдение значимо, поскольку показывает: зритель включается в событие не только как интерпретатор, но как «элемент системы», чьё поведение и выбор закладываются в алгоритмы среды, маршрута и интерфейса [4].

VR-практики в театре усиливают постгуманистическую линию через перестройку телесного присутствия и формирование «виртуального тела» как особого художественного феномена. В исследовании VR-спектаклей подчёркнуты изменения границ между телесностью актёра, телесностью зрителя и цифровым пространством; приведены примеры постановок, где VR-технологии выступают не декоративным элементом, а средой существования действия [10]. Существенный результат такого перехода – разрыв синхронного коллективного опыта и усиление индивидуализированных траекторий восприятия: выбор зрителя внутри цифровой структуры становится невидим для других участников, что меняет саму модель совместного присутствия [10].

Проблематика алгоритмизации творчества дополняет картину постгуманистических преобразований театра через обсуждение того, как компьютерные алгоритмы конкурируют с человеческим воображением в художественном производстве и как меняются критерии мастерства при переходе к вычислительным процедурам [8]. Для театрального искусства данная линия проявляется в расширении инструментария постановочной работы: генеративные подходы, процедурные формы конструирования визуальных решений, использование вычислительных методов как источника художественного материала. В исследовательском плане результат состоит в фиксации напряжения

между авторской интенцией и алгоритмической процедурой, где художественный результат опирается на совместную работу человека и вычислительной системы [8].

Роботизация театрального пространства представляет наиболее наглядный сегмент постгуманистической трансформации: на сцене действуют механизмы, аниматроники и робототехнические конструкции, производящие эффект «оживления» и поддерживающие коммуникацию со зрителем. На материале театра кукол «2+ку» показано, что робототехнические решения интегрируются в художественную ткань не ради аттракциона, а ради специфической коммуникации, где «живоподобие» механической куклы и организация пространства усиливают доверие и вовлечённость зрителя. В исследовании зафиксировано, что техническое устройство становится участником формирования культурного феномена театра: коммуникативность, режим взаимодействия со зрителем и проектирование пространства описаны как результат совокупности художественных и инженерных решений [6].

Обзор цифровизации театра обобщает интерпретации феномена и показывает многоуровневость изменений: от технологического обеспечения показов до переформатирования языка театра и привычек аудитории. В качестве результата такого обзора закрепляется представление о цифровизации как о процессе, который затрагивает производство спектакля, способы его существования и формы критического осмысления [9]. Для данной статьи данный вывод важен не оценочно, а аналитически: цифровизация выступает средой, в которой постгуманистические тенденции получают практическую реализацию – через переход к смешанным ансамблям участников, через медиаформаты, через модификацию телесности и присутствия [9].

Сопоставление российских и зарубежных линий по материалам рассмотренных источников позволяет зафиксировать общий вектор: театр смещается к гибридным формам, где событие создаётся на пересечении телесной игры, технологического посредничества и сценариев участия. Отличие проявляется в траекториях институционализации: зарубежные примеры в типологиях цифрового театра нередко связаны с устойчивыми проектными лабораториями и длительной историей медиа-экспериментов, тогда как отечественные практики в пандемийный период часто формировались в ускоренном режиме, опираясь на фестивальные площадки, сетевые платформы и локальные лаборатории при театрах.

Обсуждение

Постгуманистические тенденции в театре целесообразно рассматривать не как «тематический по-

ворот», а как перестройку механики сценического действия. В центре перемен оказывается не столько сюжет, сколько распределение агентности. Когда технические устройства, цифровые интерфейсы и материальные объекты задают правила взаимодействия, режиссура вынуждена работать с ансамблем неоднородных участников, где человеческая импровизация ограничивается протоколами платформ, латентной алгоритмической среды, конструкцией механизма. Театроведческий анализ при таком положении смещается от интерпретации персонажа к описанию сборки события: кто инициирует действие, кто регулирует темп, кто задаёт каналы восприятия.

Медиаформаты переводят театр в режим множественных «площадок» существования. Сетевой экран, трансляция, мобильный интерфейс и VR-шлем создают не копию сцены, а иную топологию присутствия. У зрителя появляется траектория выбора, часто невидимая другим участникам, что меняет социальную природу театрального опыта: коллективная синхронность уступает место множественным индивидуальным маршрутам. Данный сдвиг требует новой терминологии для описания со-присутствия, поскольку классическая пара «сцена – зал» не покрывает взаимодействия в цифровых средах.

Иммерсивность и VR усиливают проблему телесности. Телесное переживание перестаёт опираться только на физическое соседство актёра и зрителя; телесность начинает конструироваться через интерфейс, аватар, ограничения цифрового пространства и сенсорные протоколы. В таких условиях «присутствие» приобретает статус технически организованной функции: оно поддерживается не только актёрской игрой, но архитектурой цифрового опыта. Для режиссуры и сценографии данная линия означает расширение художественного материала: медиасреда и устройство становятся элементами пластической композиции.

Робототехника на сцене радикализирует вопрос о границах «живого» в театре. Механическая кукла или роботизированный объект перестаёт быть реквизитом, поскольку вызывает у зрителя ожидание ответа, реакцию на жест, доверие к «характеру» движения. Художественный эффект опирается на точность инженерной настройки и на композицию взаимодействия со зрителем. В перспективе данная линия ведёт к появлению новых профессий и форм коллаборации: инженерный труд и художественное проектирование сближаются до уровня единого постановочного решения.

Алгоритмизация художественного производства вводит дополнительный уровень неопределённости: авторская интенция сталкивается с процедурными механизмами генерации. Для театра данная ситуация связана не только с генерацией текстов или изображений, но и с моделирова-

нием поведения объектов, расчётом интерактивных сценариев, проектированием реакции среды на действия зрителя. Теоретическая рамка постдраматического театра помогает удерживать данное разнообразие, поскольку допускает описание спектакля как композиции процессов, медийных фрагментов и телесных режимов без принуждения к драматургической целостности классического типа.

Заключение

1. В результате анализа выявлены постгуманистические линии трансформации сценографии и постановочной структуры: нечеловеческие участники (медиаэкраны, цифровые интерфейсы, механические объекты, робототехнические устройства) участвуют в организации действия, задают темп, распределяют внимание и перестраивают иерархию выразительных средств.

2. Систематизация форм цифрового и иммерсивного театра показала переход от «оцифровки показа» к проектированию спектакля под свойства цифровой среды; VR-практики переводят телесность и присутствие в режим технологически организованного опыта, где индивидуальная траектория восприятия становится структурной единицей спектакля.

3. Описаны последствия роботизации и алгоритмизации для современного театра: меняются модели коммуникации со зрителем, усиливается значение инженерно-художественной кооперации, формируется гибридный художественный материал, где вычислительная процедура и механическое действие участвуют в создании сценического смысла наряду с актёрской игрой.

Литература

1. Болдырева Т.В. Новая театральность в эпоху медиатизации // Сфера культуры. 2023. № 2 (12). С. 48–56. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_12_48.
2. Деникин А.А., Говязин А.О. Постгуманистическая сценография. Нечеловеческая агентность в театре и новых медиа // Наука телевидения. 2023. Т. 19, № 1. С. 149–171. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.1-149-171.
3. Найдено М.К., Шуринова В.В., Грабельных Д.С. Постдраматический театр: о новом методологическом подходе в определении обновленных форм в отечественной театральной культуре // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 60. С. 174–186. DOI: 10.31773/2078-1768-2022-60-174-186.
4. Никифорова А.А., Воронова Н.И. Иммерсивные практики в современном культурном пространстве (мировой и отечественный

- опыт) // Философия и культура. 2023. № 5. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.5.40731.
5. Парфенова Е.Н. Развитие цифрового театра в эпоху COVID // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2021. № 1 (5). С. 107–116.
 6. Пименова Н.Н., Кистова А.В. Робототехника в театре: Театр живых кукол «2+ку» Владимира Захарова как культурный феномен // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2025. Т. 18, № 3. С. 548–560. EDN: WGLIGQ.
 7. Сердечная В.В. «Точка доступа – 2020»: цифровой театр в условиях пандемии // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2021. Т. 6, № 4. С. 83–91. DOI: 10.18522/2415-8852-2021-4-83-91.
 8. Уймина О.И. Воображение и мастерство vs компьютерные алгоритмы художественного творчества // Логос. 2024. Т. 34, № 1. С. 167–185. DOI: 10.22394/0869-5377-2024-1-167-185.
 9. Ушкарёв А.А. Цифровизация театра. Осмысление феномена // Гаудеамус. 2023. Т. 22, № 1 (55). С. 34–48. DOI: 10.20310/1810-231X-2023-22-1-34-48.
 10. Шклярская А.Э. Виртуальная реальность и репрезентация телесности в современном театре // Человек и культура. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.2.73945.

THE INFLUENCE OF POSTHUMANIST TRENDS ON THE FORMS AND DEVELOPMENT OF THEATRICAL ARTS IN RUSSIA AND ABROAD

Moiseev D.V.
Synergy University

This article examines the impact of posthumanist trends on the evolution of theatrical forms in Russia and globally. Its relevance stems from the accelerated introduction of digital media, algorithmic tools, robotic devices, and immersive environments into the production process, which is changing the boundaries of the stage event, bodily presence, and modes of spectator participation. The scientific novelty lies in the comparison of three lines of change: the redistribution of agency between human and non-human participants in theatrical action; the mediation of theatricality through screen formats and on-line platforms; and the formation of hybrid modes of corporeality in

VR and interactive scenarios. This paper describes posthumanist models of scenography and media formats, examines typologies of digital theatre, considers immersive and VR practices, and analyses examples of stage automation. Particular attention is paid to how technological mediators restructure the dramaturgy of perception and stage-audience communication. The paper aims to identify the directions of theatre change under the influence of posthumanist perspectives. This research utilises comparative analysis, source study, typology, and case study interpretation. The article draws on contemporary Russian-language research. It is addressed to theatre scholars, cultural studies experts, media arts researchers, and practitioners of directing and scenography.

Keywords: posthumanism, digital theatre, scenography, immersive theatre, VR performance, mediatization, non-human agency, robotics in theatre, spectator corporeality, algorithmic creativity.

References

1. Boldyreva T.V. New Theatricality in the Age of Mediatization // Sphere of Culture. 2023. № 2 (12). Pp. 48–56. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_12_48.
2. Denikin A.A., Govyazin A.O. Posthumanist Scenography. Inhuman Agency in Theater and New Media // Science of Television. 2023. Vol. 19, № 1. Pp. 149–171. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.1-149-171.
3. Naidenko M.K., Shurinova V.V., Grabelnykh D.S. Postdramatic Theatre: On a New Methodological Approach to Defining Updated Forms in Russian Theatrical Culture // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2022. № 60. Pp. 174–186. DOI: 10.31773/2078-1768-2022-60-174-186.
4. Nikiforova A.A., Voronova N.I. Immersive Practices in the Contemporary Cultural Space (Global and Domestic Experience) // Philosophy and Culture. 2023. № 5. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.5.40731.
5. Parfenova E.N. Development of Digital Theatre in the COVID Era // Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice. 2021. № 1 (5). P. 107–116.
6. Pimenova, N.N., Kistova, A.V. Robotics in Theater: Vladimir Zakharov's Live Puppet Theater «2+ku» as a Cultural Phenomenon // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. 2025. Vol. 18, № 3. Pp. 548–560. EDN: WGLIGQ.
7. Serdechnaya, V.V. «Access Point – 2020»: Digital Theater in the Context of a Pandemic // Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational, and Cultural Studies. 2021. Vol. 6, № 4. Pp. 83–91. DOI: 10.18522/2415-8852-2021-4-83-91.
8. Uimina, O.I. Imagination and Mastery vs. Computer Algorithms of Artistic Creativity // Logos. 2024. Vol. 34, № 1. Pp. 167–185. DOI: 10.22394/0869-5377-2024-1-167-185.
9. Ushkarev, A.A. «Digitalization of Theatre. Understanding the Phenomenon» // Gaudeamus. 2023. Vol. 22, № 1 (55). Pp. 34–48. DOI: 10.20310/1810-231X-2023-22-1-34-48.
10. Shklyarskaya, A.E. «Virtual Reality and the Representation of Corporeality in Contemporary Theatre» // Man and Culture. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.2.73945.

Единое как первопринцип: апофатика и онтология эманации у Плотина

Хмелевской Даниил Олегович,

аспирант, Институт философии и социально-политических наук ЮФУ

E-mail: dhmelevskoy@sfedu.ru

В статье предпринимается реконструкция платиновского учения о Едином (ἓν) как первопринципе, который делает возможными бытие и мышление, но сам же не совпадает ни с одним из них. Показано, по каким причинам Плотин отождествляет Единое с Благом (ἀγαθόν) и как это отождествление связано с проблемой «единого и многого» и с онтологией эманации. Особое внимание уделяется апофатическому режиму описания первого начала: Единое мыслится как источник сущего и ума, оставаясь принципиально недоступным понятийному дискурсу. Вместе с тем выявляется ключевое напряжение текста Эннеад, где при строгой апофатике Плотин вынужден прибегать к «положительным» характеристикам, чтобы сделать понятным производящее отношение Единого к ипостасям.

Ключевые слова: Плотин, бытие, эманация, благо.

Введение

Учение Плотина о Едином занимает в его философии место предельного основания: речь идёт о таком принципе, который делает возможными и бытие, и мышление, но сам при этом не совпадает ни с одним из них. Эта двойственность задаёт главную трудность, где Единое мыслится как причина всего сущего, однако о нём нельзя говорить в обычном понятийном режиме, поскольку Плотин ведёт мысль к апофатике. В настоящем разделе мы совершим попытку реконструкции того, как Плотин обосновывает необходимость Единого (ἓν) как первопринципа и почему он отождествляет его с Благом (ἀγαθόν). В то же время, мы покажем, что в центре учения оказывается напряжение между отрицательным описанием Единого и неизбежным использованием таких «положительных» атрибутов. Такой подход позволит нам точнее увидеть, каким образом у Плотина проблема «единого и многого» связана не только с онтологией эманации, но и с границами философского дискурса.

Реконструкция учения Плотина о Едином как первопринципе

Прежде чем перейти к онтологии Плотина, следует отметить, что античный мыслитель, как отмечает отечественный исследователь и переводчик Плотина Т.Г. Сидаш, изложил своё полное понимание метафизики в нескольких трактатах: в третьей, пятой и второй Эннеадах. В пятой Эннеаде, продолжает Т.Г. Сидаш, содержится краткое изложение точки зрения античного философа о Едином и числах, но в конце трактата мыслитель отсылает читателя к трактатам VI–IX шестой Эннеады [5, с. 5–7]. Тем самым, необходимо обратиться к ядру философии Плотина – учению о Едином. Учение мыслителя содержится в девятом трактате шестой Эннеады: «О Благе или Едином».

Мыслитель указывает, что единство вещей обеспечивает их познаваемость и, соответственно, их познаваемость. Поскольку, продолжает мыслитель, если мы будем представлять в уме какой-либо существующий предмет, то он будет неизбежно представлен в качестве единства. Поэтому мы не можем помыслить тех предметов, которые являются множественными, так как подобные предметы не будут иметь отношение к мысли. Как отмечает Й. Халфвассен, такие рассуждения, прежде всего, основаны на философии Парменида и Платона. И в этом случае Плотин перенимает употребление отрицания «οὐδέν», как обозначение

ние того, что не является единым, именно такое употребление встречается в платоновских диалогах «Государство» и «Парменид» [8]. В связи с этим что не является единым – ничто, а то что едино с необходимостью существует.

Стоит также отметить, что Единое (ἓν) также является Благом (ἀγαθόν). Такая позиция Плотина объясняется следующим. Платон, в диалоге «Государство», утверждает, что Благо находится за пределами конечного бытия (οὐσία), то есть сущего, представленного материальным миром (Plato Rep. 509b). Таким образом, как утверждают А.Л. Пек и Ф.Х. Сэндбаг, Платон отошел от традиционного понимания Блага как лимита сущего [4, с. 23]. В то же время Единое, но не Благо понималось Платоном, как основой сущего, но тем не менее Сократ рассуждая об идеях и Едином отождествлял их с Благом, но в качестве монад (Plato Phil. 15a-b). Однако, продолжают англоязычные исследователи платонизма, Платон попадает в парадокс, где запредельное бытие обозначает конечное Единое, поскольку оно находится за пределами конечного. Понимание совершенного бытия в качестве конечного вызывает споры у современных комментаторов платонизма, однако, обращаясь к философии Плотина, можно заключить, что античный мыслитель, помещая Единое за пределы бытия, что делает Единое бесконечным внутри него самого. Тем не менее вопрос о положении Единого и его бесконечности или конечности не являлось проблемой для современников Плотина.

В то же время можно определить философию Парменида как источник учения о Едином у Плотина. Э. Доддс в статье «Парменид Платона и начала неоплатонического Единого» с помощью тщательного текстологического анализа, указывает, что главными источниками Единого служит диалог Платона «Государство» [7]. Однако Г. Стамателлос призывает нас к вычитыванию досократической мысли в философии Плотина [10, с. 178]. Античный мыслитель, начиная исследование природы Единого, упоминает древних философов (οἱ τάνυ παλαιοί), исследовавшие сущее и полагавшие, что оно либо множественно, либо едино. В этом контексте, мы можем предположить, что упоминается Парменид, утверждавший, что сущее состоит из определённого количества элементов, например, Единого (ἓν). Тем не менее Плотин отдаёт должное Пармениду, указывая что воззрения древнего Элеата о Едином были верны (Enn. VI.6.18).

Другой причиной, почему Единое (ἓν) отождествляется с Благом (ἀγαθόν) можно представить в классическом изложении, через проблему «единого и многого». О процессе происхождения многого из Единого задает вопрос и сам Плотин: «Но как и почему [от единого] происходит многое? (πῶς δὲ πολλά;)» (Enn. V.3.15) [3, с. 154]. Имеет смысл подчеркнуть, говорить о Едином, можно только с помощью двойного отрицания (negatio-

negationis), однако, говоря об Едином мы формулируем дискурсивное значение о нем [9]. О Едином невозможно говорить, поэтому его определение – апофатика или двойное отрицание, позволяющее определить предел отрицания, то есть определить «не-небытие» первопринципа, отмечает Д. Никулин. Многие же это результат эманации (ἀπόρροή), вызванной избыточной полноты Единого, поскольку оно Благо, а всё благое необходимо что-то дарует, как отмечает Плотин (Enn. V.1.6.38). Согласно исследователю, описать процесс более подробно невозможно, поскольку оно предшествует мышлению, однако, Плотин для этого использует язык метафор (Enn. V.1.6.28; V.3.15.6). Тем не менее, «продукт» Единого будет отличаться от него самого, что очевидно из общей логики рассуждения Плотина о Едином. Исследователь называет этот принцип, позволяющий начать полагать иное по отношению к единому – «инаковостью» (τὸ ἕτερον), на чём покоится эманация Ума (νοῦς), второй ипостаси в онтологии Плотина (Enn. V.3.15.7). В платоновской традиции «инаковость» возможно полагать благодаря двоиче (δύς), инаковости как таковой. Благодаря двоиче и тождественности (ἓν) Ум полагает идеальные числа, что позволяет мыслить Единое-Многое, заключает Д. Никулин (Enn. V.3.15 40–45). Основываясь на изложенном кратко принципе, взаимоположения тождественного и иного, Ум порождает Душу, а уже она порождает и материю, как крайний «полюс» продуктивности Единого.

Вместе с тем существует и другой подход, где акцент рассуждения о Едином покоится на Благе, в качестве свободы. И.В. Берестов в своём исследовании, посвящённом свободе в философии Плотина, описывает генезис Единого, как Блага, следующим образом. Исследователь реконструирует учение мыслителя об Едином, отмечая две аксиомы, на которых основаны рассуждения Плотина: «первоначало есть благое» и «первоначало есть единое». Единое – абсолютная простота без частей, гарантирующая независимость начала от чего-либо внешнего, отмечает учёный. Иными словами, Единое абсолютно свободно, а следовательно, оно есть Благо. В то же время, Плотин даёт Благу следующую характеристику: «...эта первая энергия...» (πρώτη ἡν ἐνέργεια εἴη) (Enn. VI. 8.20, 14–15). Соответственно, Единое есть Благо как действие, неограниченное в чем-либо. Кроме того, отмечает исследователь, это действие направлено на иное (τὸ ἕτερον), поскольку Единое не имеет сущности, иначе, действие могло быть направленно на само Единое, что исключается логикой рассуждения Плотина. Действие Единого как Блага не может нести зло, отмечает исследователь, так как подобное действие уничтожало бы само действующее [1, с. 101]. Иными словами, И.В. Берестов выводит «существование» Единого через его благое действие – свободу. Благо Единого выражается в «тво-

рении свободы» (ἐλευθεροποίησιν) всему иному, то есть многому (Уму, Душе и материи): «Что же касается того верховного начала, которое саму сущность (οὐσίαν) делает свободною (πεπονηκός), которому свойственно творить (ποιεῖν) лишь существа свободные и которое может быть творческою причиною свободы (ἐλευθεροποίησιν), то кому или чему, спрашивается, оно могло бы быть подневольно, если можно так выразиться?» (Enn. VI.8, 12–19).

Объяснение Единого через свободное благое действие согласуется с исследованием американского учёного Дж. Риста. В своей работе исследователь акцентирует наше внимание, что Единое подобно гуляющему по пляжу человеку, оставляющему следы на песке [4, с. 87]. Для американского исследователя Единое – «актуальный творец сущих»: «Что же есть то, чему он причастен (μετέχει), что творит (ποιεῖ) существующим (εἶναι) и его (αὐτό), и вместе с ним все вещи (τὰ πάντα)?» (Enn. V. 3.17.9). Соответственно, Единое не может «творить» (ποιεῖν) по случаю, а волеизъявляет бытие. При этом эманация ипостасей от Единого является «подобающей (τὰ δέοντα)», утверждает исследователь, однако это не отменяет свободу, а необходимость противопоставляется случайному [4, с. 97]. Иными словами, заключает учёный, Единое желает то, что необходимо: «А это значит, что ничем случилось стать, то он и есть, а, напротив, он есть то, чем сам восхотел быть, ибо он желает (βούλεται) лишь того, что подобает ему (τὰ δέοντα), и это ему подобающее тождественно с его энергией; это подобающее тут вовсе не есть субстрат (ὑποκειμενον), а есть чистая первая энергия, являющая себя такою, какою ей подобает, следует быть» (Enn. VI. 8.18) [3, с. 128].

Единое Плотина превосходит всё существующее, даже Идеи, что выражается в следующих атрибутах Единого, выходящего за рамки того, что является лучшим (Enn. V.8.2); это творческое бытие (ποιητικός οὐσία) и самодостаточность (αὐτάρκεια) – тесная связь этих двух понятий должна быть замечена как усиливающие представление о том, что Идеи по существу конечны (Enn. V. 3.17); это безвидное (ἀνείδεον), (Enn. V. 5.6.4) или бесформенная идея (ἄμορφον εἶδος), (Enn. VI. 7.33 или Enn. VI. 7.32). В то же время оно неизречимо (ἄρρητον) (Enn. V. 3.13); никакое название не может быть подходящим для него (Enn. V. 5.6). Это просто «не это» (τὸ οὐ τοῦτο) (Enn. V. 5.6).

Атрибут бесконечности Единого связан с его силой или могуществом (δύναμις) порождать умопостигаемый мир, например, это можно увидеть в девятом трактате шестой Эннеады. Бесформенность Единого может говорить нам о том, что оно не ограничено как ограничено бытие или сущее (Enn. V. 5.5.6), в свою очередь, бесформенность влечёт за собой самодостаточность (Enn. VI. 7.32), равно как и простота (Enn. I. 8.2.). Понятие совершенства тесно ассоциируется платоническим бы-

тием, а Аристотелем – с актуальным, но всё же Плотин приписывает совершенство Единому, возможно, на том основании, отмечает что его совершенство проистекает из его собственной реальности (οὐσία) (Enn. VI. 2.13). Оно совершенно, потому что оно полностью пребывает само по себе, полностью актуально и представляет собой совершенную актуальность (ἐνέργεια) (Enn. VI. 8.20). Совершенство – свойство, необходимое для Единого, чтобы порождать другие сущности.

Единое является причиной сущностей в двух отношениях, отмечает Дж. Буссанич: как причина происхождения реальности и как универсальный объект желания, то есть как действующая причина и как конечная причина, следовательно, источник бытия, а также его причина, предоставляющая и то, и другое одновременно (Enn. VI. 8.14) [8]. Плотин описывает «сущность» или «субстанцию» Единого как активность (ἐνέργεια), проистекающей из этой активности в качестве «активности из субстанции», к этому прибавляется её характеристики как силы или активной потенциальности (δύναμις). Само по себе существование Единого (ὑπόστασις) тождественно с его деятельностью (Enn. VI. 8.7) и его волей (Enn. VI. 8.13). Иными словами, действующими же атрибутами Единого являются активность (ἐνέργεια) и сила (δύναμις).

Единое является необходимым условием всякой мысли, является основой Бытия, то есть существования самого по себе, так и сущности всего, как утверждает Плотин, следует только в том случае, если предположить, что структура Бытия фундаментально соответствует структуре о нашей мысли. Это единство мысли и бытия было впервые выражено Парменидом, как мы ранее отмечали. Й. Халфвассен полагает, что это отличается от аристотелевского подхода тем, что основа бытия и гносеологии простирается за пределы Бытия [8]. Например, продолжает Й. Халфвассен, И. Кант критиковал такое онтологическое единство мышления и бытия следующим образом: единство – это высший принцип нашей способности суждения, с помощью которого мы упорядочиваем реальность в соответствии с единичными представлениями, поскольку иначе мы не смогли бы ничего постичь [2, с. 129]. Из требования единства нашего мышления необязательно следует, что реальность сама по себе, вне нашей апперцепции, должна обладать единством и быть упорядочена в соответствии с тождеством апперцепции. Основой единства мыслей является тождество мыслящего «Я», самосознание сначала в своём мышлении он использует единую перспективу, с помощью которой он постигает и упорядочивает разнообразие мира, каким оно присутствует в восприятии. Таким образом, для И. Канта, единство или тождество – принцип сознания и мышления, но не основа Бытия.

Тем не менее Единое является также источником для мысли и языка, утверждает Плотин (Enn.

VI. 6.13). Следовательно, Единое будет, как мы ранее отмечали, будет обладать более высоким онтологическим статусом, то есть Единое превосходит Бытие и определяет его, и мышление (Enn. VI.9.4). Таким образом, заключает Дж. Буссанич, дискуссии о первом принципе обычно подчёркивают пределы рассуждений и настаивают на том, чтобы выйти за рамки анализа и концептуализации [6]. Все качества Единого, декламируемые Плотинем делают его недоступным для рассудка и языка, но доступно только мистическому переживанию или опыту. Дж. Буссанич указывает, что Плотина следовало бы назвать «мистическим эмпириком», где различие между субъектом и объектом.

Заключение

Таким образом, Плотин описывает Единое (ἓν) в апофатической манере: оно превосходит Бытие, но является его источником, также превосходит Ум и Душу, о которых пойдёт речь далее; в то же время оно недоступно рассудку и понятийному мышлению. В то же время Единое обладает действием, как сущностью, а также силой (δύναμις), энергией (ἐνέργεια), творчеством (ποίησις), свободой (ἐλευθερία) и волей (βούλομαι). Иными словами, проведенная нами реконструкция показывает, что Единое у Плотина является первопринципом не только в смысле причинности, но и в смысле предельного основания мысли, где всё мыслимое предполагает единство, тогда как то, что радикально множественно, утрачивает отношение к уму. Отсюда проясняется и отождествление Единого с Благом, где Благо мыслится как запредельное основание, а происхождение многого описывается не как внешнее событие, а как следствие избыточной полноты начала. Вместе с тем наш анализ позволяет выявлять ключевое напряжение, где Плотин последовательно настаивает на апофатике Единого, но одновременно вынужден пользоваться языком силы, энергии, свободы и воли, чтобы сделать понятным его «производящее» отношение к ипостасям. Тем самым учение о Едином оказывается точкой, где онтология и теория языка сходятся, поскольку первопринцип мыслится как то, что делает возможными бытие и дискурс, но само ускользает от окончательной концептуализации.

Литература

1. Берестов И.В. Свобода в философии Плотина: монография. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 380 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: «Э», 2016. 653 с.
3. Плотин. Сочинения: Плотин в русских переводах / сост. М.А. Солопова. СПб.: Алетеия, 1995. 672 с.
4. Рист Дж.М. Плотин: путь к реальности / пер. с англ. Е.В. Афонасина, И.В. Берестова. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. 320 с.

5. Сидаш Т.Г. Краткое введение // Плотин. Шестая эннеада. Трактаты VI–IX / пер. М.И. Малеванского. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019. С. 5–7.
6. Bussanich J. Plotinus's metaphysics of the One // The Cambridge Companion to Plotinus / ed. by J.M. Rist, L.P. Gerson. 1996. P. 38–64.
7. Dodds E.R. The Parmenides of Plato and the Origin of the Neoplatonic 'One' // The Classical Quarterly. 1928. Vol. 22. № 3–4. P. 129–142.
8. Halfwassen J. The metaphysics of the One // The Routledge Handbook of Neoplatonism. Routledge, 2014. P. 182–199.
9. Nikulin D. The One and the Many in Plotinus // Hermes. 1998. Vol. 126. № 3. P. 326–340.
10. Stamatellos G. Plotinus and the Presocratics: A Philosophical Study of Presocratic Influences in Plotinus' Enneads. State University of New York Press, 2012. 282 p.

THE ONE AS THE FIRST PRINCIPLE: APOPHATICS AND ONTOLOGY OF EMANATION IN PLOTINUS

Khmelevskoy D.O.

Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University

The article attempts to reconstruct Plotinus' doctrine of the One as the first principle that makes being and thinking possible, but it does not coincide with any of them. It is shown for what reasons Plotinus identifies the One with the Good (ἀγαθόν) and how this identification is connected with the problem of the «one and many» and with the ontology of emanation. Special attention is paid to the apophatic mode of describing the first principle: the One is thought of as the source of existence and mind, remaining fundamentally inaccessible to conceptual discourse. At the same time, the key tension of the Ennead text is revealed, where Plotinus, with strict apophaticism, is forced to resort to «positive» characteristics in order to make clear the productive relationship of the One to the hypostases.

Keywords: Plotinus, being, emanation, good.

References

1. Berestov I.V. Freedom in Plotinus' Philosophy: Monograph. SPb.: St. Petersburg University Publishing House, 2007. 380 p.
2. Kant I. Critique of Pure Reason / transl. from Germ. by N. Lossky. M.: «Э», 2016. 653 p.
3. Plotinus. Works: Plotinus in Russian Translations / comp. M.A. Solopova. SPb.: Aletheia, 1995. 672 p.
4. Rist J.M. Plotinus: Path to Reality / transl. from Engl. by E.V. Afonasin, I.V. Berestov. SPb.: Oleg Abyshko Publishing House, 2005. 320 p.
5. Sidash T.G. Brief introduction // Plotinus. The Sixth Ennead. Treatises VI–IX / transl. by M.I. Malevansky. SPb.: Oleg Abyshko Publishing House, 2019. pp. 5–7.
6. Bussanich J. Plotinus's metaphysics of the One // The Cambridge Companion to Plotinus / ed. by J.M. Rist, L.P. Gerson. 1996. pp. 38–64.
7. Dodds E.R. The Parmenides of Plato and the Origin of the Neoplatonic «One» // The Classical Quarterly. 1928. Vol. 22. № 3–4. pp. 129–142.
8. Halfwassen J. The metaphysics of the One // The Routledge Handbook of Neoplatonism. Routledge, 2014. pp. 182–199.
9. Nikulin D. The One and the Many in Plotinus // Hermes. 1998. Vol. 126. № 3. pp. 326–340.
10. Stamatellos G. Plotinus and the Presocratics: A Philosophical Study of Presocratic Influences in Plotinus' Enneads. State University of New York Press, 2012. 282 p.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Модель человека в когнитивной науке и ее философско-антропологические следствия

Ларионов Игорь Юрьевич,

кандидат философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

E-mail: i.larionov@spbu.ru

Мусс Александр Игоревич,

кандидат философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

E-mail: albertwanderer@gmail.com

В статье авторы, откликаясь на продолжающую неуклонно расти популярность нейрокогнитивных исследований, рассматривают модель человека в когнитивной науке и ее философско-антропологические следствия. Анализ моделей человека как результата обобщения высказанных и подразумеваемых в когнитивной науке суждений о природе человека открывает возможность не только говорить об отдельных результатах когнитивных исследований и их влиянии на философию – например, таких, как эксперименты Б. Либета и Дж. Грина, – но и выстраивать более целостную картину понимания человека. Различные модели человека, признающие его природу в большей или в меньшей степени познаваемой, позволяют оценить согласованность взглядов отдельных представителей когнитивной науки между собой, а также выделить ряд параметров и характеристик, позволяющих оценивать суждения и поведение человека в ситуациях, требующих философского анализа (например, в рамках ценностных дилемм). Таким образом, аналитика моделей человека позволяет не только препарировать когнитивную науку саму по себе, но и более детально оценивать выводимые из нее следствия в рамках смежных философских областей.

Ключевые слова: когнитивная наука, модели человека, натурализм, сознание, философская антропология, моральные дилеммы, свобода, детерминизм.

Введение

Мощное развитие когнитивной науки (cognitive science) в последние годы затронуло много областей, включая также и современную философию. Взаимодействуя с биоэтикой, нейрофилософией, философией сознания, а также философией искусственного интеллекта и некоторыми другими междисциплинарными областями, когнитивная наука сформировала новый критический тренд в отношении такой центральной для философии категории, как субъект, традиционно рассматривающийся в качестве носителя когнитивных качеств, прав и обязанностей, исходная точка морального познания и свободного выбора.

Последние достижения в области методов нейровизуализации – методов оценки изменения активности головного мозга – позволили поставить вопрос о том, какие процессы в нем могут соответствовать рефлексии, моральному мышлению и ценностному ориентированию субъекта. Нейрокогнитивные исследования, имеющие отношения к поставленным вопросам – особенно нейрофилософия, нейроэтика и даже нейроэкономика и нейрополитология – могут рассматриваться как одна из сторон когнитивной науки, что в контексте ее современного этапа развития – коннекционизма и энактивизма – предоставляет огромное количество данных всем заинтересованным в разрабатываемом вопросе исследователям (ср. [10; 12] и мн.др.).

Ключевые составляющие модели человека в когнитивной науке

В общем контексте исследования человека как субъекта приоритет получает такая аналитическая парадигма, которая исходит из естественнонаучного представления о человеке. Такие представления о человеке и его природе, причем не всегда напрямую эксплицитно формулируемые, мы можем рассматривать как модель человека [6]. В соответствии с такой моделью в рамках когнитивной науки человек – это существо, подчиненное законам природы, законам физического мира. Иными словами, природа человека здесь является материальной, вопреки тому, что само его существование обосновывается рядом дополнительных допущений и гипотез. Это можно увидеть в том, что когнитивные исследователи опираются на данные физики

и биологии (например, в рамках нейронауки [11]): внешний мир априорно рассматривается когнитивными исследователями как физический мир [7], а о существовании человека [3] и о его сознании [17] рассуждается исключительно с позиций материализма. Причем такая категорическая позиция – удел не фактических основателей когнитивной науки, а ее современных представителей, критикующих предшественников за их «солипсизм» [20].

Кроме того, следование в данном случае современной естественнонаучной парадигме, приводит к тому, что психика и сознание человека становится необходимо рассматривать как часть длительного и продолжающегося процесса эволюции и естественного отбора. То есть основанием человеческого бытия становятся процесс адаптации для выживания, который приводит в итоге к передаче наследственной информации [3; 4]. В связи с этим, существенным будет взаимодействие со средой, к изменяющимся условиям которой относятся как физические и биологические, так и социальные факторы. В то же время, собственно социальная сторона и, тем более, возможность говорить о существенной социальной компоненте в природе человека остается для когнитивной науки крайне неоднозначной проблемой [18].

Важно отметить, что методы и подходы когнитивной науки и связанных с ней нейронаук «по умолчанию» рассматриваются как научные, соответствующие подходу современных естественных наук. Когнитивные науки можно рассматривать как очередную волну позитивизма. Стандартные работы в когнитивной науке строятся по следующей схеме: приводятся данные эмпирических исследований, из которых выводятся аргументы в пользу той или иной философской (нередко – аксиологической) теории. Однако такой подход сопровождается рядом проблем, среди которых наиболее важные: упрощающий саму научную методологию регресс философской проблематики к наивному материализму, поспешный отказ от аналитики субъекта, игнорирование социальной стороны жизни человека (в частности, крайне важного для развития сознания факторов коммуникаций и социализации).

Естественнонаучный подход не может заключаться только в поверхностном биологизаторстве, непосредственно из биологической природы человека производящем некие базовые ценности (выживания, продолжения рода и т.п.). Необходим аккуратный пересмотр категориального инструментария философии: не подчинять научные исследования традиционной философской мифологии, связанной с понятием субъекта, но и не замещать ее сциентистскими жизненными установками самих исследователей.

П. Сингер – философ, сам использующий парадигму когнитивистики, – справедливо обращает внимание на неизбежность возникновения т.н.

«гильотины Юма»: из эмпирических данных о том, что есть, нельзя напрямую сделать выводы о том, каковы ценности и нормы (о должном) [16].

Эволюционным фактором, который одновременно может рассматриваться как содержание взаимодействия агента со средой, дающим некие основания для нормативно-ценностные описания человека, может выступать *адаптация*. Причем адаптация на уровне поведения, сложных рефлексов – сообразная внешнему воздействию ответная реакция, например, «калибровка» органов чувств для формирования адекватной оценки [1]. Таким образом, такая трактовка адаптации дает человеку целевую и движущую причины: внешние воздействия задают человеку стимул к тому чтобы действовать, а, в свою очередь, реакции человека оказываются направленными на выживание индивида и передачу его наследственной информации.

Переходя к дальнейшему обсуждению, хотелось бы отметить связь самого наименования «когнитивизм» и основных его установок, которые, на самом деле, являются выводами из принимаемого его сторонниками, – впрочем, несколько упрощенного – естественнонаучного подхода. Речь идет о представлении о приоритете познавательных способностей.

Оценка важности самих когнитивных процессов можно признать *одной из важнейших вопросов современной когнитивной науки*. И можно предположить, что в этом можно усмотреть сохранение старых философских предрассудков, от которых когнитивные исследования стремятся избавиться.

Когнитивизм и детерминизм

Рассмотрим кратко еще одну философскую дискуссию, исходно связанную с традиционной для философии проблематикой свободы, во многом определившую современную проблематику в рамках когнитивных наук.

Психика и сознание, как и иные свойства человека, подчиняются принципу причинности: можно даже сказать, что человек с точки зрения когнитивной науки лишается свободы воли, поскольку четко и однозначно определены его движущая и целевая причины. Все, что относится к «внутренней» жизни человека становятся лишь вспомогательным для выживания инструментами, либо ее побочными продуктами – эпифеноменами. И в этом смысле психика и сознания становятся как будто бы равнозначными. Получается, в рамках таких представлений, все аспекты человеческого существования становятся легко определенными, просчитанными с помощью математических моделей, а другой человек становится не только потенциально полностью понимаемым, но, что крайне важно для естественных наук, – предсказуемым.

Одним из самых известных нейроисследований, которое могло бы претендовать на подобное

закрытие лакун в понимание человеческого сознания, какое-то время служил знаменитый эксперимент Б. Либета. Совместив электромиограф и электроэнцефалограф Б. Либет, наблюдал, что при предположительно сознательном решении человека совершить движение рукой деятельность участка головного мозга, отвечающая за осознанное планирование, регистрируется примерно на 350–500 миллисекунд позже активности участков нервной системы, отвечающей за сокращение мышц руки. Не менее важной частью эксперимента стала предположительная фиксация произвольного отказа от только что принятого решения пошевелить рукой, которое как раз полностью относилось этапу осознанного планирования действия [14].

Б. Либет не был пионером в данной области. Схожие эксперименты проводились еще в конце 1960-х гг., и Д. Деннет успел критически отозваться по поводу их философских трактовок. В то же время, в качестве философского проекта, способного откорректировать возможные интерпретации эксперимента Б. Либета выступил т.н. компатибилизм (compatibilism), следующий в том же направлении развития философии сознания. Компатибилизм утверждает совместимость (compatibility) детерминизма и представлений о свободе воли и ответственности. Тем самым, его можно рассматривать одновременно как наиболее решительную попытку решения проблемы свободы в современной философии, так и как методологическая установка на отказ от традиционных представлений о свободе личности, которые не соответствуют современной естественнонаучной описания полноценного и морально ответственного агента.

Крупнейший представитель компатибилизма Г. Франкфурт предлагает следующий мыслительный эксперимент: агент совершает выбор между действиями А и В, в то время как совершению им действия В однозначно препятствует некая непреодолимая внешняя причина С, о которой агент не знает и не учитывает ее в своих размышлениях. Если в данном случае агент в результате своих размышлений выберет совершение действия А и совершит его, то, делает вывод Г. Франкфурт, мы должны признать, что агент будет нести за это полную меру ответственности, хотя возможности поступить иначе у него исходно не было [8].

В данном случае мы видим важную тенденцию: сосредоточение фокуса внимания на познавательных, причем рефлексивных процессах (выбор, рассуждение), а также возможно полное игнорирование всей сложности «бессознательных» процессов в психике человека. В подтверждение этого вывода можно привести общую теорию личности Г. Франкфурта, которую он определяет как единство психических процессов, в котором имеется «воление второго порядка», то есть ориентированная осознанная мотивация, ориентирован-

ная не на сами поступки, но на желания их совершать.

Обратим внимание, что и в эксперименте Б. Либета когнитивный процесс, данный агенту в его внутреннем опыте (рефлексии), оказался во многом отделенным от неосознаваемых, но доступных наблюдению процессов в нервной системе человека.

Когнитивизм и проблема ценностей

Ярко эти проблемы проявляются в нейроэтике. С точки зрения одного из самых влиятельных исследователей в этой области Дж. Грина, эксперименты однозначно показали существенный внедискурсивный компонент в мозговых процессах, связанных с моральными рассуждениями, однако оценка этого компонента самими исследователями оказалась неожиданной.

Используя метод функциональной МРТ, Дж. Грин исследовал, какие области мозга активны во время выполнения задач, включавших в себя принятие решений в знаменитой дилемме вагонетки. В ситуации, не связанной с непосредственным причинением вреда (нажатие рычага железнодорожной стрелки), испытуемые проявляют большую активность в традиционно связываемых с когнитивными процессами областях мозга (дорсолатеральная префронтальная кора и теменные доли). В дилеммах же, где требовалось непосредственное личное участие (столкнуть человека с моста), больше активизировались области, связанные с эмоциями (задняя поясная кора, медиальная префронтальная кора, миндалина). Кроме того, испытуемые в двух случаях принимали разное решение: склонялись к переводу стрелки ради спасения большего числа человек, но отказывались собственноручно приносить ради этого человека в жертву. Противопоставив эти ситуации и реакции на них, Дж. Грин выдвинул теорию, согласно которой моральные решения, основанные на эмоциональных реакциях (интуитивные), менее ненадежны, поскольку противоречат благоразумному расчету, что жизнь 5 человек важнее одной, с чем, по его мнению, по здравому рассуждению, каждый согласится. В связи с этим также был поднят вопрос о происхождении и преимуществах этической деонтологии и утилитаризма, но эта важная тема выходит за рамки статьи [2].

Теория Дж. Грина и его сторонников интегрирует в себя также эволюционное понимание природы человека, включая отмеченную выше тенденцию положительной оценки эволюционных «достижений». Согласно ей, сильные эмоциональные реакции, препятствующие непосредственному нанесению вреда ближнему, значительно древнее, чем рациональное рассуждение, что подтверждается палеоантропологическими исследованиями развития мозга. Они продолжают действовать и в со-

временном человеке, однако развитие искусственной среды обитания (в т.ч. технических прогресс) требует задействование новых когнитивных зон мозга. За исключением редких случаев конфликта (как в двух вариантах дилеммы вагонетки), обе системы работают слаженно. Этот комплекс идей получил название «теории дуального процесса» (dual process theory).

Вместе с тем, Дж. Грин, а также один из крупнейших этиков современности П. Сингер, поддержавший его позицию, видят в этом обоснование ценностного преимущества рационального морального рассуждения (утилитаризма) над эмоциями [16].

С критикой «теории дуального процесса» выступил философ из Оксфорда Г. Кэхейн. В целом, он указывал на упрощенное понимание Дж. Грин как самого процесса морального рассуждения, так и характера связи аргументов и принятого решения. Кроме того, указывает Г. Кэхейн, хотя сторонниками этой теории предлагается всеобъемлющая концепция морального мышления, подтверждается она только отдельными экспериментами, причем такими, которые касаются довольно необычных ситуаций и требуют специфических решений (дилемма вагонетки). Более того, если моральное решение выглядит рациональным, то сам процесс, к нему приведший, не обязательно был таковым [13].

При этом Г. Кэхейн ссылается на результаты собственного нейроисследования (проведенного в сотрудничестве, в частности, с другим видным этиком современности Д. Савулеску), которое показывает, что, действительно, можно говорить о различии между эмоциональным («интуитивным») и дискурсивными уровнями принятия решения.

Отвечая на эти и другие возражения, Дж. Грин более последовательно раскрывает то, что можно назвать установками когнитивизма в отношении сознания человека вообще и морального сознания – в частности. Работу мозга, так или иначе, можно свести к аффективным реакциям на условия среды, и именно этот уровень нами осознается как эмоциональный, а философ бы его назвал интуитивным. Эволюционное преимущество человека – в способности гибко реагировать на нестандартные ситуации, а также вырабатывать нестандартные ответы на типичные ситуации, и это философы традиционно называли рациональностью [12].

При этом Дж. Грин пытается вывести нормативные следствия, касающиеся если не содержания, то принципов вынесения моральных суждений: чем менее стандартная проблема стоит перед нами (напр. терроризм, глобальная бедность, те же проблемы биоэтики и т.п.), тем более следует опираться на сознательное рассуждение, а не на автоматические эмоциональные реакции.

Дискуссия

Определенный перекоп внимания традиционной философии к когнитивным способностям привели к недооценке и даже принижению роли эмоций в принятии морального решения, экзистенциального выбора, а также самой познавательной деятельности. С другой стороны, как было отмечено выше, проблематичным для когнитивной науки стала аналитика социального аспекта бытия человека.

Однако на этом фоне не следует делать вывод, что когнитивные науки предлагают не более чем вульгарное биологизаторство – утверждение примата эмоций, стремления к удовольствию и т.п. в области исследования сознания. Скорее, предлагается критический анализ применения самого категориального инструментария, в который могут прокрасться известные философские стереотипы.

То, что даже простейшие задачи, требующие выхода за пределы данной ситуации, задействуют участки мозга, отвечающие за когнитивные процессы, а также требуют чуть больше времени, однозначно подтверждается многочисленными исследованиями. Нет также сомнений, что «мыслительные» процессы следует рассматривать как эволюционно более поздние. Однако последние дискуссии приводят к пониманию проблемности поспешного расщепления сознания на когнитивную и «интуитивную» области, а также характерного для ряда представителей когнитивной науки выборочного внимания к нейроисследованиям, посвященным отдельным функциям мозга человека, упущению того, что все когнитивные процессы связаны с деятельностью всего мозга и зависят от сложной координации многих его областей [17; 15; 3]. При таком подходе воспроизводится «гильотина Юма», а нередко – имеет место использование скрытых нормативных (оценочных) посылок при формулировке философских выводов на основе эмпирических исследований [19].

Концептуализированная выше модель человека в когнитивной науке демонстрирует не только указанные выше границы между модусами существования такого человека, но и ее внутреннюю неоднородность. Общее место здесь – даже не следование натуралистической установке, поскольку главные объединяющим фактором здесь становятся не природа и ее законы, а «научность» знания. В этом случае Д. Деннету [3] с его рассмотрением (и разделением) сознания и психики как инструментов адаптации человека как биологического существа к меняющимся условиям, можно противопоставить Д. Чалмерса [9], для которого одновременно существует желание принимать науку всерьез и указание на недостаточность существующих физических законов для описания сознания.

Если мы соглашаемся с Деннетом и другими подобными авторами, то такой взгляд на челове-

ка и его природу не стремится подчеркнуть уникальность человеческого существа – наоборот, тривиализирует его в сравнении с другими живыми существами. Для когнитивного исследователя человек, таким образом, является более сложным с точки зрения своей организации животным, которое вынуждено для выживания изобретать различные инструменты, включая общество, культуру и даже науку. В противном случае эти сферы человеческой активности оказываются эпифеноменами. Психика и сознание как процессы переработки информации в головном мозгу также становятся при таком подходе инструментами адаптации и выживания.

Если же мы соглашаемся с Чалмерсом, то субъективный опыт признается нередуцируемым, при таком взгляде открытым остается вопрос о том, кто является субъектом, носителем этого опыта и какое место во всей этой структуре занимает человеческое «Я». Если же субъективный опыт признается редуцируемым, человек, его «воспринимаемый» и «переживаемый» миры органично вписываются в сложившееся миропонимание, но постоянный пересмотр отдельных составляющих такого миропонимания делает его принципиально неполным, а человек сужается до его эмпирической данности, игнорируя трансцендентальную и трансцендентную.

Камнем преткновения здесь становится указанная выше Трудная проблема сознания [9] – разрыв между индивидуальным субъективным опытом и мозгом.

Можно заключить, что концептуализированная нами модель человека в когнитивной науке – это удобная точка зрения исследователя на самого себя и других людей – в том числе, на своих коллег и на участников своих исследований. Такая точка зрения – при которой все многообразие субъективного опыта сводится к процессам переработки информации, а человеческое существование – адаптация ради выживания – делает любого человека удивительно понимаемым. Стираются также принципиальные различия между человеком и другими обладателями нервной системы: качественная разница сменяется изменением количества нейронов и связей между ними.

Интересные выводы следуют в том случае, если, помимо эмпирического измерения, мы добавляем человеку в когнитивной науке еще трансцендентальное и трансцендентное измерения. Такая модель человека будет явно дуалистичной, но этот дуализм будет, в конечном итоге, разрушителен для самого подхода, поскольку такая модель оказывается уже не настолько очевидно натуралистической. С другой стороны, такое расширение модели позволяет включить в нее взгляды таких авторов как Д. Чалмерс и Ф. Варела, поскольку она не налагает запретов на дуалистическую трактовку природы субъективного опыта и телесности че-

ловека. Остается открытым вопрос о том, что делать с самостоятельным, оторванным от биологических целей и функций субъективным опытом, а также о том, как объяснить его взаимодействие с материальным миром, включая человеческий организм и нервную систему. Концептуальные размышления Д. Чалмерса, изложенные в его основном труде, его натуралистический дуализм будет наилучшей иллюстрацией подобной модели человека, но даже этот подход не позволяет на данный момент выдвинуть даже предположения о том, в какую сторону вести поиск источника взаимодействия сознания и мозга, и будет ли в перспективе возможно «сшить» эти «атомы психического» с вычислительным аппаратом современной математики. Нужно учитывать, что признание второй расширенной модели также оставляет за пределами рассмотрения часть проанализированных нами авторов, а это говорит нам о принципиальной неоднородности когнитивной науки и невозможность построения в ее рамках единой теории.

Таким образом, когнитивная наука предлагает новый взгляд на специфические проблемы человека: проблему свободы и детерминизма и известную еще с Античности проблему должного поведения. Когнитивные исследования позволяют при исследовании этих проблем разделять когнитивную и аффективную сферу, отделять психическую и сознательную регуляцию. Все это добавляет классическим этическим дилеммам новые измерения, позволяя выделять в человеческой природе различные инстанции этического и определять то, что именно в человеке является непосредственно этическим агентом.

Все это проявляется в обобщенных представлениях о человеке и его природе – в модели или моделях человека, которые может предложить нам когнитивная наука. В рамках таких моделей с одной стороны, стираются различия между различными выделенными в философии и психологии характеристиками человека, а он сам как обладатель процессов переработки информации становится чрезвычайно близок к другим живым существам, которые, как и он, стремятся выжить и передать потомкам свой генетический материал. Если же обобщать таким модели, можно сказать, что в рамках натуралистической установки подразумевает либо признание полной познаваемости человеческой природы и, соответственно, управляющих им факторов, либо признание фундаментальных ограничений перед возможностью такого постижения.

В свою очередь, применение моделей человека в когнитивной науке для этических исследований позволяет обобщить результаты проводимых исследований и увидеть за ними более полную картину. В то же самое время многообразие полученных моделей позволяет выбирать те, что позволяют объединить взгляды ключевых исследовате-

лей, а также в наибольшей степени релевантны изучаемому вопросу.

Литература

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000. – 528 с.
2. Бельский И.С. «Нейронаучный поворот» и эксперименты Дж. Грина: этико-антропологические импликации // Вестник гуманитарного университета. 2020, № 1(28). С. 123–129.
3. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Corpus (ACT), 2013. – 512 с.
5. Когнитивная психология: история и современность. Под ред. В.Ф. Спиридонова и М.В. Фаликман. М.: Ломоносовъ, 2011. – 384 с.
6. Мусс А.И. Опыт концептуализации модели человека в когнитивной науке: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. СПб., 2018. 254 с.
7. Серль Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
8. Франкфурт Г. Альтернативные возможности и моральная ответственность // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. I, № 4. С. 129–140.
9. Chalmers, D.J. The conscious mind: In search of a fundamental theory. Oxford University Press, 1996. – 432 p.
10. Damasio, A. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. N.Y.: Avon Books, 1994. – 312 p.
11. Gazzaniga, M.S. The cognitive neurosciences. MIT press, 2009. – 1377 p.
12. Greene, J.D. Beyond Point-and-Shoot Morality: Why Cognitive (Neuro)Science Matters for Ethics // Ethics, Vol. 124, № 4 (July 2014), Pp. 695–726.
13. Kahane, G. Intuitive and Counterintuitive Morality // Moral Psychology and Human Agency: Philosophical Essays on the Science of Ethics / eds. Justin D'Arms and Daniel Jacobson. Oxford: Oxford University Press, 2014. Chapter 2. Pages 9–39.
14. Libet, B. Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action // Behavioral and Brain Science. 1985. Vol.8. Pp. 529–566.
15. Olsson, A., Phelps, A. Understanding social evaluations: what we can (and cannot) learn from neuroimaging // Implicit Measures of Attitudes / Ed.: N. Schwartz, B. Wittenbrink. NY: Guilford, 2007. Pp. 159–175.
16. Singer P. Ethics and intuitions // Journal of Ethics. 2005, V. 9, № 3–4.
17. Tononi, J., Consciousness as Integrated Information: a Provisional Manifesto // The Biological Bulletin. 2008. V. 215. № 3. Pp. 216–242.
18. Turner, S. Cognitive Science, Social Theory, and Ethics // Soundings: An Interdisciplinary Journal. Vol. 90, № 3/4 (Fall/Winter 2007). Pp. 135–160.
19. Wagner, N.-F.; Chaves, P.; Wolff, A. Discovering the Neural Nature of Moral Cognition? Empirical, Theoretical, and Practical Challenges // Bioethical Research with Electroencephalography (EEG). Bioethical Inquiry. 2017. Vol.14. Pp. 299–313.
20. Wall, P. The New Phrenology // London Review of Books. Vol. 3. № 24. 17 December 1981. Pp. 9–10.

THE MODEL OF HUMAN BEING IN COGNITIVE SCIENCE AND ITS PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL CONSEQUENCES

Larionov I.Yu., Muss A.I.
St. Petersburg State University

This paper is a response to the steadily growing popularity of neurocognitive research. We examine the models of human being in cognitive science as well as its philosophical and anthropological implications. We consider the models of human being as the result of generalizing judgments about human nature in the cognitive science, either expressed or implied. This way, we gain the opportunity to discuss relevant results of the cognitive science and evaluate their impact on philosophy (e.g. the experiments of B. Libet and J. Greene), as well as to construct a more holistic view on human. Studying various models of human being, each of them recognizing human nature as knowable to a greater or lesser extent, allows us to assess the consistency of the views of the cognitive scientists and also to identify the substantial metrics and characteristics that make it possible to evaluate human judgments and behavior in situations requiring philosophical reasoning, for example, in the context of ethical dilemmas. Thus, the analysis of models of human being allows dissecting cognitive science itself and evaluating its implications within related philosophical fields.

Keywords: cognitive science, models of human, naturalism, consciousness, philosophical anthropology, ethics, ethical dilemmas, freedom, determinism.

References

1. Allahverdiv V.M. Consciousness as a Paradox. St. Petersburg: DNA, 2000. – 528 p.
2. Bel'sky I.S. «The Neuroscientific Turn» and J. Greene's Experiments: Ethical and Anthropological Implications // Bulletin of the Humanitarian University. 2020, № 1(28). Pp. 123–129.
3. Dennett D. Types of Psyche: Towards Understanding Consciousness. Moscow: Idea-Press, 2004. – 184 p.
4. Dawkins R. The Selfish Gene. Moscow: Corpus (AST), 2013. – 512 p.
5. Cognitive Psychology: History and Modernity. Ed. by V.F. Spiridonov and M.V. Falikman. Moscow: Lomonosov, 2011. – 384 p.
6. Muss, A.I. «Conceptualizing a Human Model in Cognitive Science: Diss. ... Cand. Philosophical Sciences: 09.00.13.» St. Petersburg, 2018. 254 p.
7. Searle, J. «Rediscovering Consciousness». Moscow: Idea-Press, 2002. – 256 p.
8. Frankfurt, G. «Alternative Possibilities and Moral Responsibility». Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2017. Vol. I, № 4. Pp. 129–140.
9. Chalmers, D.J. «The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory». Oxford University Press, 1996. – 432 p.
10. Damasio, A. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. N.Y.: Avon Books, 1994. – 312 p.
11. Gazzaniga, M.S. The cognitive neurosciences. MIT press, 2009. – 1377 p.
12. Greene, J.D. Beyond Point-and-Shoot Morality: Why Cognitive (Neuro)Science Matters for Ethics // Ethics, Vol. 124, № 4 (July 2014), Pp. 695–726.

13. Kahane, G. Intuitive and Counterintuitive Morality // *Moral Psychology and Human Agency: Philosophical Essays on the Science of Ethics* / eds. Justin D'Arms and Daniel Jacobson. Oxford: Oxford University Press, 2014. Chapter 2. Pages 9–39.
14. Libet, B. Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action // *Behavioral and Brain Science*. 1985. Vol. 8. Pp. 529–566.
15. Olsson, A., Phelps, A. Understanding social evaluations: what we can (and cannot) learn from neuroimaging // *Implicit Measures of Attitudes* / Ed.: N. Schwartz, B. Wittenbrink. NY: Guilford, 2007. Pp. 159–175.
16. Singer P. Ethics and intuitions // *Journal of Ethics*. 2005, V. 9, № 3–4.
17. Tononi, J., Consciousness as Integrated Information: a Provisional Manifesto // *The Biological Bulletin*. 2008. V. 215. № 3. Pp. 216–242.
18. Turner, S. Cognitive Science, Social Theory, and Ethics // *Soundings: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 90, № 3/4 (Fall/Winter 2007). Pp. 135–160.
19. Wagner, N.-F.; Chaves, P.; Wolff, A. Discovering the Neural Nature of Moral Cognition? Empirical, Theoretical, and Practical Challenges // *Bioethical Research with Electroencephalography (EEG)*. *Bioethical Inquiry*. 2017. Vol. 14. Pp. 299–313.
20. Wall, P. The New Phrenology // *London Review of Books*. Vol. 3. № 24. 17 December 1981. Pp. 9–10.

Сравнительный анализ практики дзэн и исихазма

Лю Цуйюй,

аспирант, Институт философии, Пекинский педагогический университет
E-mail: liucuiyu2014@163.com

В качестве двух основных великих духовных традиций Востока и Запада, практики Дзэн и исихазма олицетворяют глубокое стремление человечества к трансцендентности. Данное исследование ставит целью выявить сходства и различия в их происхождении, конечных целях и практических методах. Опираясь на концепцию исихазма и синергичную антропологию С.С. Хоружего, исследуются возможные пути углубленного диалога между буддизмом и православием в современном контексте, чтобы представить конкретный пример, имеющий теоретическое значение и практическую ценность для межрелигиозного диалога и сравнительного религиоведения.

Ключевые слова: практика Дзэн; Исихазм; Нирвана; обожение; Синергичная антропология.

Введение

Во всех религиях развиваются свои уникальные духовные практики, призванные вести верующих к духовному росту и внутреннему преображению. Будучи мировыми религиями с долгой историей и богатой традицией, православие и буддизм обладают многовековыми практическими традициями. Исихазм в православии и практика Дзэн в буддизме, как важнейшие составляющие религиозной жизни каждой из этих традиций, с одной стороны, отражают общую потребность человечества в очищении сердца и ума, а с другой – укоренены в принципиально различных мировоззренческих системах. Данная статья направлена на систематическое сравнение внутренней логики и практических форм этих двух традиций, прояснение фундаментальных различий, стоящих за их внешним сходством, и на основе этого – исследование теоретического и практического пространства для межрелигиозного диалога в современную эпоху.

Истоки и основания: духовный путь, исходящий из «благородной истины о страдании» и «первородного греха»

Любая глубокая духовная традиция формируется как ответ на фундаментальные экзистенциальные вопросы. В буддизме и православии духовная практика возникает из реакции на разные исходные состояния – «страдание» и «грех», что обусловило различие их духовных ориентиров и форм. Дзэн, одна из центральных практик буддизма утверждённая Буддой Шакьямуни и зародившаяся в Древней Индии в VI веке до н.э., восходит к постижению «истины о страдании» и ориентирована на «отрешение от мира». Осознание страдания, как сущности человеческой жизни, стало ключевым мотивом отречения Сиддхартхи Гаутамы от мирской жизни и основой его учения, направленного на освобождение живых существ и достижение нирваны. С этой целью Будда Шакьямуни проповедовал фундаментальные учения, Четыре Благородные Истины и Двенадцать звеньев взаимозависимого происхождения, раскрывая истину о страдании и путь к освобождению. Дзэн как практика просветления и передачи учения сохраняла преемственность на протяжении истории и стала основным методом в большинстве буддийских школ. С момента распространения учения хинаяны Ань Шигао в конце династии Восточной Хань, развитие чань-буддизма в Китае прошло

следующий путь: «от хинаяны к махаяне, а затем к наивысшему учению. История развития китайского чань в целом соответствует этой внутренней логике» [1, с. 406]. Несмотря на то, что за более чем две тысячи лет развития буддизма сформировались многочисленные школы, такие как Чань, Чистая Земля, Тяньтай и другие, различающиеся методами практики и толкованиями учения, почти все они продолжают рассматривать Дзэн как необходимый базовый путь, ведущий к познанию истинной природы, обретению душевного покоя и достижению просветления.

Православная духовность, напротив, формировалась как ответ на проблему «первородного греха» и стремление к «обожению». Христианская аскетическая традиция, сложившаяся в IV веке, возникла в условиях кризиса секуляризации после утверждения христианства как государственной религии Римской империи. В поисках чистоты веры группа христиан решила покинуть общество и отправиться в пустыню, где через уединение, аскезу, тяжелый труд они тренировали свое тело и ум, сопротивляясь эгоистическим желаниям очищали свои души в поисках соединения с Богом. Основанием этой практики стало учение о греховной природе человека, неспособного к спасению без Божественной благодати, что определило синергийный, богочеловеческий характер православной духовности.

В ранних формах как Дзэн, так и исихазм проявляли сходные тенденции к мироотречению, уединению и подвижничеству. Ранний буддизм, особенно практика Тхеравады, носил ярко выраженный отшельнический характер, ориентированный на монашескую практику вдали от мирской суеты в горных лесах. Аналогично ранние исихасты рассматривали пустыню как антропологическую лабораторию духовного очищения. «Уход ранних исихастов из мирской жизни в пустыню для духовной практики был обусловлен как объективными предпосылками, так и конечной целью их пути – обожением. [2, с. 35]. Однако, несмотря на сходства их исторические пути значительно разошлись. Дзэн на протяжении веков оставалась центральной и широко интегрированной в повседневную жизнь формой буддийской практики, тогда как исихазм, из-за своей строгости и высоких требований, так и не стал распространенной духовной практикой среди верующих, оставаясь преимущественно в рамках монашеских общин. В современном христианстве сохранение и передача исихастской традиции в её целостности сталкиваются с серьезными трудностями.

Конечная цель: принципиальные различия между «нирваной» и «обожением»

Основные различия между исихазмом и практикой Дзэн обусловлены различием их мировоззренче-

ских оснований и конечных целей. Буддизм, опираясь на учение об отсутствии «Я» (анатман) и «зависимом возникновении», направлен на освобождение из круговорота перерождений (сансары), тогда как православие, основанное на Божественном откровении, видит цель духовной жизни в возвращении человека к Богу через благодать.

Конечной целью практики Дзэн является нирвана – исчезновение страданий и преодоление цикла рождения и смерти. «Нирвана – слияние с абсолютным; в практике Дзэн крайне важно осознать, что сансара есть нирвана, что форма есть пустота, что все существа изначально, от природы совершенны.» [3, с. 312]. «Возникновение махаяны было связано именно с необходимостью дальнейшего прояснения отношений между буддой и живыми существами, нирваной и миром, доказательством того, что все существа обладают природой будды, мирское бытие и есть нирвана, и что достижение состояния будды для всех существ вполне возможно.» [1, с. 3]. Несмотря на различия между хинаяной и махаяной, их общая цель заключается в осознании необходимости освобождения, полном очищении сознания и достижении пробуждения через личную практику. Дзэн подчёркивает самодостаточность практикующего: Будда не является ни творцом, ни спасителем, а освобождение достигается через концентрацию и медитацию, ведущие к «беспредметному самадхи» как состоянию абсолютной свободы и мудрости [4, с. 19].

Цель православного аскетизма принципиально иная и заключается в обожении – единении человека с Богом. По мнению современного богослова Каллиста Уэра, «Единение с Богом означает единение с божественными энергиями, отнюдь не божественной сущностью: Православная церковь, говоря об обожении и единении, отвергает любые формы пантеизма.» [5, с. 240]. Идея обожения укоренена в Священном Писании: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему.....И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:26–27) и выраженной, в частности, в творениях древних отцов и богословов, например, у Афанасия Великого: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

В русском православном исихазме эта линия получила развитие у преподобного Серафима Саровского, утверждавшего: «Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьего. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемого доброго дела суть средства для стяжания Святаго Духа Божьего.» [6, с. 4]. По мнению В.Н. Лосского «в этом определении, которое на первый взгляд может показаться слишком простым, в сжатом виде представлено все духовное предание Православной Церкви.» [7, с. 298]. Таким образом, до-

стижение этой цели понимается как результат синергии человеческих усилий и Божественной благодати, что подчёркивал и Каллист (Уэр): «Цель христианской жизни, которую Серафим определяет, как стяжание Святого Духа, равным образом можно определить, как обожение» [5, с. 239].

Уже в ранней христианской аскетике, у Антония Великого, подчёркивалось различие между волей диавола, человека и Бога, из них только последняя ведёт к истинному благу [8, с. 317]. Спасение и преображение человека возможны лишь при взаимосвязи человеческой воли и благодати Святого Духа, которая очищает, освящает и преображает человеческое естество, действующей с момента вступления человека на путь покаяния и правильной практики [9, с. 62].

Практические системы: взаимосвязанные методологии и принципиальное различие ядра

На практическом уровне и Дзэн, и исихазм выработали сложные и тонкие методологии и практические системы. Хотя отдельные техники на первый взгляд демонстрируют заметное сходство, в контексте их мировоззренческих оснований и конечных целей эти методы обретают принципиально различное содержание и направленность.

В буддизме с эпохи Будды Шакьямуни была создана разветвлённая система описания духовного пути, включающая множество техник и уровней практики, различающихся по школам, но объединённых общим принципом – постепенным переводом тела и ума из состояния хаотичности и рассеянности в состояние сосредоточенной концентрации и, в конечном итоге, к «отсутствию мыслей» [10, с. 13]. Освобождение понимается как результат практического осуществления пути, основанного на практиках заповедей (шила), концентрации (самадхи) и мудрости (праджня), которые противодействуют жадности тела, гневу ума и невежеству мозга [1, с. 5].

Процесс практики Дзэн также можно условно разделить на три этапа: «Сначала рассеянный и хаотичный ум собирается в ум с немногочисленными мыслями; затем этот относительно простой ум преобразуется в высоко сплоченный и сфокусированный ум; наконец, сплоченный ум преобразуется в отсутствие ума» [10, с. 21]. Символическим выражением этого пути служат «Десять картин приручения буйвола» созданных в XII веке чаньским мастером Гоанем, изображающие движение от начальной практики и прозрения к возвращению в мир ради спасения живых существ.

В православной традиции духовный путь также понимается как поэтапное восхождение, но его конечной целью является обожение – единение человека с Богом. Наиболее целостное описание этого пути представлено у Иоанна Лествичника, который в труде «Лествице» изображает духов-

ное делание как восхождение по тридцати ступеням, ведущих к божественности. Эти ступени можно рассматривать как три этапа нравственной жизни подвижника «(1) аскет начинающий, (2) продолжающий и (3) совершенный (усовершенствующийся)». Эти три периода духовной жизни имеют в практическом изложении лестницы преподобного и другие названия, именно: а) степени предуготовительные, б) очистительные, в) обновления духа.» [11, с. 44] Этот процесс начинается с этапа вступления на духовный путь (обращения) (ступени 1–7), на котором подвижник начинает удаляться от мирского; далее следует этап очищения (ступени 8–23), где аскет через строгие подвиги достигает очищения тела и души; на третьем этапе (ступени 24–30) подвижник достигает духовного обновления.

В практике Дзэн, несмотря на разнообразие техник и методов, их можно классифицировать следующим образом в зависимости от их различных функций: (1) Процедуры устранения различных препятствий, мешающих чистоте ума; (2) методы, способствующие сосредоточению ума, цель которых – привести ум в состояние медитативного погружения (самадхи); (3) Методы развития мудрости, с целью помочь людям обрести мудрость «отсутствия самости» и открыть дверь к истинному освобождению; (4) Техники, направляющие мудрость «отсутствия самости» к «пустоте»; (5) Техники, ведущие людей от «пустоты» к «предельной пустоте» или «первопринципной пустоте.» [10, с. 13].

Сосредоточенное внимание в христианской аскетике внешне сходно с буддийской сидячей медитацией, а Иисусова молитва – с практикой повторения имени Будды в махаянском буддизме. Однако их цели и смысл различаются: тхеравада ориентирована на личное освобождение и нирвану, тогда как махаяна подчёркивает освобождение всех существ, что обусловило универсальность и упрощённый характер практики произнесения имени Будды. Иисусова молитва, в отличие от этого, представляет собой непрерывное личное обращение к живому Богу и понимается как средство духовного восхождения через живое общение с Ним.

Современный диалог: от «христианского дзэна» к синергийной антропологии

В условиях глобализации и межрелигиозных взаимодействий диалог между буддизмом и православием на уровне духовной практики приобретает особую значимость. С 1960-х годов, в контексте межрелигиозных инициатив Второго Ватиканского собора, в западном христианстве возник интерес к интеграции буддийских методов в христианскую духовность, что выразилось, в частности, в концепции Уильяма Джонстона «христианского дзэна». Эта

модель предполагает избирательное заимствование буддийских медитативных техник для углубления христианского созерцания и молитвы, оставаясь при этом в рамках христоцентричного подхода и служа развитию христианской духовной практики. Тем самым «христианский дзэн» демонстрирует возможность практического межрелигиозного диалога, не выходя за пределы собственной традиции.

Методологически значимым для сравнительного анализа духовных практик является подход С.С. Хоружего, рассматривающего духовную практику как духовно-антропологический феномен [12] и связывающего её с современным «антропологическим поворотом» в гуманитарных науках [13, с. 8]. Опираясь на православный исихазм, он формулирует синергичную антропологию, в рамках которой духовная практика понимается как целостный процесс самопреобразования человека, направленный на изменение его онтологического статуса и осуществляемый в рамках традиции с чётко структурированным, поэтапным путём [13, с. 93–94]. Предложенная модель, применённая Хоружим к анализу исихазма, суфизма и Дзэн, выявляет универсальные антропологические основания духовных практик и тем самым выходит за рамки конфессионального религиоведения, предлагая общий аналитический инструмент для гуманитарных наук в целом.

Заключение

Проведённое исследование показало, что при внешнем сходстве форм духовной практики исихазм и Дзэн укоренены в принципиально различных мировоззренческих основаниях и направлены к различным конечным целям. Буддийская практика Дзэн формируется как ответ на универсальный опыт страдания и ориентирована на освобождение от сансары через очищение сознания, постижение пустоты и достижение нирваны, предполагая радикальную самодостаточность практикующего. Православный исихазм, напротив, вырастает из христианского учения о грехе и спасении и направлен к обожению – личностному единению человека с Богом в синергии человеческой энергии и Божественной благодати.

Сравнительный анализ показал, что сходство отдельных техник – сосредоточения, молчания, повторения сакрального имени – не свидетельствует о тождестве духовного опыта. В контексте Дзэн эти методы служат преодолению дуальности и раскрытию «отсутствия самости», тогда как в исихазме они направлены на живое, личностное общение с Богом и преображение человеческого естества. Таким образом, различие между двумя традициями проявляется не столько на уровне практических форм, сколько в их антропологических предпосылках, понимании человека и смысла духовного пути.

В то же время обращение к современному межрелигиозному диалогу показывает, что сопоставление этих традиций может быть продуктивным, если оно избегает поверхностного смешения и сохраняет верность внутренней логике каждой религии. Концепция «христианского дзэна» демонстрирует возможность ограниченного и осознанного заимствования практических элементов, а синергичная антропология С.С. Хоружего предлагает более глубокую методологическую перспективу, позволяющую выявить универсальные антропологические структуры духовной практики без нивелирования конфессиональных различий.

Таким образом, сравнение исихазма и Дзэн не только проясняет границы и уникальность каждой традиции, но и открывает пространство для философско-антропологического диалога, в котором духовная практика выступает ключом к пониманию человека, его пределов и возможностей преображения в контексте современного гуманитарного знания.

Литература

1. Сюй Вэньмин. История идей раннего этапа чань-буддизма в Китае. – Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2004. – 420 с. – На кит. яз.
2. Чжан Байчунь, Лю Цуйюй. Уход и возврат – реконструкция этики исихазма в православии С.С. Хоружим // Религиозная культура мира. – 2025. – № 4. – С. 33–40. – На кит. яз.
3. Лури Дж.Д. Восемь врат дзэн: программа практики дзэн / пер. с англ. – М.: София, 2007. – 320 с.
4. Сунь Чанву. Пятнадцать лекций о дзэн. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2016. – 370 с. – На кит. яз.
5. Уэр К. Православная церковь / пер. с англ. Г. Вдовина. – М.: Библийско-богословский институт, 2012. – 376 с.
6. О цели жизни нашей христианской: беседа преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым. – Киев: Изд-во Киево-Печерской лавры, 2013. – 79 с.
7. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2012. – 586 с.
8. Антоний Великий, преподобный. Поучения. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 701 с.
9. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого / отв. ред. О. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. – 864 с.
10. Шэн-янь; Стивенсон. Знак коровы: путь к просветлению / пер. с англ. Лян Юньань. – Нанкин: Илин, 2011. – 228 с. – На кит. яз.

11. Тихон (Агриков), архим. Преподобный Иоанн Лествичник как представитель восточного аскетизма. – М.: Отчий дом, 2011. – 304 с.
12. Хоружий С.С. Созерцание или общение: две парадигмы духовной практики. – URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2013/07/horuzhy_sozerkanie.pdf (дата обращения: 06.08.2025).
13. Хоружий С.С. Духовная практика как основа новой антропологии / пер. с рус. Чжан Баичунь. – Сидней: RCOMA (ROCOR), 2017. – 154 с. – На кит. яз.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF ZEN PRACTICE AND HESYCHASM

Liu Cuiyu

Beijing Normal University

As the core practices of two major Eastern and Western spiritual traditions, Zen practice and hesychasm embody humanity's profound aspiration for transcendence. This comparative study aims to uncover the similarities and differences in their origins, ultimate goals, and practical methods. Drawing on the concept of hesychasm and the synergetic anthropology of S.S. Horuzhy, it explores potential pathways for deepening dialogue between Buddhism and Orthodoxy in the contemporary context. The study seeks to provide a concrete example with theoretical significance and practical value for interreligious dialogue and comparative religious studies.

Keywords: Zen practice; Hesychasm; Nirvana; Deification; Synergetic Anthropology.

References

1. Xu Wenming. A History of Early Chan Buddhist Thought in China. Beijing: Beijing Normal University Press, 2004. 420 p. (In Chinese).
2. Zhang Baichun; Liu Cuiyu. «Withdrawal and Return: A Reconstruction of the Ethics of Hesychasm in Eastern Orthodoxy by S.S. Khoruzhy.» World Religious Culture, 2025, № 4, Pp. 33–40. (In Chinese).
3. Looi, John Daido. The Eight Gates of Zen: A Program of Zen Training. Translated from English. Moscow: Sofia, 2007. 320 p.
4. Sun Changwu. Fifteen Lectures on Zen. Beijing: Zhonghua Shuju, 2016. 370 p. (In Chinese).
5. Ware, Kallistos. The Orthodox Church. Translated from English by G. Vdovina. Moscow: Biblical-Theological Institute, 2012. 376 p.
6. On the Aim of Our Christian Life: A Conversation of St. Seraphim of Sarov with N.A. Motovilov. Kiev: Kyiv-Pechersk Lavra Press, 2013. 79 p.
7. Lossky, Vladimir N. The Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology. Sergiev Posad: Holy Trinity–St. Sergius Lavra Press, 2012. 586 p.
8. Anthony the Great, St. Instructions. Moscow: Sretensky Monastery Press, 2008. 701 p.
9. Kontzevich, I.M. The Acquisition of the Holy Spirit. Edited by O. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2009. 864 p.
10. Sheng Yen; Stevenson. The Oxherding Path to Enlightenment. Translated from English by Liang Yong'an. Nanjing: Yilin Press, 2011. 228 p. (In Chinese).
11. Tikhon (Agrikov), Archimandrite. St. John Climacus as a Representative of Eastern Asceticism. Moscow: Otchii Dom, 2011. 304 p.
12. Khoruzhy, Sergey S. «Contemplation or Communion: Two Paradigms of Spiritual Practice.» Available at: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2013/07/horuzhy_sozerkanie.pdf (accessed 6 August 2025).
13. Khoruzhy, Sergey S. Spiritual Practice as the Foundation of a New Anthropology. Translated from Russian by Zhang Baichun. Sydney: RCOMA (ROCOR), 2017. 154 p. (In Chinese).

Нейроарт: онтология, эволюционная парадигма и современные формы институционализации

Пискарёв Павел Михайлович,

доктор психологических наук, профессор, архитектор, учредитель, основатель, член Российского философского общества АНО ДПО «Институт психологии творчества Павла Пискарёва»

E-mail: neiro.nauka@yandex.ru

В статье рассматривается феномен нейроарта в контексте культурно-философской парадигмы метамодерна. Анализируется эволюция форм творчества — от архаических практик ручного труда и техне к поэзису как онтологическому основанию культуры и далее к нейроарту как междисциплинарному художественному направлению. Особое внимание уделяется интеграции нейронаучного знания и эстетического опыта, формированию нового типа арт-сознания и трансформации художественных парадигм эпохи метамодерна. В рамках авторской концепции метамодерна и парадигмального анализа обосновывается авторская модель смены арт-парадигм («ду-лиа — техне — поэзис — нейроарт»), а также анализируются процессы институционализации нейроарта. Делается вывод о необходимости баланса между символическим и экономическим измерениями искусства как условия сохранения его культурно-смысловой функции.

Ключевые слова: нейроарт, метамодерн, арт, творчество, арт-парадигма, креативность, арт-бизнес.

Введение

Начало XXI века характеризуется глубинными трансформациями культурного, социального и когнитивного ландшафтов, обусловленными глобальными кризисами, ускорением технологического развития и изменением способов восприятия реальности. В этих условиях особую актуальность приобретают проблемы преодоления творческого застоя, стереотипности мышления и поиска новых форм креативности, способных отвечать вызовам времени. Современная культурно-философская мысль все чаще интерпретирует данную ситуацию через призму метамодерна — парадигмы, колеблющейся между искренностью модерна и иронической дистанцией постмодерна, синтезируя их в стремлении к восстановлению смысла, доверия и надежды [2, с. 40–45].

Метамодернистский поворот сопровождается формированием эстетической стратегии «новой искренности», ориентированной на подлинность переживания, уязвимость и конгруэнтность внутреннего и внешнего опыта [13, с. 127–136]. В художественной сфере это выражается в возникновении новых форм и направлений, стремящихся соединить рациональное знание и эмоционально-чувственное измерение. Одним из таких феноменов является нейроарт — междисциплинарное направление, находящееся на пересечении нейронаук, искусства и философии культуры [11, с. 368–376].

Несмотря на растущий интерес к нейроарту в практике современного искусства, его теоретическое осмысление остается фрагментарным. В научном дискурсе он чаще рассматривается либо как технологическая инновация, либо как прикладная арт-терапевтическая практика, что не позволяет в полной мере раскрыть его онтологический и культурно-философский потенциал. В связи с этим целью настоящей статьи является концептуализация нейроарта как новой арт-парадигмы, укорененной в эволюции форм творчества и специфике современного арт-сознания.

Для достижения поставленной цели в работе используются философско-культурологический анализ, историко-генетический и междисциплинарный подходы. Также при анализе эволюционных процессов используется авторская теория метамодерна и парадигмального анализа, в соответствии с которыми выделяются четыре последовательно сменяющиеся, но при этом не ис-

ключающие друг друга культурно-философские парадигмы (премодерн, модерн, постмодерн, метамодерн), объединяющих эволюцию форм и процессов в единое целое. Данный подход позволяет объекты исследований представить в виде рамок, включающих четыре составляющие, эволюционно сменяющих и при этом дополняющих друг друга, подобно тому как происходит этап взросления человека от ребенка к юноши, от юноши к взрослому, от взрослого к старцу.

К онтологии нейроарта

Распространение префикса «нейро-» в научном и гуманитарном дискурсе XXI века свидетельствует о так называемом «нейронаучном повороте» в культуре. Современные нейронауки – от нейробиологии и когнитивной нейронауки до нейроэкономики, нейролингвистики, нейротеологии и культурной нейронауки – стремятся дать объективированные ответы на фундаментальные экзистенциальные вопросы, связанные с природой сознания, эмоций, мышления и принятия решений. Нейроны и нейронные сети при этом рассматриваются как универсальный субстрат человеческого опыта, способный быть картографированным, измеренным и интерпретированным [5, с. 8–11].

Исторически развитие нейронаук носило скачкообразный характер, аккумулируя философские и медицинские представления, восходящие к Гиппократу, Аристотелю и Платону, и оформившись в самостоятельную академическую дисциплину лишь во второй половине XX века [7, с. 51–60]. Современные технологические средства – нейровизуализация, измерительные и аналитические системы – позволили приблизиться к созданию условной «карты нервной схемы» человеческого познания и эмоциональных состояний [1, с. 30–45]. Это обстоятельство обусловило выход нейронаучного знания за пределы естественнонаучной сферы и его активную интеграцию в культуру, образование, экономику и искусство.

В гуманитарном поле нейронаучный поворот формирует новый эпистемологический и символический язык, в рамках которого человеческий опыт осмысливается через призму нейрофизиологических процессов. Именно в этом контексте нейроарт возникает как художественная практика, репрезентирующая и интерпретирующая нейронаучные представления средствами искусства, превращая научное знание о мозге в культурно значимый и эстетически переживаемый феномен.

В свою очередь, понятие «арт» исторически прошло сложную эволюцию – от античного понимания искусства как *tumos*, «живое пламя души», которое побуждает к действию и поиску истины, а также как *techne*, то есть ремесла и мастерства, основанного на правилах и навыках, к автономному художественному творчеству Нового времени

и далее к расширенному, неклассическому пониманию искусства в XX–XXI веках [16, с. 24–30].

Первоначально в английском (с XIII века) «art» обозначало «навык, полученный обучением» в рамках семи свободных искусств (*liberal arts*), подчеркивая противопоставление природе и мастерству. К XIV веку развилось значение «мастерства», к XV – «системы правил», а с 1610-х годов закрепилось как «художественное творчество», особенно в живописи и скульптуре с 1660-х. В XX веке, с авангардом (дадаизм, поп-арт), «арт» стал обозначать любые формы выражения, включая акции и концептуальное творчество, стирая границы между искусством и жизнью и знаменуя переход от академического искусства к экспериментальным формам. В рамках теории метамодерн, парадигмального анализа данную эволюцию можно представить в виде рамки (рис. 1).

Рис. 1. Рамка «Эволюция арт»

Эпоха Возрождения (XIV–XVII вв.) с гуманизмом и покровительством меценатов (Медичи) подняла статус художника от ремесленника к гению, отделив «art» от гильдийских цехов. Реформация (XVI в.) в Нидерландах лишила художников церковных заказов, стимулируя переход к секулярному рынку и буржуазным покупателям, что сделало «art» товаром для среднего класса.

Индустриализация (XVIII–XIX вв.) и урбанизация спровоцировали реакцию в виде движения Arts & Crafts (кон. XIX в.), отвергнувшего машинное производство в пользу ручного мастерства.

Первая мировая война (1914–1918) породила дадаизм и экспрессионизм как протест против рационализма и разрушения. Вторая мировая война (1939–1945) усилила абстракционизм и абсурд в искусстве (сюрреализм, поп-арт), отражая травму и потребительское общество. 1960-е гг. с социальными революциями (хиппи, феминизм) и технологическим бумом привели к перформансам, видеоарту и стиранию границ «art» с жизнью. В связи с этим термин «арт» используют с целью подчеркнуть современный или неформальный характер творчества [3, с. 18–30].

Современное арт-сознание, по определению В.В. Бычкова, носит неклассический характер: оно отказывается от миметического воспроизведения реальности, категорий прекрасного и возвышенного, обращаясь к парадоксу, интуиции, абсурду и прямому воздействию на психику воспринимающего [4, с. 80–92]. Такое сознание отражает состояние посткультуры и переживание метафизического кризиса, в котором искусство выступает не столько репрезентацией мира, сколько формой его проблематизации и рефлексии.

Объединив философские, культурологические и эстетические подходы к анализу художественного творчества, представляется возможным предложить авторскую модель арт-парадигм, в рамках которой смена парадигм интерпретируется не как линейный стилистический прогресс, а как последовательный онтологический сдвиг способов созидания и отношения человека к миру. Переход от уровня «дулиа» (рабский труд, деятельность для хозяина, служение человеку) к уровню «техне» отражает движение от первичного, архаического ручного труда как условия выживания и элементарного бытия – к осознанному мастерству, опирающемуся на правила, инструменты и технологии, то есть к формированию культуры как упорядоченной системы навыков и знаний. Смена парадигмы «техне» на «поззис» знаменует выход за пределы утилитарности и алгоритмичности к подлинному творению нового, где искусство перестает быть лишь производством форм и становится актом «выведения к явленности», раскрытием сущности и смысла бытия [14, с. 95–106].

Переход от поззиса к уровню «нейроарт» фиксирует современный этап эволюции художественного сознания, в котором творчество направляется на рефлексивное исследование собственных оснований – нейрофизиологических, когнитивных и эмоциональных процессов человека, а искусство обращается внутрь субъекта, стремясь к конгруэнтности внутреннего и внешнего. В целом выход на уровень арт в данной модели предполагает парадигмальный сдвиг от непосредственного бытия к культуре и искусству как формам символического освоения мира, а затем – от культуры и искусства к творчеству как универсальному способу жизнетворения и самопознания, что соответствует метамодернистскому запросу на синтез, целостность и «новую искренность».

В этом контексте нейроарт можно рассматривать как одно из направлений неклассического искусства, сознательно работающего с нейрокогнитивными процессами и выдвигающего их в центр художественного высказывания. Нейроарт не только использует визуальные образы мозга или данные нейроизмерений, но и апеллирует к самому механизму восприятия, стремясь воздействовать на зрителя на уровне психофизиологических состояний.

Таким образом, онтология нейроарта основана на принципе синтеза, проявляющемся на нескольких уровнях. Во-первых, это синтез дисциплинарный, объединяющий нейронауку и искусство в едином поле междисциплинарного взаимодействия. Во-вторых, это синтез онтологических оппозиций: внутреннего (нейрофизиологического, субъективного, переживаемого) и внешнего (материального арт-объекта, социального контекста), хаоса психических процессов и космоса художественной формы. В-третьих, нейроарт осуществляет синтез целей – познавательной и терапевтической. С одной стороны, он способствует исследованию механизмов восприятия и эмоциональной реакции через художественный эксперимент; с другой – направлен на гармонизацию внутреннего состояния человека, упорядочивание психического опыта, снижение уровня стресса и восстановление целостности субъекта.

Кроме того, Нейроарт может быть определен как институциональный синтез, включающий совокупность художественных практик метамодерна и капитал. Используя знания, методологию и образность нейронаук для создания произведений, материализующих духовный и психофизиологический опыт человека и стремящихся к «новой искренности» через прямое обращение к аутентичным нейрокогнитивным процессам.

Методология парадигмального анализа позволяет представить различные парадигмы синтеза нейроарт в виде рамки (рис. 2).

Рис. 2. Рамка «Синтез нейроарт»

Нейроарт в эволюционной парадигме искусства

Применение парадигмального анализа – метода рефлексивного исследования и трансформации индивидуальных когнитивно-смысловых структур, основанного на выявлении и переосмыслении доминирующих парадигм как устойчивых систем убеждений, интерпретационных схем и ценностных координат, определяющих восприятие и поведение субъекта, – позволяет осмыслить место нейроарта в истории культуры. Предлагается авторская эволю-

ционная модель развития творческих форм, основанная на последовательной смене онтологических уровней созидания: «дулиа», «техне» и «поэзис», дополненных современным этапом – «нейроарт» (рисунок). Данная модель позволяет проследить глубинную логику трансформации человеческого отношения к миру, к собственному опыту и к самому акту творчества (рис. 3).

Рис. 3. Рамка «Формы творения»

Уровень «дулиа» обозначает первичную, архаическую форму созидания, непосредственно связанную с ручным трудом, телесностью и изготовлением элементарных орудий, где целью являлось выполнение приказания хозяина. В данном контексте «дулиа» выступает как онтологическая предпосылка культуры. Создание первых орудий – палки, камня, примитивных инструментов – знаменует момент, когда человек начинает выходить за пределы природной детерминации, формируя искусственную среду обитания. Этот уровень можно трактовать как до-рефлексивный, но принципиально значимый: именно он закладывает фундамент будущих форм мышления, символизации и творчества. «Дулиа» – это уровень бытия, в котором ручной труд, материя и необходимость выполнения чужой воли образуют неразрывное единство. Здесь еще отсутствует искусство в собственном смысле, но уже присутствует потенциал культуры как возможности преобразования мира.

Переход от «дулиа» к «техне» фиксирует первый парадигмальный сдвиг – от спонтанного ручного труда к осознанному мастерству. Уровень «техне» соответствует развитию ремесла, навыка и технологий, предполагающих владение инструментами, правилами и алгоритмами. В античной традиции «техне» обозначает продуктивное знание, направленное на создание изменчивых вещей в соответствии с определёнными принципами. В этом смысле искусство на уровне техне понимается как умение, как система воспроизводимых операций, ориентированных на результат и зачастую – на утилитарную пользу [16, с. 24–30]. Именно на этом уровне формируются устойчивые культурные практики, профессиональные тради-

ции, школы и каноны. Однако техне, при всей своей значимости, остается в пределах воспроизводимого и повторяемого: оно опирается на уже существующие формы и не ставит под вопрос собственные основания.

Следующий эволюционный скачок связан с переходом от техне к поэзису. Поэзис в аристотелевском понимании обозначает не просто производство, а процесс рождения нового, выходящего за рамки ремесленного воспроизведения. В отличие от техне, поэзис не сводится к следованию правилам или достижению полезного результата; он предполагает наличие высшей цели и внутреннего импульса, благодаря которому из небытия возникает ранее несуществующее [12, с. 93–104]. В философии М. Хайдеггера поэзис интерпретируется как «выведение к явленности», как способ раскрытия истины бытия, родственный природному самораскрытию (physis) [9, с. 100–108]. На этом уровне искусство перестает быть техникой и становится способом бытия, в котором форма, смысл и истина соотносятся в акте открывания.

Поэзис знаменует собой принципиальный сдвиг от культуры как совокупности навыков к культуре как пространству смыслообразования. Искусство здесь перестает быть вторичным по отношению к жизни и начинает выполнять онтологическую функцию – оно не отражает реальность, а участвует в ее конституировании. Человек на уровне поэзиса осознает себя не только как производящего субъекта, но и как соучастника процесса раскрытия бытия [12, с. 93–104]. Именно поэтому поэзис можно рассматривать как вершину классического понимания искусства, где творчество приобретает экзистенциальное измерение.

Нейроарт в данной модели предлагается рассматривать как логическое продолжение и одновременно радикальное переосмысление поэзиса. Если поэзис направлен на творение нового в мире – в пространстве форм, образов и смыслов, – то нейроарт осуществляет поворот вовнутрь, к самому источнику творчества, восприятия и переживания, то есть к мозгу и сознанию человека. Это искусство, которое делает объектом художественного осмысления не внешний мир, а внутренние нейрофизиологические и когнитивные процессы, лежащие в основании человеческого опыта.

Нейроарт можно определить как рефлексивный уровень искусства, на котором художественная практика исследует собственные условия возможности. Здесь искусство начинает работать с тем, как именно рождаются эмоции, образы, смыслы, как формируется восприятие и каким образом тело и мозг участвуют в эстетическом переживании. В этом смысле нейроарт представляет собой поэзис, обращенный к внутреннему космосу субъекта, где акт творчества становится одновременно актом самопознания. Он отвечает метаподернистскому запросу на конгруэнтность – согла-

сование внутреннего и внешнего, субъективного переживания и объективированной художественной формы.

Важно подчеркнуть, что нейроарт не отменяет предыдущие уровни, а интегрирует их: он опирается на телесность и материальность «дулиа», использует инструментарий и технологии «техне», наследует экзистенциальную глубину поэзиса, но при этом выводит искусство на новый уровень рефлексии. Здесь творчество направлено не только на создание произведений, но и на исследование самой структуры человеческого опыта. Таким образом, нейроарт радикализирует поэзис, превращая сознание, восприятие и эмоциональную динамику в пространство художественного эксперимента.

В целом предложенная эволюционная модель позволяет рассматривать развитие искусства как последовательность онтологических сдвигов: от бытия и выживания – к культуре и мастерству, от культуры – к творчеству как раскрытию смысла, и далее – к рефлексивному исследованию оснований самого творчества. В этом контексте нейроарт предстает не как модный тренд или частное направление, а как симптом и форма ответа современной культуры на кризис смысла, фрагментацию опыта и стремление к целостности, характерные для эпохи метамодерна.

Институционализация нейроарта: от арт-капитала к «новой искренности»

Современное искусство функционирует в разветвленной системе социальных, культурных и экономических институтов, включающей музеи, галереи, арт-рынки, культурные индустрии, образовательные и исследовательские платформы. В этих институциональных рамках художественные практики не только создаются и распространяются, но и обретают легитимность, символическую ценность и экономическое измерение [10, с. 216–222]. Институционализация нейроарта как одного из актуальных направлений современного искусства неизбежно сопряжена с дилеммой баланса между аутентичным художественным высказыванием, ориентированным на метамодернистский идеал «новой искренности», и процессами коммерциализации, характерными для арт-рынка. Эта дилемма проявляется особенно остро в силу междисциплинарной природы нейроарта, находящегося на пересечении искусства, науки и технологий.

Теоретическим основанием анализа институционального положения нейроарта может служить концепция П. Бурдьё, рассматривающего арт-бизнес как особое поле производства символической продукции. В рамках этого поля ценность произведения искусства определяется не только его материальными характеристиками, но и объемом

накопленного символического капитала, который формируется через признание со стороны профессионального сообщества, институциональную поддержку и включенность в актуальные культурные дискурсы. Символический капитал, в свою очередь, обладает способностью конвертироваться в экономический капитал, что делает художественную деятельность частью рыночных отношений [6, с. 18–22]. Применительно к нейроарту это означает, что его институциональный успех зависит от того, каким образом нейрохудожественные практики будут интерпретированы, оценены и встроены в существующие структуры культурного производства.

Развивая институциональный подход, Е. Долганова трактует арт-бизнес как пространство пересечения материальных и нематериальных сфер современного общества [8, с. 118–128]. С этой точки зрения художественная деятельность включает не только производство и продажу объектов искусства, но и создание смыслов, эмоций, идентичностей и форм социального взаимодействия. В данном контексте нейроарт может рассматриваться как особый тип арт-практики, в котором материальные компоненты (технологии, устройства, цифровые носители) неразрывно связаны с нематериальными – когнитивными, эмоциональными и терапевтическими эффектами. Подобное понимание расширяет рамки анализа нейроарта, позволяя рассматривать его не просто как художественный продукт, но как сложный социокультурный процесс.

Сходную позицию занимает И.В. Черняева, использующая понятие «художественный бизнес» для обозначения совокупности процессов, включающих произведения искусства, идеи, проекты и технологии творческой деятельности, а также их интерпретацию и интеграцию в различные области социальной активности [15, с. 76–84]. В этом смысле нейроарт предстает как форма художественного бизнеса, выходящая за пределы традиционного арт-рынка и затрагивающая сферы науки, образования, медицины, психологии и нейротерапии. Такая расширенная включенность усиливает институциональный потенциал нейроарта, но одновременно усложняет вопросы его оценки, регулирования и легитимации.

Создание нейроарт-продукта сопровождается формированием сложносоставного арт-капитала, структура которого отличается повышенной многомерностью. В рамках данной модели и в соответствии с авторской методологией метамодерна можно выделить два взаимосвязанных полюса арт-капитала – **материальный и символический**.

Материальный полюс представлен непосредственно арт-объектом: это могут быть инсталляции, визуальные или цифровые произведения, интерактивные среды, нередко создаваемые с использованием высоких технологий, нейроинтер-

фейсов, биосенсоров и данных нейроизмерений. Эти объекты обладают физической или цифровой формой, подлежат экспонированию, архивированию и рыночному обороту.

Символический, или эстетический, полюс арт-капитала включает в себя совокупность нематериальных характеристик нейроарта. К ним относятся аутентичность нейрохудожественного высказывания, его концептуальная глубина, связь с актуальным научным и философским дискурсом, а также терапевтический и гуманитарный потенциал. Особое значение приобретает эффект «доказательности» переживания, при котором проживаемый эстетический, духовный и опыт мышления соотносится с зафиксированной нейрофизиологической активностью (рис. 4).

Рис. 4. Рамка «Парадигма трансформаций на разных уровнях в результате нейроарт-практик»

Такая корреляция усиливает доверие к художественному высказыванию и создает ощущение объективированной искренности, что соответствует метамодернистскому стремлению к преодолению разрыва между субъективным переживанием и рациональным знанием.

Ключевым условием устойчивости нейроарта как культурного и институционального феномена является неразрывность связи между материальным и символическим полюсами арт-капитала. В случае, если нейроарт редуцируется до внешней визуальной стилизации или использования нейронаучной терминологии без концептуального и онтологического основания, происходит утрата глубины и трансформация нейроарта в спекулятивный актив. Подобная коммерциализация, лишенная содержательного наполнения, подрывает доверие к направлению в целом и снижает его культурную ценность.

К числу основных проблем институционализации нейроарта относятся риски упрощения сложного междисциплинарного содержания, подмена исследовательского и гуманитарного потенциала эффектной технологичностью, а также трудности верификации подлинности нейрохудожественного высказывания. Возникают вопросы о том,

кто и на каких основаниях вправе оценивать корректность использования нейронаучных данных в художественном контексте, где проходит граница между научным экспериментом и художественной интерпретацией, и каким образом обеспечивается этическая ответственность подобных практик.

В связи с этим актуализируется проблема поиска адекватных институциональных форм поддержки и развития нейроарта. Речь может идти о создании междисциплинарных резиденций, объединяющих художников, ученых и философов, о формировании нейро-лабораторий при музеях и культурных центрах, а также о разработке платформ взаимодействия науки и искусства, способствующих углубленному диалогу и совместному производству знаний. Такие институциональные формы способны обеспечить баланс между экспериментальностью и ответственностью, между художественной свободой и научной рефлексией.

Перспективы развития нейроарта связаны с усилением конструктивного характера арт-капитала, при котором его экономическая успешность напрямую коррелирует с реализацией культурных, терапевтических и гуманитарных функций. В этом случае нейроарт выступает не только как объект рыночного обмена, но и как форма социально значимой практики, способствующей осмыслению человеческого опыта, преодолению экзистенциальных кризисов и поиску целостности в условиях фрагментированной реальности. Таким образом, нейроарт может рассматриваться как ответ современной культуры на вызовы метамодернистской эпохи и как форма осмысленного и ответственного художественного практикования современности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать нейроарт не как частное или сугубо технологическое явление, а как закономерный этап эволюции художественных форм и арт-сознания в условиях метамодерна. Нейроарт формируется на пересечении нейронаучного знания и эстетического опыта, интегрируя рациональные модели понимания психики и чувственно-экзистенциальные способы переживания реальности. В этом смысле он продолжает линию поэзиса как фундаментального онтологического процесса творения, направленного на раскрытие истины и целостности бытия.

Предложенная авторская модель смены арт-парадигм – от дулиа к техне, от техне к поэзису и далее к нейроарту – позволяет концептуализировать развитие искусства как движение от утилитарного и ремесленного к рефлексивному, междисциплинарному и онтологически насыщенному творчеству. Нейроарт в данной модели выступает формой синтеза внутреннего и внешнего, хаоса и кос-

моса, индивидуального нейropsychического опыта и культурно-эстетических структур.

В современных условиях нейроарт неизбежно включается в процессы институционализации и капитализации. Анализ арт-бизнеса и арт-капитала показывает, что специфика художественного производства заключается в асимметричном распределении материальной и символической ценности. Сохранение баланса между этими полюсами является принципиальным условием недопущения редукции искусства к спекулятивному активу и утраты его культурно-смыслового измерения.

Таким образом, нейроарт может быть интерпретирован как многомерный культурный феномен, обладающий значительным эвристическим потенциалом для философии искусства, культурологии и междисциплинарных исследований. Его дальнейшее изучение представляется перспективным как в онтологическом, так и в институциональном и социально-практическом аспектах.

Литература

1. Аубакирова, К.К. Инновационные подходы в нейровизуализации: роль МРТ и искусственного интеллекта в диагностике демиелинизирующих заболеваний ЦНС. Обзор // Эпомен: медицинские науки. – 2025. – № 20. – С. 30–45.
2. Афанасьева, А.П. Осциллография ситуации метамодерна // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2024. – Т. 26, № 94. – С. 40–45.
3. Банькова, Н.В. Соотношение понятий «искусство» и «политика» / «art» и «politics» // Пражский лингвистический кружок и развитие лингвистики XX века (к 140-летию со дня рождения Вилема Матезиуса). – 2022. – С. 18–30.
4. Бычков, В.В. Феномен неклассического эстетического сознания // Вопросы философии. – 2003. – № 12. – С. 80–92.
5. Вартанян, М.Е. Нейронауки. Их место в современной медицине // Психиатрия. – 2025. – Т. 22, № 5. – С. 8–11.
6. Воронкова, А.С. Эволюция рынка искусства от покровительства до цифровых маркетплейсов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2025. – Т. 4, № 65. – С. 18–22.
7. Глуздов, Д.В. Взаимодействие философской антропологии и нейронаук в контексте вопросов естественного и искусственного интеллекта // Философская мысль. – 2023. – № 7. – С. 51–60.
8. Долганова, Е. А., Хангельдиева, И.Г. Арт-рынок: полифункционализм и полифонизм основных субъектов // Социология власти. – 2010. – № 5. – С. 118–128.
9. Давыдов, И.А. Поэзия Рене Шара и поэзис Хайдеггера. Ренессанс экзистенциалов в дигитальную эру // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2021. – № 4 (40). – С. 100–108.
10. Демшина, А.Ю. Арт-рынок и визуальный поворот в культуре // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2023. – № 4 (69). – С. 216–222.
11. Заховаева, А. Г., Жуколина, М. В. В поисках формулы красоты // Обсерватория культуры. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 368–376.
12. Летов, О.В. Современные нетрадиционные концепции философии науки (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: реферативный журнал. – 2024. – № 4. – С. 93–104.
13. Марина, Г. «Новая искренность» как коммуникативная технология в медиакоммуникации // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia. – 2 Newton. – № 4 (58). – С. 127–136.
14. Фалько, В. И. «Техне» и «поэзис» в античной и современной философии // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 95–106.
15. Черняева, И.В. Рынок произведений искусства в России: ключевые понятия исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 4 (24). – С. 76–84.
16. Черняков, А.А. Древнегреческое «техне» как основа культуры // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2024. – № 1 (20). – С. 24–30.

NEUROART: ONTOLOGY, EVOLUTIONARY PARADIGM, AND CONTEMPORARY FORMS OF INSTITUTIONALIZATION

Piskarev P.M.

Pavel Piskarev Institute of Creative Psychology

This article examines the phenomenon of neuroart within the context of the cultural-philosophical paradigm of metamodernism. It analyzes the evolution of creative forms – from archaic practices of manual labor and *techne* to *poiesis* as the ontological foundation of culture, and further to neuroart as an interdisciplinary artistic direction. Special attention is paid to the integration of neuroscientific knowledge and aesthetic experience, the formation of a new type of art-consciousness, and the transformation of artistic paradigms in the context of digitalization and global crises. The paper proposes an original model of paradigm shifts in art («*skafo*s – *techne* – *poiesis* – *neuroart*») and examines the processes of neuroart institutionalization through the lens of art business and art capital. The study concludes that a balance between the symbolic and economic dimensions of art is necessary to preserve its cultural and meaning-making function.

Keywords: neuroart, metamodernism, art, creativity, art paradigm, creativity, art business.

References

1. Aubakirova, K.K. Innovative approaches in neuroimaging: the role of MRI and artificial intelligence in the diagnosis of demy-

- eliminating diseases of the central nervous system. Review // Epomen: medical sciences. – 2025. – № 20. – P. 30–45.
2. Afanasyeva, A.P. Oscillography of the metamodern situation // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences. – 2024. – Vol. 26, № 94. – P. 40–45.
3. Bankova, N.V. The Relationship between the Concepts of «Art» and «Politics» // The Prague Linguistic Circle and the Development of 20th-Century Linguistics (on the 140th Anniversary of the Birth of Vilém Mathesius). – 2022. – Pp. 18–30.
4. Bychkov, V.V. The Phenomenon of Non-Classical Aesthetic Consciousness // Voprosy Filosofii. – 2003. – № 12. – Pp. 80–92.
5. Vartanyan, M.E. Neurosciences. Their Place in Modern Medicine // Psychiatry. – 2025. – Vol. 22, № 5. – Pp. 8–11.
6. Voronkova, A.S. Evolution of the art market from patronage to digital marketplaces // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. – 2025. – Vol. 4, № 65. – Pp. 18–22.
7. Gluzdov, D.V. Interaction of philosophical anthropology and neuroscience in the context of natural and artificial intelligence // Philosophical thought. – 2023. – № 7. – Pp. 51–60.
8. Dolganova, E. A., Khangeldieva, I.G. Art market: polyfunctionalism and polyphony of the main actors // Sociology of power. – 2010. – № 5. – Pp. 118–128.
9. Davydov, I.A. The poetry of René Char and Heidegger's poesis. The Renaissance of Existentialists in the Digital Era // Humanitarian Gazette of the Tolstoy State Pedagogical University. – 2021. – № 4 (40). – Pp. 100–108.
10. Demshina, A. Yu. The Art Market and the Visual Turn in Culture // Society. Environment. Development (Terra Humana). – 2023. – № 4 (69). – Pp. 216–222.
11. Zakhovaeva, A. G., Zhukolina, M.V. In Search of a Formula of Beauty // Observatory of Culture. – 2024. – Vol. 21, № 4. – Pp. 368–376.
12. Letov, O.V. Modern Non-Traditional Concepts of the Philosophy of Science (Review) // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 3, Philosophy: Abstract Journal. – 2024. – № 4. – Pp. 93–104.
13. Marina, G. «New Sincerity» as a Communicative Technology in Media Communication // Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya. – 2 Newton. – № 4 (58). – Pp. 127–136.
14. Falko, V. I. «Techne» and «Poiesis» in Ancient and Modern Philosophy // Bulletin of Tula State University. Humanities. – 2020. – № 1. – Pp. 95–106.
15. Chernyaeva, I.V. The Art Market in Russia: Key Research Concepts // Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism. – 2016. – № 4 (24). – P. 76–84.
16. Chernyakov, A.A. Ancient Greek «techne» as the Basis of Culture // Bulletin of SUSPS: Humanitarian Studies. – 2024. – № 1 (20). – P. 24–30.

Богослужение в Русской Православной Церкви в середине XVII века: взгляд священнослужителя из Антиохии

Слюнкин Александр Александрович,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского

В статье, посвященной Богослужению в Русской Православной Церкви середины XVII века в восприятии архидиакона Булуса ибн аз-За'им аль-Халяби, даётся описание литургической жизни того времени в соотнесённости с Богослужением современным на основании, преимущественно, источников на церковно-славянском, русском и арабском языках. Описываются некоторые особенности Богослужебного Устава Антиохийской Православной Церкви в сравнении с богослужебной практикой в Церкви Русской, а также влияние Антиохийского Патриарха Макария на некоторые Богослужебные изменения, произведенные Патриархом Никоном и последствия этих изменений, которых не мог предвидеть Антиохийский Первосвященитель. Автор обращает внимание читателя на ошибочность прежних взглядов на количество источников, по которым проводилась исправление книг и подчеркивает и единственность во многих отношениях этнического, без преувеличения, труда антиохийского архидиакона.

Ключевые слова: Богослужение, исправление книг, архидиакон Павел, Патриарх Макарий, Евхологий, Служебник, Пролог, Патриарх Никон.

Одной из основ жизни любой Поместной Церкви является её Богослужение, которое часто называют «поющим Богословием» (по-гречески богослов – «Феологос» [1, с. 1551; 2, с. 1325], т.е. тот, кто «знает» Бога). Всё, что совершается в храме, имеет одну единственную цель – расположить человека к молитве. И каждый христианин призывается молиться осознанно, т.е. понимая смыслы того, что читается и поется в храме, а также символические значения, которые имеют те или иные священнодействия. Это понимание священных текстов и эта осознанность священнодействий были глубоко свойственны жителям Руси XVII века, в середине которого случилась наша национальная трагедия – церковный раскол.

Сами тексты дореформенных Богослужебных книг нам доступны – их издают и по ним до сих пор совершают Богослужения старообрядцы различных согласий [11; 14].

Но среди источников, которые говорят нам о том, как практически совершались Богослужения в середине XVII века мы имеем один, равного которому, по нашему убеждению, не существует и автором которого является архидиакон Антиохийской Церкви Булус ибн аз-За'им аль-Халяби.

(بولص بن الزعيم الحلي). Он был родным сыном (Патриарха Макария III – А.С.), о чем он яс-

но пишет (كُنْتُ ابْنَهُ). Некоторые исследователи при этом называют его племянником Патриарха Макария, а английский переводчик Бельфур пишет («was natural son» – «был побочным сыном»). [10, с. 9], не понимая, что для православного священнослужителя такое «отцовство» влечет за собой извержение из сана (Правила 51 Василия Великого, 9 Номоканона, 1 Собора Неокесарийского, 3 Василия Великого и др.) [4, с. 237, 587, 616].

В труде архидиакона Павла «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Москву в середине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским», имеющий в оригинальной рукописи название – «Мин Халеб фи билад кузаки» (араб. – «Из Халеба в страну казаков» (т.е. на Украину)) большое место занимает описание Чинопоследований Богослужений суточного, недельного и годового кругов, Богослужебных обычаев и т.д. Архидиакон Павел вместе со своим отцом Патриархом Макарием постоянно служил

в России и сообщает такое количество подробностей по этому вопросу, которые не встречаются больше нигде.

Являясь высокопоставленным клириком Антиохийской Церкви, архидиакон Павел имел возможность вхождения в такие сферы жизни России того времени, куда доступ инославным был решительно невозможен.

Поскольку многие Богослужения в России в середине XVII века совершались в *общем* также, как и сейчас, мы определяем себе целью кратко описать те особенности служб того времени, которые отличаются от современных и иногда соотнести их с сегодняшней Богослужебной практикой Русской Православной Церкви.

Путь антиохийских путешественников в Россию проходил с великими трудами через Константинополь, Валахию, Молдавию, Украину, пока они не прибыли в Россию, где продолжительное время оставалась в Коломне по причине страшной моровой язвы. Пребывая в Коломне, архидиакон Павел описывает особенности Церковных служб в России. Первое описание принадлежит воспоминанию «Входа (Сретения – А.С.) Иконы Владычицы», писанной Евангелистом Лукой (Владимирская – А.С.) 26–27 августа по старому стилю [10, с. 232]. Следует заметить, что арабские Богослужебные тексты значительно отличаются от славянских по стилистике, способу передачи мысли и т.д. Например, Иисусову молитву, которую Святитель Иоанн Златоуст называет царицей молитв, православные славяне читают следующим образом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий (или Боже наш), помилуй мя грешнаго/ую». Православные греки читают ее также на греческом языке: «Кирие Ису Христу, элеисон ме». Православные же арабы в данном случае молятся так: «Аюха ар-Раб, аасуа аль-Масиах, йа Ибн Алла, ирхамни аана (во множ. числе – аннахну) аль-хатти’а» (перевод: «О, Господи, о Мессия, о Сын Божий, помилуй меня/нас, ибо я/мы грешен/ы»). Отдельные Богослужебные арабские тексты опубликованы в единственном в своем роде труде Лебедева В.В. и Павлова И.В. [8, с. 67; 9 с. 11–13].

В труде архидиакона Павла здесь и далее мы видим, что Всенощного бдения в современном чинопоследовании не было. Вечерня [21, с. 128; 14, с. 207–209] совершалась вечером, Утренняя – утром, к ней присоединялся первый час, кроме случаев, когда совершаются Великие часы (такое соотношение часов с Утреней сохраняется и в наши дни). В 9–10 часов утра по современному счету времени, перед которой читались «3-й и 6-й часы» [21, с. 73–95] – Литургия, к которой присоединялись чтения дня из Пролога [12; 13; 14; 15] (Устав о чтении Пролога – 11, стр. 3–98).

Богослужения предвещал колокольный звон, о котором особенно пишет архидиакон Павел Алеппский, говоря, что он «подобно грому, дохо-

дил до небес» [10, с. 232–233]. Звон в колокола (по Уставу – «в кампаны») имеет по Типикону свои виды и порядок, но это никак не отражается в труде архидиакона Павла. На его Родине звон в колокола давно не совершался по известным причинам.

Описывая Чин совершения Литургии в соборном храме, антиохийский священнослужитель говорит о сугубой ектении, *о которой они до этого не знали* и на которой поминалось «четыре, может быть пять тысяч имён» [10, с. 233]. Священник в это время читал молитву «Боже духов и всякия плоти...» и возглашал «Яко Ты еси Воскресение и Живот и Покой усопших раб Твоих...» [18, с. 123; 11, с. 12; 22, с. 82]. Этот момент Богослужения соответствует и современной практике, кроме чтения такого количества имен *вслух*. Так же по Уставу, когда совершалась и совершается служба с пением Великого славословия и выше, заупокойная ектения на Литургии не произносится и поминовение имен усопших совершается только на Проскомидии (араб. Дзабийаха – жертва). Богослужения Вечерни и Утрени священник совершал, облачась в фелонь, кроме того «... у них нет различия между чином монастырей и чином мирских служб – все равно», – замечает архидиакон Павел [10, с. 233].

К числу отличительных особенностей Богослужения, описываемого времени, относится и большое количество рукоположений ставленников по причине недостатка духовенства в России того времени. [10, с. 237, 247, 251]. Совершались рукоположения даже на *Литургии Преждеосвященных Даров* [10, с. 379], что в наши дни совершенно исключено.

Необычным для антиохийских священнослужителей и непонятным было знаменное пение [7, с. 8–9; 3, с. 603]. В то время, как партесное пение, о котором Патриарх Филарет говорил, что не может терпеть пения латинского на Москве и которое было распространено на Украине, находит понимание и одобрение у архидиакона Павла.

На русских Богослужениях антиохийские гости испытывали великие трудности: «При всём том, мы стояли с непокрытой головой от начала обедни до конца, ибо у греков и здесь есть обычай, что священник и диакон постоянно остаются с открытой головой от начала обедни до конца. По этой причине и мы против воли им подражали и делали как они. Мы выходили от обедни не иначе, как слепыми. Бог свидетель, что мы оставались несколько дней лишенными слуха, и у нас в ушах гудело. Если бы мы не отпустили волосы подобно им, то, наверно, ослепли бы, но Бог помог нам» [10, с. 254].

Особой строгостью и продолжительностью Богослужений отличалось время Великого поста. «С раннего утра чистого понедельника до среды, в течение трех дней, не бывает у них ни купли, ни продажи, не открывают никаких лавок,

ни масленных, ни в особенности таких, где продаются съестные припасы. По обычаю, царь и царица постятся эти три дня, усердно посещая службы в церквях ночью и днем, предаваясь молитвенному бдению, совершая поклоны и соблюдая строгое воздержание, как мы удостоверились теперь. Наконец, отстояв обедню в среду, царь разговелся сладким компотом, по всегдашнему своему обыкновению, причем послал его для раздачи всем своим вельможам. Затем он опять постился от этой ночи до позднего утра субботы... Горе тому, кого встречали пьяным или с сосудом хмельного напитка в руках! Его обнажали в этот сильный холод и скручивали ему руки за спиной; палач шел сзади него, провозглашая совершенное им преступление, и стегал его по плечам и спине длинной плетью из сырых бычьих жил: как только она коснется тела, тот час же брызнет кровь» [10, с. 347].

Великопостные Богослужения с великими трудами переносились антиохийской делегацией, как и скудость Великопостной трапезы [13, гл. 49]. Описывая Чин Марьяна Стояния (в то время на Руси имени «Мария» не было: оно принадлежало Матери Божией, все остальные назывались Марьи – насколько наши предки были внимательны ко всему, что касалось церковной жизни! Мелочей в этом для них не было) на Утрени четверга пятой Седмицы Великого поста, Павел Алеппский подсчитал, что все молящиеся в храме от детей до глубоких стариков положили более тысячи земных поклонов [10, с. 378]. «Мы вышли из церкви лишь после восьмого часа, умирая от усталости и стояния в холоде. В этот пост мы переносили вместе с ними большое мучение подражая им против воли, особенно в еде: мы не находили иной пищи, кроме мазари (размазня?) похожего на вареный горох и бобы, ибо в этот пост совсем не едят масло. По этой причине мы испытывали великую, неописуемую муку. Мы извинили бы их, если бы они в этот пост ели не только рыбу, но и мясо: не было бы им греха и запрета, ибо у них, как мы сказали, не водятся и потому им неизвестны ни чечевица, ни овечий горох; разве что в домах франков найдешь их по цене дороже перца... Как горестно мы вздыхали и горевали по кушаньям нашей родины и заклинали великой клятвой, чтобы никто впредь не жаловался на пост! Ибо Богу известно, наших кушаний, которые едят постом, здесь не бывает даже во время Пасхи и мясоедов: кроме рыбы, мяса и кваса, эти люди ничего не знают, – без сомнения, они истинно святые. Еще по приезде своем в Молдавию и Валахию, мы недоумевали, что нам есть по средам, пятницам и прочим постам» [10, с. 378–379].

Особенными Богослужебными Чинами того времени были: «шествие на ослати» в Неделю Вайи [10, с. 382–384], Чин омовения мощей, которые

после описываемого времени прекратились в Богослужении Русской Церкви.

Патриарх Антиохийский Макарий давал Патриарху Никону некоторые советы относительно совершения Богослужений. «... Во-первых, относительно того, что они не служат как мы, на антиминсе с изображениями и с надписями, освященном мощами святых, а на куске белого полотна; во-вторых, они, принося священную жертву, принимают не девять чинов (частиц), а только четыре; в-третьих, что они делают в нескольких словах ошибки в «Верую во Единого Бога»; в-четвертых, прикладываются к иконам только раз или два в году; в-пятых, не принимают антидора; в-шестых, касательно их крестного знамения при ином расположении пальцев...» [10, с. 379–380]. Следует отметить, что Патриарх Никон эти советы принял. Большое возмущение значительной части русского общества того времени вызвали изменения в Символе Веры и перстосложении при Крестном знамении, что затем явилось одной из причин раскола. Не зная особенности жизни русских людей того времени [5, с. 292–293], Патриарх Макарий, разумеется, не мог предполагать катастрофических последствий некоторых советов Патриарху Никону.

По совету Патриарха Макария в Таинстве Елеосвящения стало употребляться вино, была изменена форма клобуков у русского монашества. «Патриарх Никон, имея большую любовь к греческим камилавкам и клобукам, сделал себе ныне новый белый клобук, по покрою клобуков греческих монахов, только над глазами вышит золотом и жемчугом херувим. Клобуки московских монахов, их архиереев и патриарха весьма некрасивы: все они вязаные из шерсти, не имеют камилавки, но пришиты к скуфьям без кружка, с меховой опушкой. Клобуки монахов очень велики, закрывают глаза и уши и ниспадают на плечи: из-под них едва различишь их лица, в особенности, когда они смотрят в землю... Более удобного случая, как в этот день, патриарху Никону не могло бы представиться. Зная любовь к себе царя и пользуясь присутствием нашего учителя, одного из вселенских патриархов, он переговорил сначала с ним и тайне передал ему в алтаре упомянутой клобук, как обыкновенно, с камилавкой, прося его походатайствовать пред царем, чтобы тот возложил их на него, Никона, так как он сильно опасался, как бы миряне не стали говорить ему: «ты уничтожил древний наш обычай и одеяние наших первых святых архиереев». Так это и случилось с ним потом: именно, когда он надел новый клобук, на него сильно возроптали, хотя и скрытно, из боязни царя...» Далее мы видим совершенно неожиданное отношение иноков к одной из важнейших частей своего одеяния: «Они плевали перед нами на свои старые клобуки, сбрасывая их с головы, и говорили: «если бы это греческое одеяние не было бо-

жественного происхождения, не надел бы его первым наш патриарх» [6; с. 169; 10, с. 283–284].

Внимание к Патриарху Макарию и в его лице ко всей Антиохийской Церкви распространилось до того, что в Саввином монастыре произошел единственный в своем роде случай. Царь в алтаре рассматривал арабский Служебник Патриарха Макария. Эта книга, как считалось ранее, имела весьма важное значение в деле исправления книг при Патриархе Никоне и о ней следует сказать особо. Один из Службников (все они были, разумеется, одинаковы) Патриарха Макария, с надписью его рукой, находится в библиотеке Ватопедского монастыря на Святой Горе Афон. По совету профессора Киевской Духовной Академии А.А. Дмитриевского со Службником ознакомился приснопамятный профессор Муркус в 1893 году. О важности Службника свидетельствует автор ставшего классическим труда «История Русской Церкви» митрополит Макарий (Булгаков): «На соборе 1655 года занимались рассмотрением древних греческих и славянских рукописных книг, к которым Антиохийский Патриарх Макарий присовокупил свой Служебник и другие книги».

Текст Службника имеет два столбца на арабском и греческом языках. Предисловие к служебнику и дарственная надпись написаны Патриархом Макарием ясным почерком насх.

Предисловие:

بسم الله الواحد الابدی السرمدي وبه نستعين

الحمد لله الذي اثار عقولنا بضياء الامانة الارثوذكسية⁽¹⁾ وكشف لنا مكتوبات اسرار الديانة المسيحية⁽²⁾ له الشكر على الدوام الى يوم الحشر والقيام⁽³⁾ اما بعد فان موسى نبي الله الكليم شرع رسماً في العهد العتيق بتقديم الضحايا والذبايح والمحرفات من لجوم الجذا⁽⁴⁾ والخراف والحيوانات فلما ورد كلمة الله الينا بتجسدا عهد لتلاميذه عهداً وميثاقاً مؤبداً لانه كسر خبزاً بيديه واعطاهم ومزج كأس⁽⁵⁾ من الخمر بدماء واسقامهم وقال خذوا كلوا هذا هو جسدي ودمي بلا انكار فكلما اجتمعتم اصنعوا ذلك لكم تذكراً⁽⁶⁾ فاستمروا⁽⁷⁾ التلاميذ ومن جاء بعدهم على هذا المذهب الى ان ظهر باسيليوس الكبير ويوحنا فم الذهب فجمعوا⁽⁸⁾ لهذه الاسرار المقدسة صلوات ورتبوا⁽⁹⁾ لتقدمتها افاشين وطلبات وسلّموها⁽¹⁰⁾ الى كهنة المسيحيين وجماعة النصارى الارثوذكسيين ولما كان لفظها رومى ويونانى⁽¹¹⁾ فترجموها⁽¹²⁾ الروم عربى

وسريانى⁽¹³⁾ وبعد ذلك تغير من الجهل لما نسخوه لانهم زادوا في الكلام واقصوه وعندما وقعت انا الفقير ملاتيوس على النسخة العربية والسرانية وقابلتها على نسخة الاصل اليونانية والرومية فوجدتها كلها نفس وتغيير⁽¹⁴⁾ فحزنتها على اليونانى بابلغ تحرير واخرجتها الى العربى بكذ وتعب وانا يومئذ مطران بمدينة حلب فكل من نسخها بعد وفاتى وغير منها حرف واحد⁽¹⁵⁾ فليعلم انه لراى جماعة الارثوذكسيين ناكروا وجحدوا ويكون⁽¹⁶⁾ محروم مفروز مبعود⁽¹⁷⁾ من مجد الله وعلى من يطابقه على رآته اللعنة والغضب من الله وحررت (ذلك) بتاريخ الف وستماية وانتهى⁽¹⁸⁾ عشر لسنين⁽¹⁹⁾ سيدنا يسوع المسيح الموافق الف⁽²⁰⁾ وعشرون⁽²¹⁾ للهجرة الاسلامية تاريخ صحيح

Перевод:

Во имя Бога Единого, Вечного, Предвечного и Безконечного. У Него мы просим помощи.

Хвала Богу, Который просветил наш разум светом Веры Православной и открыл нам сокровенные тайны религии Христианской. Ему благодарение во веки до дня собрания людей к общему Суду и Воскресению мертвых. Затем Моисей, Божий Пророк и собеседник, поставил законом в Ветхом, древнем Завете приношение в жертву животных, заклание и сожигание мяса ягнят, овец и других животных. Когда же пришло к нам Слово Божие

во плоти Оно заповедало своим ученикам Заповеди и Завет, ненарушимые во век. Преломил хлеб Собственными руками, вручил своим ученикам и, смешав Чашу вина с водой, дал им пить и сказал: «Приимите ядите, сие есть Тело Мое и Кровь Моя несомненно. Всякий раз, когда собираетесь вместе, делайте это в воспоминание для себя». Ученики и последующие преемники их продолжали держаться этого Учения, пока не появились Василий Великий и Иоанн Златоуст, которые установили для этих святых тайн особое Богослужение и назначили для приношения их особые молитвы и прошения, передав их священникам и обществу православных христиан. Так как язык этих молитв греческий и эллинский, то византийцы перевели их на арабско-сирийский язык, но впоследствии перевод искажился по невежеству при его переписывании, так как переписчиками были сделаны прибавления и пропуски. Когда я, смиренный Мелетий, ознакомился с арабско-сирийской рукописью, сличив ее с оригиналом греко-эллиническим, то нашел, что она вся изобилует пропусками и искажениями. Поэтому, будучи в то время митрополитом Алеппским, я проверил точнейшим образом по греческому оригиналу и перевел снова на арабский язык со старанием и трудом. Всякий, кто спешит эту рукопись после моей смерти и изменит в ней хотя одну букву, пусть знает, что он во мнении Православной общины отступник и изменник и будет отлучен, отчужден, удален от славы Божией. На согласных с его мнением Божие проклятие и гнев.

Писана в 1612 году от Рождества Господа нашего Иисуса Христа, что соответствует 1020 году Хиджры мусульманской.

В конце служебника находится дарственная надпись руки Патриарха Макария:

المجد لله دائماً

مكارىوس بمرحمة تعالى البطريرك الانطاكي وسائر المشرق هذا الكتاب المقدس قد وقفته وفقاً مؤبداً وحبيسته⁽¹⁾ مخلصاً لوجه الله الكريم ولطلب الثواب الجسيم على كنيسة القديسين الكرميين كبرياؤس ويوستينه⁽²⁾ بمحروسة الشام برسم خدمة الاباء البطاركة الفخمين فما لاحد سلطان ان يغيره عن الوقفية المذكورة بوجه من الوجوه ولا بحيلة من الحيل ولا يسرقه ولا يبيعه ولا يشتره ولا يودعه ولا يخفيه ولا يبرهنه ولا يستتره ولا يوجهه⁽³⁾ ولا يستوجهه ولا يعامل عليه ولا يقايض به ولا ينقله من الوقفية المذكورة الى غيرها ولا يخصص به ذاته⁽⁴⁾ ولا يدبر به تدبيراً شيطانياً الى ان يرث الله الارض وما عليها وهو خير الوارثين فكل من⁽⁵⁾ تعدا⁽⁶⁾ ما ذكرناه وتخطا⁽⁷⁾ وتجاوز ما حدّدناه ذلك الشخص بعينه وتلك الذات نفسها ان كان ريس⁽⁸⁾ كهنة او كاهن⁽⁹⁾ فيكون⁽¹⁰⁾ محترق مقطوع⁽¹¹⁾ من ساير درجات الكهنوت وعليه من الله النعمة والغضب والجزع وان كان علماني⁽¹²⁾ فيكون مفروز محروم⁽¹³⁾ من مجد الله الآب ويكون سخط الله عليه ونقمته ويكون حظه مع اليهود المنافقين صابى المسيح ويودس الدافع وكل من وصل اليه هذا الكتاب من نهب او سلب او سرقة ولم يجتهد في رده الى مكانه الموقوف عليه فهو كسارقه فالويل لمن رضى لنفسه ذلك حرر في سنة سبعة آلاف (و) مائة وخمسة⁽¹⁴⁾ وخمسين لآدم

Перевод:

Хвала Богу во веки. Макарий милостию Божию Патриарх Антиохии и всего Востока. Эту Священную книгу я вложил и отдал в собственность на вечные времена ради Бога Всеблагого и стяжания обильной награды в Церковь чест-

ных святых Киприана и Иустина (Храм разрушен во время Дамасской резни 1860 года) в Богохранимом Дамаске для священнослужения отцов достохвальных Патриархов. Никто не имеет власти изменить вышеупомянутого места ее вклада каким бы то ни было образом, ни хитростью, ни воровством, ни продажей, ни куплею, ни отдать ее на хранение, ни скрыть, ни заложить, ни принимать в залог, ни подарить, ни принять в подарок, ни сделать предметом торговли, ни отдавать ее в обмен, ни переместить ее из вышеуказанного места ее вклада в другое, ни присвоить ее себе, ни сделать ее оружием дьявольских ухищрений, пока Бог не наследует Землю и все, что на ней и Он лучший из наследников. Всякий, кто нарушит упомянутое нами выше, преступит и изменит то, что мы определили, этот самый человек, то самое существо, если он архиерей или иерей, да будет лишен всех степеней священства и да постигнет его Божие мщение, гнев и наказание. Если же он мирянин, да будет отлучен или лишен славы Бога Отца и да будет на нем Божий гнев и наказание. Удел его да будет с лицемерными иудеями, распявшими Христа и Иудой-предателем. Кому попадется в руки эта книга, путем ли грабежа, добычей или кражей и не постарается он возратить ее туда, куда она пожертвована, тот подобен укравшему ее. Горе, горе тому, кто согласится принять это на душу свою!

Писана в 7155 году от Адама [19, с. 256–260].

В Звенигороде, в монастыре во имя преподобного Саввы Сторожевского архидиакон Павел вызвал всеобщее удивление, произнес на Литургии сугубую ектению по-русски, что говорит о несомненных, в данном случае, филологических способностях этого удивительного человека: ведь арабу столь же трудно научить передавать звуки русского языка, как и русскому – фонемы арабского, а мы видим, что архидиакон Павел вызвал изумление царя правильным произношением прошений ектении.

Считалось, как указано выше, что эта книга имела весьма важное значение в деле исправления книг при Патриархе Никоне. Однако, сейчас доказано, что служебник Патриарха Макария в деле исправления церковных Богослужебных книг не использовался. Издатели служебников времен патриарха Никона лукавили, указывая в предисловии, что книга исправлена по старинным «хатерейным» рукописям. На самом деле, и в наше время, это доподлинно установлено, что исправление книг при Никоне происходило на основании всего двух источников. Один из них – Венецианский Евхологий 1602 года, изданный в венецианской типографии Антонио Пинелли. Венецианские издания стереотипны. Издатели печатали книги, не озадачиваясь серьезной правкой текста, и взяли за основу текст Литургии, подготовленный Дмитрием Дукой не столько для служебных, сколько

для полемических целей между православными, католиками и протестантами. Второй источник – Служебник 1604 года, изданный в г. Стратино южнорусским епископом Львовским и Каменец-Подольским Гедеоном Балабаном [23].

В заключение, следует отметить, что дневник путешествия архидиакона Павла является уникальным и единственным по тому объему сведений источником для изучающего Литургическую жизнь Русской Православной Церкви середины XVII века. Язык «Путешествия...», даже в переводе профессора Лазаревского института восточных языков Джирджиса Муркуса (Георгия Муркоса) удивителен, принимая во внимание тот факт, что архидиакон Павел не имел систематического образования. Язык труда – язык Халеба XVII века, который в этой местности давно не употребляется, что вызывало сложности с переводом, до того как к нему не приступил Джирджис Муркус – уроженец Верхней Сирии (аш-Шам), как и архидиакон Павел. Многих особенностей религиозного сознания русского народа того времени Павел Алеппский знать не мог, следовательно, описывая те или иные события не мог дать им надлежащую оценку. Но, это обстоятельство несколько не умаляет значимости его великого труда, который является подробнейшим источником для исследователя, изучающего Богослужебную жизнь Русской Православной Церкви XVII века.

Литература

1. Библия на церковно-славянском языке. М., издание старообрядческой митрополии, 1993. – 1600 с.
2. Библия. Синодальный перевод. Библия книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета М.: Издание Московской Патриархии, 1988. – 1371 с.
3. Воздвиженский В.И., Ермонский Н.С. Воспоминания о Московском Большом Успенском Соборе // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 1. Синодальный хор и училище церковного пения. М., Языки русской культуры. 1998. – 688 с.
4. Кормчая (Номоканон. Отпечатан с подлинника Патриарха Иосифа). М., 1910. – 1481 с.
5. Костомаров Н.И. Домашняя жизнь русского народа. М., ЭКСМО, 2007. – 672 с.
6. Кутузов Борис. Лестовка. Ржев. Парадигма, 2017. – 192 с.
7. Кутузов Борис. Русское знаменное пение. М., издание Храма Спаса Нерукотворного Образа Андроникова монастыря, 2022. – 323 с.
8. Лебедев В.В., Павлов И.В. Арабский язык для изучающих арабо-христианскую культуру. Начальный курс. Спб., Воскресение, 2024. – 182 с.

9. Лебедев В.В., Павлов И.В. Арабский язык для изучающих арабо-христианскую культуру. Продвинутый курс. Спб., Воскресение, 2004. – 190 с.
10. Православный месяцеслов. М.: Издание Московской общины Старопоморского (Федосеевского) согласия. 2023.
11. Павел Алеппский (архиепископ). Путешествия Антиохийского Патриарха Макария в Москву в середине XVII в., описанное его сыном архиепископом Павлом Алеппским. М.: Общество сохранения лит.наследия. 2005. – 728 с.
12. Пролог Весенний.
13. Пролог Летний.
14. Пролог Осенний
15. Пролог Зимний.
16. Псалтырь. Псалмы святого пророка и царя Давыда. М., издание старообрядческой митрополии 1996. – 350 с.
17. Собрание древних Литургий. Анафора. Евхаристическая молитва. М., ДАРЪ, 2007. – 1024 с.
18. Служебник. М., Издательство Московской Патриархии, 1990. – 232 с.
19. Слюнкин А.А., Слюнкин П.А. Избранные исследования. – Брянск: ООО «Новый проект». 2018. – 672 с.
20. Типикон, си есть Устав. – 2-е изд. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011. – 1198 с.
21. Часослов М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2021. – 288 с.
22. Чин литургии. Издание старообрядческой книгопечатни. Б.М. и г. – 85 листов

LITURGY IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE MID-17TH CENTURY: THE VIEW OF A CLERGYMAN FROM ANTIOCH

Slyunkin A.A.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

In the article dedicated to the Divine Service in the Russian Orthodox Church of the mid-17th century, as perceived by Archdeacon Bulus ibn az-Zā'im al-Halābi, a description is given of the liturgical life of that time in comparison with the modern Divine Service, primarily based on sources in Church Slavonic, Russian, and Arabic. The article discusses some features of the Divine Liturgy of the Antiochian Orthodox Church in comparison with liturgical practices in the Russian Church, as well as the influence of the Antiochian Patriarch Macarius on certain liturgical changes made by Patriarch Nikon and the consequences of these changes, which the Antiochian Pri-

mate could not foresee. The author draws the reader's attention to the mistaken views of the number of sources used for the correction of the books and emphasizes the uniqueness – in many respects, an epic, undoubted labor – of the Antiochian archdeacon.

Keywords: Divine Service, correction of the books, Archdeacon Pavel, Patriarch Macarius, Euchologion, Service Book, Prologue, Patriarch Nikon.

References

1. Bible in Church Slavonic language. Moscow: Old Believers' Metropolia Publishing, 1993. – 1600 pages.
2. Bible. Synodal Translation. The Holy Scripture of the Old and New Testaments. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 1988. – 1371 pages.
3. Vozdvizhensky V.I., Ermonsky N.S. Memories of the Moscow Assumption Cathedral Council // Russian Sacred Music in Documents and Materials. Vol. 1. The Synodal Choir and Church Singing School. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. – 688 pages.
4. Kormchaya (Nomocanon, printed from the original Patriarch Iosif). Moscow, 1910. – 1481 pages.
5. Kostomarov N.I. Home Life of the Russian People. Moscow: EKS MO, 2007. – 672 pages.
6. Kutuzov Boris. Ladder. Rzhev: Paradigma, 2017. – 192 pages.
7. Kutuzov Boris. Russian Znamenny Chant. Moscow: Publication of the Church of the Holy Sequential Image of Andronikov Monastery. 2022. – 323 pages.
8. Lebedev V.V., Pavlov I.V. Arabic Language for Studying Arab-Christian Culture. Elementary Course. St. Petersburg: Voskresenie, 2024. – 182 pages.
9. Lebedev V.V., Pavlov I.V. Arabic Language for Studying Arab-Christian Culture. Advanced Course. St. Petersburg: Voskresenie, 2004. – 190 pages.
10. Orthodox Calendar. Moscow: Publishing of the Moscow Community of Old Believer (Fedoseyevsky) Concord, 2023.
11. Paul of Aleppo (Archdeacon). Travels of the Antiochian Patriarch Macarius to Moscow in the mid-17th century, described by his son, Archdeacon Paul of Aleppo. Moscow: Society for the Preservation of Literary Heritage, 2005. – 728 pages.
12. Spring Prologue.
13. Summer Prologue.
14. Autumn Prologue.
15. Winter Prologue.
16. Psalter. Psalms of the Prophet and King David. Moscow: Old Believers' Metropolia Publishing, 1996. – 350 pages.
17. Collection of Ancient Liturgies. Anaphora. Eucharistic Prayer. Moscow: DARE Publishing, 2007. – 1024 pages.
18. Service Book. Moscow: Moscow Patriarchate Publishing, 1990. – 232 pages.
19. Slunkin A.A., Slunkin P.A. Selected Studies. Bryansk: LLC «New Project», 2018. – 672 pages.
20. Typicon, i.e., Service Rite. 2nd edition. Moscow: Publishing of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2011. – 1198 pages.
21. Horologion (Book of Hours). Moscow: Moscow Patriarchate Publishing, 2021. – 288 pages.
22. Liturgical Rite. Old Believers' Printing House Edition. B.M. and city. – 85 pages.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Здоровье как общественная ценность: социальные и этико-философские аспекты

Абдулова Людмила Михайловна,канд. философ. наук, доцент кафедры медицинского права, социологии и философии Института подготовки кадров высшей квалификации и профессионального образования, ФГБУ «НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева» Минздрава России
E-mail: l.m.abdulova@mail.ru**Беляева Анастасия Михайловна,**канд. философ. наук, доцент кафедры медицинского права, этики и антропологии Института мировой медицины, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России
E-mail: beliaeva_am@rsmu.ru

В статье осуществляется комплексный междисциплинарный анализ здоровья как социального и этико-философского феномена. Рассматривается ограниченность универсальных определений здоровья и обосновывается его контекстуальная природа, проявляющаяся в различных дисциплинарных перспективах и интерпретациях разными социальными акторами. Центральное место занимает концепция социальных детерминант здоровья и проблема «градиента здоровья» – устойчивой зависимости между социально-экономическим положением человека и состоянием его здоровья. Анализируется концепция справедливости в отношении здоровья, ее отличие от формального равенства, а также практические меры по сокращению неравенства. Особое внимание уделяется этической дилемме соотношения индивидуальной ответственности за здоровье и влияния социальных детерминант, обосновывается принцип дифференцированной ответственности государства и общества. Отдельно рассматривается российский контекст. В заключении здоровье определяется как социальный индикатор, отражающий степень справедливости общественного устройства, и обосновывается необходимость его понимания как коллективной ответственности.

Ключевые слова: здоровье, социальные детерминанты, неравенство, градиент здоровья, индивидуальная ответственность, этика здоровья.

Здоровье традиционно рассматривается как одна из фундаментальных человеческих ценностей, однако его определение и понимание варьирует в зависимости от культурного, социального и исторического контекста. Если в медицинском дискурсе здоровье часто сводится к отсутствию заболеваний, то в социологическом и философском измерениях оно предстает как сложный, многомерный феномен, тесно связанный с качеством жизни, социальным благополучием и реализацией человеческого потенциала. В статье предпринимается попытка комплексного анализа здоровья через призму социологических и этико-философских подходов, с особым вниманием к проблеме социальных детерминант и вопросам справедливости.

Концептуализация здоровья: от универсального идеала к контекстуальности

Классическое определение ВОЗ (1948) характеризует здоровье как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия». Это определение кажется удачным, поскольку не ограничивается только отсутствием болезней, но в то же время исследователи критикуют его как слишком общее и идеализированное: стремление к «полному благополучию» является недостижимым идеалом, а формулировка не учитывает множественности трактовок здоровья в разных культурах и социальных группах. Исчерпывающее определение здоровья едва ли возможно: оно не дает увидеть множественность, скрывающуюся за этим понятием, сводя «здоровье» к жестко закрепленному набору характеристик.

Кроме того, в разных дисциплинах здоровье определяется по-своему. Так, с медицинской точки зрения здоровье понимается как нормальное функционирование организма. С точки зрения социальных наук, здоровье заключается в нормальном развитии жизненных сил индивида, коллектива или общества, в их способности адаптироваться к условиям среды и использовать ее для своего развития. В экономическом дискурсе здоровье рассматривается как главный экономический ресурс человека [13].

С другой стороны, представления о здоровье всегда носят локальный характер и различаются в зависимости от исторического контекста: например, в советской традиции здоровье понималось

как трудоспособность, что соответствовало важности труда в марксизме [17]. К тому же, различные социальные акторы – пациенты, врачи, страховые компании, государство – по-разному определяют здоровье в соответствии со своими интересами.

Таким образом, здоровье – это очень многозначное понятие, которое наполняется конкретным содержанием в зависимости от того, кто, где и когда говорит о здоровье или определяет его. Эту контекстуальность всегда необходимо брать в расчет, она имеет важные практические последствия, приводя разным стратегиям в здравоохранении и социальной политике и порождая конфликты между заинтересованными сторонами.

Уровни и измерения здоровья: методология анализа

Рассматривать и классифицировать «здоровье» можно и по другим уровням: например, разделить его на женское, мужское, детское; отдельно выделить профессиональное. Рассмотрение здоровья на индивидуальном, общественном, популяционном и глобальном уровнях дает другой акцент. На индивидуальном уровне речь идет о физическом и психическом состоянии конкретного человека. На групповом уровне – о здоровье определенных социальных, профессиональных или демографических групп. На популяционном уровне – о здоровье населения целых регионов или стран. На глобальном уровне рассматриваются вопросы здоровья человечества в целом, включая проблемы пандемий, экологических угроз и международного неравенства в доступе к медицинской помощи.

Особого внимания заслуживает категория психического здоровья, имеющая решающее значение для личного, общественного и социально-экономического развития. ВОЗ определяет его как «состояние благополучия, при котором человек реализует свои способности, может справляться с обычными жизненными трудностями и стрессом, может продуктивно и плодотворно работать, в том числе и на благо общества» [2]. Это определение подчеркивает, что психическое здоровье – не просто отсутствие расстройств, а позитивное состояние, позволяющее человеку полноценно функционировать в обществе, строить отношения, принимать решения и реализовывать свой потенциал. Оно тесно связано с социальными условиями, в которых живет человек: экономической стабильностью, социальной поддержкой, доступом к образованию и возможностям для самореализации.

Детерминанты здоровья: многообразие влияющих факторов

Понятие «детерминанты здоровья» было введено в научный оборот в 1970-х годах для обозначения

спектра значимых факторов, которые оказывают значительное – как положительное, так и отрицательное – влияние на здоровье людей. В отличие от узкомедицинского подхода, фокусирующегося на индивидуальных факторах риска, концепция детерминант рассматривает здоровье как результат сложного взаимодействия биологических, поведенческих, социальных, экономических и экологических факторов. Важно понимать, что детерминанты не предполагают жесткой причинно-следственной связи; речь идет, скорее, о корреляции. Здоровье является результатом множества факторов, включая как индивидуальные (генетические, биологические и связанные с образом жизни), так и социальные.

Существуют различные классификации детерминант здоровья. ВОЗ выделяет три основные группы: 1) социальная и экономическая среда; 2) окружающая среда; 3) индивидуальные особенности человека и его или ее поведение. Более детальная классификация, разработанная Центром по контролю и профилактике заболеваний США, включает пять категорий детерминант здоровья: 1) биологические и генетические особенности, 2) особенности поведения, 3) окружающая среда, 4) организация системы здравоохранения, 5) социальные факторы [5]. Все эти детерминанты пересекаются и оказывают совместное воздействие на здоровье человека. Ключевая идея подхода к анализу здоровья, исходя из детерминант, в том, что весь контекст жизни людей определяет их здоровье, а не только биологические факторы и личный выбор. Поэтому обвинять кого-то в том, что у них плохое здоровье или восхвалять за хорошее не вполне справедливо, поскольку люди не могут повлиять на многие из значимых детерминант.

Социальные детерминанты здоровья и проблема неравенства

Рассмотрим кратко пять упомянутых выше детерминант здоровья. Биологические и генетические факторы включают в себя физические, биологические особенности людей: возраст, пол, наследственные предрасположенности к заболеваниям, генетические особенности. Особенности поведения охватывают образ жизни: питание, физическую активность, употребление табака и алкоголя, то, как люди справляются со стрессом. К факторам окружающей среды относятся качество воздуха и воды, условия труда и проживания, экологическая обстановка. Организация здравоохранения подразумевает доступность, качество и финансирование медицинской помощи.

Особое значение среди детерминант здоровья имеют социальные, на которых мы остановимся более подробно. Они включают немедицинские факторы, оказывающие сильное влияние на здоровье людей. Во-первых, это условия, в которых

люди «рождаются, растут, работают, живут и стареют» (ВОЗ 2008). А во-вторых, более широкий набор сил, инфраструктур и систем, которые определяют и формируют эти условия повседневной жизни: экономическая политика, программы развития, социальные нормы, социальная политика, политические системы.

Разберем на более конкретных примерах. К социальным детерминантам здоровья, которые могут как положительно, так и отрицательно влиять на здоровье человека, в частности, относятся: 1) доход и социальный статус: очевидно, более высокий доход и социальный статус связаны с лучшим состоянием здоровья, и наоборот; 2) образование: люди с высоким уровнем образования менее склонны к рискованному поведению, уважают экспертизу врачей, их профессиональное мнение и чаще обследуются, с большим доверием относятся к рекомендациям врачей и выполняют их более дисциплинированно, внимательнее относятся к своему самочувствию; 3) занятость и условия труда: работающие люди более здоровы, особенно те, кто лучше контролирует условия своего труда; 4) горизонтальные социальные связи: они связаны с большей поддержкой семьи и сообщества и ведут к лучшему состоянию здоровья; 5) социальная интеграция и отсутствие дискриминации: расовая нетерпимость или стигмы, связанные с некоторыми состояниями и болезнями ведут к дискриминации человека и это сильно ухудшает показатели здоровья. Исследования показывают, что социальные детерминанты могут иметь гораздо большее влияние на здоровье, чем уровень развития медицины или образ жизни человека. В ряде исследований получены доказательства, что именно материальные условия в сочетании с социальными, а не врожденные предрасположенности к болезням, вносят наибольший вклад в неравенство в отношении здоровья [1, 2, 4, 6, 7].

Социальные детерминанты и проблема неравенства

Большое количество социальных исследований демонстрирует, что социальное неравенство существенно влияет на здоровье отдельных людей. Особую роль здесь играет бедность: люди, живущие в бедности, чаще страдают от болезней в течение жизни, потому что они больше подвержены факторам риска. В противоположность этому, люди с высоким уровнем доходов, образования и социального положения, как правило, имеют лучшие показатели здоровья и более низкую смертность по сравнению с людьми с более низким социально-экономическим положением [1, 3]. В итоге исследователи склоняются к тому, что степень неравенства в доходах является самым важным фактором, определяющим различия в состоянии здоровья населения в той или иной стране [6].

Одной из наиболее значимых закономерностей является существование так называемого «градиента здоровья» – устойчивой зависимости между социально-экономическим положением человека и состоянием его здоровья [9, 12]. Многочисленные исследования показывают, что в странах с любым уровнем дохода здоровье сильно зависит от социального перепада или градиента: чем ниже социально-экономическое положение, тем хуже здоровье [6, 9]. Следовательно, подтвержденный вывод состоит в том, что чем меньше уровень социально-экономического неравенства в обществе, тем более здоровым является это общество, чем меньше разрыв в уровне дохода между бедными и богатыми, тем ниже уровень смертности и выше продолжительность жизни [9]. Эта закономерность проявляется практически во всех странах, независимо от уровня их экономического развития.

Социальное неравенство в здоровье проявляется в различных формах и на разных этапах жизни. Например, исследования демонстрируют значительные различия в показателях детской смертности в возрасте до пяти лет в зависимости от социально-экономического положения семьи: в беднейших домохозяйствах детская смертность существенно выше, чем в обеспеченных [1]. Аналогичная картина наблюдается и в отношении смертности взрослого населения: показатели последовательно возрастают при переходе от высших к низшим социально-экономическим группам.

В другом исследовании проанализирован уровень смертности мужчин и женщин в возрасте от 15 до 64 лет в Австралии в зависимости от социально-экономического положения [2]. Согласно выводам исследователей, в самом высоком и богатом квинтиле уровень смертности мужчин составляет примерно 160–170 человек, а женщин – около 100 на 100 тысяч населения. В самом бедном квинтиле уровень смертности уже 300 и 160–170 человек соответственно.

Таким образом, становится очевидно, что бедность и плохое здоровье неразрывно связаны. Бедность имеет много аспектов: материальные лишения (отсутствие еды, жилья, санитарии и чистой питьевой воды), социальная изоляция, отсутствие образования, безработица и низкий доход – все это работает вместе, чтобы уменьшить возможности человека, подорвать надежду на лучшее и, в результате, угрожает здоровью. Эти факторы в совокупности создают кумулятивный эффект, значительно повышающий риски хронических заболеваний, психических расстройств и преждевременной смерти.

Справедливость и равенство в отношении здоровья: этические и политические аспекты

Концепция справедливости в отношении здоровья (health equity) занимает центральное место в совре-

менных дискуссиях о здоровье в социальных науках. Справедливость в отношении здоровья определяется как отсутствие систематических различий в состоянии здоровья между социальными группами, которые находятся на разных ступенях в социальной иерархии. Иными словами, это отсутствие влияющих на здоровье, но предотвратимых различий между группами людей, границы между которыми определяются социально, экономически, географически. В отличие от простого равенства (одинакового распределения медицинских услуг), справедливость предполагает учет различий в потребностях, дискриминацию и предоставление дополнительных ресурсов тем группам, которые находятся в неблагоприятном положении. Иными словами, справедливость в отношении здоровья – это такое положение дел, когда у каждого человека есть возможность быть максимально здоровым, принимая во внимание свои индивидуальные особенности. Важнейшую роль здесь играет идея о социальной справедливости и отсутствии дискриминации, когда никто не находится в невыгодном положении из-за своего социального статуса или других социально обусловленных обстоятельств. Из такой постановки вопроса следуют основные этические проблемы и дискуссии в отношении здоровья.

Как отмечают эксперты, воздействие на социальные детерминанты здоровья – это основной способ достижения равенства и справедливости в отношении здоровья. Этот подход предполагает комплекс мер в различных сферах социальной политики: образовании, жилищной политике, трудовых отношениях, социальной защите.

ВОЗ выделяет три основных направления работы для сокращения неравенства в здоровье: улучшение образования, усиление социальной защиты и развитие городской инфраструктуры. Образование играет ключевую роль, поскольку оно не только повышает возможности для трудоустройства и дохода, но и способствует способствованию формированию здоровьесберегающего поведения, повышению медицинской грамотности и более эффективному использованию медицинских услуг. Более того, исследования показывают, что уровень образования является одной из самых ключевых причин лучшего здоровья и более высокой продолжительности жизни.

Социальная защита, включая доступ к медицинскому обслуживанию, особенно важна для уязвимых групп населения. Городское развитие, направленное на улучшение жилищных условий, транспортной доступности, создание зеленых зон и безопасных общественных пространств для отдыха также вносит значительный вклад в улучшение здоровья населения. Речь идет о таких мерах, как улучшение жилья, развитие транспорта и инфраструктуры. Все это сильно влияет на здоровье: переселение из ветхого жилья, улучшение качества воды, поддержание нормальной темпера-

туры благодаря отоплению, замена опасных газовых приборов и так далее.

Эти рекомендации ВОЗ акцентируют внимание на необходимости предоставления людям, независимо от уровня дохода, доступа к качественному образованию, достойному жилью, медицинскому обслуживанию, здоровой пище и безопасным местам для занятий спортом. Кроме того, распространение знаний о социальных детерминантах здоровья, в том числе среди медицинских работников, может повысить качество и стандарты помощи маргинализированным, бедным или другим уязвимым группам людей.

Этические дилеммы: индивидуальная ответственность или социальные детерминанты?

Одной из центральных этических проблем в сфере здоровья является противоречие между продвигаемой концепцией индивидуальной ответственности за здоровье и признанием влияния социальных детерминант, структурных факторов, находящихся вне контроля отдельного человека. Соответственно, соотношение влияния индивидуального поведения и социальных факторов на здоровье находится в центре этических дискуссий о здоровье. Этот конфликт имеет глубокие философские корни и значительные практические последствия для организации системы здравоохранения и социальной политики. Вопросы об ответственности и (не)равенстве становятся в этой дискуссии центральными [7, 8].

Если же мы рассматриваем противоположную позицию, предполагающую, что здоровье человека определяется его или ее положением в обществе, то отсутствие здоровья – это следствие социального неравенства и несправедливо устроенного общества. Признание социальных факторов делает бессмысленными заявления о том, что люди виновны в плохом состоянии своего здоровья, поскольку любой индивидуальный выбор в значительной мере определяется влиянием социальных факторов: будет негуманно основываться на суждениях о личной ответственности и отказываться в предоставлении необходимых медицинских услуг людям, которые не заботились о своем здоровье. Следовательно, цель в снижении неравенства, что и приведет к здоровью людей.

Пример из исследования, проведенного в Республике Марий-Эл и Татарстане, ярко иллюстрирует эту дилемму. Один из информантов, работающий на производстве с ненормированным графиком, отмечал: «Нет, здоровый образ жизни вести не получается у меня никак вести... Если я 12 часов за станком, какой мне образ вести... в ночь 12 часов поработал, в 7 утра домой пришел, поел и спать, потом опять на работу. Сейчас уже не думаешь о себе, думаешь как заработать». Этот пример показывает, как социально-экономические условия могут сделать практически невозможным

ведение здорового образа жизни, ставя под сомнение справедливость возложения всей ответственности на работника [16, с. 296].

Практические следствия этой этической дилеммы проявляются в различных аспектах социальной политики: в распределении ресурсов здравоохранения, в определении приоритетов профилактических программ, в подходах к финансированию лечения различных заболеваний. Разные представления об ответственности за здоровье приводят к разным моделям организации здравоохранения – от либеральных моделей с акцентом на индивидуальный выбор и рыночные механизмы до социально ориентированных моделей, предполагающих активную роль государства в обеспечении равных возможностей для здоровья.

Здоровье в российском контексте: вызовы и перспективы

В России вопросы социальных детерминант здоровья и справедливости в отношении здоровья приобретают особую актуальность в условиях постсоветских трансформаций и ограниченности ресурсов здравоохранения. Несмотря на некоторое улучшение показателей здоровья населения в последние годы, ситуация остается сложной: сохраняются высокие уровни предотвратимой смертности, значительные региональные различия в доступности медицинской помощи, а доля россиян, ведущих здоровый образ жизни, невысока [11, 14, 15].

В общественном сознании россиян неравенство в доступе к медицинской помощи воспринимается как одно из самых болезненных проявлений социального неравенства [14]. Ключевыми факторами выступают экономические барьеры (рост платных услуг), географические различия между крупными городами и периферией, а также административные ограничения системы здравоохранения [16]. Ситуацию усугубляют сокращение сети учреждений первичного звена, особенно ориентированных на профилактику, и коммерциализация медицины, создающая дополнительные препятствия для малообеспеченных слоев населения.

Решение этих проблем требует комплексного междисциплинарного подхода, сочетающего меры социальной политики, здравоохранения, образования и городского планирования. Ключевое значение имеет целенаправленное воздействие на социальные детерминанты здоровья: борьба с бедностью, сокращение экономического неравенства, улучшение условий труда, развитие образования и обеспечение доступным жильем. Формирование здорового образа жизни не может быть исключительной ответственностью индивида – оно требует структурных изменений: создания доступной среды для физической активности, регулирования рынка пищевых продуктов и развития общественных пространств.

Литература

1. Alvarez-Galvez J., Rodero-Cosano M.L., Motrico E., et al. The impact of socioeconomic status on self-rated health: study of 29 countries using European social surveys (2002–2008) // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2013. Vol. 10(3). P. 747–761.
2. Australian Institute of Health and Welfare. Australia's health 2010. Canberra: AIHW, 2010.
3. Costa-Font J., Hernandez-Ouevedo C. Measuring inequalities in health: what do we know? What do we need to know? // *Health policy*. 2012. Vol. 106(2). P. 195–206.
4. Goldman N. Social inequalities in health: Disentangling the underlying mechanisms // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2001. Vol. 954. P. 118–139.
5. Hacker K., Auerbach J., Ikeda R., Philip C., Houry D.; SDOH Task Force. Social determinants of health – an approach taken at CDC // *Journal of Public Health Management and Practice*. 2022. Vol. 28(6). P. 589–594.
6. Kawachi I., Kennedy B.P., Wilkinson R.G. *The Society and Population Health Reader – Income Inequality and Health*. New York: The New Press, 1999.
7. Marmot M. Social determinants of health inequalities // *The Lancet*. 2005. Vol. 365(9464). P. 1099–1104.
8. Venkatapuram S. *Health Justice. An Argument from the Capabilities Approach*. Cambridge: Polity Press, 2011.
9. Wilkinson R.G., Pickett K.E. Income inequality and population health: a review and explanation of the evidence // *Social science and medicine*. 2006. Vol. 62(7). P. 1768–1784.
10. World Health Organization. (2005). *Promoting Mental Health: Concepts, Emerging evidence, Practice: A report of the World Health Organization, Department of Mental Health and Substance Abuse in collaboration with the Victorian Health Promotion Foundation and the University of Melbourne*. Geneva: WHO.
11. Кислицына О. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13. № 2. С. 289–302.
12. Лядова А.В., Панич Н.А. Социальный градиент здоровья как отражение социального неравенства: теоретические подходы // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. № 4. С. 42–46.
13. Манько Е.С., Белова А.В. Здоровье как экономический ресурс личности // *БМИК*. 2015. № 5(12). С. 1565–1565.
14. Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном

сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. № 2. С. 37–67.

15. Мухарьямова Л.М., Кузнецова И.Б. Равенство и справедливость в отношении здоровья: к поиску аналитических инструментов оценки // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 15(4). С. 651–659.
16. Мухарьямова Л.М., Савельева Ж.В., Кузнецова И.Б. Самосохранительное поведение, здоровье и представления о справедливости здравоохранения // Вестник экономики, права и социологии, 2017. № 4. С. 295–298.
17. Панова Е.Л. Трансформация понятий «Здоровье» и «Болезнь» как фактор революции в биомедицинских технологиях // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 1–3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ponyatiy-zdorovie-i-bolezn-kak-faktor-revolutsii-v-biomeditsinskih-tehnologiyah> (дата обращения: 15.02.2026).
18. Савельева Ж.В., Мухарьямова Л.М., Кузнецова И.Б. Социальная справедливость в здравоохранении: опыт и оценки россиян // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 3. С. 154–179.

HEALTH AS A SOCIAL VALUE: SOCIAL AND ETHICAL ASPECTS

Abdulova L.M., Beliaeva A.M.

Bakulev National Medical Research Center for Cardiovascular Surgery of the Russian Ministry of Health, Pirogov Russian National Research Medical University

This article provides a comprehensive interdisciplinary analysis of health as a social and ethical-philosophical phenomenon. It examines the limitations of universal definitions of health and substantiates its contextual nature, which manifests itself in various disciplinary perspectives and interpretations by different social actors. The central focus is on the concept of social determinants of health and the problem of the «health gradient» – the persistent correlation between an individual's socioeconomic status and their health condition. The article analyzes the concept of health equity, its distinction from formal equality, as well as practical measures to reduce inequalities. Special attention is paid to the ethical dilemma of the relationship between individual responsibility for health and the influence of social determinants. The Russian context is examined separately. Health is defined as a social indicator reflecting the degree of justice in social structure, and the necessity of understanding it as a collective responsibility is justified.

Keywords: health, social determinants, inequality, health gradient, individual responsibility, health ethics.

References

1. Alvarez-Galvez, J., Rodero-Cosano, M.L., Motrico, E., et al. (2013). The impact of socioeconomic status on self-rated health: study of 29 countries using European social surveys (2002–2008). *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 10(3), 747–761.
2. Australian Institute of Health and Welfare. (2010). *Australia's health 2010*. Canberra: AIHW.
3. Costa-Font, J., & Hernandez-Quevedo, C. (2012). Measuring inequalities in health: what do we know? What do we need to know? *Health Policy*, 106(2), 195–206.
4. Goldman, N. (2001). Social inequalities in health: Disentangling the underlying mechanisms. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 954, 118–139.
5. Hacker, K., Auerbach, J., Ikeda, R., Philip, C., & Houry, D.; SDOH Task Force. (2022). Social determinants of health – an approach taken at CDC. *Journal of Public Health Management and Practice*, 28(6), 589–594.
6. Kawachi, I., Kennedy, B.P., & Wilkinson, R.G. (1999). *The Society and Population Health Reader – Income Inequality and Health*. New York: The New Press.
7. Marmot, M. (2005). Social determinants of health inequalities. *The Lancet*, 365(9464), 1099–1104.
8. Venkatapuram, S. (2011). *Health Justice. An Argument from the Capabilities Approach*. Cambridge: Polity Press.
9. Wilkinson, R.G., & Pickett, K.E. (2006). Income inequality and population health: a review and explanation of the evidence. *Social Science and Medicine*, 62(7), 1768–1784.
10. World Health Organization. (2005). *Promoting Mental Health: Concepts, Emerging evidence, Practice: A report of the World Health Organization, Department of Mental Health and Substance Abuse in collaboration with the Victorian Health Promotion Foundation and the University of Melbourne*. Geneva: WHO.
11. Kislitsyna, O. (2015). The impact of socio-economic factors on health: the role of absolute or relative deprivation. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 13 (2), 289–302.
12. Lyadova, A.V., & Panich, N.A. (2019). Social gradient of health as a reflection of social inequality: theoretical approaches. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences], (4), 42–46.
13. Manko, E.S., & Belova, A.V. (2015). Health as an economic resource of the individual. *BMIK*, (5–12), 1565.
14. Mareeva, S.V., & Tikhonova, N.E. (2016). Poverty and social inequalities in Russia in public consciousness. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* [Universe of Russia: Sociology, Ethnology], (2), 37–67.
15. Mukharyamova, L.M., & Kuznetsova, I.B. (2017). Equality and equity in health: towards the search for analytical tools. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], *15*(4), 651–659.
16. Mukharyamova, L.M., Savel'eva, Zh.V., & Kuznetsova, I.B. (2017). Self-preservation behavior, health and perceptions of healthcare justice. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, Law and Sociology], (4), 295–298.
17. Panova, E.L. (2017). Transformation of the concepts «Health» and «Disease» as a factor of revolution in biomedical technologies. *Nauka. Mysl': elektronnyy periodicheskiy zhurnal* [Science. Thought: electronic periodical journal], (1–3).
18. Savel'eva, Zh.V., Mukharyamova, L.M., & Kuznetsova, I.B. (2018). Social justice in healthcare: experience and assessments of Russians. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], (3), 154–179.

Взаимодействие социологии, политики и эстетики как одна из идейных основ эпического театра Б. Брета

Быстрицкий Григорий Витальевич,

аспирант, Российский институт театрального искусства
ГИТИС

E-mail: 123libli@rambler.ru

В статье исследуется взаимосвязь социологии, политики и эстетики как одна из ключевых идейных основ эпического театра Бертольта Брехта. Автор подробно анализирует философские взгляды драматурга, направленные на прекращение социального антагонизма и всеобщее освобождение человечества. Этика эпического театра рассматривается не как морализаторство, а как марксистская практика изменения мировоззрения зрителя для создания необходимых условий свободы. Подчеркивается глубокое влияние марксизма и теории праксиса на творчество Брехта, где классовое сознание выступает необходимым условием исторического прогресса. Искусство должно изображать эмпирические реальности и новые социальные отношения, следуя за действительностью. Диалектический материализм трактуется как важнейшее достижение науки об человеческих отношениях, которое буржуазия подавляет ради защиты интересов. Эстетика основана на теории дидактической пьесы, активирующей зрителя через эффект отчуждения и критическую активность. Восприятие становится активным вмешательством, стирая грань между теорией и политической практикой. Фундамент театра Брехта составляют принципы марксистской теории праксиса, этики практики и теории дидактической пьесы, направленные на воспитание ответственного социального субъекта, действующего с политической проницательностью и ответственностью.

Ключевые слова: Брехт, эпический театр, марксизм, эстетика, социология, политика, праксис.

Брехт был драматургом, поэтом, лириком, режиссером, философом. Однако для Брехта эти роли не были разрозненными. Выполняя их, он направлял мир к новому социальному порядку и пытался способствовать наступлению всеобщего человеческого освобождения. Вся профессиональная жизнь Брехта, а также большая часть его личной жизни были посвящены прекращению социального антагонизма и освобождению человечества от материальных страданий. То, что делало его «трудным явлением», как его называл Беньямин, было тем, что почти вся его жизнь и все, что он делал, составляли либо элемент практики, либо элемент теории его сложной социальной философии.

Социальные, политические и эстетические взгляды Брехта-философа нашли отражение в философии эпического театра. Одна из трудностей творчества Брехта – найти в нем этику. Его эпический театр не был заинтересован в морализаторстве. Хотя сам Брехт много раз ссылаясь на поучительную природу эпического театра, но он никогда не намеревался, чтобы эпический театр обучал свою аудиторию моральному поведению. Как писал сам Брехт, «многие люди... нападали на эпический театр, утверждая, что он слишком моралистичен. Однако моральные высказывания были вторичны в эпическом театре. Его намерением было не столько морализировать, сколько изучать общество». Это не означает, что у эпического театра не было этического императива. Вместо того чтобы представлять моралистические аргументы, Брехт создавал эпический театр, чтобы изменить мировоззрение аудитории. Этот этический императив его театра был критически важен для Брехта, поскольку, изменяя мировоззрение зрителей, он пытался создать необходимые условия для освобождения человека. Эпический театр, таким образом, был этичен не в своем тексте, а в своей повестке дня (т.е. создании необходимых условий для освобождения человека). Таким образом, можно сказать, что этика Брехта была этикой практики в марксистском смысле. Как уже было отмечено, на становление жизненной и театральной философии Брехта большое влияние оказал марксизм. Его знакомство с марксизмом произошло в середине 1920-х годов. В 1926 году Брехт писал: «Только когда я прочитал «Государство и революция» Ленина и затем «Капитал Маркса», я понял, с философской точки зрения, где я стою»

[1]. К началу 1930-х годов Брехт установил длительную и близкую дружбу с выдающимися немецкими марксистами. В частности, он дружил с композитором Куртом Вайлем (с которым он сотрудничал в «Трехгрошовой опере», «Взлете и падении города Махагони» и других постановках) и Ханнсом Эйслером (с которым он вместе ставил «Принятые меры», «Мать», «Кюле Вампе» и другие постановки) и влиятельным философом Карлом Коршем, чьи дискуссионные группы и занятия посещал Брехт.

Эти связи, наряду с его театральными успехами и острым интеллектом, сделали Брехта важным и влиятельным левым интеллектуалом в Германии того времени и, таким образом, потенциальной целью нацистской агрессии, последовавшей за поджогом Рейхстага.

Марксистские праксис-теории (или философии праксиса) – это философии, в которых марксистская теория практически применяется к чьим-либо действиям, философии, в которых марксистская теория направляет чьи-либо действия.

Концепция марксистской теории праксиса восходит к самому Марксу. В своей простейшей форме она встречается в часто цитируемых «Тезисах о Фейербахе», где Маркс утверждает, что «философы лишь истолковывали мир различными способами, однако дело в том, чтобы изменить его» [2].

Теория исторического прогресса Маркса утверждает, что история движется вперед, когда примиряются противоречия, присущие определенному способу производства. Эти противоречия проявляются материально в форме антагонистических социальных сил между производителями богатства (эксплуатируемыми) и теми, кто получает от него бенефиты (эксплуататорами). Однако, согласно интерпретации Брехтом Маркса, примирение этих антагонизмов не может произойти, пока не будут выполнены определенные условия. В частности, это примирение не может произойти, пока эксплуатируемый класс не осознает свое социальное положение и эксплуатацию, которую оно влечет за собой.

Только тогда эксплуатируемый класс может действовать как социальная сила для перемен. Развитие этого так называемого «классового сознания» является первым и существенным условием, которое должно быть выполнено, прежде чем может произойти всемирный исторический прогресс. Так, например, в буржуазном обществе исторический прогресс может быть достигнут только тогда, когда пролетариат осознает, что он является эксплуатируемым социальным классом. Только тогда они могут действовать как единая прогрессивная сила. Помочь пролетариату достичь своего классового сознания и, таким образом, стать прогрессивной социальной силой – это первая задача марксистского теоретика практики.

Эта задача также формирует основной движущий принцип эпического театра Брехта и его этического императива.

По мнению Брехта, трудности социальных изменений «не преодолеваются молчанием о них». Их преодолевают, разоблачая их. По мнению Брехта, для того, чтобы разоблачить эти трудности, нужно сначала уметь изображать эмпирические реальности сегодняшнего дня. Как только эти реальности поняты, как только человек понимает социальную среду, он может начать изменять социальные отношения или отношения социальных сил. Брехт утверждает, что по мере развития истории создаются новые социальные отношения, и задача художника – изображать эти новые отношения. Это понимание он имел в виду, когда говорил, например, что «искусство следует за реальностью». Реальность возникает из социальной надстройки, которая, в свою очередь, определяется способом производства. Эту точку зрения Брехт отстаивает, например, в своем труде «Трехгрошовый иск». По сути, способ производства создает условия того, что мы можем назвать материальным жизненным миром, т.е. данным, конкретным и intersubjectively доступным миром, который люди физически населяют и разделяют. Изменения в способе производства создают новые материальные условия. Искусство, таким образом, изображает эти новые условия и отношения.

Брехт считал главным достижением в науке человеческих отношений – диалектический материализм. Он говорит, например, что представления в театре «не могут работать удовлетворительно без знания диалектики – и без того, чтобы сделать диалектику известной».

Брехт считал главным достижением в науке человеческих отношений – диалектический материализм. Он говорит, например, что представления в театре «не могут работать удовлетворительно без знания диалектики – и без того, чтобы сделать диалектику известной».

Хотя он не говорит прямо о реальных механизмах, которые использует буржуазия, Брехт утверждает, что буржуазия подавила диалектический материализм в искусстве, чтобы защитить свои собственные интересы. Таким образом, в понимании Брехта, она (буржуазия) также подавила социальную истину, которая может быть угадываема только через это конкретное мировоззрение. Понимание Брехтом диалектического материализма – это понимание особой эпистемологии, которая является как эссенциалистской, так и рационалистической. Под эссенциалистской подразумевается то, что она ищет единую, объективную истину, то есть она стремится угадывать существенные, необходимые и неоспоримые характеристики исследуемого объекта.

Капитализм – это система постоянной конкуренции. Из-за конкуренции буржуазное общество

является атомистическим. Для Брехта буржуазное общество дробит вещи на отдельные и разрозненные части (например, классы и индивидуумы).

Театральная эстетика Б. Брехта основана во многом на теории дидактической пьесы, которая получила особое развитие в конце 20-х гг. В теории дидактической пьесы можно наблюдать, как сознание зрителя теперь становится центральным вопросом для драматической эстетики. Драматургия активированного зрителя, взаимозаменимого с самим актером, вводит в театр режим восприятия, аналогичный режиму реальности. Это эстетика, которая призвана стимулировать стремление к анализу, интерпретации, узнаванию и принятию решений, одновременно претендуя на разрушение различия между теорией и политической практикой. Восприятие больше не мыслится как пассивное состояние, а как активное вмешательство. Вызвать «критическую активность» у зрителя становится главной целью театральной эстетики. Соответственно, театр определяет свою функцию как педагогическую: образование социального субъекта, действующего с политической проницательностью и ответственностью, становится центральным вопросом, а также основным местом для утопической проекции.

Однако, в то время как эстетика начинает больше интересоваться способами, которыми сознание приобретает понимание и знание, представление его объектов, как, например, представление драматического персонажа и способ, которым представленный персонаж относится к субъекту просмотра, отходит на задний план. С переносом акцента на то, что можно было бы назвать почти чистой методологией, возникает совершенно новая риторика, риторика, которая пропагандирует расширение прав и возможностей субъекта посредством узнавания, одновременно влекущая за собой раскол в непрерывности теории представления как таковой и теории представления объектов.

Представление – это место, которое обеспечивает независимость и дистанцирование от событий драматического повествования. Отчуждение становится одним из главных агентов этого повышенного интереса к представлению и методологии в эпическом театре Б. Брехта.

Таким образом, одна из идейных основ эпического театра Б. Брехта основана, в основном, на принципах марксистской теории праксиса, теории дидактической пьесы, этике.

Заключение и выводы

Проведенное исследование, посвященное взаимодействию социологии, политики и эстетики как идейных основ эпического театра Бертольта Брехта, позволяет сформулировать ряд фундаментальных выводов относительно природы его творческого

метода и философской платформы. Анализ текстов самого драматурга, а также реконструкция его интеллектуальных связей и теоретических построений демонстрируют, что театр Брехта нельзя рассматривать исключительно как художественное явление. Это комплексная социально-философская система, где эстетические формы неразрывно связаны с политическими целями и социологическим анализом действительности.

В первую очередь, необходимо подчеркнуть целостность личности и творчества Брехта. Как показало исследование, разделение на драматурга, поэта, режиссера и философа в его случае условно. Все эти роли были подчинены единой сверхзадаче – направлению мира к новому социальному порядку и содействию всеобщему человеческому освобождению. Профессиональная и личная жизнь художника была посвящена прекращению социального антагонизма и избавлению человечества от материальных страданий. Именно эта тотальная вовлеченность делает Брехта «трудным явлением» в культуре, поскольку вся его деятельность *constituïровала* элемент либо практики, либо теории его сложной социальной философии. Таким образом, первым ключевым выводом является тезис о том, что эпический театр есть не просто вид сценического искусства, а инструмент социальной инженерии и философской практики.

Второй важный вывод касается этической природы эпического театра. Исследование опровергает распространенное мнение о морализаторском характере брехтовской драматургии. Этика Брехта не сводится к поучению аудитории правильному поведению или транслированию готовых моральных истин. Напротив, этический императив его театра заключается в изменении мировоззрения зрителя. Брехт стремился создать необходимые условия для освобождения человека через трансформацию сознания. Следовательно, этика эпического театра является этикой практики в марксистском смысле: она оценивается не по содержанию текста, а по повестке дня и способности инициировать реальные социальные изменения. Это смещает фокус восприятия с моральной оценки поступков персонажей на критический анализ социальных условий, эти поступки порождающих.

Третьим фундаментальным аспектом, выявленным в ходе работы, является глубокое влияние марксизма на становление театральной философии Брехта. Знакомство с трудами Ленина и Маркса в середине 1920-х годов стало поворотным моментом, позволившим драматургу философски осознать свою позицию. Дружба и сотрудничество с видными немецкими марксистами, такими как Карл Корш, Курт Вайль и Ханнс Эйслер, укрепили его статус левого интеллектуала и определили идеологический вектор его творчества. Центральное место в этой системе занимает концепция марксистской теории праксиса. Исследование

подтверждает, что для Брехта теория не была оторвана от жизни; марксистская теория направляла действия, реализуясь в философии праксиса. Отсылка к «Тезисам о Фейербахе» Маркса подчеркивает главную задачу: не просто истолковывать мир, но изменять его. Эпический театр становится лабораторией, где это изменение начинается на уровне сознания.

Четвертый вывод относится к пониманию исторического прогресса и роли классового сознания. В интерпретации Брехта, история движется вперед через примирение противоречий способа производства, материализующихся в антагонизме между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Однако ключевым условием для разрешения этого антагонизма является осознание эксплуатируемым классом своего положения. Развитие классового сознания рассматривается как первое и существенное условие всемирного исторического прогресса. Только осознав себя как единую прогрессивную силу, пролетариат может действовать эффективно. Следовательно, главной задачей марксистского теоретика практики, и в частности, драматурга эпического театра, становится помощь пролетариату в достижении этого сознания. Эпический театр берет на себя функцию катализатора этого процесса, разоблачая трудности социальных изменений через их изображение, а не через молчание о них.

Пятый вывод касается взаимоотношений искусства и реальности. Исследование выявляет, что Брехт придерживался позиции, согласно которой искусство следует за реальностью. Реальность понимается через призму социальной надстройки, определяемой способом производства. Изменения в способе производства создают новые материальные условия и новые социальные отношения, которые художник обязан изображать. Задача искусства – не отрываться от эмпирических реальностей сегодняшнего дня, а фиксировать и осмысливать новые социальные связи. Это требует от театра знания диалектического материализма, который Брехт считал главным достижением в науке о человеческих отношениях. В работе подчеркивается, что буржуазия подавляет диалектический материализм в искусстве для защиты своих интересов, скрывая социальную истину. Поэтому внедрение диалектики в театр становится актом политического сопротивления и способом восстановления объективной истины, понимаемой эссенциалистски и рационалистически.

Шестой вывод относится к эстетическим механизмам эпического театра. Анализ показывает, что эстетика Брехта базируется на теории дидактической пьесы, где сознание зрителя становится центральным вопросом. Происходит радикальная трансформация режима восприятия: зритель активизируется и становится взаимозаменяемым с актером. Восприятие перестает быть иным со-

стоянием созерцания и превращается в активное вмешательство. Главной целью театральной эстетики становится вызов «критической активности» у зрителя. Это достигается через методологию представления, обеспечивающую независимость и дистанцирование от событий драматического повествования. Эффект отчуждения выступает одним из главных агентов этого процесса, разрушая иллюзию непрерывности и заставляя зрителя анализировать, интерпретировать и принимать решения. Таким образом, эстетика эпического театра призвана стереть различие между теорией и политической практикой.

Седьмой вывод касается педагогической функции театра. В системе Брехта театр определяет свою функцию как педагогическую, но не в традиционном смысле передачи знаний, а как образование социального субъекта. Центральным вопросом становится воспитание субъекта, действующего с политической проницательностью и ответственностью. Это место становится также основной площадкой для утопической проекции будущего общества. Смещение акцента с представления объектов (персонажей) на методологию понимания порождает новую риторику, пропагандирующую расширение прав и возможностей субъекта посредством узнавания социальных механизмов. Это влечет за собой раскол в традиционной теории представления, открывая путь для нового типа театра, где форма подчинена задачам просвещения и активизации.

Восьмой вывод синтезирует все вышеизложенное и касается взаимосвязи социологии, политики и эстетики. Исследование демонстрирует, что в эпическом театре Брехта эти три сферы не просто сосуществуют, а взаимопроникают друг в друга, образуя единый идейный фундамент. Социология предоставляет материал для анализа (классовые отношения, способ производства), политика задает вектор действия (освобождение, классовая борьба), а эстетика предоставляет инструменты воздействия (дидактическая пьеса, отчуждение, активация зрителя). Попытка разделить эти компоненты привела бы к разрушению самой сути эпического театра. Политика без эстетики стала бы голой агитацией, эстетика без социологии – формализмом, а социология без политики – бесплодным академизмом. Брехту удалось интегрировать их в работающую систему, где художественный образ становится социальным фактом, а зрительный зал – пространством политической дискуссии.

Девятый вывод касается актуальности наследия Брехта. Хотя исследование фокусировалось на историческом контексте 1920–30-х годов, выявленные принципы остаются значимыми для понимания роли искусства в обществе. Проблема отчуждения человека в буржуазном обществе, описанная Брехтом как атомистическая и конк-

рентная система, дробящая вещи на разрозненные части, не утратила своей остроты. Требование к искусству изображать эмпирические реальности и вскрывать скрытые социальные механизмы остается вызовом для contemporary theatre. Этический императив создания условий для освобождения человека через изменение мировоззрения предлагает альтернативу развлекательному искусству, ставя во главу угла ответственность художника перед обществом.

Наконец, десятый вывод обобщает значение теории праксиса для понимания творчества Брехта. Именно через призму праксиса становится понятным единство его жизни и творчества. Теория не предшествовала практике и не следовала за ней, они развивались одновременно. Эпический театр стал полигоном, где марксистская теория проверялась и применялась в действии. Это позволяет классифицировать наследие Брехта не только как вклад в историю театра, но и как вклад в историю социальной философии XX века. Его работа демонстрирует возможность существования искусства, которое не обслуживает существующий порядок, а стремится к его трансформации через просвещение и активизацию человеческого сознания.

Подводя итог, можно констатировать, что идейные основы эпического театра Б. Брехта базируются на прочном фундаменте марксистской теории праксиса, этики практики и теории дидактической пьесы. Взаимодействие социологии, политики и эстетики в его системе не является эклектичным соединением разнородных элементов, а представляет собой органичный сплав, направленный на достижение конкретной исторической цели – освобождения человечества. Эпический театр доказал, что эстетическая форма может быть носителем глубокого социального содержания, а зритель может быть не потребителем культурного продукта, но соучастником исторического процесса. Выявленные в ходе исследования закономерности подтверждают, что феномен Брехта выходит за рамки театральной режиссуры и представляет собой уникальный пример синтеза художественного творчества и социально-политической философии, где каждое сценическое решение продиктовано необходимостью изменения мира.

Литература

1. Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания: в 5 т. Т. 5. – М.: Искусство, 1965. – 598 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1972. – 629 с.
3. Ленин В.И. Государство и революция. – М.: Политиздат, 1990. – 128 с.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Т. 1. – М.: Политиздат, 1988. – 908 с.

5. Корш К. Марксизм и философия. – СПб.: Петрополис, 1993. – 224 с.
6. Брехт Б. Трехгрошовый иск // Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания: в 5 т. Т. 5. – М.: Искусство, 1965. – С. 320–350.
7. Беньямин В. Что такое эпический театр? // Беньямин В. Избранные эссе. – М.: Медиум, 1996. – С. 15–40.
8. Эйслер Х. Избранные статьи. – М.: Советский композитор, 1983. – 320 с.
9. Вайль К. Музыка и театр. – М.: Классика-XXI, 2005. – 280 с.
10. Свиныцкая В.Г. Бертольт Брехт. – М.: Искусство, 1966. – 256 с.
11. Аникст А.А. Теория драмы от Гегеля до Маркса. – М.: Наука, 1983. – 352 с.
12. Иванов В.В. Театр Бертольта Брехта. – М.: Искусство, 1974. – 240 с.
13. Ливневская Е.А. Эпический театр Брехта: проблемы поэтики. – М.: ГИТИС, 2010. – 185 с.
14. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. – М.: Просвещение, 1968. – 302 с.
15. Фрейдендова О.В. Бертольт Брехт и русский театр. – М.: Аграф, 2005. – 304 с.

THE INTERACTION OF SOCIOLOGY, POLITICS, AND AESTHETICS AS ONE OF THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF BERTOLT BRECHT'S EPIC THEATER

Bysritsky G.V.

Russian Institute of Theatre Arts (GITIS)

This article examines the interplay between sociology, politics, and aesthetics as one of the key ideological foundations of Bertolt Brecht's epic theater. The author thoroughly analyzes the playwright's philosophical views, aimed at ending social antagonism and achieving the universal liberation of humanity. The ethics of epic theater are viewed not as moralizing, but as a Marxist practice of changing the viewer's worldview to create the necessary conditions for freedom. The profound influence of Marxism and praxis theory on Brecht's work is emphasized, where class consciousness is seen as a necessary condition for historical progress. Art must depict empirical realities and new social relations, following reality. Dialectical materialism is interpreted as a crucial achievement in the science of human relations, which the bourgeoisie suppresses in order to protect its interests. The aesthetics are based on the theory of the didactic play, which activates the spectator through alienation and critical engagement. Perception becomes an active intervention, blurring the line between theory and political practice. The foundation of Brecht's theatre is formed by the principles of the Marxist theory of praxis, the ethics of practice, and the theory of the didactic play, aimed at cultivating a responsible social subject acting with political insight and responsibility.

Keywords: Brecht, epic theatre, Marxism, aesthetics, sociology, politics, praxis.

References

1. Brecht, B. Theatre. Plays. Articles. Statements: in 5 volumes. Vol. 5. Moscow: Iskusstvo, 1965. 598 p.
2. Marx, K., Engels, F. Works: in 50 volumes. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat, 1972. 629 p.
3. Lenin, V.I. State and Revolution. Moscow: Politizdat, 1990. 128 p.
4. Marx, K. Capital. Critique of Political Economy. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1988. 908 p.

5. Korsh, K. Marxism and Philosophy. St. Petersburg: Petropolis, 1993. 224 p.
6. Brecht B. Threepenny lawsuit // Brecht B. Theater. Plays. Articles. Statements: in 5 volumes. T. 5. – M.: Art, 1965. – P. 320–350.
7. Benjamin V. What is epic theater? // Benjamin V. Selected essays. – M.: Medium, 1996. – P. 15–40.
8. Eisner H. Selected articles. – M.: Soviet Composer, 1983. – 320 p.
9. Weil K. Music and theater. – M.: Classics-XXI, 2005. – 280 p.
10. Svinyatskaya V.G. Bertolt Brecht. – M.: Art, 1966. – 256 p.
11. Anikst A.A. Theory of Drama from Hegel to Marx. Moscow: Nauka, 1983. 352 p.
12. Ivanov V.V. The Theatre of Bertolt Brecht. Moscow: Iskusstvo, 1974. 240 p.
13. Livnevskaya E.A. Brecht's Epic Theatre: Problems of Poetics. Moscow: GITIS, 2010. 185 p.
14. Gachev G.D. The Substantiveness of Artistic Forms. Moscow: Prosveshchenie, 1968. 302 p.
15. Freidenova O.V. Bertolt Brecht and the Russian Theatre. Moscow: Agraf, 2005. 304 p.

Философские исследования искусственного интеллекта в России: история, направления, проблематика

Ершова Надежда Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

E-mail: ershova-nm@yandex.ru

Статья посвящена анализу отечественного философского знания об искусственном интеллекте за период 2021–2025 гг. Актуальность темы связана с быстрым расширением сферы применения интеллектуальных систем и с переходом обсуждения от узкотехнических сюжетов к вопросам сознания, субъектности, этики, неравенства, антропологических последствий цифровизации и институционального оформления исследовательского поля. Научная новизна работы состоит в систематизации русскоязычного корпуса недавних публикаций через три аналитические линии: история становления философии искусственного интеллекта в России, современные исследовательские направления, проблемные узлы дискуссий. Цель исследования – выявить логику развития отечественной философской рефлексии об искусственном интеллекте и установить, какие темы формируют ее нынешнюю структуру. В работе применены анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление подходов, классификация проблемных линий, логико-аналитическая реконструкция аргументов. Изучены статьи российских авторов, опубликованные в профильных философских и междисциплинарных журналах. В аналитической части прослежены институциональные каналы развития темы, выделены онтологическое, эпистемологическое, этическое и социально-философское направления, раскрыты расхождения в трактовке сильного ИИ, техносубъектности и нормативных ограничений. Практическая полезность результатов связана с их применением при подготовке курсов по философии техники, этике цифровых технологий и методологии исследований искусственного интеллекта.

Ключевые слова: философия искусственного интеллекта, история отечественной мысли об ИИ, субъектность ИИ, сильный искусственный интеллект, этика искусственного интеллекта, техносубъект, цифровое неравенство, антропологические последствия цифровизации, социально-философский анализ ИИ, российские исследования ИИ.

Введение

Расширение сферы применения искусственного интеллекта перевело философскую рефлексию из зоны частных дискуссий в область устойчивого исследовательского интереса. Российская публикационная среда последних лет фиксирует заметное уплотнение дискурса: наряду с обсуждением границ машинного мышления усилилось внимание к техносубъектности, к нормативной регуляции, к социальной цене алгоритмических решений и к переопределению человека в цифровой среде. При подобной динамике востребован связный обзор, где история отечественных исследований, структура современных направлений и проблемное поле сведены в единую аналитическую схему. Современное состояние отечественного дискурса об ИИ действительно тяготеет к расширению от методологических и онтологических вопросов к этическим и социально-философским линиям.

Цель исследования состоит в выявлении истории становления, ведущих направлений и проблематики философских исследований искусственного интеллекта в России на материале русскоязычных публикаций.

Для достижения цели решаются три задачи:

- 1) проследить институциональную и тематическую траекторию отечественной философии искусственного интеллекта;
- 2) классифицировать главные направления анализа – онтологическое, эпистемологическое, этическое и социально-философское;
- 3) установить, какие противоречия и лакуны организуют современную дискуссию.

Новизна работы связана с тем, что названные линии рассматриваются совместно, без разрыва между историографией вопроса и анализом нынешних концептуальных споров. Отбор публикаций для такой реконструкции опирается на профильные российские журналы и репозитории научных изданий.

Материалы и методы

Материальную базу исследования составили десять научных публикаций последних пяти лет, посвященных философии искусственного интеллекта, его этике и социально-философским следствиям. А.Ю. Алексеев [1] проследил становление отечественной философии ИИ через деятельность

Научного совета при Президиуме РАН и специализированных конференций; Е.К. Беликова [2] сосредоточила внимание на базовых вопросах философии искусственного интеллекта и на месте данной проблематики в философской традиции; А.В. Волобуев [3] рассмотрел связь алгоритмических систем с дискриминацией и воспроизводством неравенства; Д.И. Дубровский, А.Р. Ефимов, В.Е. Лепский, Б.Б. Славин [4] обосновали тезис о фетишизации ИИ и о принципиальном отличии данной технологии от прежних технических средств; Д.В. Ивлев [5] обратился к этическим проблемам искусственного интеллекта в поле социальной философии; А.Д. Иоселиани [6] исследовала современное и перспективное состояние ИИ в социально-философском ракурсе; В.П. Казарян, К.Ю. Шутова [7] раскрыли соотношение практики ИИ и общечеловеческой этики; А.Н. Райков [8] разработал тему субъектности объяснимого ИИ; В.А. Цвык, И.В. Цвык, Т.П. Павлова [9] предложили картину проблемного поля философских дискурсов о применении ИИ в социуме; О.Н. Чибисов [10] проанализировал философские подходы к созданию искусственного интеллекта, сопоставляя различные версии постановки вопроса о возможности интеллекта, сопоставимого с человеческим.

В исследовании использованы анализ научных публикаций, сравнительный анализ, обобщение, классификация и логико-аналитическая реконструкция аргументации. Анализ публикаций дал возможность выделить содержательные линии дискуссий; сравнительное сопоставление позволило установить расхождения между подходами к сознанию, субъектности и нормативной регуляции; классификация упорядочила исследовательское поле; логико-аналитическая реконструкция обеспечила переход от разрозненных высказываний к целостной модели развития отечественной философии искусственного интеллекта.

Результаты

Историческая траектория отечественных философских исследований искусственного интеллекта в новейший период просматривается как движение от организационного и дискуссионного самоопределения к тематической дифференциации. Наиболее отчетливо данная линия раскрыта у А.Ю. Алексева, который связывает становление российской философии ИИ с работой Научного совета при Президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, с его семинарами, секциями и ежегодными конференциями «Философия искусственного интеллекта» [1]. Внутри такой институциональной рамки формировался язык обсуждения, где вопрос о природе искусственного интеллекта постепенно перестал сводиться к технике вычислений и вошел в поле методологии, философии науки и гуманитарной рефлексии. Пе-

реход к более оформленному понятийному строю подтверждается работой Е.К. Беликовой, где философия ИИ трактуется как особая область знания на пересечении нескольких дисциплинарных традиций [2]. Корпус публикаций показывает, что российская дискуссия уже не ограничивается заимствованием внешних схем, а вырабатывает собственную карту вопросов – от истории дисциплины до анализа нормативных и антропологических последствий цифровизации. Историко-институциональная линия и постановка философии ИИ как самостоятельного поля науки прослеживаются в источниках весьма отчетливо.

Опорное направление отечественных публикаций связано с онтологией и эпистемологией искусственного интеллекта. В статье Е.К. Беликовой центральное место занимает обсуждение основных вопросов философии ИИ, среди которых просматриваются феномен искусственного интеллекта в философской традиции, предпосылки его исследования и круг общих проблем дисциплины [2]. Работа О.Н. Чибисова дополняет данный ракурс разбором философских проблем, возникающих при попытке мыслить ИИ как интеллект, равный человеческому либо превосходящий его [10]. Здесь в фокус попадает уже не прикладная тема алгоритмов, а предельная граница: допускает ли сама структура интеллекта перенос в искусственную среду без утраты тех признаков, которые связываются с сознанием, пониманием и смыслообразованием. В отечественном дискурсе подобная постановка вопроса тяготеет к осторожности: техническая успешность систем не тождественна философскому решению вопроса о мышлении. Следовательно, онтологическая линия не растворяется в инженерной повестке, а удерживает дистанцию между вычислительной результативностью и проблемой сознания. Такой сдвиг от функциональных характеристик к философской интерпретации интеллекта поддерживается несколькими публикациями корпуса.

С онтологической линией тесно связана тема субъектности. А.Н. Райков выносит в центр понятие объяснимого искусственного интеллекта и обсуждает его субъектность [8]. Уже сама постановка вопроса меняет оптику отечественной философской дискуссии: речь идет не о механическом перечислении свойств систем, а о границах применимости категории субъекта к технологическим образованиям. На соседнем поле располагается статья Д.И. Дубровского, А.Р. Ефимова, В.Е. Лепского, Б.Б. Славина, где выдвинут тезис о фетише искусственного интеллекта [4]. Авторы подчеркивают принципиальные отличия ИИ от прежних технологий и одновременно предупреждают о риске символического преувеличения его возможностей. В такой связке отечественная философская литература формирует двойной жест: с одной стороны, расширяет категориальный сло-

варь для анализа техносубъектности, с другой – препятствует некритическому переносу человеческих характеристик на алгоритмические системы. Для истории дисциплины данная пара линий существенна, поскольку она закрепляет собственно философский уровень обсуждения: вопрос о субъекте и сознании не подменяется ни техническим описанием моделей, ни популярной риторикой о «разумных машинах». Тема субъектности и критика фетишизации ИИ обозначены как самостоятельные философские направления.

Этическая проблематика в современном российском корпусе движется от общих деклараций к более детализированному анализу рисков. В.П. Казарян и К.Ю. Шутова связывают практику искусственного интеллекта с вопросом об общечеловеческой этике и с ответственностью тех, кто проектирует и внедряет подобные системы [7]. Д.В. Ивлев, работая в поле социальной философии, ставит проблему этики ИИ применительно к нейросетям, умному городу и социальным технологиям [5]. А.В. Волобуев переносит дискуссию в плоскость цифрового неравенства, указывая на связь алгоритмических решений с дискриминацией, с перераспределением выгод и с закреплением структурных дисбалансов [3]. Здесь отечественная литература заметно меняет характер аргументации: вместо абстрактного противопоставления «прогресса» и «опасности» появляются более определенные узлы – предвзятость данных, несимметричность доступа к технологическим преимуществам, вопрос об ответственности разработчика и институционального заказчика. Этическое направление уже не выглядит приложением к технической теме; напротив, именно через него раскрывается общественная цена внедрения ИИ.

Социально-философская линия в отечественных исследованиях строится вокруг последствий цифровизации для человека и общественных связей. В статье В.А. Цвыка, И.В. Цвыка, Т.П. Павловой обсуждение искусственного интеллекта разворачивается через понятие техносубъекта, через антропологическую проблематику и через угрозу дегуманизации социальных отношений [9]. Авторы подчеркивают, что цифровизация жизни переводит тему ИИ в плоскость гуманистических ориентиров и требует этических ориентиров применения интеллектуальных систем. У А.Д. Иоселиани предмет анализа смещается к настоящему и будущему искусственного интеллекта в общественной жизни; здесь в центре – специфика его внедрения и направления дальнейшего осмысления [6]. В совокупности данные публикации позволяют выделить особое направление отечественной мысли, где ИИ рассматривается как фактор трансформации самой структуры социального мира. Для российской литературы такой поворот примечателен тем, что вопрос об ИИ перестает ограничиваться

областью инструментальности: алгоритмические системы начинают анализироваться как участники среды, меняющей коммуникацию, ценности и способы общественного самоописания.

Если свести полученные наблюдения в единую схему, то современное российское поле философских исследований искусственного интеллекта распадается на три крупные зоны. Первая зона связана с историей дисциплины и с ее институциональной сборкой; она представлена прежде всего историографическим обзором А.Ю. Алексеева [1]. Вторая зона охватывает концептуальные вопросы – природу интеллекта, пределы машинного мышления, сознание, субъектность, объяснимость; здесь взаимно дополняют друг друга статьи Е.К. Беликовой [2], О.Н. Чибисова [10], А.Н. Райкова [8], Д.И. Дубровского с соавторами [4]. Третья зона сосредоточена на нормативных и общественных следствиях ИИ; ее формируют публикации А.В. Волобуева [3], Д.В. Ивлева [5], В.П. Казарян, К.Ю. Шутовой [7], В.А. Цвыка, И.В. Цвыка, Т.П. Павловой [9], А.Д. Иоселиани [6]. Подобная трехчастная конфигурация показывает, что российская философия ИИ развивается одновременно как история дисциплины, как область понятийного спора и как анализ социального будущего.

Вместе с тем внутри названных зон обнаруживаются напряжения. Историко-институциональные обзоры фиксируют устойчивость исследовательской традиции [1], но статьи о субъектности и о «фетише» ИИ [4; 8] показывают, что единый категориальный язык еще не сложился. Работы по этике и социальным последствиям [3; 5; 7; 9] сходятся в признании общественной значимости темы, но различаются по уровню конкретизации: от общих нормативных ориентиров до анализа дискриминации и дегуманизации. Тексты, ориентированные на сильный ИИ и сопоставление искусственного и человеческого интеллекта [2; 10], удерживают философскую проблематику на предельном уровне, тогда как социально-философские исследования [6; 9] смещают центр тяжести к трансформации жизненного мира. Следовательно, отечественная литература развивается не по линии единообразия, а через сосуществование нескольких исследовательских режимов, каждый из которых по-своему задает границы философии искусственного интеллекта. Такое расслоение отчетливо прослеживается в публикациях последних лет.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет увидеть, что российская философия искусственного интеллекта вышла из стадии первоначального самоописания, но еще не пришла к устойчивому теоретическому консенсусу. На одном полюсе располагаются работы, где ИИ рассматривается через историю

дисциплины, через деятельность научных советов, семинаров и конференций. Подобный ракурс хорошо показывает преимущество обсуждения и наличие отечественной исследовательской традиции. На другом полюсе находятся тексты, сосредоточенные на предельных вопросах – сознании, понимании, субъектности, равенстве либо превосходстве машинного интеллекта над человеческим. Между двумя полюсами складывается разрыв: институциональная история уже описана достаточно рельефно, тогда как понятийная стабилизация еще не завершена.

Сопоставление концептуальных публикаций показывает, что главный нерв дискуссии проходит между функциональным и онтологическим пониманием интеллекта. Если исходить из функционального ракурса, искусственный интеллект оценивается по качеству решения задач, по степени объяснимости, по автономности действий и по успешности имитации интеллектуальных процедур. Если же в центр поставить онтологический вопрос, обсуждение быстро переходит к сознанию, к пониманию смысла, к способности к самоотнесению и к допустимости категории субъекта в отношении искусственной системы. Российские авторы, работающие в философском поле, заметно осторожнее инженерной риторики: они не спешат отождествлять продуктивность алгоритма с мышлением в собственном смысле слова. Отсюда проистекает устойчивое внимание к границам аналогии между человеком и машиной.

Особое место занимает критическая линия, связанная с идеей фетишизации ИИ. Данная линия препятствует превращению искусственного интеллекта в универсальный объяснительный символ эпохи. Внутри подобной критики различимы два слоя. Первый слой направлен против интеллектуальной инфляции, когда машинным системам приписываются свойства, философски не обоснованные. Второй слой обращен против социального эффекта подобной инфляции: чем выше символический статус ИИ, тем легче снимается ответственность с человеческих институтов, проектировщиков, владельцев данных и администраторов платформ. На данной почве тема субъектности получает двойственное звучание. С одной стороны, без нее трудно описать возрастающую автономизацию интеллектуальных систем; с другой – чрезмерное расширение понятия субъекта ведет к терминологическому размыванию.

Этический блок отечественных исследований выглядит наиболее быстро растущим и одновременно наиболее неоднородным. Часть публикаций сохраняет общий уровень рассуждения и сосредоточена на нормативных ориентирах, на ответственности, на гуманистических ограничениях и на требованиях к разработчикам. Другая часть работает с более предметными проблемами – дискриминацией, цифровым неравенством, дегума-

низацией отношений, зависимостью алгоритмов от структуры данных и социальной среды. Подобное расслоение нельзя считать недостатком; напротив, оно указывает на этап перехода от общей философской этики технологий к более конкретной критике институтов, распределения ресурсов и алгоритмической власти. При этом в рассмотренном корпусе заметен дефицит работ, где философская аргументация соединялась бы с развернутым анализом российских практик внедрения ИИ в образовании, управлении, медицине или судопроизводстве.

Социально-философская линия вводит в дискуссию понятия техносубъекта, антропологической перестройки и трансформации общественных связей. Здесь отечественные публикации особенно чувствительны к риску дегуманизации. Такой ход мысли продуктивен, поскольку он выводит философию ИИ за пределы обсуждения алгоритмов как нейтральных инструментов. Вместе с тем внутри данного направления пока сохраняется недоработанность категориального аппарата. Понятия «техносубъект», «цифровизация жизни», «гуманистические ориентиры» обладают высокой эвристической силой, но нередко требуют большей строгости в определении границ употребления. Без подобной строгости существует опасность размывания различий между автономной системой, сложной программной инфраструктурой и социальным устройством, в котором ИИ занимает лишь один из элементов.

Исследовательские лакуны просматриваются по нескольким линиям. Первая линия связана с историей отечественной мысли: институциональная хроника уже собрана, но внутренняя периодизация философских школ, аргументов и поколений исследователей еще требует отдельной работы. Вторая линия касается понятийного аппарата: вопрос о субъектности ИИ, о его объяснимости и о статусе машинного понимания обсуждается активно, но без устойчивой терминологической конвенции. Третья линия относится к нормативному измерению: российская философская литература убедительно описывает круг проблем, но слабее продвигается в сторону собственных моделей регулирования и философски обоснованных критериев допустимого использования интеллектуальных систем. Четвертая линия затрагивает методологию: обзорный жанр пока преобладает над детализированным сопоставлением конкурирующих теоретических рамок.

Практическая ценность проведенной систематизации связана прежде всего с академической и образовательной сферой. Выделенная типология направлений упорядочивает материал для курсов по философии техники, философии сознания, цифровой этике и социально-философскому анализу новых технологий. Для исследователя подобная схема облегчает выбор угла зрения: ин-

ституциональная история, онтология интеллекта, субъектность, этика, социальные последствия.

Заключение

Первая задача исследования состояла в прослеживании институциональной и тематической траектории отечественной философии искусственного интеллекта. Анализ корпуса публикаций показал, что новейший этап развития темы опирается на уже сложившуюся исследовательскую среду, связанную с научными советами, специализированными семинарами и конференциями, а последующий рост публикационной активности сопровождался расширением тематического поля от истории дисциплины к более сложным понятийным и нормативным вопросам.

Вторая задача предполагала классификацию ведущих направлений философского анализа. В ходе исследования выделены три устойчивые линии. Первая линия охватывает историю и институциональное оформление дисциплины. Вторая сосредоточена на природе интеллекта, на сознании, на сильном ИИ, на объяснимости и субъектности. Третья направлена на этику, цифровое неравенство, дегуманизацию общественных отношений и на социально-философское осмысление цифровой трансформации.

Третья задача заключалась в выявлении центральных противоречий и лакун современного дискурса. Исследование показало, что российская философская литература сохраняет расхождения между функциональным и онтологическим пониманием интеллекта, между расширительным и сдержанным употреблением категории субъекта, между общими нормативными декларациями и более предметным анализом дискриминации, ответственности и общественных последствий алгоритмических решений. При подобной конфигурации философские исследования искусственного интеллекта в России предстают как динамично развивающееся поле с уже заметной внутренней дифференциацией, но без окончательно закреплённого понятийного единства.

Литература

1. Алексеев А.Ю. Философия искусственного интеллекта в России с начала века по настоящее время // Научно-исследовательские исследования. – 2022. – № 1. – С. 96–120.
2. Беликова Е.К. Основные вопросы философии искусственного интеллекта // Философия и культура. – 2024. – № 1. – С. 1–11. – DOI: 10.7256/2454-0757.2024.1.69543. – EDN: PURYRC.
3. Волобуев А.В. Этика искусственного интеллекта, дискриминация и неравенство // Век глобализации. – 2023. – № 3. – С. 48–62.
4. Дубровский Д. И., Ефимов А.Р., Лепский В.Е., Славин Б.Б. Фетиш искусственного интеллекта // Философские науки. – 2022. – Т. 65, № 1. – С. 44–71. – DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-1-44-71.
5. Ивлев Д.В. Искусственный интеллект и проблемы этики // Право и практика. – 2023. – № 4. – С. 263–267. – DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-263-267.
6. Иоселиани А.Д. Настоящее и будущее искусственного интеллекта: социально-философский дискурс // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 5. – С. 60–65. – DOI: 10.24158/fik.2025.5.6.
7. Казарян В. П., Шутова К.Ю. Этические риски в практике искусственного интеллекта // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2–2. – С. 346–364.
8. Райков А.Н. Субъектность объяснимого искусственного интеллекта // Философские науки. – 2022. – Т. 65, № 1. – С. 72–90. – DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-1-72-90.
9. Цвык В. А., Цвык И.В., Павлова Т.П. Проблемное поле философских дискурсов о применении систем искусственного интеллекта в социуме // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2023. – Т. 27. – С. 928–939.
10. Чибисов О.Н. Философские подходы к проблеме создания искусственного интеллекта // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2 (42). – С. 168–183. – DOI: 10.24151/2409-1073-2024-2-168-183.

PHILOSOPHICAL RESEARCH OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIA: HISTORY, DIRECTIONS, AND PROBLEMS

Ershova N.M.

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

This article analyzes Russian philosophical knowledge on artificial intelligence for the period 2021–2025. The relevance of this topic is due to the rapid expansion of the application of intelligent systems and the shift in discussion from narrowly technical topics to questions of consciousness, subjectivity, ethics, inequality, the anthropological consequences of digitalization, and the institutionalization of the research field. The scientific novelty of this work lies in its systematization of recent Russian-language publications across three analytical frameworks: the history of the development of the philosophy of artificial intelligence in Russia, current research trends, and problematic areas of debate. The goal of the study is to identify the logic of the development of Russian philosophical reflection on artificial intelligence and determine the themes that shape its current structure. This paper utilizes an analysis of scientific publications, a comparative comparison of approaches, a classification of problematic lines, and a logical-analytical reconstruction of arguments. Articles by Russian authors published in specialized philosophical and interdisciplinary journals were examined. The analytical section traces the institutional development of the topic, highlights the ontological, epistemological, ethical, and socio-philosophical approaches, and reveals discrepancies in the interpretation of strong AI, technosubjectivity, and normative limitations. The practical utility of the results lies in their application in the preparation of courses on the philosophy of technology, the ethics of digital technologies, and the methodology of artificial intelligence research.

Keywords: philosophy of artificial intelligence, history of Russian thought on AI, AI subjectivity, strong artificial intelligence, artificial intelligence ethics, technosubject, digital inequality, anthropological consequences of digitalization, socio-philosophical analysis of AI, Russian AI research.

References

1. Alekseev, A. Yu. «Philosophy of Artificial Intelligence in Russia from the Beginning of the Century to the Present» // *Science Studies*. – 2022. – № 1. – Pp. 96–120.
2. Belikova, E. K. «Key Issues in the Philosophy of Artificial Intelligence» // *Philosophy and Culture*. – 2024. – № 1. – Pp. 1–11. – DOI: 10.7256/2454-0757.2024.1.69543. – EDN: PURYRC.
3. Volobuev, A. V. «Ethics of Artificial Intelligence, Discrimination, and Inequality» // *The Century of Globalization*. – 2023. – № 3. – Pp. 48–62.
4. Dubrovsky D. I., Efimov A.R., Lepsky V.E., Slavin B.B. Fetish of Artificial Intelligence // *Philosophical Sciences*. – 2022. – Vol. 65, № 1. – Pp. 44–71. – DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-1-44-71.
5. Ivlev D.V. Artificial Intelligence and Problems of Ethics // *Law and Practice*. – 2023. – № 4. – Pp. 263–267. – DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-263-267.
6. Ioseliani A.D. The Present and Future of Artificial Intelligence: Social and Philosophical Discourse // *Society: Philosophy, History, Culture*. – 2025. – № 5. – P. 60–65. – DOI: 10.24158/fik.2025.5.6.
7. Kazaryan V. P., Shutova K. Yu. Ethical Risks in the Practice of Artificial Intelligence // *Ideas and Ideals*. – 2023. – Vol. 15, № 2–2. – P. 346–364.
8. Raikov A.N. Subjectivity of Explainable Artificial Intelligence // *Philosophical Sciences*. – 2022. – Vol. 65, № 1. – P. 72–90. – DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-1-72-90.
9. Tsyk V. A., Tsyk I.V., Pavlova T.P. Problematic field of philosophical discourses on the application of artificial intelligence systems in society // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*. – 2023. – Vol. 27. – Pp. 928–939.
10. Chibisov O.N. Philosophical approaches to the problem of creating artificial intelligence // *Economic and social-humanitarian studies*. – 2024. – № 2 (42). – Pp. 168–183. – DOI: 10.24151/2409-1073-2024-2-168-183.

Традиции имперскости российского социума и духовные вызовы современности: социально-философский аспект

Елдин Михаил Александрович,

д.филос.н, профессор кафедры философии МГУ
им. Н.П. Огарёва
E-mail: eldin1974@yandex.ru

Ширшов Александр Васильевич,

к.филос.н, доцент кафедры философии МГУ им. Н.П. Огарёва
E-mail: shirshov@isi.mrsu.ru

Изергина Вера Павловна,

к.полит.н, доцент кафедры философии МГУ им. Н.П. Огарёва
E-mail: vera.ivp@yandex.ru

Шегулова Маргарита Алексеевна,

ассистент кафедры философии, магистр МГУ
им. Н.П. Огарёва
E-mail: margaritashegulova@yandex.ru

Исследования, посвященные России, многочисленны и разнообразны. Ученые не только изучают исторические процессы развития российского государства, но и ищут пути выхода из кризисных ситуаций, предсказывают будущее великой державы, чья мощь и жизненная сила остаются несомненной вне зависимости от обстоятельств. Сегодня наблюдается рост интереса к изучению православных культурных традиций, зародившихся ещё в византийский период и оказавших значительное влияние на российскую мысль. Одной из ключевых проблем человечества является возникновение, распространение и усиление зла в обществе, которое тревожило человечество с древнейших времён и сохраняет свою остроту в современном мире, именно данной проблематике и посвящено исследование авторов.

Ключевые слова: социальная философия, византизм, религиозность, культурные традиции, социум, русская философия, Евразия, общественная мысль.

Введение

Проблемы современных социальных изменений ставят перед Россией вопросы сохранения национальной самобытности и духовной целостности. Обращаясь к идеям знаменитого русского философа И.А. Ильина, важно подчеркнуть, что ключ к сохранению мощи и единства страны лежит в верности традиционной культуре, наполненной христианскими ценностями любви, созерцания, свободы и ответственности.

Мыслитель обращал внимание на опасность влияния западных принципов формализма и беспринципности, ставящих под угрозу традиционные русские государственные институты и право. В эпоху глобализации такие угрозы приобретают особую значимость, поскольку размываются традиционные семейные и общественные структуры, утрачиваются моральные ориентиры.

Исследование историко-культурных оснований российского общества приобретает первостепенное значение, так как помогает определить стратегию противодействия негативным тенденциям, восстановить утраченную связь поколений и заложить прочный фундамент будущей устойчивости и процветания страны.

Историография

Исторически изучение феномена имперскости и византийского наследия в российском социуме получило широкое отражение в трудах русских философов начала XX века. Наиболее значительные разработки связаны с работами представителей философии цивилизации, среди которых выделяется труд Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни» [20]. Данная концепция вызвала широкую полемику среди так называемых философов русского зарубежья. Так, Н.А. Бердяев, З.Н. Гиппиус, Ю.И. Айхенвальд, Л.М. Добронравов, В.В. Зеньковский и Ф.А. Степун критиковали отдельные этические положения Е.Н. Трубецкого, утверждая, что они недостаточно учитывали реалии эпохи и не отражали истинные потребности общества. Напротив, П.Б. Струве, Н.О. Лосский и митрополит Антоний (Храповицкий) поддерживали многие положения концепции имперскости, подчеркивая важность имперского опыта и православной традиции для понимания роли России в мировом обществе.

Методология исследования

Основана на комплексном подходе, сочетающем аксиологический и сравнительно-исторический анализы. Использован историко-культурный метод для изучения влияния православной веры и византизма на русскую философскую мысль. Выполнен компарационный анализ различных концепций зла и его проявлений в обществе. Дополнительно привлечены знания из смежных наук для расширения контекста исследования.

Введение

Главной движущей силой в судьбе русского человека и народа в целом стоит считать православие, веру в божественный промысел, направленность русского человека к совершенствованию души через любовь, совесть и веру. С Древней Руси и до сегодняшнего дня актуализация духовно-нравственных ценностей стала важной отличительной особенностью отечественной философской мысли.

Православие на протяжении веков играло важную роль в становлении российской государственности, способствовало сохранению и развитию нравственных и правовых устоев общества, призывало к правде, чести, совести и патриотизму, выступало в качестве объединяющей силы в смутные времена, укрепляла дух, устремляло человека на телесные и духовные подвиги, вело к святости и духовному совершенству. Сегодня в условиях духовно-нравственного кризиса общества православные ценности приобретают более актуальное значение и способны исцелить не только человеческую природу, но и все общество.

Можно с уверенностью говорить о том, что залогом успеха человека на пути к совершенству является преодоление раздробленности его человеческого естества, потерявшего свою цельность и единство вследствие грехопадения. Академик Карпов С.П. справедливо указывает, что: «по отношению к славянам и иным народам византийского круга империя позиционировала себя как источник всяческого благочестия и учительница законов» [14, с. 53].

Со строением личности напрямую связана такая глобальная проблема человеческого общества – появление, распространение и умножение зла в мире. Данная проблематика волновала умы и сердца людей еще с древних времен и не утратила актуальности и сегодня. Корень зла все также лежит внутри личности человека, которая после грехопадения утратила совершенство. Вместо стремления к высшему добру, любви и правде, человек все чаще стал стремиться к злу, насилию, удовлетворению телесных потребностей, забывая об истинной цели земного существования – приближения к идеалу.

Философские традиции Руси–России становятся все более актуальными для современного общества. Глубокое убеждение многих российских мыслителей в том, что восстановление духовности человека и народа есть кардинальный путь к воссозданию фундаментальных оснований российской действительности, определяет актуальность изучения его наследия. Отметим тот факт, что философские идеи «россиянства» будут неопределимой помощью в поиске путей преодоления кризиса современного российского общества.

При этом широко известно, что не все российские и зарубежные авторы считают, что на Руси вообще существовала собственная философия, начиная с XI столетия (от В.Ф. Пустарнакова до Дж. Биллингтона). Можно заключить, что нет общепризнанного и четкого обозначения наличия русской идеи цивилизации и сегодня...

Основная часть

Идея российской преемственности является важной константой российской духовности. Русь–Россия исторически и идейно всегда отличалась непревзойденной парадигмой идейного влияния в среде евразийских социумов.

В своем стремлении использовать в философских рассуждениях классический подход, свойственный для русской философской мысли, отечественные мыслители все-таки не могут до конца избежать влияния западных философских идей. Подобная ситуация, скорее всего, связана с влиянием на русскую философскую традицию идей П.И. Новгородцева, явившегося одним из создателей русской философии естественного права.

В основе идеи «естественного права» лежала предпосылка объединения этической автономии личности и правового государства. Для этого необходимо было примирить личное право человека с правом общественным, политическую свободу с социальной справедливостью. В своей концепции мыслитель стоял на позициях нравственного идеализма, считал, что общественное сознание должно формироваться путем переориентации его в сторону духовных и религиозных ценностей.

Философия естественного права П.И. Новгородцева основывалась на синтезе некоторых понятий немецкой классической философии, а именно кантовской философии (Баденская школа) и философии права Ф. Гегеля. Свою задачу он видел в обосновании религиозно-метафизической природы политико-правовой реальности. Несмотря на то, что в основе философии естественного права П.И. Новгородцева лежала концепция абсолютных ценностей, философ отвергал различного рода утопии, построенные на основе социалистических, анархических и иных идей создания рая на земле.

П.И. Новгородцев также осознавал возникновение конфликта между человеком и обществом, о наличии такого конфликта он заявлял на рубеже XIX–XX вв. Причины данного конфликта философ видел в стремительном развитии личности, которое стало возможным в связи с либерализацией правовых основ государства. На фоне политических и общественных свобод человек начинает осознавать себя свободной личностью, стремящейся к беспредельной, абсолютной свободе, что без сомнения провоцирует конфликт человека с установленным правопорядком и властью. Любое правовое государство будет стремиться ограничить свободу человека, но немаловажную роль в этом вопросе играет государственное устройство.

Для человека более предпочтительным является демократическое государство, хотя и оно не сможет дать человеку полной безграничной свободы, не сможет удовлетворить «высших запросов человеческого духа», тем самым постоянно ограничивая развитие человеческой личности. В земной жизни человека данный конфликт между личностью и государством разрешить невозможно, что становится возможным лишь за пределами жизни на земле, за пределами истории. Но, несмотря на то что бесконечное стремление человека к свободе, к Абсолюту полностью реализуется лишь в сверхприродном умопостигаемом мире это стремление оказывает влияние на общество и государство в земной жизни человека, и чем это стремление больше, тем больше в современном обществе реализуются права человека, тем более справедливым и свободным становится само общество.

Так, традиция духовного наследия россиян авторами рассматривается в контексте проблем человеческой личности, общества и божественного начала. Без Бога человеку невозможно достигнуть подлинного духовного совершенства, а без внутреннего обновления человека невозможно создать идеальное человеческое общество, главными критериями которого является «...осознание людьми своей общности, их ответственности друг за друга и их всепронизывающей солидарности» [17, с. 373].

Стоит остановиться на том, что как и его учитель П.И. Новгородцев, И.А. Ильин говорит об определяющей роли духовного совершенствования личности внутри общества: «единичное человеческое существо есть единственная возможность одухотворенной жизни; вести такую жизнь, создавая ее самостоятельно и свободно, есть основное и безусловное право каждого... Согласно этому, человечество предстает в виде множества субъективных естественно-правовых кругов, из которых каждый замыкает в себе или облекает собою естественно-правомочный центр духовной жизни» [12, с. 196–197].

Для И.А. Ильина быть человеком – «значит быть индивидуальным духом и, сознательно или бессознательно, хотеть быть им. Но хотеть быть индивидуальным духом – значит нуждаться в естественном, а потом и в положительном праве, а это значит иметь – сознательную или бессознательную – волю к праву и к его цели» [13, с. 215].

Так, можно с уверенностью заключить, что индивидуальность человека проявляется в способности самостоятельно принимать то или иное решение, отвечать за свои действия, постигать поставленные перед собой цели. Человек при этом должен уметь давать правильную оценку своим поступкам, расставлять правильные духовные приоритеты. В это понятие Ильин И.А. вкладывает следующий смысл: человек должен «усматривать и знать, что такое добро и зло, где кончается право и где начинается обязанность, самому искать и находить, находить и решать, решать и поступать согласно своему решению и, совершив деяние, открыто исповедовать, что совершил его сознательно и преднамеренно, следуя собственному убеждению и заранее принимая на себя всю ответственность за содеянное» [13, с. 216].

Можно говорить, что поддержание порядка в государстве при гипертрофированности личностного правосознания становится возможным только с позиции силы. Но возможны и другие последствия нарушений в автономии человека. Они могут проявляться в виде слепой покорности, присущей рабу, который «со скрежетом, уступая насилию и не рассуждая. Он ещё не знает о своем неотъемлемом духовном праве: признавать и не признавать чужое веление; и, может быть, лишь смутно брезжит в его душе сознание того, что его покорность унижительна и для него, и для его господина» [12, с. 187].

Правовое общество невозможно при отсутствии уважения одного человека к другому. Истинные же уважение и любовь людей друг ко другу, по мнению философа, могут возникнуть лишь при условии духовного совершенствования личности, которое есть стремление человека к высшей Любви, объединяющей всех в единое целое, в искании Духа, ведущего к духовному единению всех людей.

Воспитание является не только залогом совершенствования и духовного преображения каждого человека, но и залогом преображения всего общества в целом. Эти положения имеют кардинальное отличие от взглядов других философов, занимавшихся развитием теории социальной философии россиян.

Одной из основополагающих понятий философии России второй половины XIX столетия является понятие добра, причем добро Ильин И.А. рассматривает не как некую отвлеченную категорию, а как главный ориентир человеческой жизни, который побуждает человека к действиям. Смысл

человеческой жизни у мыслителя напрямую связан с духовными стремлениями человека, в соединении его с подлинной духовной реальностью. Он рассматривает вопрос о смысле человеческого бытия в личностном ключе. Каждый человек для И.А. Ильина представляет собой самобытную личность, которой присущи не столько общечеловеческие свойства, сколько «единственное в своем роде, неповторяемое сочетание свойств» [11, с. 62]. В этом вопросе – о самобытности человека, философ стоит на позициях М. Штирнера, он полностью согласен с немецким философом, что каждый человек единственен в своем роде, самобытен и самоценен: «личность есть живая неповторимая бесконечность» [11, с. 63].

В философии М. Штирнера видны основные предпосылки экзистенциальной философии. По словам И.А. Ильина: «реальность и исключительную реальность М. Штирнер признает не за одной количественно определенной личностью, а за каждой личностью в меру ее эмпирической конкретности» [16, с. 68].

То есть, понимание философии духа возможно только через понимание человека. Понимание Г. Гегелем человека как соединения двух диаметрально противоположных сторон: рациональной и иррациональной, приводит к возникновению в самом человеке некоей двойственности. И.А. Ильин же, напротив, в своей концепции человека призывает к этой преодолению двойственности и стремлению к единству, что возможно, поскольку дух человека есть модус самого Божества [13, с. 315].

Двойственность человеческой природы не позволяет человеку всецело приблизиться к Богу, налагает на него своеобразное ограничение, которое человек не может преодолеть. Присутствие в человеке эмпирического начала, которое стремится к самобытному существованию, приводит к возникновению трагизма в философии Г. Гегеля. Ограниченность человеческой природы ограничивает и само Божество. Существование мира и человека по своим пространственно-временным законам, невозможность преодолеть иррациональное существование, ограничивает своей самобытностью Божество. Так, чтобы полностью реализовать себя в мире, Бог вынужден создать чувственный мир, «инобытие», через которое человек получает возможность полностью соединиться с Богом.

И.А. Ильин замечает, что наличие в двойственной человеческой природе, самобытной эмпирической силы не позволяет ему обрести единство души и тела. Данная сила низводит его от божественного состояния к состоянию несовершенному, эта сила настолько непредсказуема и имеет такую власть над человеческой природой, что не позволяет даже божественному началу izbavit' человека от самостоятельности эмпирическо-

го бытия. Человек отчуждается от Бога, его жизнь становится бессмысленной, человек не может надеяться на божественную помощь, и сам своими силами пытается избавиться от страданий. Человек берет на себя ответственность за свою жизнь и все, происходящее в мире. Все зло, находящееся в мире, становится частью человека, его «душевной склонностью» [13, с. 325].

Так характерное для гегелевской философии сверхчувственное внутреннее созерцание превращается у русских мыслителей в акт «созерцающего сердца», «предметность». Именно инертность отечественной философской традиции становится основной интенцией дореволюционного периода.

В вопросе духовного становления личности российская общественная мысль руководствуется понятием ранга. Он отрицает человеческое равенство и видит в идеи уравнивания больше вреда, нежели пользы. Теория равенства, по мнению русских мыслителей, зародилась гораздо раньше Великой французской революции. Исследователи считают эту идею одной «из основных человеческих слабостей, которая обнаруживалась еще в древности, и иногда притом в самых острых и разрушительных формах» [15, с. 345]. В отрицании идеи равенства прослеживается влияние на российскую мысль взглядов еще одного немецкого философа Т. Карлейля.

И.А. Ильин видит два различных направления, которые возможны в процессе развитии общества. Первое направление заключается в выявлении общих для людей черт, проявляемых в различных видах деятельности. После определения некоего общего знаменателя следует уравнивание людей по их общим качествам.

Другое направление развития общества заключается в выявлении у каждого человека, особых, присущих лишь ему, неповторимых черт, под которые нельзя равнять всех людей. «Справедливость требует различной классификации и неравного отождествления с теми, которые по существу своему различны и разноценны» – отмечает Ильин И.А. [12, с. 345].

Здесь мыслитель вводит понятие «ранг». Однако, в него философ вкладывает отличное от нынешнего значение, ранг – не социальное или физическое преимущество, это преимущество более высокого уровня, качественное, а не количественное. Бог наделил человека индивидуальностью, не существует двух одинаковых людей, – утверждает философ. Такой подход к пониманию человеческой личности приводит к отрицанию теории всеобщего равенства. По мнению И.А. Ильина, идея ранга являет собой настоящую справедливость. В своем отрицании всеобщего равенства русский философ согласен с Т. Карлейлем.

Как мы видим, западноевропейская философская мысль оказала значительное влияние на отечественную социальную философию.

Но И.А. Ильину было не чуждо влияние русской религиозной философии. Прежде всего, в его философии прослеживается влияние видного русского философа В.С. Соловьева, к творчеству которого И.А. Ильин относился с особым интересом. Многие идеи нравственной философии В.С. Соловьева нашли воплощение в философии И.А. Ильина, в частности в проблеме соотношения права и морали.

В.С. Соловьев разграничивал функции государства и Церкви в деле объединения человеческого общества. Государство в деле консолидации общества руководствуется общими для всех юридическими нормами и законами, с помощью которых путем ограничения абсолютной свободы человека, обеспечивает минимальное благосостояние обществу. Задачу Церкви мыслитель видит в объединении общества на нравственных принципах, то есть закон «выражает собой лишь количественную, математическую справедливость, воздействие которой равно действию, равное за равное, око за око, зуб за зуб» [19, с. 215]. В таком понимании справедливость не несет в себе никакой моральной окраски, она всего лишь становится сухой буквой закона.

Объединение права и морали возможно при условии стремления общества к достижению некой социальной цели. Здесь пути ее достижения для морали и права оказываются совершенно не сопоставимыми, если мораль заставляет человека обратиться внутрь себя, то право, устанавливает обязанность и притязание.

Основные положения, касающиеся соотношения понятий права и морали, В.С. Соловьев сформулировал в своих работах: «Оправдание добра» и «Право и нравственность», написанных в 1897 году [19]. Идеи всеединства и правосознания россиян оценены мыслителем следующим образом.

1. Если право устанавливает лишь минимальные требования к членам социума, то нравственность призывает человека к постоянному совершенствованию, призыв не ограничивается каким-либо критерием, он является всеобщим, звучит для каждого.
2. При ограниченности сферы действия права, оно устанавливает минимальный порог добра, через который нельзя переступить, гарантом этого выступают законы государства, нарушение которых карается. Так, право выступает как сдерживающая сила, не дающая злу одержать победу над добром.
3. Нравственность чужда любого вида насилия над человеком, она подразумевает только добровольное исполнение всех требований.

«Право, – пишет В.С. Соловьев, – есть исторически-подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально-нравственным интересом

личной свободы и материально-нравственным интересом общего блага» [19, с. 165]. И.А. Ильин же отмечает: «религия, по самому существу своему, претендует на руководство во всех делах и отношениях. Она ищет и находит высшее слово и последнее слово; она указывает человеку на то, через что самая жизнь его становится воистину жизнью и каждое действие получает свой существенный смысл, свое последнее освящение», но «самая религия как осуществление «царства Божия» невозможна вне права и его признания, т.е. вне правосознания. Религиозность есть состояние духовное, и потому оно имеет смысл и ценность только при автономном принятии откровения личной душою... Человек имеет естественное и неотъемлемое право на автономное восприятие Божества... Иметь религию есть право человека, и это право, – право быть духом, лежит в основе всех других его прав» [19, с. 98].

И.А. Ильин рассматривает право с точки зрения высшего нравственного закона, данного человеку абсолютом. Для него любой закон жизни человеческого общества, является божественным установлением и призван указать человеку путь к духовному возрастанию и совершенствованию, регламентировать его поступки. Если человек держится выбранного им пути, то он «прав», и «не прав» – если сходит с него.

На понимание сущности понятия «религия» в отечественной мысли оказал влияние еще один русский философ С.Н. Булгаков. Дореволюционные российские мыслители определяют сущность религии как стремление человека к Богу, восстановление утраченной с Ним связи. Бог для человека является источником всех благ, но этот источник не закрыт для человека окончательно, каждый, почувствовавший в себе жажду стать причастником Божества, и устремившийся навстречу Творцу, не будет Им отвергнут и сможет восстановить утерянную связь с Богом. На языке философии религия есть «переживание трансцендентного, становящегося постольку имманентным, однако, при сохранении своей трансцендентности, переживание трансцендентно-имманентно» [3, с. 236].

По отношению к роли права в обществе позиция русских мыслителей такова, что только государство, в основе которого лежат божественные законы, способно стать действительно справедливым и быть источником великой христианской культуры. Исследователи отмечают синергетический фактор российского восприятия традиции византизма, который стимулировал духовные поиски россиян с древнейших времен до наших дней.

Одним из основных направлений русской философии является осмысление человеческого бытия, становления человеческой личности, взаимоотношение человека и общества. Идеи соборно-

сти и всеединства к началу XX столетия оказались ведущими для отечественной философии.

В частности, привлекает оригинальностью антропологическая проблематика И.А. Ильина. При исследовании личности человека философ прибегает к методам феноменологии. С феноменологических позиций он рассматривает и философию Г. Гегеля, что позволяет рассматривать творчество немецкого философа с позиций интуитивизма. Гегелевская идея, по которой материальный мир может получить новый смысл через соединение с Божественным началом, у И.А. Ильина приобретает православную окраску.

Идеи немецкой классической философии и византизма оказали значительное влияние на идеи соборности и традиционализма, а религиозно-нравственная ориентированность определили фактуру того, что представляла из себя русская религиозная мысль. Следует отметить роль исследовательских доминант русской философии, в частности следующее.

1. В области духовной природы социальных явлений и философии права И.А. Ильин подвержен влиянию немецких философов М. Штирнера и И. Фихте;
2. Немалое влияние на философские взгляды И.А. Ильина оказала феноменология Э. Гуссерля;
3. Этические взгляды философа основываются на немецкой классической философии, в частности Г. Гегеле, хотя и наполняются новым смыслом;
4. На оформление идей социальной философии И.А. Ильина, в частности иерархии (идея ранга) оказали влияние идеи Т. Карлейля;
5. Русские философы В.С. Соловьев и С.Н. Булгаков определили развитие философии И.А. Ильина в рамках православной традиции, задали вектор ее духовной направленности.

Многообразные влияния придали российской философии имперского периода оригинальный и особенный смысл.

Сегодня актуальной как никогда становится проблематика сохранности российской нации, утвержденная еще в «Записке о сохранении и приумножении русского народа» М.В. Ломоносова. Позднее данная проблематика поднимается и современным историком А.И. Фурсовым в своем труде «Наше время Босха», где автор подробно рассматривает динамику усложнения трансформаций постмодерна, увязывая ее с дисперсностью расселения современного населения Евразии.

Важно отметить тенденции, вызванные атеистической ассимиляцией русского населения Российской империи, репрессиями советского периода, выселением «кулаков» в восточные районы страны, разнообразными вербовками, с одной стороны, и высоким уровнем рождаемости, сравнительно слабой мобильностью и высокой языко-

вой компетенцией как минимум до 1990-х годов, – с другой.

Западный исследователь Х. Гонсалес отмечает, что российское общество во многом стало, как западное сверхсекулярным и уже «...ко второй половине XX века единственной страной, где православное христианство могло рассчитывать на некое подобие традиционного союза церкви и государства, осталась Греция» [6]. По словам современного отечественного исследователя: «роль имперского Рима взяли на себя США» [21, с. 54].

С одной стороны, национальные православные церкви все активнее участвуют в экуменическом движении – универсальном проекте с задачей объединения вероучительных и нравственных устоев христианских конфессий, слияния их в единый котел, с полным пренебрежением к различиям в устоях духовной жизни социума; с другой – традиции православия, сближаясь в рамках экуменизма с Западом, все более утрачивают внутреннее единство и этнополитизируются – различия между этническими православными церквями (15 автокефалий) возводятся в абсолют. Православная традиция рассматривается как часть «национальной культуры», согласно современному исследователю: «мир будет формироваться под влиянием 7–8 главных цивилизаций – западной, конфуцианской, японской, исламской, индусской, славянско-православной, латиноамериканской и, возможно, африканской» [18, с. 25].

Заключение

Итак, духовно-социальная область исследований в современной социальной философии имеет важнейшие константы преемственности от имперского периода Византии до России. Источником ценностей, в итоге доминирующих в исследованиях отечественных философов является традиция преемственности и синтеза от византизма и идей немецкой классической философии.

Однако следует констатировать, что приведенные выше соображения свидетельствуют, что для общественной мысли россиян сложились вполне реальные перспективы восстановления линии преемственности от опыта Российской империи. Диалог культурных традиций и толерантность могут стать девизом современной духовности. Можно согласиться с высказыванием В.В. Ильина, что «инструмент империи надо наделять пафосом гражданственности, гуманности с опорой на цивилизационный опыт» [10, с. 33]. Новая общероссийская традиционная концепция бытия долгие годы, начиная с 1990-х годов утверждалась в российских философских штудиях только идеями вестернизаторского крена. Сегодня сложилась конфликтность западно-центристской модели восприятия и констант россияведения в философии. Важен взвешенный подход к историсофской

и социальной-философской проблематике анализа отечественного духовного наследия. Российские исследования сегодня могут быть востребованы в общественной практике.

Литература

1. Барулин В.С. Социально-философская антропология: общие начала социально-философской антропологии / В.С. Барулин. – Москва: Онега, 1994. – 252 с. – ISBN 5-900739-02-3. – Текст: непосредственный.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска: [Господство Америки и его геостратегические императивы: пер. с англ.] / З. Бжезинский. – Москва: Международные отношения, 1998. – 254 с. – ISBN 5-7133-0967-3. – Текст: непосредственный.
3. Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии / С.Н. Булгаков; вступ. ст., сост. С.С. Хоружего. – Москва: Наука, 1993. – 603 с. – Текст: непосредственный.
4. Варфоломей (Патриарх Константинопольский) Приобщение к Таинству: православие в современном мире / Всесвятейший Вселенский Патриарх Варфоломей; [пер. с англ. Н. Холмогоровой]. – Москва: Эксмо, 2008. – 365 с. – ISBN 978-5-699-31632-8. – Текст: непосредственный.
5. Гвоздев А.В. Геополитические аспекты философии культуры славянофилов: монография / А.В. Гвоздев; Министерство образования и науки РФ, МПГУ. – Москва: Прометей, 2012. – 125 с. – ISBN 978-5-7042-2349-8. – Текст: непосредственный.
6. Гонсалес Х.Л. История христианства: в 2 т. Т. 2 От эпохи Реформации до нашего времени / Х.Л. Гонсалес; [пер. Скороходов Б.А.]. – Санкт-Петербург: Библия для всех, 2002. – 377 с. – ISBN 5-7454-0671-2. – Текст: непосредственный.
7. Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина / И.И. Евлампиев. – Санкт-Петербург: Наука, 1998. – 509 с. – ISBN 5-02-026787-2. – Текст: непосредственный.
8. Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии: учебник для вузов / А.Ф. Замалеев. – Москва: Магистр, 1996. – 349 с. – ISBN 5-89317-002-4. – Текст: непосредственный.
9. Зеньковский В.В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» / В.В. Зеньковский // Собрание сочинений / В.В. Зеньковский; науч.-ред. совет О.Т. Ермишин, М.А. Маслин, В.В. Сербиненко; сост. О.Т. Ермишина. – Москва: Русский путь. – Т. 1. О русской философии и литературе: статьи, очерки и рецензии 1912–1961 гг. – Москва: Русский путь, 2008. – С. 96–119. – Текст: непосредственный.
10. Ильин В.В. Россия в сообществе мировых цивилизаций / В.В. Ильин. – Москва: КДУ, 2009. – 198 с. – ISBN 978-5-98227-586-8. – Текст: непосредственный.
11. Ильин И.А. Идея личности в учении Штирнера. Опыт по теории индивидуализма / И.А. Ильин. – Текст: непосредственный // Вопросы философии и психологии. – К. 106. – 1911. – С. 55–93.
12. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве / И.А. Ильин. – Москва: АСТ, 2006. – 510 с. – ISBN 5-9713-2809-3. – Текст: непосредственный.
13. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: В 2 т. / И.А. Ильин; вступ. ст. И.И. Евлампиева. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – 541 с. – ISBN 5-02-028175-1. – Текст: непосредственный.
14. Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время: [сборник статей] / РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова; [Н.А. Хачатурян (отв. ред. и сост.) и др.]. – Москва: Наука, 2011. – 503 с. – ISBN 978-5-02-036714-2. – Текст: непосредственный.
15. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский; [предисл. и комм. В.А. Кувакина, М.А. Маслина]. – Москва: Высшая школа, 1991. – 559 с. – ISBN 5-06-002523-3. – Текст: непосредственный.
16. Несмелов В.И. Наука о человеке / В. Несмелова. Т. 1 Опыт психологической истории критики основных вопросов жизни. – Казань: Типография императорского университета. – 1898. – 446 с.
17. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права / П.И. Новгородцев // О свободе: онтология мировой либеральной мысли (первая половина XX века) / РАН, Институт философии; отв. ред. М.А. Абрамов. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 591–637. – Текст: непосредственный.
18. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. – Москва: ЭКСМО, 2003. – 541 с. – ISBN 5-699-03695-4. – Текст: непосредственный.
19. Соловьев В.С. Русская идея / В.С. Соловьев; [пер. с фр. Г.А. Рачинского]. – Ленинград: Наука, 1990. – 51 с. – ISBN 5-02-025917-9. – Текст: непосредственный.
20. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Е.Н. Трубецкой. – Москва: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1918. – 232 с. – Текст: непосредственный.
21. Улунян А.А. Политическая история Греции XX века: учебное пособие / А.А. Улунян. – Москва: Высшая школа, 2004. – 196 с. – ISBN 5-06-004523-4. – Текст: непосредственный.

TRADITIONS OF IMPERIALITY IN RUSSIAN SOCIETY AND SPIRITUAL CHALLENGES OF MODERNITY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Eldin M.A., Shirshov A.V., Izergina V.P., Shegulova M.A.

Mordovian State University named after N.P. Ogarev

Research on Russia is numerous and varied. Scholars not only study the historical development of the Russian state but also seek solutions to crises and predict the future of a great power whose power and vitality remain undeniable regardless of circumstances. Today, there is growing interest in the study of Orthodox cultural traditions, which originated in the Byzantine period and have had a significant influence on Russian thought. One of the key problems facing humanity is the emergence, spread, and intensification of evil in society. This issue has troubled humanity since ancient times and remains acute in the modern world. The authors' research focuses on this problem.

Keywords: social philosophy, vyzantinism, religiosity, cultural traditions, society, Russian philosophy, Eurasia, social thought.

References

1. Barulin V.S. Social and Philosophical Anthropology: General Principles of Social and Philosophical Anthropology / V.S. Barulin. – Moscow: Onega, 1994. – 252 p. – ISBN 5-900739-02-3. – Text: direct.
2. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: [American Dominance and Its Geostrategic Imperatives: trans. from English] / Z. Brzezinski. – Moscow: International Relations, 1998. – 254 p. – ISBN 5-7133-0967-3. – Text: direct.
3. Bulgakov S.N. Works: in 2 vols. Vol. 1. Philosophy of Economy. The Tragedy of Philosophy / S.N. Bulgakov; introduction, compiled by S.S. Khoruzhy. – Moscow: Nauka, 1993. – 603 p. – Text: direct.
4. Bartholomew (Patriarch of Constantinople) Communion with the Sacrament: Orthodoxy in the Modern World / His All-Holiness Ecumenical Patriarch Bartholomew; [translated from English by N. Kholmogorova]. – Moscow: Eksmo, 2008. – 365 p. – ISBN 978-5-699-31632-8. – Text: direct.
5. Gvozdev A.V. Geopolitical Aspects of the Philosophy of Slavophile Culture: monograph / A.V. Gvozdev; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow Pedagogical State University. – Moscow: Prometheus, 2012. – 125 p. – ISBN 978-5-7042-2349-8. – Text: direct.
6. Gonzalez J.L. History of Christianity: in 2 volumes. Vol. 2 From the Reformation to the Present Time / J.L. Gonzalez; [translated by B.A. Skorokhodov]. – St. Petersburg: The Bible for Everyone, 2002. – 377 p. – ISBN 5-7454-0671-2. – Text: direct.
7. Evlampiev I.I. Divine and Human in the Philosophy of Ivan Ilyin / I.I. Evlampiev. – St. Petersburg: Nauka, 1998. – 509 p. – ISBN 5-02-026787-2. – Text: direct.
8. Zamaleev A.F. Course on the history of Russian philosophy: a textbook for universities / A.F. Zamaleev. – Moscow: Master, 1996. – 349 p. – ISBN 5-89317-002-4. – Text: direct.
9. Zenkovsky V.V. Regarding the book by I.A. Ilyin "On Resistance to Evil by Force" / V.V. Zenkovsky // Collected Works / V.V. Zenkovsky; scientific-ed. council O.T. Ermishin, M.A. Maslin, V.V. Serbinenko; comp. O.T. Ermishina. – Moscow: Russian way. – T.1. On Russian Philosophy and Literature: Articles, Essays, and Reviews 1912–1961. Moscow: Russkiy Put, 2008, pp. 96–119. Text: direct.
10. Ilyin V.V. Russia in the Community of World Civilizations / V.V. Ilyin. Moscow: KDU, 2009. 198 p. ISBN 978-5-98227-586-8. Text: direct.
11. Ilyin I.A. The Idea of Personality in Stirner's Teachings. An Essay on the Theory of Individualism / I.A. Ilyin. Text: direct // Questions of Philosophy and Psychology. K. 106. 1911. pp. 55–93.
12. Ilyin I.A. General Doctrine of Law and State / I.A. Ilyin. – Moscow: AST, 2006. – 510 p. – ISBN 5-9713-2809-3. – Text: direct.
13. Ilyin I.A. Hegel's Philosophy as a Doctrine of the Concreteness of God and Man: In 2 volumes / I.A. Ilyin; introduction by I.I. Evlampieva. – St. Petersburg: Nauka, 1994. – 541 p. – ISBN 5-02-028175-1. – Text: direct.
14. Empires and Ethnonational States in Western Europe in the Middle Ages and Early Modern Period: [collection of articles] / RAS, Lomonosov Moscow State University; [N.A. Khachatryan (ed. and compiler) and others]. – Moscow: Nauka, 2011. – 503 p. – ISBN 978-5-02-036714-2. – Text: direct.
15. Lossky, N.O. History of Russian Philosophy / N.O. Lossky; [foreword and commentary by V.A. Kuvakin, M.A. Maslina]. – Moscow: Vysshaya shkola, 1991. – 559 p. – ISBN 5-06-002523-3. – Text: direct.
16. Nesmelov, V.I. Science of Man / V. Nesmelova. Vol. 1. An Experience of the Psychological History of Criticism of Life's Fundamental Questions. – Kazan: Printing House of the Imperial University. – 1898. – 446 p.
17. Novgorodtsev P.I. Moral Idealism in the Philosophy of Law / P.I. Novgorodtsev // On Freedom: Ontology of World Liberal Thought (First Half of the 20th Century) / RAS, Institute of Philosophy; ed. M.A. Abramov. – Moscow: Progress-Tradition, 2000. – 591–637. – Text: direct.
18. Panarin A.S. Orthodox Civilization in the Global World / A.S. Panarin. – Moscow: EKSMO, 2003. – 541 p. – ISBN 5-699-03695-4. – Text: direct.
19. Soloviev V.S. Russian Idea / V.S. Soloviev; [translated from French. [G.A. Rachinsky]. – Leningrad: Nauka, 1990. – 51 p. – ISBN 5-02-025917-9. – Text: direct.
20. Trubetskoy E.N. The Meaning of Life / E.N. Trubetskoy. – Moscow: Printing House of the I.D. Sytin Partnership, 1918. – 232 p. – Text: direct.
21. Ulunyan A.A. Political History of Greece in the 20th Century: A Textbook / A.A. Ulunyan. – Moscow: Vysshaya Shkola, 2004. – 196 p. – ISBN 5-06-004523-4. – Text: direct.

Миссии проектного мышления в формировании социальной активности региональной молодежи (социально-философский концепт)

Коготыжева Алина Кушбиевна,

ассистент кафедры теории и технологии социальной работы, аспирант направления «Социальная и политическая философия» Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: alino.kogo@mail.ru

Хубиев Башир Билялович,

научный руководитель кафедры теории и технологии социальной работы, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: ktiisr@mail.ru

Статья основана на результатах метода контентной аналитики, методов литературного анализа и устного опроса. Объектом работы является самая энергичная и предприимчивая социально-демографическая общность под названием молодежь, в разрезе региона – Кабардино-Балкарской республики (далее КБР). Умеренный эпатаж, стеничность и активный потенциал молодых людей во всех сферах делают данную социальную группу алертной и ресурсной не только для общества, в котором она находится, но и для всего региона и страны. Проектный подход в условиях нынешней реальности позволяет индивиду качественно и эффективно реализовать свой потенциал, преобразуя свою окружающую среду и будущее своего региона. Автор рассматривает как конструируется проектное мышление у студенческой молодежи бакалавриата социально-гуманитарного института в Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова (далее КБГУ), его ключевую роль в обществе и какие факторы на него влияют. Научная новизна статьи заключается в попытке автором ввести инновационное понятие – «проектный активизм» в междисциплинарную матрицу, которое отражает новое направление молодежного активизма в современной реальности и влияет на трансформацию мысленных и поведенческих паттернов. Материалы статьи подготовлены на основе слушания региональной школы социального проектирования «С грантами на ты». В статье реализована попытка рассмотреть создание паспорта социального проекта с нуля с учетом рекомендаций федеральных экспертов «Росмолодежи» преподавателем-исследователем КБГУ им. Х.М. Бербекова.

Ключевые слова: молодежь, проектное мышление, вуз, государство, проектный активизм, социальный потенциал, молодежная политика, КБР.

В условиях гиперинформационного и стремительно развивающегося мира модель проектной конструкции объектов нашей реальности получает новое измерение для всего человечества. Пропустим все тривиальные высказывания о высокой динамичности процессов и явлений нынешней реальности с использованием цифровых технологий всего мира. Обесценивать этот процесс мы точно не хотим, но сейчас мы предлагаем акцентировать внимание на достаточно недооцененном и пока малоизученном процессе. Здесь идет речь о динамизации инновационного типа мышления у молодежи под названием «проектное». Спектр актуальных социальных сфер, которые нуждаются в проектном решении довольно много. На сегодняшний день данные проблемы затрагивают все человечество и все сферы общественной жизни. Сюда относятся социокультурные последствия высоких технологий, от вопросов культуры до формирования гражданского общества.

В статье отдельно хотим акцентировать внимание на значимый факт – небольшая по меркам Кабардино-Балкарская Республика на сегодняшний день располагает достойным научным потенциалом и авторскими идеями, несомненно, заслуживающими внимания в масштабе развернутого на общероссийском уровне научного дискурса.

Идентичность молодежи и человека в целом отождествляет больше не субъективные отношения агентов социального воздействия (индивидов, групп), а сумму признаков и свойств, создающих (формирующих) распознаваемый облик, индивидуализирующих черт и граней объекта – той или иной цивилизации, конкретной геополитической единицы [5, с. 80–81].

С начала 20 века в общем контексте динамики социального бытия, а также развития средств и форм коммуникации, формируется современный парадигмальный модус персональной идентичности, определяемый как «коммуникативно-спектральный», поскольку выражает беспримерную мобильность человека наших дней (ментальную, ценностную, профессиональную, культурную, пространственно-временную, поведенческую) и решающую роль информационных потоков и коммуникативного давления в жизни человека [6, с. 21].

Роль ныне бытующих информационных потоков и информационных технологий в формировании личной идентичности явно амбивалентна –

они могут размывать идентичность человека, лишая его принципов и убеждений, но и срабатывает на формировании уникальной идентичности образованного и мыслящего человека, который умеет критически мыслить. Здесь все зависит от личных усилий и ценностных позиций индивида.

Многие авторы полагают, что на человека и его идентичность в современном мире более всего довлеют именно гедонистические ценности потребительского общества, что якобы ведет к формированию цивилизации нарциссизма. Но сегодня активная проектная деятельность российской молодежи доказывает обратное.

На молодежь региона бесспорно оказывает влияние система образования, при этом реализуя долгосрочное и универсальное воздействие. Здесь происходит воздействие в симбиозе комплексной работы и молодежной политики региона, в которой система образования играет ключевую роль.

Реализуя стратегическую миссию программ и проектов, университет сталкивается с рядом проблем, требующих теоретического и практического решения.

Учитывая, что именно знания являются определенным компасом для движения молодежи, они являются фактором инноваций, источником движения, развития, прогресса.

Вкладом системы университетского образования сводится в формировании у молодежи современного образования. Но возможен ли успех, если все полученное знание не апробировано и не закреплено практической деятельностью? Выясним в данной работе.

Под неконтролируемым натиском концентрации современных вызовов и угроз государство нуждается в позитивных социальных изменениях во всех сферах общественной жизни. В нынешнее время веской гаджетизации, актуальнее становится миссия сохранения социальных и культурных ценностей человека. Молодому поколению все сложнее противостоять подмене вековых традиционных ценностей. Ценности и поступки, закладываемые в этот момент, повлияют на его поступки и на его смысловое ядро в будущем.

Противоречивое сознание молодежи удручено большим давлением и грузом ответственности за проектирование будущего. Несмотря на большое количество представляемых благ современным государством, так называемая движущая сила общества под названием – молодежь буквально ощущает себя «брошенной вперед» (от лат. проектирование «projectus» – брошенный вперед). Человечество вынуждено проектировать свое будущее ежедневно. Начиная от планов на завтра, заканчивая записью к доктору или бронированием места в детском саду для ребенка. Но почему проектирование все еще остается самым эффективным инструментом для решения общечелове-

ческих проблем на сегодня? В данной работе автор пробует реализовать попытку выяснения данных причин.

Проект – это временное предприятие, предназначенное для создания уникальных продуктов, услуг или результатов [3, с. 4].

Понятие «проект» давно успешно интегрировано в нашу жизнь и уже стало в обиходе обыденности. Проект понимается как совокупность определенных специфических характеристик и свойств:

- определенные сроки (есть начало и конец, ограниченные сроки реализации, рекомендуемый минимальный срок, к примеру социального проекта – полгода, максимальный – год);
- ограниченность ресурсов (ошибочно воспринимать ресурсы исключительно с денежной стороны, ведь ресурсы, это всё то, что мы используем в процессе реализации проекта, то есть люди, знания, материалы и т.д.);
- четкая структура компетенций (всегда есть инициатор проекта, который проект разработал и его команда, которая представляет собой сообщество единомышленников);
- наличие проблемы, с которой начинается любой проект, цели, которая эту проблему решает, задач и мероприятий;
- создание уникального продукта, услуги или товара;
- определенная география проекта.

Социальный проект можно определить как комплекс действий и мероприятий, направленных на достижение цели и получения заранее запланированных результатов для изменения существующей социальной проблемы [2, с. 5].

В настоящее время все социальные проекты группируются следующим образом.

1. Научно-технические (разработки определенных технологий в общественно-революционной сфере).
2. Образовательные (строительство новых школ, внедрение обучающих развивающих занятий, лектории, разработка пособий, методик, дидактических материалов).
3. Благотворительные (поддержание бездомных животных, слабозащищенных слоев населения).
4. Культурные (поддержание исчезающих видов культуры и традиций).
5. Защитно-правовые (защита животных, разработка мероприятий для людей, которые находятся в трудных жизненных условиях).
6. Воспитательные (гармоничное развитие индивидуальности) [4].

Социальное проектирование неотъемлемо связано с детьми и молодежью, с их творчеством, социализацией, а значит воспитанием [1, с. 10].

Говоря исключительно о социальном проектировании, то в этот список свойств добавляется отсутствие денежного вознаграждения у инициатора

проекта и его команды. Все предельно просто. Если лидер проекта инициировал создание проекта для решения какой-либо общественно-значимой проблемы, это означает, что участники искренне мотивированы внутренним желанием помочь, изменить ситуацию к лучшему и внести вклад в развитие сообщества, что отличает их от обычной трудовой деятельности с финансовым вознаграждением. После проведения устного опроса, у студентов 1–4 курсов социально-гуманитарного института, можно сделать вывод, что отсутствие материальной выгоды также стимулирует команду к искреннему вовлечению и ответственности за результаты, поскольку их деятельность основана на личной заинтересованности и желании служить обществу.

Отдельно отметим, что никакой проект не будет существовать без команды. Не случайно общепринятым тезисом является: «К успеху приводят не лидеры, к успеху приводят команды». Участники команды необходимы для успешной реализации эффективного делегирования обязанностей по проекту, для обмена идеями, для поддержки и мотивации, и являются ключевым ресурсом для реализации социальной миссии проекта и достижения положительных изменений в обществе. Другими словами, они выступают социальным капиталом проекта. Рекомендуемое количество участников социального проекта зависит от его масштаба, дедлайнов и уровня компетенций членов группы, но обычно составляет от 3 до 7 человек.

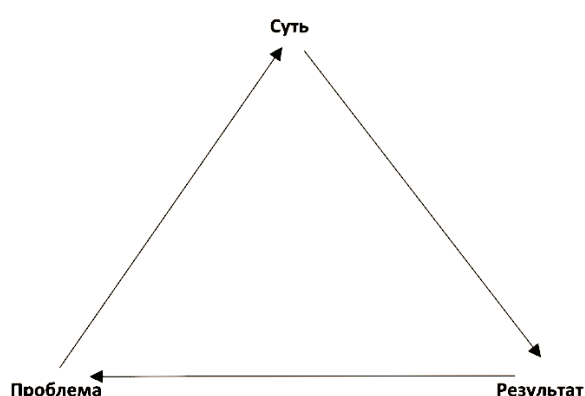

Рис. 1. Треугольник жизни проекта

Треугольник жизни проекта (рис. 1) показывает связь проблемы, сути и результата. Если меняется один элемент, затрагиваются остальные. Баланс всех трех сторон ведет к успеху.

По мнению автора статьи, Коготыжевой Алины – ассистента кафедры Теории и технологии социальной работы, преподавателя дисциплин «Управление проектами», «Обучение служением», «Социальное проектирование, прогнозирование и моделирование в социальной сфере» в Кабардино-Балкарском государственном уни-

верситете им. Х.М. Бербекова, грантополучателя конкурса Росмолодежь. Гранты среди физ.лиц по СКФО в 2025 году, победителя 1 степени Юбилейной XX Выставки инновационных проектов молодых ученых Северного Кавказа, приуроченной ко Дню российской науки – социально-проектная деятельность помогает путешествовать. Речь идет не только об обмене опытом и расширении сети контактов, а о том, что социальные проекты четко дают возможность наблюдать как меняется социальная реальность под воздействием мероприятий проекта, или как она изменится в будущем если приложить определенные усилия. Появляется возможность сравнить что было в прошлом, что есть сейчас, и что может появиться в будущем благодаря социальному проекту.

Грантовая поддержка проектных инициатив на сегодняшний день весьма обширна.

Для физических лиц

1. Добро.РФ (федеральная платформа для волонтеров и социальных инициатив, поддерживает и организации).

2. Росмолодёжь (официальный портал Федерального агентства по делам молодежи, есть меры поддержки и для юр.лиц).

3. Фонд президентских грантов (основная часть грантов рассчитана на организации, физические лица могут участвовать в некоторых конкурсах, особенно в партнерстве с НКО).

4. Портал «Госуслуги» (через этот портал можно подать заявки на участие в государственных программах поддержки, в том числе социальных проектов).

5. Региональные порталы и платформы (многие регионы РФ имеют собственные сайты для поддержки социальных инициатив и грантов) и т.п.

Для юридических лиц (НКО, социальные предприятия, организации)

1. Фонд «Наше будущее» (фонд поддержки социальных предпринимателей и НКО, предлагает гранты и консультации).

2. Агентство стратегических инициатив (платформа для поддержки проектов в различных сферах, включая социальные инициативы).

3. Фонд содействия инновациям (поддерживает инновационные проекты, в том числе социальные технологии).

4. Фонд креативных инициатив (грантовый конкурс направлен на поддержку проектов в сфере культуры, искусства и креативных индустрий).

5. Российский фонд культуры (поддерживает проекты в сфере культуры и социального развития) и т.п.

Существуют платформы крупных корпораций и благотворительных фондов. К примеру, Сбербанк, Газпром, РЖД и другие крупные компании, которые часто проводят конкурсы и грантовые программы для НКО.

По итогам участия в школе социального проектирования «С грантами на ты», а так же в роли координатора Арт-кластера «Таврида. АРТ» на-

правления «проектное сопровождение», автором разработаны рекомендации по созданию карточки проекта с нуля: ссылка на таблицу (табл. 1).

Таблица 1. «Основные разделы проекта карточки проекта в системе АИС «Росмолодежь» – для Всероссийского конкурса молодежных проектов»

Название проекта	Длина не более 255 символов, количество слов до 12
Команда проекта	Перечислить обязанности в ходе реализации проекта, (образование, опыт профессиональной деятельности)
География проекта	Перечислить все субъекты, на которые распространяется реализация проекта
Сроки реализации	Начало и конец реализации, рекомендуемые сроки от полугода до года
Краткая аннотация проекта	Основная идея проекта (до 2000 знаков, 500 слов)
Описание проблемы, решению/снижению остроты которой посвящен проект	Актуальность проекта для категорий граждан в соответствии с целевыми направлениями государственной политики
Основная целевая группа, на которую направлен проект	Важно указать возраст, деятельность и название социально-демографической группы
Основная цель проекта	Цель должна быть одна, конкретная и лаконичная
Задачи проекта	Задачи выступают средними шагами для достижения цели. Рекомендуем не менее трех
Описание методов, ведущих к решению поставленных (выше) задач	Детализируем выше описанные задачи, на небольшие мероприятия. Задачи – средние шаги, а мероприятия – маленькие шаги для достижения цели
Количественные показатели	Указать подробно количественные результаты, включая численность вовлечения молодежи в мероприятия проекта
Качественные показатели	Указать подробно качественные изменения
Мультипликативность и дальнейшая реализация проекта	Как будет происходить наращивание потенциала проекта после успешной реализации
Опыт успешной реализации	Описать опыт команды проекта по реализации проектов в соответствующей сфере деятельности
Партнеры проекта и собственный вклад	Указать партнеров, стейкхолдеров готовых поддержать проект
Информационное сопровождение проекта	Описать текущее и планируемое информационное обеспечение реализации проекта
Дополнительная информация о проекте	Прикрепляемые файлы, подтверждающие софинансирование, расходы, имеющиеся компетенции участников и руководителя проекта и т.д.

На данном этапе критически важно не забыть нажать «сохранить», что бы не потерять все данные. Отдельно отметим логотип проекта. По логотипу проекта должно быть понятно, на решение какой проблемы направлен проект.

Негативными последствиями не реализуемого проекта являются: возвращение полученных средств, применение штрафных санкций.

В заключении проведенного анализа можно сделать вывод, о том что социальное проектирование остается одной из востребованных технологических решений проблем по повышению уровня молодежного активизма в социуме.

Социальное проектирование в рамках федерального образовательного подхода «Обучение служением» позволяет студентам активно служить обществу, решая общественные проблемы, при этом развивая свои профессиональные навыки. Образовательный подход к проектированию интегрирован в деятельность КБГУ им. Х.М. Бербекова и активно функционирует в качестве за-

четной дисциплины с сентября 2024 года на всех направлениях ВУЗа.

Отдельную благодарность за информационную поддержку хотим выразить федеральным экспертам Росмолодежь. Гранты Дарье Зинховской, Мансур Абдул-Малику, Голдыревой Александре, Сальникову Никите.

Литература

1. «Просто о сложном». Основы социального проектирования и работа с социальной рекламой. Часть 1: монография / С.Б. Дворко, А.А. Демидов, Н.О. Свешникова. – Москва: Русайнс, 2020. – 168 с.
2. Социальное проектирование в социальной работе. Практикум для студентов: учебное пособие / Н.В. Сипунова, Н.В. Иванова. – Москва: РУСАЙНС, 2025. – 122 с.
3. Управление проектами: учебник и практикум для вузов / А.И. Балашов, Е.М. Рогова, М.В. Ти-

хонова, Е.А. Ткаченко; под редакцией Е.М. Роговой. – Москва: Юрайт, 2025. – 302 с.

4. Царегородцева М.А. Современное социальное проектирование [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sotsialnoe-proektirovanie> (дата обращения: 22.09.2025).
5. Цымбурский В.Л. Идентичность цивилизационная // Там же. – С. 80–81.
6. Тхагапсоев Х.Г. Идентичность как философская категория // Научный образовательный просветительский журнал 2011, М.

MISSIONS OF PROJECT THINKING IN FORMING SOCIAL ACTIVITY OF REGIONAL YOUTH (SOCIAL AND PHILOSOPHICAL CONCEPT)

Kogotyzheva A.K., Khubiev B.B.

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

This research article uses content analysis, literary analysis, and oral interviews. The subject of the study is the most energetic and enterprising socio-demographic community, youth, within the region of the Kabardino-Balkarian Republic (hereinafter KBR). Moderate outrageousness, self-assuredness, and the active potential of young people in all spheres make this social group alert and resourceful not only for the society in which it is located, but also for the entire region and country. A project-based approach in today's reality allows individuals to effectively and efficiently realize their potential, transforming their environment and the future of their region. The author examines how project thinking is constructed among undergraduate students of the Social and Humanitarian Institute at the

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (hereinafter KBSU), its key role in society and what factors influence it. The scientific novelty of the article lies in the author's attempt to introduce the innovative concept of «project activism» into an interdisciplinary matrix, which reflects a new direction of youth activism in the modern reality and influences the transformation of thought and behavior patterns. The materials of the article were prepared based on the hearings of the regional. The «With Grants from Naty» school of social design. This article attempts to examine the creation of a social project passport from scratch, taking into account recommendations from federal experts of the Federal Agency for Youth Affairs (Rosmolodezh), by a research teacher at the Kharkiv State University named after Kh.M. Berbekov.

Keywords: youth, project thinking, university, state, project activism, social potential, youth policy, KBR.

References

1. Project Management: A Textbook and Workshop for Universities / A.I. Balashov, E.M. Rogova, M.V. Tikhonova, E.A. Tkachenko; edited by E.M. Rogova. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 302 p.
2. Social design in social work. Practical training for students: a teaching aid / N.V. Sipunova, N.V. Ivanova. – Moscow: RU-SAINES, 2025. – 122 p.
3. Social design in social work. Practical training for students: a teaching aid / N.V. Sipunova, N.V. Ivanova. – Moscow: RU-SAINES, 2025. – 122 p.
4. Tsaregorodtseva M.A. Modern social design [Electronic resource]. – 2024. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sotsialnoe-proektirovanie> (date of access: 09.22.2025).
5. Tsymbursky V.L. Civilizational identity // Ibid. – P. 80–81.
6. Tkha gapsoev H.G. Identity as a philosophical category // Scientific educational enlightenment journal 2011, M.

Евразийская интеграция в контексте социально-философской рефлексии

Лозинский Николай Николаевич,

проректор, Юго-Западный государственный университет

E-mail: lonick13@mai.ru

Цель исследования – рассмотрение логики и прагматики евразийской интеграции как процесса, имеющего политическое, экономическое, юридическое и социокультурное измерения. В статье показывается необходимость осуществления междисциплинарной методологии и комплексной исследовательской стратегии, цементирующим началом которой выступают познавательные методы и средства социально-философской рефлексии. В рамках данной работы евразийская интеграция трактуется в контексте выявления и описания процессов социальной адаптации и конвергенции, рассматриваемых в контексте снижения конфликтного потенциала поликультурных, полиэтнических и поликонфессиональных сообществ. Отдельно рассматриваются аспекты сотрудничества и конкуренции в рамках экономической, правовой и социальной интеграции отдельных хозяйствующих субъектов, регионов и целых государств. В центре внимания оказываются вопросы управления и координации усилий стран, участвующих в евразийской интеграции, что позволяет минимизировать риски дезинтеграционных процессов. Научная новизна исследования состоит в выявлении и описании механизмов взаимодействия интегрируемых частей и элементов, позволяющих говорить о евразийской интеграции как о набирающем скорость политическом, правовом, экономическом и социокультурном процессе. В статье обозначаются дальнейшие направления развития движения стран-участниц интеграционных изменений в различных сферах социальной и культурной жизни.

Ключевые слова: евразийская интеграция, социальная адаптация, социальные структуры, сотрудничество, конфликты, межкультурная коммуникация, миграция, институты, ценности.

Введение

Социальный, политический, экономический и культурный контексты евразийской интеграции в начале третьего десятилетия XXI века определяются целым рядом обстоятельств. Можно согласиться с точкой зрения И.В. Ильина и О.Г. Леоновой, которые относят к числу факторов, ускоряющих динамику глобальных политических процессов углубляющееся различие в развитии технологий, в особенности если учесть то значение, которое приобретает компьютеризация и цифровизация всех сфер социальной жизни [6]. Растущее технологическое отставание одних стран от других провоцирует рост экономического неравенства и усиление конкуренции между ними, протекающее на фоне неконтролируемой миграции, изменения климата, кризиса в сфере здравоохранения и иных глобальных проблем.

Ситуация усугубляется ростом количества и изменением природы международных конфликтов – появились гибридные способы ведения войны, вызвавшие к жизни новое понимание сущности феномена безопасности. Ускоряется движение к многополярному и полицентричному миру, вытесняя на периферию идеи глобального лидерства и мирового гегемонизма. «Взаимодействие двух этих групп факторов, – пишет В.С. Степанов, – порождает нестабильный и нелинейный характер динамики глобальных политических процессов. Важнейшим следствием ускорения динамики глобальных политических процессов является постепенное проявление новой конфигурации геополитического ландшафта и трансформация мирового геополитического пространства, изменение соотношения геополитических сил и смещение центра тяжести с Запада на Восток» [14, с. 120].

Евразийская интеграция – процесс прежде всего социальный, хотя в литературе его чаще всего представляют как экономический, политический или даже геополитический [7]. Но анализировать его сферы по отдельности можно лишь обеспечив теоретическую и аналитическую целостность рассмотрения, не сводящуюся к учету политических факторов в экономическом планировании или экономических реалий в разработке политических программ. Необходима теоретическая и административная координация усилий разных сфер и уровней сопровождения интеграционных процессов и активное участие в управлении последними. Как отмечают З.А. Арынова и Г.Т. Супаева, важнейшим направлением евразийской интеграции является гармонизация деятельности налого-

вых служб и координация политики в этой сфере всех интегрирующихся государств [17]. Согласование налоговой политики должно быть частью скоординированной экономической политики, считает К.А. Аттапханов [1].

Для теоретической основы управления евразийской интеграцией лучше всего подходит интегративная социология П.А. Сорокина, специально разрабатывавшего концепцию социальных изменений, в которых значительную роль играет духовное начало. Испытав несомненное влияние философии Н.Я. Данилевского [13], П.А. Сорокин рассматривал переход от одной суперсистемы к другой как параллельное отмирание старой морали и развитие новой, происходящее на фоне социальных потрясений, революций и катастроф. При этом он описывал происходящее в терминах противопоставления чувственной культуры и культуры идеационной. В которой главной ценностью вновь должен стать синтез истины, добра и красоты [5].

Обсуждение и результаты

Даже при поверхностном обсуждении дисциплинарной ограниченности изучения и проектирования евразийской интеграции обращает на себя внимание то обстоятельство, что используемые экономистами и политологами терминология и словарь гораздо более привычный для историков, культурологов и религиоведов. Это лишний раз свидетельствует о том, что на макроэкономических и геополитических уровнях анализа явления, которые обычно относят по ведомству политики и экономики, детерминированы действием историко-культурных и этноконфессиональных факторов. При этом как нельзя отчетливее проявился разрыв между способностью управленцев и консультирующих их экспертов прогнозировать будущее и, тем более, его проектировать или конструировать.

Имеющиеся у современного ученого концепции социальных изменений в той или иной степени связаны с философским осмыслением феномена модерна. Между тем, как было показано в первой главе, в арсенале исследователя сегодня множество теорий модерна и выбор между ними может стать настоящей проблемой для теоретика, не говоря уж об управленцах, вынужденных принимать практические решения. Однако в своих размышлениях о возможностях и границах модернизации большинство авторов сразу же переходят к теме двух цивилизаций. Разделяя «Восток» и «Запад», многие подчеркивают их различие, игнорируя то, что в российской цивилизации эти два типа успешно сочетаются.

Нетрудно вдеть, что все обвинения в несовместимости культурно-исторических типов, противоречат социально-историческому опыту Запада, который в российских условиях вряд ли вос-

производим. Действительно, невозможно «обойти» те вехи, которые сформировали современную Европу, будь то средневековые города, с их производственными цехами, свободами горожан и общественностью или феодальные отношения, складывавшиеся на руинах Римской империи или в непосредственной близости от бывших ее границ, «двоевластие» Короля и Римской Курии или рецепции римского права. А вот опыт Азии, с разной степенью успешности копирующий и адаптирующий западные политические, экономические, правовые и социальные институты вот уже более столетия, изучать и осваивать просто необходимо. Отсюда и интерес России, которая также осознает себя не-Западом, как прежде осознали себя не-Западом Япония и Китай, Индия и Сингапур, Южная Корея и Турция, к восточному опыту преобразований.

Опыт управления социальными изменениями в России приводит к тривиальному, на первый взгляд, выводу об уникальности объекта управления. Между тем, обращение к теме теоретических основ евразийской интеграции, делает неизбежным обращение к имеющемуся в арсенале социальных философов, социологов, политологов и экономистов теории социальных изменений. Евразийская интеграция в контексте теории социальных изменений выглядит как сложный социальный процесс, относящийся к разряду открытых и многоуровневых. Практики давно подметили, что он также является разноскоростным, а его участники – гораздо более неоднородны, чем участники общеевропейской или латиноамериканской интеграции. Все это необходимо учитывать и восполнять пробелы в существующей социальной теории средствами и методами социальной философии.

Следует заметить, что социальный процесс всегда был в центре интереса тех, кто занимался изучением общества. Теория социального процесса разрабатывалась начиная с XIX века, но именно сейчас она оказалась востребована в таких практикоориентированных областях как теория управления, политическая и экономическая регионалистика и др. «Интеграция социологии и социальных наук, – пишут М.В. Морев, В.С. Каминский, – в «культуру власти» позволит на основе конкретных исследований определять основные направления и средства реализации социально значимых целей, давать научное обоснование, прогноз последствий принимаемых решений, оценку реализуемых мер в соответствии с четкими критериями эффективности» [8].

Действия людей обычно поддаются рациональному объяснению, хотя не все они могут быть отнесены к числу рациональных – некоторые могут быть квалифицированы как эмоциональные или аффективные, а некоторые – как традиционные или рутинные. В традиционных обществах все множество социальных действий и взаимодей-

ствий не приводит к сколь-нибудь заметным изменениям общества, его структуры, институционального строя. Системы ценностей. Но если социальные изменения все же происходят, то всегда они представляют собой совокупный результат целенаправленной деятельности индивидов. «Основное, что характеризует современные социальные процессы, — отмечают В.С. Диев, В.Н. Руденко, В.В. Целищев — это сложность и неопределенность. В таких условиях человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, позволяющей сравнивать различные варианты действий, и выбирать тот, который наиболее полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей. Поэтому объективно растет спрос на социальные знания, на методы социальных исследований, на социальные теории, с помощью которых можно не только объяснять случившееся в прошлом, но также строить обоснованные прогнозы на будущее» [5, с. 5].

Деятельность индивидов и коллективов на макроуровне представляется как единый процесс, но при ближайшем рассмотрении, то есть при выходе на микроуровень она распадается на отдельные социальные действия людей и их взаимодействия. Для того, чтобы изменения вообще произошли, а затем еще и сохранились, они должны быть закреплены путем трансформации прежних институтов и ценностей, а иногда и рождения новых. Но общество, как и любая инерционная система, обладает целым рядом защитных механизмов, препятствующих стремлениям людей что-то изменить, а если уж изменения неизбежны, то они также должны носить системный характер, ибо изменение всего одного института крайне редко не сказывается на функционировании остальных.

Для того, чтобы социальные изменения состоялись, действия индивидов должны быть, с одной стороны, однонаправленными и повторяющимися, а с другой они должны соответствовать новым, еще не сформировавшимся институтам, а также ориентироваться на новые цели и ценности. Только такой трансформационный процесс позволит реализовать и закрепить социальные изменения. Согласно концепции социального процесса Р. Парка и Э. Берджеса можно выделить следующие его виды: кооперация, конкуренция, адаптация, конфликт, ассимиляция и амальгамизация [18].

Главным методом анализа социальных процессов здесь выступает так называемый ситуационный метод, который позволяет каждый раз оценивать то уникальное сочетание действующих субъектов, сил и факторов, которое может способствовать объяснению характера и направленности изменений и, как следствие, возможности их прогнозирования. Как отмечает Э.В. Стоунквист, «ситуационный подход дает ключ к пониманию как степени, так и рода той дезорганизации, которую влечет расовый и культурный конфликт.

По мере того, как напряжение спадает благодаря работающим приспособлениям и постепенной ассимиляции, ослабевает также и личностная дезорганизация... от первоначальной фазы, когда устанавливаются контакты, к последующим фазам конкуренции и конфликта, каждая из которых увенчивается краткими или долгими периодами аккомодации, — и все это сопровождается процессом культурного взаимопроникновения и биологической амальгамации, который понемногу уменьшает дистанцию и различия, так что на месте конфликтов возникает более широкое общее понимание...» [15, с. 285–286]]. Таким сложным и противоречивым представляется путь адаптации социальных групп и индивидов в ходе процесса социальной интеграции [11].

Наивно полагать, что при умелом управлении евразийская интеграция будет проходить лишь в форме кооперации. Даже самые продуманные действия политических элит и бизнеса в направлении интеграции вызовут к жизни весь перечисленный набор социальных процессов. От того, насколько умелыми будут действия властей и насколько проработанными будут политические, социальные и культурные программы евразийской интеграции, зависит функциональность и управляемость всех социальных процессов, в том числе и таких как конфликты или даже ассимиляция.

Из всего многообразия социальных процессов можно выделить главный, обеспечивающий интеграцию — процесс кооперации. Кооперация (от лат. cooperatio — сотрудничество, совместная работа) может рассматриваться как добровольное объединение для совместной деятельности прежде всего в сфере экономики. Необходимость совместного решения экономических задач невозможна без культурного и ценностного сближения, необходимого для минимального взаимопонимания [10]. Для того, чтобы интеграция была не только успешной, но и глубокой, процессы и практики кооперации должны охватывать все уровни социального взаимодействия — межгосударственный, государственный, региональный, межгрупповой, групповой, межиндивидуальный. К числу необходимых условий для этого крайне важно добиться если не соответствия, то хотя бы системной совместимости структур, институтов, целей и ценностей всех субъектов интеграции и интегрируемых объектов [2].

Процессы экономического взаимодействия и культурного сближения в ходе кооперации нуждаются в отдельной проработке. «Область самых широких культурных влияний, — отмечают Р. Парк и Э. Берджес, — совпадает с областью торговли, потому что торговля в самом широком ее проявлении неизменно осуществляется при определенных ограничениях обычая и обычного права... Но, если область экономического процесса почти всегда совпадает с самыми широкими областями культурного влияния, она не распростра-

няется на более мелкие социальные группы. Торговля, как правило, не вторгается в семью. Семейные интересы всегда носят личный характер, даже если они осуществляются в рамках форм коммерции» [18, р. 51–52]. Другими словами, кооперация является драйвером как экономической, так и социальной интеграции, но этот процесс идет на разных уровнях и, как правило, он носит «разноскоростной» характер.

Если кооперацию мы рассматриваем как вид партнерства, то конкуренция означает борьбу за ограниченные ресурсы, причем, как материальные, так и нематериальные. Социальная философия позволяет рассматривать такие нематериальные ресурсы как язык, идеологию или историческое знание в качестве конкурентного преимущества в борьбе за власть, привилегии, доминирование, что в итоге, позволяет более эффективно бороться за материальные ресурсы. При этом конкурировать за нематериальные, то есть символические ресурсы в современном глобализованном мире можно с использованием любых средств, а не только экономических. Это наглядно видно на примере борьбы против русского языка, ведущейся вот уже более трех десятков лет в Восточной Европе и странах, прежде бывших республиками СССР.

Между тем, борьба за ограниченные ресурсы, как материальные, так и символические есть неотъемлемая часть любых социальных изменений, в том числе и интеграционных. В процессе социальных преобразований неизбежно приходят в движение прежние порядки, обеспечивающие использование ресурсов, ставится под вопрос легитимность владения ими, появляется возможность частичного или полного их перераспределения. Здесь возникает традиционный вопрос, актуальный и для теории управления, и для политических практик: как сделать конкуренцию, рождаемую самим процессом интеграции функциональной и предотвратить возможные дисфункции? Ответ хорошо известен из конфликтологии: управлять конфликтом можно при наличии административного ресурса, а также знания причин конфликта, ситуации, предшествующей ему, целей сторон и желаний участников и т.п. [9].

Особый вид управления конфликтами представляет собой управление конкурирующими хозяйствующими субъектами. Здесь, с точки зрения экономики и управления, задача сводится к созданию эффективного правового регулирования, ставящего участников в равное положение и гарантирующего честность экономической конкуренции. Конкуренцию сегодня также исследуют главным образом экономисты. Но этот процесс имеет весомую социальную и культурную составляющую [4]. Встает вопрос о морально-психологической и социокультурной готовности индивидов, групп и коллективов к изменению норм и моделей хо-

зяйственной деятельности, адаптация к которым осложняется вновь появляющимися конкурирующими субъектами [12].

С точки зрения теории управления конкуренцией следует называть соперничество хозяйствующих субъектов, возникающее благодаря их стремлению к лучшим условиям ведения экономической деятельности. Победа в экономической конкуренции нередко означает выживание победителя, переходящее в разорение конкурентов и получение максимальной прибыли. Именно поэтому выживание в условиях рыночной экономики неразрывно связано с обогащением [16, с. 12]. Следует отметить, что если в условиях национальной экономики процесс конкуренции затрагивал индивидов и группы, то в условиях глобализации целые страны и народы соперничают за овладение ограниченными ресурсами, то есть материальными и символическими ценностями, к числу которых могут относиться богатства, власть, статус, почитание, признание и др. Победа в конкуренции достигается либо путем опережения соперников, стремящихся к тем же самым целям, либо путем их недопущения к последним.

Евразийская интеграция нуждается в управлении конкуренцией, то есть в административном и правовом регулировании деятельности хозяйствующих субъектов с целью гармонизации отношений между ними, вплоть до искусственного ограничения их конкурентной активности. При установлении правил игры необходимо учитывать технологическое неравенство, культурное многообразие и т.п. В противном случае произойдет то, о чем было написано выше – конкуренция перерастет в конфликт, дисфункциональные последствия которого могут разрушить любые планы и приостановить интеграцию. Не следует полагать, что конкуренция в социальной среде сводится к экономической, но, по сути, это продолжение все того же явления в более широком контексте межиндивидуальных взаимодействий и коллективной деятельности самого широкого спектра. Также не следует оценивать этот процесс как негативный и нежелательный. Конкуренция – сопутствует всем сложным социальным явлениям. На ее исчезновение очень надеялись большевики, заменив рыночную экономику плановой. Время показало ошибочность этой идеи и неизбежность рыночной экономики в современном обществе. Более того, конкуренция всегда являлась и причиной развития социальных систем, придавая их существованию динамизм и стремление к совершенствованию.

Заключение

Если евразийская интеграция – это интеграционный процесс, протекающий одновременно в политическом, экономическом, правовом и социокультурном

пространствах, трансформируя их и, одновременно с этим, сохраняющим каждое из них. Только на первый взгляд может показаться, что единое евразийское пространство может возникнуть на руинах существующих сегодня социокультурных и административных целостностей, соответствующих странам и регионам. Не является альтернативой иллюзорное сохранение status quo, то есть воспроизводство той степени замкнутости и автономии, которую сегодня обеспечивают субъектам государственных границы и таможенные барьеры, социокультурные общности и этноконфессиональные идентичности. Общности и идентичности в ходе интеграционных процессов можно сохранить или же защищать их от внешнего разрушительного воздействия, допуская их естественную и постепенную эволюцию. А границы и барьеры необходимо регулировать, смягчать и даже отменять в зависимости от уровня и степени социальной, политической и экономической интеграции, оставляя при этом в неприкосновенности государственный суверенитет и национальную целостность. Все зависит от того, насколько продуманным и системным будет административное управление. А это, в свою очередь, зависит от эффективности взаимодействия органов государственной власти всех политических субъектов, интересы которых должны совпасть. В этом и состоит искомое единство логики и прагматики процесса евразийской интеграции.

Литература

- Аттапханов К.А. Фискальная система государства: роль и вопросы совершенствования. Алматы: ылым, 2019. 104 с.
- Бакланов И.С., Бакланова О.А. Социальная норма как функциональное основание социальности: проблема формирования и поддержания традиций // Patria. 2025. Т. 2, № 1(5). С. 75–88.
- Диев В.С., Руденко В.Н., Целищев В.В. Объединяя усилия в исследовании социальных процессов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10. № 3. С. 5.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И., Дивненко О.В. Симулятивно-имитационные формы рационализации как новые компетенции молодежи в изменяющейся социальной реальности // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского 10–12 ноября 2016 г. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 12–48.
- Иванов Д.В. Ценные предсказания Питирима Сорокина: социальная и культурная динамика в XXI веке / Д.В. Иванов // Наследие. 2011. № 1. С. 495–508.
- Ильин И.В., Леонова О.Г. Факторы динамики глобальных политических процессов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 9 (119). URL: <https://history.jes.su/s207987840023011-1-1>
- Минько Н.С. Идеологическая интеграция Республики Беларусь на Евразийском пространстве как конституционно-правовой феномен / Н.С. Минько // Право в современном белорусском обществе. 2023. № 18. С. 137–147.
- Морев М.В., Каминский В.С. Социальные процессы: классическая теория и современная актуальность // Вопросы территориального развития. 2016. Вып. 3 (33). С. 1–13. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1890>
- Ореховская Н.А. Социально-гуманитарные знания как ответ на большие вызовы российскому обществу // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 4. С. 200–202.
- Пржиленский В.И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Норма, 2016. 176 с.
- Пржиленский В.И., Пржиленская И.Б. Социальная архаизация: экспликация, операционализация, концептуализация // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 37–48.
- Рассадына Т.А. Социокультурные аспекты социальной конкуренции (молодежный сегмент) // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 71–79.
- Сорокин П.А. Макросоциологическая теория Н.Я. Данилевского (1822–1885) // О русской общественной мысли. СПб: Алетейя, 2000. 221 с.
- Степанов В.С. Динамика глобальных и региональных политических и экономических процессов // Регион: системы, экономика, управление. 2025. № 2(69). С. 118–123.
- Стоунквист Э.В. Маргинальный человек. Чикагская социология: Сб. переводов. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2015. С. 140–156.
- Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
- Arynova, Z.A. Harmonization of the tax system of the Eurasian Economic Union member states in the context of economic integration / Z.A. Arynova, G.T. Supaeva // Вестник Инновационного Евразийского университета. 2020. № 2(78). С. 68–73.
- Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the Science of Sociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1921. 1040 p.

EURASIAN INTEGRATION IN THE CONTEXT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL REFLECTION

Lozinskiy N.N.
South West State University

The purpose of this study is to examine the logic and pragmatics of Eurasian integration as a process with political, economic, legal,

and socio-cultural dimensions. The article demonstrates the need for an interdisciplinary methodology and a comprehensive research strategy, anchored by the cognitive methods and tools of socio-philosophical reflection. This paper interprets Eurasian integration in the context of identifying and describing processes of social adaptation and convergence, considered in the context of reducing the conflict potential of multicultural, multi-ethnic, and multi-religious communities. The scientific novelty of this study lies in identifying and describing the mechanisms of interaction between the integrating parts and elements, allowing us to consider Eurasian integration as an accelerating political, legal, economic, and socio-cultural process.

Keywords: Eurasian integration, social adaptation, social structures, cooperation, institutions, migration, institutions, values, conflicts, intercultural communication.

References

1. Attapkhanov K.A. The fiscal system of the state: the role and issues of improvement. Almaty: Gylym, 2019. 104 p.
2. And Baklanov S., Baklanova O.A. Social norm as a functional basis of sociality: the problem of formation and maintenance of traditions // *Homeland*. 2025. Vol. 2, № 1(5). Pp. 75–88.
3. Diev V.S., Rudenko V.N., Tselishchev V.V. Combining efforts in the study of social processes // *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 2012. Vol. 10. № 3. p. 5.
4. Zubok Yu.A., Chuprov V.I., Divnenko O.V. Simulation and imitation forms of rationalization as new competencies of youth in a changing social reality // *The Russian Sociological Community: History, Modernity, place in World Science / Proceedings of the scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the M.M. Kovalevsky Russian Sociological Society on November 10–12, 2016*. St. Petersburg: Scythia-print, 2016. Pp. 12–48.
5. Ivanov D.V. New ideas about Pitirim Sorokin: social and cultural dynamics in the XXI century / D.V. Ivanov // *Consequence*. 2011. № 1. Pp. 495–508.
6. Ilyin I.V., Leonova O.G. Actors-dynamics of the global political process // *Electronic scientific and educational journal «History»*. 2022. Vol. 13. Issue 9 (119). URL: <https://history.jes.su/s207987840023011-1-1>
7. Minko N.S. The ideological integration of the Republic of Belarus in the Eurasian space as a constitutional and legal phenomenon / N.S. Minko // *Law in modern Belarusian society*. 2023. № 18. Pp. 137–147.
8. Morev M.V., Kaminsky V.S. Social processes: classical theory and modern relevance // *Issues of territorial development*. 2016. Issue 3 (33). Pp. 1–13. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1890>
9. Orekhovskaya N.A. Socio-humanitarian knowledge as a response to major challenges to Russian society // *Socio-humanitarian knowledge*. 2025. № 4. Pp. 200–202.
10. Przhilensky V.I. Social technologies: fundamental and applied problems. Moscow: Norma, 2016. 176 p.
11. Przhilensky V.I., Przhilenskaya I.B. Social archaization: explication, operationalization, conceptualization // *Questions of philosophy*. 2019. № 5. Pp. 37–48.
12. Rassadina T.A. Sociocultural aspects of social competition (youth segment) // *Socio-humanitarian knowledge*. 2021. № 1. Pp. 71–79.
13. Sorokin P.A. The macrosociological theory of N.Y. Danilevsky (1822–1885) // *About Russian social thought*. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2000. 221 p.
14. Stepanov V.S. Dynamics of global and regional political and economic processes // *Region: systems, economics, management*. 2025. № 2(69). Pp. 118–123.
15. Stonquist E.V. Marginal man. Chicago Sociology: Collection of translations. RAN. INION. The Center of social science-inform. Research Department of Sociology and Social Sciences. Psychology. Moscow, 2015. Pp. 140–156.
16. Fedotova V.G. Good society. Moscow: Progress-Tradition, 2005. 544 p.
17. Arynova, Z.A. Harmonization of the tax system of the member states of the Eurasian Economic Union in the context of economic integration / Z.A. Arynova, G.T. Supayeva // *Bulletin of the Russian University*. 2020. № 2(78). Pp. 68–73.
18. Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1921. 1040 p.

Концепции власти и государства в политической философии XVI–XVII вв.

Сиушкин Альберт Евгеньевич,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и политологии ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

В статье исследуются концептуальные подходы к феномену политической власти, характерные для эпохи раннего Нового времени. Автор отмечает, что важной особенностью рефлексии о власти в рассматриваемый период является ее тесная связь с проблематикой государства и государственного управления. Начало процесса модернизации традиционного феодального государства в силу своей новизны и масштабности привлекало к себе первоочередное внимание мыслителей того времени, побуждало их рассматривать текущие социально-политические процессы, прежде всего, сквозь призму государственности. В статье рассматриваются концепции власти и государства таких представителей философии Нового времени как Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Гоббс. Между их взглядами имеется много общего: власть ассоциируется с правом, а государство в их представлениях автономизируется от личности правителя, обретая собственную субъектность в лице бюрократического аппарата. Наиболее явно такой подход воплощен у Т. Гоббса, чей Левиафан стал выражением идеи государственно организованного сообщества, в котором властные отношения локализованы механистически и юридически, а сама власть во многом отождествляется с правопорядком.

Ключевые слова: политическая власть, политическая философия, модернизация государства, Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Гоббс, Левиафан.

Введение

Актуальность. Основы современной концептуализации феномена политической власти были заложены в эпоху Модерна, в ходе которой произошла коренная трансформация феодального типа государства в политический институт совершенно нового вида. Данный процесс явился отражением общих изменений в экономике и культуре европейских стран, что также отразилось и на системе философского и научного знания. Последовал переход от теологической картины мира к рациональной и естественно-научной. В этой связи наиболее видными представителями общественно-политической мысли XVI–XVII вв. – Н. Макиавелли, Ж. Боденом, Т. Гоббсом, Дж. Локком и др. – были сформулированы новые концептуальные подходы к пониманию не только власти, но и политической сферы в целом. Впервые были выработаны основы теорий суверенитета и общественного договора, переосмыслено понятие естественного права, заложен фундамент современных представлений о структуре властных отношений. Все эти изыскания, безусловно, вызывают интерес и в настоящее время, поскольку в них представлены основы той парадигмы, в лоне которой так или иначе находится подавляющее большинство современных политических исследований, в том числе касающихся и вопросов политической власти. В качестве подтверждения этого можно привести часто цитируемые слова С. Клэгга о том, что если бы, например, не было Гоббса и его работ, то вряд ли бы господствующая сегодня каузальная концепция власти «была так глубоко обоснована и влиятельна» [1, с. 23]. В этой связи в рамках построения историографии концептуального анализа политической власти представляется актуальным вновь обратиться к анализу философских учений Нового времени.

Актуальность темы предопределяет *цель* исследования – рассмотреть основные концепции феномена политической власти, имевшие место в период XVI–XVII вв. Поскольку объективно данные концепции содержатся в трудах таких представителей философии рассматриваемой эпохи как Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Гоббс, то в качестве *задач* исследования следует обозначить последовательный анализ представлений о природе и сущности политической власти указанных авторов. Также в качестве задачи обозначим необходимость сформулировать итоговые выводы по результатам проделанного исследования.

Материалы и методы исследования. Автором применялись традиционные для гуманитарных наук исторический и сравнительный подходы, а также такие общелогические методы как анализ, синтез, обобщение и типизация. В качестве материалов исследования послужили классические труды представителей философии XVI–XVII вв., а также публикации современных авторов, затрагивающие проблематику исследования.

Результаты и обсуждения

Важной особенностью зарождающейся рефлексии о власти в рассматриваемый период является ее тесная связь с проблематикой государства и государственного управления. Можно предположить, что причинами этого являются: во-первых, естественное для еще не отжившего феодального мировоззрения неразличение государственной и политической сфер общества; во-вторых, старт процесса кардинальной трансформации института государства, начало его превращения в общественное учреждение современного типа, что в силу своей новизны и масштабности приковывало к себе первоочередное внимание мыслителей того времени, побуждало их рассматривать текущие социально-политические реалии и процессы, прежде всего, сквозь призму государственности.

Труды Н. Макиавелли, и, в первую очередь, его самое известное произведение «Государь», посвящены принципам государственного администрирования, в том числе способам завоевания и удержания власти. Широко известны считающиеся антинравственными изречения Макиавелли: «Цель оправдывает средства», «Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам» [2, с. 98]. «Что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись? ... Если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх» [2, с. 94]. Данные цитаты убедительно свидетельствуют, что для Макиавелли в первую очередь важен результат правления, а не мораль. Политик не должен руководствоваться в своей деятельности нравственными нормами. Нельзя ему и находиться в плену религиозных догм. Макиавелли решает проблему церкви и государства, утверждая, что не власть должна состоять на службе у религии, а религия на службе у власти.

Цинизм Макиавелли находит свое оправдание в идее общего блага, которое, по его мнению, достижимо только в условиях сильного, единого и централизованного государства, выступающего гарантом собственности, безопасности и достойной жизни своих граждан. С позиции достижения такого блага, а не с точки зрения морали или религии должны оцениваться поступки конкретных политических деятелей. Лишь та власть, которая направлена на успех и процветание страны мо-

жет быть квалифицирована как подлинная и полноценная. На пути достижения такой власти допустимы любые средства, опирающиеся как на закон, так и на необходимые в отдельных случаях тиранию и насилие.

Политические взгляды Макиавелли следует оценивать, учитывая их историческую конъюнктуру. В целом стремление к нейтрализации моральных и религиозных представлений было явлением, свойственным рассматриваемому времени, когда церковь в результате долгой и тяжелой борьбы с светской властью европейских правителей существенно утратила свою гражданскую и политическую юрисдикцию. Эта тенденция, в свою очередь, была частью процесса становления государства нового вида, которое Макиавелли обозначил в виде «*lo stato*» – новой, «абсолютно светской категории, к которой не применимы не только теологические трактовки и аргументация, но и моральные критерии его оценки» [3, с. 123].

О каком государстве идет речь? Как уже было сказано, о том, что рождалось в ходе начавшейся модернизационной трансформации западноевропейского общества. Сегодня такое государство обычно называют национальным или абсолютистским. В советской же политической историографии прямо заявлялось, что Макиавелли является автором первой теории буржуазного государства. В доказательство этого приводились следующие факты: Макиавелли сторонник республиканской формы правления в противовес монархической, он выступает за законность как принцип государственности и неприкосновенность частной собственности, опору власти видит в народе, а не в аристократии. Наконец, его пренебрежение моралью и стремление к подчинению церкви государству есть не что иное как борьба со устаревшими феодальными понятиями, отражающая «... вторжение денег во все общественные и личные отношения, начиная с распределения продукта и кончая религиозными убеждениями людей» [4, с. 451].

Учение Макиавелли отражает определенные тенденции национального государственного строительства того времени, а именно, стремление к централизации и сосредоточению в руках государства всех главных политических и материальных сил, и, что особенно важно в контексте настоящего исследования, формированию и укреплению государственного аппарата. В настоящее время многие не задумываясь употребляют термин «государство», поскольку это слово стало крайне привычным. Однако, так было не всегда. Особенно в эпоху жизни Макиавелли, когда государство становилось, по сути, новым явлением, обозначая суть которого, великий флорентинец и обращается к понятию «*lo stato*». Данное понятие использовалось и раньше, однако, именно Макиавелли начи-

нает применять его систематически, избегая более привычного в то время термина «*res publica*».

О.А. Кравченко и И.О. Кравченко выделяют следующие контексты употребления *lo stato* до Макиавелли:

- 1) в качестве выражения состояния или положения самих правителей (их статуса), например, «для указания на связь между величавостью правителей и их правлением»;
- 2) относительно XIV века в таких странах как Франция и Англия для обозначения прямого влияния суверена на состояние страны (считалось, что хорошее состояние правителя и есть хорошее положение государства).

При этом для правителя представлялось необходимым соблюсти два крайне важных аспекта, а именно: сохранить тот же политический режим, что был до него, а также, те границы территорий, которые существовали при вступлении в правление – они не должны были становиться меньше или как-либо меняться. По мнению авторов, это говорит о том, что в рассматриваемый период вопросы власти и государства регулировалось в основном обычаем или привычкой. Государственного аппарата как такового еще не существовало, вместо этого было понимание суверена как продолжателя определённой политической традиции. Новаторство Макиавелли заключалось как раз в том, что он первые старается разъединить два понимания – «*lo stato*» и людей, которые им руководят. В работе «Государь» «*lo stato*» используется им в качестве указания на аппарат управления подданными, то есть самого государя и иных лиц причастных к правлению [5, с. 13].

Макиавелли также употребляет «*stato*» в значении «статус» применительно к конкретным правителям, но персоналистская этимология у него уже не является единственной, так как не столь важно, кто именно олицетворяет собой *stato*. Как отмечает А.В. Магун, для Макиавелли, что государь, что республика – это просто единицы субъективности. Конечно, государство пока не безлично полностью, (в случае монархии оно все еще есть продолжение тела правителя), но уже представляет собой некую экзистенциальную единицу [6, с. 244].

Не только Макиавелли, но и другие мыслители рассматриваемой эпохи были согласны с тем, что государство и власть не совпадают с личностью правителя, но они же, как правило, и не спешили, отождествлять данные институты с народом. Скорее можно наблюдать противоположную тенденцию защиты абсолютной монархии. Самым авторитетным представителем данного направления считается французский мыслитель и политический деятель XVI в. Жан Боден – автор классического учения о суверенитете (верховой власти в государстве), ставшего основой идеологии абсолютизма.

В своих работах Боден подвергает критике Макиавелли в связи с его позицией относительно религии. Говоря об абсолютной монархии как наилучшей форме правления, Боден, в классических традициях Средневековья подчиняет ее Божественному закону, который обязан соблюдать каждый правитель. Для Макиавелли же, по словам Бодена, существует лишь два основания власти: «безбожие и несправедливость, порицающие религию в противоположность государству» [7, с. 227]. Неприемлемо для Бодена и восхваление правителей-тиранов, свободных от любых моральных принципов.

Что касается власти, то по словам Бодена: «Любое государство ... управляется посредством приказа и подчинения, когда природная свобода, которой один обладает в жизни ..., упорядочена под властью другого» [8, с. 60]. В данном определении заключены две основные характеристики власти – порядок и подчинение. Боден выделяет два вида власти: публичную и частную. Частная власть принадлежит главам домохозяйств, а также корпорациям и коллегиям. Публичная власть стоит над частной и осуществляется главой государства. При этом любая власть берет начало от Бога.

Власть и государство у Бодена неотделимы от суверенитета. Государство – это политическая система подчинения множества частных субъектов единой личности монарха при помощи суверенной, т.е. абсолютной и независимой ни от кого, власти. Главным средством осуществления власти выступает закон, поэтому первейшим признаком наличия суверенитета является способность правителя издавать законы. Остальные средства обусловлены монополией на правотворчество: это прерогатива монарха объявлять войну и заключать мир, назначать высших государственных сановников, вершить суд в последней инстанции, чеканить деньги и взимать налоги. Таким образом, учение Бодена – первая последовательная юридическая разработка вертикали политической власти, обладающей суверенитетом.

Важно, что суверенитетом у Бодена обладает, прежде всего, государство, и только затем монарх. Это четко видно уже из самого определения суверенитета, которое у Бодена, звучит так: «Суверенитет есть абсолютная и вечная власть государства» [9, с. 47]. То есть, как замечает А.В. Магун, государство у Бодена – это уже абстрагированное, безличное понятие, даже если считать, что его носителем является король. Путем суверенитета абстрагируется и идеализируется само государство [10, с. 213]. Таким образом, можно утверждать, что Боден в целом продолжает заданную Макиавелли линию понимания *lo stato* как института, обособленного от фигуры правителя.

Отделившись в трудах философов эпохи Модерна как от личности монарха, так и от тела на-

рода, государство становится самостоятельным центром политической власти. Свое теоретическое завершение эта тенденция находит у Томаса Гоббса в его знаменитом труде «Левиафан» [11]. Но, прежде чем, обратиться к анализу данного произведения, автор статьи считает важным уточнить само содержание процесса автономизации государства. Этот процесс представлял собой, в первую очередь, становление государственно-бюрократического аппарата в связи с переходом от династической формы правления к публичной. Данную трансформацию в свое очень ясно концептуализировал в своих исследованиях французский социолог Пьер Бурдьё, посвятивший данной проблеме курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс [12].

Описывая исторический генезис государства, Бурдьё обращает внимание на тот факт, что традиционная система династической власти в странах Запада, исчезла не столько в результате революционных актов, сколько в процессе постепенной передачи своих полномочий бюрократическому аппарату. В целом историческую задачу своего исследования Бурдьё определил следующим образом: «... показать, как постепенно сложилось бюрократическое поле <...>, как <...> власть, которая была сосредоточена в руках короля, постепенно разделилась и как образовалась эта первичная сеть взаимозависимости, на базе которой <...> развилась сложная бюрократия ...» [12, с. 538].

В общих чертах схема Бурдьё такова. Централизация государства, представлявшая собой концентрацию военной (армия) и финансовой (налоги) мощи, была изначально тесно связана с работой юристов и бюрократов. Процесс сопровождался профессионализацией государственной службы, формированием корпуса специально обученных функционеров, чьи полномочия удостоверены государственным мандатом. Данную практику Бурдьё описывает как становление профессиональных полей, в которых юристы и чиновники конкурируют за спрос на исполнение бюрократических задач. Это, в свою очередь, способствует универсалистской юридизации и технологизации управления, основанной на вере в «государственный интерес», т.е. в общественную пользу, безличность и беспристрастность государства. Этому интересу в итоге подчиняются не только подданные, но и сам монарх, который вместе со своим двором постепенно опутывается сетью юридических правил и процедур управления и ответственности. Создается упорядоченная пирамида делегирования властных полномочий, которая в итоге отвердевает в институциональный каркас современного государства. До этого момента, по мнению Бурдьё, государство и не существовало вообще, по крайней мере в том виде, каким мы его представляем теперь. Таким образом, государство – это во многом продукт экспертного знания,

эволюционирующий вместе с материализацией бюрократических и силовых институтов. Сам Бурдьё дает процессу становления государства следующее описание – это «автономизация сугубо бюрократической логики... то есть конкретной логики, не являющейся логикой морали, религии, политики и т.д.» [12, с. 34].

Итак, в XV–XVII вв. государство постепенно отделяется от династии, превращается в бюрократический механизм, функционирующий независимо от личности, находящейся у власти. Томас Гоббс представляет такое государство в виде библейского чудовища Левиафана – всемогущей сущности, призванной прекратить естественное состояние «войны всех против всех». Философ заимствует образ из Библии (Книга Иова), где Левиафан – неукротимое морское чудовище, символ божественной мощи. Гоббс использует его как аллгорию абсолютной государственной власти, учрежденной людьми, чтобы предотвратить анархию. На титульном листе первого издания (1651) Левиафан изображен в виде гигантского правителя, составленного из множества людей, – визуализация идеи, что государство рождается из объединения индивидов на основе общественного договора. Государство для Гоббса является одним лицом, «искусственным человеком», единой личностью, чья воля на основании соглашения многих людей должна считаться волею их всех. Воплощением такого тотального отчуждения, как и у Ж. Бодена является фигура суверена – носителя верховной неограниченной власти, в пользу которого граждане (подданные), объединившиеся в государство, отказываются от своих естественных прав.

Будучи существом, Левиафан структурирован подобно организму. Описание этой структуры, которое Гоббс дает в начале своего труда, не оставляет сомнений, что Левиафан – это, одновременно, и выражение идеи мощного бюрократического аппарата: «искусственной душой» государства, дающей жизнь и движение всему телу является верховная власть правителя; должностные лица и чиновники – «искусственные суставы»; система наград и наказаний, при помощи которых каждый сустав прикрепляется к седалищу верховной власти и побуждается исполнить свои обязанности – «нервы»; советники, «внушающие народу все то, что ему необходимо знать», представляют собой память; справедливость и законы являют собой искусственный разум и волю [11, с. 6].

Описание строения Левиафана подчёркивает механистичность и сложность государства Нового времени, состоящего из множества элементов, каждый из которых выполняет строго отведённую функцию. Очевидно, что в таком изложении государство больше ассоциируется не столько с искусственным организмом, сколько с машиной управления обществом. Сам Гоббс термин «маши-

на» применительно к государству не употребляет, однако, именно ему приписывают возникновение и популяризацию данной метафоры. Так, Я.А. Кирсанов [13, с. 155], ссылаясь, в свою очередь, на исследование К. Шмитта [14], утверждает, что именно Т. Гоббс впервые вводит в дискурс Нового времени мифологему «машины государства», создав общее семиотическое поле для понятий «техника» и «власть». Указанная мифологема, в дальнейшем получает самое широкое употребление и в различных вариациях встречается у И. Бентама, А. Сен-Симона, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Фуко и др.

Л. Мэмфорд в работе «Миф машины. Техника и развитие человечества» [15] отмечает явную корреляцию следующих процессов, получивших развитие в Европе XVI–XVII вв.: 1) централизации политической и военной власти, формирования абсолютизма и 2) совершенствования техники, распространения механистического мировоззрения. По его мнению, механистическая картина мира стала тем типом рациональности, который был положен в основу организации государства рассматриваемой эпохи, развившегося в сложный, упорядоченный механизм, в отношении которого Гоббсом и применяется машинная метафорика.

В этой связи становится понятной специфика осмысления Гоббсом феномена политической власти. Считается, что, именно, Гоббс впервые предпринял попытку определить власть как понятие, заложив при этом основы т.н. «каузальной» концепции, по настоящее время преобладающей в кратологических исследованиях. Согласно Гоббсу, власть («power») человека – «есть его наличные средства достигнуть некоего видимого блага в будущем» [11, с. 91]. Гоббс различает оригинальную (естественную, природную) и инструментальную власть. Оригинальная власть являет собой превосходство способностей тела или ума, как, например, необычайная физическая сила, красота, благоразумие, искусство, красноречие, щедрость, благородство. Инструментальной называется власть, которая приобретена при посредстве вышеуказанных качеств или благодаря удаче и является средством или инструментом для приобретения еще большей власти, как богатство, репутация, друзья и тайное содействие Бога, которое люди называют счастьем. Наибольшей властью является та, которая составлена из сил большинства людей, объединенных соглашением, и перенесена на одну личность, физическую или гражданскую, пользующуюся всеми этими силами или по своей собственной воле, какова, например, власть государства.

Каузальный характер власти проявляется себя в том, что она, подобно машинному механизму, реализуется через причинно-следственные связи между агентами (субъектами властных отношений). Власть характеризует отношения, в ко-

торых один агент может стать причиной определенных действий другого агента. Как подчеркивает В.Г. Ледяев, власть агента у Гоббса и эффективная причина – это почти одно и то же. Различие между властью и причиной связано лишь со временем действия: причина относится к уже произведенному следствию, к прошлому, в то время как власть есть способность производить что-то в будущем. Таким образом, власть, по Гоббсу, – это диспозиционное понятие, оно выражает потенциал субъекта власти достигнуть гарантированного подчинения объекта [16, с. 26].

Гоббс рассматривает властные отношения не только как механистичные и причинные, но и асимметричные и конфликтные – отражающие господство одних людей над другими. Власть концептуализируется им как власть над кем-то, как «отношение нулевой суммы», в котором возрастание власти одних индивидов и групп означает уменьшение власти других. Такой подход к пониманию власти в дальнейшем стал главенствующим в общественных науках и получил продолжение в работах таких авторов как М. Вебер, Х. Ласуэлл, Р. Даль и др.

Анализ концепции Гоббса нельзя ограничить исключительно сферой причинно-следственных связей. В таком случае останется непонятным, чем осуществление власти в условиях государства отличается от догосударственного общества, где в условиях «войны всех против всех», очевидно, имели место те же каузальные механизмы господства одних агентов над другими. Также неясным будет, как вообще возможно существование единой и согласованной системы государственной власти, в которой различные агенты имеют альтернативные интересы и стремятся реализовать их с помощью навязывания своей политической воли другим индивидам. Поэтому, анализируя властные отношения, как их описывает Гоббс, следует обращать внимание не только на их каузальный, но и нормативный характер. Действительно, у Гоббса машина государственной власти тесно связана с правом, и не может функционировать вне его норм. Поскольку все столкновения и конфликты порождаются противоречивыми интересами и представлениями индивидов о границах допустимого, то обязанность государства – дать гражданам общую для всех норму поведения, согласно которой они могли бы строить взаимоотношения. Это делается с помощью законов, которые регламентируют, в том числе, порядок отношений власти. Нормы права у Гоббса организуют саму технологию власти, ее распределение между бюрократами, придают власти упорядоченный характер, отличный от хаоса естественного состояния, препятствуют государственному произволу за счет обезличенности и нейтрализации.

И.А. Исаев указывает на сетевой принцип властеотношений у Гоббса, в условиях сохранения

иерархичности и соподчинения предпочитающий анонимность и децентрализованность. Новый Левиафан уже руководствуется не собственными предпочтениями, а неким объективным принципом «правомерности», критерий которой, однако, определяет он сам, апеллируя к виртуальной и рассеянной во властном пространстве системе норм. При этом система этих норм и властвующая структура «оказываются одним и тем же созданием, континуумом, носящим имя правопорядка» [17, с. 206].

Здесь мы видим некий парадокс. На первый взгляд, власть Левиафана в лице монарха-суверена носит неограниченный характер, лишая своих подданных права политического голоса и исключая демократическое начало в устройении государства. Но с другой стороны, безличность государственной машины, как ее представляет Гоббс, в совокупности с подчинением ее функционирования жесткой законодательной регламентации явно указывает на тенденции растворения власти в общественных структурах и институтах, оправдания ее действий, прежде всего, законностью, что идеологически явно коррелирует с концепций правового государства. Таким образом, легальность у Гоббса становится способом функционирования государственной бюрократии, обретения ею собственной логики существования, исходящей из приоритета специфического государственного интереса, а также указывает на упразднение в сфере политического управления элементов личной вовлеченности. Данные аспекты учения о Левиафане отражают процесс юридизации и технологизации управления государством Нового времени, о котором, собственно, и говорил П. Бурдьё.

Заключение

По итогам проделанного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Эпоха Нового времени представляет собой хронологическую границу перехода между старым, традиционным государством, основанном на династическом порядке управления, и государством нового типа, утверждавшим приоритет бюрократического интереса в политическом управлении, стремившемся к централизации финансовых и силовых ресурсов по мере своего становления. Такое государство в научной литературе принято именовать национальным, абсолютистским или буржуазным. Наиболее видные представители политической философии XVI–XVII вв., как, например, Н. Макиавелли, Ж. Боден и Т. Гоббс в своих трудах пытались осмыслить данные перемены, уделяя основное внимание проблемам власти, суверенитета, а также развитию правовых институтов, ставших основой модернизации политико-государственных структур.

2. Н. Макиавелли в вопросах осуществления власти указывал на ее автономность от морали, подчеркивал приоритет государственных интересов над нравственными нормами, оправдывая свой выбор идеей общего блага, достижимого исключительно в условиях сильного и централизованного государства, обозначаемого им как «lo stato». Важной чертой данного государства является его отделение от личности правителя, обретение им собственной субъектности в лице государственного аппарата.

3. В трудах Ж. Бодена власть и государство неотделимы от суверенитета. Государство существует при помощи суверенной, т.е. абсолютной и независимой ни от кого, власти. При этом носителем суверенитета Боден считает, именно, государство, как самостоятельную сущностную единицу, а не монарха. Тем самым он продолжает идею государства как «lo stato» – института, обособленного от личности правителя.

4. Теоретическая тенденция осмысления государства как некой экзистенциальной сущности свое наиболее полное воплощение получает в учении Т. Гоббса. Он представляет государство подобным машине чудовищем – Левиафаном, носителем верховной неограниченной власти. Левиафан учрежден добровольным соглашением отдельных индивидов с целью преодоления хаоса естественного общества. Власть носит каузальный (причинно-следственный) характер. Внутри государства существует стройный иерархический порядок властеотношений с доминирующим центром в лице правителя. Этой властной структуре соответствует сложная система законодательных норм и предписаний, закрепляющих распределение полномочий между ее элементами. Таким образом, выражается идея безличности и беспристрастности государственного механизма (бюрократического аппарата) власти, реализующего интересы общего блага, безотносительно к индивидуальным нуждам.

5. Для всех мыслителей важным представляется правовой аспект функционирования власти и государства. Главным средством осуществления власти у каждого выступает закон, при этом подчеркивается монополия государства (правителя) на правотворчество, что, в принципе, не является новым в сравнении с политической философией Средневековья. Новацией же можно считать то, что права индивидов, их интересы и мотивации впервые начали учитываться при объяснении возникновения государства. При этом механизм и порядок осуществления государственной власти стали мыслиться юридически, а легальность явилась неотъемлемой чертой политического управления обществом. Данная тенденция хорошо заметна уже у Ж. Бодена, но наиболее явно воплощена у Т. Гоббса, чей Левиафан стал выражением идеи политического сообщества, в котором власт-

ные отношения локализованы механистически и юридически, а власть во многом отождествляется с правопорядком. Таким образом, политическая философия Нового времени отошла от средневековых теократических и идеалистических представлений о власти и государстве к их более прагматичному и светскому пониманию, заложив, тем самым, фундамент современного научного подхода.

Литература

1. Clegg S. Frameworks of Power. London: Sage Publications, 1989. Pp. xix + 297.
2. Макиавелли Н. Государь. / сост., предисл., коммент. Э. Вашкевич, пер. с ит. Г. Муравьевой. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 256 с.
3. Махрова Т.К. Предисловие к статье. / Семagina, О.С. Никколо Макиавелли о природе государства (к 500-летию трактата «Государь»). // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 1(2). – С. 123–125.
4. Максимовский В. Идея диктатуры у Макиавелли. // Никколо Макиавелли: pro et contra. Личность и творчество Никколо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. В.В. Сапов; Отв. ред. Д.К. Бурлака. – СПб., 2002. – С. 447–491.
5. Кравченко О. А., Кравченко И.О. «Государство» (lo stato) как понятие и явление Нового времени. // Юридический журнал. – 2025. – № 1(7). – С. 12–18.
6. Магун А.В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. – М., 2011. – 544 с.
7. Жан Боден. «Шесть книг о государстве». Предисловие: перевод и комментарии / Г.И. Баязитова // Европа. – 2014. – № 13. – С. 225–229.
8. Bodin, J. Les six livres de la République. P.: Fayard, 1986. 1700 pp.
9. Bodin, Jean. On Sovereignty: Four Chapters from the Six Books of the Commonwealth. Cambridge texts in the history of political thought. Edited and translated by Julian H. Franklin. Department of Political Science. Columbia University, New York, USA. 192 pp.
10. Магун А.В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. – М., 2011. – 544 с.
11. Гоббс Т. Левиафан. [Пер. с англ. А. Гутермана]. М.: РИПОЛ классик, 2021. – 624 с.
12. Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992); пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2006. 720 с.
13. Кирсанов Я.А. Метафора машины власти в дискурсе Нового времени (на материале трактата Т. Гоббса «Левиафан»). // Вестник

Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2009. – № 1. – С. 151–159.

14. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Пер. с немецкого Д.В. Кузницына. СПб.: «Владимир Даль», 2006. 300 с.
15. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. Пер. с англ. / Перевод Т. Азаркович, Б. Скуратов (1 глава). М. Логос, 2001. 408 с.
16. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001. 380 с. С. 26.
17. Исаев И.А. Государство-Левиафан. Карл Шмитт о теории власти Томаса Гоббса. LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2007. № 2. 193–212.

CONCEPTS OF POWER AND THE STATE IN POLITICAL PHILOSOPHY OF THE XVI–XVII CENTURIES

Siushkin A.E.
Penza State University

The article examines the conceptual approaches to the phenomenon of political power, characteristic of the early Modern era. The author notes that an important feature of the reflection on power in the period under review is its close connection with the problems of the state and public administration. The beginning of the modernization process of the traditional feudal state, due to its novelty and scale, attracted the primary attention of thinkers of that time, encouraging them to consider current socio-political processes primarily through the prism of statehood. The article examines the concepts of power and the state of such representatives of Modern philosophy as N. Machiavelli, J. Bodin, T. Hobbes. There is a lot in common between their views: power is associated with law, and the state is autonomous from the personality of the ruler, acquiring its own subjectivity in the face of the bureaucratic apparatus. This approach is most clearly embodied in T. Hobbes, whose Leviathan became an expression of the idea of a state-organized community in which power relations are localized mechanically and legally, and power itself is largely identified with the rule of law.

Keywords: political power, political philosophy, modernization of the state, N. Machiavelli, J. Bodin, T. Hobbes, Leviathan.

References

1. Clegg S. Frameworks of Power. London: Sage Publications, 1989. Pp. xix + 297.
2. Machiavelli N. The Prince. / compiled, foreword, commentary. E. Vashkevich, translated from Italian by G. Muravyova. – Moscow: AST Publishing House, 2021. – 256 p.
3. Makhrova T.K. Preface to the article. / Semagina, O.S. Niccolo Machiavelli on the Nature of the State (on the 500th anniversary of the treatise «The Prince»). // Law and Order: History, Theory, Practice. – 2014. – № 1(2). – P. 123–125.
4. Maksimovsky V. The Idea of Dictatorship in Machiavelli. // Niccolo Machiavelli: Pro et Contra. The Personality and Works of Niccolo Machiavelli in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers. Anthology / Comp. V.V. Sapov; Responsible. ed. D.K. Burlak. – St. Petersburg, 2002. – P. 447–491.
5. Kravchenko O. A., Kravchenko I.O. «State» (lo stato) as a concept and phenomenon of the New Age. // Law Journal. – 2025. – № 1 (7). – Pp. 12–18.
6. Magun A.V. Unity and Solitude: Course of Political Philosophy of the Modern Age. – M., 2011. – 544 p.
7. Jean Bodin. «Six Books on the State». Preface: translation and commentary / G.I. Bayazitova // Evropa. – 2014. – № 13. – P. 225–229.
8. Bodin, J. Les six livres de la République. P.: Fayard, 1986. 1700 pp.

9. Bodin, Jean. On Sovereignty: Four Chapters from the Six Books of the Commonwealth. Cambridge texts in the history of political thought. Edited and translated by Julian H. Franklin. Department of Political Science. Columbia University, New York, USA. 192 pp.
10. Magun, A.V. Unity and Solitude: A Course in Political Philosophy of the Modern Age. – Moscow, 2011. – 544 pp.
11. Hobbes, T. Leviathan. [Translated from English by A. Guter- man]. Moscow: RIPOL classic, 2021. – 624 pp.
12. Bourdieu P. On the State: A Course of Lectures at the Collège de France (1989–1992); Translated from French by D. Kralech- kin and I. Kushnareva; Preface by A. Bikbov. Moscow: Delo Publishing House, RANEPa, 2006. 720 p.
13. Kirsanov Ya.A. The Metaphor of the Machine of Power in the Discourse of the Modern Age (Based on Thomas Hobbes's Treatise «Leviathan»). // Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy. – 2009. – № 1. – P. 151–159.
14. Schmitt K. Leviathan in Thomas Hobbes's Doctrine of the State. Translated from German by D.V. Kuznitsyn. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2006. 300 p.
15. Mumford, L. The Myth of the Machine. Technology and the De- velopment of Humanity. Translated from English / Translated by T. Azarkovich, B. Skuratov (1 chapter). Moscow: Logos, 2001. 408 p.
16. Ledyayev, V.G. Power: Conceptual Analysis. Moscow: ROSSPEN, 2001. 380 p. P. 26.
17. Isaev, I.A. Leviathan State. Carl Schmitt on Thomas Hobbes's Theory of Power. LEX RUSSICA (RUSSIAN LAW). 2007. № 2. 193–212.

Постмодернистский город как открытая система смыслопроизводства

Суховская Дарья Николаевна,

кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», кафедра исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии

E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

В статье рассматривается трансформация представлений о городе от модернистской модели «машины для жизни» к постмодернистскому пониманию городского пространства как открытой системы смыслопроизводства. Опираясь на идеи А. Лефевра, Дж. Джекобс, Р. Флориды, Ю.Г. Волкова и Н. Трифт, показано, как город переосмысливается из функционально зонированной структуры в динамичную среду спонтанных взаимодействий, аффектов и коллективного творчества. Анализируется роль креативности, культурных практик, креативных кластеров, коворкингов и временного урбанизма в формировании новой урбанистической парадигмы. Особое внимание уделено российской философско-социологической интерпретации креативного города, акцентирующей гуманистический и инклюзивный характер городского развития. Город предстает как платформа коллабораций, где смысл рождается в повседневных практиках жителей, а управление смещается от жёсткого планирования к модерации инициатив «снизу». Делается вывод о том, что постмодернистский город функционирует как открытая, самообновляющаяся система культурного и социального смыслопроизводства.

Ключевые слова: постмодернистский город, креативное пространство, смыслопроизводство, креативный класс, креативные кластеры, временный урбанизм, аффективная урбанистика, коллаборация, гуманистическая урбанистика.

Ещё в середине XX века город мыслился прежде всего, как функциональная машина, модернистские проекты Л. Корбюзье предполагали строгое зонирование и рациональную организацию пространства, где каждая часть города выполняет чётко заданную функцию [7, с. 23]. Модернистский город-функция представлялся инженерам и планировщикам идеальным, упорядоченным миром, своего рода «машиной для жизни». Однако со временем стало очевидно, что такой топ-даун подход¹ не учитывает сложной динамики живого городского организма [15, с. 83]. А. Лефевр указывал, что господство абстрактного, планируемого пространства подавляет спонтанность и творческую игру горожан [8, с. 31]. Он настаивал, что городское пространство должно восприниматься как произведение («oeuvre») горожан, открытое для непрерывного переосмысления и участия. А. Лефевр видел в спонтанной творческой активности горожан потенциал для преобразования города и подрыва устоявшихся норм.

Критика сугубо функционального города особо ярко прозвучала в трудах Дж. Джекобс [13, с. 238]. В противоположность модернистским взглядам, Дж. Джекобс рассматривала город как сложный живой организм, «органичный, спонтанный и неопрятный» [13, с. 239]. По наблюдениям Дж. Джекобс, именно смесь функций и людей на улицах рождает безопасность, экономическую энергию и творчество в городской жизни. Город, по Дж. Джекобс, живёт благодаря непредсказуемым встречам, спонтанным коммуникациям между горожанами, то есть благодаря тем элементам, которые модернистское зонирование стремилось устранить. «Города – это экосистемы», утверждает Дж. Джекобс, подчёркивая их динамичную, саморазвивающуюся природу. В этом переходе от строгой парадигмы планирования к взгляду на город как на поле спонтанной деятельности видна смена парадигмы урбанистики: от репрессивного порядка к множественности и импровизации.

Одним из важных поворотных моментов стало осмысление роли культуры и креативности в экономике города. Р. Флорида в начале 2000-х ввёл понятие «креативного класса», доказывая, что

¹ Примечание: Топ-даун подход (от англ. top-down – «сверху вниз») – это метод анализа или организации, при котором сначала формируется общая структура, а затем постепенно конкретизируются её отдельные элементы. В философии, социологии, урбанистике, педагогике и других гуманитарных науках топ-даун обозначает движение от абстрактных принципов, идеальных моделей или властных решений к их реализации в конкретной практике.

процветание городов в постиндустриальную эпоху зависит от их способности привлечь талантливых творческих профессионалов [11, с. 41]. По Р. Флориде, город должен стать магнитом для художников, инженеров, стартаперов, тех, кто генерирует инновации. Для этого городская среда должна быть привлекательной по трем параметрам: технология, таланты и толерантность (три «Т» Флориды). То есть нужен доступ к современным технологиям, концентрация талантливых людей и атмосфера открытости, разнообразия. По мнению Р. Флориды, если создать в городе богатую культурную сцену, «креативный класс хлынет туда», влекомый возможностями самовыражения. Концепция креативного города стимулировала повсеместно развитие арт-кластеров, «креативных индустрий» и фестивалей, хотя впоследствии выяснилось, что без учёта социальной справедливости она чревата джентрификацией и неравенством. Тем не менее, сам сдвиг акцента с утилитарной функции на креативность как двигатель развития стал ключевым признаком новой парадигмы.

В российской философской и социологической мысли новая парадигма «креативного города» получила активное развитие. Отечественные исследователи обратили внимание на идеи Р. Флориды, но подошли к ним критически, учитывая специфические российские условия. Отмечалось, что концепция «креативного класса» Р. Флориды, хоть и даёт ценную теоретическую рамку, изначально писалась под реалии американского общества и потому для российских учёных служит лишь отправной точкой, поводом задуматься о перспективах креативного класса уже в российских условиях. Социолог Ю.Г. Волков стал одним из ключевых мыслителей, переосмысляющих городскую креативность на российской почве. Ю.Г. Волков связывал креативность с широким проектом модернизации, в его работах подчёркивается, что именно развитие творчества и «креативной идентичности» граждан способно повысить конкурентоспособность страны, сгенерировать новые смыслы и сделать само общество активным субъектом преобразований [4, с. 76]. Более того, Ю.Г. Волков утверждал, что в России уже сформировался социальный слой с достаточным интеллектуальным, творческим и мобилизационным потенциалом для движения вперёд, фактически, зачатки собственного креативного класса [2, с. 19]. Креативное общество, по его оценке, объединяет людей разных профессий и статусов, которых сближает ориентация на участие в социальных изменениях посредством совместных творческих проектов. Тем самым, креативность осмысливается не утилитарно-экономически, а как социальная энергия, способная придать развитию гуманистический вектор.

Ю.Г. Волков одновременно предупреждал об опасности поверхностного заимствования моды на креативность, он указывал, что многие «ин-

новации», внедряемые институционально, не создают подлинных площадок для коллективного творчества, оставаясь монополией узких экспертных кругов [5, с. 173]. При таком подходе креативность вырождается в имитацию: культурные перформансы, не затрагивающие повседневную жизнь горожан. Противопоставляя этому имитационному тренду подлинное творчество, Ю.Г. Волков настаивал на демократизации городской креативности: по его мнению, массовое социальное творчество должно стать действенным инструментом преобразований, а для этого важно вовлекать широкий круг жителей, развивать инициативы локальных сообществ и открытость городской среды [3]. Только сделав креативность действительно всеобщим достоянием, можно достичь того «исторического прорыва», которого требует современное общество. Такой прорыв, подчёркивал Ю.Г. Волков, означает не просто экономический рост, а качественное обновление и гуманизацию городской жизни, реализуемое через творческую самореализацию граждан. Креативный город в российской интерпретации мыслится как город, где культура и творчество пронизывают все сферы, от экономики до управления, вовлекая людей в совместное созидание новых смыслов.

Практически эти идеи выразились в формировании креативных пространств в российских городах. Исследователи отмечают, что в XXI веке возник особый социально-философский феномен – креативное пространство города [10, с. 13]. Под этим понимаются публично доступные места (арт-кластеры, лофты, коворкинги и т.п.), где люди могут свободно самовыражаться, обмениваться идеями и показывать результаты своего творчества другим, причём выступают они там не как потребители или наёмные работники, а как авторы и творцы уникальных продуктов своей личности [10, с. 13]. Креативные пространства дают горожанам возможности для самореализации в соответствии со своими талантами и интересами, формируя особую атмосферу творческой свободы в городской среде. В 2010-е годы в ряде российских мегаполисов появились целые арт-кварталы и креативные кластеры, часто на базе бывших промышленных зон, например, в Москве стали известны центры дизайна и искусства «Винзавод», ArtPlay, «Флаконт», творческий кластер «Красный Октябрь», в Санкт-Петербурге – лофт-проекты «Этажи», «Ткачи», пространство «Севкабель Порт» и другие подобные площадки [6, с. 270]. Они были переоборудованы под студии, галереи, офисы стартапов, фестивальные и образовательные площадки, всё, что привлекает специалистов творческих профессий. Предполагалось, что такие креативные пространства не только станут магнитом для талантливых людей, но и помогут оживить городскую экономику. В частности, им отводилась роль в ревитализации депрессивных

районов и формировании новых точек роста: создание арт-кластера могло вернуть в эксплуатацию заброшенные индустриальные кварталы, превратив их в центры притяжения специалистов креативных профессий. Кроме того, наличие богатой культурно-творческой сцены рассматривалось как фактор повышения туристической привлекательности города, как отмечали авторы, многие современные города успешно привлекают туристов именно атмосферой современной творческой жизни.

Разумеется, российские мыслители не игнорируют и вызовы, сопряжённые с идеей креативного города. Без учёта принципов социальной справедливости ставка на креативность чревата усилением неравенства, в креативные кластеры вовлекаются далеко не все группы населения, а рост цен на жильё в ревитализированных кварталах вытесняет менее обеспеченных жителей. Подобную критику сначала выдвинули западные урбанисты, наблюдая эффект джентрификации, но и в России её разделяют многие социологи [1, с. 37]. Поэтому в отечественной дискуссии особенно подчёркивается гуманистическая направленность городской креативности. Речь идёт о том, что развитие города через культуру и творчество должно быть инклюзивным, опираться на ценности сотрудничества и разнообразия. Креативный город видится не просто как точка притяжения для избранных талантов, а как среда, где каждый житель получает шанс внести свой вклад в преобразование пространства вокруг себя. Именно тогда, согласно Ю.Г. Волкову и другим исследователям, творчество становится подлинным двигателем развития города, развитием, измеряемым не только в экономических показателях, но и в росте социальной сплочённости, качества жизни и духовного богатства городской общины.

Наконец, современная гуманитарная география и урбанистика обратились к трудноуловимым, но важным аспектам городской жизни – аффектам, настроениям, атмосферности пространств. Представитель нелинейной урбанистической мысли Н. Трифт назвал города «водовертами аффектов», подчёркивая всеобщую пропитанность городской среды эмоциями и спонтанными переживаниями [17, с. 57]. Он указывал, что традиционная наука о городах упускает этот «аффективный регистр», хотя именно через него люди ежедневно взаимодействуют с городом. Таким образом, к началу XXI века сложилась новая парадигма: город понимается не как механизм, поддающийся полному контролю, а как открытое поле креативности, множественности и непредсказуемости. Ниже мы рассмотрим ключевые черты этой парадигмы.

Одним из проявлений новой урбанистической парадигмы стала трансформация городского пространства в площадку для творческого производства и самовыражения. В постиндустриальную

эпоху города все более выступают как сцены для креативных индустрий, стартапов, культурных инициатив. Возникают новые типы пространств и практик, ориентированные на сотрудничество и инновации. Яркий пример – распространение в России коворкингов [9, с. 105]. Коворкинг-пространства – это больше, чем просто совместные офисы для фрилансеров и стартаперов. Исследователи отмечают, что коворкинги формируют сообщества творческого труда, где специально создаётся атмосфера сотрудничества, обмена идеями и социального взаимодействия. Кураторы таких пространств намеренно стимулируют «коллективную атмосферу», превращая коворкинг в своего рода узел городской социальной инфраструктуры, соединяющий людей и идеи. Таким образом, бывшие промышленные лофты и офисы превращаются в генераторы креативности – в них рождаются проекты, стартапы, художественные коллаборации.

Параллельно города поощряют развитие культурных кластеров и творческих кварталов. Во многих городах мира старые заводские районы переоборудованы под арт-центры, дизайн-студии, галереи, создавая плотную среду для взаимодействия художников, музыкантов, айтишников. Креативные кластеры повышают притягательность города для талантов и инвестиций, о чём писал ещё Ч. Лэндри, вводя понятие «креативный город» в 1990-х годах [14, с. 112]. Пространственная концентрация культурных институтов и творческих компаний генерирует эффект агломерации идей. Например, исследования показывают, что даже в эпоху цифровой коммуникации физическая близость по-прежнему важна: специалисты медийной и IT-сферы склонны группироваться в городских кварталах, где могут лично общаться и обмениваться знаниями [18]. Таким образом, городское пространство переосмысливается как активный агент производства знаний и культуры, а не просто фон для жизни.

Особое внимание в новых урбанистических практиках уделяется временным, гибким формам использования пространства, так называемому временному урбанизму (*temporary urbanism*) [16]. Вместо капитального строительства «раз и навсегда» все чаще применяются тактические городские интервенции: временные павильоны, поп-ап парки, открытые кинотеатры под открытым небом, которые появляются на несколько дней или месяцев, преображая городские ландшафты. Исследователи отмечают, что «спонтанность и временность важны для здоровья города: временные инициативы помогают освежить городскую среду, наполняя её новой энергией» [12, с. 352]. Например, установка временного скейт-парка или уличной сцены в заброшенном пустыре может оживить район, притянуть людей и внимание к этой локации. Такие проекты действуют как городские эксперимен-

ты, они демонстрируют, как можно использовать пространства по-новому, без многолетнего планирования. Если эксперимент удачен, временное решение может перерасти в постоянное. Главное – город учится быть гибким и адаптивным к быстро меняющимся потребностям общества.

Город всё больше становится сценой для самовыражения и событийного мышления. Понятие «город как событие» подразумевает, что урбанистическая среда проектируется с расчётом на постоянную смену активностей, фестивалей, акций. Календарь событий (от ежегодных фестивалей уличного искусства до стихийных флэш-мобов) превращается в важнейший фактор городской идентичности. Эстетика события проникает даже в архитектуру: появляются многофункциональные общественные пространства-трансформеры, которые можно быстро приспособить под концерт, ярмарку, выставку. Коллаборация становится ключевой практикой: разные группы горожан совместно создают культурные продукты. Пример тому, многочисленные художественные резиденции, мастерские «сделай сам» и городские лаборатории, где жители вместе разрабатывают проекты по улучшению города. Таким образом, современный город функционирует как платформа, на которой непрерывно рождаются инициативы «снизу». Планировщики и власти теперь выступают скорее модераторами и партнёрами, создавая условия для самоорганизации творческой активности.

Можно сказать, что город XXI века превратился в поле для креативного эксперимента. Он одновременно и пространство работы (дистанционной, проектной, творческой), и пространство культуры, и место общественных инноваций. В нём сочетаются постоянные структуры (музеи, технопарки, университеты) с эпизодическими интервенциями (выставки под открытым небом, гастрономические маркеты выходного дня, мобильные лаборатории). Такая полиритмичность городского времени и пространства позволяет городу постоянно переизобретать себя. Все эти разнородные активности, накладываясь, создают образ «креативного города», города, который не застыл в единственной возможной функции, а открыт для множества сценариев использования.

Проведённый анализ показывает, что переход от модернистского города-функции к постмодернистскому городу означает смену онтологии городского пространства: вместо управляемого «механизма» город предстает открытой средой, в которой смыслы не задаются исключительно проектом и регламентом, а непрерывно производятся в повседневных практиках горожан. Критика топ-даун планирования, артикулированная А. Лефевром и Дж. Джекобс, выявляет фундаментальную ограниченность абстрактного, зонированного пространства: оно снижает плотность спонтан-

ных взаимодействий, вытесняет многообразие сценариев и тем самым обедняет семиотическую и социальную ткань города. В постиндустриальном контексте эта логика дополняется поворотом к креативности как ресурсу развития (Р. Флорида), однако результаты такого поворота амбивалентны: креативные кластеры и культурные индустрии действительно усиливают инновационную динамику, но при отсутствии принципов справедливости могут воспроизводить неравенства и джентрификационные эффекты.

Российская дискуссия (в частности, идеи Ю.Г. Волкова) уточняет ключевой критерий устойчивости креативного города: подлинное смыслопроизводство возможно лишь при демократизации креативности и включении широких групп населения в совместное социальное творчество. Поэтому креативные пространства, коворкинги, временный урбанизм и событийные практики следует понимать не как «декорации» городской политики, а как инфраструктуры коллективного авторства, где город реализуется как «oeuvre» – произведение, постоянно дописываемое множеством акторов. Наконец, аффективное измерение городской жизни (Н. Трифт) показывает, что смысл в городе создаётся не только через институции и знаковые формы, но и через атмосферы, настроения, телесные режимы присутствия и микровзаимодействия. Тем самым постмодернистский город может быть концептуализирован как самообновляющаяся система культурного и социального смыслопроизводства, эффективность которой определяется не степенью контроля, а условиями для множественности, коллаборации и инклюзивного участия.

Литература

1. Вавилина Н.Д. Джентрификация в России как социальный процесс и социальная проблема / Н.Д. Вавилина, Ю.М. Шпигунова // Развитие территорий. – 2024. – № 1 (35). – С. 37–49.
2. Волков Ю.Г. Креативность как фактор развития субъекта в социокультурной среде / Ю.Г. Волков // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – № 3. – С. 19–21.
3. Волков Ю.Г. Социальная креативность как механизм адаптации личности к условиям глобальных трансформаций [Электронный ресурс] / Ю.Г. Волков // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2021. – № 6. – URL: <https://www.naukamisli.ru/journal/article/3384/> (дата обращения: 27.06.2025).
4. Волков Ю.Г. Социальное творчество: становление и развитие нового измерения социальной активности / Ю.Г. Волков. – М.: ЛКИ, 2010. – С. 76–80.
5. Волков Ю.Г. Творческое поведение как ресурс формирования субъектной позиции лично-

- сти в меняющемся мире / Ю.Г. Волков // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4 (83). – С. 173–178.
6. Волкова Т.И. Влияние креативных индустрий и инновационных пространств на архитектурное преобразование города / Т.И. Волкова, Д.В. Баринов // Международная конференция Нижегородского Фестиваля науки: сборник тезисов докладов. – Нижний Новгород, 2025. – С. 270–271.
 7. Ле Корбюзье. *La Ville radieuse* / Le Corbusier. – Paris: Éditions de l'Architecture d'Aujourd'hui, 1933. – 132 с.
 8. Лефевр А. Производство пространства / А. Лефевр; пер. с франц. И. Стаф. – М.: Strelka Press, 2015. – 345 с.
 9. Расов Н.Ю. CO-WORKING как новая быстрорастущая модель бизнеса в России / Н.Ю. Расов, Е.И. Болгова // Социально-экономический потенциал регионов России. Реализация кадрового потенциала: сборник научных статей. – Екатеринбург, 2025. – С. 105–111.
 10. Суховская Д.Н. Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Суховская Д.Н.; Краснодарский ун-т МВД России. – Краснодар, 2016. – 22 с.
 11. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; пер. с англ. И. Сухиной. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 320 с.
 12. Bishop P. Temporary and tactical urbanism: (re) assembling urban space / P. Bishop // *Journal of Urban Design*. – 2023. – Vol. 28, № 3. – P. 352.
 13. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities* / J. Jacobs. – New York: Random House, 1961. – 280 p.
 14. Landry C. *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators* / C. Landry. – London: Earthscan, 2000. – 345 p.
 15. Pissourios I.A. Top-down and bottom-up urban and regional planning: towards a framework for the use of planning standards [Electronic resource] / I.A. Pissourios // *European Spatial Research and Policy*. – 2014. – Vol. 21, № 1. – P. 83–102. – URL: https://www.researchgate.net/publication/269476486_Top-Down_and_Bottom-Up_Urban_and_Regional_Planning_Towards_a_Framework_for_The_Use_of_Planning_Standards (date of access: 27.06.2025).
 16. Stevens Q. From 'pop-up' to permanent: Temporary urbanism as an emerging mode of strategic open-space planning / Q. Stevens, D. Leorke, K. Dovey, F. Awepuga, M. Morley // *Cities*. – 2024. – Vol. 154. – P. 105376.
 17. Thrift N. Intensities of Feeling: Towards a Spatial Politics of Affect / N. Thrift // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2004. – Vol. 86, № 1. – P. 57.
 18. Toobaee M. Proximity matters: Analyzing the role of geographical proximity in shaping AI research collaborations [Electronic resource] / M. Toobaee, T. Rose, N. Hatfield Dodds // *arXiv.org*. – 2024. – № arXiv:2406.06662. – URL: <https://arxiv.org/abs/2406.06662> (date of access: 28.06.2025).

THE POSTMODERN CITY AS AN OPEN SYSTEM OF SEMANTIC PRODUCTION

Sukhovskaya D.N.
Pyatigorsk State University

The article examines the transformation of ideas about the city from the modernist model of "machines for life" to the postmodern understanding of urban space as an open system of semantic production. Based on the ideas of A. Lefebvre, J. Jacobs, R. Florida, Y.G. Volkov and N. Thrift, it is shown how the city is reinterpreted from a functionally zoned structure into a dynamic environment of spontaneous interactions, affects and collective creativity. The role of creativity, cultural practices, creative clusters, coworking spaces and temporary urbanism in the formation of a new urban paradigm is analyzed. Special attention is paid to the Russian philosophical and sociological interpretation of the creative city, emphasizing the humanistic and inclusive nature of urban development. The city appears as a platform of collaborations, where meaning is born in the daily practices of residents, and management is shifting from strict planning to the moderation of initiatives from below. It is concluded that the postmodern city functions as an open, self-renewing system of cultural and social meaning production.

Keywords: postmodern city, creative space, semantic production, creative class, creative clusters, temporary urbanism, affective urbanism, collaboration, humanistic urbanism.

References

1. Vavilina N.D. Gentrification in Russia as a Social Process and Social Problem / N.D. Vavilina, Yu.M. Shpigunova // *Development of Territories*. – 2024. – № 1 (35). – P. 37–49.
2. Volkov Yu.G. Creativity as a Factor in the Development of the Subject in a Sociocultural Environment / Yu.G. Volkov // *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. – 2017. – № 3. – P. 19–21.
3. Volkov Yu.G. Social Creativity as a Mechanism of Personal Adaptation to the Conditions of Global Transformations [Electronic resource] / Yu.G. Volkov // *Science. Thought: Electronic Periodical Journal*. – 2021. – № 6. – URL: <https://www.naukamisli.ru/journal/article/3384/> (date of access: 27.06.2025).
4. Volkov Yu.G. Social Creativity: Formation and Development of a New Dimension of Social Activity / Yu.G. Volkov. – Moscow: LKI, 2010. – P. 76–80.
5. Volkov Yu.G. Creative Behavior as a Resource for Forming the Subjective Position of a Person in a Changing World / Yu.G. Volkov // *World of Science, Culture, Education*. – 2020. – № 4 (83). – P. 173–178.
6. Volkova T.I. The Influence of Creative Industries and Innovative Spaces on the Architectural Transformation of the City / T.I. Volkova, D.V. Barinov // *International Conference of the Nizhny Novgorod Science Festival: Collection of Abstracts*. – Nizhny Novgorod, 2025. – P. 270–271.
7. Le Corbusier. *La Ville radieuse* / Le Corbusier. – Paris: Éditions de l'Architecture d'Aujourd'hui, 1933. – 132 p.
8. Lefebvre H. *The Production of Space* / H. Lefebvre; trans. from French by I. Staf. – Moscow: Strelka Press, 2015. – 345 p.
9. Rasov N.Yu. CO-WORKING as a New Fast-Growing Business Model in Russia / N. Yu. Rasov, E.I. Bolgova // *Socio-Economic Potential of Russian Regions. Realization of Human Potential: Collection of Scientific Articles*. – Yekaterinburg, 2025. – P. 105–111.
10. Sukhovskaya D.N. Creative Space of Russian Urban Settlements and Its Influence on the Formation of Personal Value Ori-

- entations: Abstract of Diss. ... Cand. of Philos. Sciences / Sukhovskaya D.N.; Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Krasnodar, 2016. – 22 p.
11. Florida R. *The Creative Class: People Who Change the Future* / R. Florida; trans. from English by I. Sukhina. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. – 320 p.
 12. Bishop P. Temporary and tactical urbanism: (re)assembling urban space / P. Bishop // *Journal of Urban Design*. – 2023. – Vol. 28, № 3. – P. 352.
 13. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities* / J. Jacobs. – New York: Random House, 1961. – 280 p.
 14. Landry C. *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators* / C. Landry. – London: Earthscan, 2000. – 345 p.
 15. Pissourios I.A. Top-down and bottom-up urban and regional planning: towards a framework for the use of planning standards [Electronic resource] / I.A. Pissourios // *European Spatial Research and Policy*. – 2014. – Vol. 21, № 1. – P. 83–102. – URL: https://www.researchgate.net/publication/269476486_Top-Down_and_Bottom-Up_Urban_and_Regional_Planning_Towards_a_Framework_for_The_Use_of_Planning_Standards (date of access: 27.06.2025).
 16. Stevens Q. From 'pop-up' to permanent: Temporary urbanism as an emerging mode of strategic open-space planning / Q. Stevens, D. Leorke, K. Dovey, F. Awepuga, M. Morley // *Cities*. – 2024. – Vol. 154. – P. 105376.
 17. Thrift N. Intensities of Feeling: Towards a Spatial Politics of Affect / N. Thrift // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2004. – Vol. 86, № 1. – P. 57.
 18. Toobaee M. Proximity matters: Analyzing the role of geographical proximity in shaping AI research collaborations [Electronic resource] / M. Toobaee, T. Rose, N. Hatfield Dodds // *arXiv.org*. – 2024. – № arXiv:2406.06662. – URL: <https://arxiv.org/abs/2406.06662> (date of access: 28.06.2025).

Добровольческая деятельность как форма проявления гражданской активности населения (на материалах Республики Бурятия)

Доржиева Ирина Цыдыпжаповна,

кандидат социологических наук, доцент; кафедра политологии и социологии, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова
E-mail: dorjira@mail.ru

Бальжинимаева Елена Панфиловна

кандидат социологических наук, доцент; кафедра политологии и социологии, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова
E-mail: elena.balzhinima@mail.ru

Добровольческое движение является эффективной формой вовлечения граждан в решение социальных, экономических, культурных, экологических и других проблем общества. Участие граждан в добровольческой деятельности способствует развитию гражданского сознания, ответственности, солидарности и других важных гражданских качеств. Статья посвящена актуальной проблеме развития добровольческой деятельности как формы проявления гражданской активности населения. Эмпирической базой исследования послужили результаты социологического опроса волонтеров Республики Бурятия. В статье рассмотрены основные формы и виды добровольческой деятельности, уровень информированности волонтеров о существующих мерах поддержки и ресурсов в сфере добровольчества, даны некоторые рекомендации по стимулированию и поддержке добровольческой деятельности в Республике Бурятия. Выявлено, что что наиболее популярными направлениями добровольческой деятельности являются социальное, патриотическое и экологическое направления. Добровольцы в своей деятельности руководствуются в первую очередь альтруистическими мотивами, что подчеркивает желание добровольцев внести вклад в решение социальных проблем. Перспективы развития волонтерства в Республике Бурятия связаны с дальнейшим расширением направлений добровольческой деятельности, вовлечением новых групп населения и развитием взаимодействия между волонтерскими организациями, государственными органами и бизнес-структурами.

Ключевые слова: добровольческая деятельность, гражданская активность, волонтерство, добровольцы, Республика Бурятия.

В современной России значимым фактором общественных и политических изменений является гражданская активность населения. Гражданская активность, как многозначное явление, выражается в различных формах, одной из которых выступает добровольческая деятельность, которая получила широкое распространение в большинстве стран мира и является неопенимым ресурсом общественного развития. По инициативе Организации Объединенных Наций 2026 год объявлен Международным годом добровольцев. Россия в числе 54 стран поддержала данную инициативу, подчеркнув этим самым важность и значимость добровольческого движения.

В последние годы в России добровольческая деятельность набирает все большую популярность, охватывая различные сферы жизнедеятельности общества. Добровольческое движение является эффективной формой вовлечения граждан в решение социальных, экономических, культурных, экологических и других проблем общества. Участие граждан в добровольческой деятельности способствует развитию гражданского сознания, ответственности, солидарности и других важных гражданских качеств.

В целях развития добровольчества Указом Президента России В.В. Путина 2018 год был объявлен Годом добровольца (волонтера), с 2017 г. введен новый праздник – День добровольца (волонтера), который отмечается ежегодно 5 декабря. Принят ряд нормативных актов, регулирующих добровольческую деятельность и способствующих институционализации волонтерства, в том числе утверждена «Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2030 года» (Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2025 г. № 4064-р), в которой отмечается, что «содействие развитию добровольчества (волонтерства) способствует решению задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей в соответствии с Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809» [7].

Таким образом, актуальность исследования добровольческой деятельности как формы проявления гражданской активности населения в Республике Бурятия обусловлена необходимостью анализа развития добровольчества в регионах России для понимания проблем, тенденций и потенциала его развития.

Проблемы исследования гражданской активности и добровольческой деятельности нашли отражение в трудах политологов, социологов, юристов, философов, историков, психологов, педагогов и др. В работах П. Бурдые, Р.Д. Патнэма и др. [3; 5] гражданская активность понималась как фактор формирования «социального капитала», в основе которого объединение людей в сообщества. Проблеме гражданской активности населения в общественных процессах уделялось внимание в работах Е.И. Васильевой, Т.Е. Зерчаниновой, А.С. Никитиной [4], Д.А. Качусова [6], М.С. Круглова [8] и др. Как отмечает А.В. Лацвеева, в современном обществе самыми распространенными формами гражданской активности являются «благотворительные, добровольческие объединения, работа в политической, социальной сферах» [9, с.26].

Особый интерес представляют исследования добровольческой деятельности как показателя развития гражданского общества. Эти аспекты рассмотрены в трудах О.А. Майковой, М.Ф. Фридман [11; 12] и др. Развитию добровольческого движения в России посвящены работы П.В. Бобровиц-Волковой [1], З.Н. Хабибуллиной, З.Р. Валиуллиной [15], О.А. Боковой, К.С. Лебедевой, Ю.А. Мельниковой [16] и др. В работах Н.В. Божко [2], Б.Р. Рахматулиной [13] и др. уделено внимание добровольческому движению молодежи.

В зарубежной научной мысли проблематика добровольчества также рассматривается с точки зрения разных аспектов. Значительная часть работ посвящена рассмотрению форм социальной практики добровольчества. Среди зарубежных авторов можно выделить Bruno B. [17], Manda S., Abdelatif N., Seabe D. [18], Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. [19], Walk M., Peterson E. [20] и др.

Большинство исследователей рассматривают добровольчество как синоним понятия «волонтерство», поэтому в данной статье мы будем использовать эти термины как равнозначные понятия. По мнению Н.В. Логиновой, «добровольческая деятельность – одна из форм человеческой активности, особый способ самореализации индивидов и групп в социальных процессах и сферах. Ее главная цель – бескорыстное творение, сотворение блага через сопричастность к выполнению общественных задач» [10, с. 152].

В соответствии с Федеральным законом от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» «под добровольческой (волонтер-

ской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг...» [13, с. 1].

Анализ результатов исследования

В последние годы в Республике Бурятия наблюдается рост вовлеченности населения в добровольческую деятельность, что отражает в целом общероссийскую тенденцию. Свою деятельность ведут более 1000 добровольческих объединений и организаций, более 90 тысяч людей вовлечены в волонтерскую деятельность. Особенно заметен подъем волонтерства в молодежной среде.

С целью исследования развития добровольческой деятельности в Республике Бурятия в июле – октябре 2025 г. авторами было проведено социологическое исследование методом онлайн-анкетирования, в ходе которого было опрошено 1262 человека, участвующих в добровольческой деятельности. Исследованием были охвачены различные возрастные группы волонтеров. Наиболее активная возрастная группа – молодежь (63,7%), особенно в возрасте от 14 до 17 лет (38,4%). Это может быть связано с активным вовлечением в добровольческую деятельность обучающихся вузов, ссузов и общеобразовательных школ Бурятии. Также наряду с молодежью в волонтерскую деятельность включены люди зрелого и пожилого возраста (36,2%).

Почти половина респондентов (48,7%) представлена волонтерами – участниками мероприятий. 25,3% затруднились с определением своей роли в волонтерском движении. Остальные позиции занимают руководители волонтерских организаций, наставники и меценаты (благотворители).

Активное участие преподавателей, учителей, студентов и школьников делает образовательные учреждения важными центрами добровольческого движения. Так, по данным исследования, 37,6% респондентов осуществляют волонтерскую деятельность через образовательные организации. 35,1% респондентов занимаются добровольческой деятельностью через специальные волонтерские организации. Также существенную роль играют инициативные группы / друзья (20,3%), а 19,6% участвуют в добровольческой деятельности индивидуально. Относительно небольшая доля добровольцев (9,1%) вовлекается в деятельность через своего работодателя, что может указывать на недостаточную развитость корпоративного волонтерства. Через НКО в волонтерстве задействованы в 4,3% граждан.

В зависимости от целей, методов и сфер деятельности добровольчество может быть классифицировано по различным направлениям (табл.). По результатам социологического исследования, наиболее популярными направлениями являются: социальное (46,3%), патриотическое (34,8%), эко-

логическое (29,3%) направления добровольческой деятельности. 13,8% опрошенных задействованы в медицинском волонтерстве, чаще всего в данном направлении участвуют студенты, обучающиеся на медицинской специальности и работающие медицинские работники. Менее популярно волонтерство в сфере общественной безопасности (9,6%), так как оно требует специализированной подготовки и может быть сопряжено с определенными рисками. Добровольческая деятельность привлекает и население старшего возраста, 4,7% респондентов указали на свой опыт участия в «себребряном» волонтерстве.

Представленные направления не исключают друг друга, поскольку волонтеры могут принимать участие в нескольких направлениях одновременно, а конкретные виды деятельности могут сочетать элементы разных направлений, отражающие актуальные потребности общества.

Среди основных форм волонтерской деятельности, лидирующую позицию занимает помощь пожилым людям, инвалидам, бездомным и др. (46,7%), участие в экологических акциях (33,1%). Помощь детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, оказывают 22,2% респондентов, 11,5% помогают многодетным семьям. Это подтверждает высокую социальную значимость волонтерства в решении социальных проблем и оказании помощи нуждающимся. Значительный вклад волонтеры вносят в оказание помощи военнослужащим, участвующим в СВО (32,9%) и их семьям (12,3%). Наиболее активно в данном направлении принимают участие волонтеры более зрелого возраста (старше 40 лет).

По данным опроса, добровольцы в своей деятельности руководствуются в первую очередь альтруистическими мотивами. «Желание чувствовать себя полезным» отметили 56,0% респондентов. Важным мотивом является социальная значимость волонтерства: «возможность улучшить жизнь в своем доме, улице, районе, городе» (34,0%) и «возможность решить общие проблемы свои и других людей» (30,7%). Часть добровольцев связывают волонтерскую деятельность с мотивом социальной активности – желанием жить интересной жизнью (28,9%), завести друзей (12,3%), а также с возможностью получить дополнительные знания, навыки (20,4%) и профессиональный опыт (13,4%). Участвуя в добровольческой деятельности, 15% волонтеров желают реализовать себя и свои инициативы, 13,2% – реализовать свои убеждения, ценности. Особенно такие мотивы характерны для молодежи 22–24 года. Небольшая доля волонтеров рассматривает добровольчество как возможность налаживания полезных связей и получения поощрений.

Добровольческая деятельность способствует формированию активной гражданской позиции, готовности участвовать в жизни общества и от-

стаивать свои убеждения, оказывает существенное влияние на формирование и укрепление патриотических чувств. Результаты исследования демонстрируют ярко выраженный патриотизм среди добровольцев. Подавляющее большинство респондентов положительно относятся к понятию «патриотизм» и считают себя патриотами (безусловно, да – 59,7%, скорее да – 32,2%).

Оценивая роль волонтерства в современном обществе, респонденты видят в добровольческой деятельности объединяющий ресурс. Преобладающее большинство (76,3%) считает, что волонтерство способствует сплочению людей, побуждает их к совместным усилиям, направленным на достижение общих целей. Немаловажной является роль добровольческой деятельности в воспитании нравственности у подрастающего поколения (48,4%). Волонтерство предоставляет молодежи возможность на практике применять принципы милосердия, сострадания и ответственности, что формирует их моральные ориентиры и гражданскую позицию. Значительная доля опрошенных (38,5%) отметила, что добровольческая деятельность способствует личностному развитию и повышению культурного уровня населения. Менее распространенным, но все же значимым аспектом является роль волонтерства в организации полезного досуга населения (25,2%).

Анализ современной ситуации в сфере волонтерства показывает, что государственная поддержка является одним из ключевых факторов развития добровольческой деятельности в республике. Результаты опроса демонстрируют довольно неплохую осведомленность респондентов о ключевых ресурсах в сфере добровольчества. Наибольшую популярность среди волонтеров имеет Республиканский ресурсный центр добровольчества «ДоброДом» (56,6%). Платформа Добро.рф также является важным ресурсом (48,6%), что указывает на ее общереспубликанскую значимость и результативность продвижения. Заметную долю занимает «Добро.Центр» (24,6%), меньше всего опрошенных (9,8%) владеет информацией об Ассоциации волонтерских центров. Практически половина опрошенных (48,4%) зарегистрирована в качестве волонтеров на платформе Добро.рф. В то же время значительная часть респондентов (23,5%) не осведомлена о существовании данной платформы.

Анализ ответов добровольцев на вопрос о перспективах развития добровольческой деятельности выявил ряд ключевых тенденций и ожиданий. Наиболее распространенным мнением является предвидение увеличения числа участников добровольческой деятельности (58,0%), профессионализации волонтерского движения (35,2%). Значительное большинство отметили улучшения отношения к добровольческой деятельности со стороны органов власти за последнее время.

Выводы

Несмотря на позитивные тенденции, волонтерское движение в Бурятии сталкивается с рядом вызовов. В их числе – недостаточная координация деятельности различных волонтерских организаций, нехватка квалифицированных кадров и ограниченность финансовых ресурсов. Для развития добровольческой деятельности необходимо рассмотреть возможность расширения программ поддержки волонтерских инициатив со стороны государства и бизнеса. Это может включать в себя предоставление грантов, обучение и повышение квалификации волонтеров и организаторов волонтерской деятельности, организация мероприятий, направленных на популяризацию добровольческой деятельности. Привлечение бизнес-сообществ будет способствовать расширению ресурсной базы для волонтерской деятельности. В целом создание благоприятной среды для волонтерства содействует повышению мотивации и ощущению значимости данной деятельности и позволит вовлечь больше людей в ряды добровольцев.

Наряду с этим, требуется разработка четких механизмов взаимодействия между волонтерскими организациями и органами власти. Необходимо расширение возможностей единой информационной платформы, где волонтеры могли бы получать актуальную информацию о потребностях общества и возможностях помощи, а органы власти – координировать деятельность волонтерских организаций и направлять их усилия на решение наиболее острых проблем. Результаты опроса подчеркивают необходимость дальнейшего развития и популяризации ресурсных центров поддержки добровольчества. Улучшение информированности, упрощение доступа к услугам и адаптация предложений к потребностям добровольцев помогут повысить эффективность работы волонтеров и способствовать развитию добровольческого движения в регионе.

Перспективы развития волонтерства в Республике Бурятия связаны с дальнейшим расширением направлений добровольческой деятельности, вовлечением новых групп населения и развитием взаимодействия между волонтерскими организациями, государственными органами и бизнес-структурами.

Литература

1. Бобрович-Волкова П.В. Прошлые, настоящее и будущее волонтерского движения в России // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 5–10. EDN: CVXZGG.
2. Божко Н.В. Воспитание гражданственности подростков в процессе социально значимой деятельности общественного экологического объединения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. / Н.В. Божко. Сургут, 2006. 25 с.
3. Бурдые П. Социология и демократия. Перевод с французского Е.Д. Вознесенской. Поэтика и политика. // Альманах Российско-Французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М., СПб., 1999. С. 119–124. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2602> (дата обращения: 15.01.2026). Текст: электронный.
4. Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Гражданская активность и участие молодежи в социально-политических процессах / Е.И. Васильева Е.И., Т.Е. Зерчанинова, А.С. Никитина // Вопросы управления. 2021. № 6 (73). С. 67–80. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-6-67-80
5. Демократия в движении: эволюция социального капитала в современном обществе (под ред. Р.Д. Патнема) // Oxford University Press, 2002. С. 57–60.
6. Качусов Д.А. Гражданская активность как фактор трансформации местного самоуправления (на примере регионов Юго-Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. полит. наук / Д.А. Качусов. Москва, 2023. 27 с.
7. Концепция содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации до 2030 года. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/30d-2fd54795b1636e461a4aae8317fe5/konceptsiya_dobrovolchestva_do_2030_goda.pdf (дата обращения 15.01.2026). – Текст: электронный.
8. Круглов М.С. Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации / М.С. Круглов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 233–236. EDN: RZRWD
9. Лацвеева А.В. Гражданская активность и самоорганизация в современном обществе: рост и тенденции // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2025. Т. 18, № 3. С. 17–28. DOI: 10.17213/2075-2067-2025-3-17-28.
10. Логинова Н.В. Добровольчество как социальное явление: опыт презентации концептуального словаря // Политическая лингвистика. 2012. № 3. С. 149–156. EDN: PGKNPL
11. Майкова О.А. Феномен волонтерства в контексте становления гражданского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. / О.А. Майкова. М., 2025. 23 с.
12. Майкова О.А., Фридман М.Ф. Концептуальные основания комплексных стратегий развития волонтерства в аспекте реализации государственной политики формирования гражданского общества / О.А. Майкова, М.Ф. Фрид-

- ман // Социология. 2024. № 8. С. 139–144. EDN: TJDKIG.
13. Рахматулина Б.Р. Формирование гражданской ответственности подростков в процессе добровольческой (волонтерской) деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. / Б.Р. Рахматулина. Майкоп, 2023. 26 с.
 14. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/0361dfca8b05f6e21da4cf78dd374f0f00e751b6/ (дата обращения 12.01.2026). – Текст: электронный.
 15. Хабибуллина З.Н., Валиуллина З.Р. Специфика добровольческой деятельности в условиях современной России // Общество: философия, история, культура. 2024. № 9. С. 15–20. DOI 10.24158/fik.2024.9.1.
 16. Эффективность реализации программ добровольческой деятельности в регионах Российской Федерации / О.А. Бокова, К.С. Лебедева, Ю.А. Мельникова, А.С. Свиловская; под науч. ред. Ю.А. Мельниковой. Барнаул: АлтГПУ, 2022. 44 с.
 17. Bruno, B. Voluntary Work and Wages / B. Bruno, D. Fiorillo. // Annals of Public and Cooperative Economics. USA. 2014. № 87(2). DOI:10.1111/apce.12090
 18. Manda S, Abdelatif N, Seabe D, Millard S and Kamuruko T Global, regional, and national prevalence and determinants of volunteer work: a meta-analysis study using survey data. Front. Sociol. 10:1584761. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1584761
 19. Salamon L. M., Sokolowski S.W., Haddock MA. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. USA. 2011; № 82(3), Pp. 217–252. DOI:10.1111/j.1467-8292.2011.00437.x
 20. Walk M., Peterson E. Volunteers as Active Shapers of their Work: The Role of Job Crafting in Volunteer Satisfaction and Organizational Identification. International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2022, 34(5). DOI:10.1007/s11266-022-00462-x

VOLUNTEERISM AS A FORM OF CIVIC ENGAGEMENT (BASED ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Dorzheva I.T., Balzhinimaeva E.P.
D. Banzarov Buryat State University

The volunteer movement is an effective form of involving citizens in solving social, economic, cultural, environmental and other problems of society. Citizens' participation in volunteerism contributes to the development of civic consciousness, responsibility, solidarity and other important civic qualities. The article is devoted to the urgent problem of the development of volunteerism as a form of manifestation of civic engagement of the population. The empirical

basis of the study was the results of a sociological survey of volunteers from the Republic of Buryatia. The article examines the main forms and types of volunteerism, the level of awareness of volunteers about existing support measures and resources in the field of volunteerism, and provides some recommendations for stimulating and supporting volunteerism in the Republic of Buryatia. It has been revealed that the most popular areas of volunteerism are social, patriotic and environmental areas. The volunteers in their activities are guided primarily by altruistic motives, which emphasizes the desire of volunteers to contribute to solving social problems. The prospects for the development of volunteerism in the Republic of Buryatia are related to the further expansion of volunteer activities, the involvement of new groups of the population and the development of interaction between volunteer organizations, government agencies and business structures.

Keywords: volunteer activity, civic engagement, volunteering, volunteers, Republic of Buryatia.

References

1. Bobrovich-Volkova P.V. The past, present, and future of the volunteer movement in Russia. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 5–10. (In Russian)
2. Bozhko N.V. Education of teenagers' citizenship in the process of socially significant activities of a public ecological association: abstract of the dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences / N.V. Bozhko. Surgut, 2006. 25 p. (In Russian)
3. Bourdieu P. Sociology and democracy. Translated from the French by E.D. Voznesenskaya. Poetics and politics. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, St. Petersburg, 1999, Pp. 119–124. // Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies. URL: <https://gt-market.ru/library/articles/2602>. (In Russian)
4. Vasileva E.I., Zerchaninova T.E., Nikitina A.S. Civic engagement and youth participation in socio-political processes, Management Issues, 2021. No. 6, Pp. 67–80. (In Russian)
5. Democracy in motion: the evolution of social capital in modern society (ed. by R.D. Putnam) // Oxford University Press, 2002. Pp. 57–60. (In Russian)
6. Kachusov D.A. Civic engagement as a factor in the transformation of local self-government (on the example of the regions of Southwestern Siberia): abstract of the dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences / D.A. Kachusov. Moscow, 2023. 27 p. (In Russian)
7. The concept of promoting the development of voluntary (volunteer) activities in the Russian Federation until 2030. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/30d2fd54795b1636e461a4aae8317fe5/koncepciya_dobrovolchestva_do_2030_goda.pdf (accessed 15.01.2026). – Text: electronic.
8. Kruglov M.S. Modern forms of civic engagement in the political process of the Russian Federation / M.S. Kruglov // Theory and practice of social development. 2014. No. 3. Pp. 233–236. EDN: RZRWD (In Russian)
9. Latsveeva A.V. Civil activity and self-organization: development and tendency // Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences. 2025; 18(3): 17–28. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2025-3-17-28>. (In Russian)
10. Loginova N.V. Voluntary work as a social phenomenon: experience of presentation of the conceptual dictionary. Political linguistics. 2012. No. 3. Pp. 149–156. EDN: PGKHPL. (In Russian)
11. Maykova O.A. The phenomenon of volunteerism in the context of the formation of civil society: abstract of the dissertation of the Candidate of Philos.sciences / O.A. Maikova. – M., 2025. 23 p. (In Russian)
12. Maykova O.A., Fridman M.F. Conceptual foundations of comprehensive strategies for the development of volunteering in the aspect of implementing state policy for the formation of civil society // Sociology. 2024. No. 8. pp.139–144. EDN: TJDKIG. (In Russian)

13. Rakhmatulina B.R. Formation of citizenship of adolescents in the process of voluntary (volunteer) activity: abstract of the dissertation of the candidate of pedagogical sciences / B.R. Rakhmatulina. Maikop, 2023. 26 p. (In Russian)
14. Federal Law No. 135-FZ of 08/11/1995 (as amended on 12/28/2025) "On Charitable Activities and Volunteerism". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/0361dfca8b05f6e21da4cf78dd374f0f00e751b6/ (accessed 12.01.2026). – Text: electronic.
15. Khabibullina.N., Valiullina Z.H. The specifics of volunteerism in modern Russia // Society: philosophy, history, culture. 2024. No. 9. St. 15–20. DOI 10.24158/fik.2024.9.1. (In Russian)
16. The effectiveness of the implementation of volunteer programs in the regions of the Russian Federation / O. N. A.N. Bokova, K.N. St. Lebedeva, Yu. N. A.N. Melnikova, A.N. St. Svidovskaya; under the scientific editorship of Yu. N. A.N. Melnikova. Barnaul: AltGPU, 2022. 44 p. (In Russian)
17. Bruno, B. Voluntary Work and Wages / B. Bruno, D. Fiorillo. // Annals of Public and Cooperative Economics. USA. 2014. № 87(2). – DOI:10.1111/apce.12090
18. Manda S, Abdelatif N, Seabe D, Millard S and Kamuruko T (2025) Global, regional, and national prevalence and determinants of volunteer work: a meta-analysis study using survey data. Front. Sociol. 10:1584761. doi: 10.3389/fsoc.2025.1584761
19. Salamon L. M., Sokolowski S.W., Haddock MA. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. USA. 2011; № 82(3), Pp. 217–252. DOI:10.1111/j.1467-8292.2011.00437.x
20. Walk M., Peterson E. Volunteers as Active Shapers of their Work: The Role of Job Crafting in Volunteer Satisfaction and Organizational Identification. International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2022, 34(5). DOI:10.1007/s11266-022-00462-x

Прозрачность, автономность и ответственность: вызовы доверия и надёжности в устойчивом ИИ

Ваккосов Саиджамшидхон Гиёсиддин угли,
аспирант, Конитивное моделирование 5.12.4, Новосибирского
государственного технического университета,
E-mail: jamavakkasoff@gmail.com

В статье рассматриваются понятия «доверие» и «надёжность» как этические категории в контексте устойчивого искусственного интеллекта (ИИ). Проанализирована их роль в разработке и внедрении социально устойчивых и этически ориентированных систем ИИ, а также потенциальные противоречия между требованием прозрачности, степенью автономности ИИ и распределением ответственности за его решения. Показано, что доверие пользователей к ИИ во многом базируется на технической надёжности систем, но достижение обоих факторов сопряжено с дилеммами и компромиссами. Научная новизна работы заключается в оригинальной интерпретации доверия к ИИ: предлагается концепция «оправданного доверия», означающая доверие, подкреплённое доказанной надёжностью и этической ответственностью создателей ИИ. Приводятся философские и этико-технологические аргументы, подтверждённые современными источниками на русском и английском языках.

Ключевые слова: доверие; надёжность; этика искусственного интеллекта; устойчивый ИИ; прозрачность; автономность; ответственность

Введение

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в различные сферы – от медицины до транспорта – обостряет вопросы этики и общественного доверия. Без достаточного доверия со стороны пользователей и общества потенциал ИИ не может быть реализован полностью. В то же время требование доверия тесно связано с надёжностью интеллектуальных систем: чтобы люди доверяли ИИ, он должен демонстрировать стабильную и предсказуемую работу без неожиданных сбоев и ошибок. Таким образом, доверие и надёжность выступают ключевыми этическими ориентирами, от которых зависит устойчивость развития ИИ – его способность приносить пользу в долгосрочной перспективе, не подрывая социальные ценности и не вызывая отторжения.

Однако обеспечение доверия и надёжности сталкивается с рядом философских проблем. Необходимо учитывать возможные противоречия между стремлением сделать системы ИИ прозрачными и объяснимыми для человека, повышая доверие, и желанием создать максимально автономные алгоритмы, способные действовать без вмешательства, но вызывающие вопросы об ответственности за их решения. Возникает дилемма: как сбалансировать прозрачность, автономность и ответственность таким образом, чтобы ИИ оставался и надёжным, и этично приемлемым? Эти вопросы находятся на стыке технологии и философии, требуя междисциплинарного анализа.

Цель данной статьи – осветить философский смысл категорий доверия и надёжности применительно к этике устойчивого ИИ, проанализировать их значение для разработки и внедрения таких систем, а также раскрыть потенциальные противоречия между прозрачностью, автономностью и ответственностью. В работе предлагается оригинальный подход к взаимосвязи доверия и надёжности, основанный на понятии «оправданного доверия». Статья структурирована следующим образом: сначала рассматривается понятие доверия как этическая категория, затем – надёжности; далее обсуждается их роль в концепции устойчивого (долговременного и этически ориентированного) ИИ и анализируются этические противоречия; в заключение формулируется новый философский подход к корреляции доверия и надёжности.

Доверие как этическая категория ИИ

Доверие традиционно понимается как уверенность субъекта в надёжности и доброжелательности другого агента в условиях неопределённости и уязвимости. В человеческих отношениях доверие носит моральный характер: оно предполагает, что тот, кому доверяют (англ. *trustee*), обладает определённой степенью ответственности, намерен не навредить и оправдать доверие. Применительно к искусственному интеллекту понятие доверия приобретает особую специфику. ИИ не является полноценным моральным агентом – у него нет собственных намерений или эмоций, а значит, отсутствует та нормативно-аффективная основа, на которой строится человеческое доверие. Как отмечают исследователи, требовать от самой машины «быть достойной доверия» не вполне корректно: в строгом смысле мы можем говорить лишь о надёжности системы и об уверенности людей в этой надёжности, то есть скорее о рациональном расчёте и уповании на технологию, чем о доверии в полном моральном значении. Фактически доверие к ИИ часто сводится к рассчитанной уверенности (*reliance*) в том, что система будет функционировать как ожидается.[1]

Тем не менее, в публичном дискурсе и этических руководствах понятие доверия активно применяется к ИИ. Говорят о «доверенных» или «достоверных» системах ИИ (*trustworthy AI*), подчёркивая необходимость вызывать доверие пользователей к новым технологиям. Это связано с тем, что без определённого уровня доверия люди не готовы принимать решения ИИ и делегировать ему важные задачи. Так, по данным опросов, в России лишь около половины населения в начале 2020-х поддерживало развитие ИИ-технологий, что свидетельствует о значительном дефиците доверия. Низкий уровень доверия становится барьером: даже перспективные решения ИИ могут не внедряться или использоваться с осторожностью, если пользователи сомневаются в их корректности и безопасности. Например, в медицине и промышленности отмечались случаи, когда недоверие специалистов к «чёрным ящикам» ИИ тормозило их применение, несмотря на потенциальную эффективность алгоритмов.[1]

Этический статус доверия. Доверие к ИИ – не только психологический фактор, но и этическая категория. С одной стороны, разработчики и организации несут моральную обязанность заслужить доверие общества, действуя открыто и ответственно. С другой – чрезмерное или неосновательное доверие к автоматизированным решениям может привести к серьёзным последствиям, если люди утратят бдительность или переоценят возможности технологии. В философском плане доверие связано с проблемой распределения ответственности: когда человек доверяет ИИ выпол-

нить задачу, кто отвечает за исход? Если доверие было неоправданным и система дала сбой, этические последствия ложатся на создателей и эксплуатантов технологии. Поэтому доверие к ИИ должно быть оправданным и критическим, основанным на понимании ограничений системы. Эксперты подчёркивают, что для формирования такого доверия необходимы механизмы *прозрачности* и *объяснимости*: пользователи склонны больше доверять алгоритму, если они понимают принципы его работы и причины принимаемых им решений. Лидеры индустрии прямо называют прозрачность ключевым фактором построения доверия между человеком и ИИ. Когда системы функционируют скрытно, выдавая результаты без объяснений, люди могут сомневаться в их точности и справедливости, поэтому понятность алгоритмов становится этическим требованием.[2]

Таким образом, доверие в контексте ИИ – это сложное многомерное явление. Оно включает рациональную уверенность в надёжности технологии, эмоциональное принятие и готовность взаимодействовать с ней, а также социально-нормативное ожидание ответственности от разработчиков системы. *Этика устойчивого ИИ* подразумевает создание условий, при которых доверие пользователей будет обоснованным, то есть подкреплённым прозрачностью, проверенной надёжностью и наличием ответственных субъектов, стоящих за работой алгоритма.

Надёжность как этическая категория ИИ

Надёжность технической системы обычно определяется как её способность выполнять заданные функции без отказов и ошибок в течение определённого времени при заданных условиях. В инженерном смысле надёжность ИИ означает устойчивость алгоритмов к сбоям, корректность результатов и повторяемость работы на разных наборах данных. Но надёжность ИИ имеет и этическое измерение: в критически важных областях, таких как здравоохранение, транспорт или правосудие, ненадёжность ИИ напрямую ведёт к морально неприемлемым последствиям – от угрозы жизни и здоровью до несправедливых решений. Если система машинного обучения принимает ошибочные решения (например, пропускает диагноз опасной болезни или неверно классифицирует человека как неблагонадёжного), возникает этическая проблема: пострадавшие стороны лишены гарантий справедливости и безопасности. Поэтому требование надёжности ИИ – это не только техническая спецификация, но и нравственный императив, связанный с принципом *не навреди*. [3]

В рамках концепции *Trustworthy AI* (достоверного, заслуживающего доверия ИИ), разработанной Европейской комиссией и другими организациями, надёжность выделяется как один из основных критериев этичности ИИ наряду с про-

зрачностью, справедливостью и ответственностью. Так, в принципах Сбербанка по этике ИИ (2021) прямо указано, что «надёжный ИИ» – одна из пяти базовых идей, необходимых для доверия пользователей. Под надёжностью понимается предсказуемое и устойчивое функционирование алгоритмов во всех предусмотренных условиях эксплуатации. Этические кодексы требуют, чтобы системы ИИ проходили тщательную проверку, тестирование и валидацию перед внедрением, особенно если сбой может причинить вред человеку. Например, в сфере медицинских ИИ-приложений настояще необходима регистрация алгоритма как медицинского изделия и клиническая проверка его точности – это создает основу доверия к продукту.[1]

Надёжность и доверие. Надёжность можно назвать фундаментом доверия к ИИ. Если технология неоднократно демонстрирует правильность и стабильность результатов, пользователи начинают ей доверять и включать в свои практики. Напротив, каждый крупный сбой подрывает доверие не только к конкретной системе, но и к ИИ в целом. Известен ряд случаев, когда алгоритмы ИИ давали систематические сбои или приводили к нежелательным последствиям, порождая резонанс в обществе. Например, ошибочные решения автономных автомобилей, приводившие к ДТП, или выявление предвзятости в алгоритмах отбора кандидатов на работу – такие примеры получают широкую огласку и формируют скептицизм по отношению к ИИ. Согласно исследованиям, каждая новость о вреде, причинённом системой ИИ, заметно снижает уровень общественного доверия и усиливает призывы к регулированию и контролю. В итоге разработчики, заинтересованные в долгосрочной успешности своих решений, вынуждены уделять приоритетное внимание надёжности как этической ценности. Это стимулирует развитие направлений вроде инженерии надёжного ИИ и методов верификации алгоритмов, а также внедрение протоколов *AI safety* (безопасности ИИ).[5]

Важно отметить, что надёжность ИИ должна рассматриваться шире, чем просто точность алгоритма. Она включает робастность – устойчивость к нестандартным ситуациям и намеренным атакам, а также безопасность, то есть отсутствие риска причинения физического или иному ущерба. Этически надёжный ИИ – это система, которая не выйдет из подконтрольного состояния, не нанесёт вреда пользователям или третьим лицам и выполнит свои функции, как обещано. В этом смысле надёжность тесно связана с ответственностью разработчиков: моральная ответственность за вред, причинённый ненадёжной системой, лежит на тех, кто её создал и внедрил. Поддержание высокой надёжности – часть профессиональной этики инженеров ИИ.[7]

Доверие, надёжность и устойчивое развитие ИИ

Концепция устойчивого ИИ подразумевает такое развитие технологий искусственного интеллекта, которое способно длительно служить человечеству, не подрывая социальное доверие, не вызывая необратимых негативных последствий и гармонизируя с фундаментальными ценностями общества. Устойчивость в данном случае включает в себя как техническую стабильность систем, так и их этическую приемлемость для большинства стейкхолдеров – от рядовых пользователей до регуляторов. Доверие и надёжность играют в достижении этой цели центральную роль.

Во-первых, доверие общества является условием самого распространения и интеграции новых ИИ-систем. Если граждане, бизнес и государственные структуры не доверяют технологиям, они не будут их активно использовать. Таким образом, недостаток доверия может затормозить инновации, лишив общество потенциальной выгоды от ИИ. Как отмечается в аналитических обзорах, недоверие стало одним из существенных барьеров внедрения ИИ в разных отраслях. Устойчивое развитие ИИ предполагает преодоление этого барьера путем целенаправленной работы над повышением доверия – через диалог с обществом, образование в области цифровой грамотности и демонстрацию успешных кейсов, где ИИ принес очевидную пользу без негативных эффектов.

Во-вторых, надёжность систем – это основа для долгосрочного доверия. Систематически надёжные ИИ-сервисы становятся привычной и невидимой частью повседневности, подобно тому как мы доверяем электричеству или интернету, когда они работают бесперебойно. В перспективе устойчивого развития ставится задача сделать ИИ столь же повсеместным и надежным, как базовая инфраструктура. Этого невозможно достичь без инвестиции в надежность: как техническую (алгоритмические решения, тестирование, мониторинг качества), так и институциональную (стандарты, сертификация, ответственность производителей). Исследователи подчёркивают, что грамотное управление рисками и качество контроля не тормозят, а напротив, способствуют устойчивому инновационному развитию ИИ, обеспечивая его надёжность и вызывая доверие пользователей. Иными словами, этические принципы и стандарты – это не внешняя преграда, а необходимый фундамент для масштабируемости и долгосрочной эффективности ИИ-технологий.

Наконец, устойчивость подразумевает баланс интересов и ценностей. ИИ должен служить человеку и обществу, не разрушая социальный уклад. Доверие и надежность здесь выступают критериями того, что баланс соблюдается. Например, если система рекомендаций контента надежно фильтрует дезинформацию и не ущемляет права поль-

Окончание

зователей, общество будет ей доверять и позволять дальше развиваться. В противном случае – при скандалах, утечках, вреде – доверие быстро падает, и развитие сменяется регрессом (запреты, ужесточение регулирования, массовый отказ от технологии). Таким образом, этика устойчивого ИИ тесно связана с концепцией «*доверие по умолчанию*», когда технологии проектируются так, чтобы заслуживать доверие с самого начала. Это достигается включением механизмов обеспечения надёжности, безопасности, защиты данных и прозрачности на этапе дизайна (подход *Ethics by design*). [6]

Можно сказать, что доверие и надёжность – это два столпа, на которых держится устойчивое будущее ИИ. *Без надёжности нет доверия; без доверия нет принятия технологий, а значит, и их устойчивого развития.* В следующих разделах рассмотрим, какие противоречия возникают на пути к этому идеалу и как их можно преодолеть.

Противоречия между прозрачностью, автономностью и ответственностью

При разработке этически приемлемых ИИ-систем часто приходится балансировать между взаимосвязанными принципами, которые в отдельных случаях могут вступать в противоречие. К таким ключевым принципам относятся прозрачность, автономность (самостоятельность работы ИИ) и ответственность. Рассмотрим их взаимодействие и возможные дилеммы (табл.).

Таблица

Принцип	Роль для доверия и этики	Потенциальное противоречие и риск
Прозрачность	Повышает доверие: пользователи лучше понимают работу системы и мотивы её решений. Способствует подотчётности: можно проследить, как ИИ пришёл к результату.	Полная прозрачность сложных моделей затруднительна (эффект «чёрного ящика» у нейросетей). Стремление к объяснимости может ограничить сложность и автономность алгоритма. Кроме того, раскрытие всех деталей может столкнуться с защитой данных или коммерческой тайной.
Автономность	Увеличивает эффективность и скорость работы ИИ без постоянного участия человека. Позволяет использовать ИИ в масштабах, где человеческое участие затруднено.	Подорывает ответственность: полностью автономная система создаёт <i>разрыв ответственности</i> , когда непонятно, кто виноват в ошибке. Люди менее доверяют решениям, принятым без человеческого контроля. Требование обязательного человеческого надзора во всех ситуациях, напротив, снижает автономность и может замедлить внедрение ИИ.

Принцип	Роль для доверия и этики	Потенциальное противоречие и риск
Ответственность	Гарантирует, что за функционирование ИИ кто-то отвечает перед обществом. Внедрение механизмов ответственности (например, аудит алгоритмов, надзорные органы) укрепляет доверие, так как есть надежда на возмещение вреда и справедливость.	Требует ограничения автономности: чтобы привлечь к ответственности, решения ИИ должны быть <i>контролируемы</i> людьми. Это вступает в противоречие с жёстко запрограммированной логикой машины: алгоритм выполняет код, не учитывая контекст и мораль, из-за чего алгоритмическая ответственность конфликтует с детерминизмом программного кода. Кроме того, <i>распределение ответственности</i> между разработчиком, владельцем системы и самой программой остаётся сложной правовой и этической проблемой.

Как видно из таблицы, идеальное выполнение каждого из принципов по отдельности затрудняет реализацию других. Прозрачность желательна для доверия, но сложные нейронные сети трудно сделать полностью объяснимыми без утраты эффективности. Автономность полезна для раскрытия потенциала ИИ, но общество требует, чтобы за автономным ИИ стоял человек, ответственный за последствия – иначе доверие подрывается. Отсюда возникают компромиссные решения: например, вводится концепция «*человек в цикле*» (human-in-the-loop), предполагающая сохранение за человеком права финального утверждения критических решений ИИ. Этот подход повышает ответственность и доверие, но снижает автономность и скорость работы системы. Другой компромисс – *частичная прозрачность*: раскрытие общих принципов работы алгоритма и наиболее важных факторов принятия решений без раскрытия всего кода. Это также попытка удовлетворить требование доверия, не жертвуя полностью мощностью методов ИИ. [8]

Философы обращают внимание и на парадокс доверия в отношении ИИ. Суть его в том, что люди нередко склонны доверять удобным и эффективным цифровым сервисам *авансом*, даже не до конца понимая их работу, – ради той выгоды, которую дают эти сервисы. Таким образом, возникает *малоосознанный компромисс*: пользователи игнорируют часть рисков во имя удобства и скорости, которую обеспечивает ИИ. Это опасная тенденция, поскольку она может приводить к чрезмерному доверию технологиям. Чрезмерное доверие чревато тем, что человек перестаёт критически оценивать решения ИИ, не предусмотренные механизмы проверки и подстраховки, – и в слу-

чае сбой ущерб возрастает. Балансирование между избыточным и недостаточным доверием – ещё один этический аспект проблемы.

Для движения вперёд необходимы продуманные подходы и регулятивные меры, учитывающие эти противоречия. Международные организации выдвигают соответствующие рекомендации. Например, в Рекомендации ЮНЕСКО по этике ИИ (2021) подчёркивается необходимость *прозрачности* и *подотчётности* алгоритмов, а также принцип включения человека в процесс там, где это необходимо для принятия ответственного решения. Европейские эксперты говорят о «*Explainability by design*» (принцип проектирования объяснимых систем) как о требовании к системам высокого риска. Одновременно разрабатываются правовые рамки определения ответственности за действия ИИ, включая идею «*электронного лица*» или страхования ответственности разработчиков. Эти усилия – попытка преодолеть указанные противоречия и обеспечить условия, при которых ИИ может быть и достаточно автономным для инноваций, и достаточно прозрачным и подконтрольным для доверия.

Отдельно стоит отметить важность «очеловечивания» ИИ в общественном восприятии – показывать, что за безликими алгоритмами стоят конкретные люди и организации, несущие ответственность. Как отмечает издание *RBC*, компаниям стоит «*выводить из тени*» инженеров и разработчиков, демонстрируя, что реальные специалисты контролируют технологии и заботятся о благо людей. Образ компетентного и этического создателя, принимающего ответственность за работу ИИ, способен повысить доверие пользователей, развеять страх перед автономными системами и сформировать ощущение безопасности. Таким образом, решение противоречий лежит не только в технической плоскости, но и в плоскости социальной коммуникации и институциональной ответственности.[5]

Новая интерпретация доверия и надёжности в контексте ИИ

Анализ показал, что доверие и надёжность – взаимодополняющие ценности, необходимые для этически устойчивого ИИ, но их обеспечение связано со сложными дилеммами. Для более глубокого понимания их соотношения и разрешения возникших противоречий представляется полезным предложить новую философскую интерпретацию этих понятий. В рамках данной работы вводится концепция «оправданного доверия» в отношении ИИ как возможный подход к их корреляции.

Оправданное доверие – это такое доверие к искусственному интеллекту, которое основано на проверенной надёжности системы и гарантированной ответственности за её действия. Иными

словами, это *рационально и этически обоснованная уверенность* пользователей в работе ИИ. В отличие от слепого или обыденного доверия, опирающегося лишь на удобство или репутацию бренда, оправданное доверие предполагает наличие объективных гарантий. К последним относятся: статистически подтверждённая точность и устойчивость алгоритма (техническая надёжность); прозрачность ключевых аспектов его функционирования (понимание границ применимости и причин ошибок); а также ясные механизмы ответственности – знание того, кто и как контролирует систему, к кому можно обратиться в случае её некорректной работы. По сути, оправданное доверие интегрирует субъективное доверие (психологическую уверенность) с объективной надёжностью и нормативной ответственностью.

Предложенная интерпретация частично переосмысляет само отношение доверия: объектом доверия выступает не столько автономная машина, сколько социотехническая система, включающая создателей, владельцев и сам ИИ. Человек доверяет, что разработчики ИИ предусмотрели необходимые меры для надёжной и безопасной работы алгоритма, и доверяет самому алгоритму постольку, поскольку он является продолжением воли и опыта этих разработчиков. Такой подход снимает антропоморфизацию ИИ: мы не наделяем машину человеческой добродетелью доверия, а говорим о *доверии к людям через посредство техники*. Философски это коррелирует с идеями о «делегированном доверии»: в современном обществе мы часто делегируем доверие технологиям, но в конечном счёте рассчитываем на институты и профессионалов, стоящих за ними. Например, мы доверяем навигатору проложить маршрут, хотя понимаем, что доверие по сути адресовано команде, разработавшей и протестировавшей программное обеспечение.

Корреляция доверия и надёжности. В концепции оправданного доверия надёжность выступает необходимым условием доверия, но недостаточным без других этических факторов. Мы предлагаем философски рассматривать надёжность ИИ как своего рода *обещание*, данное разработчиками пользователям: обещание того, что система будет вести себя предсказуемо и безопасно. Выполнение этого обещания укрепляет доверие, невыполнение – разрушает его. Таким образом, надёжность обретает характер нравственного обязательства создателей технологии перед обществом. Доверие же со стороны пользователей можно понимать как *кредит*, который они выдают системе на основании этого обещания. Кредит доверия будет поддерживаться, пока система оправдывает заложенные в неё надежды и пока существует уверенность, что при любых отклонениях ответственность будет принята на себя соответствующими людьми или организациями.

Новая интерпретация предлагает интегративный подход: вместо того чтобы обсуждать доверие к ИИ в отрыве от людей или, наоборот, только доверие к людям, мы говорим о *едином пространстве доверия*, где технические и человеческие компоненты неразрывно связаны. Философская новизна здесь состоит в переносе акцента с вопроса «можно ли доверять машине?» на вопрос «как организовать систему «человек–машина», чтобы было разумно и этично ей доверять?». Тем самым снимается ложная альтернатива: либо доверять ИИ как человеку (что проблематично), либо вовсе отказаться от доверия. Вместо этого подчеркивается, что доверие к ИИ есть *продукт правильной организации взаимоотношений* между людьми и технологиями.

Практически такой подход может выражаться в разработке метрик оправданного доверия – сочетания показателей надёжности (уровень точности, вероятность сбоя) с показателями транспарентности (доля решений с объяснениями) и ответственности (скорость реакции команды поддержки, наличие сертификации и аудита). *Устойчивые системы ИИ* в идеале должны максимизировать все три компонента. Тогда пользователи смогут с полным правом доверять таким системам, не опасаясь, что доверие окажется ошибочным.

Следует отметить, что предложенная концепция перекликается с принципом «доверье, но проверяй»: доверие к ИИ должно быть динамическим и подкрепляться постоянной верификацией надёжности на основе эмпирических данных. Такой *адаптивный подход* позволит корректировать уровень доверия по мере развития технологии, избегая и непродуманного восторга, и излишнего пессимизма. Философски это утверждает этическую ответственность за доверие: не только разработчики обязаны стремиться быть достойными доверия, но и пользователи и институты должны ответственным образом регулировать и «дозировать» своё доверие к новым технологиям.

В заключение данного раздела подчеркнем: оправданное доверие как идеал является целевой характеристикой этично выверенного ИИ. Если она достигнута, то доверие и надёжность не находятся более в конфликте – надёжность порождает доверие, а доверие стимулирует дальнейшее совершенствование надёжности, создавая *положительный цикл устойчивого развития*. Такая философская перспектива может служить основой для разработки новых этических стандартов и технических критериев в сфере ИИ.

Заключение

Развитие искусственного интеллекта ставит перед обществом задачу обеспечения этической устойчивости – то есть такого внедрения ИИ, при котором сохраняется доверие, гарантируется надёжность

и соблюдаются фундаментальные моральные принципы. В данной статье был проведён философский анализ категорий доверия и надёжности в контексте этики устойчивого ИИ. Мы рассмотрели, что доверие к ИИ представляет собой сложное социально-нравственное отношение, требующее прозрачности и ответственности, а надёжность ИИ – базовое техническое свойство, имеющее моральное значение (непричинение вреда, выполнение обещанных функций). Оба понятия признаны ключевыми в современных программах и кодексах этики ИИ.

Анализ показал, что доверие и надёжность тесно связаны: без надёжности невозможно длительное доверие, а без доверия само распространение даже надёжных технологий может тормозиться. Вместе с тем, на пути к достижению этих качеств в ИИ возникают противоречия. Стремление сделать систему полностью прозрачной и контролируемой может ограничивать её автономность и эффективность; высокоавтономные решения создают проблемы с распределением ответственности и снижением доверия; введение жёсткой ответственности за алгоритмы может вступать в конфликт с природой самих алгоритмов, действующих строго по заданным правилам. Эти дилеммы отражают более глубокий философский вопрос о границах морального статуса машин и об оптимальном распределении доверия между человеком и техникой.

Для разрешения указанных противоречий и продвижения к устойчивому ИИ был предложен концепт оправданного доверия, интегрирующий доверие и надёжность в единую рамку. Согласно этому подходу, доверие к ИИ должно базироваться на доказанной надёжности и ясных обязательствах со стороны разработчиков, что формирует этически обоснованное взаимоотношение «человек–ИИ». Новизна такого взгляда – в смещении акцента с абстрактных свойств машин на условия их использования и контроля, что позволяет говорить о доверии без антропоморфизации ИИ и без утраты ответственности. В практическом плане это означает развитие систем сертификации, прозрачности алгоритмов, вовлечение человека в критические контуры принятия решений и постоянный мониторинг эффективности и безопасности ИИ.

Таким образом, доверие и надёжность выступают как *неразрывная связка* для этики ИИ, дополняя друг друга и требуя согласованного подхода. *Доверие без надёжности слепо, надёжность без доверия бессмысленна*. Философский анализ этих категорий позволяет глубже понять вызовы, стоящие перед нами в эпоху ИИ, и наметить ориентиры для их преодоления. В перспективе дальнейшие исследования в области этики ИИ должны развивать интегративные модели (подобные концепции оправданного доверия), а также междисциплинарно работать над тем, чтобы техниче-

ские решения, институциональные меры и нормативные акты совместно обеспечивали и высокую надёжность систем, и оправданное доверие к ним со стороны общества. Только при таком условии прогресс ИИ станет по-настоящему устойчивым – технологически, социально и нравственно.

Литература

1. Ryan M. In AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability // *Science and Engineering Ethics*. 2020. Vol. 26, No. 5. P. 2749–2767. DOI: 10.1007/s11948-020-00228-y.
2. Лешкевич Т.Г. Парадокс доверия к искусственному интеллекту и его обоснование // *Философия науки и техники*. 2023. Т. 28, № 1. С. 34–47. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-34-47.
3. Этика ИИ: доверие, преимущество, непредвзятость // CDO2DAY, 30 октября 2021. URL: <https://cdo2day.ru/cifrovoy-analiz/jetika-ii-doverie-preimushhestvo-nepredvzjatost/> (дата обращения: 30.05.2025).
4. Андреева А. Как построить доверие между человеком и искусственным интеллектом // РБК Тренды, 15 мая 2020. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5ebe7e709a79479ab97bde61> (дата обращения: 30.05.2025).
5. Bughin J. The Complex AI Trust Landscape // *Network Readiness Index*, 20 Oct 2023. URL: <https://networkreadinessindex.org/the-complex-ai-trust-landscape/> (accessed: 30.05.2025).
6. Kruszewski K. From AI Ethics to AI Assurance: Turning Responsibility Into Action // *Prove AI Blog*, 2023. URL: <https://proveai.com/blog/cutting-through-the-ai-jargon-decoding-ai-safety-governance-and-responsibility-0-0> (accessed: 30.05.2025).
7. High-Level Expert Group on AI. *Ethics Guidelines for Trustworthy AI*. Brussels: European Commission, 2019.
8. ЮНЕСКО. Рекомендация по этике искусственного интеллекта. Париж: ЮНЕСКО, 2021. JScroll to the end of the article.

TRANSPARENCY, AUTONOMY, AND RESPONSIBILITY: CHALLENGES OF TRUST AND TRUSTWORTHINESS IN SUSTAINABLE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Vakkosov S.G.

Novosibirsk State Technical University,

This article examines the concepts of “trust” and “trustworthiness” as ethical categories in the context of sustainable artificial intelligence (AI). Their role in the development and implementation of socially sustainable and ethically oriented AI systems is analyzed, as well as potential tensions between the requirement for transparency, the degree of AI autonomy, and the distribution of responsibility for its decisions. It is shown that user trust in AI is largely based on the technical reliability of systems, but achieving both factors is fraught with dilemmas and tradeoffs. The scientific novelty of this work lies in its original interpretation of trust in AI: it proposes the concept of “justified trust,” meaning trust supported by the proven reliability and ethical responsibility of AI creators. Philosophical and ethical-technological arguments are presented, supported by contemporary sources in Russian and English.

Keywords: trust; reliability; artificial intelligence ethics; resilient AI; transparency; autonomy; responsibility

References

1. Ryan M. In AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability // *Science and Engineering Ethics*. 2020. Vol. 26, No. 5. Pp. 2749–2767. DOI: 10.1007/s11948-020-00228-y.
2. Leshkevich T.G. The paradox of trust in artificial intelligence and its justification // *Philosophy of Science and Technology*. 2023. Vol. 28, No. 1. Pp. 34–47. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-34-47.
3. AI Ethics: Trust, Advantage, Impartiality // CDO2DAY, October 30, 2021. URL: <https://cdo2day.ru/cifrovoy-analiz/jetika-ii-doverie-preimushhestvo-nepredvzjatost/> (accessed: May 30, 2025).
4. Andreeva A. How to Build Trust between Humans and Artificial Intelligence // *RBC Trends*, May 15, 2020. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5ebe7e709a79479ab97bde61> (accessed: May 30, 2025).
5. Bughin J. “The Complex AI Trust Landscape” // *Network Readiness Index*, 20 October 2023. URL: <https://networkreadinessindex.org/the-complex-ai-trust-landscape/> (accessed: 30.05.2025).
6. Kruszewski K. “From AI Ethics to AI Assurance: Turning Responsibility Into Action” // *Prove AI Blog*, 2023. URL: <https://proveai.com/blog/cutting-through-the-ai-jargon-decoding-ai-safety-governance-and-responsibility-0-0> (accessed: 30.05.2025).
7. High-Level Expert Group on AI. *Ethics Guidelines for Trustworthy AI*. Brussels: European Commission, 2019.
8. UNESCO. *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence*. Paris: UNESCO, 2021. JScroll to the end of the article.

Лидерами не рождаются, ими становятся: социологический анализ формирования лидерских качеств

Дилбарян Илона Робертовна,

преподаватель. ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Статья посвящена исследованию природы лидерства и анализу утверждения о том, что лидерские качества формируются в процессе развития личности, а не являются врожденными характеристиками. В работе рассматриваются теоретические основы лидерства, типология лидеров, особенности лидерских стилей в российском контексте. Проведен социологический опрос среди 100 респондентов различных возрастных групп, результаты которого показали, что 71% опрошенных поддерживают идею о приобретенном характере лидерских способностей. Исследование включает анализ исторических примеров формирования лидерских качеств на материале биографии А.В. Суворова, а также обращение к экспериментальным данным в области приматологии. Полученные результаты подтверждают гипотезу о доминирующей роли социального научения и личностного развития в становлении лидера.

Ключевые слова: лидерство, лидерские качества, социальное научение, управленческие стили, формирование личности, социологический опрос

Введение

Проблема природы лидерства остается одной из центральных в современной психологии управления и социологии. Вопрос о том, являются ли лидерские способности врожденным даром или результатом целенаправленного развития, волнует исследователей на протяжении десятилетий. Современная управленческая практика демонстрирует растущую потребность в эффективных руководителях, способных вести за собой коллективы в условиях динамично изменяющейся социально-экономической среды.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Российские организации сталкиваются с дефицитом квалифицированных управленческих кадров, обладающих развитыми лидерскими компетенциями. Традиционные подходы к подготовке руководителей часто основываются на устаревших представлениях о природе лидерства. Понимание механизмов формирования лидерских качеств позволит более эффективно выстраивать системы подготовки и развития управленческого персонала.

Научная проблематика данного исследования связана с необходимостью переосмысления роли врожденных и приобретенных факторов в становлении лидера. Существующие теоретические концепции предлагают различные объяснения феномена лидерства – от теории великих людей до ситуационных моделей управления. Каждый из подходов раскрывает отдельные аспекты проблемы, но не дает исчерпывающего ответа на вопрос о природе лидерских способностей.

Цель и задачи исследования

Цель исследования: проанализировать процесс формирования лидерских качеств и обосновать тезис о приобретенном характере лидерских способностей.

Задачи исследования:

1. Раскрыть сущность понятия «лидерство» и его основные характеристики
2. Проанализировать типологию лидеров и особенности формального и неформального лидерства
3. Исследовать стили лидерства в российской управленческой практике
4. Изучить исторический пример формирования лидерских качеств на материале биографии А.В. Суворова

5. Провести социологическое исследование общественного мнения о природе лидерства

6. Обобщить экспериментальные данные о социальном научении лидерскому поведению

Методы исследования

В работе использован комплекс методов научного познания. Теоретический анализ включал изучение отечественной и зарубежной литературы по проблемам лидерства, управления персоналом, социальной психологии. Применялся исторический метод при анализе биографии А.В. Суворова как примера формирования выдающегося военного лидера.

Эмпирическую базу исследования составил социологический опрос, проведенный методом анкетирования в период с 15 июня по 30 августа 2025 года. Выборочная совокупность включала 100 респондентов различных возрастных групп от 18 до 56 лет и старше. Опрос проводился с использованием онлайн-платформы, что обеспечило широкую географическую представленность участников исследования.

Результаты исследования

Сущность и содержание понятия «лидер»

Лидер представляет собой личность, обладающую способностью оказывать влияние на других людей, направлять их деятельность для достижения общих целей [1, с. 45]. Ключевой характеристикой лидера является не формальная власть, а признание его авторитета со стороны последователей. Лидерские качества проявляются в умении мотивировать людей, принимать решения в сложных ситуациях, брать на себя ответственность за результаты деятельности группы.

Современные исследования показывают, что лидерство не ограничивается врожденными способностями, а формируется под влиянием множества факторов: социального окружения, образования, профессионального опыта, личностного развития [2, с. 78]. Эффективный лидер сочетает в себе эмоциональный интеллект, коммуникативные навыки, стратегическое мышление и способность адаптироваться к изменяющимся условиям.

Формальное и неформальное лидерство

Различение формального и неформального лидерства имеет принципиальное значение для понимания механизмов влияния в организациях. Формальный лидер получает свои полномочия в результате назначения на руководящую должность, его авторитет базируется на официальном статусе и связанных с ним возможностях поощрения и наказания [3, с. 123].

Неформальное лидерство возникает спонтанно в процессе взаимодействия членов группы. Неформальный лидер завоевывает признание

благодаря личным качествам, профессиональной компетентности, способности решать проблемы коллектива. Его влияние основано на доверии и уважении, а не на административном принуждении [4, с. 67].

Наиболее эффективными руководителями становятся те, кто сочетает формальные полномочия с неформальным авторитетом. Такое сочетание обеспечивает максимальную лояльность подчиненных и высокие результаты деятельности организации.

Типология лидеров

Классификация лидеров по различным критериям помогает лучше понять многообразие лидерских стилей и подходов. По характеру деятельности выделяют лидеров-организаторов, лидеров-генераторов идей и лидеров-мотиваторов [5, с. 156]. Каждый тип обладает специфическими особенностями и эффективен в определенных ситуациях.

Лидер-организатор фокусируется на структурировании деятельности, планировании, координации усилий группы. Лидер-генератор идей выступает источником творческих решений, способен видеть перспективы развития, генерировать инновационные подходы. Лидер-мотиватор специализируется на работе с людьми, умеет вдохновлять, поддерживать командный дух, разрешать конфликты.

По степени активности различают лидеров-инициаторов и лидеров-исполнителей. Первые стремятся к переменам, готовы рисковать ради достижения амбициозных целей. Вторые предпочитают стабильность, сосредоточиваются на совершенствовании существующих процессов [6, с. 89].

Формирование лидерских качеств на примере А.В. Суворова

Биография Александра Васильевича Суворова представляет яркий пример того, как целенаправленное самосовершенствование может превратить физически слабого ребенка в выдающегося военачальника. В детстве будущий полководец отличался хрупким телосложением и слабым здоровьем, что казалось несовместимым с военной карьерой [7, с. 34].

Однако юный Суворов проявил исключительную силу воли и настойчивость в преодолении физических недостатков. Он разработал систему закаливания, физических упражнений, изучал военную историю и теорию. Чтение книг о великих полководцах прошлого стало для него источником вдохновения и практических знаний.

Ключевым фактором становления Суворова как лидера стало его стремление к самообразованию. Он изучал иностранные языки, философию, математику, географию. Глубокие знания позволили ему разработать собственную военную док-

трину, основанную на принципах «глазомер, бы-строта, натиск» [8, с. 112].

Особое внимание Суворов уделял работе с людьми. Он понимал, что успех военных операций зависит не только от стратегии, но и от морального духа солдат. Полководец создал уникальную систему воспитания воинов, основанную на личном примере, справедливости, заботе о подчиненных.

Стили лидерства в российской управленческой практике

Российский менталитет и культурные традиции наложили отпечаток на формирование специфических подходов к руководству. Исследования показывают, что в отечественных организациях преобладает смешанный стиль управления, сочетающий элементы авторитарного и демократического подходов [9, с. 203].

Авторитарные черты проявляются в централизации принятия решений, четкой иерархии, строгом контроле исполнения. Такой подход эффективен в кризисных ситуациях, когда требуются быстрые и решительные действия. Демократические элементы выражаются в привлечении сотрудников к обсуждению важных вопросов, учете их мнений при планировании деятельности.

Смешанный стиль позволяет российским руководителям адаптироваться к различным ситуациям, сохраняя при этом культурную идентичность. Эффективные лидеры умеют варьировать степень директивности в зависимости от компетентности подчиненных, сложности задач, временных ограничений.

Примечательно, что современная тенденция назначения на высокие государственные и корпоративные должности молодых, часто не имеющих большого стажа, но обладающих высоким образовательным и технологическим потенциалом кадров, задает новую модель управления. Эти лидеры, выросшие в эпоху цифровизации и глобализации, чаще склонны к горизонтальным коммуникациям, инновациям и гибкому реагированию на изменения, что постепенно трансформирует традиционные российские управленческие практики [15, с. 45–50].

Экспериментальные данные о социальном научении лидерству

Исследования поведения приматов предоставляют ценную информацию о механизмах формирования лидерства в социальных группах. Классический эксперимент с шимпанзе демонстрирует, что лидерские позиции не являются постоянными и могут изменяться в зависимости от ситуации [10, с. 78].

В ходе эксперимента исследователи наблюдали за группой обезьян, помещенных в вольер с подвешенными бананами, до которых можно было добраться только с помощью специальных приспособлений. Первоначально альфа-самец пытал-

ся получить пищу силой, но безуспешно. Лидером группы временно становилась более сообразительная самка, которая научилась использовать инструменты.

Этот эксперимент показывает, что лидерство основано не на физической силе или врожденном статусе, а на способности решать проблемы группы. Наиболее эффективным лидером становится тот, кто может предложить работающее решение актуальных задач.

Результаты социологического исследования

Проведенный социологический опрос подтвердил гипотезу о преобладании представлений о приобретенном характере лидерских способностей. 71% респондентов согласились с утверждением «Лидерами не рождаются, ими становятся», в то время как 29% придерживаются противоположной точки зрения.

Анализ результатов по возрастным группам выявил интересные закономерности. Наиболее высокий процент сторонников идеи о приобретенном лидерстве отмечен среди женщин в возрасте 18–24 лет (80%) и старше 56 лет (100%). Среди женщин 35–44 лет этот показатель составил лишь 43%, что может объясняться влиянием жизненного опыта и профессиональной деятельности.

Мужчины демонстрируют более стабильное распределение мнений по возрастным группам. Исключение составляют респонденты 18–24 лет и 45–55 лет, среди которых доля сторонников врожденного лидерства выше средней.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать обоснованный вывод о доминирующей роли приобретенных факторов в формировании лидерских качеств. Анализ теоретических концепций, исторических примеров и эмпирических данных свидетельствует о том, что эффективное лидерство является результатом сложного процесса личностного и профессионального развития.

Ключевыми элементами становления лидера выступают целенаправленное самообразование, развитие коммуникативных навыков, накопление практического опыта управления людьми. Врожденные способности могут создавать предпосылки для лидерства, но их реализация невозможна без систематической работы над собой.

Российская управленческая практика демонстрирует эффективность смешанных стилей руководства, сочетающих авторитарные и демократические элементы. Такой подход позволяет учитывать культурные особенности и адаптироваться к различным ситуациям. Наблюдаемая тенденция привлечения молодых кадров на руководящие посты свидетельствует о зарождении новой модели

управления, ориентированной на инновации, гибкость и цифровую трансформацию.

Результаты социологического опроса подтверждают растущее понимание в обществе важности развития лидерских компетенций. Большинство респондентов признают возможность формирования лидерских качеств через обучение и практику.

Полученные выводы имеют практическое значение для совершенствования систем подготовки управленческих кадров, разработки программ развития лидерского потенциала, формирования эффективных команд в организациях. Понимание механизмов становления лидера открывает возможности для целенаправленного развития необходимых компетенций у широкого круга специалистов.

Литература

1. Базаров, Т.Ю. Управление персоналом / Т.Ю. Базаров. – Москва: Академия, 2012. – 224 с.
2. Вудкок, М. Раскрепощенный менеджер / М. Вудкок, Д. Френсис. – Москва: Дело, 1991. – 320 с.
3. Дольник, В.Р. Непослушное дитя биосферы / В.Р. Дольник. – Москва: Педагогика-Пресс, 1994. – 208 с.
4. Занковский, А.Н. Организационная психология / А.Н. Занковский. – Москва: Флинта, 2002. – 648 с.
5. Кричевский, Р.Л. Психология лидерства / Р.Л. Кричевский. – Москва: Статут, 2007. – 542 с.
6. Осипов, К.И. Александр Васильевич Суворов / К.И. Осипов. – Москва: Воениздат, 1955. – 456 с.
7. Петрушевский, А.Ф. Генералиссимус Суворов / А.Ф. Петрушевский. – Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1900. – 891 с.
8. Розанова, В.А. Психология управления / В.А. Розанова. – Москва: Бизнес-школа, 1999. – 352 с.
9. Семенов, А.К. Психология и этика менеджмента и бизнеса / А.К. Семенов, В.И. Набоков. – Москва: Дашков и К°, 2014. – 275 с.
10. Спивак, В.А. Организационное поведение и управление персоналом / В.А. Спивак. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 416 с.
11. Понеделков, А.В. Лидерско-элитная проекция политических процессов современной России: итоги исследований последнего 20-летия (1994–2014 гг.): информационно-аналитические ма-

териалы научно-практической конференции с международным участием «ЛИДЕР, ЭЛИТА, РЕГИОН» (27–28.10.2014 г, Ростов-на-Дону, ЮРИУ РАНХиГС) / РАНХиГС при Президенте РФ, Южно-Российский институт управления. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014. – 112 с.

LEADERS ARE NOT BORN, THEY ARE MADE: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF LEADERSHIP QUALITIES

Dilbaryan I.R.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the study of the nature of leadership and the analysis of the statement that leadership qualities are formed during personality development and are not innate characteristics. The work examines the theoretical foundations of leadership, typology of leaders, and features of leadership styles in the Russian context. A sociological survey was conducted among 100 respondents of various age groups, the results of which showed that 71% of respondents support the idea of the acquired nature of leadership abilities. The study includes an analysis of historical examples of leadership qualities formation based on A.V. Suvorov's biography, as well as reference to experimental data in primatology. The obtained results confirm the hypothesis about the dominant role of social learning and personal development in becoming a leader.

Keywords: leadership, leadership qualities, social learning, management styles, personality formation, sociological survey

References

1. Bazarov, T. Yu. Personnel Management / T. Yu. Bazarov. – Moscow: Academy, 2012. – 224 p.
2. Woodcock, M. The Uninhibited Manager / M. Woodcock, D. Francis. – Moscow: Delo, 1991. – 320 p.
3. Dolnik, V.R. The Disobedient Child of the Biosphere / V.R. Dolnik. – Moscow: Pedagogy-Press, 1994. – 208 p.
4. Zankovsky, A.N. Organizational Psychology / A.N. Zankovsky. – Moscow: Flinta, 2002. – 648 p.
5. Krichevsky, R.L. Psychology of Leadership / R.L. Krichevsky. – Moscow: Statut, 2007. – 542 p.
6. Osipov, K.I. Alexander Vasilievich Suvorov / K.I. Osipov. – Moscow: Voenizdat, 1955. – 456 p.
7. Petrushevsky, A.F. Generalissimo Suvorov / A.F. Petrushevsky. – St. Petersburg: Type. M. Stasyulevich, 1900. – 891 p.
8. Rozanova, V.A. Psychology of Management / V.A. Rozanova. – Moscow: Business School, 1999. – 352 p.
9. Semenov, A.K. Psychology and Ethics of Management and Business / A.K. Semenov, V.I. Nabokov. – Moscow: Dashkov i K°, 2014. – 275 p.
10. Spivak, V.A. Organizational behavior and personnel management / V.A. Spivak. – St. Petersburg: Piter, 2000. – 416 p.
11. Ponedelkov, A.V. Leadership-elite projection of political processes in modern Russia: results of research over the last 20 years (1994–2014): information and analytical materials of the scientific and practical conference with international participation "LEADER, ELITE, REGION" (October 27–28, 2014, Rostov-on-Don, South Russian Institute of Management, RANEPa) / RANEPa under the President of the Russian Federation, South Russian Institute of Management. – Rostov-on-Don: Publishing house of the University of Economics and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2014. – 112 p.

«Sharenting» – практики самопрезентации семьи в социальных сетях

Чеснокова Леся Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра международных отношений, социологии и политологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: L.Tchesnokova

В статье рассматриваются трансформации опыта самопрезентации семьи в социальных сетях. Показывается, что в эпоху Нового времени семья воспринималась как закрытое от глаз публики приватное пространство. Утверждается, что сегодня, в связи с размыванием в цифровой среде границ между публичной и приватной жизнью, происходит распространение семейных и детских фотографий в сети Интернет. Целью опубликования опыта семейной жизни являются желание молодых родителей преодолеть социальную изоляцию, найти одобрение и поддержку, поделить проблемами и получить совет и, в некоторых случаях, – монетизировать семейный контент. Указываются потенциальные проблемы, вызванные практикой *sharenting* (демонстрацией опыта родительства в сети): нарушение прав детей, утрата контроля над цифровым контентом и возможные злоупотребления, связанные с доступом к персональным данным.

Ключевые слова: семья, самопрезентация в социальных сетях, цифровые сети, информационная приватность, *sharenting* (демонстрация опыта родительства в сети).

Введение

В обществах Нового времени семья рассматривалась как по определению приватное пространство, предназначенное для взаимодействия близких людей. Тем самым она радикально отличалась от внешнего мира с его стрессами и тревогами, вызывающими потребность укрыться от чужих взглядов. В укромном пространстве семьи индивид имел возможность побыть в одиночестве или в интимном кругу тех, кому он доверяет. Семейные отношения отличались от взаимодействий с малознакомыми людьми, которых стоило опасаться, и перед которыми нужно было играть социальные роли. Считалось, что закрытая от вмешательства государства и общества приватная сфера необходима для защиты уязвимых интимных отношений.

В современном информационном обществе цифровая среда развивается и расширяется невиданными темпами. Информационные и коммуникационные технологии влияют на все стороны жизни, трансформируя наш повседневный опыт. Новые медиапрактики стали частью повседневности, что может оказать как позитивное, так и негативное влияние на жизнь семьи. В связи с процессами цифровизации границы публичного и приватного пространств начинают размываться. Происходит медиатизация как будничного опыта, так и таких важных событий, как свадьба, рождение ребенка, различные достижения членов семьи и т.п. Социальные сети и мессенджеры помогают документировать и сохранять воспоминания о семейных событиях и делиться ими с родственниками и близкими друзьями, а также с более широкой аудиторией сети Интернет.

Как отмечает Е.Н. Новоселова, «количество гаджетов и практик их использования растет непропорционально росту навыков, имеется в виду не только и не столько умение использовать тот или иной девайс <...>, сколько навыки регулирования медиажизни, взаимодействия с диджитал-средой, цифровая гигиена и т.п.» [3, с. 216]. Люди размещают информацию о себе и членах своей семьи в социальных сетях, формируя цифровую идентичность и добровольно открывая семейную жизнь для глаз публики. Сегодня «открытость и демонстрация личной жизни в Интернете становятся нормой, что может контрастировать с более приватными семейными ценностями прошлых поколений» [4, с. 295]. Порой имидж в социальных сетях, интерес и признание подписчиков считают-

ся более важными, чем непубличная повседневная сторона семейной жизни.

Здесь могут возникнуть проблемы, связанные с информационной приватностью и исчезновением границ между приватной и публичной сферами как в результате сбора информации государственными и коммерческими институтами, так и вследствие добровольного опубликования интимной информации (так называемого «парадокса приватности», когда индивид, зная об опасностях, все равно размещает приватную информацию в социальных сетях). В результате субъекту в современном цифровом обществе становится сложнее контролировать свои личные данные. Кроме того, опасность использования социальных сетей и мессенджеров заключается в том, что «зачастую человек не всегда до конца осознает, насколько публичным является то или иное его действие в интернете» [6, с. 154].

Практики самопрезентации в социальных сетях

Человек, будучи социальным существом, нуждается в общении и социальном признании. В социальных взаимодействиях он осознанно формирует впечатление о себе, используя различные стратегии. Позитивный имидж необходим для формирования доверия окружающих, достижения личных и карьерных целей, установления и укрепления связей в обществе и поддержания уверенности в себе. При этом в одни и те же аспекты личности могут совершенно по-разному восприниматься в разных социальных группах. Поэтому человек в своих взаимодействиях с другими людьми неизбежно занимается собственной самопрезентацией, подчеркивая одни индивидуальные особенности и затушевывая другие в зависимости от контекста, уподобляясь, по словам И. Гофмана, актеру, играющему роль в спектакле [1].

В онлайн-пространстве человек также осознанно создает собственный имидж. Цифровая среда предлагает многочисленные инструменты для этого. Индивид оставляет информацию в собственном профиле, размещает фото и видео, делится своим мнением по поводу различных событий, формируя и поддерживая собственную онлайн-идентичность. «Происходит самораскрытие в обмен на признание, социальную видимость. Пользователь сообщает о событиях собственной жизни, выставляет фотографии или видео, рассчитывая получить за это признание в виде «лайков» других пользователей» [8, с. 123].

Для того чтобы сформировать благоприятное впечатление о себе, получить одобрение и поддержку, участник сетевой коммуникации делится с подписчиками своими социальными достижениями: карьерным успехом, материальным благосостоянием, выкладывает фото и видео из путешествий, рассказывает о хобби и т.п. Счастливая се-

мья с детьми – также важный фактор, позитивно влияющий на имидж. Как правило, на фотографиях демонстрируются аспекты жизни, призванные подчеркнуть благополучие семьи. Подобная потребность связана со стремлением к признанию со стороны других людей. Благодаря возможности сочетания изображений и текста, социальные сети служат эффективным инструментом для демонстрации сплоченности и успешности семьи, а также для получения обратной связи от подписчиков в виде репостов, лайков, поддерживающих комментариев и т.п.

Sharenting как практика цифрового родительства

С целью произвести хорошее впечатление на свое реальное и цифровое окружение люди охотно выкладывают свои фотографии и фотографии детей в социальных сетях. Распространенность семейных блогов привела к возникновению термина «sharenting» (от англ. *sharing* (распространение контента) + *parenting* (родительство)) – это цифровая практика, основной которой является демонстрация опыта семейной жизни и родительства в социальных сетях. Sharenting определяется как «использование родителями социальных сетей для обсуждения жизни своих детей, через обмен текстовыми сообщениями, фотографиями и видеозаписями, содержащими личную информацию об их детях» [12, с. 42–43].

Обмен информацией о семейной жизни, конечно, не новое явление. Люди и в доцифровую эпоху охотно фотографировали различные семейные события: праздники, свадьбы, дни рождения, отпуска. Особенно часто делали снимки, посвященные вехам взросления ребенка, стремясь запечатлеть его младенчество, первые шаги, детский сад, поступление в школу и выпускной. Создавались семейные фотоальбомы, которые демонстрировались друзьям и знакомым, а вместе с письмами часто пересылали по почте фотографии отдаленно живущим родственникам. Фотоизображения выступали средством семейной коммуникации. Однако, как отмечает Р. Чалфен, «в отличие от массовой, домашняя коммуникация реализуется в процессе межличностного общения в малых группах и фокусируется на жизни семьи, которая, в основном, происходит внутри дома и лишь по случаю выходит за его пределы» [5, с. 100]. Сегодня эти практики обмена визуальной семейной информацией продолжают в цифровом формате. Более того, в связи с изобретением и внедрением в широкий оборот цифровых технологий, стремление к визуализации семейной жизни многократно усилилось.

Сегодня почти круглосуточно люди носят с собой смартфон – многофункциональный гаджет, позволяющий в любой момент времени почти в неограниченном количестве делать фото и видео, редактировать их и тут же размещать на сетевых

платформах. По словам К. Тимм, «в связи с экспоненциальным ростом количества изображений в повседневной жизни, они используются не только как носитель информации, но и как средство коммуникации, приводящее ко все большей визуализации семейной жизни» [12, с. 51].

Онлайн платформы предлагают семьям новый способ самопрезентации. Происходит цифровая визуализация семейной жизни и опыта детства и родительства. С наибольшей готовностью обмениваются детскими фотографиями и информацией о детях с другими членами семьи, друзьями, коллегами или даже размещают эту информацию в открытом доступе. Как отмечает Н. Детлефф, «некоторые будущие родители делятся подробностями о еще нерожденном ребенке, например, публикуют снимки УЗИ или видеозаписи своего посещения больницы» [10, с. 4]. Ежедневные процедуры ухода за ребенком, фотографии детских и семейных праздников также порой публикуются в Интернете для практически неограниченной аудитории.

Причиной популярности такого контента служит то обстоятельство, что семейные и детские фотографии зачастую служат укреплению родственных связей. «Фотография стала быть неотъемлемой частью семейных ритуалов. Одной из ее ключевых функций является укрепление семьи через визуальное представление прочности семейных связей» [2]. Семейные фотографии выполняют коммуникативную функцию. «Они служат средством участия в родительских отношениях, сокращают дистанцию между членами расширенной семьи и близкими друзьями, а также служат визуальной точкой отсчета и объектом обсуждения в контексте взаимодействия родителей с другими родителями» [9, с. 125].

С помощью демонстрации детских и семейных фотографий производится попытка преодолеть чувство одиночества в декрете и удовлетворить желание общаться. Особенно остро недостаток социальных связей испытывают молодые мамы, находящиеся в декретном отпуске по уходу за ребенком.

В сети они реализуют потребность поговорить с другими людьми и поделиться радостями и проблемами семейной жизни. Социальные сети становятся местом для обмена информацией и эмоциями с помощью визуальных артефактов. Молодые родители желают сохранить фото- и видеосвидетельства развития и роста своего ребенка и поделиться этим родительским опытом с цифровой общественностью.

Кроме того, причиной публикации семейного контента служит стремление к социальному принятию: «это популярный способ сравнить себя с другими пользователями и представить себя хорошим родителем. Делясь информацией, люди доказывают семье, друзьям или общественности, что они справляются со своей родительской зада-

чей» [12, с. 43]. Мама маленьких детей, ведущие блоги, не только показывают фотографии детей, но и рассказывают о себе как о матерях и, таким образом, получают социальное одобрение, признание и поддержку в виде лайков и одобрительных комментариев.

Целью публикации информации о детях также может быть желание поделиться проблемами и получить совет. Переход от бездетной жизни к новой семейной роли ставит супругов перед лицом серьезных изменений на эмоциональном, социальном и практическом уровнях. Обмен сообщениями может быть способом получить требуемую информацию, а также источником поддержки перед лицом проблем, что особенно важно для молодых родителей.

Можно упомянуть также коммерческие цели, которые иногда присутствуют у авторов семейных блогов. Популярность в цифровой среде, связанная с публикацией опыта родительства, позволяет привлекать рекламодателей для рекламы детских товаров. «Благодаря средствам массовой информации согласно логике социальных сетей, в частности Facebook и Instagram, семейная жизнь транслируется (иногда) тысячам подписчиков и, по крайней мере, для некоторых семей, даже создала бизнес-модели, такие как «мамины блоги» или «инста-семьи» [12, с. 36].

Проблемы и опасности, связанные с опубликованием семейного контента

Таким образом, с помощью общения в цифровых сетях, можно удовлетворить различные потребности. Однако новые технологии создают не только преимущества, но и проблемы. К числу важнейших проблем относится размывание границы между публичной и приватной жизнью и выставление на показ того, что ранее считалось приватным. Опубликование повседневного человеческого опыта, характерное для современной цифровой реальности, особенно сильно затрагивает права детей. Ребенок здесь уязвим, поскольку не может дать информированного согласия на размещение в открытом доступе сведений о его жизни.

Опасность также заключается в том, что многие люди не осознают того, что распространение информации в онлайн и офлайн-среде происходит по-разному: если в реальной жизни доступ к приватной информации получит ограниченное количество родственников и знакомых, то в Интернет-пространстве их количество потенциально безгранично. Следовательно, цифровая информация защищена гораздо слабее. Даже если какой-то контент размещают в семейных чатах или в социальных сетях, доступ в которые открыт лишь знакомым, последние могут поделиться ею с другими, и информация выйдет в публичное пространство, что может повредить репутации индивида.

«В социальных сетях представление дается сразу для нескольких аудиторий, которые, как правило, не разделены между собой. Проблемы возникают, когда определенная роль подходит для одной аудитории, но не подходит для другой» [7, с. 56].

В социальных сетях и мессенджерах можно неограниченно сохранять информацию и делиться ею с другими, однако старая информация может неожиданно получить новую актуальность благодаря алгоритмам. Цифровые следы, оставленные в социальных сетях многие годы тому назад, могут повредить репутации. Поскольку «Интернет помнит все», иногда старые фотографии могут всплыть в нежелательном контексте. Это не всегда желательно и уместно, особенно если речь идет о детских фотографиях.

В этом случае может произойти утрата контроля над личной информацией в интернет-среде. Изображения, в том числе детские, могут быть загружены третьими лицами, и использованы в неблагоприятных целях. Даже если не говорить о таких очевидных опасностях, как цифровое мошенничество, кража личности, кибербуллинг, хейт, подросток или молодой взрослый может столкнуться с проблемами из-за того, что его детские фотографии станут известны его друзьям или коллегам. Человек далеко не всегда хочет, чтобы какая-то чувствительная информация о нем, например, о состоянии здоровья или о проблемах в отношениях с родителями стала общедоступной. «Особенно неуместны фотографии, где ребенок представлен в обнаженном виде или фотографии, которые выставляют детей напоказ в качестве средства воспитания в постыдных для них ситуациях, что может негативно сказаться на детской психике. Помимо травли (как онлайн, так и оффлайн), существует риск того, что публично предоставленные изображения могут быть распространены на порнографических или педофильских сайтах» [11, с. 60–61]. Злоупотребление информацией может привести к психологическому давлению, травле и компрометации личности.

Однако, несмотря на осознание опасности, люди хотят делиться в сети семейными фотографиями. Для снижения потенциальных рисков применяются определенные способы защиты. К их числу относят попытки ограничить доступ к своему контенту на страницах социальных сетей, используя настройки приватности. Зачастую детей фотографируют с определенного ракурса, не позволяющего видеть лицо. Иногда закрывают лица детей смайликами, используют пикселизацию или размытие (от англ. *blur* – пятно, размытость), делая изображение размытым и расплывчатым для того, чтобы предотвратить возможность идентификации. Тем не менее, следует осознавать риски цифровой среды и быть осторожным с публикацией семейного контента.

Заключение

Таким образом, новые технологии предлагают индивидам и семьям множество способов общения и самопрезентации. Сегодня многие коммуникативные практики осуществляются в чатах и социальных сетях. Люди обмениваются и выставляют в социальных сетях текстовые сообщения, фото- и видео, содержащие личную информацию, в том числе и о семейной жизни, и о детях. Современные родители все чаще рассматривают общение в социальных сетях с родственниками и знакомыми как неотъемлемую часть своего родительского опыта. Однако данная цифровая практика может скрывать в себе множество потенциальных проблем, связанных с утратой приватности.

Литература

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Жанр: Культурология. Издательский дом: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково Поле», 2000. 304 с.
2. Гришкова А.А. Социальный смысл фотографии и эволюция семейного фотоальбома // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2016. Т. 4. № 4 (16). Электронный ресурс. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/grishkova_aa_16_4_17.pdf (дата обращения: 01.03.2026).
3. Новоселова Е. Н. К вопросу влияния гаджетизации на семейные отношения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 3. С. 212–230. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-212-230
4. Разов П. В., Замиратова Т.А. Социальные сети как средство дестабилизации семейных отношений в современных условиях // Власть. 2024. № 4. С. 294–300. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-4-294-300
5. Чалфен Р. Семейная фотография как коммуникация посредством изображений // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 98–118.
6. Чеснокова Л.В. Информационная приватность: защита свободы и автономии личности // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 2. С. 145–157. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-2-145-157
7. Чеснокова Л.В. Коллапс контекста и размытие публичности и приватности в социальных сетях // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. С. 51–68. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-51-68
8. Чеснокова Л.В. Трансформация информационной приватности в современном цифровом обществе // Общество: философия, история, культура. 2024. № 5. С. 121–125. DOI: 10.24158/fik.2024.5.17

9. Autenrieth U. The Case of "Sharenting" – Parental Action Strategies in the Contested Field of Visualizing Children in Online Environments // N. Dethloff et al. (eds.), *Families and New Media, Juridicum – Schriften zum Medien-, Informations- und Datenrecht*, pp. 113–130.
10. Dethloff N. Families and the Law: Taking Account of Children's Evolving Capacities in Analogue and Digital Contexts Nina Dethloff // N. Dethloff et al. (eds.), *Families and New Media, Juridicum – Schriften zum Medien-, Informations- und Datenrecht*, pp. 2–31.
11. Kutscher N. Positionings, Challenges, and Ambivalences in Children's and Parents' Perspectives in Digitalized Familial Contexts // N. Dethloff et al. (eds.), *Families and New Media, Juridicum – Schriften zum Medien-, Informations- und Datenrecht*, Pp. 59–72.
12. Thimm C. Mediatized Families: Digital Parenting on Social Media Caja Thimm // N. Dethloff et al. (eds.), *Families and New Media, Juridicum – Schriften zum Medien-, Informations- und Datenrecht*, Pp. 33–58.

«SHARENTING» – PRACTICES OF FAMILY SELF-PRESENTATION ON SOCIAL MEDIA

Chesnokova L.V.

Dostoyevsky Omsk State University

The article examines the transformations of the experience of family self-presentation in social networks. It is shown that in the Modern era, the family was perceived as a private space closed from the eyes of the public. It is argued that today, due to the blurring of the boundaries between public and private life in the digital environment, family and children's photos are being distributed on the Internet. The purpose of publishing the experience of family life is the desire of young parents to overcome social isolation, find approval and support, share problems and get advice, and, in some cases, monetize family content. Potential problems caused by the practice of sharenting (demonstration of parenting experience on the web) are indicated: violation of children's rights, loss of control over digital content and possible abuses related to access to personal data.

Keywords: family, self-presentation on social networks, digital networks, information privacy, sharenting (demonstration of parenting experience on the web).

References

1. Goffman, E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Moscow: Canon-Press-Z, Kuchkovo Pole Publ., 2000, 304 p. (in Russian).
2. Grishkova, A.A. The social meaning of photography and the evolution of the family photo album. *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2016. Vol. 4, No. 4 (16). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/grishkova_aa_16_4_17.pdf (date accessed: 01.03.2026) (in Russian).
3. Novoselova, E.N. On the influence of gadgets on family relationships. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2024, No. 30(3), Pp. 212–230. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-212-230 (in Russian).
4. Razov, P. V., Zamiralova, T.A. Social networks as a means of destabilizing family relations in modern conditions. *Power*. 2025, Vol. 33, No. 4, Pp. 294–300. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-4-294-300 (in Russian).
5. Chalfen, R. Family photography as communication through images. *Sociological Journal*. 2010, No. 2, Pp. 98–118. (In Russian)
6. Chesnokova, L.V. Information privacy: protecting freedom and individual autonomy. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2021, Vol. 4 (2), Pp. 145–157. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-2-145-157 (In Russian)
7. Chesnokova, L.V. Collapse of context and blurring of publicity and privacy on social media. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2021, Vol. 4 (4), Pp. 51–68. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-51-68 (In Russian).
8. Chesnokova, L.V. Transformation of Information Privacy in the Modern Digital Society. *Society. Philosophy, History, Culture*. 2024, No. 5, Pp. 121–125. DOI: 10.24158/fik.2024.5.17 (In Russian).
9. Autenrieth U. The Case of "Sharenting" – Parental Action Strategies in the Contested Field of Visualizing Children in Online Environments. In: N. Dethloff et al. (eds.), *Families and New Media, Juridicum – Schriften zum Medien-, Informations- und Datenrecht*, pp. 113–130.
10. Dethloff N. Families and the Law: Taking Account of Children's Evolving Capacities in Analogue and Digital Contexts. In: N. Dethloff et al. (eds.), *Families and New Media, Juridicum – Schriften zum Medien-, Informations- und Datenrecht*, Pp. 2–31.
11. Kutscher N. Positionings, Challenges, and Ambivalences in Children's and Parents' Perspectives in Digitalized Familial Contexts. In: N. Dethloff et al. (eds.), *Families and New Media, Juridicum – Schriften zum Medien-, Informations- und Datenrecht*, Pp. 59–72.
12. Thimm C. Mediatized Families: Digital Parenting on Social Media Caja Thimm. In: N. Dethloff et al. (eds.), *Families and New Media, Juridicum – Schriften zum Medien-, Informations- und Datenrecht*, Pp. 33–58.

Механизм повышения эффективности высококачественных домашних заданий и пути его реализации

Чжан Ли,

Доктор, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 107622003010030@xjnu.edu.cn

Ли Ин,

Магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 18801347@qq.com

В статье рассматривается механизм повышения эффективности высококачественных домашних заданий в условиях компетентностно-ориентированного образования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления формального и фрагментарного проектирования домашних заданий и повышения их образовательного потенциала. Цель исследования заключается в раскрытии механизма повышения эффективности высококачественных домашних заданий и определении путей его реализации. В работе анализируются характеристики учебной вовлечённости учащихся, уточняется сущность высококачественных заданий с точки зрения целей, содержания, формы, образовательной среды и обратной связи, а также обосновываются принципы их системного проектирования на уровне учебного модуля. Установлено, что эффективность домашних заданий определяется согласованностью целей, содержания и формы, наличием поддерживающей образовательной среды и эффективной обратной связи. Показано, что повышение эффективности заданий связано с развитием поведенческой, когнитивной и эмоциональной вовлечённости учащихся, формированием их учебной самостоятельности и ключевых компетенций. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предложенной модели при проектировании домашних заданий в системе общего образования.

Ключевые слова: высококачественные домашние задания, эффективность обучения, учебная вовлечённость учащихся, проектирование учебных заданий, компетентностный подход, педагогическая обратная связь

Введение

В условиях модернизации системы образования и ориентации на формирование ключевых компетенций обучающихся проблема повышения качества домашних заданий приобретает особую актуальность. Несмотря на значительное внимание к вопросам учебной нагрузки и оптимизации объёма домашних заданий, в практике школьного образования сохраняется тенденция к их формальному и фрагментарному проектированию, что снижает их образовательный потенциал и ограничивает возможности развития учебной самостоятельности учащихся.

Современные исследования свидетельствуют о том, что эффективность домашних заданий определяется не столько их количеством, сколько качеством содержания, форм организации, условиями выполнения и характером обратной связи. Однако до настоящего времени отсутствует целостное теоретическое осмысление механизма повышения эффективности высококачественных домашних заданий с позиций учебной вовлечённости и компетентностного подхода.

В этой связи целью настоящего исследования является раскрытие механизма повышения эффективности высококачественных домашних заданий и определение практических путей его реализации. Для достижения поставленной цели в статье анализируются характеристики учебной вовлечённости учащихся при выполнении домашних заданий, уточняется сущность высококачественных заданий с точки зрения их целей, содержания, формы, образовательной среды и обратной связи, а также обосновываются принципы их системного проектирования на уровне учебного модуля.

Научная новизна исследования заключается в построении структурированной модели высококачественных домашних заданий, интегрирующей поведенческий, когнитивный и эмоциональный компоненты вовлечённости учащихся и раскрывающей взаимосвязь между целеполаганием, формой организации, поддержкой выполнения и механизмами обратной связи.

Учебные характеристики высококачественных домашних заданий

Проявления поведенческой вовлеченности в процессе выполнения домашних заданий выражают-

ся во времени, затрачиваемом на их выполнение, и активности учащихся. Однако значительная часть этого времени часто расходуется на механическое выполнение типовых заданий, что не способствует развитию инициативности и самостоятельности. Исследования показывают, что увеличение времени выполнения домашних заданий не всегда связано с повышением учебных результатов, тогда как решающее значение имеет эффективное использование времени [1 2]. Следовательно, поведенческая вовлеченность, стимулируемая высококачественными домашними заданиями, проявляется в высокой доле эффективного времени, активности и инициативности учащихся.

Когнитивная вовлеченность представляет собой когнитивную активность учащихся в процессе учебной деятельности и включает использование когнитивных и метакогнитивных стратегий [3]. Выполнение домашних заданий носит характер самостоятельного обучения, требуя активного применения знаний и стратегий саморегуляции [4, 5]. Однако традиционные задания ориентированы преимущественно на воспроизведение знаний и ограничивают разнообразие когнитивной деятельности учащихся. Поэтому когнитивная вовлеченность при выполнении высококачественных домашних заданий проявляется в разнообразии когнитивных процессов и активном использовании стратегий обучения.

Эмоциональная вовлеченность отражает эмоциональный опыт учащихся, их интерес и отношение к обучению. Она проявляется в готовности выполнять задания и восприятию их как полезных и интересных. В отличие от традиционных заданий, ориентированных главным образом на показатели выполнения и оценки, высококачественные домашние задания способствуют формированию позитивного отношения к обучению и повышению учебной мотивации.

Таким образом, вовлеченность учащихся при выполнении высококачественных домашних заданий характеризуется эффективной учебной активностью, использованием разнообразных когнитивных стратегий и позитивным отношением к заданиям.

Сущность высококачественных домашних заданий

Задачи домашних заданий выступают носителем учебного содержания, реализуемого в соответствии с образовательными целями. Исследования показывают, что домашние задания выполняют образовательные и воспитательные функции, однако их эффективность зависит от целей, содержания и способов организации [6, 7]. Традиционные задания, ориентированные преимущественно на экзаменационные результаты, часто характеризуются ограниченным содержанием и однообразными формами,

что снижает их образовательную ценность. В контексте качественного образования основным критерием ценности домашних заданий является развитие учащихся, поэтому высококачественные задания должны обеспечивать согласованность целей, содержания и формы и способствовать учебной вовлеченности.

Во-первых, высококачественные задания ориентированы на всестороннее развитие учащихся и выходят за рамки узко утилитарных учебных целей. Они предполагают рациональную учебную нагрузку, способствуют развитию способностей учащихся и стимулируют их самостоятельность.

Во-вторых, содержание высококачественных заданий основывается на системе знаний, ориентированной на формирование ключевых компетенций, включая как усвоение учебных знаний, так и развитие способов их применения и решения проблем [8].

В-третьих, форма заданий должна соответствовать их целям и содержанию и отличаться разнообразием. Различные формы организации заданий создают условия для развития самостоятельности, сотрудничества и практического опыта учащихся.

Домашние задания представляют собой процесс самостоятельного применения знаний, требующий активной позиции учащихся [9]. Эффективное выполнение таких заданий предполагает наличие соответствующей образовательной среды, включающей ресурсную поддержку, благоприятные условия выполнения и эмоциональную поддержку, направленные на развитие автономии учащихся.

Важным элементом высококачественных домашних заданий является обратная связь, представляющая собой информацию о результатах выполнения учебных задач, способствующую совершенствованию обучения [10]. Эффективная обратная связь должна быть справедливой, своевременной, точной и поддерживающей, обеспечивая диагностическую функцию и способствуя развитию учебных способностей учащихся.

Таким образом, высококачественные домашние задания характеризуются согласованностью целей, содержания и формы, наличием поддерживающей образовательной среды и эффективной обратной связью, что обеспечивает их вклад в развитие учащихся.

Практические пути реализации высококачественных домашних заданий

Традиционный подход рассматривает домашние задания как элемент классного обучения, служащий достижению целей урока [11], что легко приводит к фрагментарности проектирования и игнорированию воспитательной ценности. Богатая воспитательная ценность, которую должны реализовать

высококачественные задания, обязательно требует преодоления фрагментарности, комплексного планирования и проектирования. Это согласуется с современным подходом к домашним заданиям с точки зрения учебной программы. Этот подход считает, что домашние задания служат минимальной единице учебной программы цели учебного модуля. Таким образом, в рамках модуля задания каждого урока связаны с последовательно расположенными уроками, взаимодополняют и являются условиями и основой друг друга, совместно способствуя достижению общих целей модуля (см. рис. 1). Однако, в отличие от классного обучения, домашние задания фокусируются на четырех типах учебной деятельности: подготовка к уроку (подготовка к классному обучению); повторение и закрепление (дальнейшее изучение уже пройденного, но не полностью понятого материала); расширение и применение (тренировка и практика на основе уже изученного, но не освоенного применения, а не бессмысленное повторение и механическое упражнение уже изученного в классе); комплексная практика (выход за рамки изученного в классе, решение реальных проблем, комплексное применение изученных знаний для углубленного исследования и переноса инноваций, причем результаты будут перенесены на следующий урок).

Рис. 1. Схема взаимосвязи домашних заданий и преподавания в учебном модуле

Определение целей и выбор содержания высококачественных заданий в рамках общей идеи учебного модуля позволяет лучше обеспечить их воспитательную ценность. Во-первых, проектирование заданий на уровне модуля как целого позволяет через «интеграцию» сыграть ключевую роль в контроле количества и повышении качества [12], преодолеть давнюю проблему фрагментарности проектирования и снижения эффективности из-за разобщенности содержания уроков. Цели заданий модуля, основанные на внутренних связях знаний и их преемственности, оптимизируются, интегрируются и планируются комплексно, что способствует более эффективному формированию уча-

щимися структурированной системы предметных знаний. Во-вторых, цели заданий в контексте модуля могут учитывать макро-требования содержания обучения и стандартов учебной программы, сохранять сбалансированность, фокусироваться на ключевых и сложных моментах, избегать стремления охватить все, а также более макроскопически согласовывать типы целей заданий, избегать структурного дисбаланса, слишком низких или высоких целей, недостаточной полезности, повышать соответствие учащимся [13]. Наконец, целостное проектирование заданий модуля предоставляет возможности для решения слабоструктурированных, разнообразных и динамичных реальных проблем, выходящих за рамки изученного в классе и требующих длительного времени, что помогает учащимся интегрировать и обрабатывать конкретные факты и абстрактные концепции предмета, увеличивает глубину обучения, преобразует опыт выполнения практических заданий во внутреннюю когнитивную структуру и внешне проявляет ее как компетенцию анализа и решения сложных проблем, способствуя качественному развитию учащихся. В общем, учителям необходимо обновить подход к домашним заданиям, проводить целостное проектирование заданий на уровне модуля, чтобы избежать перекосов в целях и содержании, планировать учебные процессы разных уровней, тем самым помогая учащимся формировать целостное представление, глубоко понимать суть проблем, переносить компетенции.

Проектирование целей заданий должно идти от макро к микро: сначала на основе анализа стандартов, учебников, ситуации учащихся проектировать цели преподавания модуля и цели заданий модуля (см. рис. 2), затем в сочетании с содержанием конкретных уроков соотносить и проектировать цели заданий урока.

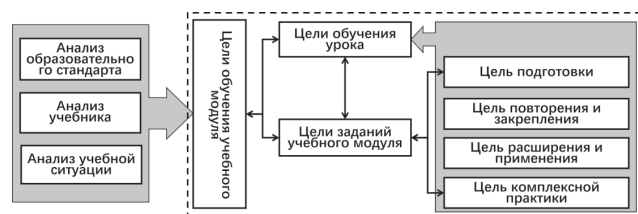

Рис. 2. Путь проектирования целей домашних заданий

Во-первых, цели заданий модуля разрабатываются на основе целей обучения модуля в соответствии с принципами сбалансированности и поступательности. Сбалансированность означает равновесие структуры знаний целей, способность охватывать несколько измерений ключевых компетенций. Поступательность подразумевает следование иерархической структуре когнитивной или эмоциональной сферы от низшего к высшему уровню, обеспечивая рациональность когнитивной структуры. Например, следуя таксономии Блума, домашние задания подразделяются на три

когнитивных уровня по возрастающей сложности: от повторения и закрепления через применение и расширение к комплексной практике. Ниже в качестве краткой иллюстрации приведены цели заданий модуля 5 учебника английского языка для 4 класса (второй семестр) издательства «Народное образование» (третий год обучения). Реконструированная тема данного модуля – «Одежда для различных ситуаций», которая в основном включает четыре подтемы: одежда для уроков физкультуры, одежда для путешествий, одежда для летнего лагеря, а также проектирование и подготовка одежды для вечеринок. На основе анализа учебной ситуации учащихся, а также ключевых и сложных моментов содержания обучения, цели заданий данного модуля разработаны в соответствии с принципами сбалансированности и иерархичности и включают четыре типа (см. Таблицу 1). Цели заданий на повторение и закрепление сосредоточены на трех аспектах: фонетика, грамматика и изученные тексты, в основном служат для укрепления и диагностики понимания. Согласно теории усвоения второго языка, овладение языком не является линейным процессом от понимания к применению: обучающимся необходимо постоянно выполнять продуктивные задания на основе реальных ситуаций и усваивать язык через постоянные ошибки и их исправление, поэтому целей заданий на расширение и применение больше. Задания на расширение и применение в Таблице 1 включают как тренировку рецептивных навыков (чтение), так и тренировку продуктивных навыков с использованием синтаксиса и тематической лексики в реальных ситуациях. Цель комплексной практики всего одна, главным образом потому, что такие задания требуют интеграции тематических знаний модуля, лексики, грамматики и фонетики, рецептивных и продуктивных навыков, а также связаны с сотрудничеством и многократной оптимизацией, обычно занимая много времени.

Затем, после определения целей заданий модуля, цели заданий для конкретных уроков должны быть спроектированы в сочетании с содержанием урока и соотнесены с целями заданий модуля, чтобы общая логика заданий модуля управляла частной логикой заданий урока. Например, цель задания на расширение и применение A2 из Таблицы 1 может быть разделена на две цели: «Уметь правильно в устной форме использовать вопросы «Whose coat is this?» / «Whose coats are these?» для определения владельца одежды в доме» и «Использование вопросов и ответов «Whose coat is this?» / «Whose coats are these?» для определения владельцев предметов одежды на иллюстрациях» направлено на повышение уровня владения целевыми грамматическими структурами в устной и письменной речи соответственно. Для целей заданий урока также необходимо проводить общее проектирование и планирование в соответ-

ствии с когнитивной поступательностью и сбалансированностью, учитывая учебную ситуацию учащихся, обеспечивая рациональность структуры содержания и не задавая заданий без необходимости.

Таблица 1. Пример целей заданий модуля

Уровень задания	Код	Цели заданий модуля
Подготовка к уроку	P	Предварительное изучение текста с помощью вспомогательных средств
Повторение и закрепление	R1	Уметь читать и понимать содержание текста, читать текст по теме одежды по смысловым группам, повышая стандартность произношения и интонации
	R2	Точно понимать разницу между притяжательными местоимениями (субстантивированными/адъективированными) и притяжательным падежом существительных
	R3	Точно понимать правило чтения буквосочетания -le в конце слова как [l]
Расширение и применение	A1	Уметь понимать короткие тексты по теме одежды вне учебника, извлекать информацию из текста и описывать
	A2	Отработка вопроса «Whose coat is this? / Whose coats are these?» и ответов на него в осмысленной ситуации для определения владельца вещей
	A3	Отработка использования фразы «I like that/those ...» в осмысленной ситуации для выражения предпочтения к определённому предмету одежды
	A4	Использование фраз «These are / This is» в осмысленном контексте для описания предметов одежды
Комплексная практика	I	Разработать комплект школьной формы и представить его

Наконец, после определения целей заданий их необходимо представить. Конкретная парадигма представления может основываться на типе учебной деятельности задания, использовать продуктивные цели или поведенческие цели. Представление поведенческих целей должно включать содержание, деятельность, оценку, поддержку, чтобы цель была операциональной и проверяемой. Представление продуктивных целей фокусируется на процессе, завершение деятельности означает, что обучение произошло, цель достигнута. Цель комплексной практики выше «Разработать комплект школьной формы и представить его» – это пример представления продуктивной цели.

Форма задания представляет собой способ организации его целей и содержания и должна соответствовать их образовательной направленности. Задания, ориентированные на формирова-

ние ключевых компетенций, требуют адекватных форм организации, обеспечивающих согласованность целей, содержания и способов выполнения.

Во-первых, выбор типа задания должен обеспечивать высокую образовательную ценность, интегративность и соответствующий уровень сложности. Такие задания способствуют систематизации знаний и развитию познавательных способностей учащихся.

Во-вторых, высококачественные задания предполагают разнообразие форм взаимодействия, включая сотрудничество учащихся, взаимодействие с учителем и участие в совместной учебной деятельности, что способствует развитию самостоятельности и обмену знаниями.

В-третьих, задания должны учитывать индивидуальные особенности учащихся и обеспечивать возможность дифференциации и выбора, повышая их учебную мотивацию и соответствие образовательным потребностям.

Наконец, форма заданий должна учитывать время их выполнения и общий объём учебной нагрузки. Различные виды заданий требуют соответствующего планирования и организации, обеспечивая принцип рациональной учебной нагрузки и эффективности обучения.

Таким образом, оптимальная форма домашних заданий определяется согласованностью целей и содержания, разнообразием взаимодействия, учётом индивидуальных особенностей учащихся и рациональной организацией времени выполнения.

Поддержка процесса выполнения домашних заданий должна быть направлена на развитие самостоятельности учащихся и обеспечивать необходимое педагогическое сопровождение, связанное с содержанием задания.

Во-первых, образовательная среда должна предоставлять учащимся различные формы «учебных лесов», способствующие снижению избыточной когнитивной нагрузки и развитию самостоятельного решения учебных задач. Такие формы поддержки могут включать краткие справочные материалы, инструменты организации мышления и рекомендации по использованию учебных стратегий, обеспечивая переход к более высокому уровню познавательной активности.

Во-вторых, поддержка выполнения заданий предполагает создание благоприятной школьной и семейной среды. В семье важна поддержка автономии и избегание избыточного контроля, а в школе – формирование демократичной атмосферы и условий для сотрудничества учащихся. Такая среда способствует развитию ответственности, саморегуляции и устойчивой учебной мотивации.

Таким образом, эффективная поддержка выполнения домашних заданий должна сочетать педагогическое сопровождение, условия для само-

стоятельной деятельности и позитивную образовательную среду, ориентированную на развитие учебных способностей учащихся.

Учителя должны придавать важное значение обратной связи, понимая, что её основная цель заключается не только в оценивании, но и в диагностике и коррекции учебной деятельности учащихся. Обратная связь должна основываться на принципе справедливости и обеспечивать учащимся понимание результатов обучения и путей их улучшения.

Во-первых, обратная связь должна быть целенаправленной и персонализированной, позволяя учащимся выявлять недостатки и совершенствовать способы учебной деятельности. Во-вторых, она должна отличаться ясностью и доступностью, поскольку понятность информации является необходимым условием её эффективного использования учащимися. В-третьих, обратная связь должна предоставляться своевременно, что способствует своевременному исправлению ошибок и повышению эффективности обучения.

Кроме того, важным является принцип множественности субъектов обратной связи. Она может осуществляться не только учителем, но и самими учащимися и их сверстниками, что способствует развитию рефлексии, самостоятельности и способности к саморегуляции обучения.

Таким образом, эффективная обратная связь по домашним заданиям должна быть справедливой, целенаправленной, понятной, своевременной и многосторонней, обеспечивая развитие учебных способностей учащихся и повышение качества обучения.

Заключение

Проведённое исследование показало, что эффективность домашних заданий определяется прежде всего их качественными характеристиками, а не количественными показателями. Высококачественные домашние задания представляют собой системно организованную учебную деятельность, основанную на согласованности целей, содержания и формы, наличии поддерживающей образовательной среды и эффективной обратной связи. Установлено, что механизм повышения их эффективности реализуется через стимулирование поведенческой, когнитивной и эмоциональной вовлечённости учащихся, развитие их самостоятельности и формирование ключевых компетенций. Существенное значение имеет также системное проектирование заданий на уровне учебного модуля, обеспечивающее целостность образовательного процесса и преодоление фрагментарности традиционной практики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенных принципов и модели проектирования высококачественных домашних заданий в системе

общего образования для повышения качества обучения, рационализации учебной нагрузки и развития учебной автономии учащихся. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой эффективности предложенной модели и её адаптацией к различным предметным областям и уровням образования.

Литература

1. Жэнь Б. Корреляционный анализ времени выполнения домашних заданий по английскому языку и успеваемости старшеклассников // Преподавание и исследование английского языка в начальной и средней школе. 2006. № 4. С. 13–16.
2. Archambault I., Vandenbossche-Makombo J., Fraser S.L. Students' oppositional behaviors and engagement in school: The differential role of the student-teacher relationship // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26, No. 6. P. 1702–1712.
3. Pintrich P.R. The role of goal orientation in self-regulated learning // *Handbook of self-regulation* / ed. by M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner. San Diego, CA: Academic Press, 2000. P. 451–502.
4. Trautwein U., Kller O. The relationship between homework and achievement – Still much of a mystery // *Educational Psychology Review*. 2003. Vol. 15, No. 2. P. 115–145.
5. Epstein J.L. Homework practices, achievements, and behaviors of elementary school students. Baltimore: Center for Research on Elementary and Middle Schools, 1988. 143 p.
6. Ramdass D., Zimmerman B.J. Developing self-regulation skills: The important role of homework // *Journal of Advanced Academics*. 2011. Vol. 22, No. 2. P. 194–218.
7. Cooper H. Synthesis of research on homework – Grade level has a dramatic influence on homework's effectiveness // *Educational Leadership*. 1989. No. 11. P. 85–91.
8. Ху Я. Очерк реконструкции концепции «домашнего задания» в базовом образовании // Научные исследования в области образования. 2019. № 10. С. 47–52.
9. Ur P. A course in language teaching: Practice and theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 375 p.
10. Ван Ю. Исследование проектирования домашних заданий с точки зрения учебной программы: дис. ... канд. пед. наук. Шанхай: Восточно-Китайский педагогический университет, 2015. 100 с.
11. Ян Ц. Исследование совершенствования домашних заданий в начальной и средней школе в контексте «двойного сокращения» // Журнал

Китайского педагогического общества. 2021. № 12. С. 6–10.

12. Тан С., Мэй Х., Тан Ш. и др. Эффективность реализации политики по снижению нагрузки домашними заданиями на этапе обязательного образования и оптимизация практики // Журнал Юго-Западного университета. Серия: Общественные науки. 2024. Т. 50, № 6. С. 240–251.
13. Ли С., Ху Ц. Проектирование и рефлексия заданий на основе «больших идей» для учебных модулей // Учебная программа. Учебники. Методика преподавания. 2021. № 10. С. 72–78.

MECHANISM FOR ENHANCING THE EFFECTIVENESS OF HIGH-QUALITY HOMEWORK AND ITS IMPLEMENTATION PATHWAYS

Zhang Li, Li Ying
Xinjiang Normal University

This article examines the mechanism for enhancing the effectiveness of high-quality homework in the context of competency-based education. The relevance of the study is the need to overcome the formal and fragmented design of homework and to improve its educational potential. The purpose of the study is to reveal the mechanism for improving the effectiveness of high-quality homework and to identify pathways for its implementation. The study analyzes the characteristics of students' learning engagement and clarifies the essence of high-quality homework in terms of objectives, content, form, learning environment, and feedback, and substantiates the principles of its systematic design at the level of instructional modules. The findings indicate that the effectiveness of homework is determined by the alignment of objectives, content, and form, as well as by the presence of a supportive learning environment and effective feedback. It is demonstrated that improving homework effectiveness is associated with the development of students' behavioral, cognitive, and emotional engagement, as well as the formation of learning autonomy and key competencies. The practical significance of the study lies in the applicability of the proposed model for designing homework in general education.

Keywords: High-Quality Homework, Learning Effectiveness, Student Learning Engagement, Instructional Task Design, Competency-Based Approach, Pedagogical Feedback

References

1. Ren, B. "A Correlation Analysis of English Homework Time and High School Students' Academic Performance" in *Teaching and Researching English in Elementary and Secondary School*. 2006, No. 4, Pp. 13–16.
2. Archambault, I., Vandenbossche-Makombo, J., Fraser, S. L. "Students' Oppositional Behaviors and Engagement in School: The Differential Role of the Student-Teacher Relationship" in *Journal of Child and Family Studies*. 2017, Vol. 26, No. 6, Pp. 1702–1712.
3. Pintrich, P. R. "The Role of Goal Orientation in Self-Regulated Learning" in *Handbook of Self-Regulation*, ed. by M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner. San Diego, CA: Academic Press, 2000. Pp. 451–502.
4. Trautwein U., Kller O. The relationship between homework and achievement – Still much of a mystery // *Educational Psychology Review*. 2003. Vol. 15, No. 2. P. 115–145.
5. Epstein J.L. Homework practices, achievements, and behaviors of elementary school students. Baltimore: Center for Research on Elementary and Middle Schools, 1988. 143 p.
6. Ramdass D., Zimmerman B.J. Developing self-regulation skills: The important role of homework // *Journal of Advanced Academics*. 2011. Vol. 22, No. 2. P. 194–218.

7. Cooper H. Synthesis of research on homework – Grade level has a dramatic influence on homework's effectiveness // *Educational Leadership*. 1989. No. 11. P. 85–91.
8. Hu Ya. An Outline of the Reconstruction of the Concept of "Homework" in Basic Education // *Scientific Research in Education*. 2019. No. 10. Pp. 47–52.
9. Ur P. *A Course in Language Teaching: Practice and Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 375 p.
10. Wang Yu. A Study on the Design of Homework from the Perspective of the Curriculum: Cand. Sci. (Pedagogical Sciences) Dissertation. Shanghai: East China Normal University, 2015. 100 p.
11. Yang Q. A Study on the Improvement of Homework in Primary and Secondary Schools in the Context of "Double Reduction" // *Journal of the Chinese Pedagogical Society*. 2021. No. 12. Pp. 6–10.
12. Tang S., Mei H., Tang Sh., et al. The Effectiveness of the Implementation of the Policy to Reduce the Homework Load in Compulsory Education and Optimization of Practice // *Journal of Southwest University. Series: Social Sciences*. 2024. Vol. 50, No. 6. Pp. 240–251.
13. Li S., Hu Q. Design and Reflection of Assignments Based on "Big Ideas" for Curriculum Modules // *Curriculum. Textbooks. Teaching Methods*. 2021. No. 10. Pp. 72–78.

